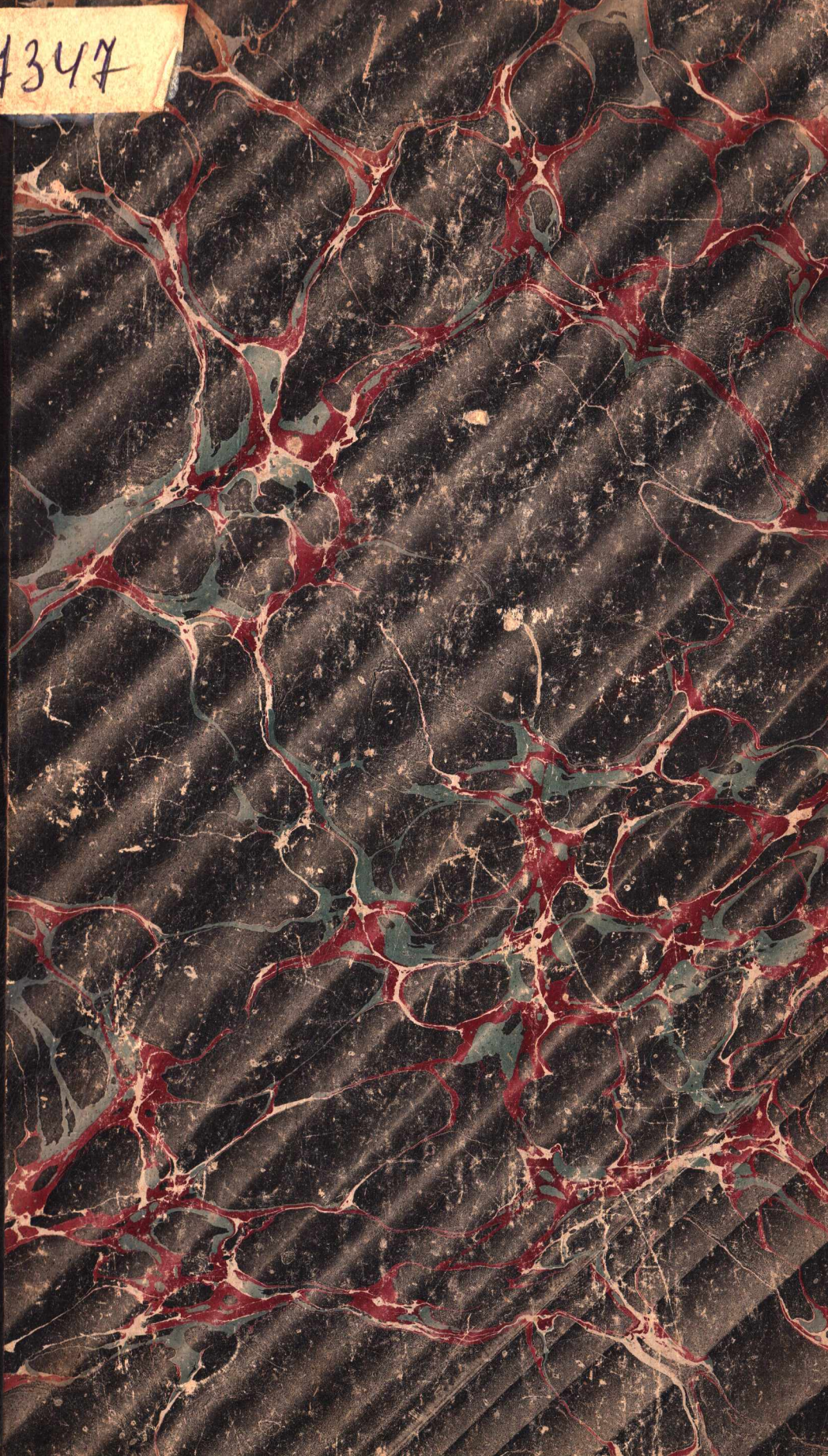

7347

УМСТВЕННОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ

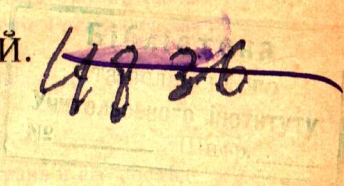
ВОСПИТАНИЕ ДѢТЕЙ

ОТЪ ПЕРВАГО ПРОЯВЛЕНІЯ СОЗНАНІЯ ДО ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

КНИГА ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Е. Н. Водовозовой.

4 НОЯ 1941

6-е, исправленное издание.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.

1907.

3829

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТРАН.
ПРЕДИСЛОВІЕ	1
ГЛАВА I. Воспитаніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ	7
<p>Домострой.—Безграничный произволь главы семейства.—Положеніе дѣтей.—Какіе примѣры имѣли они передъ глазами.—Аскетическіе идеалы и ихъ значеніе.—Положеніе женщины.—Теремъ и его вліяніе.—Грубость нравовъ и жестокость.—Семейныя дразги и развратъ.—Отношенія къ рабамъ и друзьямъ.—Ссоры, сквернословіе и драки.—Доносы.—Грубья развлеченія: пиры, обжорство, пьянство, звѣринья травли, охота, кулачные бои, скоморохи.—Взяточничество.—Суевѣрія.—Кликуши.—Нищѣ и отношеніе къ нимъ.—Презрѣніе высшаго сословія къ труду.—Отсутствіе интеллигенціи.—Византійское вліяніе и продолжительное отчужденіе Россіи отъ западной Европы.</p>	
ГЛАВА II. XVIII вѣкъъ	18
<p>Вторженіе государственной власти въ семейную жизнь и его послѣдствія.—Отсутствіе инициативы въ характерѣ русскаго человѣка.—Раздоры и разногласіе между отцами и дѣтьми.—Образованіе въ первой половинѣ XVIII в.—Его профессиональное направленіе.—Вносило-ли оно обновленіе въ умственную жизнь.—Наука, умственное развитіе и воспитаніе подчиняются государственной олекѣ.—Отсутствіе умственной самодѣтельности и воспитательной практики.—Чиновиныиѣ тщеславіе и его значеніе.—Крѣпостное право и его растлѣвающее вліяніе на всѣ стороны жизни и на складъ характера.—Дворянская спѣсь.—Жизнь дворянъ и ихъ удовольствія.—Ссоры и тяжбы между помѣщиками.—Стремленіе къ свѣтской жизни.—Сутяжничество.—Преклоненіе предъ богатствомъ и знатностью.—Внѣшнее благочестіе и ханжество.—Физическое, умственное и нравственное воспитаніе юношества того времени.—Тѣлесныя наказанія и ихъ пагубныя послѣдствія.</p>	
ГЛАВА III. Идеалы воспитанія на западѣ со времени реформациі	37
<p>Услуги реформациі.—Принципы воспитанія Амоса Коменскаго.—Значеніе идей Джона Локка.—Взгляды на воспитаніе Монтэня и Фенелона.—Поразительное вліяніе «Эмиля» Руссо на умы всего свѣта и причины.</p>	

этого явления. — Идеалы Руссо; ихъ значеніе въ воспитаніи въ прошлое и настоящее время. — Достоинства и недостатки методовъ воспитанія XVIII-го в. — Вліяніе философскихъ идей и ихъ принциповъ на обновленіе воспитанія.

ГЛАВА IV. Какъ осуществлялись у насъ въ царствованіе Екатерины II западные идеалы воспитанія

53

Новыя идеи, внесенныя въ русское общество литературою и правительствомъ. — Новыя педагогическія воззрѣнія. — Ихъ вліяніе и практическое примѣненіе. — Система воспитанія «новой породы людей». — Закрытія учебныя заведенія. — Ихъ недостатки. — Основаніе перваго института; характеръ воспитанія и обученія въ немъ. — Народное образованіе. — Чтеніе для дѣтей. — Значеніе новыхъ идей въ воспитаніи. — Причина непримѣнимости къ русской жизни многихъ западныхъ идеаловъ.

ГЛАВА V. Первая половина XIX вѣка

61

Умственное движеніе общества въ началѣ царствованія Александра I-го. — Вліяніе интеллигентныхъ кружковъ и литературы на умственное развитіе русскаго общества. — Постепенное развитіе общественныхъ идеаловъ. — Положеніе общества послѣ 1825 г. — Умственное движеніе сосредоточивается преимущественно въ среднемъ классѣ общества. — Вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго на развитіе общественныхъ и воспитательныхъ идеаловъ. — Сороковые годы и вліяніе реакціи послѣ 1848 г. — Нравы русскаго общества. — Что видѣло вокругъ подрастающее поколѣніе. — Молодечество и преклоненіе передъ физической силой. — Взяточничество. — Интриги изъ-за власти. — Праздная жизнь помѣщиковъ. — Отсутствие общественныхъ идеаловъ, долга и гуманныхъ принциповъ въ массѣ общества. — Люди высшаго и средняго сословія. — Развлеченія. — Воспитаніе въ казенныхъ заведеніяхъ. — Характеръ институтскаго воспитанія. — Разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніями усиливается. — Причина этого явления. — Отсутствие педагогическаго опыта. — Домашнее воспитаніе. — Все отъ дѣтей и ничего отъ родителей. — Господство родительскаго авторитета. — Раздоръ между супругами и его вліяніе на дѣтей. — Физическое, умственное и нравственное воспитаніе. — Тѣлесныя наказанія. — Характеръ обученія. — Отсутствие наблюдательности въ педагогахъ. — Крестьянскіе ребята, прислуга, гувернантки. — Ихъ вліяніе на дѣтей того времени.

ГЛАВА VI. Шестидесятые годы и современное воспитаніе

85

Оживленіе общества послѣ 1855 г. — Восторгъ, вызванный статью Пирогова «Вопросы жизни». — Ея значеніе, достоинства и недостатки. — Пробужденіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ воспитанія. — Возрожденіе идей сороковыхъ годовъ. — Шестидесятые годы. — Умственное движеніе общества. — Раздоръ между отцами и дѣтьми. — Причина этого явления. — Страстное стремленіе молодежи къ самостоятельности и самообразованію. — Эмансипація женщинъ. — Принципы, идеалы и требованія людей 60-хъ гг. — Примѣненіе ихъ къ воспитанію. — Достоинства и недостатки воспитанія того времени. — «Господа дѣти» и ихъ первенствующая роль въ семьѣ. — Все для дѣтей и ничего отъ дѣтей. — Причина этого явления и его послѣдствія. — Дѣтская и ея обстановка. — Свобода дѣтей, какъ ее понимали въ то время и какъ слѣдуетъ примѣнять ее въ воспитаніи вообще. — Результаты утробованно-деликатнаго отношенія къ душевному міру дѣтей. — Вліяніе на воспитаніе утилитарнаго направленія. — Его вредъ и важное значеніе эстетическаго развитія. — Умственное воспитаніе дѣтей того времени: его достоин-

ства и недостатки. — Пренебрежительное отношеніе къ развитію памяти. — Изученіе нѣмецкой педагогіи и ея благотворное вліяніе. — Заимствованія у нѣмцевъ, доведенныя до абсурда. — Почему изгоняли изъ употребленія сказки. — Вредъ педантичнаго примѣненія какихъ бы то ни было методовъ. — Итоги нравовъ и воспитанія шестидесятихъ годовъ. — Конецъ шестидесятихъ и начало семидесятихъ годовъ — Апатія и отсутствіе интереса интеллигенціи къ вопросамъ общественнымъ и педагогическимъ. — Отсутствіе подготовки современныхъ матерей къ дѣлу воспитанія. — Отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей. — Вниманіе направлено исключительно на физическое развитіе, доведенное до холи и барства. — Современное направленіе воспитанія.

ГЛАВА VII. Наслѣдственность

123

Значеніе и вліяніе наслѣдственности. — Примѣры наслѣдственной передачи. — Атавизмъ. — Какое значеніе имѣетъ воспитаніе при могущественномъ вліяніи наслѣдственности.

ГЛАВА VIII. Могущественное значеніе привычекъ

133

Задачи воспитанія. — Органы чувствъ дитяти. — Ихъ значеніе для физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія. — Вліяніе привычекъ въ развитіи этихъ органовъ. — Наслѣдственные и благопріобрѣтенные навыки при развитіи органовъ зрѣнія и слуха. — Насколько для ихъ усовершенствованія необходимы упражненія. — Вредныя и полезныя навыки въ воспитаніи органовъ чувствъ. — Значеніе привычки въ области осязанія. — Задача воспитателя. — Практическія упражненія. — Опасность утритровки при развитіи этого органа. — Вкусъ и обоняніе. — Какую опасную роль можетъ играть привычка при неправильномъ развитіи этихъ органовъ. — Роль привычки въ развитіи дара слова. — Процессъ развитія рѣчи ребенка. — Капризы и раздражительность, прививаемыя въ раннемъ дѣтствѣ — Ихъ причины, послѣдствія и обыденныя правила для избѣжанія ихъ. — Привычки для развитія правдивости. — Важное значеніе аккуратности, чистоплотности и трудолюбія. — Подражаніе, — какъ воспитатели должны относиться къ этой склонности дѣтей. — Необходимость навыка къ труду. — Благотворное значеніе для дѣтей радости и веселья. — Важное значеніе послушанія. — Значеніе памяти въ сферѣ умственной и нравственной. — Вліяніе привычки на правильное развитіе памяти. — Какимъ образомъ слѣдуетъ ее усовершенствовать. — Значеніе вниманія. — Какую роль играетъ привычка въ развитіи вниманія. — Вниманіе произвольное и произвольное. — Отличіе и значеніе одной формы вниманія отъ другой. — Какимъ образомъ развиваются побужденія къ вниманію характера узкаго и эгоистическаго. — Какими средствами слѣдуетъ вызывать вниманіе и какими этого не слѣдуетъ дѣлать. — Развитіе вниманія у дѣтей дошкольнаго возраста.

ГЛАВА IX. Нервность.

179

Усиленіе нервности и нервныхъ болѣзней во всѣхъ классахъ общества, среди взрослыхъ и дѣтей. — Величайшая опасность отъ этихъ недуговъ для современнаго общества. — Признаки и причины этого явленія. — Наслѣдственность и соціальныя условія. — Типичныя черты характера нервныхъ дѣтей и юношей. При какихъ обстоятельствахъ воспитаніе вліяетъ на развитіе нервности и нервныхъ болѣзней. — Злоупотребленіе возбуждающими средствами и ихъ пагубное вліяніе. — Преждевременное развитіе чувственности. — Чрезмѣрное физическое напряженіе. — Вредъ умственнаго пере-

утомленія.—Однообразіе труда и его вліяніе.—Какимъ должно быть воспитаніе при вредныхъ условіяхъ соціальной жизни.—Гигіена отдыха.—Правильно организованный трудъ.—Движеніе, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія.—Необходимость безмятежнаго сна.—Отъ какого рода развлеченій необходимо устранять ребенка. Охраненіе ребенка отъ душевныхъ потрясеній.—Гибельное вліяніе страха, испуга, гнѣва и горя на кровообращеніе, пищевареніе, дѣятельность сердца и дыханіе, на нервную систему и нравственность.—Вліяніе угрозъ и дурной привычки щекотать ребенка.—Вредъ испуга и страха передъ сномъ.—Какимъ образомъ слѣдуетъ подавлять аффекты и какъ не слѣдуетъ этого дѣлать.—Какъ предохранять дѣтей отъ нервности и нервныхъ заболѣваній.

ГЛАВА X. Нравственное воспитаніе

Какимъ долженъ быть нравственный человѣкъ.—Высшая дѣль воспитанія.—Какъ направить нравственное воспитаніе, чтобы оно наименѣе уклонялось отъ идеала.—Строгое выполненіе обязанностей.—Воспитаніе воли.—Вліяніе воли на тѣло и духъ.—Ураженіе воли не требуетъ дрессировки, а должно вытекать изъ законныхъ требованій жизни.—Вѣра въ свои силы и ея значеніе.—Ослабленіе воли.—Признаки и причины этого явленія.—Въ чемъ заключается воспитаніе характера.—Необходимость пробуждать сочувствіе, состраданіе, интересъ и любовь къ ближнему.—Подавленіе низменныхъ инстинктовъ.—Воспрещеніе дѣтямъ мучить животныхъ.—Подавленіе властолюбія и жадности.—Необходимость удовлетворять природному стремленію ребенка къ дѣятельности.—На какія занятія должно направлять дѣятельность ребенка дошкольнаго возраста.—Возможно ли при воспитаніи обойтись безъ наказаній.—Сущность теоріи естественныхъ наказаній.—Насколько состоятельна эта теорія.—Примѣръ воспитанія семьи изъ дѣйствительной жизни.

ГЛАВА XI. Воспитаніе ума

О воспитаніи, которое получаютъ у насъ маленькія дѣти.—Могутъ ли они усвоить школьныя знанія, когда до школы имъ не даютъ правильного умственнаго развитія.—Къ чему ребенокъ выказываетъ умственное тяготѣніе съ ранняго возраста.—Важнѣйшія правила при развитіи дѣтскаго ума.—Какъ и что слѣдуетъ наблюдать въ природѣ и жизни.—Необходимая послѣдовательность въ наблюденіяхъ.—Ребенокъ долженъ наблюдать не только природу, но и человѣка.—Необходимо вспоминать наблюдаемое и пересказывать наблюденія.—Къ чему это ведетъ.—Практическія указанія для развитія наблюдательности.—Почему умственно развитые люди далеко не всегда бываютъ нравственными.—Можетъ ли правильное умственное развитіе не способствовать нравственному совершенствованію человѣка.—Большая часть пороковъ маленькихъ дѣтей происходитъ отъ отсутствія соотвѣтственнаго ихъ возрасту развитія.

Примѣры практическихъ задачъ для наблюденій.

- Задачи для наблюденій въ лѣтнее время 243
- Задачи для наблюденій въ зимнее время 248

ГЛАВА XII. Система Фребеля

Развитіе идей о дошкольномъ воспитаніи.—Система Фребеля.—Ея достоинства и недостатки.—Въ чемъ состоитъ главная заслуга Фребеля.

ГЛАВА XIII. Воспитаніе ребенка съ перваго проявленія въ немъ сознанія до трехъ-четырехъ-лѣтняго возраста.

269

Цвѣтные мячики.—Пригодны ли фребелевскія упражненія съ мячикомъ для маленькихъ дѣтей.—Практическіе примѣры того, какъ мы, русскіе воспитатели, можемъ пользоваться идеями Фребеля.—Чѣмъ и какъ можемъ мы занимать ребенка въ первые годы его жизни.—Пѣсни, игры и наблюденія, которыми могутъ русскіе воспитатели занимать дѣтей въ первомъ возрастѣ.—Какъ измѣнить фребелевскія занятія съ мячикомъ для трехлѣтнихъ дѣтей.—Можно ли съ трехъ лѣтъ начинать механическія занятія.—Когда дѣти могутъ начинать учиться счету.—Какому методу слѣдуетъ придерживаться при ариѳметическихъ упражненіяхъ съ маленькими дѣтьми.—Примѣры такихъ упражненій для дѣтей 3-хъ, 4-хъ лѣтъ.—Второй даръ: шаръ, кубъ, цилиндръ.—Бесѣды при упражненіи со вторымъ даромъ.—Бесѣды и рассказы для дѣтей до 4-хъ л. возраста.—Значеніе товарищества.

ГЛАВА XIV. Воспитаніе ребенка съ четырехъ до шести лѣтъ.

295

Третій даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 8 кубиковъ и четвертый даръ—кубъ, раздѣленный на 8 плитокъ.—Бесѣды, которыми можно сопровождать занятія по этимъ дарамъ.—Необходимое условіе при всѣхъ постройкахъ.—Загадки пригодны для дѣтей этого возраста.—На что слѣдуетъ обращать вниманіе дѣтей во время прогулокъ.—Вырѣзаніе отъ руки.—На сколько воспитатель можетъ принимать участіе въ самостоятельныхъ играхъ ребенка во время отдыха.—Примѣры ариѳметическихъ упражненій въ этомъ возрастѣ.—Значеніе сказокъ для дѣтей.—Примѣры того, въ какомъ видѣ слѣдуетъ давать сказки и какъ можно объяснять ихъ дѣтямъ.—Наблюденія надъ растеніями, разведенными въ комнатѣ самимъ ребенкомъ.—Бесѣды съ дѣтьми при раскладываніи лучинъ, при постройкахъ изъ кубиковъ и плитокъ.—Рисованіе по сѣти.—Бесѣды, сказки, рассказы и загадки для дѣтей отъ пяти до восьми—деяти лѣтъ.

ГЛАВА XV. Воспитаніе ребенка съ 6-ти до 8-ми, 9-ти лѣтъ.

326

Пятый даръ Фребеля — кубъ, раздѣленный на 27 кубиковъ, и 6-й даръ,—раздѣленный на 27 плитокъ.—Какъ слѣдуетъ руководить постройками этого рода.—Соотвѣтственныя бесѣды.—Значеніе басенъ для дѣтей.—Книги, которыми воспитатели могутъ пользоваться для чтенія и пересказа дѣтямъ дошкольнаго возраста.

ГЛАВА XVI. Подвижныя игры.

335

Значеніе игры въ жизни ребенка.—Какое направленіе слѣдуетъ давать играмъ.—14-ть подвижныхъ народныхъ игръ.

ГЛАВА XVII. Обзоръ развивающихъ занятій и работъ . . .

339

Объясненіе таблицъ I—IX.—Значеніе строительнаго матеріала Фребеля.—Примѣры бесѣдъ при постройкахъ, указанныхъ на таблицахъ.—Рассказъ по поводу памятникъ Фребелю.—О плоскостяхъ: квадратъ, треугольники и цвѣтная мозаика.—Рисованіе красками.—Сгибаніе бумаги.—

Перешлетаніе бумажныхъ тесемокъ. — Раскладываніе и перешлетаніе лучинъ. — Тканье или плетенье. — Работы изъ гороха. — Выкалываніе. — Вышиваніе. — Вырѣзаніе и наклеиваніе. — Вырѣзаніе тѣней. — Работы изъ сѣмянъ. — Отпечатываніе листьевъ. — Работы изъ соломы. — Лѣпка изъ глины. — Какое занятіе можно придумать со стеариновымъ огаркомъ? — Гипсовыя работы. — Рисованіе. — Выкладываніе палочекъ или спичекъ. — Выкладываніе колець и полуколець. — Работы изъ бичевокъ. — Силуэты.

ГЛАВА XVIII. Обзоръ наиболѣе полезныхъ дѣтскихъ игрушекъ.

359

Таблицы. I—XXIV

Предисловіе.

Задача предлагаемаго труда, какъ видно уже изъ заглавія, — нравственное и умственное воспитаніе дѣтей. Какъ тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, такъ еще и теперь, существуетъ не мало родителей, признающихъ необходимость лишь тщательнаго физическаго воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста и совершенно отрицающихъ всю важность, все великое значеніе умственнаго и нравственнаго воспитанія ихъ за этотъ періодъ жизни. между тѣмъ съ научной точки зрѣнія это совершенный абсурдъ. За послѣднее 40-лѣтіе психологія массою неопровержимыхъ фактовъ выяснила, какое важное значеніе въ воспитаніи имѣютъ упражненія разнаго рода. Какъ органы внѣшнихъ чувствъ, эти могущественнѣйшія орудія умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, такъ и всѣ физическія силы и способности ребенка совершенствуются только упражненіемъ. Организанія человѣка, какъ духовная, такъ и физическая, его органы и способности слабѣютъ, атрофируются, а иногда и совсѣмъ разрушаются при покоѣ, при недостаткѣ упражненій,—это законъ неопровержимый. Изъ сказаннаго ясно, что человѣкъ становится крѣпче, сильнѣе, здоровѣе физически и духовно, обладаетъ болѣе совершенными органами внѣшнихъ чувствъ, если воспитатели ставятъ ребенка съ ранняго дѣтства въ условія, при которыхъ всѣ его органы, его духовныя и физическія способности могутъ упражняться: онъ будетъ добръ, если съ ранняго дѣтства упражнялъ свою доброту, внимателенъ къ окружающимъ, если заботился объ ихъ покоѣ и жертвовалъ для нихъ своими личными интересами и удовольствіями. Если даже богато одареннаго ребенка не поставятъ въ благопріятныя условія для развитія его наблюдательности, — онъ будетъ въ концѣ-концовъ или вовсе ненаблюдателенъ, или въ немъ разовьется лишь внѣшняя наблюдательность. Односторонняя забота родителей объ одномъ физическомъ благосостояніи можетъ создать изъ ребенка здороваго че-

ловѣка (если только онъ отъ рожденія не унаслѣдовалъ болѣзненной организаціи или какихъ-либо физическихъ аномалій), но его моральныя и интеллектуальныя способности останутся въ зачаточномъ состояніи. Если воспитатели съ дѣтства не обращали вниманія на выработку въ ребенкѣ альтруистическихъ склонностей, не заботились объ укрѣпленіи воли, характера и облагораживающихъ умъ и сердце стремленій, то человекъ и вполне здоровый физически не только не принесетъ пользы обществу, но и самъ, въ большинствѣ случаевъ, не долго наслаждается своею силою и здоровьемъ. Въ людяхъ, не выработавшихъ никакихъ нравственныхъ правилъ, обыкновенно преждевременно пробуждаются чувственные инстинкты, низводящіе человекъ до животнаго, и они съ ранней молодости предаются разнаго рода излишествамъ, бросаются на вредныя и грубыя удовольствія, быстро подтачивающія ихъ здоровье.

Отрицаніе необходимости умственного и нравственного развитія дѣтей дошкольнаго возраста объясняется прежде всего лѣнью и апатіей воспитателей (противоположный взглядъ на это дѣло обязываетъ къ серьезной подготовкѣ и къ постоянному труду), но отчасти можетъ быть и тѣмъ, что въ послѣднее время, какъ у насъ, такъ и на западѣ появилось много трудовъ объ умственномъ переутомленіи дѣтей. И въ силу того, что дѣтей можно переучить, переутомить, совсѣмъ не заботятся о развитіи ихъ психическихъ силъ. Но вѣдь и перекормить можно, однако никому не приходитъ въ голову по этой причинѣ совсѣмъ не кормить ребенка. Переутомленіе мозга дѣйствительно въ высшей степени губельно отражается на здоровьѣ дѣтей, но не менѣе губельно можетъ отразиться во всѣхъ сферахъ будущей дѣятельности человекъ и отсутствіе умственного и нравственного воспитанія съ ранняго дѣтства. Наконецъ, почему же развитіе психическихъ силъ дѣтей заслуживаетъ со стороны воспитателей меньшаго вниманія и заботы, чѣмъ физической уходъ? Неужели духовная жизнь дитяти менѣе важна, чѣмъ его физическое благосостояніе?

На складъ характера человекъ наиболѣе могущественное вліяніе оказываютъ: соціальныя условія нашей прошлой и настоящей жизни, наслѣдственность и воспитаніе, — на всѣхъ этихъ вліяніяхъ мы и останавливаемся въ нашемъ трудѣ.

Нравы, обычаи, понятія, стремленія и идеалы общества того или другого періода нашей жизни всегда оказывали громадное вліяніе на воспитаніе, были въ тѣсной зависимости другъ отъ друга, а потому и оставляли глубокой слѣдъ въ характерѣ русскаго человекъ. Вслѣдствіе этого мы даемъ рядъ историческихъ очерковъ, но оста-

навливаемся лишь на самых выдающихся фактах нашей прошлой жизни, оказавших наибольшее решительное влияние на воспитание и развитие характера. Наибольшее развращающее влияние имели крепостное право, невежество, презренье к труду, лѣнь мысли, отсутствие инициативы и самостоятельности, со всею силою господствовавшая не только въ допетровскій періодъ нашей прошлой жизни, но и во всю первую половину XIX столѣтія. Условія нашего прошлаго, и въ особенности система нашего воспитанія и образованія, создали вѣчные раздоры и разногласія между отцами и дѣтьми, — эту тяжелую, никогда непрекращающуюся семейную драму, подтачивающую силы того и другого поколѣнія, тормозящую наше умственное и нравственное преуспѣяніе и оставившую замѣтные слѣды на складѣ нашего характера и на всѣхъ отношеніяхъ одного поколѣнія къ другому. Я также нашла нужнымъ остановиться на двухъ теченіяхъ нашего воспитанія, изъ которыхъ одно — дореформенное, когда требовалось все отъ дѣтей и ничего отъ родителей, и совершенно противоположное ему, начавшееся съ освободительнаго періода, когда дѣти получили первенствующую роль въ семьѣ: въ двухъ очеркахъ „Первая половина XIX-го вѣка“ и „Шестидесятые годы“ я выясняю причины того и другого явленія и указываю ихъ послѣдствія. Въ то же время я стараюсь дать въ нихъ понятіе о томъ, какъ слѣдуетъ поставить воспитаніе, принимая въ расчетъ неблагоприятныя условія нашей прошлой жизни и имѣя въ виду необходимость постепенно сглаживать и ослаблять ихъ влияние.

Воспитаніе тѣсно связано и идетъ рука объ руку съ развитіемъ идей, — вотъ потому-то я обратила вниманіе на распространеніе философскихъ идей XVIII в. и педагогическихъ воззрѣній въ освободительный періодъ 60-хъ гг., постоянно указывая при этомъ на достоинства и недостатки обновленнаго и реформированнаго этими идеями воспитанія. Давая очеркъ развитія педагогическихъ идей какъ у насъ, такъ и на западѣ, я отмѣчаю также, какія изъ нихъ были у насъ усвоены или забыты и какія могли бы имѣть значеніе еще и теперь. Само собою разумѣется, что уже одна эта задача могла бы служить предметомъ обширнаго научнаго трактата. Но моя цѣль болѣе скромная, — я имѣю въ виду практическое значеніе излагаемыхъ историческихъ фактовъ. Давая въ сжатыхъ очеркахъ тѣ результаты, къ которымъ приводятъ научные труды нашихъ историковъ, я связываю это историческое изложеніе съ практическими задачами воспитанія и, насколько позволяютъ размѣры моего труда, указываю, какіе уроки наше прошлое завѣщало современнымъ воспитателямъ. Такимъ образомъ, представляя картину прошлаго быта,

въ связи съ воспитаніемъ молодого поколѣнія, я имѣю въ виду тѣ практическіе выводы, какіе логически изъ нея вытекають: они могутъ предохранить насъ отъ множества ошибокъ, въ которыя впадали еще и люди 60-хъ гг., проникнутые наилучшими намѣреніями.

На человѣка оказываютъ вліяніе не только историческія условія, но и наслѣдственность,—вотъ потому-то въ VII главѣ я и стараюсь познакомить моихъ читателей съ ея законами и указываю, какое значеніе имѣетъ воспитаніе при историческихъ условіяхъ и примогущественномъ вліяніи наслѣдственности.

Идеаль воспитанія — создать здороваго человѣка съ твердою волею, съ сильнымъ и великодушнымъ характеромъ, умственно и нравственно развитого. Для этого необходимо развивать здоровыя способности, задерживать болѣзненные и вредныя наслѣдственныя склонности, пробуждать живой интересъ къ окружающему, стремленіе къ личному самоусовершенствованію, къ постоянному расширенію умственного кругозора и внѣдрить въ душу воспитываемаго неутомимую жажду дѣятельности на пользу ближняго. Самое неотразимое вліяніе воспитаніе оказываетъ на развитіе и направленіе привычекъ, обусловливающихъ весь складъ характера человѣка, на его дѣятельность, здоровье, нравственность, состояніе его умственныхъ способностей, наконецъ, даже на душевное настроеніе. Вотъ почему обширный очеркъ въ этомъ трудѣ посвященъ значенію привычекъ въ области физической и моральной; я поясняю его примѣрами изъ обыденной жизни и указываю, какими средствами воспитатель можетъ развивать и укрѣплять склонности къ честнымъ и полезнымъ навыкамъ.

Все знакомство наше съ внѣшнимъ міромъ происходитъ путемъ чувственныхъ воспріятій, т.-е. посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, служащихъ могущественнѣйшими рычагами физическаго, умственного и нравственнаго воспитанія. Безъ правильнаго и разумнаго развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ человѣкъ не только не будетъ способенъ къ выводамъ и обобщеніямъ, но не можетъ имѣть и надлежащаго сужденія о предметѣ, слѣдовательно для такого человѣка немислима будетъ впослѣдствіи духовная жизнь. Вслѣдствіе этого воспитанію органовъ чувствъ я отвожу значительное мѣсто и даю практическія указанія для ихъ упражненія. Мнѣ приходится остановиться и на выясненіи другихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ дитяти, на примѣръ, на послушаніи, памяти и вниманіи, имѣющихъ громадное значеніе какъ для его будущей дѣятельности, такъ и для его нравственнаго и умственнаго развитія.

Воспитаніе, даже вполне разумное, только тогда достигает желательныхъ результатовъ, когда нервная система ребенка оказывается въ совершенномъ порядкѣ, поэтому я удѣляю значительное мѣсто очерку, въ которомъ указываю, какія условія развиваютъ нервность и производятъ различныя нервныя разстройства и заболѣванія, и какимъ образомъ слѣдуетъ оберегать отъ нихъ ребенка. Имѣя въ виду, что душевныя потрясенія и страхъ особенно губительно вліяютъ на нервную систему, нравственность и весь организмъ ребенка, я считала долгомъ обратить особенное вниманіе читателей на эти явленія.

Въ очеркѣ „Нравственное воспитаніе“ я указываю, какимъ образомъ направить воспитаніе такъ, чтобы оно наименѣе уклонялось отъ желательнаго идеала. Для этого, прежде всего, необходимо съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни ребенка воспитывать его волю и характеръ. Воля — самый могущественный рычагъ нравственнаго и умственнаго самоусовершенствованія. Человѣкъ можетъ быть лишь настолько нравственнымъ, дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, а слѣдовательно и умственно-развитымъ, насколько развита его воля. Чѣмъ менѣе человѣкъ подчиняется своимъ болѣзненнымъ склонностямъ и страстямъ, тѣмъ сильнѣе его воля, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ опредѣленнѣе характеръ его дѣйствій. Если воля недостаточно упражняется съ ранняго возраста, если ребенку даютъ возможность руководствоваться лишь своими личными желаніями, если въ немъ не развили ни трудолюбія, ни послушанія, — съ нимъ будетъ одно изъ двухъ: или у него совсѣмъ не будетъ выработана воля, или изъ него выйдетъ самодуръ, который будетъ обнаруживать смѣлость и рѣшимость лишь въ поступкахъ, несообразныхъ ни съ честью, ни съ совѣстью.

Въ очеркѣ „Воспитаніе ума“ я говорю объ умственномъ развитіи, какое получаютъ наши дѣти до школы, объясняя, насколько оно не соотвѣтствуетъ разумной подготовкѣ къ усвоенію школьныхъ знаній и расширенію умственнаго кругозора. Здѣсь пришлось отмѣтить также, какъ и что долженъ наблюдать ребенокъ въ природѣ и жизни, остановиться на важнѣйшихъ педагогическихъ правилахъ, соблюденіе которыхъ обязательно при развитіи ума.

Первое условіе воспитанія для умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей до школы—соотвѣтственныя возрасту занятія, естественно вытекающія изъ потребностей дѣтской природы и въ то же время развивающія его умъ и сердце. Великій знатокъ дѣтской природы—Фребель много поработалъ надъ системою воспитанія дитяти дошкольнаго возраста. Несмотря на то, что его идеи не новы, за-

нтя и игры, предложенныя имъ, не представляютъ ни его изобрѣтенія, ни открытія, тѣмъ не менѣе его можно смѣло считать творцомъ новой системы „дѣтскихъ садовъ“, которая внесла въ высшей степени важную реформу въ педагогику и въ педагогическія воззрѣнія общества, системы, имѣющей, несмотря на свои крупныя промахи и слабыя стороны, серьезное значеніе для воспитанія дѣтей. Ребенокъ съ ранняго дѣтства обнаруживаетъ стремленіе къ дѣятельности,—вотъ это-то свойство дѣтской природы Фребель и считаетъ необходимымъ поддерживать и развивать прежде всего.

Имѣя въ виду эту выдающуюся черту характера ребенка, Фребель находитъ необходимымъ подобрать матеріаль для его дѣятельности, соотвѣтственной его силамъ физическимъ и психическимъ. Такъ какъ дѣятельность ребенка въ раннемъ возрастѣ выражается въ игрѣ, то игра, по мнѣнію Фребеля, должна быть главнымъ воспитательнымъ средствомъ. Такимъ образомъ всѣ занятія, во весь періодъ его жизни до школы, должны имѣть характеръ игры и быть направлены такъ, чтобы вносить въ дѣтскую жизнь радость, счастье и свѣтъ. Предлагаемыя воспитателями игры и занятія должны развивать органы внѣшнихъ чувствъ дитяти, его стремленіе къ движению, наблюдательность, творчество и трудолюбіе.

Система Фребеля страдаетъ большими погрѣшностями: не имѣя возможности построить ее на законахъ научной психологіи и увлекаясь философіею, которая носила въ то время въ Германіи характеръ туманный и метафизическій, Фребель даетъ своей воспитательной системѣ метафизическую основу и накидываетъ отъ времени до времени на самыя свѣтлыя мысли, на самыя глубокія педагогическія истины покровъ слащаваго сантиментализма и мистицизма. Но какова была сила таланта этого замѣчательнаго педагога, видно изъ того, что, несмотря на незнакомство его съ научною психологіею, изумительное знаніе дѣтской души поразить каждаго, кто основательно изучитъ его систему. Всѣ наши очерки о Фребелевской системѣ заключаютъ въ себѣ съ одной стороны ея изложеніе и критическую оцѣнку, съ другой—указаніе на то, что изъ нея мы, русскіе воспитатели, могли бы заимствовать, но не иначе, конечно, какъ совершенно переработавъ ее согласно съ условіями нашей жизни, и какъ могли бы мы примѣнять это заимствованное и переработанное при воспитаніи нашихъ русскихъ дѣтей дошкольнаго возраста.

Е. Водовозова.

ГЛАВА I.

Воспитаніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Домострой.—Безграничный произволь главы семейства.—Положеніе дѣтей.—Какіе примѣры имѣли они передъ глазами.—Аскетическіе идеалы и ихъ значеніе.—Положеніе женщины.—Теремъ и его вліяніе.—Грубость нравовъ и жестокость.—Семейныя дразги и развратъ.—Отношенія къ рабамъ и друзьямъ.—Ссоры, сквернословіе и драки.—Доносы.—Грубья развлеченія: пиры, обжорство, пьянство, звѣринныя травли, охота, кулачные бои, скоморохи.—Взятчиичество.—Суевѣрія.—Кликуши.—Нищія и отношеніе къ нимъ.—Презрѣніе высшаго сословія къ труду.—Отсутствіе интеллигенціи.—Византійское вліяніе и продолжительное отчужденіе Россіи отъ западной Европы.

Исторія воспитанія въ Россіи, какъ мнѣ кажется, можетъ быть раздѣлена на пять періодовъ; *первый періодъ* неразрывно связанъ съ суровымъ родительскимъ произволомъ въ допетровской Руси, *второй*—начинается новшествами и реформами Петра Великаго и продолжается до Екатерины II, *третій*—со времени имп. Екатерины, когда усилилось вліяніе гуманныхъ западныхъ идей въ области воспитанія, до освобожденія крестьянъ, *четвертый*—60-е годы и, наконецъ, *пятый періодъ* обнимаетъ современное воспитаніе.

Самый типичный памятникъ древняго періода воспитанія въ Россіи—Домострой, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отразились семейныя и общественныя понятія нашихъ предковъ, ихъ взгляды на воспитаніе и строй домашней жизни. Основныя начала Домостроя глубоко проникли въ жизнь русскаго общества и господствовали въ немъ во всей силѣ не только въ XVI, XVII, но и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Члены семьи, по Домострою, должны были жить исключительно семейными интересами и находиться не только въ полномъ подчиненіи главѣ семейства, но и въ совершенномъ рабствѣ передъ нимъ. Только домовладыка могъ быть въ семьѣ самостоятельную личностью, единовластнымъ, грознымъ ея властителемъ и вершителемъ ея судебъ. И дѣйствительно, глава семейства того времени пользовался въ своемъ домѣ такимъ же престижемъ, такою же самодержавною властью, какъ великій князь московскій въ землѣ русской. Съ перваго взгляда его обязанности были сложны и затруднительны: онъ долженъ былъ наблюдать за нравственностью и жизнью жены, дѣтей, рабовъ и всѣхъ живущихъ въ домѣ домочадцевъ; но въ сущности его обязанности были точно опредѣлены, далеко не головоломны и, согласно съ характеромъ эпохи, грубы до жестокости, суровы и дики. Заботиться о нравственности своихъ близкихъ домовладыка долженъ былъ не иначе, какъ съ плетью въ рукахъ, не щадя ни лозы, ни жезла. Единственнымъ ограниченіемъ такого произвола служилъ совѣтъ Домостроя—не изувѣчить истязуемаго. Авторъ Домостроя

даетъ подробныя наставленія, какъ употреблять то или другое наказаніе, совѣтуетъ производить домашнія Execuціи *келейно*, чтобы „люди того не вѣдали и не слышали“. Если истязуемый не каялся и не плакалъ о грѣхахъ своихъ, наказаніе ему слѣдовало назначать болѣе жестокое. „Любя сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися... И не дажъ ему власти (воли въ юности), но сокруши ему ребра“.

Домострой, выдвигая на первый планъ отцовскій авторитетъ, требуетъ отъ жены, дѣтей и слугъ домовладыки полнаго ему подчиненія, строго наказывая служить ему „со страхомъ, раболѣбно“. Передъ его лицомъ жена, дѣти, рабы, домочадцы, однимъ словомъ, рѣшительно всѣ домашніе были въ положеніи бессмысленныхъ малолѣтокъ. Жена была съ одной стороны ближайшею служанкою мужа, съ другой его экономкою. Домострой отдавалъ ее въ полную опеку мужа, въ рабскую отъ него зависимость. Всѣ члены семьи безусловно зависѣли отъ его произвола. Но вотъ что любопытно: Домострой, несмотря на подобныя, доведенныя до мелочей наставленія, какъ устроить домашнюю жизнь и хозяйство, какъ и кого почитать, какъ и когда наказывать, совсѣмъ не указываетъ нравственныхъ правилъ, какими слѣдуетъ руководиться въ жизни. Всѣ правила Домостроя — чисто внѣшняго характера. Въ отношеніи къ ближнимъ онъ требуетъ лишь, чтобы члены семьи не выносили изъ избы сора, т.-е. не дѣлали бы постороннихъ свидѣтелями своихъ дрягъ, и при томъ съ чисто эгоистическою цѣлью, „дабы тѣ не могли поносить ихъ и порочить“. Предписывая вѣрную службу царю, онъ не даетъ наставленій относительно служенія родинѣ; что касается воспитанія, то вся его система ограничивается плетью и жезломъ; онъ не указываетъ даже на Евангеліе, какъ на основное руководство въ нравственной жизни. Понятно, что общество, почерпавшее всю мудрость и всю житейскую философію изъ Домостроя, не могло имѣть ни малѣйшихъ понятій о нравственности. При полномъ и несокрушимомъ авторитетѣ отцовской власти, всякое маломальски самостоятельное проявленіе чувства и мысли было тяжкимъ преступленіемъ и встрѣчало общее презрѣніе. На такія стремленія отдѣльныхъ личностей въ тѣ времена смотрѣли, какъ на непростительную самонадѣянность и гордость. Понятно, что чѣмъ прочнѣе укоренялись въ сознаніи такія понятія, тѣмъ болѣе съ каждымъ поколѣніемъ деморализировалось общество.

Посмотримъ же теперь, какъ осуществлялись книжныя поученія Домостроя. Жизнь русскихъ людей того времени преимущественно развивалась въ одномъ направленіи — въ церковно-обрядовомъ. Никто не заслуживалъ въ обществѣ такого почтенія, какъ человекъ усердный къ молитвѣ, часто посѣщающій церковь, заботливо относящійся къ ея нуждамъ и благолѣпію. Изъ своего дома каждый старался устроить перковь въ миниатюрѣ. Нравственные вопросы мало волновали нашихъ предковъ; зато у нихъ шли постоянные споры о томъ, что слѣдуетъ пить и ѣсть въ извѣстные дни поста, какія молитвы читать, какое количество поклоновъ дѣлать. И все это дѣйствительно строго выполнялось, но чисто механически, безъ участія мысли и чувства.

Такое узкое пониманіе религіи и внѣшнее отношеніе къ ней развивало безчисленныя суевѣрія и извращало понятія о нравственности. Большинство вело безпечную, безобразную жизнь, строго вѣря, что ее вполне можно загладить исполненіемъ однихъ обрядовыхъ предписаній: поклонами, постами, частымъ посѣщеніемъ церкви. Благотворѣя передъ храмомъ божіимъ, наши предки не умѣли даже пристойно держать себя въ немъ: церковь являлась у нихъ мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ и пустой болтовни. Не стѣняясь церковною службою, они громко болтали, передавали другъ

другу новости, высмѣивали одежду присутствующихъ, не стѣсняясь вели коммерческія сдѣлки, бранились, ссорились, отпускали грубыя шутки.

Рабская приниженность передъ авторитетомъ отца, его самодурство, грубый развратъ, царившій всюду, и полное отсутствіе какого бы то ни было умственного движенія не могли не вызывать внутренняго недовольства, ужаса и омерзѣнія въ отдѣльныхъ, наиболѣе чуткихъ людяхъ. Но недовольные окружающею дѣйствительностью могли имѣть въ то время лишь одинъ выходъ изъ своего положенія—монастырь.

Рука объ руку съ нравственною распущенностью нашихъ предковъ и чисто обрядовымъ ихъ отношеніемъ къ религіи, въ обществѣ развивались аскетическія стремленія, вырабатывались аскетическіе идеалы и взгляды. Съ аскетической точки зрѣнія все мірское, все житейское—суета суетъ, и оно подвергалось безпощадному порицанію и бичеванію. Люди, желающіе слѣдовать аскетическимъ идеаламъ, должны были избѣгать всѣхъ мірскихъ благъ, даже невинныхъ развлеченій и удовольствій, бросать свои имѣнія и богатства и запирались въ монастыри. Окружающій міръ, по взгляду аскетовъ, былъ олицетвореніемъ всего злого, и жить среди него—истинная погибель. Отреченіе отъ всего житейскаго, взглядъ на міръ, какъ на омутъ, какъ на растлѣвающую „блудницу“, заставлялъ людей стремиться къ высшему духовному міру, къ побѣдѣ духа надъ плотью, однимъ словомъ, удалаться въ пустыни и монастыри. И дѣйствительно, туда бѣжали всѣ, кого еще не въ конецъ растлили гнетъ, развратъ и жестокіе нравы, кто инстинктивно сохранялъ хотя искру Божію, хотя тѣнь нравственнаго чувства. Идеаль монашескій сдѣлался идеаломъ христіанской нравственности, конечною цѣлью наиболѣе честныхъ и порядочныхъ людей того времени. Передъ монашескимъ идеаломъ все благоговѣло и преклонялось. Священники постоянно поучали народъ, что истинное пристанище людей благочестивыхъ—монастырь. Рабы, подавленные деспотизмомъ своихъ господъ, голодомъ и холодомъ, видѣли въ монахахъ своихъ истинныхъ утѣшителей и молитвенниковъ и окружали ихъ ореоломъ святости и нравственной чистоты. Взглядъ на монашество, какъ на идеаль высоконравственный, много содѣйствовалъ быстрому развитію монастырей, куда массами бѣжало благочестивый людъ.

Такое крайнее развитіе монашества и аскетическихъ идеаловъ повлекло за собой множество послѣдствій, неблагопріятныхъ для развитія русскаго общества. Все, что было въ немъ наиболѣе даровитаго, талантливаго, всѣ, кого возмущало безобразіе окружающей среды, гнетъ умственный и нравственный, кого трудно было втиснуть въ узкія рамки внѣшней обрядности, со всею фальшью и ложью, кого инстинктивно ужасало отсутствіе какой бы то ни было честной дѣятельности, или тѣ, наконецъ, кто искалъ забвенія отъ ужасной дѣйствительности,—бѣжали въ монастыри. Въмѣсто того, чтобы приносить пользу своимъ ближнимъ въ сферѣ государственной и общественной, вести борьбу съ распутствомъ, наглостью и хищничествомъ или, по крайней мѣрѣ, хотя честною семейною жизнью показывать примѣръ другимъ,—они укрывались отъ міра, его соблазновъ и страстей. Эти стремленія, эти аскетическіе идеалы самымъ губительнымъ образомъ отзывались на воспитаніи юношества. Мать, тайно отъ мужа, бросала своихъ дѣтей на произволъ судьбы и уходила въ монастырь; то же послѣ нея дѣлалъ нерѣдко и ея мужъ. Дѣти, оставшіяся безъ всякаго призора, на рукахъ развратной родственницы, обрадованной такому исходу дѣла, испытывали множество обидъ и лишеній, видѣли примѣры самаго возмутительнаго разврата и соблазна, жестокаго угнетенія рабовъ и выросли безъ понятія о необходимости и обязательности для себя честнаго труда, лишь съ однимъ стремленіемъ—захватить

поскорѣ въ свои руки бразды правленія, отомстить своимъ родственникамъ, отъ которыхъ они переносили столько обидъ въ дѣтствѣ, а если въ какомъ-нибудь уголкѣ души еще уцѣлѣла искорка божія, — бѣжать въ монастырь безъ оглядки, бѣжать, чтобы глаза не видѣли того безобразія, что творится кругомъ.

Но и тамъ, гдѣ дѣти выросли подѣ наблюдениемъ родителей, между тѣми и другими не могло быть никакой живой внутренней связи, никакой любви въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ главнымъ связующимъ звеномъ, наиболѣе существеннымъ воспитательнымъ средствомъ служили страхъ, розги, палки и побои. Покорность дѣтей отцу была рабская, въ полномъ смыслѣ слова унижительная для человѣческаго достоинства; дѣтей называли даже „рабами рождышаго“, т.-е. отца. Рабское положеніе дѣтей перешло и въ обычай: по этикету того времени, вмѣсто нынѣшнихъ объятій и поцѣлуевъ, дѣти, въ знакъ безусловной покорности передъ родителями, кланялись имъ до земли.

Положеніе женщины было самое тяжкое, самое унижительное: невѣжество, грубость, развратъ, дикіе нравы нашихъ предковъ, безусловное подчиненіе авторитету главы семейства, наконецъ, весь строй древней русской жизни, не тронутый цивилизаціею и гуманными просвѣтительными началами, содѣйствовали угнетенію и униженію женщины; столько же помогъ этому и выработанный подѣ влияніемъ аскетическихъ идеаловъ взглядъ на бракъ, какъ на какое-то „скверное беззаконіе“. Женщина, по понятіямъ того времени, сравнительно съ мужчиною, была существомъ не только во всѣхъ отношеніяхъ низшимъ, но и олицетвореніемъ коварства, низости, лжи, злости, лукавства, глупости. Въ ней отрицали даже природную склонность къ справедливости и истинѣ. „Женскій родъ ползокъ къ паденію“, утверждали проповѣдники и награждали женщину самыми нелестными эпитетами въ родѣ слѣдующихъ: „дьявола стрѣла“, „источникъ злобы“, „сокровище нечистотъ“, „грѣхамъ учительница“, „матерь похотѣмъ“ и т. п.

Такимъ образомъ въ древне-русскомъ обществѣ смотрѣли на женщину съ нескрываемымъ презрѣніемъ и на каждомъ шагѣ давали ей это чувствовать. Могло ли дитя уважать свою мать, когда оно кругомъ видѣло одно презрѣніе къ ней. Такіе взгляды на женщину создали для нея въ семьѣ и обществѣ самое унижительное положеніе: она являлась существомъ, созданнымъ исключительно для удовлетворенія чувственныхъ потребностей мужчины. Униженная, оскорбленная, поруганная съ перваго появленія на свѣтъ (рожденія дочери отецъ стыдился), она такимъ же жалкимъ существомъ, скорѣ вещь, чѣмъ человекомъ, сходила и въ могилу. Въ дѣтствѣ она была рабою и невольницею отца, а затѣмъ мужа. Чувство страха, слѣпое рабское повиновеніе, отсутствіе собственной воли и мысли, даже и въ главныхъ вопросахъ, касавшихся ея личной жизни, вотъ принципы, которые должны были лечь въ основу всей ея жизни, какъ подѣ родительскимъ кровомъ, такъ и въ домѣ мужа. Даже идеальное выполненіе всѣхъ общественныхъ требованій не давало ей права на болѣе человѣческое отношеніе къ ней мужа. Онъ вынужденъ былъ по отношенію къ ней никогда не забывать, что „люто есть тому мужу, иже языка жены своя слушаетъ“, или: „первое блюдися къ своей жены тайны повѣдати“.

Литература того времени не создала никакого идеала женщины, какъ жены и матери. Если хотѣли изобразить хорошія качества женщины (похвалы встрѣчались очень рѣдко и заглушались общимъ потокомъ презрительныхъ укоровъ), ее изображали какъ подвижницу, великую постницу, суроваго аскета, но только не какъ жену и мать.

Мужъ смотрѣлъ на жену, какъ на вещь, исключительно ему принадлежащую,

и стремился сохранять ее для себя одного, поэтому онъ и запиралъ ее, какъ вещь, подъ замокъ и запирывалъ въ теремъ. Хотя въ крестьянскомъ быту на женщину взваливали все, что потрудѣе было въ домашнемъ хозяйствѣ, но ее не держали взаперти, и она пользовалась извѣстною свободою. Правда, непосильный трудъ иногда преждевременно губилъ ея силы, но онъ же и спасалъ ее отъ нравственнаго растлѣнія. Но въ знатныхъ и зажиточныхъ семьяхъ теремъ, гдѣ женщину, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ, держали взаперти, и рабское положеніе въ семьѣ и обществѣ въ конецъ развращали ее. Изъ своего крѣпко-на-крѣпко запертаго терема она никуда не выходила, изрѣдка развѣ въ церковь, и еще рѣже въ гости. Но то и другое возможно было только съ разрѣшенія мужа.

Общество дѣлилось на двѣ строго обособленныя другъ отъ друга половины: на мужскую и женскую. Мужъ устраивалъ обѣды и пиры, въ которыхъ не принимали никакого участія женщины. Въ экстраординарныхъ случаяхъ, по приказанію мужа, онъ торжественно появлялся передъ гостями лишь для того, чтобы поздороваться съ ними и поднести имъ по чаркѣ вина. Женщины вели свою особую жизнь, совершенно замкнутую, на своей особой половинѣ, въ теремѣ. Онѣ могли принимать къ себѣ только женщинъ и не иначе, какъ съ дозволенія мужа. Но что особенно развращало женщину, это полное отсутствіе какой бы то ни было дѣятельности, не только умственной, но даже физической. Лишь въ немногихъ семьяхъ жена была настоящею хозяйкою; у знатныхъ людей домоу управлялъ ключникъ. Женщины, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ теремахъ, проводили свое время въ вышиваніи, молитвѣ, злословіи и нустословіи, окруженныя ханжами, юродивыми, карлами, дурами, своднями. Умѣющая читать, что было большою рѣдкостью, читала лишь житія святыхъ и поученія. Совершенное отчужденіе женщины отъ общества приносило страшный вредъ: оно содѣйствовало еще большому огрубѣнію нравовъ. Въ знатныхъ семействахъ женщину совсѣмъ удаляли и отъ собственныхъ дѣтей: ей не дозволялось даже кормить своего ребенка грудью; это считалось неприличнымъ, и его отдавали кормилицѣ. Мать и впослѣдствіи могла имѣть на дѣтей меньше вліянія, чѣмъ мамки и дядьки, которые воспитывали ребенка подъ надзоромъ отца семейства.

До замужества женщина совсѣмъ не знала своего будущаго мужа; юноша не высказывалъ дѣвушкѣ своего чувства, и бракъ заключался исключительно по волѣ родителей, изъ корыстныхъ видовъ. Главное попеченіе родителей относительно дочери состояло въ томъ, чтобы она раньше брака не потеряла дѣвства, а для этого, по тогдашнимъ понятіямъ, слѣдовало бить дѣвушку за всякую ничтожную провинность и устраивать для нея запоры покрѣпче. Браки устраивались посредствомъ свахъ, которыя пользовались подачками за свое ремесло и преслѣдовали лишь свои личныя цѣли. Родители тоже не заботились о взаимной склонности супруговъ, которые до брака совсѣмъ не знали другъ друга и въ большинствѣ случаевъ никогда не видали другъ друга. А если иной женихъ и могъ до брака взглянуть на суженую, родители невѣсты, если только она была некрасива нерѣдко подставляли одну дочь вмѣсто другой, иногда своихъ служанокъ; для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья, чтобы онѣ казались выше ростомъ. Такіе браки приносили и надежащіе плоды: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно предназначенная для жены; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ ее до нага, привязывалъ и сбѣгъ до крови. Одни мужья сбѣгли своихъ женъ розгами, другіе плетью, а третьи, какъ скотину, душили ее дубиною. Кто не билъ своей жены, того всѣ осуждали. Особенно тяжело было положеніе женщины, если ея мужъ былъ ревнивъ: онъ, съ спеціальною цѣлью слѣдить за ея

поведеніемъ, приставляя къ ней служанокъ и холоповъ, а тѣ, желая выслужиться передъ господиномъ, клеветали на нее. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, тайные шпионы слѣдили за ней, вкривъ и вкося перетолковывали ея поклонъ, каждое ея слово. Положеніе жены было еще болѣе ужасно, когда мужъ на сторонѣ заводилъ какую-нибудь интригу: тогда придиркамъ и побоямъ не было конца. Частые побои доводили многихъ женщинъ до сумасшествія; иному мужу удавалось заколотить свою жену до смерти, но отвѣтственности ему за это не приходилось нести, лишь бы жена умерла не внезапно. Если смерть медлила придти на выручку несчастной, истязанія производились съ удвоеннымъ стараніемъ; при этомъ мужъ совѣтовалъ ей убираться въ монастырь. Въ такомъ отчаянномъ положеніи ей ничего не оставалось, какъ исполнить его желаніе. Если въ монастырь ея не ожидало счастье, тамъ, по крайней мѣрѣ, она находила душевный покой и избавлялась отъ истязаній.

Не всегда однако жена безропотно переносила свои мученія. Бойкія женщины осыпали мужей градомъ ругательства, инья даже отравляли ихъ, а были и такія, что мстили доносами. Законы того времени не одинаково карали членовъ семьи за однѣ и тѣ же преступленія. Если жена отравляла или убивала своего мужа, ее живою закапывали въ землю до плечъ и оставляли въ такомъ положеніи, пока смерть не являлась ей на выручку; но если мужъ совершалъ такое же преступленіе относительно жены, онъ несъ кару, какъ за обыкновенное убійство. Если сынъ или дочь убивали отца или мать, имъ полагалась смертная казнь безъ всякой пощадки. Наоборотъ, родителей не казнили смертью за убійство дѣтей, а лишь сажали на годъ въ тюрьму. За грубость дѣтей въ отношеніи родителей законъ повелѣвалъ бить ихъ кнутомъ и не допускалъ никакихъ жалобъ дѣтей на своихъ родителей.

Жестокія кары и строго охраняемая замкнутость семейнаго очага окончательно растлили нравы и внесли во все слои общества самый возмутительный развратъ, а въ отношеніяхъ членовъ семьи другъ къ другу—полный разладъ и ненависть. Несмотря на всю строгость теремнаго затворничества, женщины предавались пьянству и распутству. Для интригъ съ чужими женами существовали даже особыя спеціальныя посредницы. Да и какъ было женщинамъ не предаваться разврату, когда онѣ вели совершенно праздную жизнь. Обычными развлеченіями терема, кромѣ вышиванія и нарядовъ, служили никогда не прекращавшіяся дразги, брань, интриги, сплетни, ссоры и жестокія потасовки.

Господа обращались съ рабами, которыхъ при каждомъ домѣ было великое множество, самымъ возмутительнымъ образомъ. Мало того, что плеть или палка гуляла по ихъ спинамъ за самую ничтожную провинность, но господинъ нерѣдко насиловалъ своихъ рабынь, не обращал вниманія на ихъ мужей, отцовъ и матерей. Побои зачастую кончались смертью холоповъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно это легко сходило съ рукъ господамъ. При этомъ рѣдкій господинъ заботился о томъ, чтобы его слуги были, по крайней мѣрѣ, сыты и одѣты. Слуги работали изъ-подъ палки, не возмущаясь не только пинками, но даже и увѣчьями, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, что отношеніе къ нимъ господина должно быть иное. Холопъ того времени могъ претерпѣвать всевозможныя муки и увѣчья отъ руки своего господина, но, несмотря на это, нерѣдко съ опасностью жизни, отстаивалъ его честь; однако, при случаѣ, самый преданный слуга могъ обмануть, обокрасть, подвести, убить и даже предательски выдать своего хозяина. И понятно: рабское положеніе только и можетъ вызвать рабскія чувства. Преданность и любовь раба имѣетъ другое значеніе, чѣмъ преданность и любовь свободнаго человѣка.

Какъ бы ни были преданы слуги господамъ, послѣдніе не кормили ихъ до сыта, отводили имъ для жилищъ конуры и также плохо ихъ одѣвали. Оборванные, холодные, голодные рабы бѣгали по большимъ дорогамъ, выпрашивая милостыню, а ночью грабили проѣзжихъ. Когда господа ссорились между собою, — и ихъ рабы заводили ссоры и драки за ихъ честь, даже убивали другъ друга. Но въ то же время изъ мести они нерѣдко доносили на своего господина, обвиняя его въ злоумышленіи на царя. Такимъ же характеромъ рабскаго страха, вѣроломства и предательства отличались отношенія господъ къ болѣе знатнымъ, а также и къ царю: знатный господинъ хорошо служилъ царю только потому, что боялся его батоговъ и побоевъ, ждалъ отъ него подачи.

Отношенія другъ къ другу друзей и знакомыхъ не носили и тѣни искренней преданности, истинной любви и дружелюбія: все было основано на расчетѣ. Согласно со степенью важности и богатства гостя его угощали лучше или хуже, сажали на болѣе или менѣ почетное мѣсто, устраивали ему болѣе или менѣ торжественный пріемъ. Встрѣчаясь съ одними, только наклонили голову, другимъ кланялись въ поясъ, третьимъ кланялись до земли, а были и такіе, передъ которыми становились на колѣни и касались лбомъ земли. Однимъ словомъ, въ обращеніи съ окружающими строго слѣдовали правилу: держать себя высокомерно и надменно съ низшими и рабски унижаться передъ высшими. Дружба соразмѣрялась со степенью выгоды; задушевные друзья легко расходились, когда дружба приносила мало матеріальной пользы. Довольно было навлечь на себя царскую немилость, чтобы закадычный другъ моментально отвернулся и сталъ бы наносить оскорбленія.

Въ разговорѣ другъ съ другомъ каждый старался соблюдать церемонность, напыщенность и осторожность. Часто невинное слово принимали за намекъ, за оскорбленіе, отсюда возникали безконечныя тяжбы, въ конецъ разорявшія цѣлыя семейства. Церемонность въ обращеніи и напыщенность въ разговорѣ переходили въ татарскую грубость. Начиналась ссора, и поссорившіеся, какъ бы они ни кичились знатностью и высотой своего положенія, осыпали другъ друга потокомъ площадной брани. Сквернословіе, драки, ссоры были въ ходу во всѣхъ слояхъ общества, и между рабами, и среди самыхъ знатныхъ людей, и среди духовенства; монахи, нерѣдко даже въ храмѣ божіемъ, поносили другъ друга или кого-нибудь изъ присутствующихъ, и при этомъ съ ихъ устъ срывалась самая позорная, срамная ругань. Дѣти, разсердившись на родителей, осыпали ихъ градомъ возмутительныхъ ругательствъ, то же дѣлали и родители, увѣщевая ихъ. Цари пытались уничтожить эту скверну кнутомъ и батогами, но это лишь увеличивало ее. Къ дракѣ во время ссоры одинаково прибѣгали какъ рабы, такъ и господа. Драка и брань неразлучно шли рука объ руку: одинъ старался выцѣпиться другому въ бороду, женщины таскали другъ друга за волосы; многіе дрались палками и убивали другъ друга на повалѣ.

Поссорившіеся прибѣгали и къ болѣе гнусному способу мести — доносу. Во всѣхъ классахъ общества развелось множество клязниковъ и донощиковъ. Въ то время стоило подать на кого-нибудь жалобу, чтобы втянуть его въ разорительную тяжбу. Иной подкладывалъ тому, кого хотѣлъ подвести, какую-нибудь вещь, затѣмъ заявлялъ, что у него случилась пропажа, и что онъ подозрѣваетъ въ воровствѣ такого-то; производился обыскъ, и начиналось слѣдствіе. Разорившіеся дѣти бояръ, желая поживиться, развѣзжали съ своими слугами по посадамъ и селамъ, заводили ссоры съ богатыми жителями, составляли челобитныя о мнимыхъ грабежахъ и побояхъ и, пугая несчастныхъ жителей, что они дадутъ ходъ своимъ челобитнымъ.

брали съ нихъ отступное. Жители давали какой угодно выкупъ, лишь бы избавиться отъ наѣздовъ приставовъ и разнаго начальства, неизбежнаго при слѣдствіяхъ и страшно разорительнаго для населенія. Въ тѣ времена очень многіе дѣлали изъ доноса свою специальность, ремесло, и при томъ громадное большинство становилось доносчиками исключительно изъ корысти. Хотя и въ то время доносчиковъ преслѣдовали и клеймили позоромъ, но это мало дѣйствовало. Доносы болѣе всего поддерживались обычаемъ, по которому доносчики пользовались правомъ на часть вознагражденія изъ имущества ими обвиненнаго. Въ увеличеніи этого сорта людей виновата было и правительство, которое само покровительствовало доносамъ, когда это касалось его интересовъ, щедро награждая за нихъ, а несчастныхъ, на которыхъ дѣлали доносы, подвергало пыткамъ. Эта позорная язва клеветы, доноса, ябеды и сутяжничества была распространена между всеми классами общества и совершенно вытравляла въ молодомъ поколѣніи все, что оставалось еще мало-мальски честнаго и порядочнаго. Язва эта проявлялась въ самой разнообразной формѣ и порождала массу другихъ возмутительныхъ и отталкивающихъ пороковъ — зависть, интриги, клевету. Понятно, что при такомъ положеніи вещей не могло существовать ни откровенности, ни искренности, и въ бесѣдахъ самыхъ близкихъ пріятелей сказывались осторожность и натянутость. Всѣ боялись другъ друга, такъ какъ позорная язва шпіонства, ябедничества, клеветы и наговоровъ проникала не только во все классы общества, но и въ самыя близкія родственныя отношенія.

Мало поучительнаго для юношества представляли и развлеченія нашихъ предковъ: пиры, бывшіе тогда въ большомъ ходу, рѣдко кончались безъ жесточайшихъ ссоръ, дразгъ, драки изъ-за мѣстничества, пьянства и разгула. Самыя пиршества проходили въ обжорствѣ и пьянствѣ; отъ мужчинъ не отставали и женщины. Мало пить и ѣсть значило нанести оскорбленіе хозяину. Пить нерѣдко заставляли насильно, пуская въ ходъ даже побои. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія, и пьянство было общимъ порокомъ русскаго народа. Въ праздники по улицамъ городовъ и деревень десятками валялись пьяные, которые зимою нерѣдко замерзали. Духовенство въ пристрастіи къ вину перещеголяло другія сословія.

Весьма распространеннымъ развлеченіемъ того времени были скоморохи. Одни изъ нихъ играли на гудкѣ или били въ бубны и иные инструменты, скорѣе притуплявшіе музыкальное чувство, чѣмъ развивавшіе его; другіе играли и плясали, тѣ показывали ученыхъ собакъ, эти — медвѣдей. Между ними были и стихотворцы-потѣшники, веселившіе народъ двусмысленными прибаутками, и носильщики движущихся куколъ, поставленныхъ въ смѣшныя и неприличныя позы. Нерѣдко народъ забавляли сценическими представленіями. Но что это были за представленія! Для этого скоморохи наряжались въ скоморошное платье и надѣвали маски. Представленія скомороховъ, ихъ пѣсни и танцы были непристойны, двусмысленны и подавляли чувства скромности и стыдливости. Между тѣмъ этого рода увеселенія чрезвычайно увлекали народъ. Появленіе скомороховъ притягивало отовсюду толпы народа, и лишь только они начинали пѣть, плясать и выкрикивать свои остроты, зрители сами принимались пѣть, плясать, кривляться и старались перещеголять скомороховъ пошлымъ остроуміемъ и грязными, непристойными тѣлодвиженіями. Скоморохи не только потѣшали простой народъ на улицахъ, но ихъ приглашали даже въ дома во время пировъ и для сопровожденія свадебнаго поѣзда.

Не менѣе грубою забавою служили кулачныя и палочныя бои. Кулачныя боицы наносили другъ другу жестокіе удары въ грудь, лицо и животъ; кровь ли-

лась ручьями, многіе выходили изъ этихъ битвъ калѣками, другихъ выносили мертвыми.

Но самыми гибельными забавами въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ были зрѣлища звѣриной травли: медвѣдей заставляли сражаться съ собаками и людьми. Государи и знатные люди любили эту дикую забаву, между тѣмъ она нерѣдко кончалась увѣчьемъ или смертью борца. Къ тому же звѣринныя травли сильно разоряли народъ. Прежде чѣмъ устраивалась такая потѣха, народъ стогнали толпами на охоту, во время которой тенетами ловили живыхъ медвѣдей и волковъ. Въ мѣстахъ, предназначенныхъ для охоты, людей держали по нѣскольку дней, отрывая ихъ отъ спѣшныхъ земледѣльческихъ работъ. Разорительные пиры, азіатская роскошь въ одеждѣ, полное ничегонеделаніе, господствовавшія въ высшихъ классахъ русскаго общества, требовали большихъ средствъ и содѣйствовали развитію лихоимства среди тогдашней администраціи, которая высасывала все соки изъ жителей довѣренныхъ ей управленію областей. Ничѣмъ не ограниченный произволъ повсемѣстно царилъ въ судопроизводствѣ. Дѣла рѣшались въ пользу того, кто могъ дать взятку побольше: бѣднякъ нигдѣ не находилъ себѣ защиты и всегда оставался виноватымъ. Взяточничество развивало страшную жадность къ деньгамъ: начальники не только брали взятки, но обирали всѣхъ имѣвшихъ до нихъ какое-либо дѣло.

Народъ, не имѣвшій при полномъ невѣжествѣ ни малѣйшаго здраваго понятія о явленіяхъ природы, всецѣло находился подъ вліяніемъ ея таинственныхъ силъ: затменіе солнца, появленіе кометы, все это наводило ужасъ, страхъ, уныніе, нерѣдко вызывало даже настоящее волненіе. Жизнь русскаго человѣка, по степени его большей или меньшей склонности къ мистицизму, была управляема примѣтами: каждый звукъ въ природѣ, самое обычное явленіе,—все что-нибудь предвѣщало. Вѣрили въ волшебниковъ и чародѣевъ, которые нашоптываніемъ могли измѣнить къ лучшему или худшему судьбу человѣка. Существовала непоколебимая вѣра, что растеніе, совершенно безвредное, можетъ быть убійственнымъ, если волшебство сообщить ему злокачественную силу. Каждый волшебникъ и волшебница имѣли особую специальность и по роду занятій носили особое названіе: волхва, чародѣя, чаровницы, зелейщицы, снотолкователя, облако-прогонника и т. п. до безконечности. Одни изъ нихъ заклинали змѣй и животныхъ, другіе толковали сны, третьи повелѣвали небесной сферой и могли наслать градъ, дождь, засуху, урожай или голодъ. Трудно исчислить весь вредъ и поистинѣ жестокія послѣдствія отъ этихъ суевѣрій, одинаково распространенныхъ во всѣхъ классахъ общества. Мужья узнавали о невѣрности своихъ женъ отъ ворожей, которая приходила къ извѣстному заключенію посредствомъ различныхъ примѣтъ и часто совершенно невинную отдавала на жестокою расправу мужа. Обвиняли то одного, то другого въ томъ, что онъ нашоптываніемъ на хмель думалъ произвести моровое повѣтріе. Въ дворцахъ и царскихъ теремахъ постоянно обвиняли колдуновъ и колдуній въ порчѣ царевенъ и царскихъ невѣстъ и казнили ихъ; но, несмотря на это, безъ нихъ не могли обойтись, постоянно призывали ихъ въ царскія хоромы для разныхъ чудодѣйственныхъ операцій; то же самое происходило какъ въ семьяхъ высшаго сословія, такъ и въ жилищахъ простонародья. Вѣра въ колдовство давала возможность посредствомъ колдуновъ опаивать чѣмъ-нибудь вреднымъ своихъ жертвъ или просто отравлять ихъ. По понятіямъ того времени, всѣ болѣзни происходили отъ злыхъ духовъ, отъ злаго умысла, отъ глаза, отъ того или другого слова. И всѣ болѣзни, какъ во дворцѣ, такъ и въ хижинѣ, лечили нашоптываніемъ и зельями.

Такъ же мало назидательнымъ для юношества было зрѣлище бѣснующихся и кликушъ. Преимущественно это были старыя дѣвы, и большинство изъ нихъ, вѣроятно, страдало нервными болѣзнями, но многія изъ нихъ и притворялись изъ корыстныхъ видовъ. Кликуши эти всюду бѣгали босыми, съ распущенными волосами; въ такомъ дикомъ, бѣсноватомъ видѣ онѣ являлись въ церковь, во время службы вдругъ падали, тряслись, метались изъ стороны въ сторону, бились, кривлялись и затѣмъ, точно въ безпамятствѣ и безуміи, выкрикивали пророчества, дѣлали злые намеки часто на совершенно невинныхъ лицъ. Ихъ указанія нерѣдко принимали къ свѣдѣнію и указанныхъ ими жертвъ преслѣдовали судомъ, а то и подвергали даже пыткамъ. Многія кликуши служили орудіемъ корыстолюбивыхъ людей, которые подучали ихъ обвинять богачей, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ.

Ревность къ вѣрѣ болѣе всего выражалась раздачею милостыни нищимъ и калѣкамъ, что развивало нищенство. Здоровые прикидывались калѣками и немощными, и громадныя толпы нищихъ съ котомкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ разгуливали по дорогамъ. Они возбуждали состраданіе такими просьбами: „дайте милостыню и побейте меня“, и находились люди, которые подавали милостыню только тогда, когда вволю натѣшатся надъ несчастными. Это, разумѣется, развращало и бравшихъ милостыню, и подававшихъ ее. И нищіе, которыхъ было чрезвычайно много, были глубоко развращены: между ними было множество воровъ, мошенниковъ, злодѣевъ и убійць.

При такомъ положеніи вещей о правильномъ развитіи въ обществѣ чувствъ истиннаго милосердія, состраданія и любви къ ближнему и угнетенному не могло быть и рѣчи. Милостыню подавали, въ большинствѣ случаевъ, влѣдствіе формальнаго требованія религіи и подавали ее такъ, что она лишь нравственно растлѣвала и того, кто ее принималъ, и того, кто ее подавалъ. Благочестіе ограничивалось чисто внѣшними обрядами, и юношеству негдѣ было ознакомиться съ истинными требованіями религіи; духовенство такъ же, какъ и остальные классы общества, было невѣжественно, суевѣрно и очень часто даже безграмотно. Нерѣдко люди знатнѣйшихъ родовъ не въ состояніи были подписать свое имя на официальномъ документѣ.

Понятно, что при невѣжествѣ, господствовавшемъ во всѣхъ классахъ общества вплоть до царствованія Петра В., не могло образоваться никакого интеллигентнаго класса, между тѣмъ какъ интеллигенція нѣкоторыхъ западныхъ государствъ того времени уже вырабатывала общественные идеалы, философскія идеи и гуманныя воззрѣнія. Причинъ для такого печальнаго существованія и застоя русскаго общества было очень много. Вскорѣ по выступленіи нашемъ на историческое поприще русскій народъ подчинился въ религіозномъ отношеніи вліянію Византіи, что, выражалось преимущественно въ строгомъ выполненіи внѣшней, узко-обрядовой стороны христіанской религіи. Въ семейной и общественной жизни, какъ мы уже знаемъ, господствовали начала Домостроя. То и другое одинаково вредно отзывалось на развитіи самостоятельной мысли и общественныхъ идеаловъ и на выработкѣ въ обществѣ критическихъ взглядовъ. Клерикально-византійское направленіе развивало лишь узкую обрядность и мѣшало усвоенію высокихъ, истинно христіанскихъ добродѣтелей и любви къ ближнему, а также честному выполненію общественныхъ обязанностей. При воспитаніи юношества руководились только однимъ стремленіемъ — воспитать его въ благовѣрїи и благочестїи. Въ учреждаемыхъ училищахъ (ихъ тогда было крайне недостаточно) преслѣдовали не умственно-образовательныя цѣли, не развитіе умственныхъ способностей, сужденія и мышленія, а исключительно изученіе внѣшнихъ христіанскихъ правилъ религіи, благонравія и смиренномудрїи. Еще

въ концѣ XVII вѣка отцы внушали сыновьямъ: „учися грамотѣ, учися и держати умъ, *высочайшаго* не ищи, *глубочайшаго* не испытай, но елико ти предано отъ Бога, си содержи“, — однимъ словомъ, преимущественно передъ всѣмъ, внушали страхъ передъ всякой попыткой исканія истины и укрѣпляли юношество лишь въ рабской покорности и угодливости.

До Петра В. русскіе не путешествовали за границую съ цѣлью пріобрѣтенія знаній, такъ какъ у насъ издавна существовало предубѣжденіе противъ западныхъ націй, ихъ образованности и науки. Вѣковое отчужденіе русскаго народа отъ общенія съ передовыми западно-европейскими націями въ высшей степени вредно отозвалось на развитіи нашей образованности, и вслѣдствіе этого Россія, въ умственномъ отношеніи, весьма сильно отстала отъ западной Европы. Гуманныя и общественныя идеи, существовавшія уже на западѣ, мало проникали къ намъ, да и не могли быть усвоены тогдашнимъ русскимъ обществомъ. Къ тому же всѣ вѣянія и идеи запада переходили къ намъ обыкновенно гораздо позже, нерѣдко запаздывая на цѣлое столѣтіе, а то и болѣе, и при этомъ отражались у насъ несравненно слабѣе, чѣмъ тамъ, а чаще всего не оставляли у насъ ни малѣйшаго слѣда.

Вотъ какъ неблагопріятны были историческія условія, вліявшія на умственное и нравственное развитіе русскаго человѣка въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

7347

~~4836~~

ГЛАВА II.

XVIII вѣкъ.

Вторженіе государственной власти въ семейную жизнь и его послѣдствія. — Отсутствие инициативы въ характерѣ русскаго человѣка. — Раздоры и разногласіе между отцами и дѣтьми. — Образованіе въ первой половинѣ XVIII в. — Его профессиональное направленіе. — Вносило-ли оно обновленіе въ умственную жизнь. — Наука, умственное развитіе и воспитаніе подчиняются государственной опекаѣ. — Отсутствие умственной самостоятельности и воспитательной практики. — Чиновничье тщеславіе и его значеніе. — Крѣпостное право и его растлѣвающее вліяніе на всѣ стороны жизни и на складъ характера. — Дворянская спѣсь. — Жизнь дворянъ и ихъ удовольствія. — Ссоры и тяжбы между помѣщиками. — Стремленіе къ свѣтской жизни. — Сутяжничество. — Преклоненіе предъ богатствомъ и знатностью. — Вѣщнее благочестіе и ханжество. — Физическое, умственное и нравственное воспитаніе юношества того времени. — Тѣлесныя наказанія и ихъ пагубныя послѣдствія.

Первый рѣзкій и сильный толчекъ для своего обновленія и выхода изъ некультурнаго состоянія русское общество получаетъ при Петрѣ Великомъ. Очень многія стороны жизни и дѣятельности русскаго человѣка или совершенно измѣняются при немъ или сильно реформируются. Петръ съ нечеловѣческой энергіею рѣшился просвѣтить, оевропейтъ, встряхнуть, оживить умственно, разбудить свое великое, сонное царство.

Особенно измѣнилось при немъ положеніе женщины. Протестъ противъ браковъ, заключаемыхъ исключительно по волѣ родителей, раздался въ его царствованіе даже съ патріаршаго престола. Въ 1693 году патріархъ Адрианъ повелѣлъ, чтобы впредь священники накрѣпко допрашивали у лицъ, приходящихъ къ вѣнчанію, — по любви-ли они и согласію вступаютъ въ бракъ.

Еще ранѣ Петра въ общество стало проникать сознаніе вреда затворничества женщины. Теремъ обнаружилъ признаки такого растлѣнія, которое краснорѣчиво свидѣтельствовало, что отсутствіе свободы женщины скорѣе можетъ погубить, чѣмъ охранить семейную нравственность. Развращающее вліяніе теремной жизни сказалось и въ царской семьѣ послѣ смерти Алексѣя Михайловича.

Нѣмецкая слобода своимъ примѣромъ убѣждала многихъ русскихъ людей, что извѣстная свобода, предоставленная женщинѣ, вовсе не развращаетъ ея. Въ этой обширной колоніи уже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ насчитывали болѣе тысячи протестантскихъ семействъ, число которыхъ въ послѣдствіи еще болѣе увеличилось. Иностранцы нѣмецкой слободы не измѣняли своимъ обычаямъ: женщина у нихъ пользовалась извѣстною свободою, являлась на веселыя пирушки, принимала участіе во всѣхъ удовольствіяхъ мужскаго общества. Жизнь нѣмецкой слободы не могла остаться безъ вліянія на русскихъ; ее нерѣдко посѣщали вельможи, покровительствовавшіе иностранцамъ. Веселая, оживленная жизнь колоніи привлекала къ себѣ и Петра

Великаго, который любилъ посѣщать этотъ мирный уголокъ Москвы. Вѣроятно, здѣсь зародилась у Петра мысль объ основаніи будущихъ ассамблей.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Петра было дополненіе распоряженія патриарха Адріана. Петръ не только находилъ неразумнымъ выдавать женщину замужъ противъ ея воли, но считалъ необходимымъ, чтобы молодые люди, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, ближе познакомились другъ съ другомъ. Для этого онъ въ 1702 году установилъ обрядъ обрученія за шесть недѣль до вѣнчанія. Женихъ и невѣста, хотя бы въ присутствіи родителей, могли видѣться, и если бы они не понравились другъ другу, они добровольно могли разойтись, не сдѣлавъ на всю жизнь непоправимой ошибки. Далекое не все родители тотчасъ отказались отъ укоренившагося обычая знакомить жениха и невѣсту только подъ вѣнцомъ, но все же это нововведеніе, хотя и медленно, должно было повліять на уменьшеніе несчастныхъ браковъ. Это было первое вторженіе государственной власти въ семейную жизнь русскаго народа. Необходимо замѣтить, что отсутствіе инициативы, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ семейное, очень рано сказывается въ русскомъ характерѣ, и эта черта ярко выступаетъ во всей прошлой жизни русскаго человѣка. Несмотря на то, что къ концу XVII ст. уже во многихъ семьяхъ существовало сознаніе вреда браковъ, заключаемыхъ исключительно по волѣ родителей, несмотря на то, что многіе видѣли въ этомъ главную причину семейныхъ раздоровъ, никто и не думалъ нарушать прежняго обычая. Нельзя не обратить вниманія на эту характернѣйшую черту русскаго человѣка, — я говорю объ отсутствіи въ немъ какой бы то ни было инициативы, даже въ интимной, семейной жизни, гдѣ культурный человѣкъ не выноситъ никакого посторонняго вмѣшательства. Между тѣмъ у насъ, даже для уничтоженія обычая, угнетавшаго семейную жизнь и лишавшаго супруговъ счастья, должна была вмѣшаться государственная власть. Отсутствіе личной инициативы продолжало развиваться и позже, пока оно не сдѣлалось одной изъ основныхъ чертъ русской природы. И въ настоящее время эта черта характера губительно отзывается на многихъ сторонахъ нашей жизни, какъ общественной, такъ и семейной. При воспитаніи дѣтей нужно имѣть въ виду эту выдающуюся, исторически сложившуюся черту характера русскаго человѣка, внимательно останавливаться на индивидуальныхъ свойствахъ ребенка, не подавлять ихъ, а вызывать къ развитію, давать болѣе простора для дѣтской самостоятельности и мышленія, что обыкновенно обнаруживается въ желаніи ребенка высказывать свои мысли по поводу различныхъ явленій окружающей его жизни.

Вторженіе государственной власти въ семейныя дѣла вскорѣ сказалось еще чувствительнѣе. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. грамотность была развита въ высшей степени слабо какъ въ среднемъ классѣ общества, такъ и въ высшемъ, а о простомъ народѣ и говорить нечего. Между тѣмъ для новосозданнаго государства нужны были грамотные и знающіе люди. И вотъ Петръ В. съ 1713 г. издаетъ указъ за указомъ, которыми повелѣваетъ брать дѣтей въ раннемъ возрастѣ у родителей, какъ у людей знатныхъ, такъ и у простыхъ дворянъ, а также приказнаго чина и изъ духовнаго званія и отсылать ихъ въ различныя школы для обученія; если родители будутъ оказывать этому сопротивленіе, было приказано отнимать ихъ силою. Окончивъ ученіе, молодые люди должны были переходить на царскую службу. Подобныя предписанія и царскіе указы вызывали ропотъ неудовольствія, но забытость, страхъ ослушанія царской власти, совершенное отсутствіе инициативы въ характерѣ русскихъ людей, а также отсутствіе какой бы то ни было солидарности между семьями, — все это не давало возможности оказывать явнаго

сопротивленія. Недовольство обнаружилось, какъ это всегда бываетъ у людей забытыхъ, нравственно неразвитыхъ, рабски приниженныхъ и трусливыхъ, тайною оппозиціею царскому распоряженію; оно выразилось въ томъ, что многіе употребляли всевозможныя средства, чтобы скрыть своихъ дѣтей отъ правительства. Эта пассивная борьба общества съ правительствомъ наносила тяжкій вредъ и государству, и обществу и развращала дѣтей: она тормозила дѣло распространенія образованія, а неповиновеніемъ правительству и враждой къ нему подрывало его авторитетъ въ молодомъ поколѣніи. Родители не только скрывали количество своихъ дѣтей отъ правительства, но нерѣдко и сами подговаривали дѣтей бѣжать изъ школъ.

Но этимъ еще не исчерпывалось все зло. Хотя правительство набирало дѣтей вслѣдствіе необходимости имѣть людей съ школьнымъ образованіемъ, хотя такая насильственная мѣра усиливала развитіе грамотности и содѣйствовала распространенію образованія, но она нанесла страшный вредъ семейнымъ началамъ, и первая послѣдствіемъ сѣмена раздора между молодымъ и старымъ поколѣніемъ, повела къ ослабленію родственныхъ, семейныхъ связей между родителями и сыновьями. Отрывая дѣтей отъ семьи въ раннемъ возрастѣ и нерѣдко посылая ихъ далеко отъ родительскаго крова, правительство парализовало вліяніе родителей на ихъ дѣтей, невольно отчуждало молодежь отъ интересовъ семьи. Естественно, что по окончаніи воспитанія у выросшихъ дѣтей не оказывалось ничего общаго съ ихъ родителями. Этою мѣрою, несмотря на ея огромную пользу во многихъ отношеніяхъ, правительство положило начало цѣлому ряду печальныхъ недоразумѣній и несогласій между старымъ и молодымъ поколѣніями, дало первый толчекъ къ пассивной борьбѣ между ними, борьбѣ, продолжающейся и до сихъ поръ, подрывающей силы молодежи и доводящей до отчаянія и озлобленія отцовъ. Между старымъ и молодымъ поколѣніями по естественному ходу жизни и по складу житейскихъ обстоятельствъ возникаютъ недоразумѣнія: одно поколѣніе дряхлѣетъ и отживаетъ свой вѣкъ, слѣдствительно стремится къ покою и потому, конечно, стоитъ болѣе за идеи консервативныя, а молодое поколѣніе требуетъ движенія впередъ, переменъ, новшествъ. Естественно, что оба поколѣнія обыкновенно находятся между собою въ нѣкоторомъ антагонизмѣ; названною же мѣрою правительство дало рѣзкій толчекъ, такъ сказать, къ всеобщей формальной борьбѣ. При этомъ тогдашняя школа, подъ надзоромъ грубыхъ, суровыхъ наставниковъ, съ розгой въ рукѣ и другими орудіями школьныхъ пытокъ, скорѣе ожесточала и нравственно губила дѣтей, чѣмъ воспитывала ихъ. Этою мѣрою правительство несомнѣнно увеличило число людей, получившихъ школьное образованіе, но она была вредна въ томъ отношеніи, что съ этихъ поръ начала быстро расти армія *казенныхъ* людей, мало пригодныхъ для семейной жизни. Вредъ этой мѣры сказался и въ другомъ отношеніи: отрывая дѣтей отъ семьи, правительство отучало русскаго человѣка, и безъ того беззаботнаго, заботиться самому объ образованіи своихъ дѣтей, все болѣе заставляло его забывать свои священнѣйшія обязанности относительно семьи и возлагать въ этомъ дѣлѣ всѣ надежды на правительство. Отсюда преимущественно проистекаетъ недостатокъ въ нашемъ обществѣ частной инициативы въ дѣлѣ просвѣщенія.

Женщина вышла изъ терема тоже не по общественной инициативѣ, а по указу Петра В.; точно также по приказанію царя замѣнила она свою восточную одежду европейскою. Съ 1700 г., въ теченіе двухъ лѣтъ, идетъ рядъ царскихъ распоряженій, чтобы всѣ городскіе жители, исключая духовенства и пахотныхъ крестьянъ, носили верхнее платье европейское. Чтобы не было въ этомъ отношеніи какихъ-нибудь недоразумѣній, вывѣшены были модели, какъ слѣдуетъ одѣваться. За ослу-

шаніе грозилъ денежный штрафъ, а портнымъ за шитье платья по старымъ образцамъ полагалось жестокое наказаніе. Такъ же строго преслѣдовали и бороду. Мѣстные власти, для приведенія въ исполненіе этихъ указовъ, употребляли иногда просто возмутительныя средства: астраханскій губернаторъ разставилъ у входа въ церкви приставовъ, которые обрѣзывали у женщинъ длинныя платья, а у мужчинъ—бороды.

Женщины, по строгому повелѣнію царя реформатора, стали появляться на шумныхъ придворныхъ праздникахъ, на балахъ и ассамблеяхъ; ихъ угощали въ одной комнатѣ съ мужчинами, какъ это дѣлалось въ чужихъ краяхъ. Хотя онѣ при первомъ своемъ появленіи были крайне дики и застѣнчивы, все же имъ теперь можно было разговаривать съ мужчинами или, по крайней мѣрѣ, слушать ихъ разговоры. Хотя старые порядки и грубость нравовъ и послѣ этого еще долго и очень долго господствовали, тѣмъ не менѣе реформа Петра влила новую струю въ общественную жизнь, устанавливала нѣкоторыя отношенія между обособленными семьями, внесла въ жизнь хотя какіе-нибудь интересы. Одичалая теремная затворница, привыкшая къ тихой монастырской жизни въ теремѣ, неохотно выходила на шумные придворные праздники, балы и ассамблеи. Опасаясь, что это затормозитъ развитіе общественности, Петръ издавалъ новые и новые указы, которые грозили штрафами лицамъ женскаго пола, не появлявшимся на балахъ. Чтобы вывести женщину изъ пассивной роли, указъ Петра предписывалъ ей выучиться танцамъ. Тутъ особенно любопытно, что въ этой реформѣ, какъ мы видимъ, все до мелочей было предписано и предусмотрѣно царемъ, и ничего не предоставлялось собственной инициативѣ. Женщина подчинилась, стала дѣлать быстрые усилкіи на указанномъ ей пути и изъ гаремной затворницы постепенно превратилась въ свѣтскую даму.

Петръ освободилъ женщину отъ терема, отъ затворничества, но образованіемъ ея онъ не занимался. Охваченный лихорадочною заботою какъ можно скорѣе создать нужныхъ для государства людей, онъ все свое вниманіе обратилъ на образованіе мужчинъ, изъ которыхъ только и могли явиться нужные ему моряки, полководцы, техники, гражданскіе и военные чиновники. Петру и въ голову не могла придти мысль привлечь къ искусству или къ научной дѣятельности женщину, которая только что вышла изъ терема, гдѣ, изолированная отъ людей, жизни и ея интересовъ, она коротала свой вѣкъ въ молитвѣ, среди юродивыхъ, ханжей, карловъ и дурь, разнообразившихъ ея монастырское затворничество.

Посмотримъ, каково въ то время было образованіе мужчинъ. Петръ не только основалъ множество учрежденій для образованія молодежи, но и посылалъ ее учиться за границу, заставлялъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ. Толчокъ, данный Петромъ распространенію образованія, его личное уваженіе къ наукѣ и литературѣ дѣйствительно побудили нѣкоторыхъ русскихъ людей къ умственной дѣятельности. Въ литературу съ тѣхъ поръ начинаютъ проникать кое-какія облагораживающія понятія, возникаютъ повременныя изданія, въ обществѣ начинаетъ развиваться изящный вкусъ, является любовь къ оперѣ и театральнымъ представленіямъ. Но всего этого было еще слишкомъ мало, чтобы развить и просвѣтить совсѣмъ первобытныхъ людей, тѣмъ болѣе, что общеобразовательныя заведенія, возникшія какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него, въ продолженіе всей первой половины XVIII ст., могли лишь не особенно сильно развивать юношей и шевелить ихъ мысль за недостаткомъ образованныхъ, знающихъ учителей. Нужно имѣть въ виду и то, что вѣковое умственное отчужденіе русскихъ отъ западно-европейскихъ народовъ не могло сразу уничтожиться реформами Петра В. Хотя Петръ энергично ломалъ все старое, но онъ не

могъ уничтожить всѣхъ началъ старой византійско-московской системы воспитанія, и это вредно отзывалось во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности. Даже академія наукъ, этотъ первый разсадникъ научнаго просвѣщенія въ Россіи, заключавшій въ себѣ и собраніе ученыхъ, и университетъ, и гимназію, и школу искусствъ или ремеслъ, долго не вносила въ жизнь русскаго общества почти никакихъ просвѣтительныхъ началъ. Въмѣсто распространенія просвѣщенія тамъ постоянно шла вражда между русскими и нѣмцами. Во всѣхъ академическихъ дѣлахъ была страшная неурядица: суммы, ассигнованныя на плату профессорамъ и учебныя пособия, растрчивались на предметы, неимѣвшіе съ ними ничего общаго; профессорамъ подолгу не выдавали жалованья. Вслѣдствіе этого большая часть иностранныхъ ученыхъ, проживъ недолго въ Россіи, уѣзжала за границу. Лекціи до 1738 г. совѣмъ не читались, да и потомъ ихъ читали совершенно случайно, какъ кому что вздумается. Въ гимназіи (при Академіи), предназначенной для подготовленія къ слушанію лекцій, находилось самое ничтожное количество слушателей, да и тѣ, часто недоучившись, разбѣгались отъ холода и голода въ разныя стороны или поступали въ подьячіе. Такимъ образомъ даже академія наукъ не приносила почти никакой пользы обществу, особенно въ первую половину XVIII в. Въ 1747 г. этому ученому учрежденію данъ былъ новый регламентъ, въ которомъ было точно указано, какія науки слѣдуетъ преподавать. Однако прежніе безпорядки и послѣ изданія регламента продолжали служить величайшимъ тормазомъ для просвѣщенія. Счастіе улыбнулось было этому учрежденію, когда академическій университетъ и гимназія были отданы въ вѣдѣніе Ломоносова. Но вѣчныя академическія интриги не дали и ему дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, и потому онъ не успѣлъ сдѣлать всего того, что могъ и желалъ. Если науки не процвѣтали въ академіи наукъ, этомъ главнѣйшемъ учрежденіи для просвѣщенія, тѣмъ меньше успѣховъ можно было ожидать отъ другихъ школъ и учебныхъ заведеній.

О разумномъ образованіи и умственномъ развитіи въ то время никто въ Россіи не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Система образованія въ первой половинѣ XVIII в. была чисто профессиональная. Дѣти должны были учиться тому же, чему учились ихъ отцы, и проходить науку въ школѣ, предназначенной тому сословію, къ которому они принадлежали по рожденію. Это поддерживало сословныя предрасудки. Мало того, при такомъ положеніи вещей у молодыхъ людей не могло явиться стремленія самостоятельно работать надъ тѣмъ или другимъ предметомъ, и такимъ образомъ въ корнѣ подавлялись призваніе, природныя склонности и талантъ. Да и можно ли было въ то время думать объ удовлетвореніи своихъ природныхъ склонностей, когда сынъ непременно долженъ былъ продолжать дѣятельность своего отца, пройти его школу и идти по его дорогѣ, какъ бы она ни противорѣчила его вкусамъ и личнымъ стремленіямъ. Мальчикъ съ ранняго возраста могъ поступить только въ школу, предназначенную для людей его сословія, потому что каждое сословіе приурочено было къ извѣстной службѣ. Дѣти людей, служащихъ при медицинской канцеляріи, обязаны были идти въ медицинскую школу и затѣмъ уже непременно готовиться въ доктора, аптекаря. Въ гарнизонныя школы должны были поступать солдатскія дѣти; для образованія же крестьянскихъ дѣтей не существовало школъ. Дѣти дворянъ предназначались преимущественно для военной службы и для службы въ коллегіяхъ и поступали въ корпуса, въ инженерное и артиллерійское училище и въ другія заведенія, исключительно для дворянъ. Духовныя школы дѣлались все болѣе и болѣе недоступными для юношей другихъ сословій, и такимъ образомъ вокругъ духовенства фактически замыкался роковой кругъ, и оно не могло

обновляться приливомъ свѣжихъ элементовъ: дѣти причетниковъ готовились въ причетники въ архіерейскихъ школахъ, дѣти священниковъ—въ семинаріяхъ, а высшій курсъ духовенство проходило въ академіяхъ Москвы и Кіева. Преподаваніе въ нихъ было чисто схоластическое и самое незавидное, какъ и въ другихъ заведеніяхъ. Впрочемъ въ духовныхъ семинаріяхъ и особенно академіяхъ схоластика съ примѣсю туманной метафизики господствовала по преимуществу. Идеаль, къ которому воспитанниковъ заставляли стремиться—умѣнье писать и спорить на темы въ родѣ слѣдующихъ: „Въ какую часть года сотворенъ былъ міръ: осенью, зимою или лѣтомъ?“—„Сколько времени Адамъ былъ въ раю?“ „Гдѣ сотворены ангелы? Сколь великое по объему мѣсто могутъ занимать они?“.

Такъ какъ образованіе въ первой половинѣ XVIII в. было подчинено требованіямъ службы, то и наука носила чисто служебный характеръ, а вмѣстѣ съ этимъ и на учащихся смотрѣли, какъ на людей, вполне принадлежащихъ государству. Просвѣщенію придавали значеніе только потому, что съ помощью его надѣялись получить болѣе знающихъ и годныхъ для государства людей. Понятно, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, должно было неблагоприятно повліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи. Отсюда естественно вытекали равнодушіе къ успѣхамъ просвѣщенія, а также неуважительное отношеніе къ наукѣ или стремленіе къ ней изъ-за корыстныхъ расчетовъ.

Профессиональное направленіе образованія тоже не могло содѣйствовать развитію самостоятельнаго интеллигентнаго, руководящаго класса,—при этомъ, конечно, не могла развиваться и умственная самостоятельность. Воспитаніе, образованіе и знаніе всецѣло подчинились системѣ государственной опеки, а развитіе мысли и ея направленіе—желаніямъ и цѣлямъ правительства. Семейное воспитаніе не могло противодѣйствовать этому: дѣти оставались дома очень не долго и были подъ присмотромъ родителей, въ свою очередь не получившихъ никакого умственнаго развитія, не имѣвшихъ никакого образованія, кромѣ казеннаго, носившаго характеръ чисто профессиональный, не обладавшихъ никакими общечеловѣческими взглядами, не имѣвшихъ никакихъ разумныхъ педагогическихъ понятій.

Правительство давно сознавало необходимость имѣть въ государствѣ образованныхъ людей: отъ времени до времени оно вызывало ихъ къ себѣ изъ-за границы и отправляло туда же учиться молодыхъ людей. Такимъ образомъ правительство неизбѣжно стало во главѣ умственной дѣятельности въ Россіи. Въ XVIII в. система правительственнаго воспитанія и образованія возведена была въ принципъ.

Распространившееся казенное обученіе лишало родителей какой бы то ни было педагогической практики и инициативы въ дѣлѣ воспитанія, отдавало ихъ отъ дѣтей и увеличивало взаимное непониманіе между старымъ и молодымъ поколѣніями. Усиленная правительственная опека не выгодна была также и для развитія въ обществѣ самостоятельной мысли, анализа и критики. Общество, уже издавна лишенное всякой инициативы, какъ въ сферѣ воспитательной и общественной, такъ и въ сферѣ самостоятельной мысли и въ дѣлѣ образованія, теперь окончательно возложило все свои надежды на правительство. Отсюда вытекаетъ боязнь мысли, умственная лѣнь, апатія, безпечность, умственное рабство, недостатокъ инициативы во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ,—качества, сдѣлавшіяся основой характера русскаго, такъ называемаго, культурнаго челоуѣка. Въ этомъ преимущественно кроется причина того индифферентизма, съ которымъ, какъ тогда, такъ и теперь, русское общество встрѣчаетъ всякую перемѣну, каждую реформу въ дѣлѣ воспитанія и образованія. Та-

кимъ образомъ наше общество давно стало отвыкать жить своимъ умомъ, своею мыслью, самостоятельно вырабатывать взгляды и принципы. Въ тѣ моменты нашей исторической жизни, когда правительство было либерально, либерально было и общество; въ періоды реакцій всё вдругъ дѣлались обскурантами.

Мѣстничество было уничтожено еще раньше Петра, но табель о рангахъ (1721 г.) лишь замѣнила одну сѣсь другою, и послѣдняя несомнѣнно оказала весьма вредное вліяніе на складъ характера русскаго человѣка. Препрежнее тщеславіе родоюю честию, выражавшееся въ мѣстничествѣ, смѣнилось общимъ стремленіемъ добывать чины, не разбирая средствъ. Теперь всё члены семьи, начиная съ родителей и кончая несовершеннолѣтними юношами, дѣлали лишь одну мечту, какъ бы главу семейства повысили въ чинѣ. Чѣмъ выше былъ чинъ, тѣмъ обезпеченнѣе была семья крупнаго чиновника въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ большимъ почетомъ и значеніемъ пользовалась она въ обществѣ. Жена и дочери крупнаго чиновника занимали въ официальныхъ торжествахъ и церемоніяхъ болѣе видныя мѣста, имѣли право впрягать большее число лошадей въ свои экипажи, пользовались всякимъ случаемъ выставить на видъ чинъ своего мужа и отца и требовали вслѣдствіе этого и себѣ соотвѣтственнаго почета. Все это развивало особаго рода мелкое чиновничье тщеславіе, для удовлетворенія котораго нерѣдко приходилось забывать честь и совѣсть, что въ высшей степени пагубно отражалось на нравственномъ, умственномъ и даже экономическомъ преуспѣяніи страны. Чиновники, вмѣсто того, чтобы блюсти общественные интересы, для охраны которыхъ они и назначались, употребляли всё усилія, чтобы добыть себѣ болѣе значительный чинъ и стремились къ этому не только изъ честолюбія и тщеславія, но и потому, что болѣе видный чинъ давалъ возможность извлекать болѣе матеріальныхъ выгодъ изъ своего положенія. Если прежде подавляющее значеніе въ обществѣ имѣлъ наиболѣе родовитый, то теперь выдвинулся человѣкъ, имѣющій крупный чинъ. Началось царство высокыхъ чиновъ, передъ которыми все преклонялось, раболѣпствовало, заискивало, унижалось. Раболѣпство передъ важными и сильными, высокоюмѣріе съ низшими существовало и прежде, но ухудшеніе теперь общественной нравственности состояло въ томъ, что изъ небольшого круга родовой знати и придворныхъ людей XVI и XVII ст., съ табелью о рангахъ оно перешло въ несравненно болѣе обширный кругъ. Такимъ образомъ раболѣпство и высокоюмѣріе не ослабѣло въ XVIII ст., а напротивъ приобрѣло для своего развитія еще болѣе благоприятную почву, и эти пороки сдѣлались достояніемъ болѣе широкаго круга людей.

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ В., въ русскомъ обществѣ еще долгое время господствовала смѣсь старины съ новизною: роскошь, мотовство, утонченныя манеры, любезность, великосвѣтскіе нравы шли рука объ руку съ грубостью, невѣжествомъ, дикими суевѣріями и предразсудками, жестокостью и скопидомствомъ. Эти противорѣчивыя крайности часто совмѣщались въ одномъ и томъ же лицѣ. Затрачивая громадныя деньги на наряды, выѣзды и балы, та же самая личность учитывала каждую копейку не только на содержаніе громаднаго штата прислуги, но и на пропитаніе собственной семьи. Стремленіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ, къ иностраннымъ модамъ и танцамъ съ каждымъ годомъ усиливалось въ обществѣ.

Крѣпостное право оказывало самое вредное вліяніе на всё стороны жизни и на весь складъ характера русскаго человѣка, а потому мы прежде всего и остановимся на немъ. Въ домѣ каждаго зажиточнаго дворянина второй половины XVIII ст. былъ громадный штатъ прислуги, набираемой изъ дворни. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ число слугъ обоаго пола доходило до 150, а иногда и больше. Въ каж-

домъ знатномъ домѣ, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и официантовъ, были дворецкіе, буфетчики, камердинеры, парикмахеръ, кондитеръ, поварь, поварята, ключники, дворники, кучера, форейторы, конюхи, садовники. Такъ же многочисленна была и женская прислуга: горничныя, нянюшки, мамушки, ключницы, швеи, палачницы (работающія въ палатахъ), чулочницы и т. д. до безконечности. За знатными барями тянулись и дворяне средней руки. Такъ какъ даже въ небогатыхъ дворянскихъ семьяхъ прислуги было несравненно больше, чѣмъ этого требовало хозяйство, то прислуга, въ большинствѣ случаевъ, и болталась безъ серьезнаго дѣла, съ одной стороны отвыкая отъ производительнаго сельскаго труда, съ другой — увеличивая барскую лѣнь и спѣсь, приучая баря къ полному бездѣйствію: нѣсколько казачковъ исключительно были заняты набиваніемъ трубокъ; специальною обязанностью нѣкоторыхъ горничныхъ было отгонять мухъ отъ заснувшихъ барчатъ, чесать пятки барынѣ, держать зонтикъ надъ ея головой лѣтомъ, поддерживать ее подъ локти, когда она отправлялась куда-нибудь зимою. Вслѣдствіе того, что помѣщики рѣшительно ничего не дѣлали, трудно себѣ представить, какъ они излѣнились и изнѣжились: платокъ или клубокъ обронить, — звонокъ, бѣги лакей или горничная поднимать: въ этомъ духѣ и дѣтей воспитывали. Помѣщики, какъ взрослые, такъ и дѣти, чесались, одѣвались, все дѣлали съ помощью крѣпостныхъ; они только сами ѣли, спали и веселились. При полномъ отсутствіи какъ умственной, такъ и физической дѣятельности, въ дворянскія головы лѣзли самыя нелѣпыя затѣи и дурачества; одинъ приказываетъ прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ какъ речитативомъ, другой заставляетъ ходить лакея по всѣмъ комнатамъ неспѣшною походкой и протяжно выкрикивать каждый часъ дня и т. п. до безконечности. Дворовые изъ крѣпостныхъ не только исполняли въ помѣщичьихъ домахъ разныя обязанности прислуги, но изъ нихъ помѣщики составляли для своего увеселенія оркестры музыкантовъ, труппы актеровъ, танцовщицъ, воспитателей и учителей своихъ дѣтей; для этого ихъ обучали грамотѣ, нѣкоторымъ наукамъ, иногда даже языкамъ. Помѣщикъ безъ церемоніи и не задумываясь мѣнялъ специальность своего слуги. По тогдашнимъ понятіямъ ничего не стоило изъ лакея сдѣлать артиста и назначить ему въ піесѣ то или другое амплуа. Подъ вліяніемъ изученія сценическаго искусства у артистовъ изъ дворовыхъ, конечно, нѣсколько расширлся умственный кругозоръ, но человѣческое чувство попиралось у нихъ такъ же безцеремонно, какъ и у остальныхъ крѣпостныхъ. Это были самые несчастные люди: извѣстное развитіе заставляло ихъ страдать гораздо болѣе остальныхъ собратьевъ отъ самодурства помѣщиковъ. Актрисы, по волѣ барина, должны были расточать свои ласки всякому, кому онъ прикажетъ: очень часто онѣ составляли гаремъ помѣщика. Такихъ крѣпостныхъ артистовъ, даже передъ самою реформою 19 февраля 1861 г., нѣкоторые помѣщики подвергали жестокимъ изгнаниямъ за малѣйшую ошибку въ игрѣ. То же дѣлалось и въ концѣ XVIII, и въ началѣ XIX в. Можно себѣ представить, какое уваженіе къ сценическому искусству и къ его представителямъ могло вырабатываться у молодого поколѣнія, когда жрецовъ искусства, по произволу помѣщика, можно было драть на конюшнѣ, давать имъ оплеухи, дѣлать изъ нихъ лакеевъ. Такое положеніе вещей долго не могло поднять сценическое искусство на должную высоту, — вотъ почему къ служителямъ его такъ долго относились съ полнымъ презрѣніемъ.

Вторую половину XVIII в. можно смѣло считать временемъ утонченныхъ манеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго безчеловѣчнаго, грубаго самоуправства и деспотизма помѣщиковъ, что еще болѣе развивало въ характерѣ русскаго человѣка дворянскую спѣсь, самодурство и сластолюбіе. Грубая натура русскаго человѣка, не тронутая

цивилизацией въ XVI и XVII вв., въ XVIII в. усваиваетъ лишь внѣшній лоскъ западной цивилизаціи. Это весьма мало расширяло умственный горизонтъ, а въ нравственномъ отношеніи крѣпостное право разнуздывало всѣ гнусныя страсти. Дворянинъ, и по закону, и по господствовавшимъ въ то время понятіямъ, имѣлъ полное право и безчеловѣчно наказывать крѣпостного, и распорядиться по своему усмотрѣнію его имуществомъ. Молодое поколѣніе росло и крѣпло въ крѣпостническихъ понятіяхъ, растлѣвавшихъ умъ и сердце. Дѣти ежедневно были свидѣтелями самыхъ жестокихъ наказаній крѣпостныхъ, какъ въ своемъ домѣ, такъ и у сосѣдей. Уже съ ранняго возраста они слышали, какъ ихъ родители за грубость или другой проступокъ крестьянина грозили ему ссылкой въ Сибирь въ каторжныя работы, сдачею въ рекруты, и были свидѣтелями, какъ эти угрозы приводились въ исполненіе. Старуха-мать провинившагося крестьянина, его маленькія дѣти ползаютъ на колѣняхъ передъ барининомъ, умоляя помиловать несчастнаго, не лишать ихъ послѣдней опоры въ жизни, но баринъ рѣдко склоняется на ихъ просьбы, приказываетъ заковать провинившагося и посадить его въ отдѣльную избу до другого дня, когда его отправятъ въ городъ для сдачи въ рекруты. Такія сцены изъ крѣпостного быта разыгрывались на глазахъ помѣщичьихъ дѣтей вплоть до крестьянской реформы. Скваннаго преступника подъ стражею сажали въ избу, которую окружала семья несчастнаго. Раздирающій душу вой и плачь всю ночь тревожилъ сонъ барскихъ дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ, съ болѣе чуткою душою, бѣжали къ родителямъ, умоляя о пощадѣ.

Наказанія крестьянъ за самый ничтожный проступокъ были въ полномъ ходу. Помѣщики были неограниченными владыками своихъ рабовъ и примѣняли къ нимъ наказанія сообразно съ своимъ характеромъ и темпераментомъ. XVIII в. былъ вѣкомъ жестокихъ нравовъ, и наказанія эти вообще были весьма жестокаго характера. Самыми обычными исправительными средствами были палки, плети и розги. Иной разъ помѣщикъ сурово наказывалъ свою прислугу изъ-за одного подозрѣнія, что она будто бы произвела порчу надъ нимъ или надъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ его семейства приворотнымъ корешкомъ или какимъ-нибудь зельемъ. „Я видѣлъ“, говоритъ одинъ французъ, долго жившій въ Россіи, „что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (что, по русской примѣтѣ, было предзнаменованіемъ большого несчастія, а потому такое преступленіе рѣдко прощалось), за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ. При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управитель, если при этомъ не бываетъ господина. Подвергающійся наказанію ложится въ одной рубахѣ, одинъ или чаще два челоуѣка помѣщаются сбоку и по очереди бьютъ провинившагося, какъ по пуховику. Несчастный испускаетъ провзительные крики, проситъ прощенія, клянется, что не провинится больше, но управитель приказываетъ: „сильнѣе, сильнѣе“, и если наказывающій замедлитъ удары, ему самому грозятъ наказаніемъ“... „Какія предосторожности ни принималъ я“, продолжаетъ авторъ, „чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній, они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать сплошь и рядомъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти провзительные вопли преслѣдовали меня даже и во снѣ“. Бить домашнюю прислугу сдѣлалось потребностью и неудержимою привычкою помѣщиковъ. Дѣти, не видя кругомъ другого обращенія, сами очень рано привыкали дурно обращаться съ крѣпостными. За столомъ, лишь только прислуга по неловкости разливала что-нибудь на скатерть, немедленно раздавались звуки пощечинъ. Трепѣвъ за вихорь, подзатыльникамъ, колотушкамъ ни господа, ни прислуга, часто получавшая

ихъ напрасно, не придавали ни малѣйшаго значенія, а принимали, какъ должное. Ее возмущала только жестокость помѣщиковъ, нерѣдко выходившая изъ всякихъ предѣловъ. Случалось, что противъ такихъ жестокосердыхъ помѣщиковъ крестьяне возставали не только единолично, но и поголовно цѣлой деревней и мстили своему угнетателю, умерщвляя его съ возмутительнымъ звѣрствомъ.

Трудно описать мучительства, которыя выносили крестьяне отъ жестокосердыхъ помѣщиковъ: одинъ господинъ приказываетъ жечь углями подошвы ногъ двороваго за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ щенковъ, которыхъ его женѣ вѣдно было выкормить своею грудью; барыня садитъ своего парикмахера въ клѣтку, который проводитъ въ ней всю жизнь, и изъ-за того только, чтобы кто-нибудь не узналъ, что она носить фальшивую косу. Такихъ примѣровъ звѣрства было не мало, и они оставались безнаказанными, за исключеніемъ уже изъ ряду вонъ выходящихъ, совершенныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ надъ многими своими крѣпостными.

Помѣщицы оказывались часто кровожаднѣе своихъ мужей: невѣжественныя, ничего не читавшія, онѣ отличались еще большимъ количествомъ предрасудковъ, чѣмъ ихъ мужья, и отъ вѣчныхъ домашнихъ дразгъ и измѣнъ своихъ мужей находились въ болѣе нервномъ настроеніи. Извѣстно, что многія изъ нихъ до сладострастія любили присутствовать при экзекуціяхъ крѣпостныхъ, хладнокровно считали удары, понукая исполнителя наказанія бить больнѣе, были въ высшей степени изобрѣтательны на наказанія и безстыдны при исполненіи ихъ, заставляли при себѣ раздѣвать наказываемыхъ мужчинъ, нерѣдко вырывали розги и сами продолжали истязаніе. Такъ же безчеловѣчно обращались эти мучительницы съ подвластными имъ женщинами, особенно если такой барынѣ случалось одну изъ нихъ приревновать къ своему мужу или любовнику. Дѣвушкамъ въ такихъ случаяхъ обрѣзали косы, раздѣвали до-гола и приказывали мужчинамъ сѣчь ихъ плетями или розгами, иной разъ подвергая несчастныхъ такимъ пыткамъ и истязаніямъ, при воспоминаніи о которыхъ кровь останавливается въ жилахъ. Конечно, къ такимъ, уже изъ ряду вонъ выходящимъ, жестокостямъ прибѣгали немногіе, но ужасно то, что такія жестокости могли существовать и сплошь и рядомъ безнаказанно сходили съ рукъ. Если настоящихъ изверговъ было не особенно много, то вообще можно сказать, что отношеніе помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ было въ высшей степени жестоко и глубоко безнравственно. Собственно по закону помѣщики не имѣли права надъ жизнью и смертию своихъ крестьянъ, но такъ какъ они имѣли неограниченное право наказывать ихъ, сколько и какъ угодно, то тяжелыя и часто повторяемыя наказанія надъ однимъ и тѣмъ же крѣпостнымъ нерѣдко кончались смертию послѣдняго. Этими суровыми отношеніямъ помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ помогалъ не только неограниченный произволь надъ своими крѣпостными, но и жестокіе нравы русскихъ людей, лишь внѣшнимъ образомъ тронутыхъ цивилизаціею.

Не менѣе вредное вліяніе крѣпостничества сказывалось и въ томъ, что молодое поколѣніе росло съ мыслью, что дворянинъ не только имѣетъ право жить безъ всякаго труда, но что трудъ даже позоритъ его честь. Работать могъ и долженъ былъ только крестьянинъ, и потому съ понятіемъ о крѣпостномъ чловѣкѣ невольню связывалось представленіе, что крѣпостной, уже по своей природѣ сравительно съ господиномъ что-то неизмѣримо низшее, нѣчто въ родѣ скотины. Что такое понятіе о крѣпостныхъ прививалось и къ дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, можно было видѣть въ дѣтскихъ играхъ барчатъ даже въ первой половинѣ XIX ст., такъ сказать наканунѣ крестьянской реформы. Для игръ и забавъ барчатъ къ нимъ пригоняли крестьянскихъ ребятъ, находившихся въ такомъ же подчиненіи у своихъ

маленькихъ господъ, какъ ихъ родители у взрослыхъ помѣщиковъ. И даже маленькія дѣти изъ крестьянской среды прекрасно понимали то разстояніе, которое существуетъ между ними и барчатами,—они безпрекословно повиновались своимъ маленькимъ повелителямъ. Чуть они увлекались забавою, и барчата тотчасъ напоминали имъ ихъ рабское положеніе колотушками и пинками.

Такой произволь одного сословія надъ другимъ все болѣе укоренялъ въ дворянахъ преувеличенно высокое мнѣніе о своемъ дворянскомъ достоинствѣ. Дворяне съ презрѣніемъ смотрѣли на недворянъ и если иногда, по разнымъ обстоятельствамъ, водили съ ними знакомство и принимали ихъ у себя, то всегда давали имъ чувствовать свое превосходство. Между тѣмъ несомнѣнно, что дворяне XVIII в. отличались отъ недворянъ и вообще отъ низшаго сословія лишь чисто внѣшними преимуществами: изящными манерами, знаніемъ французскаго языка и большею, сравнительно съ крестьянскою массою, грамотностью. Конечно, между помѣщиками попадались и люди весьма для того времени образованные, но это были лишь исключительныя явленія, масса же дворянъ почти вовсе не возвышалась надъ простонародьемъ своимъ умственнымъ развитіемъ и нравственными достоинствами. Надъ жизнью тѣхъ и другихъ въ равной степени тяготѣло иго суевѣрій, предрасудковъ и всевозможныхъ примѣтъ. Дворяне такъ же, какъ и простонародье, вѣрили въ колдуновъ, въ ворожбу, въ дурной глазъ. Въ нравственномъ же отношеніи крѣпостное право имѣло одинаково растлѣвающее вліяніе, какъ на рабовъ, такъ и на господъ. Нестерпимый гнетъ, личная и экономическая зависимость крѣпостныхъ, рабская приниженность передъ господами отъ колыбели до могилы,—все это очень рано умственно и нравственно притупляло человѣка, будило въ немъ дикіе, кровожадные инстинкты мести относительно мучителей или создавало особый кодексъ нравственности: на глазахъ господъ — рабская преданность, за глазами—обманъ, воровство, вѣроломство, предательство. Конечно, мы знаемъ не мало примѣровъ и неподкупной преданности рабовъ своимъ господамъ, но мы говоримъ не объ исключеніяхъ, но о томъ, какое вліяніе имѣло крѣпостное право на массу вообще. Что же касается помѣщиковъ, то непосредственное вліяніе крѣпостного права на нихъ, кромѣ уже вышеназваннаго, сказалось также и въ томъ, что оно въ высшей степени усиливало развратъ между ними. Иногда все женское населеніе какой-нибудь вотчины растлѣвалось для необузданныхъ похотей барина. Существовало не мало помѣщиковъ, которымъ ихъ лакеи каждую ночь приводили на жертву безчестія ту, которую они въ тотъ день назначали. Нѣкоторые помѣщики пользовались въ подвластныхъ имъ вотчинахъ правомъ средневѣковыхъ бароновъ относительно дѣвушекъ. Еще въ XIX в., незадолго до реформы, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ существовали цѣлыя гаремы. Не довольствуясь тѣмъ, что сами они изнасиловали множество дѣвушекъ, они любезно угощали ими своихъ гостей, при этомъ для болѣе важныхъ изъ нихъ выбирались невинныя, хотя бы имъ было не болѣе 12 лѣтъ отъ роду. Однимъ словомъ, ни одна крестьянская женщина или дѣвушка не была безопасна отъ похотливыхъ вождедѣній своего барина. Нерѣдко жертва барской прихоти, чтобы не явиться опозоренною передъ женихомъ, мужемъ или отцомъ, топилась, вѣшалась или прибѣгала къ другому рода самоубійству. Этотъ развратъ вносилъ страшный разладъ въ семью помѣщика и самымъ тлетворнымъ, гибельнымъ образомъ отражался на его дѣтяхъ. Его жена не всегда оставалась равнодушною зрительницею вѣчныхъ измѣнъ своего мужа: ревновала, дѣлала мужу при дѣтяхъ бурныя сцены, тиранила его любовницъ, нерѣдко, въ отместку, сама пускалась въ развратъ.

Развратъ родителей не былъ тайною для дѣтей: онъ былъ слишкомъ явенъ

чтобы его укрыть, наконецъ въ то время никто и не думалъ, что подобныя вещи слѣдуетъ скрывать отъ дѣтей. Во время упрековъ и перекоговъ между родителями и среди бурныхъ сценъ, которыя они дѣлали другъ другу, не стѣняясь перемывать грязное бѣлье, ихъ дѣти, тутъ же, на лету, подхватывали очень многое. Если они чего-нибудь не понимали въ ту минуту, то къ ихъ услугамъ всегда былъ цѣлый штатъ лакеевъ, мамушекъ, нянюшекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ, которые съ величайшею готовностью имъ объясняли подобныя вещи. Дѣтское воображеніе и наблюдательность, получивъ однажды толчокъ, начинали работать въ самомъ гибельномъ направленіи, совершенно развращавшемъ чистую дѣтскую душу. Вслѣдствіе господства крѣпостническихъ идей, помѣщичьяго произвола, общественнаго и семейнаго разврата, невѣжества, суевѣрія и отсутствія здравыхъ педагогическихъ понятій, подростящее поколѣніе не имѣло матеріала для здоровой наблюдательности и циталось лишь гнилымъ запасомъ доморощенной нравственности или кодексомъ усвоенныхъ приличій. Молодежь въ раннемъ дѣтствѣ развращалась физически, нравственно и умственно и такъ же, какъ ихъ отцы, уже въ ранней молодости начинала вести праздную жизнь, полную разгула и преступныхъ наслажденій.

Гибельное вліяніе крѣпостничества на воспитаніе русской молодежи продолжалось до 1861 г., т.-е. до крестьянской реформы. Хотя нравы XIX в. сильно смягчились сравнительно съ нравами XVIII в., хотя въ первой половинѣ XIX в. русское общество и въ образованіи сдѣлало успѣхи и пошло впередъ, но вредъ крѣпостничества въ XIX ст. сказывался такъ же гибельно, какъ и въ предшествующемъ. Гибельное вліяніе долго господствовавшаго у насъ крѣпостничества сказывается до сихъ поръ: многія черты характера, усвоенныя въ то время, — лѣныя мысли, эгоизмъ, отвращеніе къ физическому труду, развратъ, самодурство, барская спѣсь, — все это такъ вѣлось въ нашу натуру, что перешло къ дѣтямъ отъ ихъ родителей, а потому и теперь еще необходимо имѣть это въ виду при воспитаніи дѣтей.

Посмотримъ же на другія стороны жизни дворянъ второй половины XVIII в., оказавшія наиболѣе вредное вліяніе на складъ характера русскаго человѣка. Помѣщики въ провинціи жили очень просто: свободное время отъ сна, ѣды и немногосложныхъ хлопотъ по имѣнію, главная забота о которомъ лежала обыкновенно на управителяхъ, посвящали незамысловатымъ удовольствіямъ: игрѣ въ городки, качанію на качеляхъ, рыбной ловлѣ, охотѣ, посѣщенію сосѣдей и совѣстной съ ними игрѣ въ карты. Между помѣщиками было чрезвычайно много страстныхъ любителей собакъ, лошадей и голубей; у нѣкоторыхъ изъ нихъ было непріятно бывать вслѣдствіе шума, гама и запаха множества животныхъ: одинъ дрессируетъ собаку, другой гоняетъ на кордѣ лошадь, третій лазаетъ по голубятнямъ, и всюду, въ каждомъ семействѣ, между всѣми помѣщиками, болѣе всего были распространены карты. Азартными играми увлекались одинаково сильно, какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ. За картами просиживали дни и ночи, и онѣ вели дворянъ къ полному разоренію: проигрывали не только деньги, но помѣстья, дома, крестьянъ, собакъ, лошадей съ экипажемъ, въ которомъ только что пріѣхали въ гости. Карточная игра сильно поддерживала инстинкты, привитыя барствомъ: выигрышъ пріучалъ къ легкой наживѣ, къ жизни на средства, приобретенныя не трудомъ, а двусмысленнымъ способомъ, заставлялъ радоваться несчастью другого, мечтать объ этомъ несчастьи и вѣль къ пагубному мотовству; проигрышъ, разоряя помѣщиковъ, толкалъ ихъ на преступления. Мотовство и игра въ карты заставляли многихъ прибѣгать къ разорительнымъ займамъ. Появились ростовщики, бравшіе за свои услуги огромные проценты. Эти пиявицы рода человѣческаго плодились въ то время съ

необыкновенной быстротой, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число людей, которые, пользуясь своими служебными преимуществами или высокимъ положеніемъ, никому не платили долговъ.

Сосѣди рѣдко жили между собою въ ладу. Поводомъ къ этому служило преимущественно то, что земли не были размежеваны, и большія дачи и пустоши находились въ общемъ владѣніи многихъ лицъ. Это постоянно вызывало между сосѣдями всевозможныя дразги, ссоры и самыя грубыя столкновенія. Въ ссоры между сосѣдями помѣщики втягивали и своихъ крестьянъ. Вражда между врагами иногда длилась всю жизнь и кончалась нерѣдко для одной изъ сторонъ трагическимъ образомъ. Оба врага только и думали, какъ бы насолить другъ другу, и близкіе люди того и другого изъ нихъ тоже измышляли для этого разныя каверзы: одинъ дворянинъ посылалъ своихъ крестьянъ загонять скотину своего сосѣда: крестьяне враждебной стороны съ дубемъ и полѣньями старались отстоять скотъ своего помѣщика. И вотъ начинается вражда не на жизнь, а на смерть, въ которой проигрываютъ рѣшительно всѣ, а придумываніе подлыхъ средствъ для мести окончательно развращаетъ человѣка. Эта вражда отъ времени до времени переходитъ съ той и другой стороны въ побоище. Дѣти враговъ тоже принимаютъ дѣятельное участіе во враждѣ своихъ родителей: они стараются подстеречь своихъ прежнихъ товарищей, крѣпостного человѣка своего врага, или его домашній скотъ и не жалѣютъ на нихъ камней, а бывало не мало случаевъ, что во время такихъ ссоръ подстрѣливали и людей.

Помѣщики, въ большинствѣ случаевъ, посѣщали дома болѣе отдаленныхъ сосѣдей, съ которыми было менѣе поводовъ къ враждѣ. Хотя они бывали другъ у друга не часто, подъ большіе праздники и въ дни семейныхъ торжествъ, но тогда уже проводили въ гостяхъ по нѣскольку дней. Разговоръ ко время этихъ съѣздовъ вертѣлся около хозяйства, охоты, состоялъ изъ пересудовъ общихъ знакомыхъ. Когда эти темы истощались, какой-нибудь шутникъ прибаутками потѣшалъ всю компанію, или отставной военный развлекалъ разсказами о боевой жизни. Разговоры и разсказы, въ большинствѣ случаевъ, были настолько фривольнаго содержанія, что они стѣсняли молодыхъ дѣвушекъ, если тѣ еще не утратили стыдливости. На Рождествѣ и на масляницѣ наряжались въ фантастическіе костюмы, устраивали игры, которыя принимали иногда непристойный характеръ; но болѣе всего при этихъ съѣздахъ старались накормить гостей до отвала, такъ какъ предки наши вообще любили поѣсть и отличались гостепримствомъ.

Въ столицахъ шла другая жизнь. Во второй половинѣ XVIII в. въ обществѣ появилось неудержимое стремленіе къ роскоши, расточительности и модѣ. Не успѣтъ утвердиться одна мода, какъ ее смѣняетъ другая, что вмѣстѣ съ азартною игрою вело къ еще болѣе быстрому разоренію, чѣмъ въ провинціи. По требованію моды установилась необыкновенная роскошь въ туалетѣ; бархатъ, кружева, блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались существеннѣйшими принадлежностями одежды. За богатствомъ, роскошью и великолѣпіемъ двора тянулись высшіе и низшіе дворяне, даже люди съ весьма ничтожнымъ состояніемъ. И мужчины, и дамы стремились заказывать платья у французскихъ портныхъ, бравшихъ за свое искусство втридорога и возвращавшихся на родину съ карманами, туго набитыми русскими деньгами. Умѣть изящно, по модѣ одѣться и сдѣлать искусную прическу считалось въ то время главнѣйшею обязанностью порядочнаго человѣка, будь онъ мужчина или женщина. Понятно, что за туалетомъ проводили значительную часть дня: 3, 4 и 5 часовъ. Пудра для волосъ, румяна, бѣлила, мушки для лица—были необходимою принадлежностью туалета обоого пола, однимъ словомъ жизнь въ столицахъ

вели пустую и свѣтскую. Интересовъ умственныхъ и здѣсь не существовало, все уходило на свѣтскую болтовню въ гостиныхъ, на балы, обѣды, визиты, занятія туалетомъ и на театры. Разговоры въ гостяхъ ограничивались сообщеніемъ модныхъ новостей дня и злословіемъ. Свѣтское обращеніе XVIII-го столѣтія допускало въ отношеніяхъ двухъ половъ много вольности. Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовныхъ похожденій, взаимныхъ признаній, комплиментовъ и сообщеній о незамысловатыхъ происшествіяхъ дня. Волокитство было общимъ развлеченіемъ и главною цѣлью жизни. Матери считали своею обязанностью научить своихъ дочерей кокетству и умѣнью нравиться уже въ 10—11 лѣтъ, а юношей—искусству ухаживать за такими дѣвочками. На волокитство, доведенное до распутства, смотрѣли тогда, какъ на милыя, забавныя шалости. Высшимъ тономъ, завѣтною мечтою супруговъ того времени было жить на двѣ половины: жена стремилась быть окруженною роемъ обожателей, мужъ—содержать на сторонѣ метрессу, не только не скрывая этого отъ своихъ знакомыхъ, но и хвастаясь этимъ.

Жизнь не по средствамъ плодила взяточничество, лихоимство, которыя шли рука объ руку съ неправдою въ судахъ, съ незаконностью судей и приказныхъ, съ ябедою и другими пороками. Судьи прошлаго столѣтія отличались такимъ невѣжествомъ, что нерѣдко даже не знали основательно тѣхъ указовъ, которыми должны были руководиться при разборѣ и рѣшеніи дѣлъ. Дѣло рѣшали въ пользу того, кто давалъ наибольшую взятку.

Взяточничество шло рука объ руку съ злоупотребленіями въ разныхъ отрасляхъ управленія, а также и съ халатнымъ, небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу; чиновники въ присутствіяхъ больше занимались разговорами и путками, чѣмъ дѣломъ. Страсть къ ябедѣ, крючкотворству и тяжбамъ, давно уже коренившаяся въ нравахъ русскаго общества, особенно процвѣтала въ XVIII в. и очень помогала судебному произволу. Такъ же мало хорошаго въ нравахъ было и въ военной сферѣ: военная молодежь въ царствованіе Екатерины II вела жизнь распутную, полную разгуда, попойекъ, любовныхъ похожденій и скандаловъ.

Люди того времени отличались большимъ почтеніемъ къ знатнымъ и людямъ крупныхъ чиновъ. Человѣка знатнаго и чиновнаго уважали не за то, что онъ, несмотря на всѣ соблазны, руководствовался честными принципами, а за то, что онъ достигъ высокаго сана, нажилъ большое состояніе. Что изъ того, что все это достигнуто самымъ гнуснымъ образомъ, но, по понятіямъ того времени, умный, не разбирая средствъ, наживаетъ богатство и достигаетъ крупнаго чина, а глупый вездѣ остается за штатомъ. Это отчасти и было причиною того, что послѣ крестьянской реформы молодое поколѣніе, не задумываясь, повергало въ прахъ всѣ прежніе авторитеты, всѣ прежніе кумиры. Людямъ съ новыми взглядами и новыми идеалами трудно было забыть, что люди старые и чиновные, такъ долго пользовавшіеся въ обществѣ и семьѣ авторитетомъ, занимавшіе болѣе видныя мѣста, окруженные всеобщимъ уваженіемъ, подавали примѣръ лишь взяточничества, насилія, самодурства, разврата и деспотизма. Если въ XVIII в. девизомъ общества было „почетъ и уваженіе старости и знатности“, то въ періодъ общественнаго возрожденія, т.-е. въ 60-е гг., всѣ упованія и надежды на лучшее будущее возложили на молодежь. Мало уваженія возбуждали и прежніе идеалы. Правда, люди прошлаго столѣтія строго соблюдали благочестіе: часто посѣщали церкви, служили молебны и всенощныя на дому, подымали иконы, предпринимали хожденіе по монастырямъ, но это благочестіе и религиозное рвеніе было чисто вѣшняго характера и легко уживалось съ закоренѣлымъ суевѣріемъ, ханжествомъ, угнетеніемъ и обидой слабого, высокоуміемъ

съ низшимъ, издѣвательствомъ надъ неимущимъ. Суевѣрія людей XVIII в. мало чѣмъ уступали суевѣріямъ предъидущей эпохи; и теперь еще боялись лѣшихъ, вѣдьмъ, вѣрили наговорамъ и напентыванію, примѣтамъ, гаданію, снамъ, приворотнымъ корешкамъ и зелью, какъ и прежде боялись дурного глаза, — однимъ словомъ, трудно сказать, что у людей описываемой эпохи было сильнѣе: вѣра въ Бога или въ злую сверхъестественную силу.

Относительно дѣтей существовали двѣ системы или, точнѣе сказать, два образа дѣйствія: строгость, переходящая въ жестокость или совершенная распущенность. Первое встрѣчалось чаще. Дѣти въ такихъ семействахъ должны были безпрекословно подчиняться родительской власти, и отъ такого безпрекословнаго повиновенія родителямъ ихъ не избавляли ни лѣта, ни чины. За малѣйшую оплошность дѣтей наказывали розгами; во многихъ семьяхъ къ нимъ прибѣгали ежедневно, нерѣдко даже безъ всякой вины со стороны ребенка, чтобы предупредить зло, пресѣчь его въ корнѣ. Если родители были чѣмъ-нибудь заняты, они поручали экзекуцію кому-нибудь изъ домашнихъ. Впрочемъ, къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали у насъ не только въ XVIII столѣтіи, но и въ XIX, вплоть до освободительнаго періода, — не совсѣмъ исчезли они и въ настоящее время. Эта возмущающая душу и унижающая человѣческое достоинство педагогическая мѣра оказываетъ въ высшей степени пагубное вліяніе и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Розги, колотушки, удары и другія тѣлесныя наказанія могутъ повести къ поврежденію тканей, разрушающихъ жизнь, вызываютъ въ ребенкѣ ужасъ, страхъ, гнѣвъ и другіе аффекты, внезапно, сразу напрягаютъ нервную систему и такъ же внезапно, когда пройдетъ сильное возбужденіе, ослабляютъ ее. Всего этого маломальски разумный воспитатель долженъ избѣгать всѣми зависящими отъ него мѣрами, такъ какъ подавленіе и обузданіе аффектовъ должно быть одною изъ важнѣйшихъ задачъ разумнаго воспитанія. Если же тѣлесныя наказанія не возбуждаютъ въ ребенкѣ ни страха, ни гнѣва, ни ужаса, то это означаетъ, что его нервы уже расшатаны, или то, что въ немъ уже притушены нравственныя чувства частыми наказаніями, или онъ тупъ вообще, и уже никакъ не подобными средствами слѣдуетъ пробуждать въ немъ дремлющія моральныя силы.

Вредъ тѣлесныхъ наказаній для нравственности и здоровья ребенка неисчислимы. Прежде всего они подрываютъ родительскій авторитетъ. Маломальски развитой ребенокъ скоро приходитъ къ убѣжденію, что воспитатель его весьма несостоятеленъ въ умственномъ отношеніи, если, кромѣ розги, не могъ придумать никакого средства, не могъ найти никакихъ словъ, чтобы помѣшать совершенію имъ проступка, за который ему пришлось такъ жестоко заплатить. Къ тому же такое наказаніе унижаетъ человѣческое достоинство ребенка: лишь только онъ узнаетъ, что, теперь не совсѣмъ одобрительно смотрятъ даже и на того, кто бьетъ животное, что даже дрессируя его, теперь все менѣе прибѣгаютъ къ побоямъ, между тѣмъ какъ его, человѣка, ставятъ не выше, а то и ниже безсловеснаго животнаго, и въ немъ пробудится страшное озлобленіе противъ воспитателя. Да и возможно ли, чтобы такая мѣра въ нравственно развитомъ ребенкѣ не вызвала раздраженія. Окружающіе его говорятъ ему, что онъ долженъ брать примѣръ съ родителей. Родители, которые дѣйствительно должны подавать примѣръ сдержанности, любви и кротости, выказываютъ къ нему за его проступокъ совсѣмъ противоположныя чувства. Въ нынѣшнихъ дѣтяхъ, вслѣдствіе ихъ несравненно большаго умственнаго развитія, такія педагогическія мѣры могутъ вызвать еще легче раздраженіе и ожесточеніе противъ родителей, чѣмъ прежде. Тѣлесныя наказанія сильно тормозятъ также раз-

вигіе деликатности, подавляютъ стыдъ и скромность, притупляютъ чувствительность и чуткость. Чѣмъ чаще прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, тѣмъ равнодушнѣе становится ребенокъ къ сраму и позору. Не потому ли отчасти мы такъ равнодушно, такъ холодно-преступно смотримъ на униженіе человѣческаго достоинства нашихъ ближнихъ, на колотушки и мордобитіе слабыхъ, что въ насъ еще въ дѣтствѣ притупили розгами впечатлительность и чуткость? Наиболѣе великій вредъ тѣлесныхъ наказаній заключается въ томъ, что подобными экзекуціями нарушается правильное кровообращеніе и вызывается усиленное нервное возбужденіе; кровь въ такіе моменты съ особенною силою притекаетъ къ половымъ органамъ, а такъ какъ наказуемый въ это время находится въ ненормальномъ нервномъ возбужденіи, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что вся эта экзекуція, вмѣстѣ взятая, пробуждаетъ преждевременную чувственность.

Но возвратимся къ воспитанію въ XVIII в. Дѣтямъ въ то время постоянно давали чувствовать родительскій авторитетъ. Мало того, даже взрослые сыновья, во многихъ семействахъ, не могли сѣсть безъ дозволенія родителей, разговаривали съ ними не иначе, какъ привставая. Излишняя строгость и вѣчный страхъ передъ родителями не давали развиваться въ дѣтяхъ ни откровенности, ни сердечности, ни любви и уваженію къ родителямъ. Дѣти не сознавались родителямъ въ своихъ шалостяхъ и проказахъ, сидѣли на ихъ глазахъ чинно и благопристойно, а за ихъ спиной продѣлывали непозволительныя вещи.

Тамъ, гдѣ царило безпардонное баловство, рука объ руку съ нимъ шли распущенность и своеволіе. Такъ какъ это было время господства розги и вѣры въ ея всемогущество, то, если балованный ребенокъ уже сильно провинился, розгою иногда наказывали не его, а двороваго мальчика, взятаго для игры съ нимъ. Въ такихъ семьяхъ дѣти не боялись родителей, но бранили ихъ непечатными словами, а въ злобѣ и гнѣвѣ пускали въ нихъ, чѣмъ попало. Такое воспитаніе доводило дѣтей до полного распутства еще въ очень ранніе годы; изъ такихъ семей выходили преимущественно недоросли, сорви-головы и самодуры, люди, незнавшіе удержу рукамъ и грубымъ проявленіямъ самыхъ пошлыхъ инстинктовъ. Но что бы ни господствовало въ семьѣ—строгость или распущенность, на дѣтяхъ прежде всего губительно отзывалось вліяніе крѣпостнаго права. Хотя изъ многочисленнаго штата крѣпостныхъ нянюшекъ, мамокъ и дядекъ встрѣчалось не мало натуръ добрыхъ и самоотверженно преданныхъ своимъ питомцамъ, но все, что они могли для нихъ сдѣлать, это внушить къ себѣ довѣріе, привязанность, возбудить любовь. Это, конечно, была немаловажная заслуга въ эпоху, когда русская дѣйствительность возбуждала лишь дурныя чувства. При этомъ многія изъ мамушекъ и нянюшекъ своими сказками, рассказами и пѣснями поддерживали знаніе живой русской рѣчи и интересъ къ народной поэзіи, вытѣсняемые все болѣе моднымъ французскимъ языкомъ и пристрастіемъ ко всему французскому. Но, будучи невѣжественны и суевѣрны, онѣ не могли расширить умственный кругозоръ своихъ питомцевъ. Къ тому же жизнь помещиковъ сложилась такъ, что среди обширной дѣвичьей, лакейской и товарищей игръ изъ крѣпостныхъ дурные элементы несомнѣнно перевѣшивали хорошіе.

Въ XVIII в., при воспитаніи дѣтей, существовало два совершенно различныхъ теченія: представители одного предпочитали правила допетровской старины, очень туго и медленно подвигаясь впередъ по пути новшествъ, другое было совершенно французское, ставившее фундаментомъ образованія и развитія французскій языкъ, танцы, тонкость обращенія, изящество манеръ, умѣнье одѣться со вкусомъ и по модѣ. Люди стариннаго покроя заботились только о здоровьѣ дѣтей и, при

своимъ совершенномъ невѣжествѣ, считали главнымъ средствомъ для этого мягкіе пуховики, непомѣрно теплую одежду и ѣду, ѣду частую, чуть не ежечасную. „Лишь бы ты здоровъ былъ, Иванушка, да счастливъ, а умъ будетъ, — всему самъ научишься“, приговаривали они и искренно были убѣждены въ томъ, что барчатамъ не зачѣмъ учиться разнымъ премудростямъ, такъ какъ всякому свое дѣло: „для дворянина — шпага, для стряпчаго — перо, а грамота — для поповъ“, — и оставляли дѣтей цѣлый день рѣзвиться и проводить время, какъ имъ заблагоразсудится. Книгъ для дѣтскаго чтенія тогда почти не существовало, грамотѣ начинали учить поздно, слѣдовательно большую часть дня дѣти проводили на полной свободѣ: играли въ чехарду, рѣзвились съ ребятами, крали у родителей лакомства изъ кладовыхъ, а иногда и бутылочку-другую вина, потягивая его вмѣстѣ съ товарищами, безпрестанно бѣгали въ людскую, заслушиваясь скабрзныхъ разсказовъ, лазали по деревьямъ, разоряя птичьи гнѣзда, и на голубятню, дрессировали собаченковъ, носились по деревнѣ на лошадяхъ, распѣвая съ сверстниками во все горло двусмысленныя пѣсни, зимою катались съ горъ съ дворовыми дѣвушками, приучаясь къ сквернословію и непристойнымъ шуткамъ, устраивали съ дворовыми ребятами глупѣйшія игры и въ такомъ времяпрепровожденіи къ 14, 15 лѣтамъ теряли всякую здоровую любознательность, юношескую стыдливость, извращали умственные и нравственные склонности и стремленія.

Учили тогда мало и плохо. Учителями русскаго языка у большинства дворянъ (это была эра преимущественно дворянская, и правительство болѣе всего заботилось о дворянахъ) были дячки, грамотные изъ дворовыхъ, отставные солдаты, выключенные семинаристы. На своего учителя помѣщики смотрѣли почти такъ же, какъ и на своего лакея, понятно, что и дѣти точно такъ же относились къ своимъ наставникамъ. Помѣщичьихъ дѣтей выучивали читать и писать съ грѣхомъ пополамъ; чтеніе ограничивалось обыкновенно часословомъ и библіею; но въ первой половинѣ XVIII ст. было очень много совершенно безграмотныхъ дворянъ; во второй половинѣ этого столѣтія грамотность пошла успѣшнѣе вслѣдствіе учрежденія казенныхъ заведеній. Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей въ городахъ существовали такъ называемые „мастера“; они учили у себя на дому чтенію и письму. Вотъ какъ они вели свое преподаваніе: „Училъ меня русскою грамотѣ *россійскій мастеръ*, у котораго отъ утра и до вечера каждый день прогвѣвалъ я: азъ, буки, вѣди и проч., какъ будто бы по нотамъ, и кричалъ съ ребятами во весь голосъ, ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ приходѣ; отчего къ вечеру выходили мы отъ мастера такъ, какъ шальные: раскричимъ себѣ головы и кажемся добрымъ людямъ такими, которые недавно освободились отъ сильнаго угару“.

Иностранные языки, въ особенности французскій, съ каждымъ годомъ все болѣе входили въ моду при воспитаніи дѣтей. Съ усиленіемъ запроса на французскій языкъ стали безъ разбора принимать къ себѣ въ домъ всякихъ проходимцевъ, лишь бы они были французы или сами выдавали себя за таковыхъ. Кучера, лакеи, парикмахеры, всякій парижскій сбродъ наводнилъ дворянскія семьи въ званіи наставниковъ. Въ необразованной семьѣ того времени, съ одной стороны преданной своимъ удовольствіямъ, съ другой занятой хозяйственными заботами о безконечныхъ заготовкахъ припасовъ, никто не могъ контролировать этихъ воспитателей. Они нерѣдко имѣли на русское юношество самое безнравственное вліяніе, выучивали лишь французскому языку, а былъ и такой случай, что одинъ финляндецъ выучилъ своихъ учениковъ финскому языку, выдавая себя за француза.

Хотя въ обществѣ сохранилось еще очень много стараго, но новыя вѣянія все болѣе давали себя чувствовать, а во второй половинѣ XVIII в. они получили рѣшительное преобладаніе. Въ это время уже большая часть русскаго общества, не только въ столицахъ, но даже и въ провинціи, стремилась давать дѣтямъ свѣтское воспитаніе, фундаментомъ котораго былъ французскій языкъ, старалась поставить домъ на свѣтскую ногу, обучить всѣхъ домочадцевъ тонкому обращенію, научить дочерей умѣнію пѣть въ гостиной чувствительныя романсы, танцамъ и игрѣ на гитарѣ,—не даромъ поэты того времени не иначе изображали дѣву, какъ съ арфою въ рукахъ. Дѣвочекъ въ этомъ отношеніи начинали шпиговать и дрессировать съ самаго ранняго дѣтства. Были такія искусныя гувернантки, которыя дѣвочку къ 9, 10 годамъ умѣли совершенно превратить въ свѣтскую даму. Такое раннее обученіе дѣвочекъ свѣтскости считали въ то время необходимымъ, такъ какъ въ 12, 13 лѣтъ дѣвочка уже могла выходить замужъ, слѣдовательно она еще ранѣе должна была изучить искусство нравиться и плѣнять.

Понятія о физическомъ воспитаніи вовсе не существовало, и его замѣняла особаго рода выправка, состоявшая въ томъ, чтобы дѣвушка держалась прямо, легко и граціозно ступала, умѣла одѣться не только изящно, но и такъ, чтобы скрыть свои физическіе недостатки и выказать преимущества, умѣла граціозно кланяться. Танцы, холя и изнѣженность тѣла считались самыми дѣйствительными средствами для достиженія такого идеала. Чтобы внѣшній видъ дворянокъ ничѣмъ не напоминалъ здоровыхъ, краснощекихъ, огрубѣлыхъ отъ простой работы крестьянокъ, помѣшники не только высшаго, но и средняго состоянія держали своихъ дочерей въ тепличной атмосферѣ, приходи въ ужасъ отъ каждаго поползновенія ихъ къ физическому труду. Имъ съ ранняго дѣтства вбивали въ голову, что простой физическій трудъ долженъ въ барышни возбуждать презрѣніе, что онъ достоиніе раба. Изнѣженное воспитаніе не внушало однако привычекъ къ чистоплотности, и писатели того времени единогласно свидѣтельствуютъ о величайшей неряшливости свѣтскихъ, воздушно-нѣжныхъ созданій того времени.

Дѣвочку уже въ 9, 10 лѣтъ вывозили на балы и общественныя увеселенія, и родительское сердце ничѣмъ болѣе нельзя было тронуть, какъ придти въ восторгъ отъ танцевальнаго искусства ихъ дочери. Съ этою цѣлью достаточные люди устраивали даже домашніе дѣтскіе балеты. Въ то же время въ большой модѣ были домашніе театры, въ которыхъ, такъ же, какъ и въ балетахъ, принимали участіе дѣти. Вслѣдствіе этого у дѣтей того времени являлась прежде всего страсть плѣнять своими прелестями. Естественно, что это влекло къ опасному и преждевременному развитію чувственности, пустоты, суетности, мелочности, пошлости, легкомыслію, къ стремленію поскорѣе выйти замужъ, однимъ словомъ къ развитію такихъ качествъ и сторонъ, подавленіе которыхъ должно входить въ основу воспитанія женщины.

Во второй половинѣ XVIII в. и у взрослыхъ, и у дѣтей особенно развилась страсть къ театру. Театральныя представленія, начавшія входить въ употребленіе еще ранѣе, теперь вошли въ особенную моду. Екатерина II, желая придать европейскій лоскъ окружающему ее обществу и облагородить, смягчить его грубыя инстинкты, сильно покровительствовала искусствамъ. Поэтому, съ самаго начала ея царствованія, устраивались карусели, маскарадныя процессіи, но особенное вниманіе было обращено на музыку, пѣніе и спектакли. Всѣ дни при дворѣ были распределены для какихъ нибудь увеселеній, и главную роль въ нихъ играли театральныя представленія: два раза въ недѣлю давали русскія и французскія комедіи, одинъ разъ шла французская опера. Итальянская опера тоже процвѣтала, и на нее пригла-

шали иностранныхъ знаменитостей. Знатныя дамы сильно увлекались итальянскими пѣвцами. Несмотря однако на общественные театры, богатые люди держали у себя иногда большія группы актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Страсть къ театру доходила чуть не до помѣшательства. Въ домашнихъ спектакляхъ нерѣдко принимали участіе самыя знатныя лица и играли французскія комедіи и итальянскія оперетки вмѣстѣ съ иностранными актерами и актрисами. Несмотря однако на страсть къ театру, въ это время еще не выработалось здравыхъ понятій ни объ искусствѣ, ни о надлежащемъ отношеніи къ его представителямъ: съ одной стороны знатныя лица появляются на театральныхъ подмосткахъ домашнихъ театровъ вмѣстѣ съ иностранными актерами, съ другой—самое жестокое обращеніе съ артистами изъ крѣпостныхъ никого не возмущаетъ. Страсть къ театру уживалась съ полнымъ отсутствіемъ вкуса, чутья и пониманія театральной пьесы: публика болѣе всего приходила въ восторгъ, когда баба-ята ѣздила въ стулѣ, или когда на сценѣ появлялся медвѣдь. Свое одобреніе актеру присутствующіе выказывали тѣмъ, что бросали ему на сцену кошелькъ съ деньгами, и самъ актеръ съ поклонами и шапкою расхаживалъ среди публики, собирая подачку. Поведеніе публики во время представленія было въ такомъ же вкусѣ, и крѣпостническія замашки давали себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Люди попроче держали себя смиренно, богатые же и знатные громко разговаривали, безцеремонно выкрикивали свои замѣчанія, смѣялись во все горло. Въ театральныхъ сѣняхъ нерѣдко раздавались стоны кучера или лакея, надъ которыми производили экзекуцію.

ГЛАВА III.

Идеалы воспитанія на западѣ со времени реформациі.

Услуги реформациі.—Принципы воспитанія Амоса Коменскаго —Значеніе идей Джона Локка.—Взгляды на воспитаніе Монтэня и Фенелона.—Поразительное вліяніе «Эмілія» на умы всего свѣта и причины этого явленія.—Идеалы Руссо; ихъ значеніе въ воспитаніи въ прошлое и настоящее время.—Достоинства и недостатки методовъ воспитанія XVIII го в.—Вліяніе философскихъ идей и ихъ принциповъ на обновленіе воспитанія.

Въ то время, когда образованіе въ Россіи, даже послѣ Петра, подвигалось медленными шагами, когда у насъ господствовало полное невѣжество, а въ общественной жизни не существовало никакихъ нравственныхъ стремленій и идеаловъ, западно-европейское общество переживало блестящую пору расцвѣта умственныхъ силъ и общечеловѣческихъ идеаловъ, привыкала преклоняться передъ ними, а не передъ мишурнымъ блескомъ внѣшнихъ преимуществъ, высоко выдвигала впередъ знамя гуманности, широкаго умственнаго развитія, свободы личности и мысли и общечеловѣческихъ правъ. Многія просвѣтительныя идеи развились въ западно-европейской литературѣ и вошли въ сознаніе еще въ то время, когда у насъ господствовалъ въ полномъ смыслѣ слова мракъ невѣжества и суевѣрія. Посмотримъ же, какіе взгляды и идеалы уже были выработаны въ то время на западѣ, и остановимся лишь на самыхъ существенныхъ изъ нихъ.

Дѣлу воспитанія на западѣ особенную услугу оказала реформациа. Употребляя всѣ усилія для уничтоженія ига римской церкви съ ея формализмомъ, реформациа прежде всего содѣйствовала освобожденію школы отъ рутины, покоившейся на схоластикѣ, мертвой буквѣ и внѣшней формѣ. Поборники реформациі внесли въ воспитаніе множество свѣтлыхъ взглядовъ и старались обратить вниманіе на индивидуальныя свойства личности, освѣтить христіанскія идеи истиннымъ лучемъ милосердія, любви и свободы, выдвигая въ дѣлѣ религіи эти наивысшіе принципы христіанства, обезображенные и искаженные служителями католической церкви. Заслуги по воспитанію поборниковъ реформациі по истинѣ неоцѣнимы.

Прежде каждое сословіе вносило въ воспитаніе свой сословный духъ, реформациа же ослабила принципъ сословности. Требуя отъ cadaго христіанина знанія и пониманія своей религіи, поборники реформациі отстаивали естественное влеченіе человѣка къ знанію. Реформациа вызвала энергическую дѣятельность во всѣхъ сферахъ жизни, умственной дѣятельности, въ наукѣ и въ воспитаніи. Поборники реформациі придавали громадное значеніе изученію исторіи и выбору преподавателей этого предмета. „Надо только“, говорить Лютеръ, „чтобы историкъ былъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, имѣлъ бы львиное сердце и не боялся говорить правду, чтобы ради властей и друзей онъ не умалчивалъ о порокахъ своего времени, какъ то обыкновенно бываетъ, и не преувеличивалъ его достоинствъ изъ любви къ

отечеству или изъ вражды къ другимъ народамъ“. Изученію естествознанія придавали не менѣ значенія, такъ какъ оно помогаетъ прогрессу въ жизни матеріальной, т. е. ведетъ къ усовершенствованіямъ промышленность, торговлю и ремесла, обогащаетъ умъ знаніями, всесторонне развиваетъ и возбуждаетъ духъ человѣка, укрѣпляетъ его мысль, даетъ здоровую пищу воображенію, выясняетъ разнообразныя явленія природы и такимъ образомъ уничтожаетъ суевѣрія, приносящія людямъ столько зла и вреда.

Идеи реформаціи благотворно отразились и на университетахъ, которые съ тѣхъ поръ дѣлаются истинными убѣжищами просвѣщенія. Въ нихъ была признана свобода учащихся, которые теперь могли, согласно своему призванію, самостоятельно выбирать родъ умственной дѣятельности, требовать уваженія къ своему человѣческому достоинству. Реформація наконецъ санкціонировала самостоятельность въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Вмѣстѣ съ этими реформами были улучшены и методы преподаванія; самостоятельность и свобода мысли, положенная въ основу науки и образованія, мало-по-малу уничтожили прежнее безмысленное механическое зазубриваніе, умственную дрессировку, слѣпое подчиненіе авторитетамъ.

Вотъ какія идеи распространились на западъ уже въ XVI вѣкѣ; изъ Германіи онѣ проникли во Францію, Богемію, Швейцарію и Нидерланды. У насъ же въ это время въ нравахъ общества во всей силѣ господствовали Домострой, суевѣрія и невѣжество, а въ управленіи—произволь и деспотизмъ. Конечно, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ запада, куда проникли эти идеи, онѣ не тотчасъ получали практическое примѣненіе. Въ періоды реакціи и въ западныхъ государствахъ формализмъ и схоластика брали верхъ, сковывали мысль, тормозили прогрессивный ходъ развитія знаній, но дѣло въ томъ, что просвѣтительныя идеи на западѣ, даже при первомъ своемъ возникновеніи, распространялись обыкновенно въ несравненно большемъ кругу людей, чѣмъ у насъ. Во времена реакціи распространеніе этихъ идей не останавливалось совершенно, а лишь несравненно медленнѣе подвигалось впередъ, пока, при новыхъ условіяхъ жизни и при новыхъ реформахъ, онѣ не получали права гражданства и не пускали въ жизнь глубокихъ корней. Такимъ образомъ, тѣ идеи, которыя не могли быть примѣнены на практикѣ немедленно, все же оставались достояніемъ огромнаго класса образованныхъ людей, и эти послѣдніе въ свою очередь могли постоянно усовершенствовать ихъ и вносить въ жизнь многочисленнаго класса интеллигенціи.

Въ XVII ст. Амосомъ Коменскимъ, этимъ Коперникомъ воспитанія, педагогика была построена на научныхъ основахъ,—вотъ потому-то его считаютъ родоначальникомъ педагогической науки. Современное воспитаніе съ его идеалами, съ его наисущественнѣйшими и гуманнѣйшими принципами до настоящей минуты ни что иное, какъ развитіе и разработка основныхъ педагогическихъ идей Амоса Коменскаго, этого величайшаго и гениальнѣйшаго педагога. Наикрупнѣйшіе мыслители педагогическаго міра, не только XVII и XVIII ст., но и позднѣйшаго времени, всѣ такъ или иначе пользовались и пользуются величайшими идеями этого замѣчательнаго человѣка, заложенными въ основу его безчисленныхъ сочиненій, черпали и черпаютъ изъ этой богатой сокровищницы глубокихъ педагогическихъ идеаловъ, развивая ихъ согласно съ своими взглядами и явленіями современной дѣйствительности. Всѣ основныя начала современной педагогіи мы находимъ у Коменскаго, и большая часть ихъ была уже у него объяснена въ высшей степени точно, опредѣленно и ясно. Многія изъ его идей такъ глубоки, идеалы такъ возвышены, такъ

трудны для выполненія, что большая часть ихъ и теперь еще остается безъ практическаго примѣненія. Его „Мірѣ въ картинахъ“ имѣлъ безчисленное множество изданій на всевозможныхъ языкахъ. По приказанію Екатерины Великой въ 1788 году онъ былъ переведенъ и у насъ на русскій языкъ подъ названіемъ „Зрѣлище вселеннѣя“, со множествомъ эстамповъ, къ сожалѣнію, очень плохихъ. Въ этомъ сочиненіи въ высшей степени рельефно былъ проведенъ принципъ наглядности, который у насъ получилъ право гражданства при элементарномъ обученіи лишь четверть столѣтія тому назадъ.

Задачею и основой воспитанія Коменскій (славянинъ по происхожденію, родился въ Моравіи въ 1592 г., умеръ въ 1671 г.) считаетъ нравственное развитіе. По его мнѣнію, конечная цѣль воспитанія — водвореніе царства Божія на землѣ, распространеніе любви и мира между людьми. Воспитывать ребенка слѣдуетъ, по его мнѣнію, *съ перваго момента пробужденія сознанія*, и при этомъ необходимо имѣть всегда въ виду *небо и землю*. Знаніе, даваемое ребенку въ дѣтствѣ и школѣ, должно быть вызвано потребностью окружающей жизни, а не фантазіей воспитателя, такъ какъ оно должно пояснять ему окружающую жизнь, *но при знаніи слѣдуетъ всегда давать и пищу для сердца, необходимо воспитывать «Бога въ душѣ человека»*. Добродѣтели, служащія фундаментомъ для развитія нравственной жизни, — благоразуміе, умѣренность, справедливость и сила воли. Приучать ребенка къ добру слѣдуетъ гораздо ранѣе, чѣмъ въ немъ успѣютъ развиться порочныя склонности. „Материнская школа“ — первая школа навыковъ. Благоразуміе является между прочимъ результатомъ хорошаго обученія, когда указываютъ истинное различіе между предметами. Къ умѣренности слѣдуетъ приучать во время ѣды и питья, сна и бодрствованія, въ трудахъ и играхъ, въ рѣчахъ и поступкахъ. Силу воли слѣдуетъ развивать посредствомъ самообладанія: для этого необходимо учить побѣждать страсть, обуздывать порывы гнѣва, нетерпѣнія, досады. Справедливыми питомцы дѣлаются тогда, когда за ними зорко блюдаютъ, чтобы они никого не оскорбляли, но за каждымъ признавали его право, избѣгали бы лжи и коварства, всѣмъ оказывали бы вниманіе и услуги. Дѣтей слѣдуетъ воспитывать въ строгой дисциплинѣ, но она никоимъ образомъ не должна подавлять индивидуальность ребенка. Напротивъ, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на развитіе личности ребенка и на складъ его характера. Для этого необходимо слѣдить за всѣми его поступками, во-время останавливать, даже предупреждать каждое проявленіе безтыдства, злости, высокомерія и лѣни. Коменскій, считавшій основой воспитанія свободу и наигуманнѣйшіе принципы, находилъ необходимымъ дисциплину, особенно въ школѣ. Она должна быть направлена противъ уклоненія отъ порядка, но примѣняема безъ страсти, гнѣва и ненависти. Задачею дисциплины, говоритъ онъ, должно быть восстановленіе, а не разрушеніе, исправленіе, а не казнь. Все окружающее дѣтей: родители, товарищи, родственники, слуги, должны подавать дѣтямъ примѣръ честной, трудолюбивой жизни, честныхъ отношеній другъ къ другу, взаимныхъ услугъ, но и при всемъ этомъ должны быть выработаны строго опредѣленные нравственные принципы.

Образованіе, по мнѣнію Коменскаго, должны получать рѣшительно всѣ безъ исключенія: богатые и бѣдные, знатные и простые, глупые и умные, дѣвочки и мальчики, горожане и деревенскіе жители, тѣмъ болѣе, что никто не знаетъ, къ какому призванію готовить его провидѣніе. „Глупцы должны быть воспитываемы, чтобы сколько-нибудь уменьшить ихъ глупость, гени же особенно нуждаются въ руководствѣ и образованіи: они подобны плодоносному полю, которое, будучи оста-

влено безъ воздѣлыванія и заботъ, тѣмъ болѣе принесетъ плевель и терній. Богачи безъ мудрости—свиньи, откормленные отрубями; бѣдняки безъ познаній напоминаютъ вьючныхъ ословъ, красивый неучъ—все равно, что красивый попугай“.

Вотъ главнѣйшіе принципы, положенные Коменскимъ въ основу воспитанія:

- 1) *воспитаніе чловѣка должно быть сообразно съ его природою*: если отъ хорошаго садовника требуютъ, чтобы онъ, изучая дерево, зналъ и его потребности, тѣмъ болѣе воспитатель долженъ изучить природу дитяти, которая сложнѣе всякаго растенія, и уходъ за нимъ требуетъ несравненно большихъ знаній, вниманія и такта.
- 2) *Правила воспитанія не создаются,—ихъ надо искать въ человеческой природѣ*: воспитатель, подобно садовнику, съѣтъ сѣмена добра и знанія; садовникъ долженъ имѣть большую опытность въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе воспитатель долженъ изучить природу дитяти, чтобы его посѣвъ оказался производительнымъ.
- 3) *Живое стремленіе къ усовершенствованію лежитъ въ природѣ чловѣка*. Нѣтъ нужды принуждать птицу летать, а рыбу плавать, — онѣ сами будутъ это дѣлать, когда достаточно окрѣпнутъ и когда имъ для этого не дѣлаютъ никакихъ препятствій. Сѣмя, при содѣйствіи тепла и влаги, само развивается, если ему не противодѣйствуютъ. Такъ и чловѣкъ: въ природѣ его заложены сѣмена добра и стремленіе къ знанію, слѣдовательно задача воспитанія — устранять препятствія къ развитію умственному, нравственному и къ самоусовершенствованію, заложеныя въ его природу, и способствовать ихъ развитію.

Изъ такихъ принциповъ воспитанія должны были вытекать и методы воспитанія и обученія вполне гуманныя и естественныя. Такъ какъ стремленіе къ знанію, по понятіямъ Коменскаго, уже лежитъ въ природѣ чловѣка, то принудительное обученіе можетъ лишь повредить ему такъ же, какъ вредитъ противная пища, возбуждая рвоту. При выборѣ предметовъ для обученія нужно имѣть въ виду не только степень ихъ доступности, но и симпатію дѣтей къ тому или другому занятію, его личное расположеніе къ нимъ. Обученіе, какъ и пріобрѣтеніе всякаго знанія должно возбуждать въ дѣтяхъ любознательность; методы должны быть возбуждающими и реальными.

Первое, что должно имѣть въ виду, не только при обученіи въ школѣ, но и при усвоеніи самыхъ элементарнѣйшихъ жизненныхъ знаній, начиная съ самаго ранняго дѣтства, — *постепенный переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ извѣстныхъ, уже знакомыхъ дѣтямъ предметовъ, къ менѣе извѣстнымъ и новымъ, отъ мыслей простыхъ и несложныхъ къ болѣе сложнымъ и менѣе простымъ, отъ мыслей о предметахъ видимыхъ къ отвлеченнымъ*.

Прежде всего нужно направить ребенка на изученіе предметовъ окружающихъ, близкихъ къ нему, и затѣмъ уже обращать его вниманіе на предметы отдаленные. Это правило сдѣлалось теперь главнѣйшимъ принципомъ обученія, оно стало общеизвѣстнымъ въ педагогіи, но въ тѣ времена было совершенно ново.

Важное значеніе при обученіи имѣетъ *своевременность*. При этомъ Коменскій, какъ и всегда, беретъ примѣръ изъ окружающей природы: птица не несетъ яйца зимою, когда холодъ сковываетъ всю природу, не несетъ его лѣтомъ, когда жаръ все расслабляетъ, а также осенью, когда общая жизненность убываетъ вмѣстѣ съ силою солнца, но несетъ его весною, когда солнце даетъ всему жизнь и силу. Хорошій садовникъ зорко наблюдаетъ, чтобы посадить растеніе въ-время; онъ также знаетъ, когда и въ какое время необходимъ должный уходъ за нимъ. Такъ и относительно ребенка: вредно начать обученіе рано, вредно начать поздно, — оно должно идти параллельно развитію въ немъ мыслительныхъ и познавательныхъ способностей.

Все изучаемое должно быть расположено въ строгой послѣдовательности и постепенности согласно съ возрастомъ дѣтей. Не слѣдуетъ ничего предлагать несоответственнаго съ пониманіемъ, не хвататься сразу за многое, а постепенно переходить отъ одного къ другому. Матеріаль долженъ быть не только полезнымъ, но и развивающимъ. Что не пригодится въ жизни, не расширяетъ умственный кругозоръ ребенка, а держится лишь на пустыхъ словахъ и механической дрессировкѣ, того совѣмъ не слѣдуетъ допускать. Ребенокъ ничего не долженъ заучивать наизусть такого, чего онъ предварительно не узналъ посредствомъ наблюденія; онъ никогда не долженъ говорить о томъ, чего не понималъ. Прежде чѣмъ говорить о предметѣ, нужно его показать. Такимъ образомъ законы *наглядности, постепенности и современности* были созданы Коменскимъ. Форма обученія должна быть всегда привлекательная, выражаться въ живыхъ бесѣдахъ. При объясненіяхъ должно избѣгать многословія.

Обязанность воспитателя *содействовать естественному развитію* ребенка и помогать его *самостоятельной умственной работѣ*. Того и другого возможно достигнуть только путемъ наглядности. Но и при этомъ учитель долженъ быть только руководителемъ, вызывающимъ самостоятельность учащихся. Это правило воспитатели должны постоянно имѣть въ виду съ первыхъ лѣтъ дѣтства. Когда дитя учатъ говорить, то, произнося слово, ему обыкновенно указываютъ рукою то, что оно обозначаетъ, — того же слѣдуетъ держаться и въ школѣ: говоря о чемъ-нибудь, всегда слѣдуетъ указывать на предметъ, или, по крайней мѣрѣ, на его изображеніе въ картинѣ, модели и чертежѣ, чтобы такимъ образомъ запечатлѣть представленіе о предметѣ посредствомъ зрѣнія. Слѣдовательно все изучаемое должно быть усвоено посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а именно, все видимое должно быть разсматриваемо непосредственно зрѣніемъ, слышимое должно быть усвоено посредствомъ слуха, обоняемое — обоняніемъ, вкушаемое — вкусомъ, осязаемое — осязаніемъ, и потому-то всякое обученіе должно начинаться не съ устныхъ объясненій, а съ дѣйствительнаго созерцанія и самостоятельнаго наблюденія. Только то знаніе дитяти будетъ не призрачнымъ, а дѣйствительнымъ, которое онъ усвоитъ сначала посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а затѣмъ уже услышитъ и объясненіе его изъ устъ воспитателя.

Коменскій съ особенною силою настаиваетъ на развитіи и культурѣ *вниманія*, такъ какъ наглядность безъ вниманія теряетъ всякое значеніе. Ученикъ безъ вниманія напоминаетъ слѣпца, который не видитъ предмета, какъ бы онъ ни былъ близокъ. Не культивируя вниманія, воспитатель прививаетъ ребенку разсѣянность, отъ которой такъ трудно впоследствии отучить его, и которая такъ тормозитъ его развитіе и успѣхи въ будущемъ на поприщѣ знаній.

Идеи другого мыслителя приобрѣли тоже еще въ концѣ XVII и XVIII ст. громкую извѣстность сначала въ Англій, такъ какъ онъ былъ родомъ англичанинъ, а затѣмъ и на материкѣ западной Европы: мы говоримъ о Джонѣ Локкѣ (1632—1704 г.). Многія теоріи Локка теперь совершенно опровергнуты, наприм., его теорія, что нашъ умъ или душа отъ природы „*tabula rasa*“, бѣлая бумага, на которой ничего не написано. Эта теорія теперь совершенно уничтожена современнымъ ученіемъ о вліяніи наслѣдственности. Другія воззрѣнія Локка узки и противорѣчатъ широкимъ общечеловѣческимъ идеаламъ современнаго воспитанія; онъ желалъ сдѣлать изъ питомца не только умственно и нравственно здороваго, но и вполне свѣтскаго человѣка. Такое воззрѣніе предполагаетъ возможность воспитанія лишь для людей зажиточныхъ классовъ, между тѣмъ задача современной педагогической науки заключается въ томъ, чтобы давать воспитаніе каждому, безъ различія социальнаго по-

ложенія. Вслѣдствіе этого современная педагогія не обращаетъ вниманія на внѣшнюю выправку человѣка и на утонченность его манеръ, а стремится къ всестороннему развитію физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ дитяти, вовсе не заботясь о томъ, къ какому сословію оно принадлежитъ. Несмотря однако на означенные недостатки, педагогическія идеи Локка имѣли большое вліяніе, какъ на теорію, такъ и на практику воспитанія; онъ основательно разработалъ теорію физическаго воспитанія и высказалъ много вѣрнаго, дѣльнаго и глубокаго объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи вообще.

Идеаль воспитанія Локка „*mens sana in corpore sano*“ (здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ). Этотъ принципъ, извѣстный гораздо раньше Локка, но совершенно забытый во времена схоластики, былъ разработанъ этимъ мыслителемъ съ большимъ знаніемъ дѣла, съ замѣчательною эрудиціею и, подкрѣпленный вѣскими доказательствами, съ тѣхъ поръ сдѣлался основнымъ положеніемъ воспитанія. На основаніи этого принципа, для развитія ребенка необходимы частыя прогулки на свѣжемъ воздухѣ, движеніе и тѣлесныя упражненія, свободная, не слишкомъ теплая одежда, закаливаніе тѣла противъ внѣшнихъ вліяній, правильный сонъ въ прохладной комнатѣ и не на слишкомъ мягкой постели, устраненіе спиртныхъ и горячительныхъ напитковъ, а также всякихъ пріяностей и наркотическихъ веществъ въ пищѣ. Въ нравственномъ отношеніи воспитаніе дѣтей должно начинаться очень рано, и съ первыхъ лѣтъ дѣтства слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣти разумныя, самостоятельныя существа, но это, по понятіямъ Локка, не исключаетъ строгаго повиновенія, которое необходимо отъ нихъ требовать, такъ какъ только оно можетъ повести ихъ къ пониманію истинной свободы. По мнѣнію Локка, при воспитаніи прежде всего нужно имѣть въ виду развитіе въ ребенкѣ самообладанія и самопожертвованія. Онъ горячо протестуетъ противъ суроваго режима въ воспитаніи. „Побои и другіе роды рабскихъ наказаній“, говоритъ онъ, „совершенно неумѣстны тамъ, гдѣ хотятъ воспитать благоразумныхъ, добрыхъ и благородно-мыслящихъ людей, и поэтому ихъ должно употреблять въ самой крайней нуждѣ, какъ напримѣръ, за упорство или упрямство, когда тѣлесныя наказанія необходимы“. Прослѣдивъ развитіе мыслей Локка, можно сказать съ увѣренностью, что, если бы онъ излагалъ ихъ независимо отъ злоупотребленій современнаго общества и не старался бы придать своему сочиненію практическаго значенія, тѣлесныя наказанія подверглись бы у него полному ostracismu. Но, имѣя въ виду практическую цѣль и зная, какое значеніе воспитатели того времени придавали тѣлеснымъ наказаніямъ, онъ, вѣроятно, рѣшился сдѣлать уступку господствовавшему обычаю въ видахъ ослабленія существовавшихъ злоупотребленій.

Локкъ совѣтуетъ не оставлять безъ вниманія ошибокъ и дурныхъ склонностей, свойственныхъ дѣтскому возрасту, какъ наприм., сластолюбія, проявляющагося въ особенной страсти къ лакомствамъ, властолюбія, лжи и жадности, — всѣ эти склонности слѣдуетъ подавлять въ зародышѣ, пока они не превратились въ пороки. Дѣтей слѣдуетъ воспитывать такъ, чтобы они рано усвоили себѣ увѣренность въ томъ, что воспитатель предъявляетъ имъ требованія не по произволу и личной прихоти, а руководствуясь необходимостью и доброжелательствомъ къ нимъ. Въ примѣненіи на практикѣ воспитательныхъ и учебныхъ мѣръ слѣдуетъ всегда имѣть въ виду индивидуальное развитіе ребенка. Никогда не слѣдуетъ холодно отклонять любознательность ребенка, напротивъ, всегда должно по возможности удовлетворять ее и поощрять всеми зависящими отъ воспитателя средствами. Тѣмъ не менѣе, выдвигалъ развитіе нравственности, какъ стороны самой важной въ воспитаніи, Локкъ считаетъ

пріобрѣтеніе познаній дѣломъ самымъ маловажнымъ. Несмотря, однако, на множество ошибочныхъ взглядовъ, у Локка можно почерпнуть и не мало прекрасныхъ, глубокихъ и оригинальныхъ идей. Онъ первый высказалъ мысль, что дѣти должны самостоятельно придумывать для себя игрушки и постепенно учиться изобрѣтать ихъ для собственной забавы. Эта мысль, какъ мы увидимъ ниже, была впоследствии блистательно и послѣдовательно разработана Фребелемъ. Но любопытно, что эта идея, положенная въ основу всей теоріи Фребеля, явилась уже въ XVII в. Локкъ, имѣя въ виду, что воспитаніе современныхъ ему дѣтей ограничивается лишь пріобрѣтеніемъ для нихъ разнообразныхъ, часто блестящихъ и въ высшей степени роскошныхъ игрушекъ, сильно протестуетъ противъ этого обычая, справедливо утверждая, что дорогія игрушки вовсе не удовлетворяютъ духовныхъ потребностей дитяти, а лишь развиваютъ въ немъ склонность къ постояннымъ перемѣнамъ, къ недовольству, къ излишней требовательности, къ вредному разнообразію, къ тщеславію и прихотливости. Пусть дѣти, говоритъ онъ, сами готовятъ для себя игрушки, пусть они привыкаютъ и изобрѣтать ихъ. На первыхъ порахъ, когда имъ это будетъ удаваться, пока они не въ силахъ будутъ сдѣлать всего сами, пусть старшіе придутъ къ нимъ на помощь, но она отнюдь не должна быть такого рода, чтобы дѣти при этомъ являлись праздными зрителями: они сами должны принимать непосредственное участіе въ приготовленіи игрушекъ.

Воспитательныя идеи французскихъ писателей Монтэня и Фенелона, хотя и имѣли немаловажное значеніе вообще, но не произвели большого переворота въ педагогіи. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ потому, что онѣ имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на характеръ воспитанія и образованія въ Россіи. Мысли того и другого писателя, но особенно Монтэня, фигурируютъ въ уставахъ Бецкаго (при Екатеринѣ II), который нерѣдко подтверждаетъ свои педагогическіе взгляды ссылкой на авторитетъ Монтэня.

Методъ обученія у обоихъ писателей одинъ и тотъ же: оба находятъ необходимымъ сдѣлать ученіе какъ можно болѣе увлекательнымъ и легкимъ для учащихся и считаютъ нужнымъ передавать полезныя знанія не иначе, какъ въ живыхъ бесѣдахъ; тотъ и другой придаютъ огромное значеніе физическому воспитанію.

Монтэнь (1533—1592) былъ врагомъ схоластики и педантизма; онъ требовалъ, чтобы матеріалъ, предлагаемый питомцамъ, былъ облеченъ въ увлекательную форму, но оставлялъ при этомъ просторъ для самостоятельнаго мышленія. Онъ встаетъ противъ обилія познаній, такъ какъ это, по его мнѣнію, весьма тормозитъ самостоятельное развитіе: „ихъ непомерный грузъ“, говоритъ онъ, „производитъ какъ бы вывихи и искривленія“, но не находитъ возможнымъ оставлять питомца и совѣтъ безъ познаній. Для этого онъ предлагаетъ сократить учебный курсъ до послѣдней степени и утверждаетъ, что усиленные занятія науками скорѣе губятъ, чѣмъ возвышаютъ общество. Онъ старается доказать необходимость отдавать предпочтеніе нравственности, а не знаніямъ, и потому воспитаніе считаетъ важнѣе обученія, такъ какъ оно, по его мнѣнію, формируетъ волю и вліяетъ на весь складъ характера человѣка.

Локкъ много заимствовалъ отъ Монтэня и нѣкоторыя его теоретическія положенія лишь развилъ и дополнилъ. Тотъ и другой придаютъ познаніямъ второстепенное значеніе и указываютъ на нравственность и добродѣтель, какъ на предметы главнаго вниманія, что было естественно въ тѣ времена, когда нравственная сторона воспитанія находилась въ совершенномъ небреженіи, а обученіе приняло обратное направленіе.

Фенелонъ (1651—1715) въ одномъ изъ своихъ произведеній („Телемакъ“) представляетъ образецъ мужскаго воспитанія, въ другомъ („Воспитаніе дѣвушекъ“) выставляетъ цѣль и средства, къ какимъ должно стремиться при воспитаніи женщины. Въ „Воспитаніи дѣвушекъ“ Фенелонъ говоритъ о физическомъ развитіи ребенка, говоритъ съ отвращеніемъ о господствующемъ обычаѣ, сохранившемся до сихъ поръ, запугивать дѣтей страшными рассказами о привидѣніяхъ и нечистыхъ духахъ, такъ какъ подобныя рассказы „ослабляютъ душу ребенка и наполняютъ ее вздоромъ въ ущербъ другимъ, высшимъ познаніямъ“. Въ воспитаніи онъ проводитъ принципъ гуманности и допускаетъ наказанія только въ крайности; при обученіи останавливается на развитіи естественной любознательности и отводитъ ей широкое мѣсто.

Фенелонъ долго стоялъ во главѣ женскихъ воспитательныхъ учрежденій и, при своей тонкой наблюдательности, хорошо изучилъ женскую природу, что дало ему возможность высказать по этому поводу много полезныхъ замѣчаній. Недостатки женщинъ онъ объясняетъ ихъ невѣжествомъ: „Извѣженность“, говоритъ онъ, „вѣчная праздность, въ связи съ невѣжествомъ, побуждаютъ ихъ къ постоянной погонѣ за развлеченіями и вызываютъ нескромное, ненасытное любопытство. Ихъ страсти живы, а знанія ограниченны; онѣ не разсуждаютъ и не обдумываютъ своихъ поступковъ,—вотъ почему для достиженія своихъ цѣлей женщины не гнушаются ничѣмъ и прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, на которыя не рѣшится порядочный человѣкъ. Такъ какъ женщинамъ закрыты всѣ пути, ведущіе мужчинъ къ власти и славѣ, то онѣ стараются выдвинуться внѣшними сторонами ума и тѣла“...

Во времена Фенелона еще не додумались до сознанія необходимости для женщины такого-же образованія и развитія, какъ и для мужчины. Въ то время никто не думалъ о ней, какъ о самостоятельной человѣческой личности, поэтому Фенелонъ, хотя и выступилъ горячимъ защитникомъ образованія женщинъ, но въ то же время высказываетъ опасеніе, чтобы „женщины отъ излишняго ученія не сдѣлались смѣшными“, и сводитъ всѣ женскія обязанности исключительно къ семьѣ, приурочивая къ этому все женское воспитаніе.

Религіозное образованіе Фенелонъ считаетъ существенно важнымъ при воспитаніи какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, тѣмъ не менѣе онъ и въ то время находилъ необходимымъ приучать дѣвушекъ относиться съ недоувѣріемъ къ разнымъ непровѣреннымъ исторіямъ, внушать имъ, чтобы онѣ не привязывались къ обрядности, вносимой фанатическимъ рвеніемъ нѣкоторыхъ людей.

Принципы воспитанія дѣвушекъ Фенелона были примѣнены г-жею Ментенонъ къ сенъ-сирскому королевскому институту, а оттуда были заимствованы Бецкимъ при учрежденіи у насъ перваго института.

Но ни одно произведеніе не имѣло такого вліянія, какъ „Эмилъ или воспитаніе“ Руссо. Несмотря на то, что въ этомъ, далеко не совершенномъ, даже и для того времени (1762 г.), трактатѣ о воспитаніи, очевидны всѣ его противорѣчія, увлеченія, искусственность, непоследовательность, парадоксальность, крайняя односторонность, несмотря также и на то, что Руссо является въ этомъ произведеніи противникомъ „цивилизациі, науки и искусства“, Эмилъ долго имѣлъ поразительное вліяніе на умы всего свѣта. Причина изумительно громаднаго вліянія Эмиля кроется прежде всего въ демократическомъ духѣ, которымъ проникнуто все это замѣчательное произведеніе. Этотъ демократическій духъ, помимо воли, вопліѣ овладѣваетъ умомъ и сердцемъ читателя. И это понятно: демократическія симпатіи, которыми пропитано все сочиненіе, облечены въ увлекательную форму. Въ одномъ

этомъ заключается уже величайшая заслуга Руссо, такъ какъ въ то время вниманія удостоивались лишь люди знатнаго происхожденія. Руссо же, напротивъ, указываетъ всю фальшь жизни этихъ людей, ихъ грубый развратъ и нравственное паденіе. Онъ видитъ спасеніе молодого поколѣнія въ изолированіи его отъ этого пошлаго общества, въ воспитаніи его вдали отъ разврата цивилизаціи, отъ сомнительной фарисейской мудрости современнаго общества, коснѣющаго въ рабскихъ предразсудкахъ, находитъ нужнымъ держать питомца подалеже отъ общественныхъ обычаевъ, скрывающихъ проявленіе истинныхъ чувствъ тяжелыми цѣпями гнета и, какъ паутиной, опутывающихъ жизнь разнообразными стѣсненіями. „Все хорошо“, говоритъ онъ, „выходя изъ рукъ Творца; все вырождается въ рукахъ человѣка“. „Предразсудки, авторитетъ, нужда, примѣръ, всѣ общественныя учрежденія, охватившія насъ, заглушаютъ въ ребенкѣ природу и ничего не дадутъ взамѣнъ ея“.

Свое уваженіе и любовь Руссо выказываетъ только простому люду, его симпатію вызываетъ преимущественно простой трудъ; „если кто нибудь стыдится работать публично, вооружась стругомъ и кожанымъ фартукомъ“, говоритъ онъ, „я вижу въ немъ не болѣе, какъ раба мнѣнія, готоваго стыдиться добра“... Руссо считаетъ необходимымъ учить воспитанника какому-нибудь ремеслу, такъ какъ трудъ есть первѣйшая обязанность человѣка, кто бы онъ ни былъ, знатный или простой, богатый или бѣдный.

Замѣчательный успѣхъ Эмиля можно объяснить также и тѣмъ, что писатели до Руссо, даже Локъ, занимались преимущественно вопросами образованія и воспитанія людей благороднаго званія. Хотя Эмилъ, центральная фигура педагогическаго трактата Руссо,—юноша благороднаго происхожденія и съ большими средствами, но авторъ такъ убѣдительно доказываетъ во всемъ своемъ сочиненіи, что цѣль воспитанія—создать человѣка естественнаго, разумно понимающаго и разумно относящагося ко всему окружающему, который довольствовался бы самымъ малымъ, избѣгалъ бы тщеславной роскоши, и притомъ все это изложено въ столь увлекательной формѣ, что читатель невольно приходитъ къ выводу, что воспитаніе не можетъ быть монополіею лишь знатныхъ и богатыхъ, а должно быть священной обязанностью каждаго смертнаго.

Въ тѣ времена, когда и на западѣ придавали такое значеніе знатности рода и внѣшнимъ преимуществамъ человѣка, когда и самое воспитаніе носило характеръ сословный, вдругъ раздается мощный голосъ Руссо, который рѣшительно заявляетъ, что, кто бы ни былъ вашъ питомецъ, вы прежде всего должны воспитывать его для того, чтобы онъ могъ быть человѣкомъ. „Быть человѣкомъ—общее для всѣхъ призваніе; кто хорошо воспитанъ для этого, тотъ не можетъ дурно выполнять обязанностей, которыя могутъ ему выпасть на долю. Пусть назначаютъ моего воспитанника въ военную службу, въ духовное званіе, въ адвокаты,—мнѣ все равно. Природа прежде всего призываетъ его къ человѣческой жизни. Жить—вотъ ремесло, которому я хочу его научить. Выйдя изъ моихъ рукъ, онъ не будетъ, сознаюсь въ томъ, ни судьей, ни солдатомъ, ни священникомъ; онъ будетъ прежде всего человѣкомъ, но, при случаѣ, стумѣть бытъ не хуже всякаго другого всѣмъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, и, куда ни бросить его судьба, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ“. Нѣсколько далѣе онъ продолжаетъ: „Развѣ вы не видите, что, стараясь исключительно образоватьъ вашего питомца для одного сословія, вы дѣлаете его бесполезнымъ для всякаго другого, и что отъ судьбы зависитъ обратить всѣ ваши старанія на его погибель! Есть ли что нибудь комичнѣе обѣднѣвшаго вельможи, который въ нищетѣ остается со всѣми предразсудками своего рожденія?

Есть ли что презрѣннѣе обѣдѣвшаго богача, который, помня о презрѣннѣи, съ которыми относятся къ бѣдности, считаетъ себя послѣднимъ изъ людей? Одному изъ нихъ остается только сдѣлаться плутомъ, другому—пресмыкающимся лакеемъ“.

Взгляды и идеи Руссо, какъ глубокіе, такъ и поверхностные, какъ парадоксальные, такъ и истинные, вносили необыкновенное оживленіе, будили мысль и возбуждали чрезвычайный интересъ въ обществѣ, а мечтателей окрыляли надеждою, что ихъ дѣтямъ въ будущемъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, можетъ улыбнуться счастье, благодаря воспитанію. Послушайте этотъ мощный, авторитетный, не допускающій возраженій, голосъ Руссо, и вы поймете всесвѣтное восторженное увлеченіе Эмилемъ, несмотря на явныя противорѣчія въ теоріяхъ и принципахъ автора, на ихъ односторонность, узость, парадоксальность, а подѣ часъ и эгоистичность. Вотъ какъ увлекательно разрѣшаетъ Руссо вопросъ о томъ, что значитъ хорошо воспитывать: „по моему лучше всѣхъ воспитанъ тотъ, кто лучше всѣхъ умѣетъ переносить счастье и несчастье этой жизни“. „Не достаточно заботиться о сохраненіи своего ребенка; нужно научить его самосохраненію, умѣнью переносить удары судьбы, презирать роскошь и нищету, жить, если понадобится, въ свѣгахъ Исландіи и на раскаленныхъ утесахъ Мальты. Какъ бы ни предохраняли вы его отъ отъ смерти, ему все-таки придется умереть, и если заботы ваши не сдѣлаются причиной его смерти, онѣ будутъ тѣмъ не менѣе неумѣстны. Самое важное—научить жить. Жить же не значитъ дышать, а дѣйствовать; это значитъ пользоваться органами, чувствами, способностями, всѣми частями нашего существа“.

Сильное и продолжительное влияніе Эмиля объясняется и тѣмъ, что въ этомъ сочиненіи затрогивались наисущественнѣйшіе вопросы воспитанія, убѣдительно доказывалось значеніе и необходимость его для дѣтей. Руссо съ негодованіемъ указываетъ также на всю обветшалость существующаго обученія, рельефно рисуетъ весь его формализмъ, педантизмъ и его вредное влияніе. Онъ требуетъ, чтобы воспитатель приучалъ питомца наблюдать и осмысливать природу, даетъ примѣры бесѣдъ съ ребенкомъ путемъ наведенія его на размышленіе. Правда, примѣры этихъ наглядныхъ бесѣдъ въ высшей степени искусственны, объясненія различныхъ явленій теперь во многихъ отношеніяхъ устарѣли, тѣмъ не менѣе всюду выступаетъ враждебное отношеніе автора къ рутинѣ и схоластикѣ, приемы механическіе замѣняются у него истиннымъ развитіемъ. Авторъ Эмиля старается вдохнуть жизнь, внести обновленіе во всѣ сферы воспитанія, умственнаго и нравственнаго развитія, а также и въ обученіе.

Жизнь человѣка всегда была въ большой зависимости отъ роковыхъ случайностей судьбы: сегодняшній счастливецъ можетъ быть завтра несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Въ пору безправія или, лучше сказать, права сильнаго, когда жилъ Руссо, эти роковыя случайности еще сильнѣе опутывали людскую жизнь. Вотъ почему тогдашнему обществу пришлось такъ по душѣ настоятельное требованіе Руссо научить будущее поколѣніе умѣнью переносить страданія. „Страдать“, говоритъ онъ, „вотъ чему онъ долженъ научиться прежде всего, и что болѣе всего ему пригодится“.

„Эмилъ“ Руссо возбудилъ интересъ къ воспитанію даже въ такихъ людяхъ, которые прежде никогда не думали о немъ, далъ громадный матеріалъ для оживленныхъ споровъ по этому поводу, вызвалъ въ обществѣ всѣхъ образованныхъ странъ множество критическихъ этюдовъ и воспитательныхъ трактатовъ, — все это повело къ выясненію сложныхъ вопросовъ воспитанія. Однимъ словомъ, Эмилъ пробуждалъ родительскія чувства, призывалъ родителей къ чувству долга, вызывалъ привязанность къ дѣтямъ, послужилъ могучимъ рычагомъ для обновленія педагогической дѣятельности.

При воспитаніи дѣтей Руссо безусловно требовалъ любовнаго, ласковаго, гуманнаго и заботливаго отношенія къ нимъ, наглядно доказывая, что противоположное отношеніе пагубно вліяетъ на развитіе дѣтскаго характера. Такимъ образомъ этотъ воспитательный трактатъ былъ самою могущественною защитою и признаніемъ личности ребенка, самымъ краснорѣчивымъ порицаніемъ гнета, откуда бы онъ ни исходилъ.

Грандіозный успѣхъ Эмиля объясняется также и тѣмъ, что появленіе его совпадало съ мечтами наиболѣе развитыхъ людей всѣхъ странъ сдѣлать изъ молодого поколѣнія все, что возможно лучшаго для измѣненія и обновленія печальнаго современнаго строя. Особенно во Франціи были тогда заняты вопросами воспитанія. Но въ то время, когда другіе излагали свои взгляды на это дѣло сухо и догматично, Руссо изложилъ ихъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и простотою, вдохнулъ жизнь въ сухія правила, по всему произведенію разбросалъ множество вѣскихъ, глубокомысленныхъ разсужденій, ввелъ множество возвышенныхъ, облагораживающихъ понятій, смѣло выставилъ нравственное и умственное убожество знатныхъ людей, которое они прикрываютъ лохмотьями своего тщеславія, утонченностью манеръ и безумною роскошью, въ смѣшномъ видѣ представилъ множество предрасудковъ, заѣдающихъ жизнь. При этомъ Руссо заманчиво доказывалъ, что въ мірѣ нѣтъ труда лучше и возвышеннѣе воспитанія; отъ воспитателей онъ требовалъ полного самоотреченія, обѣщая имъ за это достойную награду—воспитать настоящаго человѣка природы, который вознаградитъ воспитателя своимъ полнымъ довѣріемъ и любовью даже въ тѣ критическіе, роковые моменты жизни, когда молодые люди довѣряютъ только своему сердцу.

Руссо въ своемъ „Эмиль“ не избѣжалъ и весьма крупныхъ недостатковъ и ошибокъ. Эмиль—сирота. Руссо даетъ ему въ воспитатели лицо вымышленное, отвлеченное и заставляетъ этихъ двухъ людей жить лишь въ обществѣ другъ друга, въ деревнѣ, вдали отъ города, отъ тлетворнаго вліянія людей и пагубной цивилизаціи. Вслѣдствіе такой исключительности положенія, вся жизнь этихъ двухъ людей носитъ характеръ совершенно случайный и искусственный: они сталкиваются съ людьми, когда авторъ находитъ нужнымъ показать тотъ или другой воспитательный приемъ, высказать свое воззрѣніе на какое-нибудь явленіе. Положеніе этихъ двухъ существъ, т.-е. наставника и воспитанника, тоже изъ ряду вонъ исключительное. Воспитатель беретъ чужого ребенка на правахъ отца, остается съ нимъ всю жизнь не различаясь, не имѣетъ другой жизни, другихъ интересовъ, кромѣ жизни и интересовъ Эмиля, и потому является не человѣкомъ съ плотью и кровью, а резонирующимъ манекеномъ. Этотъ недостатокъ дѣлаетъ разсказъ искусственнымъ, дѣйствующія въ немъ лица страдаютъ отсутствіемъ естественности и типичности. Но Руссо видимо не имѣетъ въ виду дать художественное изображеніе героев своего произведенія; а лишь преслѣдуетъ возможно полное развитіе своихъ идей. Однако въ нѣкоторыхъ частяхъ разсказа онъ заставляетъ читателя забыть, что выведенныя у него лица вымышленныя, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ сценъ, все произведеніе носитъ характеръ гораздо болѣе педагогическаго трактата, чѣмъ повѣсти или романа.

Въ настоящее время очень многіе принципы, положенные въ основу воспитанія Эмиля, не могутъ имѣть значенія въ современной педагогіи, такъ какъ они несправедливы, невѣрны въ своемъ основаніи и узко эгоистичны. Руссо воспитывалъ своего Эмиля въ полномъ одиночествѣ и уже по одному этому не могъ сдѣлать его существомъ социальнымъ,—въ этомъ существеннѣйшій недостатокъ всего произведенія. Какъ бы ни было развращено общество, какъ бы ни были по истинѣ ужасны его пороки и заблужденія,—человѣкъ долженъ воспитываться для общества. Конеч-

ная цѣль воспитанія—показать питомцу людей такими, какими они есть, могутъ и должны быть, вооружить его надежными средствами для противодѣйствія злу, способствовать добру, истинѣ и правдѣ, развить въ немъ стремленіе приносить пользу ближнему, вложить въ его сердце любовь къ нему. Общественныя чувства слѣдуетъ начать развивать въ ребенкѣ очень рано,—вотъ почему въ извѣстныхъ лѣта ребенка долженъ воспитываться въ общественной средѣ, вотъ почему его не слѣдуетъ лишать общественной школы, общества товарищей. Только при воспитаніи въ школѣ вполне развиваются разнообразныя стороны состраданія къ ближнему, которыя должны сказаться въ желаніи придти на помощь товарищамъ въ ихъ самыхъ разнообразныхъ нуждахъ, въ сочувствіи къ нимъ, въ участіи, безпристрастіи, справедливости, чело-вѣколюбіи, самопожертвованіи. Только общественное воспитаніе можетъ вполне развить благородный духъ товарищества, безкорыстную привязанность и дружбу, пониманіе необходимости своей солидарности съ другими, нравственное единеніе, рѣшимость подвергать себя страданіямъ изъ-за товарища, любовь къ ближнимъ и высокое уваженіе къ геройству, умѣнье сдерживать свои страсти и развивать безпристрастіе. Только съ раннихъ лѣтъ воспитывая общественныя инстинкты, можно воспитать чело-вѣка полезнаго и вполне пригоднаго къ общественной жизни. Несмотря на личное горячее сочувствіе простому угнетенному люду, Руссо нигдѣ не говоритъ о воспитаніи общественныхъ инстинктовъ, да они и не могли проявляться въ той атмосферѣ искусственнаго одиночества, въ которую поставилъ авторъ своего Эмиля.

По понятію Руссо, идеаль, къ которому должно стремиться воспитаніе,—направить своего питомца такъ, чтобы онъ умѣлъ переносить счастье и несчастье, равнодушно выносилъ бы удары судьбы, подъ надзоромъ воспитателя, но совершенно самостоятельно выработалъ умѣнье охранять себя, могъ бы приспособиться къ жизни въ самыхъ противоположныхъ климатахъ, презиралъ бы роскошь и предрасудки, имѣлъ бы весьма ограниченныя потребности, звалъ бы ремесло, умѣлъ бы не только мужественно переносить физическія страданія, но и безъ страха встрѣтилъ бы смерть, имѣлъ бы достаточный запасъ душевнаго спокойствія, терпѣнія и равновѣсія, выработалъ бы въ себѣ трудолюбіе и умѣнье управлять сердцемъ въ самые критическіе моменты. Несомнѣнно, все это прекрасно, все необходимо, но этого еще слишкомъ мало даже для разумнаго личнаго счастья; для этого еще нужно развить въ себѣ стремленіе къ постоянному самоусовершенствованію, безъ чего чело-вѣку трудно избѣжать одного изъ двухъ—или жестокой хандры, или буржуазнаго самодовольства. Наконецъ, даже весьма разумная забота лишь о себѣ и о своей личной порядочности, о развитіи въ себѣ трудолюбія и умѣнье найтись во всякую минуту, однимъ словомъ забота лишь о своемъ личномъ счастьѣ, хотя бы вполне честномъ и чистомъ, а это все, что требуетъ Руссо,—отзывается холоднымъ, слишкомъ узкимъ эгоизмомъ и далеко не можетъ быть идеаломъ современнаго воспитанія.

„Не тотъ чело-вѣкъ долѣе жилъ“, говоритъ Руссо, „который можетъ насчитать больше годовъ жизни, а тотъ, кто больше чувствовалъ жизнь“. Истинно общественный чело-вѣкъ дѣйствительно можетъ про себя сказать, что онъ *чувствовалъ жизнь*; борьба и сопряженныя съ нею невзгоды, надежды и разочарованія, смѣняющія другъ друга, гоненія за правду, все заставляетъ его сильно чувствовать жизнь, но у Руссо, лишаящаго своего питомца общественныхъ тревоженій и старающагося отвоевать ему счастье лишь на личной почвѣ, такое разсужденіе отдаетъ лишь эпикурействомъ.

Говоря о развитіи тѣхъ или другихъ способностей въ ребенкѣ, Руссо проводитъ между ними слишкомъ рѣзкую границу, слишкомъ опредѣленно пріурочиваетъ

ихъ къ извѣстному періоду, чего въ дѣйствительности не бываетъ. До 10—12 лѣтъ Эмиль растеть на полной свободѣ, безъ всякаго обученія; но и съ этого возраста Руссо не допускаеть систематическихъ занятій съ ребенкомъ. Когда Эмилю исполнилось 15 лѣтъ, воспитатель говоритъ: „пора обратиться къ его сердцу“. Это приурочиваніе силъ, склонностей и способностей ребенка къ опредѣленному возрасту совершенно неправильно уже потому, что сама природа не ставитъ такихъ рѣзкихъ границъ въ развитіи ребенка между однимъ и другимъ годомъ, и всѣ его физическія и моральныя силы развиваются параллельно и въ связи другъ съ другомъ прогрессируютъ съ большею постепенностью, если не встрѣчаютъ на своемъ пути искусственныхъ преградъ. Вотъ почему современная педагогія считаетъ необходимымъ вести равномерно развитіе всѣхъ способностей ребенка: физическій ростъ не долженъ подавлять духа и наоборотъ. Вредно начинать развитіе какихъ бы то ни было способностей ребенка преждевременно, вредно и запаздывать развитіемъ. Если о сердцѣ юноши начать впервые думать, когда ему исполнится уже 15 лѣтъ, какъ это совѣтуетъ Руссо, если до тѣхъ поръ оно не давало себя чувствовать, ничѣмъ не проявляло себя, если воспитатель не обратилъ вниманія на такую аномалію, не имѣлъ случая или не нашелъ необходимымъ прислушаться къ его біенію, оно и въ будущемъ не будетъ откликаться на горе и страданіе ближняго, не возмутится неправдой, не въ состояніи будетъ приходить въ волненіе при торжествѣ истины, добра и правды, при созерцаніи великихъ красотъ природы, дивныхъ произведеній искусства. Если нравственныя чувства такого субъекта начнутъ развиваться впервые лишь въ 15 лѣтъ, едва-ли онъ можетъ быть нравственнымъ и полезнымъ членомъ общества. Но такое изолированіе отъ людей и жизни, въ какое былъ поставленъ Эмиль, возможно только въ фантазіи: въ дѣйствительности же, будетъ или нѣтъ воспитатель обращать вниманіе на развитіе сердца своего питомца, оно болѣе или менѣе будетъ развиваться самостоятельно вслѣдствіе столкновеній съ людьми. Тѣмъ не менѣе индифферентное отношеніе воспитателя къ развитію чувствъ ребенка, искусственныя преграды, если онъ будетъ ихъ ставить для задержки развитія, неумѣнье дать имъ надлежащее направленіе. — все это можетъ въ высшей степени вредно отозваться на будущей дѣятельности питомца и воспитаеть изъ него человѣка односторонняго, узко-эгоистичнаго.

Такъ же вредно отзывается нецѣлесообразное и слишкомъ позднее умственное развитіе. Руссо говоритъ: „Эмиль и на 12 году своей жизни едва ли будетъ знать, что такое книга“. „Чтеніе—бичъ дѣтскаго возраста“. Но нечего и говорить о томъ, что такое позднее обученіе совершенно невысказуемо у насъ, когда дѣти въ 10 лѣтъ должны имѣть уже довольно значительную подготовку, чтобы поступить въ среднее учебное заведеніе, если же заставить ребенка лишь по программѣ вы зубрить предметы, то это только умственно притупить его; необходимо, чтобы подготовка къ учебному заведенію была не результатомъ зубряшки, а разумнымъ усвоеніемъ элементарныхъ знаній.

Въ „Эмилѣ“ Руссо старался въ популярной формѣ провести идеи и взгляды, изложенныя имъ и въ другихъ его сочиненіяхъ. Центральная идея ихъ — горячій протестъ противъ современной ему науки, просвѣщенія, цивилизаціи, государственнаго строя, противъ роскоши однихъ и нищеты другихъ, негодованіе передъ распушенностью нравовъ. По мнѣнію Руссо, существуетъ только одно средство для противодѣйствія гибели и нравственной испорченности общества — возвращеніе людей къ природѣ, къ естественнымъ принципамъ первобытныхъ обществъ, когда еще не существовало ни наукъ, ни искусствъ, ни нищеты, ни роскоши. Его страстная про-

повѣдь противъ цивилизаціи и просвѣщенія была слѣдствіемъ того, что современное ему общество пользовалось ихъ результатами для эгоистическихъ, своекорыстныхъ цѣлей; она вытекала также изъ его демократическихъ идеаловъ и воззрѣній. Распространеніе просвѣщенія ведетъ, по его понятіямъ, къ неравенству людей, такъ какъ оно выдвигаетъ изъ общаго уровня людей таланта и знанія, неравенство же служитъ корнемъ всѣхъ золъ и несчастій: оно порождаетъ богатство и роскошь, слѣдовательно ведетъ къ несправедливости, праздности и испорченности.

Новыя педагогическія идеи, развившіяся на западѣ, принесли громадную пользу не только тамъ, но отчасти проникли и въ Россію: онѣ открывали новый путь къ реальному направленію въ обученіи и положили въ основу воспитанія гуманитарные принципы. Провозглашая принципъ свободы, личную индивидуальность, уваженіе къ человѣческому достоинству питомца, необходимость его нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія, а также и самостоятельность мысленія, онѣ подрывали въ воспитаніи и обученіи прежній формализмъ, педантизмъ и мертвечину. Но въ этихъ новыхъ системахъ были и крупныя недостатки, которые впрочемъ носили печать духа времени, а также и оппозиціоннаго характера, которымъ поневолѣ окрашивалось все новое, что уже своимъ появленіемъ или совсѣмъ уничтожало старое, или во всякомъ случаѣ подрывало его значеніе. Женскаго вопроса тогда еще не существовало, и потому женское воспитаніе не могло быть правильно поставлено въ то время ни въ теоріи, ни на практикѣ.

Великіе мыслители и педагоги убѣдительно доказывали необходимость развитія въ ребенкѣ его умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, но въ то время они еще не сознавали необходимости развивать эти силы равномѣрно. Вотъ потому-то нравственность является у писателей того времени чѣмъ-то вполнѣ независимымъ отъ умственнаго развитія, между тѣмъ съ современной точки зрѣнія то и другое тѣсно связано между собою, вытекаетъ одно изъ другого и оказываетъ другъ на друга непосредственное вліяніе.

Необходимыми атрибутами прежняго воспитанія и обученія были: слѣпое повиновеніе, принужденіе, розги, побои, слезы. Противники этихъ методовъ, доказывая вредъ подобныхъ мѣръ и принужденія, впали въ другую крайность: они выказали излишнюю заботливость о томъ, чтобы всѣ знанія передавались молодому поколѣнію въ слишкомъ пріятной, облегченной формѣ и тѣмъ ослабили элементъ труда. Они не принимали въ расчетъ того, что пріобрѣтеніе знаній исключительно въ пріятной, легкой формѣ, поведетъ къ ослабленію самостоятельнаго мысленія и усидчивости, на развитіе которой нужно обращать серьезное вниманіе. При томъ громадное большинство писателей того времени смотрѣло на пріобрѣтеніе знанія, какъ на второстепенную задачу воспитанія, выдвигая на первый планъ нравственное развитіе. Отчасти, какъ мы уже указывали, это происходило оттого, что тогда еще не имѣли понятія о необходимости равномѣрнаго развитія всѣхъ способностей человѣка, отчасти потому, что пріобрѣтеніе знаній было сопряжено съ такими пытками, что дѣйствительно могло губительно отзываться на моральныхъ свойствахъ дитяти.

Развитіе педагогическихъ идей всегда шло рука объ руку, всегда было въ самой тѣсной связи съ направленіемъ литературы и съ развитіемъ науки. XVIII вѣкъ, вполнѣ справедливо названный философскимъ, былъ особенно богатъ новыми взглядами и идеями во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Мы совершенно вышли бы изъ границъ нашей программы, если бы остановились на замѣчательныхъ писателяхъ того времени хотя настолько, насколько мы рѣшили представить развитіе педагогическихъ идей, имѣя въ виду въ нашей книгѣ преимущественно вопросы

воспитанія, а потому здѣсь мы только сгруппируемъ главныя идеи того времени, прямо или косвенно вліявшія на обновленіе воспитанія.

Со времени реформаціи на западѣ, вмѣстѣ съ педагогическими идеями, усилилось распространеніе и идей философскихъ. Англія, Швейцарія и Нидерланды преимущественно были ихъ родиной; перенесенныя во Францію, онѣ стали распространяться по всей Европѣ. Главными ихъ проводниками во Франціи были: Вольтеръ, Монтескьё, Даламберъ, Дидро и др.

Отличительной чертой характера этой философіи было отрицаніе всего тогдашняго европейскаго строя—религіозно-церковнаго, государственно-политическаго и общественаго. Строй этотъ дѣйствительно обветшалъ, что обнаруживалось неограниченнымъ деспотизмомъ власти, грубымъ суевѣріемъ и невѣжествомъ народа, нетерпимостью и жесточайшими преслѣдованіями, испорченностью нравовъ, даже открытымъ развратомъ въ высшихъ классахъ общества, вопіющими злоупотребленіями, которыя никакими силами невозможно было уничтожить при существующихъ порядкахъ, нестерпимымъ угнетеніемъ слабого, несправедливостью законовъ, фальшью и неравенствомъ между людьми. Представители философскихъ идей въ беллетристическихъ и философскихъ трактатахъ горячо обличали эти пороки и указывали, какъ слѣдовало перестроить этотъ обветшалый общественный строй, чтобы сдѣлать людей болѣе нравственными, справедливыми и счастливыми.

Вотъ въ чемъ состоятъ ихъ главныя требованія:

1) Чтобы люди стремились вырабатывать естественно-научное „натуралистическое“ міросозерцаніе, которое содѣйствуетъ все большему и разностороннему изученію природы. Явленія природы порождали прежде ужасъ и суевѣрный страхъ,—научное изслѣдованіе ихъ причинъ и слѣдствій должно убѣдить въ ихъ естественной непреложности и послѣдовательности.

2) Необходимо изученіе человѣческой природы и внимательное наблюденіе ея. По понятіямъ западныхъ мыслителей, какъ бы дурны ни были проявленія человѣческой природы, она способна и должна идти къ совершенствованію: роль человѣческой, хотя медленными шагами, но постоянно идетъ впередъ по пути духовнаго развитія. Эти идеи вносили стремленіе къ нравственному усовершенствованію молодого поколѣнія, подавали надежду, что оно, при правильномъ обученіи и гуманномъ воспитаніи, будетъ умнѣе, честнѣе и нравственнѣе своихъ предшественниковъ. Подобныя стремленія и понятія вызывали любовь, человѣколюбіе и милосердіе къ ближнимъ, побуждали людей, усвоившихъ подобныя воззрѣнія, къ поступкамъ и дѣламъ, въ которыхъ бы на дѣлѣ проявлялась любовь къ ближнему.

3) Указывая на злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, на развратъ во всѣхъ слояхъ общества, великіе мыслители находили, что причина зла лежитъ въ невѣжествѣ, и требовали полного и безусловнаго распространенія просвѣщенія во всѣхъ классахъ общества. Прежде образованіе было достояніемъ лишь людей высшихъ классовъ; они находили, что каждый человѣкъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, каково бы ни было его матеріальное положеніе, имѣетъ право на образованіе и умственное развитіе.

4) Развитіе интереса къ обществу и споспѣшествованіе его нравственному, умственному и матеріальному прогрессу. Прежде стремленія человѣка были узко-эгоистичны, каждый заботился лишь о своемъ личномъ благополучіи, что нерѣдко шло въ разрѣзъ съ благополучіемъ ближняго. Теперь требовали, чтобы личное благополучіе не наносило вреда ближнему. Мало того, въ видахъ высшей нравственности и разумнаго личнаго благополучія отъ каждаго требовалось приносить пользу ближнему

своимъ трудомъ, заботиться объ улучшеніи общества, ставить общественные интересы выше личныхъ.

5) Право каждаго человѣка самостоятельно разсуждать и думать. Прежде все принимали на вѣру: отцы внушали своимъ дѣтямъ, чтобы они не только безъ разсужденій и колебаній, но съ полнымъ благоговѣніемъ слѣдовали примѣру старшихъ, смотрѣли ихъ глазами на окружающій міръ, не отступали ни на шагъ отъ дѣдовскихъ обычаевъ въ сферѣ религіозной и нравственной, рабски слѣдовали бы всѣмъ ученіямъ, испоконъ вѣка на вѣру принятымъ ихъ дѣдами. Теперь же философы зло осмѣивали подобныя предрасудки, указывали всю неосостоятельность авторитетовъ, развивали скептицизмъ, критическое отношеніе ко всему окружающему, однимъ словомъ, внушали недоувѣріе ко всему тому, во что прежде безусловно вѣрили. Они прежде всего доказывали необходимость во всемъ искать естественной, разумной причины и пробуждали пытливость и самостоятельность мысли и сужденія.

6) вмѣсто религіознаго фанатизма, нетерпимости и злобнаго преслѣдованія, представители мысли проповѣдовали безусловную вѣротерпимость и свободу совѣсти.

7) Въ области государственной, вмѣсто деспотизма и угнетенія слабого, требовали уваженія къ человѣческой личности и равенства всѣхъ передъ закономъ. Законы, по понятіямъ философовъ, должны соответствовать потребностямъ страны и быть установлены по общему соглашенію всѣхъ гражданъ. Въ уголовныхъ законахъ должны быть примѣнены принципы гуманности: общество не должно мстить преступнику за совершаемое зло, но употреблять все средства къ его исправленію.

8) Въ жизнь общественную и частную слѣдуетъ вносить начала гуманности, свободы, братства и равенства.

Это направленіе идей XVIII в. и извѣстно подъ именемъ человѣчнаго, гуманнаго.

ГЛАВА IV.

Какъ осуществлялись у насъ въ царствованіе Екатерины II западные идеалы воспитанія.

Новыя идеи, внесенныя въ русское общество литературою и правительствомъ.—Новыя педагогическія воззрѣнія.—Ихъ вліяніе и практическое примѣненіе.—Система воспитанія «новой породы людей».—Закрѣтыя учебныя заведенія.—Ихъ недостатки.—Основаніе перваго института; характеръ воспитанія и обученія въ немъ.—Народное образованіе.—Чтеніе для дѣтей.—Значеніе новыхъ идей въ воспитаніи.—Причина непримѣнимости къ русской жизни многихъ западныхъ идеаловъ.

Несмотря на невѣжество и грубые нравы русскаго общества, на ничтожное количество школъ въ Россіи, сила гуманныхъ идей XVIII в. была столь велика, желаніе императрицы Екатерины II просвѣтить, облагородить русскихъ людей такъ сильно, что западныя идеи стали проникать и къ намъ. Чуткая, умная, образованнѣйшая женщина своего времени императрица Екатерина II, увлекаясь чтеніемъ западно-европейскихъ мыслителей, серьезно мечтала построить образованіе въ Россіи на новыхъ началахъ, болѣе сообразныхъ съ гуманными требованіями, внести въ воспитаніе новыя нравственныя принципы. Она усердно изучала западныхъ мыслителей: Декарта, Вольтера, Даламбера, Монтескьё, Локка, Монтэня, Дидро, Руссо. Ея примѣръ заразилъ и русское общество. Скоро явилась мода на ученость, даже на вольнодумство, однако нѣкоторые, правда, очень немногіе, стали изучать западную литературу и философію не только изъ подражанія императрицѣ, а влѣдствіе искренняго увлеченія.

Увлеченіе западно-европейскими литературами прежде всего сказалось въ переводахъ, которыхъ появилось въ это время болѣе, чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ. Эта переводная литература имѣла у насъ огромное вліяніе на смягченіе нравовъ, на нравственное совершенствованіе, на умственное развитіе, на наше образованіе и литературу. Главное мѣсто между переводами принадлежало сочиненіямъ французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII—XVIII в. Болѣе всего переводили Вольтера; за нимъ слѣдовали: Вольней, Гельвецій, Гоббсъ, Даламберъ, Дидро, Локкъ, Руссо и др. Особенно распространены были сочиненія Вольтера, и его читало не только высшее общество, знакомое съ французскимъ языкомъ, но и тѣ, которые не знали его, могли теперь по переводамъ познакомиться съ его сочиненіями. Такъ же сильно дѣйствовала на умы русской молодежи и книга Гельвеція „О разумѣ“.

Другимъ средствомъ къ изученію европейской науки и литературы служила посылка молодыхъ людей за границу, Многіе изъ нихъ довершали свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ, которые славою своихъ профессоровъ привлекали юношество со всѣхъ концовъ Европы. Нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, окончившихъ тамъ образованіе, приобрѣли у насъ извѣстность, особенно Александръ Радищевъ, написавшій книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, въ которой онъ

указывалъ на необходимость уничтоженія различныхъ темныхъ сторонъ современной дѣйствительности и прежде всего крѣпостного права.

Новыя идеи проникали къ намъ не только посредствомъ иностранныхъ переводовъ, но и русская оригинальная литература въ высшей степени оживилась въ царствованіе Екатерины: одинъ за другимъ стали появляться журналы со статьями болѣе жизненнаго характера. Между ними всего болѣе выдаются журналы Новикова, въ которыхъ главное мѣсто отведено было сатиры на современные нравы. Сатира того времени бичуетъ предрассудки, ханжество, суевѣріе, взяточничество, педантизмъ и другіе общественные недостатки, и болѣе всего осмѣянію подвергаются грубое невѣжество и вѣшнее подражаніе французской образованности, въ то время особенно сильно развившееся у насъ. Въ этихъ журналахъ можно было найти статьи и на другія темы: вооружаясь противъ того, что авторы статей считали ложнымъ въ ученіи энциклопедистовъ, они открыто признавали и ихъ великія заслуги для міра. Немаловажною заслугою журналистики того времени было и то, что она энергично разрушала вѣру въ существованіе *тайственныхъ наукъ*, въ родѣ астрологіи, алхиміи, магіи и т. п., проповѣдывала необходимость путешествовать за границую, но не для суетныхъ цѣлей и заимствованія моды, а для изученія нравовъ западныхъ народовъ, для болѣе близкаго знакомства съ западною наукою, образованностью, искусствомъ, а также выясняла важность изученія и родной страны, о необходимости чего до тѣхъ поръ никто и не думалъ. Но что особенно достойно удивленія для того времени, такъ это то, что Новиковъ, оставаясь горячимъ патриотомъ, проповѣдывалъ братство народовъ, братство, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, языковъ и нравовъ, и журналы, руководимые этимъ въ высшей степени замѣчательнымъ человекомъ, уже въ то время начинаютъ высказывать ужасъ и отвращеніе къ войнѣ, доказываютъ несправедливость и безнравственность завоевательныхъ стремленій. Немало было въ этихъ журналахъ и статей по философіи, психологіи и педагогіи; въ послѣднихъ доказывалось, что воспитаніе есть источникъ благополучія, а отсутствіе его ведетъ народъ къ несчастію. Въ педагогическихъ трудахъ того времени впервые появляется мысль о необходимости обращать вниманіе на индивидуальныя свойства ребенка, а также отрицаніе пользы столь сильно распространенныхъ въ русскомъ обществѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ тѣлесныхъ наказаній; въ нихъ выяснялся также вредъ безграничной вѣры въ авторитетъ родительской власти, и высказывалось искреннее желаніе связать между собой родителей и дѣтей узами любви и уваженія. Однимъ словомъ, въ этихъ журналахъ впервые уже начинается пробиваться живая струйка общественной жизни, истиннаго самопознанія и пониманія болѣе сложныхъ жизненныхъ интересовъ, болѣе существенныхъ задачъ; появлялись даже и статьи о крѣпостномъ правѣ, въ которыхъ указывалось, какъ помѣщики злоупотребляли своею властью. Вообще въ журналахъ Новикова обсуждалось множество вопросовъ, въ то время совершенно новыхъ. Новиковъ осмѣивалъ сословные предрассудки и энергично отстаивалъ право женщины на высшее образованіе. Настаивая на томъ, чтобы женщина сохраняла свою женственность, онъ требуетъ для нея равенства съ мужчиною лишь въ умственномъ развитіи и въ пріобрѣтеніи знаній: только въ той семьѣ можетъ быть истинное счастье, говоритъ онъ, гдѣ жена вполне понимаетъ интересы мужа.

Журналы Новикова были сильно распространены между студентами московскаго университета и, такимъ образомъ, своими идеями оказывали вліяніе на цвѣтъ молодого поколѣнія екатерининскихъ временъ. Между молодыми людьми появились такіе, которые, вмѣсто стремленія къ наслажденію, начинаютъ задаваться мыслію о

самоусовершенствованіи, проникаются страстною любовью къ родной странѣ и благородными стремленіями къ общественной пользѣ. Однимъ словомъ, въ атмосферѣ невѣжества, ханжества, взяточничества, мелкихъ интригъ, безумнаго прожиганія жизни, чѣмъ жили тогда русскіе люди, вдругъ повѣяло мыслью, жизнью, зародились облагораживающія сердце стремленія.

Оживленію родной литературы немало содѣйствовали сочувственное отношеніе къ ея представителямъ императрицы, ея личное увлеченіе новыми идеями и собственная ея писательская дѣятельность. Въ своей горячей и искренней любви къ литературѣ императрица могла почерпать удивительное умѣнье возбуждать авторскую дѣятельность. Для этого вспомнимъ хотя ея отношенія къ Державину и фонъ-Визину. Ея живое участіе къ успѣхамъ родной литературы, ея искренній интересъ къ судьбѣ писателей, ея собственный примѣръ,—все это побуждало писателей къ дѣятельности, возвышало литературу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкало высшіе классы къ развитію. Вотъ потому-то литература екатерининскаго времени и дѣлала такіе успѣхи, такіе исполинскіе шаги впередъ сравнительно съ предшествовавшимъ ея состояніемъ. Но императрица скоро поняла, что всего этого еще очень мало для искорененія грубости и невѣжества въ обществѣ, гдѣ просвѣщеніе считалось вреднымъ для государства, и принялась въ дѣлѣ воспитанія за реформаторскую дѣятельность.

Учрежденіе воспитательныхъ домовъ для подкидышей было результатомъ вліянія западныхъ гуманныхъ идей: до тѣхъ поръ у насъ въ Россіи незаконнорожденнымъ дѣтямъ не давали почти никакого пріюта, и самое устройство подобныхъ заведеній считалось лишь потворствомъ разврату. Учрежденіе воспитательныхъ домовъ было поручено Бецкому, человѣку искренно преданному просвѣщенію и гуманнымъ идеямъ,—онъ сдѣлался главнымъ исполнителемъ и помощникомъ новыхъ учебныхъ и воспитательныхъ реформъ Екатерины.

Императрица прекрасно знала, какъ печальны были условія образованія и воспитанія въ ея время. Особенно плохо было женское образованіе; школь и пансіоновъ для дѣтей женскаго пола почти не существовало, и приходилось исключительно довольствоваться домашнимъ воспитаніемъ. Вотъ это-то обстоятельство и заставило имп. Екатерину и Бецкаго задуматься надъ мыслью о томъ, чтобы создать въ Россіи „новую породу людей“. При горячемъ сочувствіи императрицы, по ея совѣтамъ и указаніямъ, Бецкій постарался осуществить ее на практикѣ.

Велѣдствіе господствовавшихъ въ обществѣ предрасудковъ, невѣжества, грубости и жестокости нравовъ рѣшено было совершенно изолировать учащихся отъ міра и людей, чтобы такимъ образомъ избавить ихъ отъ вреднаго вліянія семьи и общества. Бецкій и императрица Екатерина думали, что такимъ путемъ гуманные и просвѣтительные принципы, безъ помѣхи и дурнаго примѣра извнѣ, глубже проникнуть въ души молодого поколѣнія, и что велѣдствіе этого „новая порода людей“ будетъ несравненно лучше, гуманнѣе и менѣе заражена предрасудками, чѣмъ предыдущее поколѣніе, что искусственная преграда уберезетъ дѣтей отъ нравственнаго растлѣнія и заразы современной семьи и общества, и что изъ молодого поколѣнія, воспитаннаго на новыхъ, гуманныхъ началахъ и просвѣтительныхъ идеяхъ, создастся истинно новая, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе порядочная порода людей. Этой искусственной преградой должны были явиться закрытыя учебныя заведенія, гдѣ предполагалось держать дѣтей съ ранняго дѣтства до тѣхъ поръ; пока не созрѣетъ ихъ умъ, не сложатся ихъ привычки въ средѣ просвѣщенной, гуманной, незараженной дикими предрасудками и невѣжественными нравами. По этому плану былъ учрежденъ первый институтъ—„Общество для воспитанія благородныхъ дѣ-

виць“, или Смольный, съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ, и преобразованъ шляхетскій корпусъ.

На воспитаніе двѣиць въ Смольномъ, въ первые годы его учрежденія было обращено особенное вниманіе. Нѣкоторыя правила устава этого заведенія заимствованы почти цѣликомъ изъ французскаго с.-сирекаго института, основаннаго въ 1686 г. г-жею Ментенонъ. Педагогическіе принципы, которыми должны были руководиться всѣ вновь основанныя учебно-воспитательныя учрежденія, проникнуты были однимъ духомъ, одною общею идеею.

Кромѣ желанія изолировать воспитываемыхъ отъ невѣжественной среды, Бецкій стремился осуществить и другую важную политическую задачу: создать въ Россіи образованное среднее сословіе. Путешествуя на западѣ, онъ видѣлъ, какое нравственное и экономическое значеніе имѣло это сословіе. Отсутствію у насъ средняго сословія задумалъ помочь Бецкій воспитательными мѣрами. Образовывать людей для средняго сословія предназначалось преимущественно воспитательнымъ домамъ и академіи художествъ, устроеннымъ по планамъ Бецкаго, и мѣщанскому училищу при Смольномъ. Въ инструкціяхъ и правилахъ, данныхъ новымъ учрежденіямъ, замѣтно сильное вліяніе западныхъ идей: вездѣ предписывается гуманное отношеніе къ дѣтямъ, вниманіе къ ихъ физическому развитію, видно желаніе до крайнихъ предѣловъ облегчить трудности ученя.

Относительно женскаго образованія какъ Екатерина, такъ и Бецкій вполне сходились съ мнѣніемъ Фенелона, Монтэня, Локка и Руссо, придававшихъ обученію второстепенное значеніе. Но въ систему воспитанія „новой породы людей“ были включены и нѣкоторыя особыя правила, хотя, можетъ быть, косвенно и заимствованныя съ запада, тѣмъ не менѣе на нихъ лежитъ печать личнаго характера и воззрѣній императрицы. Въ инструкціяхъ всѣхъ заведеній постоянно повторяется одно и то же, вполне справедливое, требованіе, чтобы у дѣтей не только былъ бодрый видъ, веселость, „вольныя дѣйствія души“, но воспитателямъ и воспитательницамъ вмѣнялось въ обязанность, чтобы всѣ ихъ дѣйствія были не только „благоразумны и искусны“, но и соединены съ кротостью, а „наипаче съ непринужденною веселостью“. Лица, приставленные къ дѣтямъ, чтобы не привести ихъ въ уныніе, должны были даже „скрывать отъ нихъ свои огорченія“. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ инструкцій и предписаній, какъ Екатерины, такъ и Бецкаго, мы видимъ, что они въ высшей степени важнымъ считаютъ „предотвращеніе у ребенка унылаго и грустнаго вида“. Веселость характера, по замѣчанію Екатерины, помогаетъ сближенію людей между собою и должна быть потребностью здороваго человѣка. Бодрый и веселый видъ человѣка, по ея мнѣнію, производитъ пріятное впечатлѣніе въ обществѣ, а все, что касалось этой стороны дѣла, особенно было принято во вниманіе при воспитаніи двѣиць въ первомъ институтѣ. Однако изъ инструкцій, данныхъ для воспитанія въ институтѣ, все же видно, что составители ихъ вовсе не задавались цѣлью развивать въ двѣушкахъ любовь къ моднымъ туалетамъ и прическамъ, а кадетамъ такъ и вовсе было запрещено „завиваніе, пудры, помады и всѣ не кстатъ уборы“. Привѣтливости, вѣжливости, непринужденной учтивости, веселости, благородной осанкѣ Екатерина придавала огромное значеніе. Эти качества она рассчитывала развить посредствомъ приученія дѣтей къ аккуратности и обученія танцамъ. На аккуратность и чистоплотность женщинъ императрица обратила особенное вниманіе потому, что отсутствіемъ этихъ качествъ сильно страдало современное ей общество. Несмотря на стремленіе къ модамъ, роскоши, свѣтскости и утонченности, въ домашнемъ быту даже самыхъ богатыхъ и знатныхъ русскихъ жен-

щинъ того времени, въ ихъ домахъ и туалетахъ, вездѣ проглядывали слѣды ужаснаго перяшества, грязи, сказывалось отсутствіе понятій о самой элементарной опрятности. Что же касается танцевъ, то обученіе имъ началось у насъ еще при Петрѣ Великомъ и сдѣлалось теперь самою существенною частью воспитанія не только женскаго, но и мужскаго.

На воспитаніе дѣвушекъ въ Смольномъ было обращено особенное вниманіе. Императрица смотрѣла на институтъ, какъ на разсадникъ будущихъ матерей и воспитательницъ молодого поколѣнія. По уставу Бецкаго, воспитанницы раздѣлялись на четыре возраста, и каждая изъ нихъ, поступаая въ институтъ не старше 6-ти лѣтъ, должна была пробыть въ заведеніи не менѣе 12 л. За все время воспитанія воспитанницы не должны были имѣть близкаго общенія съ инымъ міромъ, кромѣ своего институтскаго. Видаться съ родителями и родственниками онѣ могли не иначе, какъ въ назначенные для этого дни и притомъ въ присутствіи институтскаго начальства.

Хотя учебныхъ предметовъ по количеству введено было весьма достаточно, но ихъ объемъ и содержаніе были въ высшей степени поверхностны и ничтожны. Ариметикѣ предписано было обучать настолько, насколько это необходимо въ домашней экономіи, т.-е. первымъ четыремъ правиламъ; преподаваніе исторіи тоже, вѣроятно, ограничивалось немногимъ; но любопытнѣе всего то, что для 3-го возраста (отъ 12 до 15 л.) были введены такіе предметы, какъ архитектура, геральдика и опытная физика. Геральдика должна была знакомить съ гербами важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и введена была, вѣроятно, въ угоду тогдашнимъ сословнымъ предразсудкамъ; впрочемъ предметъ этотъ былъ исключенъ изъ программы уже въ 1783 г. Болѣе всего вниманія обращено было на языки. Обученіе иностраннымъ языкамъ было поручено иностранкамъ, но онѣ забрали въ свои руки почти все преподаваніе, такъ что воспитанницы забывали даже свой родной языкъ.

Начальству предписывалось внушать воспитанницамъ „всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія, учтивости“; обращаться съ ними начальство обязано было безпристрастно и кротко, чтобы дѣвушки не привыкли „ни излишне важничать“, ни „унылый видъ являть“. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ исправлять провинившихся считалось необходимымъ пристыдить воспитаницу въ присутствіи всего класса. Не забыто было и домашнее рукодѣліе, шитье и хозяйство, причемъ воспитанницы не только присутствовали въ кухнѣ, но вели счета и выбирали свѣтныя припасы. Чтобы привить свѣтскость, устраивали спектакли при непосредственномъ участіи воспитанницъ, и особенное вниманіе обращено было на манеры дѣвицъ, на декламацию, на танцы и на французскій языкъ. Но состояніе учебной части, какъ видно изъ отчета комиссіи, оказалось весьма неудовлетворительнымъ.

Учредители искренно желали воспитать новое поколѣніе съ болѣе гуманнми принципами, съ болѣе культурными задатками, и для этого рѣшились удалить его отъ тлетворнаго вліянія невѣжественнаго общества. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, что мысль о закрытыхъ заведеніяхъ была внушена Бецкому и Екатеринѣ кѣмъ-нибудь изъ западныхъ писателей. Руссо въ Эмилѣ проповѣдывалъ необходимость изолировать воспитываемыхъ отъ испорченнаго современнаго общества, отъ современной ему цивилизаціи, развращающей умъ и сердце. Императрица хорошо была знакома съ произведеніями Руссо, но, какъ извѣстно, не любила ихъ, — ей трудно было симпатизировать демократическимъ идеаламъ Руссо. Но его громадная популярность, его презрѣніе къ современному обществу и желаніе изолировать отъ него своего питомца, все это не могло, хотя косвенно, не повліять на императрицу и Бецкаго.

Главная ошибка этихъ закрытыхъ заведеній состояла въ томъ, что при ихъ основаніи было совершенно упущено изъ виду то обстоятельство, что эту „новую породу людей“ будутъ воспитывать люди изъ того же испорченнаго, невѣжественнаго и суевѣрнаго общества. Хорошіе воспитатели составляли рѣдкое исключеніе въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, да и ихъ трудно было привлечь и заставить посвятить себя воспитанію во вновь возникшихъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ отчужденіе дѣтей отъ родителей наносило тяжкій вредъ, усиливая рознь и недоразумѣнія между старымъ и молодымъ поколѣніями. Воспитывая дѣтей вдаль отъ общества, создавали людей, непригодныхъ вполнѣ для этого общества, но главный недостатокъ этихъ закрытыхъ заведеній заключался въ томъ, что родители все болѣе отвыкали отъ своихъ родительскихъ обязанностей, все болѣе пріучались полагаться въ воспитаніи на заботу правительства.

Что же касается собственно институтскаго воспитанія, то хотя отъ времени до времени кое-что и измѣнялось къ лучшему въ программахъ обученія и въ методахъ преподаванія, но характеръ институтскаго воспитанія и образованія прочно установился съ тѣхъ поръ и оставался однимъ и тѣмъ же до 60-хъ г.г. XIX столѣтія, что мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Тѣмъ не менѣе воспитательныя идеи запада несомнѣнно просвѣщали русское общество или, точнѣе сказать, небольшую его часть, т.-е. представителей интеллигенціи, и постепенно распространяли сознаніе необходимости преобразованія школьнаго и семейнаго воспитанія. Хотя въ большинствѣ семей и школъ, не только въ концѣ XVIII, но и въ первой половинѣ XIX в., главнымъ исправительнымъ средствомъ служили тѣлесныя наказанія, и гуманныя отношенія между воспитателями и дѣтьми были большою рѣдкостью, но заслуга воспитательныхъ идей запада была уже въ томъ, что гуманныя понятія вошли съ тѣхъ поръ въ сознаніе небольшого круга русскихъ образованныхъ людей. Впервые въ это время обращено было серьезное вниманіе и на физическое воспитаніе. Какую важность придавала императрица физическому воспитанію, видно изъ того, что по ея волѣ Бецкій собралъ наставленія лучшихъ европейскихъ педагоговъ и вмѣстѣ съ совѣтами доктора Саншеса привелъ ихъ въ нѣкоторую систему и издалъ подъ заглавіемъ: „Физическія примѣчанія о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества“.

Не оставлено безъ вниманія физическое воспитаніе и въ уставахъ, данныхъ воспитательнымъ учрежденіямъ. Въ отдѣльныхъ главахъ говорится о пищѣ, о ея качествахъ и количествахъ, о кормилицахъ, о помѣщеніи, объ одеждѣ, о столовой посудѣ, чистотѣ, постеляхъ, снѣ, о необходимыхъ физическихъ упражненіяхъ. Впервые было обращено вниманіе на игры дѣтей. „Не вникающему въ сущность воспитанія“, говорится при этомъ, „покажется, что о всемъ этомъ не стоитъ и говорить; но опыты показываютъ, что забавы приносятъ ту пользу, что преклоняютъ къ чувствамъ дружества, рождаютъ проворство, ловкость и по замысламъ въ играхъ открываютъ природныя способности дѣтей, о чемъ воспитателямъ необходимо знать, чтобы предвидѣть, къ чему кого должно употребить“.

Понимая тѣсную связь между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ, императрица и Бецкій ставятъ первое несравненно выше второго и предписываютъ воспитателямъ обращать на него серьезное вниманіе. Вотъ почему Екатерина и ея сотрудникъ такъ часто и такъ много распространяются о воспитаніи нравственномъ и сравнительно мало говорятъ объ обученіи, но тамъ, гдѣ они говорятъ о немъ, они вездѣ стараются вдохнуть жизнь въ сухое преподаваніе и какъ можно болѣе облегчить питомцевъ, — въ этомъ сказывается вліяніе Монтэня, Руссо и особенно Локка.

Въ царствованіе Екатерины появляются и книги для дѣтскаго чтенія; сама императрица писала для дѣтей; „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“, печатавшаяся при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, представляло въ то время первый опытъ дѣтской журналистики; въ этомъ изданіи вмѣстѣ съ другими принимала участіе Карамзинъ и его другъ Петровъ. Но всѣ произведенія для дѣтей, какъ императрицы, такъ и другихъ писателей того времени, отличаются чрезвычайнымъ нравоучительнымъ характеромъ.

Императрица Екатерина не оставила безъ вниманія и народнаго образованія; она возложила пошеченіе о немъ на вновь образованные приказы общественнаго призрѣнія и обязала ихъ заводить училища сначала въ городахъ, а потомъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ для всѣхъ, кто *добровольно* пожелаетъ учиться въ нихъ, „въ чемъ однако“, говоритъ она, „никому не чинить принужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома“. Предоставивъ родителямъ полную свободу въ ученіи своихъ дѣтой, императрица запретила вмѣстѣ съ тѣмъ употреблять въ школахъ тѣлесныя наказанія и обратила вниманіе на то, чтобы въ нихъ наблюдали за опрятностью и чистотою воздуха. Но приказы общественнаго призрѣнія дѣйствовали медленно и открывали весьма малое количество школъ и училищъ для народа; обученіе въ школахъ шло весьма плохо, такъ какъ чувствовался сильный недостатокъ въ учебникахъ и хорошихъ учителяхъ. Тогда императрица рѣшилась на важную мѣру: для болѣе быстраго распространенія образованія и утвержденія его на прочныхъ началахъ, образована была въ 1782 г. особая коммиссія, задача которой состояла въ приготовленіи хорошихъ учебныхъ книгъ, въ образованіи способныхъ и надежныхъ преподавателей и въ устройствѣ народныхъ училищъ.

Но въ концѣ своего царствованія императрица прекратила свою реформаторскую дѣятельность и даже стала преслѣдовать людей, проводившихъ идеи, которыя свободно распространялись въ началѣ ея царствованія. Впрочемъ, и въ то время, когда императрица сама содѣйствовала распространенію западныхъ идей XVIII в., далеко не всѣ онѣ могли пустить у насъ глубокіе корни; еще труднѣе было имъ получить у насъ практическое примѣненіе, такъ какъ для этого нужно было кореннымъ образомъ измѣнить нашъ общественный строй. Не говоря уже о томъ, что часто даже развитые и образованные русскіе люди того времени совершенно были не подготовлены къ всестороннему пониманію и усвоенію идей, выработанныхъ западною цивилизаціею, и нерѣдко принимались за изученіе энциклопедистовъ прямо послѣ чтенія часослова или четьи-миной, но нужно не забывать и того, что нравы, обычаи и возрѣнія русскихъ людей того времени совершенно шли въ разрѣзъ съ идеалами, созданными философами XVIII в. Крѣпостное право со всѣми своими дикими произволомъ, запутанный канцелярскій порядокъ въ судахъ, который давалъ возможность господству самаго возмутительнаго взяточничества, злоупотребленія во всѣхъ сферахъ дѣятельности, — все это радикально противорѣчило идеаламъ мыслителей. При отсутствіи у насъ даже элементарнаго образованія, русское общество совсѣмъ не было подготовлено къ воспріятію идей, сдѣлавшихся на западѣ достояніемъ интеллигенціи. Часто даже наиболѣе образованные русскіе люди весьма смутно и своеобразно понимали тѣ книги, которыя они читали. Нѣкоторые, начавъ съ горячаго увлеченія философскими идеями, сильно пугались и каялись въ своемъ увлеченіи, какъ въ смертномъ грѣхѣ. Поэтому-то у громаднаго большинства, при первомъ вѣяніи реакціи, быстро улетучился внѣшній налетъ свободомыслія. Это бывало и позже: въ моменты наибольшаго расцвѣта у насъ свободомыслія очень многіе не

искренно, а лишь изъ подражанія выказываютъ свои либеральныя взгляды. Такъ было и тогда: вольнодумствуя, многіе трусили, какъ бы изъ-за этого не полатиться матеріально, зорко наблюдая, не наступаетъ ли какая нибудь перемѣна въ правительственныхъ мнѣніяхъ. И они не ошиблись въ расчетѣ: правительство только въ теченіе первой половины царствованія Екатерины II поощряло распространеніе въ обществѣ новыхъ идей, а затѣмъ она начинаетъ въ этомъ отношеніи постепенно сдерживать своихъ подданныхъ и выказываетъ, наконецъ, явную подозрительность, нерасположеніе, даже гнѣвъ къ слишкомъ ревностнымъ, по ея мнѣнію, послѣдователямъ идей, которыя она еще такъ недавно поощряла. Честолюбивые замыслы, заботы объ округленіи границъ, постоянныя войны, наконецъ, внутреннія народныя смуты, какъ напр., бунтъ Пугачева, и множество другихъ причинъ во многомъ измѣнили взгляды императрицы. Страхъ, который навела на нее французская революція, вызвалъ въ государынѣ безотчетный ужасъ ко всѣмъ новымъ ученіямъ, идеямъ и свободомыслію, въ какой бы теоретической формѣ онѣ ни высказались. Началась реакція: наиболѣе интеллигентные люди начинаютъ возбуждать подозрѣніе, получаютъ небезопасную кличку „вольтеріанцевъ“, что сдѣлалось синонимомъ вольнодумца, безбожника и бунтовщика. Начались гоненія безъ разбора; подверглись опалѣ и люди, увлекшіеся гуманными идеями, прежде поощряемые самою императрицею.

Такъ было и въ позднѣйшіе періоды нашей исторической жизни: въ періоды правительственной реакціи моментально наступала реакція и въ обществѣ, и вчерашніе либералы, вольнодумцы и атеисты, съ перемѣною взглядовъ правительства, сразу дѣлаются злѣйшими обскурантами. Императрица увлекалась чтеніемъ философовъ,— и русское общество бросилось ихъ читать; правительство перемѣнило свои взгляды,— и большинство общества перемѣнило свой мундиръ. Такіе моменты нашей жизни краснорѣчиво говорятъ о томъ, что русское общество не имѣло никакой привычки жить самостоятельною мыслью и умомъ. Однако, несмотря на періодическія гоненія, новыя идеи и взгляды все же кому нибудь да западали въ душу и при новомъ, свободномъ вѣяніи снова распространялись, но несомненно, что такіе скачки въ умственномъ развитіи русскаго общества были въ высшей степени губительны для прочнаго укорененія въ Россіи идей, давно усвоенныхъ западною интеллигенціею.

Тѣмъ не менѣе умственное возбужденіе при Екатеринѣ II имѣло немаловажное значеніе: съ тѣхъ поръ, хотя и среди небольшого круга людей, возникала мысль, что, кромѣ обязанностей въ отношеніи къ своей семьѣ, существуютъ обязанности относительно отечества и общества, утвердилось понятіе, что въ жизни человѣка, кромѣ баловъ, картъ, объяденія и кутежей, существуютъ развлеченія болѣе высшаго порядка. Кромѣ того въ воспитаніе нѣкоторыхъ семей внесены были гуманныя принципы и болѣе рачительныя понятія о физическомъ развитіи дѣтей; при всемъ этомъ начало созрѣвать сознаніе необходимости образованія для простаго народа, и не только ради утилитарныхъ государственныхъ цѣлей, но и для нравственнаго и умственнаго преуспѣянія всего общества.

ГЛАВА V.

Первая половина XIX-го вѣка.

Умственное движеніе общества въ началѣ царствованія Александра I-го. — Вліяніе интеллигентныхъ кружковъ и литературы на умственное развитіе русскаго общества. — Постепенное развитіе общественныхъ идеаловъ. — Положеніе общества послѣ 1825 г. — Умственное движеніе сосредоточивается преимущественно въ среднемъ классѣ общества. — Вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго на развитіе общественныхъ и воспитательныхъ идеаловъ. — Сороковые годы и вліяніе реакціи послѣ 1848 г. — Нравы русскаго общества. — Что видѣло вокругъ подростяющее поколѣніе. — Молодечество и преклоненіе передъ физической силой. — Взяточничество. — Интриги изъ-за власти. — Праздная жизнь помѣщиковъ. — Отсутствие общественныхъ идеаловъ, долга и гуманныхъ принциповъ въ массѣ общества. — Люди высшаго и средняго сословія. — Развлеченія. — Воспитаніе въ казенныхъ заведеніяхъ. — Характеръ институтскаго воспитанія. — Разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніями усиливается. — Причина этого явленія. — Отсутствие педагогическаго опыта. — Домашнее воспитаніе. — Все отъ дѣтей и ничего отъ родителей. — Господство родительскаго авторитета. — Раздоръ между супругами и его вліяніе на дѣтей. — Физическое, умственное и нравственное воспитаніе. — Тѣлесныя наказанія. — Характеръ обученія. — Отсутствие наблюдательности въ педагогахъ. — Крестьянскіе ребята, прислуга, гувернантки. — Ихъ вліяніе на дѣтей того-времени.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I въ обществѣ снова началось умственное движеніе. Дѣятелями новаго царствованія явились люди, преданные общественнымъ идеямъ, преобразовавшимъ европейскую жизнь. Въ первые годы царствованія этого государя издавались указы и произведены были реформы, носившія характеръ гуманности, справедливости, открытаго признанія недостатковъ прошлаго царствованія и желанія исправить ихъ. Почти каждый указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, произволъ; однимъ изъ нихъ окончательно уничтожались пытки, другой освобождалъ изъ заточенія и ссылки множество невинныхъ людей. Хотя для уничтоженія крѣпостнаго права въ это царствованіе не было предпринято почти ничего рѣшительнаго, но правительственныя распоряженія этого времени клонились въ пользу крестьянъ и преслѣдовалось жестокое обращеніе съ ними. Въ высшей степени благотѣльное вліяніе имѣло и то, что съ тѣхъ поръ въ сознаніе лучшихъ и наиболее гуманныхъ представителей русскаго общества зашла мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права.

Образованіе двигается впередъ; свобода печати не была дарована и въ это царствованіе, но весьма облегчена цензура книгъ. Не менѣе благоприятное вліяніе оказало и то, что литература и общество были призваны на обсужденіе нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, хотя, конечно, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Но либеральное направленіе скоро было подавлено. Послѣ войны съ французами государь всего болѣе заботился о спокойствіи извнѣ и внутри государства, что преимущественно и остановило его на пути преобразованій. Къ тому же онъ теперь вполне поддавался мистицизму и видѣлъ въ своихъ прежнихъ начинаніяхъ лишь суету и гордыню. Чрезвычайно любопытное зрѣлище представляло въ это время общество: въ высшихъ его слояхъ распространялись мистицизмъ и увлеченіе католичествомъ, но страстью, охватившею въ это время все классы общества, явилась

ненависть къ иностранцамъ, раздутая войной. Вотъ въ это-то время люди консервативнаго лагеря и стали давать чувствовать свою власть и значеніе: они употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить либеральныя нововведенія, истребить, какъ они выражались, революціонный и якобинскій духъ и вольнодумство, а подъ этимъ подразумѣвалось уничтоженіе всего, что носило печать мысли.

Такимъ образомъ реакція снова наступаетъ. Преобладающее значеніе въ государствѣ получаетъ Аракчеевъ, прославившійся своею жестокостью, Магницкій, понечитель казанскаго учебнаго округа, и Руничъ—петербургскаго дѣлають, все, чтобы уничтожить образованіе и развитіе, чтобы подавить проблескъ живой мысли. Имъ всюду чудились заговоры и революціи, и они изгоняютъ изученіе естествознанія, не дозволяютъ даже касаться вопросовъ о геологическомъ образованіи земли, преподаваніе исторіи сводятъ на чтеніе четій-миней, философію и естественное право объявляютъ науками вредными, колеблющими тронъ и церковь, въ политической экономіи запрещаютъ говорить о причинахъ уменьшенія и увеличенія богатствъ. Такая почва была благопріятна для распространенія съ одной стороны филантропическихъ обществъ, которыя приносили пользу отдѣльнымъ личностямъ, но не могли содѣйствовать уничтоженію главнаго зла, съ другой библейскихъ обществъ, проникавшихъ даже въ университеты и среднія учебныя заведенія. Распространеніе библейскихъ обществъ въ это время было такъ сильно, что ученики нѣкоторыхъ заведеній устраивали христіанскія бесѣды, на которыхъ читали и пѣли псалмы, разсуждали о догматахъ религіи и о жизни святыхъ, другіе устраивали библейскія общества для снабженія сверстниковъ книгами духовнаго содержанія. Въмѣстѣ съ реакціей усилились чиновничій формализмъ, гнетъ цензуры и беззастѣнчивое преслѣдованіе всѣхъ, кто моментально не облекся въ мундиръ благонамѣренности. Руничъ съ наглою беззастѣнчивостью выкрикивалъ: „Горе книгамъ! Горе лжеумствованіямъ!“ и съ товарищами, скроенными по его образу и подобию, вытраивалъ жизнь и движеніе во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Такое положеніе вещей распространяло ложь, изувѣрство, корыстолюбіе и лицемеріе. Идеальныя стремленія юношества, высшіе интересы, вызванные гуманнѣйшимъ правленіемъ Александра I въ началѣ его царствованія, подавлялись во время реакціи.

Несмотря, однако, на неблагопріятныя условія, несмотря на реакцію, слѣдовавшую за каждымъ умственнымъ движеніемъ, небольшой кругъ людей, образовавшихся съ конца XVIII ст., оставался вѣренъ своимъ идеаламъ, умѣлъ сохранять искру божію, продолжалъ свое саморазвитіе, старался укрѣпить и въ другихъ стремленія къ общеевропейскимъ идеаламъ и любовь къ высшимъ интересамъ. Многіе русскіе люди, несмотря на то, что образованіе ихъ было самое поверхностное, самостоятельно проходятъ школу, которую можно назвать литературною. Нѣкоторые изъ нихъ знакомились съ произведеніями знаменитѣйшихъ европейскіхъ писателей и мыслителей, что съ одной стороны обогащало ихъ разнообразными свѣдѣніями, съ другой воспитывало вкусъ къ чтенію, развивало понятія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя могла воспитать русская дѣйствительность. Конечно, такое чтеніе, безъ предварительной научной подготовки, при неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни, безъ возможности откровенно высказать мнѣніе о прочитанномъ, безъ возможности проводить въ жизнь, примѣнять на дѣлѣ тѣ или другіе идеалы и принципы, мало воспитывало для самостоятельнаго умственнаго труда, но это не помѣшало нѣсколькимъ русскимъ людямъ стоять въ уровень съ европейскими понятіями. Какъ изъ этихъ людей, работавшихъ въ тиши своего кабинета, такъ и изъ тѣхъ, которые развивались непосредственно подъ ихъ влияніемъ, создавались дѣятели, приносившіе

громадную пользу, какъ на каедрѣ, такъ и въ литературѣ, изумлявшіе своихъ современниковъ размѣрами своего дарованія, силою своихъ убѣжденій, своимъ безкорыстнымъ энтузіазмомъ, обширностью своихъ познаній, глубиною и гуманностью своихъ воззрѣній, безкорыстнымъ служеніемъ на пользу общества. Отъ времени до времени образовывался кружокъ людей, вносившихъ въ общество понятія о позорѣ крѣпостничества, о необходимости сочувствія меньшей братіи; они выясняли общественные недостатки, указывали средства для борьбы противъ нихъ. Эти люди подготовляли почву для крестьянской и судебной реформы, будили мысль, жажду знаній, возбуждали стремленіе къ распространенію просвѣщенія, къ болѣе правильному пониманію общественныхъ отношеній, къ распространенію общевропейскихъ идеаловъ, они, наконецъ, имѣли громадное вліяніе на лучшихъ представителей нашей литературы и дѣятелей во всѣхъ сферахъ умственного труда.

Кромѣ французскихъ просвѣтительныхъ идей, у насъ становится въ это время замѣтнымъ вліяніе англійской и нѣмецкой литературы и науки. Это вліяніе отразилось въ нашей литературѣ подражаніемъ Шекспиру, Вальтеръ-Скоту и Байрону, а также и тѣмъ еще, что наиболѣе просвѣщенные и живые русскіе люди познакомились съ великими англійскими писателями и съ политико-экономическими и политическими теоріями англійскихъ ученыхъ, какъ Адамъ Смитъ, Бентамъ и др. Нѣмецкая поэзія и философія вліяла еще сильнѣе: въ русское общество мало-по-малу проникаетъ философія Канта и Шеллинга, и многіе зачитываются произведеніями Гёте и Шиллера.

Такимъ образомъ образованные русскіе люди первой половины XIX в. черпали свои знанія, развитіе и идеи преимущественно изъ европейскихъ источниковъ. Литература наша, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, какъ Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и др., дѣйствительно шла впередъ, облагораживала чувства, смягчала грубость и дикость нравовъ, постепенно распространяла гуманные принципы, дѣлалась достояніемъ все болѣе широкаго круга, тѣмъ не менѣе она все еще чрезвычайно мало и весьма неопредѣленно касалась недуговъ нашего общества, весьма рѣдко затрогивала интересы народа (такъ какъ этому препятствовала цензура), и вслѣдствіе этого въ русскомъ обществѣ того времени не могли выработаться опредѣленные общественные идеалы.

Послѣ 1825 г. реакція усилилась. Люди съ стойкими убѣжденіями засѣли въ свои кабинеты, менѣе стойкіе, какъ обыкновенно, явились раболѣпными искателями теплыхъ мѣстечекъ и свои взгляды и воззрѣнія настраивали въ унисонъ съ господствующимъ теченіемъ. Послѣдствіемъ такого режима было чрезвычайное усиленіе чиновничества съ его канцелярскими тайнами, недоступными суду критики и общественнаго мнѣнія. Безконтрольность чиновничества и его размноженіе повело къ неслыханному взяточничеству и нравственному растрѣнію.

Съ николаевской эпохи университетъ, литература и журналистика становятся въ русскомъ обществѣ главными органами развитія мысли. Причина этого явленія заключается преимущественно въ томъ, что мысль въ русскомъ обществѣ уже пробудилась, между тѣмъ путешествія за границу, выписка иностранныхъ книгъ были теперь затруднены. Высшіе классы общества пренебрежительно относились къ университетскому образованію, но западныя идеи и русская литература уже настолько умственно пробудили средній классъ нашего общества, что онъ болѣе другихъ началъ стремиться къ образованію и развитію. На университеты люди средняго круга постепенно начинаютъ смотрѣть, какъ на единственные центры просвѣщенія, въ которыхъ возможно получить хотя какое-нибудь образованіе. Стремленіе значительнаго

класса людей въ университеты въ скоромъ времени сказалось улучшеніемъ преподаванія въ нихъ. Наибольше просвѣщенные русскіе люди начинаютъ стремиться къ каедрѣ. Вообще въ послѣдующій періодъ времени нашего развитія на движеніе русской мысли уже огромное вліяніе имѣютъ университеты и наибольше образованные люди группируются около нихъ.

Такимъ образомъ съ конца 30-хъ гг. происходитъ перемѣщеніе центра умственнаго движенія изъ одного класса общества въ другой: прежде все, что было наибольше интеллигентнаго и мыслящаго, тянулось въ высшій слой общества, такъ какъ онъ не только задавалъ тонъ жизни, но среди него были и наибольше развитые люди; теперь своимъ развитіемъ и образованіемъ сталъ выдвигаться средній классъ, а умственные интересы высшихъ слоевъ начинаютъ все болѣе слабѣть.

Кромѣ университетовъ, главнымъ орудіемъ русскаго просвѣщенія дѣлаются журналистика и литература. Въ литературѣ одинъ за другимъ продолжаютъ дѣйствовать и появляться крупныя таланты. Наибольшее значеніе на пути общественнаго развитія, распространенія новыхъ общественныхъ понятій, усиленія самосознанія и прогресса — были Гоголь и Бѣлинскій. Оба эти писателя имѣли громадное вліяніе, дали толчекъ движенію и совершенно новому направленію мысли, утвердили, наконецъ, за литературой признаніе ея великаго общественнаго и нравственнаго значенія, указали ей ея настоящее мѣсто и цѣль, къ которой она должна стремиться. Этими двумя писателямъ русская литература болѣе всего обязана тѣмъ, что съ этихъ поръ она дѣлается истинною выразительницею потребностей всѣхъ классовъ общества; они болѣе другихъ писателей указали своимъ послѣдователямъ необходимость изображать жизнь народа со всѣми его радостями, скорбями и страстями, съ его добродѣтелями, пороками и заблужденіями, необходимость бичевать злоупотребленія, подтачивающія государственннй организмъ, выяснять ихъ причины и указывать способы для ихъ уничтоженія, намѣчая лучшія стремленія небольшой группы людей, необходимость неустанно идти съ нею рука объ руку по пути умственнаго и общественнаго прогресса и самоусовершенствованія. Вотъ почему токъ и другой писатель имѣли громадное значеніе въ литературѣ, прямо или косвенно повліяли на всѣ сферы воспитательной и умственной дѣятельности.

Гоголь не совсѣмъ сознательно относился къ создаваемымъ имъ художественнымъ образамъ, но великій его талантъ далъ возможность ему, лучше чѣмъ кому бы то ни было, подмѣтить всю пошлость русскаго человѣка. Хотя Гоголь по своему міросозерцанію и принадлежалъ къ чисто художественной школѣ писателей, и лишь изумительная сила таланта, почти помимо его воли, вывела его на новый литературный путь, тѣмъ не менѣе его сатира имѣла громадное общественное значеніе. Съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, съ необычайно тонкимъ анализомъ, съ безопаднымъ художественнымъ юморомъ онъ создавалъ изумительно вѣрныя картины быта, указывая темныя стороны нашей жизни, давалъ замѣчательно живые типы русскихъ людей, изъ которыхъ многіе съ тѣхъ поръ сдѣлались нарицательными именами. Особенно ярко выступаютъ у знаменитаго сатирика два общественные типа, наибольше въ то время распространенные, наибольше пользовавшіеся въ обществѣ властью, значеніемъ и силою, — чиновника и помѣщика. Несмотря на разнообразіе характеровъ, типовъ и темпераментовъ, сатирикъ изображаетъ почти всѣхъ чиновниковъ безцеремонными взяточниками, — взяточничество доходитъ у нихъ до наглости; они выступаютъ въ его произведеніяхъ съ высокомеріемъ, соразмѣрнымъ съ рангомъ каждаго изъ нихъ, со всѣмъ ихъ низкопоклонствомъ и мелкими плутнями, вытекающими изъ пустоты жизни и прежде всего изъ отсутствія сознанія общественнаго

долга, съ вполнѣ сложившимися и давно укоренившимися взглядами на государственную службу, какъ на главную статью дохода для личнаго обезпеченія. Такъ же живо выхвачены изъ дѣйствительной жизни типы помѣщиковъ, какими ихъ могла создать лишь крупнотническая среда. Здѣсь выступаютъ то безхитростно добродушные люди съ своимъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, вѣчною ѣдою вмѣсто всѣхъ развлеченій и трудовъ и съ своими дикими суевѣрїями, то закорузлые скопидомы и плутоватые прїобрѣтатели, часто сантиментальныя до приторности, то люди совсѣмъ не культурныя, вполнѣ живущіе по домостроевскимъ преданїямъ, то съ задатками размашистой русской удали и ухарства, буйно безшабашныя и назойливыя; но какими бы своеобразными чертами характера они ни отличались другъ отъ друга, на нихъ прежде всего лежитъ печать полного невѣжества, отсутствія европейской культуры и какихъ бы то ни было идеальныхъ и духовныхъ стремленій, отсутствія облагораживающихъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ интересовъ: всѣ они являются праздными, въ конецъ излѣнившимися, въ полномъ смыслѣ слова русскими барамы, русскими помѣщиками.

Съ Вѣлинскаго начинается настоящая критика въ русской литературѣ. Этотъ писатель оставилъ въ ней глубокой, неизгладимый слѣдъ и имѣлъ самое плодотворное воспитательное вліяніе. Онъ болѣе другихъ содѣйствовалъ развитію эстетическаго вкуса и критическаго направленія мысли. Много способствовалъ онъ и развитію литературной школы, образовавшейся преимущественно подъ вліяніемъ Гоголя. Вѣлинскій ясно и опредѣленно указалъ на то, что каждый писатель долженъ преслѣдовать не только художественную, но и общественную задачу, выяснилъ, что искусство не должно служить празднымъ развлеченіемъ, а являться выразителемъ существенныхъ интересовъ общества. Произведенія писателя, по его мнѣнію, должны облагораживать душу человѣка, все болѣе расширять въ немъ интересъ къ ближнимъ, пробуждать общественныя инстинкты и стремленія къ безкорыстному служенію на благо общества, содѣйствовать его нравственному и гражданскому усовершенствованію.

Вѣлинскій съ обычною энергіею и глубокимъ убѣжденіемъ высказывался и по вопросамъ воспитанія: и тутъ насъ поражаетъ его тонкая наблюдательность, его умныя, мѣткія и до сихъ поръ вѣрныя мысли и замѣчанія, которыя, какъ и все у него, носятъ печать страстной любви къ человѣчеству и къ своей родинѣ. Орудіемъ и посредникомъ воспитанія, по его мнѣнію, должна быть *любовь*, а цѣлью его *человѣчность* (гуманность). Но любовь любви рознь. И Простакова, говорить онъ, любила своего Митрофанушку, и Брутъ любилъ своихъ сыновей. „Любовь одна, а ся характеръ и проявленіе различны... Въ первой есть только смыслъ, но нѣтъ никакой мысли, а во второй, кромѣ смысла, есть еще мысль. Чтобы развить любовь въ молодомъ сердцѣ, надо заставить его полюбить *что-нибудь*, а это *что-нибудь* должно быть *истинною мыслію*“. Такимъ образомъ любовь къ дѣтямъ должна проявляться не только въ томъ, чтобы кормить и оберегать отъ болѣзней,—это слишкомъ эгоистическая, односторонняя любовь, а въ томъ, чтобы развивать въ будущемъ человѣкѣ благородныя стремленія ума и сердца, чтобы прививать облагораживающіе душу инстинкты, расширять умственный кругозоръ, заставить полюбить природу и человѣка, вдохнуть идеальныя стремленія, развить вкусъ къ изящному,—последнее знаменитый критикъ совѣтуетъ дѣлать посредствомъ музыки, сильно вліяющей на дѣтей. Воспитывать съ горячею любовью и прежде всего пробудить въ ребенкѣ любовь—вотъ что Вѣлинскій считаетъ болѣе важнымъ въ воспитаніи. И дѣйствительно, что можетъ быть выше, достойнѣе, существеннѣе этой задачи? Эта идея всегда будетъ современна, пока существуетъ міръ.

Бѣлинскій говорить о воспитаніи весьма немного сравнительно съ тѣмъ, что онъ высказалъ по другимъ вопросамъ, но то немногое, что онъ намѣтилъ, прекрасно выясняется его критическими этюдами. Любовь и гуманность Бѣлинскій ставитъ орудіемъ и посредникомъ воспитанія, но подъ этимъ подразумѣваются серьезные нравственные и общественныя требованія. Пробудить любовь въ ребенкѣ, по понятію Бѣлинскаго, значитъ пробудить любовь къ ближнему, а слѣдовательно, прежде всего къ своему товарищу. Въ то же время, не покладая рукъ, слѣдуетъ постоянно расширять кругъ дѣятельности сердца дитяти. Интересъ къ сверстнику, если онъ возбужденъ, породитъ въ дитяти стремленіе помогать своимъ товарищамъ въ школѣ, принимать къ сердцу ихъ интересы, заставить его въ послѣдствіи стремиться устроить не только личное благосостояніе, но думать и о счастіи ближняго.

Подъ *целостностью* Бѣлинскій понимаетъ „живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился,—тѣхъ общихъ элементовъ, которыя должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоценнѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго“.

Заложить впервые въ сердце человѣка сѣмена любви и человѣчности—священная обязанность родителей: „на родителяхъ, на однихъ родителяхъ“, говоритъ Бѣлинскій, „лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ“.

Бѣлинскій такъ же, какъ и лучшіе современные педагоги, смотритъ на воспитаніе, если только оно основано на гуманныхъ началахъ, какъ на могучее средство къ достиженію въ высшей степени благопріятныхъ результатовъ для усовершенствованія человѣческаго рода: „разумное воспитаніе“, говоритъ онъ, „и злого по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую ограниченную и мелкую натуру“.

Хотя въ то время, когда писалъ Бѣлинскій, совѣмъ не былъ изслѣдованъ вопросъ о силѣ, вліяніи и значеніи наслѣдственности, тѣмъ не менѣе онъ уже тогда говорилъ, что воспитаніе не можетъ сдѣлать всего, что угодно: „посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ давать яблоки садовые, вкусныя и большія; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню желуди. А въ этомъ-то именно и заключается по большей части ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево,—его можно заставить приносить что угодно, хоть арбузы вмѣсто орѣховъ“... Воспитаніе, по мнѣнію Бѣлинскаго, „должно быть помощникомъ природѣ, не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, что угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и лучше, и хуже—только по-своему, индивидуально“.

Подъ разумнымъ воспитаніемъ прозорливый критикъ понимаетъ основательное изученіе дѣтской природы и требуетъ для правильнаго развитія дѣтскаго ума, воли, чувствъ и впечатлѣній, самостоятельности и свободы, но въ то же время находитъ

необходимымъ подавлять съ ранняго возраста рабскія склонности ребенка—хитрость, лукавство, ложь и обманъ. Съ особенною энергією Бѣлинскій возстаеъ противъ холодности, съ которою многіе воспитатели относятся къ проявленію чувства дитяти, и также возмущается сентенціями и нотаціями, которыми обыкновенно угощаютъ дѣтей. Родители, устраняющіе горячія изліянія дѣтскаго чувства, постепенно очерствяютъ душу ребенка. Такъ же возмутительны и унизительны, по его мнѣнію, для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ свободу, откровенность, уваженіе къ другимъ и къ самимъ себѣ и растлѣвающія сердце подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства: „счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ и правыхъ, и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія“.

Что касается характера воспитанія вообще, то въ этомъ отношеніи Бѣлинскій высказалъ взглядъ, вполне сходный со взглядомъ Руссо не только по мысли, но отчасти даже и по формѣ: „первоначальное воспитаніе“, говоритъ онъ, „должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ“.

Во все, что Бѣлинскій говорилъ о дѣтскихъ книгахъ, о воспитаніи, объ обученіи, онъ старался вдохнуть любовь, жизнь и движеніе, убить мертвечину, застой, схоластическіе приемы, формализмъ, но болѣе всего онъ предостерегаетъ отъ развитія въ дѣтяхъ резонерства: „ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всемъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по расчету... Горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!“ При ознакомленіи ребенка съ предметомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, слѣдуетъ дѣйствовать не на его разсудокъ, а на все его существо и преимущественно на его чувство, давать „знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ сказать, букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ сущность и значеніе“...

Передовые дѣятели сороковыхъ гг. со страстью отдались разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Ихъ болѣе всего занимали теоретическія размышленія о томъ, какимъ долженъ быть общественный строй, насколько справедливо то или другое явленіе русской дѣйствительности, насколько нормальны существующія семейныя и общественныя отношенія. Однимъ словомъ, въ сороковыхъ годахъ все болѣе начинаетъ сказываться преобладаніе идей характера соціального. То же самое мы видимъ и въ научной области: изъ всѣхъ наукъ предпочтеніе отдаютъ наукамъ общественнымъ, и политическая экономія отодвигаетъ на второй планъ философію.

Это оживленіе и новое теченіе немедленно сказались въ литературѣ, какъ въ области критики, такъ и въ беллетристикѣ, цѣлымъ рядомъ талантливыхъ произведеній. Бѣлинскій, Герценъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ и другіе примкнули къ этому новому направленію въ литературѣ. Въ основѣ главнѣйшихъ произведеній этихъ писателей лежали общественныя задачи и требованія. Художественныя произведенія однихъ изъ нихъ пробуждали сочувствіе къ простому люду, другія указывали все зло, проистекающее отъ крѣпостнаго права, третьи въ художественныхъ образахъ представляли неурядицы въ семейныхъ отношеніяхъ, и затѣмъ въ большинствѣ произведеній можно было видѣть уже ясныя намеки на необходимость освобожденія крестьянъ.

Но это оживленіе и умственное движеніе было совершенно подавлено въ 1848 г. паникою, какую породило у насъ революціонное движеніе на западѣ. Въ русской

журналистикѣ и общественной жизни снова наступилъ мрачный, печальный и суровый періодъ, продолжавшійся съ 1848 до 1855 г.

Несмотря на то, что въ Россіи на всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности чувствовался страшный недостатокъ, а часто и полное отсутствіе образованныхъ людей, рѣшено было ограничить число студентовъ, вступающихъ въ университетъ на философскій и юридическій факультеты. Преподаваніе наукъ въ университетахъ пришло въ упадокъ; философія была совершенно изгнана; изъ преподаванія политической экономіи и финансоваго права было вытравлено все, что имѣло какой-нибудь современный интересъ. Въ гимназіяхъ возвышена была плата за ученіе, доступъ въ нихъ былъ сильно затрудненъ, и число учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ замѣтно уменьшилось. Путешествіе за границу сдѣлалось затруднительнымъ для небогатыхъ людей: за заграничный паспортъ приходилось платить 500 р., преобразована была и отправка молодыхъ людей за границу съ образовательными цѣлями. Цензура не пропускала даже статей характера историческаго изъ XVI и XVII вв., если только въ нихъ изображены были мрачныя стороны жизни людей того времени. При такомъ положеніи вещей нечего удивляться, что въ первой половинѣ пятидесятыхъ гг. въ обществѣ и литературѣ были забыты идеи и традиціи сороковыхъ годовъ; онѣ остались достояніемъ очень небольшого круга людей, который въ это тяжелое время крѣпко хранилъ ихъ про себя.

Но было ли то или другое время либеральнымъ или реакціоннымъ, жизнь и нравы громаднаго большинства русскаго общества мало поддавались современнымъ теченіямъ, въ высшей степени медленно совершенствуясь и прогрессируя. Хотя нравы помѣщиковъ въ XIX в. нѣсколько смягчились и приняли, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, болѣе гуманный, цивилизованный характеръ, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, но совершенно измѣниться они не могли, такъ какъ вся первая половина нынѣшняго столѣтія была, какъ и предыдущій вѣкъ, — эпохою крѣпостничества, растлѣвавшаго все стороны жизни помѣщиковъ, вливавшаго крѣпостнической идѣи во все поры ихъ тѣла, въ нравственную и умственную ихъ организацію. Несмотря на то, что гуманныя идеи и освободительныя стремленія мало-по-малу проникали въ общественное сознаніе, матеріальное положеніе крестьянъ становилось все печальнѣе: правда, примѣры возмутительнаго отношенія къ крестьянамъ и жестокаго съ ними обращенія встрѣчаются рѣже, но экономическая эксплуатація ихъ замѣтно прогрессируетъ. Изъ года въ годъ все увеличивающееся стремленіе помѣщиковъ къ свѣтской жизни не по средствамъ неудержимо охватываетъ верхніе слои русскаго общества и въ XIX в. доходитъ до своего апогея. Простота жизни нашихъ предковъ, которая въ прошломъ столѣтіи еще часто встрѣчалась даже въ столицахъ, теперь пріютилась лишь въ захолустныхъ уголкахъ нашей родины: въ столицахъ же все стремились къ комфорту, къ утонченной роскоши въ домашней обстановкѣ и одеждѣ, къ кутежамъ, къ выѣздамъ, маскарадамъ, баламъ, театрамъ, скачкамъ, верховой ѣздѣ, къ клубамъ, собраніямъ, къ гастрономическимъ пирамъ, къ картежной игрѣ, однимъ словомъ, къ прожиганію жизни. Понятія и вкусы русскихъ людей, еще недавно весьма первобытныхъ, и теперь нерѣдко краснорѣчиво говорили, что даже и современная ихъ полировка не особенно солидна; но зато теперь, часто даже въ глухомъ захолустѣ, возвышалось роскошнѣйшее зданіе — помѣщицкій домъ, напоминавшій собою Сень-Жерменскій дворецъ, въ жизни и обстановкѣ жильцовъ котораго господствовали вкусы французской аристократіи.

Естественно, такая жизнь требовала отъ дворянъ все болѣе значительныхъ средствъ, между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, главнымъ источникомъ доходовъ

оставались все тѣ же крестьяне. Вотъ потому-то помѣщикамъ первой половины XIX в. и пришлось создать новыя формы эксплуатаціи своихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого они постепенно начинаютъ вымогать отъ нихъ болѣе тяжелыя оброки, отпускаютъ ихъ на волю за громадный выкупъ, отдають на фабрики и сами устраиваютъ эти фабрики у себя.

Незгоды крѣпостныхъ людей увеличились еще и съ другой стороны. Если въ прошломъ столѣтіи совершенное обезземленіе крестьянъ было явленіемъ исключительнымъ, то въ XIX вѣкѣ помѣщики стали чаще обращать своихъ крѣпостныхъ въ безземельныхъ батраковъ. Ухудшеніе матеріальнаго положенія народа увеличивало его ропотъ и недовольство. Дѣйствительно, мы видимъ, что поджоги имѣній, убійства помѣщиковъ, крестьянскія волненія становятся все чаще и чаще.

Хотя нравы, сравнительно съ предъидущимъ столѣтіемъ, смягчились и наиболѣе возмутительныя истязанія надъ крѣпостными являлись большою рѣдкостью, но и теперь, какъ и въ XVIII ст., изъ конюшенъ раздавались стоны наказуемыхъ розгами, а изъ дѣвичьихъ и лакейскихъ— звуки пощечинъ, которыми помѣщицы угощали своихъ Филекъ, Машекъ и Гашекъ за всякій ничтожный промахъ. И теперь помѣщики и помѣщицы за всякую бездѣлицу таскали своихъ крѣпостныхъ за волосы, угощали ихъ зуботычинами и подзатыльниками; баринъ попрежнему держалъ гаремъ изъ крѣпостныхъ и безъ удержу проявлялъ надъ ними свои похотливыя вождельнія. Такъ какъ иго рабства и въ XIX в. существовало, то подростающее поколѣніе и теперь видѣло тѣ же примѣры помѣщичьяго разврата, произвола, самовластія и самодурства.

Несмотря на утонченность манеръ и стремленіе къ изяществу, крѣпостная закваска сказывалась во всѣхъ поступкахъ помѣщиковъ, въ образѣ ихъ жизни, въ ихъ воззрѣніяхъ на общественное дѣло и семейную жизнь. Фундаментомъ, основою крѣпостничества служило право сильного, вотъ потому-то физическая сила, ловкость, отчаянная удаля, молодечество, если даже всѣ эти физическія преимущества приурочивались къ явленіемъ предосудительнымъ, если они кому-нибудь приносили горе и слезы, все-таки заслуживали въ то время всеобщее поощреніе, снискивали уваженіе. Лишь только въ обществѣ появлялся человѣкъ, славящійся своею силою и удалію, его немедленно окружала цѣлая толпа. Одинъ показываетъ въ собраніи, какъ онъ, безъ малѣйшихъ усилій, сплющиваетъ лошадиную подкову, другой подбрасываетъ подъ потолокъ тучнаго и ошеломленнаго неожиданностью сосѣда, третій держитъ пари о томъ, что онъ въ продолженіе часа выпьетъ дюжину бутылокъ шампанскаго а вотъ и получше диковинка! Князь N, первый богачъ въ губерніи, вѣхалъ верхомъ на лошади въ клубъ, чтобы показать свое презрѣніе къ его распорядителямъ, съ которыми онъ наканунѣ поссорился. Такія вещи, конечно, преимущественно происходили въ провинціальныхъ городахъ, но передъ физической силой, какъ бы безобразно она ни проявлялась, одинаково преклонялись, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, не только въ низшихъ, но и въ высшихъ слояхъ дворянъ, гдѣ жестоко карали всякое нарушеніе приличій. Подъ приличіями понимали тогда особый родъ правилъ, обыкновенно не имѣющихъ ничего общаго съ порядочностью въ общечеловѣческомъ смыслѣ слова, и гдѣ главное значеніе имѣли „les apparences“, „les convenances“ и свой особый „esprit de conduite“. На человѣка физически сильнаго, если онъ въ то же время былъ великолѣпнымъ танцоромъ, смотрѣли съ нескрываемымъ благоговѣніемъ, прощали ему всевозможныя пошлости, какія бы онъ ни выкидывалъ, всюду съ восторгомъ рассказывали объ его удивительныхъ кунштюкахъ по части удалства и силы и о его „милыхъ“ проказахъ, хотя тѣ, надъ кѣмъ онъ продѣлывались, платились нерѣдко увѣчемъ или опасною болѣзнію. Не-

умѣніе критически, надлежащимъ образомъ отнестись къ физической силѣ несомнѣнно вносило въ понятія молодежи и ея взгляды немало сумбура, узкости и односторонности. Дѣти уже съ ранняго возраста начинали бороться съ товарищами, дрались на кулакахъ, тянулись на палкахъ. Въ этихъ потѣхахъ принимали участіе и взрослые, но особенно подростки, и въ такихъ случаяхъ собиралась громадная толпа. Главнымъ матеріаломъ для споровъ и разговоровъ молодежи того времени въ сильной степени служили эти потѣхи.

Самымъ развращающимъ элементомъ для юношества XIX вѣка, послѣ крѣпостничества, служило взяточничество, царившее во всѣхъ сферахъ и теперь не менѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, но распространившееся въ большемъ кругу людей, такъ какъ число чиновниковъ съ тѣхъ поръ сильно увеличилось. Взятку бралъ всякій, кто только могъ ее взять, и отказать отъ нея было равносильно потерѣ мѣста, да и такія попытки встрѣчались рѣдко, такъ какъ по понятіямъ того времени, брать взятку было вовсе не грѣшно, если только она не переходила границы чловѣколюбія. Взятчиковъ раздѣляли на двѣ категоріи: однихъ считали грабителями, — тѣ уже драли, что называется, съ живого и мертваго, другіе брали умеренно, и тогда это считалось „безгрѣшнымъ доходомъ“.

У насъ на Руси испоконъ вѣка ни одно дѣло не дѣлалось безъ взятки, и необходимость дать ее въ началѣ и при окончаніи каждаго дѣла вошла въ плоть и кровь народа. Каждый, начинающій какое бы то ни было дѣло, самъ приносилъ чиновнику *приношеніе* натурою или деньгами. Чиновникъ, получающій лишь добровольное приношеніе или назначавшій не особенно отяготительную взятку, считался вполне честнымъ и порядочнымъ чловѣкомъ, такъ какъ пользовался, по понятіямъ того времени, безгрѣшными доходами. Отецъ, возвращаясь со службы, не стѣняясь рассказывалъ при дѣтяхъ, сколько и за что онъ получилъ. Такимъ образомъ на взятки съ дѣтства привыкали смотрѣть, какъ на необходимое и естественное приобщеніе къ жалованью, и сыновья, дѣлаясь чиновниками, шли по стопамъ своихъ отцовъ.

Интриги и дразги изъ-за власти и изъ-за выгоднаго мѣста были въ полномъ ходу; того или другого мѣста добивались не потому, что въ этомъ направленіи сказывались способности, не потому, что на томъ или другомъ посту чловѣкъ надѣялся принести пользу обществу, а чтобы потуже набить свой карманъ, чтобы побольше схватить чинъ, который въ свою очередь давалъ возможность обезпечить свою семью большимъ комфортомъ и почетомъ. На глазахъ молодого поколѣнія изъ-за чиновъ и мѣстечекъ забывали честь и совѣсть: встрѣчали съ распростертыми объятіями пріятели, угощали его на пропалую, а за спиной рассказывали его мошенническія продѣлки, бранили его за то, что должны тратиться на его приемы, такъ какъ онъ нужный чловѣкъ, тутъ же строили планы, какъ и кого напустить на него, чтобы подставить ему ножку, захватить его мѣстечко для себя или для „родного чловѣка“.

Общество въ провинціи, какъ и въ столицахъ, раздѣлялось на нѣсколько разрядовъ или слоевъ. Къ высшему принадлежали помѣщики аристократическихъ родовъ и крупныя чиновники; они рѣдко принимали въ свой кругъ людей средней руки, и вели дружбу лишь между собой. Они жили въ провинціи не менѣе роскошно, чѣмъ въ столицѣ люди ихъ круга: блестящіе балы смѣнялись въ ихъ домахъ концертами, домашними спектаклями, съ участіемъ артистовъ изъ собственныхъ крѣпостныхъ, пикниками, *folles journées*, пирами, за которыми подавали самыя утонченныя яства и гдѣ шампанское лилось рѣкой.

Помѣщики и чиновники средней руки развлекались несравненно менѣе, жили

просто, давали обѣды лишь въ именины своихъ домочадцевъ, когда родня и гости съѣзжались уже на нѣсколько дней; трюфелей они не ѣли, шампанскаго подавать не могли. Если аристократія, даже и въ деревнѣ, шумно проводила жизнь въ свѣтскихъ удовольствіяхъ и не имѣла времени на хозяйство, то и помѣщики средней руки рѣдко вполнѣ самостоятельно управляли имѣніемъ. Они обыкновенно лишь приглядывали за распоряженіями управляющаго или старосты, домашнее же хозяйство съ многочисленными заготовками всецѣло лежало на хозяйкѣ дома. Лишь очень немногіе изъ помѣщиковъ, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, почитывали случайно попавшіе подъ руку разрозненные номера газетъ или переводные романы, покупаемые на пуды у завѣзжихъ купцовъ. Вотъ почему помѣщики того времени, вставъ послѣ сна, слѣдовавшаго за сытымъ обѣдомъ, серьезно и глубокомысленно задавали вопросъ: „что бы поѣсть“ или „что бы испить“. Типы помѣщиковъ, воспитанныхъ на лонѣ барства, художественно воспроизведены нашими писателями: Гоголемъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ, Щедринымъ. Несмотря на огромное разнообразіе типовъ изъ этой среды, несмотря на различіе ихъ натуръ, темпераментовъ, образованія, мировоззрѣній, несмотря на то, что многіе изъ нихъ не лишены были ума, доброты, наблюдательности, простосердечія, во всѣхъ нихъ чрезвычайно много общаго: наивный эгоизмъ, отсутствіе нравственнаго чувства, честныхъ и твердыхъ принциповъ, чувства долга, общественныхъ идеаловъ; всѣ они отличались узкостью своихъ взглядовъ и мелочностью интересовъ. Изучая художественныя произведенія нашихъ великихъ писателей, изобразившихъ эти типы, или пробѣгая безчисленные мемуары современниковъ, вы сейчасъ видите, что такихъ людей могла создать лишь пошлость помѣщичьей среды, которая давала человѣку возможность пользоваться всѣми житейскими благами, не прилагая ни малѣйшей капли собственнаго труда, ни малѣйшаго усилія мысли.

Высшее общество обѣихъ столицъ въ совершенствѣ постигло къ этому времени науку уточенныхъ свѣтскихъ развлеченій, вполнѣ отдавалось имъ и блистательно проматывало на эти удовольствія громадныя помѣстья, которыя вслѣдствіе этого приходилось закладывать и перезакладывать. Аристократы, высшіе чиновники и дворяне, тянувшіеся за ними, думали теперь лишь объ одномъ, какъ бы перещеголять другъ друга безумною роскошью пировъ, баловъ, туалетовъ, экипажами, породистыми лошадьми. Теперь уже всюду въ гостиныхъ раздавались чистѣйшій парижскій говоръ (въ это время высшій классъ такъ офранцузился, что по-русски говорилъ только съ прислугою), остроты, нерѣдко двусмысленные анекдоты и комплименты, съ виду элегантныя и тонкіе, а въ дѣйствительности безнравственныя и пошлыя. Въ этихъ гостиныхъ, гдѣ люди жили только на показъ, щеголяя другъ передъ другомъ пустою и пошlostью, нечего было искать умственныхъ или какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ.

Карточная игра не была только страстью и забавою; она одинаково сильно была распространена какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ, давала многимъ возможность жить на карточные выигрыши и такимъ образомъ существовать безъ труда, что особенно было на руку людямъ, не привыкшимъ къ труду при крѣпостномъ правѣ.

Когда дѣти подростали, ихъ отдавали въ пансіоны, институты, корпуса, въ гимназіи; до опредѣленія въ заведенія, а нѣкоторые родители и все время, воспитывали своихъ дѣтей дома съ гувернантками и гувернерами. Нужно замѣтить, что еще въ первой четверти XIX ст. число закрытыхъ заведеній, т.-е. корпусовъ и институтовъ, сильно увеличилось. Такимъ образомъ воспитаніе дворянскихъ дѣтей

съ 10-лѣтняго возраста почти ничего не стоило огромному классу дворянъ, а въ военныхъ заведеніяхъ обезпечивало даже ихъ карьеру въ будущемъ. И вотъ со всѣхъ концовъ земли русской родители стали свозить на воспитаніе своихъ дѣтей въ различныя заведенія. Такимъ образомъ въ XIX в. удаленіе дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ изъ-подъ родительскаго крова и надзора еще болѣе усилилось, а вмѣстѣ съ этимъ, естественно, росла возможность взаимныхъ недоразумѣній между родителями и дѣтьми, увеличивалось различіе ихъ взглядовъ и привычекъ. Дѣти все болѣе отвыкали отъ своихъ родителей; узы родства и нѣжныя чувства все болѣе охлаждались, и родители, въ свою очередь, постепенно отвыкали отъ своихъ дѣтей, а также и отъ выполнения относительно нихъ своихъ прямыхъ обязанностей воспитывать и наблюдать за ними. Вотъ почему русскіе родители до сихъ поръ не выработали никакого опыта въ воспитаніи и совѣмъ не научились воспитывать. Въ этомъ отсутствіи какой бы то ни было педагогической опытности и твердыхъ воспитательныхъ принциповъ, свободныхъ отъ рутины и предрассудковъ, и неумѣнія примѣнить къ практикѣ какія бы то ни было педагогическія теоріи и кроется разгадка трагическаго разлада, существующаго и по сію пору между старымъ и молодымъ поколѣніями, между отцами и дѣтьми, въ полномъ смыслѣ слова отравляющаго существованіе русской семьи, русскаго интеллигентнаго человѣка.

Въ первой половинѣ XIX-го в. влияніе закрытыхъ заведеній усилилось, такъ какъ ихъ число сильно увеличилось. Характеръ воспитанія въ нихъ былъ теперь вполне выработанъ и ясно опредѣленъ. Воспитателями являлись уже ученики и ученицы этихъ заведеній, наилучшимъ образомъ усвоившіе дисциплину, духъ и направленіе этихъ заведеній. Эти „казенные педагоги“ общими усиліями, дружно дѣйствовали во всѣхъ концахъ нашего отечества.

Главною педагогическою цѣлью и задачею, какъ въ женскихъ, такъ и въ мужскихъ закрытыхъ заведеніяхъ, были: строгій порядокъ, дисциплина и выправка. Въ военныхъ заведеніяхъ—солдатская, въ институтахъ—салонная, свѣтская, исключительно направленная на изученіе элегантныхъ манеръ, французской „*claus riev*“ и умѣнье скрывать свои внѣшніе недостатки и выставять внѣшнія преимущества. Какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ заведеніяхъ одинаково требовалось безусловное повиновеніе, безъ всякихъ разсужденій, возраженій и объясненій, какъ въ сферѣ нравственной, такъ и умственной. Уроки обязаны были выучивать по учебнику, безъ какихъ бы то ни было разсужденій и размышленій, слово въ слово. Такая система въ концѣ концовъ приводила всѣхъ воспитывающихся къ одному знаменателю: на мужчинахъ, подвергавшихся ея дѣйствию, лежалъ отпечатокъ казарменности, на институтахъ—стадности. Въ результатѣ получались отлично выдрессированные экземпляры, машины, что угодно, но не люди съ самостоятельной мыслью, волею, убѣжденіемъ и характеромъ. Система закрытыхъ заведеній, въ которыхъ воспитываемые были удалены отъ людей внѣ своего заведенія, гдѣ они не могли наблюдать явленій природы, притупляла всѣ способности ихъ ума и сердца, убивала въ зародышѣ самостоятельное проявленіе характера, вдумчивости и любознательности, однимъ словомъ, всѣ индивидуальныя стремленія, къ какой бы области они ни принадлежали — къ нравственной или умственной. Вотъ почему у насъ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности еще можно было встрѣтить усердныхъ служаекъ, тружениковъ, но всегда чувствовался сильный недостатокъ въ людяхъ съ инициативою и съ самостоятельнымъ умомъ. Можно себѣ представить, какъ люди, получившіе воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ, должны были дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ, гдѣ, кромѣ многосторонняго развитія и солиднаго образованія, требуется еще извѣстная опыт-

ность и большая, чѣмъ гдѣ бы то ни было, прозорливость, тонкая наблюдательность, навѣкъ къ вдумчивости и привычка къ самостоятельному мышленію, — однимъ словомъ, нужно было то, чего именно и не могли дать закрытыя заведенія. Между тѣмъ, съ основанія этихъ заведеній, въ нихъ успѣло воспитаться много поколѣній дворянъ мужского и женскаго пола. Но такъ какъ въ семьѣ педагогомъ была преимущественно женщина, то мы и остановимся на институтскомъ воспитаніи того времени.

Образованіе и воспитаніе въ институтахъ было преимущественно направлено, какъ мы уже замѣтили, къ достиженію внѣшняго блеска, выправки, изящныхъ манеръ и условнаго приличія. Французскій языкъ получилъ преобладаніе передъ всѣми предметами, но къ изученію его стремились лишь настолько, насколько онъ давалъ возможность вести пустую, легкую болтовню въ гостиныхъ. Манеры, реверансы, декламация, которая бы давала чувствовать чистый парижскій выговоръ, однимъ словомъ все, что относится къ публичной выставкѣ, считалось главнымъ дѣломъ.

Человѣкъ безъ идеаловъ, живя въ обществѣ, все же случайно можетъ натолкнуться на людей, которые дадутъ ему почувствовать все ничтожество, всю пустоту его стремленій. Совсѣмъ иное положеніе дѣвушки обособленной, живущей вдали отъ міра и людей: за все время своего воспитанія до нея не доносились ни человѣческіе стоны, ни человѣческія страданія; не могла она получить въ своемъ закрытомъ заведеніи ни малѣйшаго представленія о стремленіяхъ и надеждахъ русскаго общества. Окруженная высокими стѣнами института, она положительно была застрахована отъ какого-нибудь вѣянія идей, которыя, хотя въ будущемъ, дали бы другое, болѣе здоровое направленіе ея умственнымъ способностямъ. Дѣвушки выходили изъ институтовъ тогда, когда ихъ убѣжденія и взгляды уже болѣе или менѣе сложились; на людей, не получившихъ такой шлифовки, какъ онѣ, институтки невольно смотрѣли съ презрѣніемъ, рѣшительно не подозревая, что и у человѣка безъ свѣтскихъ манеръ можетъ быть умъ, серьезное образованіе и великодушное сердце.

Недостатокъ умственнаго и нравственнаго развитія, специально происходящій отъ замкнутости и отчужденія отъ семьи, общества и природы, имѣлъ неотразимое вліяніе даже на преподаваніе. Нужно замѣтить, что въ институтахъ методы преподаванія почти всегда отставали отъ методовъ преподаванія въ открытыхъ заведеніяхъ. И это понятно: никакое движеніе въ русской жизни и обществѣ, никакое умственное вѣяніе не проникало въ монастырскую жизнь институтовъ: основные принципы институтскаго воспитанія и замкнутости не измѣнялись, и институтское начальство невольно съ предубѣжденіемъ смотрѣло на всякія новшества въ преподаваніи и всегда держалось старыхъ преподавателей. Остальной персоналъ начальства — инспектрисы и классныя дамы, за рѣдкими исключеніями, набирался изъ прежнихъ институтокъ. Естественно, что при воспитаніи молодого поколѣнія онѣ должны были поддерживать институтскія традиции, уже давнымъ-давно не примѣняемыя ни при домашнемъ воспитаніи, ни въ открытыхъ заведеніяхъ. И въ умственномъ отношеніи эти воспитательницы никуда не годились. Изъ своего образованія онѣ почерпнули мало полезныхъ свѣдѣній: задалбливая по запискамъ или по старымъ плохимъ учебникамъ русскую, французскую и нѣмецкую литературы, онѣ не имѣли ни малѣйшаго представленія о произведеніяхъ даже русскіихъ писателей, такъ какъ у нихъ совсѣмъ не были развиты ни вкусъ къ чтенію, ни любовь къ нему, да и никакихъ книгъ, кромѣ учебниковъ, не существовало въ институтскихъ бібліотекахъ. Къ тому же чтеніе замѣчательныхъ произведеній литературы обыкновенно считалось неприличнымъ, наконецъ, и времени для этого не было: оно уходило на задалбливаніе множества предметовъ и на выполненіе формальныхъ обязанностей.

Условія институтской жизни имѣли неотразимое вліяніе на всю послѣдующую жизнь воспитанницы: пищу, одежду, все содержаніе она въ продолженіе многихъ лѣтъ получала готовое и не подозрѣвала тяжелой житейской борьбы и труда, съ какими сопряжено добываніе даже главныхъ жизненныхъ потребностей, совсѣмъ не была подготовлена къ этой борьбѣ. Вслѣдствіе этого она по выходѣ изъ института обыкновенно не умѣла распорядиться средствами, которыя у нея оказывались подъ руками, и считала себя несчастной, когда ей приходилось думать о добываніи средствъ. Притомъ сентиментальный характеръ воспитанія, который здѣсь держался долѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и который прежде всего обусловливался искусственною отчужденностью отъ природы и людей, заставлялъ институтку смотрѣть на простой трудъ и на все житейское, какъ на нѣчто низменное и пошлое.

Главными воспитательницами въ институтахъ были классныя дамы. Но чужая женщина или чужой человекъ, будь онъ наилучшій педагогъ, не можетъ замѣнить матери для ребенка, особенно для дѣвочки. Ея мягкая, воспріимчивая натура требуетъ прежде всего материнской любви, нѣжной ласки, тонкой наблюдательности относительно проявленій ея разнообразныхъ инстинктовъ. Между тѣмъ ребенокъ, въ самую нѣжную пору его жизни, когда онъ, какъ цвѣтокъ къ свѣту, стремится къ материнской ласкѣ, отдавали въ закрытое заведеніе, гдѣ никому не было дѣла до развитія и проявленія разнообразныхъ чувствъ дитяти, до его мечтаній и фантазій. Изъ объятій матери попавъ въ казенную обстановку, ребенокъ не могъ сразу подавить своей экспансивности и потребности изливаться свои впечатлѣнія, — и онъ дѣлалъ это передъ классною дамой. Огромное число воспитанницъ само собою вызываетъ необходимость дисциплины; всѣ дѣти въ одно время и въ одной комнатѣ должны учить уроки; естественно, приходится требовать, чтобы отдѣльно никто изъ нихъ не велъ громкихъ разговоровъ. Къ тому же классныя дамы прекращають болтовню ребенка не изъ-за того, что онъ мѣшаетъ другимъ, а изъ желанія обуздать его въ самомъ началѣ, дать ему понять, что классная дама — начальство, и что къ ней слѣдуетъ обращаться съ серьезнымъ дѣломъ, а не съ пустяками. Могутъ-ли быть руководительницами, любящими дѣтей, нѣжными воспитательницами, сочувствующими дѣтской радости и горю, классныя дамы, преимущественно старыя дѣвы, закаленные казенною дисциплиною съ дѣтства въ стѣнахъ того же института, и не испытавшія въ жизни никакой неказенной радости и горя. У старой дѣвушки, воспитанной при нормальной обстановкѣ, могутъ быть семейныя привязанности или общественные идеалы, которые спасаютъ ее отъ нравственной черствости, но у классной дамы, съ дѣтства крѣпко на крѣпко запертой отъ общественныхъ вліяній, вмѣсто чувства вырабатывается лишь педантизмъ и сухой формализмъ, вмѣсто искренней любви къ ребенку — черствый эгоизмъ и мстительность. Судьба не дала ей испытать providencialнаго назначенія — быть матерью и женой; если когда-нибудь она и знала семейныя привязанности въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, то сердце ея давно очерствѣло къ нимъ, между тѣмъ она видитъ передъ собою юное существо, у котораго есть будущее, можетъ быть счастье впереди, и она ненавидитъ это юное существо, ненавидитъ инстинктивно. И вотъ къ такому-то бездушному, черствому существу, въ груди котораго нерѣдко таится человеконенавистническое чувство, малютка-новичекъ припадаетъ на грудь и, захлебываясь отъ слезъ и смѣха, пережѣшивая одно впечатлѣніе съ другимъ, безсвязно и быстро перебѣгая съ одного предмета на другой, начинаетъ передавать свои впечатлѣнія. „Какія глупости!“ отстраняя ее рукой, говоритъ классная дама. Ребенокъ не сознаетъ еще, почему это глупости, почему ея мать не отталкивала ее въ такую минуту, но, видя насмѣшливые взоры подружъ,

задумывается. „На грудь къ классной дамѣ! Боже, да это такой позоръ!“ — ей долго этого не забудутъ подруги, долго будутъ за это высмѣивать ее, между тѣмъ онѣ лишь двумя, тремя мѣсяцами раньше ее поступили въ институтъ. Она скоро пойметъ значеніе для нея классной дамы и весь комизмъ своего первоначальнаго поведенія. О, въ другой разъ она уже не попадется въ этомъ! Она скоро сама будетъ высмѣивать другихъ за подобныя выходки. Но на кого же изливать дѣвочки потребность дѣлиться своими впечатлѣніями?—На подругъ. Новенькая, дѣйствительно, и дружится съ подругами и выбираетъ повѣренную своихъ думъ кого-нибудь изъ нихъ, но матеріалъ для разговоровъ, вынесенный изъ свободной жизни, скоро изсякаетъ, а при однообразно-монотонномъ институтскомъ режимѣ онъ не можетъ возобновляться. Отсутствие какихъ бы то ни было освѣжающихъ душу и умъ впечатлѣній притупляетъ наблюдательность, живость ума и засушиваетъ сердце. Вотъ потому-то институткѣ и трудно было быть хорошею матерью и воспитательницею сравнительно съ тою, которая воспитывалась въ болѣе свободной атмосферѣ и не лишена была семейной жизни. Характеръ институтскаго воспитанія нѣсколько измѣнился лишь позже описываемой эпохи, когда институты сдѣлались полузакрытыми заведеніями, когда воспитанницъ стали отпускать домой на лѣто и на большіе праздники.

Однако во многихъ семействахъ того времени дѣтямъ давали исключительно домашнее воспитаніе, и почти всѣ дѣти до школы, т.-е. до 9—10-лѣтняго возраста, воспитывались дома. Вотъ потому-то мы и остановимся на этомъ воспитаніи и посмотримъ, какими воспитательными принципами руководились родители вплоть до преобразовательной эпохи, обратимъ вниманіе на то, какой фундаментъ нравственныхъ и умственныхъ понятій былъ заложенъ въ душу ребенка до его поступленія въ учебное заведеніе.

Въ крѣпостническій вѣкъ всѣ понятія, не исключая понятій о своихъ обязанностяхъ къ дѣтямъ, были чисто крѣпостническія. „Дѣти“, разсуждали люди того времени, „мнѣ отъ Бога, значитъ все равно, что крѣпостные, что хочу съ ними, то и дѣлаю, и ни передъ кѣмъ отвѣта держать не буду, кромѣ Бога и своей совѣсти“. По понятіямъ того времени, право сужденія, право имѣть свою мысль и желаніе, право чувствовать боль и оскорбленіе, имѣть лучшій кусокъ, покойное мѣсто, хорошую комнату—принадлежало лишь сильнѣйшимъ, т.-е. родителямъ. Это было время, когда отъ дѣтей требовали безпрекословнаго выполненія обязанностей и всевозможныхъ уступокъ, и никакихъ требованій не предъявлялось родителямъ,—однимъ словомъ это была эпоха, когда въ полной силѣ царилъ авторитетъ родительской власти, выражавшійся въ XIX-мъ ст. лишь въ мѣтѣ грубой и суровой формѣ, чѣмъ это было въ XVI и XVII ст. Всѣ въ домѣ,—горничныя, лакеи, гувернантка и дѣти, обязаны были безпрекословнымъ повиновеніемъ хозяевамъ дома.

Легува говорить, что наше время (т.-е. вторая половина XIX ст.)—время господства дѣтей, и называетъ ихъ „господа-дѣти“ (messieurs les enfants); въ противоположность этому описываемое время было господствомъ родителей. Дѣти, даже и въ состоятельныхъ семьяхъ (конечно, исключенія въ этомъ отношеніи всегда были), пользовались въ домѣ худшею комнатою, худшимъ кускомъ. Никто не думалъ о томъ, что комнату слѣдуетъ ежедневно провѣтривать, даже дома богатыхъ помѣщиковъ устраивались безъ форточекъ. Ребенка съ перваго дня рожденія вплоть до его поступленія въ казенное заведеніе сдавали на чужія руки, сначала кормилицѣ, потомъ нянькѣ, затѣмъ, въ 5—6 лѣтъ,—гувернанткѣ, а въ 9—10 лѣтъ отвозили въ казенное заведеніе или въ благородный пансіонъ губернскаго города.

Отношеніе родителей къ дѣтямъ было чисто формальное; надзоръ за ними носилъ совершенно внѣшній характеръ. Въ то время у родителей не было и тѣни представленія о томъ, что лишь постояннымъ, неослабнымъ наблюденіемъ надъ внутреннею, интимною жизнью дѣтей можно содѣйствовать правильному физическому, умственному и нравственному ихъ росту. Сдавая ребенка на руки кормилицѣ, ей по счету вручали бѣлье и принадлежности его туалета, но никто никогда не наблюдалъ, какъ она распоряжается этимъ бѣльемъ, достаточно ли количество разъ его мѣняетъ, гдѣ сушить, вполнѣ ли просушеннымъ надѣваетъ его на ребенка. Кормилица давала ребенку грудь при первомъ его крикѣ, и это находили вполнѣ цѣлесообразнымъ. На третьемъ, на четвертомъ мѣсяцѣ его жизни кормилицѣ говорили: „теперь прикармливай молочною кашкою или бульономъ“. И никто не заботился о томъ, какъ совершается этотъ важнѣйшій процессъ: младенческой жизни: какой температуры пищу получаетъ ребенокъ, сколько разъ въ день и въ какомъ количествѣ, хорошо ли усваивается она дѣтскимъ организмомъ, и достаточно ли она питательна для него, наконецъ, не пичкаетъ-ли кормилица его въ то же время и чѣмъ-нибудь другимъ. Такъ же небрежно относились и къ купанью ребенка: термометровъ въ домахъ не существовало, не было ни малѣйшаго представленія о томъ, что въ извѣстный періодъ времени ванны болѣе возбуждаютъ, чѣмъ успокаиваютъ, что иногда ихъ нужно дѣлать очень часто, а иногда и совсѣмъ прекращать. Особенно любопытно то обстоятельство, что тогда никому не приходило въ голову подумать о томъ, почему мать не сама кормитъ ребенка, а отдаетъ его на руки посторонней женщинѣ. Когда однажды молодая женщина спросила свою мать, въ высшей степени порядочную и образованную женщину, почему она, отличаясь замѣчательнымъ здоровьемъ, никогда не кормила грудью своихъ дѣтей, она просто отвѣчала: „да какъ то это и въ голову даже никому не приходило... Въ мое время только тѣ помѣщицы кормили грудью своихъ дѣтей, у которыхъ было мало крѣпостныхъ“.

Такимъ образомъ уже съ ранняго дѣтства, кромѣ внѣшняго присмотра, между родителями и дѣтьми не существовало никакой живой внутренней связи; казенное заведеніе еще болѣе увеличивало эту разнь.

Чѣмъ же проявлялась въ то время та сила и мощь всеобъемлющей материнской любви, заложенной въ сердце матери уже самою природою? Материнская любовь, оставаясь безъ всякаго практическаго примѣненія и дальнѣйшаго развитія, безъ освѣщенія ея разумною интеллигентною жизнью и мыслью, слабѣла мало-помалу подъ гнетомъ тяжелаго груза разнообразной хозяйственной заботы, — этой, по тогдашнимъ понятіямъ, квинтъ-эссенціи семейной добродѣтели. Тѣмъ не менѣе и тогда матери желали видѣть своихъ дѣтей счастливыми и сокрушались, если не достигали этого. Но понятіе о счастіи стояло въ то время на одномъ уровнѣ со всѣми остальными возрѣвными вѣка: оно прежде всего было въ тѣсной зависимости отъ богатства, и матери употребляли всѣ усилія, чтобы округлить объемы своего помѣстья, увеличить число крѣпостныхъ душъ, чтобы, такимъ образомъ, обезпечить матеріальное благосостояніе дѣтей въ будущемъ; дочерей стремились поскорѣе выдать замужъ за людей болѣе или менѣе богатыхъ, а за сыновьями упрочить хорошую служебную карьеру, которая бы давала возможность быстро возвышаться по служебной лѣстницѣ и получать хорошіе оклады. Для этого онѣ копили, откладывая въ кубышку каждую копѣйку, экономничали на припасахъ не только дворовыхъ людей, но и собственной семьи, отдавали крѣпостныхъ на фабрики, увеличивали ихъ оброки, — все это давало имъ возможность округлять свои помѣстья, но не вызвала ихъ на жизнь съ дѣтьми душа въ душу. Для будущаго счастія

дѣтей требовалось не отставать отъ вѣка, давать имъ блестящее воспитаніе, а оно было весьма несложно, — выучить дѣтей свободно болтать на двухъ языкахъ, обучить танцамъ и свѣтскимъ манерамъ. Для этого нанимали гувернантокъ и гувернеровъ и совсѣмъ передавали имъ дѣтей, а сами матери имѣли уже полную возможность погрузиться въ хозяйственные хлопоты и въ выполненіе тѣхъ несложныхъ требованій, которыя позволили имъ поставить домъ, какъ тогда называлось, на „хорошую ногу“. На чемъ же тутъ было развиться материнской любви? Мать не выносила изъ-за своего дитяти ни тяжкихъ мукъ, ни страданій, ни лишеній, ни безсонныхъ ночей, всегда сопряженныхъ съ воспитаніемъ дитяти, съ каждою минутою все болѣе развивающихся страстную материнскую привязанность; она не слѣдила за постепеннымъ ходомъ развитія своего ребенка, за проблесками его умственныхъ способностей и за развитіемъ ихъ, не страдала его дѣтскимъ горемъ, не радовалась его радости, онъ наконецъ не дѣлился съ нею своими дѣтскими мечтами и надеждами. Родителямъ приносили маленькаго ребенка, когда онъ былъ веселъ, здоровъ, смѣялся; они играли съ нимъ съ полчаса: отецъ нѣсколько разъ подкидывалъ его вверхъ, забавляясь, какъ ребенокъ хохочетъ (при этомъ часто даже до икоты), мать давала ему что-нибудь сладкое, цѣловала и приказывала нянькѣ опять нести его въ дѣтскую. Сообщаетъ нянька, что ребенокъ боленъ, мать отправляется въ дѣтскую и даетъ ему чаю изъ липоваго цвѣта или ревеня.

До 2—3-лѣтняго возраста отъ ребенка не требовалось ничего опредѣленнаго; его кормили въ дѣтской, *когда* вздумается и *какъ* вздумается; но когда ему исполнилось года три, онъ подвергался уже нѣкоторой муштровкѣ: его сажали въ столовой на высокой стулъ, за общимъ столомъ, учили въ опредѣленное время цѣловать ручку родителей, дѣлать реверансъ или шаркать ножкой, умѣнно благопристойно сидѣть, т. е. не вмѣшиваться въ разговоры старшихъ, дождать до конца тарелку супу, даже если бы онъ въ данную минуту чувствовалъ къ нему отвращеніе, не болтать ногами подъ столомъ, выучивали нѣсколькимъ молитвамъ и баснямъ, — послѣдній онъ долженъ былъ произносить при гостяхъ. Для дѣвочекъ обязательно было съ вечера, наканунѣ праздника, отдавать свои волосы въ распоряженіе горничной, которая завивала ихъ въ папильотки, а утромъ припекала ихъ горячими щипцами. Эту операцію производили въ присутствіи гувернантки и, при выраженіи нетерпѣнія со стороны ребенка, ему неизмѣнно повторяли одну и ту же фразу: „pour être belle il faut souffrir“. Сначала дѣвочка пропускала эту фразу мимо ушей, но такъ какъ всѣ остальные воззрѣнія на нее окружающихъ давали ей и на практикѣ чувствовать всю силу этой философіи, она вскорѣ вполне проникалась ею.

Лучшею характеристикою воспитанія того времени служить описаніе дѣтства Салтыкова-Щедрина, родители котораго были людьми весьма состоятельными.

„Вѣншей обстановкой моего дѣтства, въ смыслѣ гигиены, опрятности и питанія, я похвалиться не могу. Хотя въ нашемъ домѣ было достаточно комнатъ, большихъ, свѣтлыхъ и съ обильнымъ содержаніемъ воздуха, но это были комнаты парадныя; дѣти же постоянно тѣнились: днемъ — въ небольшой классной комнатѣ, а ночью — въ общей дѣтской, тоже маленькой, съ низкимъ потолкомъ и въ зимнее время, вдобавокъ, жарко натопленной. Тутъ было поставлено четыре-пять дѣтскихъ кроватей; на полу, на войлокахъ, спали няньки. Само собой разумѣется, не было недостатка ни въ клопахъ, ни въ тараканахъ, ни въ блохахъ. Эти насѣкомыя были какъ бы домашними друзьями.

„Лѣтомъ мы еще сколько-нибудь оживлялись подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха,

но зимой насъ положительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ. Ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до насъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось, и комнатная атмосфера освѣжалась только при помощи топки печей. Катанье въ саяхъ не было въ обычаѣ, и только по воскресеньямъ насъ вывозили въ закрытомъ возкѣ къ обѣднѣ въ церковь, отстоявшую отъ дома саженьяхъ въ пятидесяти, но и тутъ закутывали до того, что трудно было дышать. Это называлось *нѣженнымъ* воспитаніемъ. Очень возможно, что, вслѣдствіе такихъ безсмысленныхъ гигиеническихъ условій, всѣ мы впоследствии оказались хилыми, болѣзненными и не особенно устойчивыми въ борьбѣ съ жизненными случайностями.

„Объ опрятности не было и помину. Дѣтскія комнаты, какъ я уже сейчасъ упоминалъ, были переполнены насѣкомыми и нерѣдко оставались по нѣскольку дней неметенными, потому что ничей глазъ туда не заглядывалъ; одежда на дѣтяхъ была плохая и чаще всего перешивалась изъ разнаго старья или переходила отъ старшихъ къ младшимъ; бѣлье перемѣнялось рѣдко. Прибавьте къ этому прислугу, одѣтую въ какую-то вонючую, заплатанную рвань, распространявшую запахъ, и вы получите ту невзрачную обстановку, среди которой копошились съ утра до вечера дворянскія дѣти.

„То же можно сказать и о питаніи: оно было очень скудное. Въ семействѣ нашемъ царствовали не то чтобы скудость, а какое-то непонятное скопидомство. Всегда казалось мало, и всего было жаль. Грошъ прикладывался къ грошу, и когда образовался гривенникъ, то помыслы устремлялись къ цѣлковому.

„Ты думаешь, какъ состоянія-то наживаются?“ Эта фраза раздавалась во всѣхъ углахъ съ утра до вечера, оживляла всѣ сердца, давала тонъ и содержаніе всему обиходу. Это было своего рода исповѣданіе вѣры, которому всѣ безусловно подчинялись. Даже дворовые, на счетъ которыхъ собственно и происходилъ процессъ прижиманія гроша къ грошу, — и тѣ внимали афоризмамъ стяжанія не только безъ ненависти, но даже съ какимъ-то благоговѣніемъ“.

Неравенство между дѣтьми, существующее и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ семьяхъ, тогда было характерною чертою и практиковалось съ полною безцеремонностью. При дѣтяхъ откровенно говорили гостямъ: „вотъ этотъ маленький — мой Веніаминъ, а этотъ Стенька Разинъ — отцовскій кумиръ“. Или: „я только люблю своихъ мальчиковъ, — изъ дѣвчонокъ какой прокъ будетъ въ будущемъ!..“ Эти слова вызывали обыкновенно и соответственное отношеніе къ дѣтямъ и въ высшей степени портили ихъ характеръ, развивая зависть, ревность и злобу. Но все же далеко не вездѣ и прежде существовало такое неравенство, не вездѣ ихъ и кормили впроголодь, напротивъ, тамъ, гдѣ ихъ баловали, дѣти страдали отъ противоположной крайности; но, лишь за самыми рѣдкими исключеніями, дѣти не были свидѣтелями дразгъ между родителями, ихъ скопидомства и всюду подвергались различному физическому и нравственному невзгодамъ вслѣдствіе отсутствія здравыхъ гигиеническихъ и педагогическихъ понятій своихъ воспитателей.

Воспитаніе того времени было двухъ родовъ: *строгое* или *балованное*; последнее отличалось отъ перваго сравнительно большимъ пичканьемъ сластями и ѣдой, лишнимъ укутываньемъ въ холода, меньшою поркою и въ количественномъ, и въ болевомъ смыслѣ и меньшимъ количествомъ подзатыльниковъ, а затѣмъ всюду, и въ семьяхъ, гдѣ баловали дѣтей, и тамъ, гдѣ ихъ строго держали, господствовали одни и тѣ же принципы и взгляды или, лучше сказать, ощущалось полное ихъ отсутствіе, а вмѣсто нихъ существовали весьма незамысловатая правила. Первымъ изъ нихъ, стоящимъ во главѣ угла, можно считать слѣпое повиновеніе родитель-

ской власти, что требовалось въ нѣкоторыхъ семьяхъ даже отъ совершеннолѣтнихъ сыновей. Правда, примѣры истязанія дѣтей родителями или черезчуръ жестокаго обращенія съ ними, какъ это было въ обычаѣ въ XVII ст. и случалось въ XVIII, теперь совѣмъ исчезли и встрѣчались лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, но и теперь держались правила требовать отъ дѣтей безусловнаго повиновенія, часто даже въ совершеннолѣтнемъ ихъ возрастѣ. Мемуары того времени, автобіографіи писателей, личныя воспоминанія безчисленнымъ рядомъ примѣровъ подтверждаютъ сказанное. Отецъ въ пухъ и прахъ проигрывается въ карты, часть проигрыша нужно уплатить немедленно, и мать, по тогдашнимъ понятіямъ женщина весьма образованная и любящая, подходит къ одному изъ гостей и заключаетъ съ нимъ договоръ относительно гувернантства своей дочери, молодой, красивой дѣвушки, недавно окончившей курсъ въ модномъ пансіонѣ. Мать соглашается отпустить свою дочь на два года въ гувернантку къ дѣтямъ своего гостя съ тѣмъ, чтобы тотъ за годъ заплатилъ деньги впередъ и, такимъ образомъ, покрылъ проигрышъ ея мужа. Вслѣдствіе карточной игры нужда и раньше давала себя чувствовать въ этомъ домѣ, но матери не хотѣлось такъ рано отдавать свою дочь въ гувернантку, и тѣмъ болѣе къ гостю, съ которымъ она только что заключила условіе, такъ какъ онъ на всю губернію славился своимъ донъ-жуанствомъ. Дочь, узнавъ о своей судьбѣ, протестуетъ, напоминаетъ матери мнѣніе всего общества о господинѣ, которому она рѣшается ввѣрить ея судьбу, рассказываетъ ей, наконецъ, какъ онъ постоянно сторожить, чтобы застать ее одну и наказать ей ворохъ пошлыхъ комплиментовъ. Мать ломаетъ руки и, рыдая, повторяетъ: „подлецъ, подлецъ!“.. Но когда дочь отказывается ѣхать въ его домъ, мать объявляетъ ей, что она принудитъ ее къ этому силой. „Ослушаться! ты смѣешь отказаться отъ спасенія семьи?“ — и дочь отправляется.

Въ другомъ семействѣ мать заставляетъ дочь выйти замужъ за постылаго ей человѣка только потому, что она, ея мать, вдова и не можетъ справиться съ хозяйствомъ, а будущій зять отличный хозяинъ, будетъ жить по сосѣдству и общать ей свои услуги въ этомъ отношеніи. „Ты могла бы пенять на меня“, говоритъ она убитой горемъ дѣвушкѣ, „если бы я выдавала тебя замужъ по расчету, чтобы самой пристроиться на твои средства... А вѣдь ты знаешь, что твой будущій мужъ — голъ, какъ соколъ, мнѣ только нуженъ его хозяйскій глазъ“... Въ этомъ случаѣ мать даже и не подозрѣвала, что это тотъ же расчетъ.

Безчисленные примѣры насилія даже надъ взрослыми дѣтьми совершались не только изъ расчета и отсутствія нравственнаго чутья, но нерѣдко и вслѣдствіе своеобразнаго пониманія своего долга, а о маленькихъ дѣтяхъ и говорить нечего! Надъ ихъ просьбами, желаніями, какъ бы онѣ ни были законны, даже въ томъ случаѣ, если онѣ исходили изъ потребности организма, но не соотвѣтствовали желаніямъ родителей, никто никогда не задумывался, никто никогда не обращалъ на нихъ вниманія. Это происходило отчасти отъ всеобщаго невѣжества и неразвитости, отчасти отъ отсутствія какихъ бы то ни было, даже чисто практическихъ и элементарныхъ, знаній гигиены и физическихъ законовъ, а также изъ принципа, чтобы дѣти не вознеслись, не возмечтали о себѣ, что они что-то значать, однимъ словомъ, чтобы „всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ“.

Браковъ по взаимной склонности совершалось тогда чрезвычайно мало. Это происходило по многимъ причинамъ: молодая дѣвушка рѣдко имѣла возможность узнать характеръ человѣка, за котораго она выходила замужъ. Оставаться молодымъ людямъ съ глазу на глазъ считалось тогда неприличнымъ, къ тому же обыкновенно и не дѣвушка рѣшала свою судьбу. Въ помѣщичьихъ семьяхъ средней руки, про-

живавшихъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ и въ деревенскихъ усадьбахъ, было обыкновенно обиліе дѣвушекъ-невѣстъ. Большинство оканчивало курсъ въ какомъ-нибудь пансіонѣ или институтѣ. Согласно съ воспитаніемъ и манерами, семья считала долгомъ хорошо одѣвать ихъ и вывозить зимой въ губернской городъ на балы и въ собранія, что было весьма убыточно. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ для выѣздовъ, развлеченій и нарядовъ, желаніе поскорѣе добиться самостоятельности заставляли молодыхъ дѣвушекъ выбиваться изо всѣхъ силъ, лишь бы поскорѣе выйти замужъ, въ чемъ усердно помогали имъ мамы. Между тѣмъ по сосѣдству въ деревняхъ или въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ совсѣмъ не было подходящихъ для нихъ жениховъ: молодые люди порядочныхъ семей обыкновенно служили въ военной или гражданской службѣ въ одной изъ столицъ. Вслѣдствіе этого помѣщицы средней руки, въ большинствѣ случаевъ, выдавали своихъ дочерей за кого попаде. „Вообще трудно вообразить, какія прелести доставались часто туземнымъ обломкамъ изъ чиновнаго міра, грубымъ, необразованнымъ и большею частью пьянымъ. Обиліе дѣвушекъ-невѣстъ, большею частью красивыхъ, и почти совершенное отсутствіе порядочныхъ жениховъ дѣлало такое явленіе естественнымъ и неизбѣжнымъ. Почтенное, большею частью помѣщичье, небогатое семейство воспитывало дочь въ одномъ изъ туземныхъ пансіоновъ и съ радостью отдавало ее за какого-нибудь дубоватаго протоколиста или столоначальника, на томъ единственно основаніи, что у этого крѣпоствора есть домъ, выстроенный или купленный на взяточныя деньги, что всѣмъ извѣстенъ съ достовѣрностью размѣръ нахапаннаго уже имъ всѣми кривдами и неправдами капитала. Еще болѣе досадно было видѣть, что какая-нибудь воздушная фея, образецъ стройности и изящества, попавъ въ медвѣжьи лапы къ подобному господину, рѣдко таетъ и извываетъ, какъ можно было бы ожидать при подобномъ соединеніи, но, напротивъ, начинаетъ, къ удивленію, жирѣть и толстѣть, мало-по-малу расплываться и обращаться въ полнолѣсную провинціальную барыню, имъ же нѣсть числа. Область ежегоднаго рожденія дѣтей, сытныхъ и жирныхъ обѣдовъ, послѣобѣденнаго спанья, область лѣни, праздности и подлѣйшихъ, большею частью, интересовъ благолѣпнаго совершенно поглощаетъ и преобразовываетъ всѣхъ этихъ милыхъ дѣвочекъ, казавшихся неземными созданіями“. („Половодье. Картины провинціальной жизни“ В. А. Инсарскаго, стр. 187—188).

Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ браки вносили въ семейную жизнь супруговъ разладъ, превращавшійся иногда въ адъ для окружающихъ, а если по счастливой случайности этого не оказывалось, выискивался другой поводъ для ссоръ, тѣмъ болѣе, что умственныхъ интересовъ тогда не существовало, между тѣмъ голова и сердце требовали для себя какой-нибудь пищи и находили ее въ низменной сферѣ взаимныхъ дразгъ и пререканій. Крѣпостная среда, представляя широкое поле для распутства, болѣе всего содѣйствовала этому. Если у мужа не было открытаго гарема, онъ все же не упускалъ случая показать свое самовластіе надъ той или другой крѣпостной; если онъ былъ скромнень въ этомъ отношеніи, то разорялъ семью карточной игрой, небрежнымъ отношеніемъ къ хозяйству, однимъ словомъ, почти всегда выискивалась причина для домашнихъ неурядицъ и взаимныхъ перекоровъ. Начавъ домашнюю сцену съ глаза на глазъ, супруги продолжали ее и при дѣтяхъ. Дѣти постоянно видѣли, слышали и могли наблюдать дразги и семейныя несогласія родителей, накинавшую другъ къ другу злобу, знакомились съ ихъ пошлыми интригами, съ ихъ продосудительною жизнью, со взаимными измѣнами, съ низкопоклонствомъ передъ сильными и богатыми, съ ихъ взяточничествомъ и отсутствіемъ уваженія другъ къ другу.

При умственномъ и нравственномъ убожествѣ родителей дѣти не больше пользы выносили и изъ ихъ мирныхъ разговоровъ, вертѣвшихся около хозяйственныхъ заботъ или спускавшихся къ самымъ низменнымъ интересамъ, напр., о томъ, что „подлянка Дунька опять зачастила къ повару на кухню... того и смотри и т. д...“. Или супруги разсуждали о томъ, что кучеръ, несмотря на то, что только-что былъ здорово выдранъ за то, что не вычистилъ лошадей,—и ухомъ не ведетъ... А вотъ и другія темы: мужъ совѣтуетъ женѣ посѣтить сосѣдку; къ ней изъ столицы прѣхалъ родственникъ, важный генералъ, того и гляди сыну какъ-нибудь протекцію окажетъ, а то, чѣмъ чортъ не шутить, можетъ и въ дочку влюбиться. Понятно, что и дѣтская любознательность, разговоры дѣтей между собой постоянно были направлены на тѣ же темы. Если характерною чертою семьи являлись алчность и скопидомство, то и разговоры дѣтей вертѣлись на подобныхъ же предметахъ: сколько и кому останется послѣ смерти отца или матери, какой доходъ можетъ приносить то или другое имѣніе, не лучше ли всѣхъ крестьянъ сразу продать, а деньги отдавать за большіе проценты. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ исходнымъ пунктомъ домашнихъ неудовольствій являлись амурныя дѣла отца, дѣти сводили разговоръ на то, кто съ кѣмъ въ связи изъ крѣпостныхъ и изъ знакомыхъ сосѣдей, за кѣмъ волочится отецъ, съ кѣмъ хороваются мать...

За всякую провинность дѣтей подвергали разнообразнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ концѣ первой половины XIX ст. въ домашнемъ воспитаніи къ сѣченію прибѣгали въ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, но щелчки, колотушки, тренки, подзатыльники, эти, такъ сказать, сподручныя педагогическія мѣры, сыпались очень щедро на головы дѣтей. Сознаніе необходимости тѣлесныхъ наказаній при воспитаніи господствовало во всѣхъ классахъ русскаго общества вплоть до самой реформы. Къ нимъ прибѣгали даже люди, чувствовавшіе инстинктивное нерасположеніе къ подобнымъ карамъ, а также матери, страстно любившія своихъ дѣтей. Въ такихъ случаяхъ онѣ непосредственно за розгою старались какъ можно болѣе напичкать ребенка сладостями, но находили преступнымъ упразднить розги, считавшіяся наиболѣе надежнымъ средствомъ въ воспитаніи.

„Чтобы приучить меня къ терпѣнію и смиренію, иногда нарочно дразнили меня; я не смирялась, а доходила до изступленія, чувствую свое безсиліе. Меня наказывали, наказанія раздражали и отчуждали меня окончательно. Любовь матери иногда смягчала такое настроеніе моего духа, но, не понимая основы этихъ явленій, она не могла ни отклонить, ни излѣчить ихъ.

„Наказавши меня, она сама плакала, цѣловала, давала конфетъ, или откидывала косяю доску своего комода, за которой находилось много ящичковъ и сажала меня на нее. Я начинала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, вытаскивала изъ нихъ нитки янтарей, гранаты, кораллы, золотыя цѣпи, серьги, кольца. Перебравши и пересмотрѣвши все, отбирала тѣ вещи, въ которыхъ были прозрачныя камни, по долгу играла ими и забывала свое горе, радуясь игрою лучей свѣта въ брилліантахъ“. („Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ“ т. I, стр. 71 — 72).

Чаще всего колотушки и щелчки сыпались на дѣтей во время классныхъ занятій. Въ это время не существовало ни малѣйшаго понятія о какихъ бы то ни было методахъ, и дѣтей обучали, какъ кому Богъ на душу положитъ, упражняя преимущественно память. Катехизисъ, священная исторія, два, три языка и, согласно съ этимъ, два, три учебника грамматики, басни и стихи, — все это заставляли заучивать наизусть, слово въ слово; урокъ состоялъ въ объясненіи непонятныхъ словъ и выраженій, но часто ими еще больше затрудняли дѣтей, засоряя

ихъ головы ненужнымъ хламомъ. Даже обученіе четыремъ правиламъ ариметики не помогало развитію логики въ мышленіи, сообразительности и находчивости, чего такъ легко достигаютъ теперь. Тогдашнее преподаваніе ариметики способствовало развитію той же памяти, такъ какъ оно ограничивалось почти исключительно вытверживаніемъ наизусть таблицы умноженія, заучиваніемъ того, на какомъ мѣстѣ стоитъ извѣстный разрядъ чиселъ (единицы, десятки, сотни и т. д.), дѣланіемъ задачъ, не въ умѣ, а на доскѣ, изъ цѣлаго ряда огромныхъ чиселъ. Обученіе грамотѣ состояло въ затверживаніи безмысленныхъ многосложныхъ слоговъ въ родѣ „мрзда... пргдра..!“ И чтеніемъ дѣти не могли помочь своему развитію: книгъ, пригодныхъ для дѣтскаго чтенія, тогда почти не существовало; наблюдательность и любознательность дѣтская, какъ мы видѣли, направлены были на предметы, скорѣе вредныя для нравственности, чѣмъ полезныя. Такимъ образомъ, кромѣ памяти, другія стороны ума совсѣмъ почти не развивались. Понятно, что большинству дѣтей не легко было усваивать учебники, приуроченные къ ихъ возрасту.

Вотъ потому-то колотушки и сыпались въ безчисленномъ количествѣ во время классныхъ занятій на дѣтей, дурно приготовившихъ свои уроки. Классныя занятія можно смѣло назвать страдой дѣтей того времени. Только что успѣвали дѣти уѣсться за столъ съ гувернанткою или матерью во главѣ, какъ изъ классной раздавались хлопки съ акомпаниментомъ плача, рыданій, визга, крика, мольбы о пощадѣ. Не бодрость, энергію, находчивость, любознательность возбуждало преподаваніе элементарныхъ знаній, напротивъ оно наводило хандру и отчаяніе, притупляло умственные способности, портило характеръ и вызывало полное отвращеніе къ приобрѣтенію знаній въ будущемъ.

Нашъ настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о томъ, какое вліяніе на нравственное и умственное развитіе дѣтей оказывалъ огромный штатъ прислуги, деревенскіе ребята и гувернантки.

Читатели уже познакомились выше съ растлѣвающимъ вліяніемъ крѣпостныхъ. И въ первой половинѣ XIX в. крѣпостное право осталось въ прежней силѣ, а слѣдовательно нравы и обычаи, вытекающіе изъ него и обусловленные имъ, по-прежнему вредно дѣйствовали на складъ характера подрастающаго поколѣнія. Я хочу здѣсь отмѣтить лишь одинъ, наиболѣе характерный недостатокъ того времени, который и безъ существованія крѣпостничества всегда бы тормозилъ успѣхи воспитанія, тѣмъ болѣе оказывалъ онъ гибельное вліяніе въ разгаръ помѣщичьяго самовластья: я говорю объ отсутствіи въ воспитателяхъ какой бы то ни было наблюдательности относительно дѣтей, а также о совершенномъ невѣдѣніи дѣтской души. Воспитатели не имѣли ни малѣйшаго представленія, что дѣлаютъ, говорятъ, думаютъ, о чемъ разсуждаютъ, на что обращаютъ вниманіе ихъ дѣти. Наиболѣе заботливые родители слѣдили за тѣмъ, чтобы дѣти приготовляли уроки къ слѣдующему дню, чтобы не болтали пустяковъ во время занятій, чтобы подвигались впередъ въ усвоеніи грамотности, въ болтовнѣ на иностранныхъ языкахъ, въ танцевальномъ искусствѣ, но не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ они проводятъ свое свободное время.

Дѣтей, внѣ занятій, окружали крестьянскими ребятами; послѣдніе не могли быть въ товарищескихъ отношеніяхъ съ барчатами, продѣлывавшими надъ ними все, что имъ заблагоразсудится. Родители не подозрѣвали вреда, происходящаго отъ такого отношенія къ товарищамъ изъ престопаго, всю глубину пошлости, безчеловѣчности и эгоизма, прививаемыхъ имъ во время этихъ совмѣстныхъ игръ и забавъ. Дѣти, предоставленныя обществу вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ крестьянскихъ ре-

бить, били ихъ, когда тѣ не могли имъ угодить, вмѣстѣ съ ними разоряли птичьи гнѣзда, мучили животныхъ, дразнили собакъ и нищихъ, передавали другъ другу новости изъ скандальной хроники села, предавались и другимъ, еще болѣе пагубнымъ, развлеченіямъ.

Столько же вреда приносилъ дѣтямъ огромный штатъ прислуги. Въ праздники и именины своихъ сосѣдей родители отправлялись къ нимъ и гостили у нихъ по недѣлямъ, забравъ съ собой старшихъ дѣтей съ гувернантками, а маленькихъ дѣтей оставляли дома однихъ, на рукахъ прислуги. Прислуга въ такихъ случаяхъ, если только въ домѣ не было строгой экономки, не стѣнялась маленькими дѣтьми: устраивала въ господскихъ хоромахъ пляски, пѣніе и дебоши, отмыкала фальшивыми ключами кладовыя и шкафы, отсыпала, что было нужно, и угощала ребенка сладостями, украденными у его же родителей. Если горничная боялась, что ребенокъ какъ-нибудь можетъ проболтаться и выдать ея грѣшки родителямъ, она застрачивала его лѣпными, домовыми, русалками, кикиморами, грозила забросить ночью въ темный лѣсъ, если только ребенокъ скажетъ хотя слово родителямъ о чемъ-нибудь замѣченномъ въ ихъ отсутствіи. Было даже не мало случаевъ, что прислуга, желая вырвать у ребенка обѣщаніе молчать, ставила его на колѣни передъ образами, вынуждая дать клятву и угрожая ему, если онъ ея не сдержитъ, муками ада, разрисовывая ихъ въ самое ужасное видѣ.

Что касается гувернантокъ, то, вѣроятно, еще многіе помнятъ эту армію несчастныхъ дѣвушекъ бѣдныхъ дворянскихъ семей, бравшихся за воспитаніе не изъ призванія, а изъ крайней нужды. Если это были не французенки и нѣмки, то, въ большинствѣ случаевъ, бывшія институтки. За рѣдкими исключеніями, отношеніе хозяйевъ къ гувернанткамъ было безцеремонное, а положеніе ихъ въ чужихъ домахъ—самое мучительное. Онѣ вполне зависѣли не только отъ хозяйевъ, но и отъ дѣтей, прислуги, приживалокъ и всѣхъ домашнихъ. Свое жалкое образованіе и неразвитость, сказывавшіяся въ неумѣннн давать дѣтямъ надлежащія объясненія во время занятій и тормозившія успѣхи, свою жалкую роль въ домѣ, свою тяжкую, подневольную долю, все вымещали онѣ на ученикахъ и ученицахъ. Онѣ щедро угощали ихъ колотушками, благодаря тому, что такія педагогическія воздѣйствія были тогда въ большомъ ходу. Гувернантки изъ разряда „кроткихъ созданій“ приносили дѣтямъ не болѣе пользы. Это были обыкновенно сентиментальныя дѣвушки, мечтающія о герояхъ съ улыбкою разочарованія на устахъ и съ неземнымъ выраженіемъ во взорѣ, въ ожиданіи которыхъ онѣ пробавлялись пустою болтовнею съ заѣзжими офицерами и чиновниками. Къ своимъ главнымъ обязанностямъ онѣ относились спустя рукава, кротно снося окружающую грубость и насмѣшки, до гробовой доски разжигая пустыми мечтами свое больное воображеніе. Очень многія изъ нихъ какъ-то болѣзненно-страстно относились къ чтенію пошлыхъ, сентиментальныхъ романовъ,—этотъ разрядъ гувернантокъ былъ наиболѣе любимъ дѣтьми. Особенно живо помню одну изъ нихъ. Это было блѣднолицое, худосочное созданіе, съ свѣтлыми волосами, съ сѣрыми, выцвѣтшими глазами, не только незлобивое, но точно даже пришибленное, готовое, по первому слову, отдать все, что у нея есть, и слѣпать все, что ей прикажутъ, лишь бы на нее не сердились. Черезъ нѣсколько дней послѣ ея водворенія у насъ, горничная, съ ея позволенія, присвоила не мало предметовъ изъ ея, и безъ того бѣднаго гардероба, а мы растаскали цѣнныя для нея бездѣлушки, „сувенирчики“ и „супирчики“, какъ, подсмѣиваясь, называлъ мой братъ ея раздушенныя подушечки и вещи въ родѣ сердца, прозеннаго множествомъ стрѣлъ, вышитыхъ ангелочковъ, раскрашенныхъ картинокъ съ изображеніемъ рыцарей. Когда

пролетка увозила матушку со двора, она немедленно раскрывала романъ, а мнѣ давала что-нибудь переписывать съ прописи; сама же она до такой степени уходила въ чтеніе, что не видѣла и не слышала, что дѣлалось вокругъ. Чтобы заставить ее обратить на меня вниманіе, я должна была дергать ее за рукавъ. „А! что?“ быстро приподнимая голову, спрашивала она, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. „Хорошо, хорошо, переписывай дальше“... произносила она, немедленно погружаясь въ чтеніе. Она не любила ни гулять, ни бѣгать со мной, но охотно соглашалась рассказывать. Но я инстинктивно уклонялась отъ ея рассказовъ: дѣйствующія лица ея романовъ обыкновенно оканчивали свою судьбу такъ трагично, прибѣгали къ самоубійству, умирали отъ чахотки; она заканчивала рассказъ взволнованнымъ голосомъ, и въ концѣ концовъ я начинала рыдать вмѣстѣ съ нею.

Изъ сказаннаго видно, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ слагался характеръ русскаго человѣка, пока не всосались въ его плоть и кровь масса пороковъ: разнузданныя страсти и преступныя вожделѣнія, барство, лѣнь, боязнь мысли, отвращеніе къ умственному и физическому труду, отсутствіе инициативы, наблюдательности, интереса къ общественному дѣлу и общечеловѣческихъ идеаловъ. Несмотря на то, что въ первой половинѣ XIX в. нравы, сравнительно съ прошлымъ столѣтіемъ, сильно смягчились, а образованіе распространилось въ большемъ кругу общества, въ то же время увеличился и разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніями.

ГЛАВА VI.

Шестидесятые годы и современное воспитаніе.

Оживленіе общества послѣ 1855 г.—Восторгъ, вызванный статью Пирогова «Вопросы жизни».—Ея значеніе, достоинства и недостатки.—Пробужденіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ воспитанія.—Возрожденіе идей сороковыхъ годовъ.—Шестидесятые годы.—Умственное движеніе общества.—Раздоръ между отцами и дѣтьми.—Причина этого явленія.—Страстное стремленіе молодежи къ самостоятельности и самообразованію.—Эмансипація женщинъ.—Принципы, идеалы и требованія людей 60-хъ гг.—Примѣненіе ихъ къ воспитанію.—Достоинства и недостатки воспитанія того времени.—«Господа дѣти» и ихъ первенствующая роль въ семьѣ.—Все для дѣтей и ничего отъ дѣтей.—Причина этого явленія и его послѣдствія.—Дѣтская и ея обстановка.—Свобода дѣтей, какъ ее понимали въ то время и какъ слѣдуетъ примѣнять ее въ воспитаніи вообще.—Результаты утрированно-деликатнаго отношенія къ душевному міру дѣтей.—Вліяніе на воспитаніе утилитарнаго направленія.—Его вредъ и важное значеніе эстетическаго развитія.—Умственное воспитаніе дѣтей того времени: его достоинства и недостатки.—Пренебрежительное отношеніе къ развитію памяти.—Изученіе нѣмецкой педагогикъ и ея благотворное вліяніе.—Заимствованія у нѣмцевъ, доведенныя до абсурда.—Почему изгнали изъ употребленія сказки.—Вредъ педантичнаго примѣненія какиехъ бы то ни было методовъ.—Итоги нравовъ и воспитанія шестидесятыхъ годовъ.—Конечъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ.—Апатія и отсутствіе интереса интеллигенціи къ вопросамъ общественнымъ и педагогическимъ.—Отсутствіе подготовки современныхъ матерей къ дѣлу воспитанія.—Отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей.—Вниманіе направлено исключительно на физическое развитіе, доведенное до холи и барства.—Современное направленіе воспитанія.

Со вступленіемъ на престолъ импер. Александра II наступили новыя времена, породившія въ обществѣ трепетныя надежды, ожиданіе реформъ и улучшеній въ различныхъ сферахъ жизни и дѣятельности. Мертвая тишина и уныніе, всюду царившія до тѣхъ поръ, быстро смѣнились лихорадочнымъ движеніемъ въ общественной жизни, подъемомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, пробужденіемъ самосознанія.

Въ 1856 г. появилась статья Пирогова „Вопросы жизни“, надѣлавшая много шума, и отъ которой пришла въ восторгъ интеллигенція. Что же представляла она собой, какіе вопросы она затрогивала? Въ статьѣ этой дѣйствительно были мысли весьма цѣнныя, но онѣ были далеко не новы даже и у насъ, и притомъ разъяснены авторомъ неопредѣленно, противорѣчиво и крайне туманно. Одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ „Вопросовъ жизни“ напоминалъ русскому обществу, что оно въ воспитаніи преслѣдуетъ узкоутилитарныя цѣли: создаетъ негоціантовъ, солдатъ, механиковъ, моряковъ, врачей, юристовъ, но не людей. Эта вполне справедливая и гуманная мысль была блистательно выяснена Руссо, еще въ XVIII в., въ его „Эмилѣ“. „Быть человѣкомъ“, говоритъ онъ, „общее для всѣхъ призваніе; кто хорошо воспитанъ для этого, тотъ не можетъ дурно выполнять должностей, которыя могутъ выпасть ему на долю. Пусть назначаютъ моего воспитанника въ военную службу, въ духовное званіе, въ адвокаты,—мнѣ все равно. *Природа прежде всего призываетъ его къ человѣческой жизни.* Жить, вотъ ремесло, которому я хочу его научить. Выйдя изъ моихъ рукъ, онъ не будетъ, сознаюсь въ томъ, ни судьбою, ни солдатомъ, ни священникомъ, онъ будетъ прежде всего *человѣкомъ*, но, при

случаѣ, сѣмѣеть быть не хуже всякаго другаго всѣмъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть, и, куда ни бросить его судьба, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ“. Бѣлинскій по этому вопросу высказался въ томъ же духѣ: „воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человѣка*, который могъ бы въ послѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ“.

Несмотря на то, что мысль, высказанная Пироговымъ, не представляла рѣшительно ничего новаго, русское общество приняло ее съ восторгомъ, какъ новое откровеніе. Это служило лишь нагляднымъ доказательствомъ того, какъ основательно были забыты идеи, внесенныя въ русское общество дѣятелями 40-хъ гг. Идею эту, сдѣлавшуюся аксіомой на западѣ еще въ концѣ XVIII-го в., у насъ только теперь стали повторять при всякомъ удобномъ случаѣ и предлагали публикѣ въ самой разнообразной формѣ. На эту тему появлялись трактаты характера философскаго, соціологическаго, педагогическаго, а также въ беллетристической формѣ, — однимъ словомъ, вполне былъ выясненъ внутренній смыслъ девиза „быть человѣкомъ“. Что же это означало? По взглядамъ передовыхъ писателей 40-хъ гг., это говорило о человѣкѣ, не забивавшемся въ узкую специальность, который въ то же время постоянно развивалъ въ себѣ высшія духовныя стремленія, шелъ впередъ въ своемъ умственномъ развитіи и нравственномъ совершенствованіи, усвоилъ привычку ставить общественные интересы выше личныхъ и всею душою любилъ свою родину, по мѣрѣ силъ содѣйствуя развитію въ ней просвѣщенія. Для удостоеннаго почетнаго званія „человѣка“ обязательно было также имѣть собственныя убѣжденія, которыя должны были слагаться не изъ мнѣній, принятыхъ на вѣру или внушенныхъ извнѣ, а являться результатомъ собственнаго опыта, знаній и самостоятельной провѣрки.

Къ какому же идеалу долженъ стремиться „человѣкъ“ Пирогова? Что онъ долженъ дѣлать, какъ жить, чтобы и другіе съ энтузіазмомъ и восторгомъ могли воскликнуть: „Да, это человѣкъ!“ Вотъ что отвѣчаетъ на это Пироговъ: „Жить на землѣ для усовершенствованія, для облагороженія матеріи, приготовить себѣ чрезъ земное бытіе путь къ безсмертію, къ сохраненію сознанія о себѣ и за гробомъ; кто, посмотрѣвъ съ этой точки на жизнь, не пойметъ, что при такомъ взглядѣ наши мысли, намѣренія, рѣчи и поступки получаютъ другое направленіе!“ „Но что же будетъ, когда мы усвоимъ этотъ взглядъ *до степени убѣжденія*? Тогда какой завѣтный идеалъ высокаго и святаго останется для насъ недостижимымъ? Какая жертва останется для насъ невозможною, чтобы жить для безсмертія, жить сознательно, вѣчно?“ говоритъ Пироговъ. „Вотъ нашъ эдемъ, вотъ вѣчное блаженство откровенія. Утратить духовное сознаніе и слиться съ грубыми стихіями земли — вотъ вѣчный адъ“.

„Пусть же каждый изъ насъ рѣшить съ убѣжденіемъ этотъ столбовой вопросъ жизни: жить, совершенствуясь; отвлеченіемъ развивать *сознаніе* въ эфирѣ Творца, Который витаетъ въ насъ, стремясь безпрестанно слиться съ общимъ эфиромъ вселенной; самопознаніемъ уничтожить дуализмъ, происходящій отъ сознанія бытія въ матеріи. Въ этой же жизни стремиться къ разьединенію духа отъ тѣла, возвышая его до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемою духомъ. Только тотъ, кто въ здѣшней жизни продолжилъ себѣ этотъ путь, достигнетъ безсмертія, только онъ одушевится предчувствіемъ, что его ожидаетъ за гробомъ. Кто былъ такъ несчастливъ, неспособенъ, лѣнивъ и ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самою высшею способностью человѣка — развивать сознаніе въ себѣ до самопознанія и одерживать черезъ то верхъ надъ матеріею, тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ и предчувствовать“.

Идеаль жизни чловѣка, какъ мы видимъ, выясненъ у Пирогова весьма туманно, высказанъ съ большими метафизическими изощреніями и риторическими приемами и даетъ большой просторъ каждому вложить въ него свое собственное мировоззрѣніе; но лишь при богатой фантазіи можно приписать Пирогову широту и новизну воззрѣній и опредѣленность требованій.

Другая мысль статьи Пирогова та, что „самыя главныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество“. Направленіе же общества, по объясненію автора, матеріальное, чисто „торговое“, основаніемъ которому служить идея о счастьѣ и наслажденіи въ жизни здѣшной. Послѣ окончанія курса, вступая въ жизнь, чтобы идти рука объ руку съ другими, мы вынуждены отречься отъ всего, чему насъ учили. Если же мы останемся при своихъ убѣжденіяхъ, мы вынуждены вступать во вражду съ обществомъ. „Или—мы отдаемся произволу“, говоритъ онъ, „избираемъ въ наши путеводители случай, колеблемся и путаемся въ лабиринтъ непослѣдовательностей и противорѣчій“.

Направленіе общества того времени было дѣйствительно такимъ, какимъ его описываетъ Пироговъ, и отступника отъ его узко-эгоистичныхъ принциповъ и меркантильныхъ расчетовъ карали остракизмомъ изъ него, гоненіями и преслѣдованіями. Мы несогласны только съ тѣмъ, что молодому чловѣку, вступающему въ то время въ жизнь послѣ окончанія курса, приходилось отъ чего-нибудь отрекаться. Да и самъ Пироговъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія о нашемъ школьномъ воспитаніи: это видно изъ того, что онъ энергично и вполне справедливо совѣтуетъ каждому перевоспитать себя.

Въ статьѣ „Вопросы жизни“ высказано не мало мыслей характера полумистическаго и полуаскетическаго, съ которыми едва-ли можно согласиться, такъ какъ стремленіе къ личному счастью вполне законно и естественно, если только чловѣкъ не ставитъ этого счастья во главу угла, если только онъ не приноситъ ему въ жертву счастья ближнихъ, не отдаетъ на служеніе ему всѣхъ своихъ силъ.

По мнѣнію Пирогова, идеальный чловѣкъ долженъ прежде всего бороться съ соблазнами, „измѣнить же направленіе общества есть дѣло Промысла и времени“, но это уже совершенно невѣрно. Если бы, согласно съ понятіями Пирогова, положились въ этомъ дѣлѣ на пути Провидѣнія и на дѣло времени и въ русское воспитаніе и образованіе не вносили бы иногда новыхъ реформъ, едва-ли бы направленіе общества измѣнилось къ лучшему; въ немъ, вѣроятно, и до настоящаго времени господствовали бы домостроевскіе идеалы.

По мнѣнію Пирогова, чловѣкъ, приготовляющій себя къ борьбѣ, долженъ прежде всего „имѣть отъ природы *хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство*. Пользуйтесь этими благими дарами Творца, но не дѣлайте одаренныхъ бессмысленными поклонниками *мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимого на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго материализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума*“. Объясненій для столь разнорѣчивыхъ требованій Пироговъ не даетъ. Вѣроятно, сознавая это, онъ непосредственно за этой тирадой оговаривается: „Вы скажете, что это общія, риторическія фразы. Но я не виноватъ, что безъ нихъ не могу выразить того идеала, котораго достигнуть я такъ горячо, такъ искренно желаю и моимъ, и вашимъ дѣтямъ“.

Постараемся, однако, разобраться въ вышеприведенномъ. Весьма законно, симпатично, естественно и своевременно требованіе Пирогова, чтобы люди, имѣющие

претензію на умъ и чувство, не дѣлались „безмысленными поклонниками мертвой буквы“. Убийственный формализмъ, изсушающій душу, губящій природныя дарованія и подавляющій индивидуальныя свойства, господствовалъ у насъ въ то время не только въ воспитаніи и образованіи, но во всѣхъ сферахъ жизни. Но дальнѣйшее предостереженіе автора, чтобы воспитываемыхъ не дѣлали „дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета“, — уже совсѣмъ темно. Какіе же авторитеты, какіе идеалы выдвигало громадное большинство тогдашняго общества? Въ большинствѣ случаевъ значеніемъ въ обществѣ и авторитетомъ пользовались люди, нажившіе громадное состояніе, не разбирая средствъ. Противоположнаго взгляда на идеалы и авторитеты держался самый небольшой кружокъ людей. Автору во всякомъ случаѣ слѣдовало выяснить, какой авторитетъ необходимъ на землѣ, кого слѣдуетъ клеймить „дерзновенными его противниками“, кого нужно считать „суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма“, тѣмъ болѣе, что весьма многіе въ то время могли поставить это на счетъ защитниковъ изученія естествознанія. Также неизвѣстнымъ осталось и то, какого рода людей должно отнести къ категоріи „холодныхъ адептовъ разума“. Судя по духу времени, къ нимъ ближе всего подходили тѣ, которые настойчиво ратовали за право cadaго самостоятельнаго разсуждать и думать, указывали несостоятельность прежнихъ авторитетовъ, развивали скептицизмъ, критическое отношеніе къ окружающему, доказывали необходимость искать во всемъ разумную, естественную причину, пробуждали пытливость.

О выгодахъ идеальнаго воспитанія авторъ говоритъ: „Оно самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ. Для правительствъ потому, что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образовываться, *руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлью: слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однихъ рукахъ.* Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинаковою энергіей и одновѣдомственными лицами. Для подданныхъ потому, что всѣ воспитанники, до вступленія ихъ въ число гражданъ, будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія“.

И такъ, въ 1856 году Пироговъ проповѣдуетъ неприкосновенность авторитета, предастъ анафемѣ матеріализмъ и восторженныхъ расточителей чувства и воли. Хотя онъ не объясняетъ, что подъ этимъ слѣдуетъ понимать, но такъ какъ противниковъ поклоненія авторитету онъ называетъ „дерзновенными“, а приверженцевъ матеріализма — „суемудрыми“, затѣмъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи онъ на одну доску ставитъ іезуитовъ и энциклопедистовъ („Морск. Сбор.“, 1856 г., № 9, стр. 571), то изъ этого ясно слѣдуетъ, какъ надо понимать сказанное. Онъ требуетъ также однообразія въ воспитаніи, забывая индивидуальныя склонности воспитываемыхъ, и все для того, чтобы это было удобнѣе для правительствъ и подданныхъ. Теперь просто не вѣрится, что у насъ одинъ изъ передовыхъ дѣятелей второй половины XIX ст. хлопоталъ о томъ, чтобы ввести въ воспитаніе принципы, отжившіе на западѣ болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, такъ какъ уже поборники реформации старались уничтожить однообразную дрессировку и слѣпое подчиненіе авторитетамъ. При этомъ совсѣмъ непонятно, почему Пироговъ такъ стоитъ за единообразіе въ воспитаніи, которое болѣе всего приводитъ воспитываемыхъ къ одному знаменателю, когда именно такое воспитаніе и практиковалось у насъ тогда въ закрытыхъ заведеніяхъ. Не менѣе коробитъ теперь читателя и такое поученіе Пирогова: „Все, что есть *высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, — искусство, вдохновеніе,*

наука, не должно слишком сродняться со вседневною жизнью; оно утратить свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ“.

А вотъ его взглядъ на женщину: „Эмансипація—вотъ эта мысль. Паденіе — вотъ первый шагъ. Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многого не знаетъ“. „Если женскіе педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ,—они правы. Если же они разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то они сами не знаютъ, чего хотятъ“.

Какимъ же образомъ статья Пирогова произвела такой фуроръ? Нужно помнить, что она явилась непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ реакціи, когда идеи сороковыхъ годовъ за исключеніемъ небольшого круга людей, были забыты и когда еще не были выдвинуты наиболѣе существенные вопросы. Туманность изложенія мѣшала проникнуть въ истинный смыслъ произведенія, между тѣмъ хорошія слова, разсѣянные въ статьѣ, и нѣсколько благородныхъ, хотя избитыхъ истинъ (о необходимости горюю стоять за правду, имѣть убѣжденія, бороться за нихъ, жертвовать за нихъ собою и т. п.) оставались въ памяти и представляли богатую тему для разговоровъ въ домахъ, клубахъ, на вечеринкахъ.

Несмотря на неудовлетворительность статьи Пирогова, на ея невыясненность и противорѣчія, въ этотъ наэлектризованный періодъ русской жизни достаточно было одной живой мысли, часто хорошаго слова, чтобы дать толчекъ къ возникновенію тѣхъ или другихъ вопросовъ,—такъ было и съ вопросами педагогическими. Кромѣ горячихъ споровъ и толковъ о педагогическихъ вопросахъ, вызванныхъ этою статьею, что было въ высшей степени полезно само по себѣ, въ слѣдующемъ, т. е. въ 1857 г., явились два педагогическихъ журнала: „Русскій Педагогическій Вѣстникъ“ и „Журналъ для воспитанія“, а вскорѣ затѣмъ возникъ одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе серьезныхъ педагогическихъ органовъ — „Учитель“, который, въ продолженіе болѣе десятилѣтняго своего существованія, останавливался на существенныхъ вопросахъ воспитанія и сумѣлъ сгруппировать около себя лучшія педагогическія силы. И каждая наиболѣе живая статья въ этихъ специальныхъ органахъ возбуждала въ то время въ обществѣ цѣлую бурю вопросовъ. Огромный кругъ людей зачитывался педагогическими журналами; разговоры и споры о воспитаніи раздавались теперь даже въ салонахъ, гдѣ еще такъ недавно можно было слышать лишь французское „causette“, и гдѣ гремѣли звуки бальной музыки.

Теоретическіе толки о воспитаніи скоро получили практическое примѣненіе: по всей Россіи возникали школы воскресныя, бесплатныя, элементарныя и различныя учебныя заведенія, какъ по инициативѣ частныхъ лицъ, такъ и по инициативѣ правительства, которое основательно взялось за школьныя реформы. Въмѣсто того, чтобы ѣхать съ визитами, модная барыня отправлялась теперь на урокъ въ ту или другую школу, чтобы учить дѣтей или послушать опытную преподавательницу и такимъ образомъ серьезно подготовляться къ педагогической дѣятельности.

Вмѣстѣ съ чтеніемъ педагогическихъ произведеній общество со страстью набросилось на чтеніе книгъ по другимъ областямъ мысли и знанія, и прежде всего на богатую литературу 40-хъ гг., совершенно забытую въ послѣдующее десятилѣтіе. И во времена реакціи существовалъ небольшой кругъ людей, основательно знакомыхъ съ произведеніями передовыхъ дѣятелей 40-хъ гг., но тогда люди этого круга, какъ святиню, хранили про себя усвоенныя ими идеи. Теперь, при новыхъ условіяхъ, они съ неудержимою энергіею бросились распространять эти идеи направо и налево, раздавая читать произведенія писателей 40-хъ гг. Такимъ образомъ лихорадочное общественное оживленіе конца 50-хъ гг. увеличивалось еще возрожде-

ніемъ идей 40-хъ гг. и быстрымъ распространіемъ ихъ въ огромномъ кругу общества. Журналистика также была могучимъ двигателемъ и распространителемъ этихъ идей; въ этомъ отношеніи особенную извѣстность приобрѣлъ „Современник“, журналъ, завоевавшій глубокое уваженіе и симпатіи наиболѣе отзывчивыхъ элементовъ общества. Этотъ журналъ цѣлой серіей блестящихъ статей убѣдительно доказывалъ необходимость сбросить обветшалые принципы, сковывающіе жизнь, путы метафизики, тормозящія знаніе, и неослабно доказывалъ всю призрачность пользы для общества чистаго искусства и науки для науки. Въ общественномъ сознаніи все болѣе созрѣвало убѣжденіе, что науки и искусство полезны только въ томъ случаѣ, если онѣ служатъ жизни и интересамъ народа. Въ журналистикѣ мало-по-малу вырабатывались новыя эстетическія, нравственныя и общественныя теоріи, основанныя на началахъ реализма; все энергичнѣе проповѣдывалась необходимость и важность естественныхъ наукъ; наиболѣе развитые и честные люди все съ болѣющимъ нетерпѣніемъ ожидали паденія крѣпостнаго права.

Огромный классъ русскаго общества, еще недавно не помышлявшій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, вдругъ начинаетъ думать, пристальнѣе всматриваться въ явленія русской жизни и подвергать ихъ критическому анализу. Къ этому, впрочемъ, побуждало его не только умственное движеніе и быстро распространявшіеся идеи, но и крымская кампанія, только-что окончившаяся такъ печально для русскаго самолюбія. Несмотря на героизмъ, на безконечное число жертвъ, на сотни тысячъ убитыхъ и искалѣченныхъ русскихъ солдатъ, Севастополь палъ, и нашимъ войскамъ приказано было отступать: оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ, ни людей, чтобы продолжать борьбу. Эта война въ то же время обнаружила массу злоупотребленій на различныхъ поприщахъ дѣятельности. Невольно являлся вопросъ: гдѣ язвы, развѣдающія и подтачивающія государственный организм? Безконечныя жертвы и замѣчательное напряженіе всѣхъ народныхъ силъ для крымской войны, — все предвѣщало побѣду при этомъ, какъ казалось, прочномъ, правильномъ, крѣпко установившемся общественномъ строѣ... А между тѣмъ такой стыдъ и позоръ! Можетъ быть и въ другихъ сферахъ русской жизни только кажется, что все обстоитъ благополучно? И передъ мысленнымъ взоромъ интеллигентнаго человѣка выступали разныя „злобы“ русской дѣйствительности и, какъ причина причинъ, — крѣпостничество, огульное невѣжество и взяточничество.

Но вотъ пало крѣпостное право, и для Россіи наступила новая эпоха, — зари возрожденія во всѣхъ областяхъ мысли и дѣятельности. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости волей-неволей вынуждало помѣщиковъ серьезно подумать о томъ, что навсегда прошли тѣ времена, когда за нихъ работали и думали другіе, что теперь самимъ приходится заботиться о средствахъ къ жизни и что для этого прежде всего необходимо образованіе. Его приходилось давать теперь не только мальчикамъ, но и дѣвочкамъ. Лучшимъ образованіемъ для дѣвушки въ эпоху крѣпостнаго права считалось умѣнье болтать по-французски и имѣть хорошія манеры, но только для того, чтобы выйти замужъ или зарабатывать свой хлѣбъ гувернантствомъ. Но чтобы выдать дочь замужъ, ей необходимо было получить хорошее приданое, т. е. родители должны были дать за нею побольше „крестьянскихъ душъ“. А между тѣмъ помѣщиковъ лишили права владѣть этими „крестьянскими душами“, слѣдовательно выдавать замужъ дочерей стало гораздо труднѣе. Понятно, что и для нихъ явилась необходимость учиться, чтобы самостоятельно заработать свой кусокъ хлѣба. И вотъ со стороны дворянъ спросъ на образованіе, слѣдовательно на устройство разнообразныхъ учебныхъ заведеній, начинаетъ быстро расти. Новыя

идеи, вызванныя освободительной эпохой, заставили встрепетаться, дали толчекъ для мысли и дѣятельности не однимъ помѣщикамъ, но пробудили отъ вѣковѣчной спячки всѣ слои русскаго общества, всѣ съ этихъ поръ начинаютъ живо чувствовать потребность въ просвѣщеніи. Пока крестьяне были крѣпостными, помѣщики думали только о той выгодѣ, которую они могутъ извлечь изъ нихъ,—умственное развитіе крѣпостныхъ было даже вредно для помѣщичьихъ интересовъ, такъ какъ оно постепенно уничтожало бы рабскія чувства въ подданныхъ. Государство также крайне мало заботилось о народномъ образованіи: громадное большинство простонародья находилось въ полной власти помѣщиковъ и непосредственно зависѣло отъ нихъ. Совѣтъ иное дѣло было теперь, когда такой порядокъ вещей оказывался невыгоднымъ для государства: такой недостатокъ даже элементарнаго образованія гражданъ, такое невѣжество народа, какое царило у насъ до освободительной эпохи, понижало престижъ Россіи среди другихъ культурныхъ странъ Европы; къ тому же многіе стали говорить объ опасности оставлять безъ элементарнаго образованія массу освобожденнаго народа, которая по своей темнотѣ и полному невѣжеству не умѣла даже пользоваться дарованными правами. Мало того: уничтоженіе крѣпостнаго права не только вызвало спросъ на образованіе,—оно совершенно измѣнило его характеръ, а также и характеръ воспитанія, самымъ могущественнымъ образомъ повліяло на измѣненіе всего міровоззрѣнія русскихъ людей, на всѣ существенныя явленія жизни и отношенія одного класса общества къ другому. И къ намъ, наконецъ, стало проникать сознаніе челоѣческаго достоинства, и мы, наконецъ, заговорили о гнусности рабства мысли, о мерзости взяточничества, о пошлости трепета передъ каждымъ властью имѣющимъ, о необходимости безкорыстнаго служенія на пользу общества. Мало-по-малу у насъ все болѣе крѣпко убѣжденіе, что всѣ мы братья, имѣющіе одинаковыя права и обязанности, однимъ словомъ и у насъ устанавливался новый порядокъ вещей. Просвѣщеніе, разнообразныя реформы въ русской жизни, критическій анализъ и мышленіе общества пошли впередъ если не гигантскими шагами, то во всякомъ случаѣ довольно быстро.

За грандіозною крестьянскою реформою немедленно стали распадаться нѣкоторыя другія старыя формы жизни и непосредственно за этимъ соиздаться новыя основы общественности, что открывало новыя поприща для дѣятельности, вызывало новыя силы. Міровоззрѣніе общества быстро обновлялось, создавались новые идеалы и принципы, на сцену выступали новыя требованія. Всю Россію единодушно охватили лихорадочное, стремительное движеніе впередъ: всѣ вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, бросились учиться и учить другихъ, начали думать, читать, высказывать вслухъ свои мысли, требовать отъ всѣхъ и для всѣхъ широкой общественной дѣятельности, просвѣщенія всѣхъ классовъ общества безъ различія пола, сословія, матеріальнаго достатка. Пробудившаяся мысль и, сравнительно съ предыдущей эпохой, бѣлая свобода печатнаго слова вызвали къ жизни цѣлую идею талантливыхъ публицистовъ, беллетристовъ, ученыхъ, профессоровъ, имена которыхъ навсегда останутся въ исторіи этого блестящаго, но весьма короткаго періода пробужденія и умственнаго движенія русскаго общества.

Въ основѣ цѣлаго ряда критическихъ, беллетристическихъ произведеній и популярно-научныхъ трактатовъ начала 60-хъ гг. лежала проповѣдь широкой гуманности, чувства собственнаго достоинства, необходимости стремленія къ расширенію правъ народа и улучшенія его матеріальнаго благосостоянія, борьбы интеллигента съ обломовщиной, съ обскурантизмомъ, челоѣческою приниженностью, рабствомъ мысли, требованіе свободы и самостоятельности мышленія, критики и анализа, брат-

скаго, сочувственнаго отношенія къ простому люду. Всѣ эти идеи, повторяемъ, были давнымъ давно извѣстны не только на западѣ, но и у насъ еще въ 40-хъ гг., но лишь весьма небольшому кругу общества, теперь же онѣ получили широкое распространеніе. И это естественно: во времена крѣпостничества и произвола эти идеи не имѣли никакой почвы подъ собою, отзывались фразою, между тѣмъ какъ теперь, въ освободительный періодъ, являлась надежда, а у молодежи и полная увѣренность въ возможности ихъ осуществленія и примѣненія къ жизни.

Вмѣстѣ съ новымъ міровоззрѣніемъ, въ русскомъ обществѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, сказалось чувство недовольства прежнею жизнью, грубыми нравами, угнетавшими проявленіе свѣжей мысли, явилось отрицательное отношеніе къ прежнимъ авторитетамъ,—это новое движеніе получило неудачную кличку „нигилизма“. Какъ бы то ни было, но дѣйствительно всѣ основы прошлой жизни съ ея обычаями, вѣрованіями, семейною жизнью и ея традиціями, всѣ прежнія стремленія общества, воспитаніе дѣтей, отношеніе родителей къ дѣтямъ, прежніе взгляды на женщину, — все это считалось теперь устарѣвшимъ, отжившимъ и растлѣннымъ и требовало, по мнѣнію новыхъ людей, совершеннаго обновленія. Старые боги, прежніе кумиры повергались въ прахъ безъ сожалѣнія, обыкновенно съ сарказмами, часто даже съ злобою.

Въ ту юную пору нашей жизни, при пробужденіи впервые самосознанія и критическаго анализа, иначе и быть не могло. Долго гнули въ одну сторону, теперь сильно стали гнуть въ другую, явились комичные факты, такъ сказать, передержки новшествъ, подъ часъ весьма нелѣпныя, даже печальныя, но сущность требованій, нежеланіе что-нибудь заимствовать изъ прошлаго имѣли свой глубокой смыслъ, свой „raison d'être“.

Изъ предъидущихъ очерковъ мы знаемъ, что хотя въ XVIII в. русское общество и начало выходить изъ своего первобытнаго состоянія, но идеаломъ громаднаго большинства, какъ въ продолженіе всего XVIII ст., такъ и въ первую половину XIX в., было стремленіе къ пустой свѣткости. Огражденныя всевозможными запретами европейскія идеи туго проникали къ намъ; когда запреты на короткое время ослабѣвали, съ западными идеями знакомилось лишь небольшое число русскихъ людей, да и они не могли примѣнять ихъ къ жизни, такъ какъ общественный строй Россіи, съ крѣпостничествомъ во главѣ, противорѣчилъ самой основѣ этихъ идей. Образованіе было настолько плохо организовано и мало распространено, что рѣдко создавало въ обществѣ образованныхъ и вполне развитыхъ людей съ самостоятельной мыслью. Умственная лѣнь, апатія, безнечность, рабство мысли, недостатокъ инициативы въ воспитательномъ и общественномъ дѣлѣ были характерными качествами интеллигентныхъ людей доосвободительнаго періода; въ жизни же за весь этотъ періодъ царили крѣпостничество, произволъ и взяточничество. Вотъ почему въ освободительную эпоху все прошлое было подвергнуто безпощадной критикѣ, и люди 60-хъ гг. такъ рѣзко и отрицательно относились къ прежнимъ авторитетамъ, къ прежнему воспитанію, къ родительской власти вообще. Хотя деспотизмъ родительской власти, сравнительно съ временами Домостроя, не былъ уже въ такой всеокрушающей силѣ, но основы воспитанія и его принципы оставались прежними. Родительскій авторитетъ и въ первой половинѣ XIX ст. носилъ тотъ же характеръ непогрѣшимости и имѣлъ въ судьбѣ дѣтей рѣшающее значеніе. Тѣлесныя наказанія примѣнялись рѣже, но и теперь считались въ воспитаніи наиболѣе могущественными педагогическими средствами. Въ 60-хъ гг., благодаря умственному пробужденію, дѣти воочію увидѣли, что всемогущій родитель, облеченный безграничною властью, былъ стяжателемъ, взяточникомъ, жестокимъ деспотомъ въ отношеніи своихъ рабовъ, дар-

моѣдомъ и тунейдцемъ, сластолюбцемъ и развратникомъ. И молодое поколѣніе 60-хъ гг. начинаетъ съ безошаднымъ отрицаніемъ относиться и къ родительской власти, и къ прежнимъ авторитетамъ. Что удивительнаго въ томъ, что оно выбрасывало за бортъ вмѣстѣ съ остальнымъ хламомъ и то весьма небольшое хорошее, что изрѣдка попадалось въ прошломъ.

Шестидесятые годы были временемъ быстрого, безъ оглядки, движенія впередъ, — некогда было вдумываться въ причины явленій. Вслѣдствіе этого большинство молодежи этой эпохи, въ своихъ отзывахъ о прошломъ, не брали въ расчетъ смягчающихъ обстоятельствъ, не принимали во вниманіе, что прежніе люди были продуктомъ своего времени, что измѣниться теперь сразу, бросить свою лѣнь, апатію къ общественному дѣлу, барство они не могли на старости лѣтъ, если бы даже и поняли весь ужасъ прошлаго и желали бы измѣниться: привычка — вторая натура. Вотъ причина рѣзкаго отрицательнаго отношенія молодого поколѣнія къ родительскому и другимъ авторитетамъ, ко всему, что было выдвинуто впередъ, къ порядкамъ и обычаямъ, сковывавшимъ жизнь, мѣшавшимъ умственному развитію, просвѣщенію и самостоятельности.

Это была эпоха взаимныхъ недоразумѣній: старое поколѣніе не могло понять, почему дѣти начали вдругъ стремиться къ жизни совѣмъ новой, чѣмъ была такъ дурна ихъ собственная жизнь. Вѣдь они, старики, желали блага своимъ дѣтямъ, дѣлали все, чтобы въ будущемъ обезпечить ихъ. Дѣти же находятъ нужнымъ учиться безъ конца, брать на себя обязанности, необезпечивающія ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Чѣмъ же они въ свою очередь будутъ кормить своихъ дѣтей? Куда сами преклонять голову на старости лѣтъ? Какъ могутъ они, родители, не сокрушаться о дѣтяхъ, какъ могутъ они не порицать ихъ поведенія? Такое положеніе вещей вызывало взаимное раздраженіе, тяжелыя семейныя драмы.

Раздоръ между старымъ и молодымъ поколѣніями въ 60-хъ гг. достигъ своего апогея. Въ тѣ времена, въ каждой семьѣ, чиновничьей или помѣщичьей, гдѣ была молодежь, шли самыя разнообразныя пререканія, неудовольствія и драмы. Дѣвушка желаетъ посѣщать публичныя лекціи; мать находитъ это лишнимъ или считаетъ неприличнымъ для дочери ходить одной по улицамъ и запрещаетъ посѣщать лекціи. Дочь уходитъ одна, — дѣло кончается полнымъ разрывомъ или порождаетъ въ семьѣ, до тѣхъ поръ жившей тихо и мирно, взаимное озлобленіе и дразги.

Шестидесятые годы были въ то же время эпохою женской эмансипаціи: молодая женщины и дѣвушки мечтали о самостоятельномъ заработкѣ, о полной независимости отъ родительской и супружеской власти. На попытки дѣвушекъ къ самостоятельности, особенно если для этого приходилось ѣхать изъ провинціи въ столицу, старое поколѣніе смотрѣло, какъ на развратъ, и ставило этому стремленію всевозможныя препятствія. Но дѣвушки разрывали всѣ отношенія съ семьями, шли въ учительницы, въ артели переводчицъ, наборщицъ, швейныя мастерскія, въ телеграфистки, сестры милосердія, акушерки.

Сплошь и рядомъ были случаи, когда огромная семья сразу дѣлилась на двѣ партіи: старики-родители оставались въ деревнѣ одни, а молодежь, состоящая изъ нѣсколькихъ сыновей и молодыхъ дѣвушекъ, захвативъ съ собою подростковъ, эмигрировала въ столицу. Ихъ молили остаться, указывая на тяжелую борьбу, которую придется вынести молодой дѣвушкѣ при самостоятельной жизни въ столицѣ, на клеветы, которыя посыпятся на ея голову; иные, желая удержать дѣтей дома, грозили жалобой по начальству, и нерѣдко приводили угрозу въ исполненіе... Но все было напрасно... Не всѣ, конечно, молодые люди сознавали ужасъ лишеній, нѣкоторые

совѣтъ не понимали, что ихъ ожидало впереди, однако очень многіе прекрасно знали, что такое нужда, и все-таки шли. Шли безъ страха, въ какомъ-то празднично-веселомъ настроеніи, опасаясь лишь задержекъ дома... О! все лучше, лишь бы съ ними въ будущемъ не было того, что они вдругъ увидѣли дома, поняли и прозрѣли!

Современныя идеи и постоянное чтеніе расширяли кругозоръ женщины: она не могла болѣе удовлетворяться ролью няньки своихъ дѣтей, экономки мужа или свѣтской львицы. Передъ нею уже носился заманчивый идеалъ самостоятельной труженицы, жены, связанной съ мужемъ взаимностью идеаловъ, интересовъ, взглядовъ и труда на общественной аренѣ, образованной, развитой матери — истинной руководительницы своихъ дѣтей. Многія изъ дѣвушекъ выходили замужъ за общественныхъ дѣятелей не по любви, а чтобы самимъ легче было заняться общественной дѣятельностью; другія, наоборотъ, отказывались отъ брака, если онъ могъ этому помѣшать.

Главную причину всеобщаго стремленія женщинъ къ самостоятельному заработку было совершенно новое экономическое положеніе, въ которомъ онѣ вдругъ очутились. Послѣ освобожденія крестьянъ небогатымъ помѣщичьимъ семьямъ пришлось остаться съ выкупными свидѣтельствами на небольшую сумму, которой не всегда хватало, чтобы даже на первыхъ порахъ поставить хозяйство на новыхъ началахъ. Ихъ дѣти поняли, что имъ не на что болѣе рассчитывать, что въ будущемъ они не могутъ существовать безъ собственного заработка. Прежнее положеніе бѣдныхъ дѣвушекъ въ качествѣ приживалокъ и компаніонокъ въ домахъ богатыхъ родственниковъ стало теперь невыносимымъ: у богатыхъ тоже исчезъ главный источникъ ихъ дохода, — всѣ поприжались и сильно сокращали свои расходы. Къ тому же и въ чиновничьей средѣ шло сокращеніе штатовъ вслѣдствіе реформъ въ различныхъ сферахъ: закрывалось не мало присутственныхъ мѣстъ. Все это заставляло массу женщинъ искать самостоятельнаго заработка. Но, конечно, не только матеріальная нужда гнала женщину изъ-подъ родительскаго крова: къ этому побуждало ее также стремленіе къ серьезному образованію, потребность самостоятельно добывать кусокъ хлѣба, несмотря на средства родителей, желаніе приносить посильную помощь обществу, желаніе зажить самостоятельной жизнью на новыхъ началахъ, чтобы условныя приличія не выдвигались на первый планъ, чтобы жизнь окружающихъ, ихъ нравы и удовольствія не оскорбляли бы ея завѣтныхъ чувствъ, чтобы она могла вести активную борьбу со зломъ, какъ дѣятельный членъ общества, а не только страдать, какъ раба, что было до сихъ поръ ея удѣломъ.

Постоянныя недоразумѣнія съ родителями и семейныя драмы, непосильный грузъ ради своего образованія и саморазвитія и тяжелая борьба за существованіе сказывались въ нервномъ напряженіи и раздражительности молодежи, очень часто выражавшихся въ рѣзкостяхъ и крайней нетерпимости къ мнѣнію каждаго, кто выказывалъ хотя тѣнь сочувствія прежнимъ порядкамъ, людямъ прежняго закала и реакціонному направленію; были и такіе крайніе, которые нетерпимо относились ко всему, что хотя на одну іоту не подходило подъ требованія современнаго кодекса понятій. Хорошими людьми молодежь 60-хъ гг., въ большинствѣ случаевъ, считала только людей съ новыми понятіями, по молодости часто забывая, что на словахъ казаться ими весьма не трудно. Подвергалась осужденію и дружба какъ съ людьми завѣдомо безчестными въ общественномъ отношеніи, такъ и съ людьми реакціоннаго направленія; еще болѣе презрительно и нетерпимо относились люди 60-хъ гг. къ безцеремонному выбору двусмысленныхъ занятій. Въ нетерпимости къ чужому мнѣнію

несомнѣнно весьма мало хорошаго: это тормозитъ объѣмъ и выработку мыслей, запугиваетъ робкихъ, отталкиваетъ даже такихъ, которые могли бы быть единомышленниками. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, нетерпимость молодежи преимущественно проявлялась въ тѣхъ случаяхъ, когда безпринципность, освященная прошлыми нравами и обычаями, и теперь вступала въ свои права и тормозила дѣло нравственного и умственного обновленія. Въ прежнее время даже весьма порядочные люди не считали зазорнымъ дружить съ людьми двусмысленнаго поведенія, съ завѣдомыми казнокрадами, предателями. Такъ же неразборчиво относились и къ выбору занятій, имѣя въ виду лишь ихъ большую прибыльность. Вслѣдствіе этого даже люди почтенные, не конфузясь, занимали должности, на которыхъ нельзя было обойтись безъ взяточничества и мошенничества. Люди 60-хъ гг. рѣзко порицали то и другое; нѣкоторые изъ нихъ инстинктивно, другіе сознательно старались создать интеллигентное общество, сдѣлать его болѣе культурнымъ, облагородить его инстинкты, приучить интеллигентныхъ людей къ солидарности въ своихъ общественныхъ и просвѣдительныхъ стремленіяхъ; понятно, что противоположный образъ дѣйствій возбуждалъ крайнюю нетерпимость. Несомнѣнно, во всемъ этомъ было не мало ошибокъ, печальныхъ недоразумѣній, незаслуженныхъ оскорбленій, но элементарные принципы людей 60-хъ гг., въ родѣ того, что водить дружбу должно лишь съ честными людьми, браться за занятія возможно лишь тогда, когда они приносятъ обществу пользу, а не вредъ, съ тѣхъ поръ твердо вошли въ сознаніе нѣкоторой части интеллигентнаго общества. Стремленіе молодежи окружать себя людьми безупречными въ общественномъ отношеніи помогло дружно сплотить въ кружки очень многихъ, что давало возможность успѣшно дѣйствовать въ сферѣ умственного развитія и просвѣщенія. Воскресныя и частныя школы, публичныя и домашнія лекціи, экскурсіи, чтенія по всевозможнымъ предметамъ, — все это отчасти было результатомъ вышеуказанныхъ принциповъ, твердо проводимыхъ въ жизнь, но нерѣдко съ нежелательною нетерпимостью и молодымъ задоромъ.

Косо и недружелюбно смотрѣла молодежь того времени и на франтовство, фатовство и изящество въ одеждѣ, не выключая въ этомъ отношеніи и женщинъ. Теперь ото всѣхъ требовалась строгая, монашеская простота; мужчины не должны были украшать себя массивными перетнями, брелоками, золотыми цѣпочками; женщины должно было удовлетворять простенькое, черное шерстяное платье безъ волана, безъ бантика, безъ малѣйшаго украшенія, которое могло бы сколько-нибудь расцвѣтить строгое однообразіе туалета. Давно ли еще молодая дѣвушка по нѣсколькимъ часамъ въ день убивала время на куафюру, причесывалась для выѣздовъ у парикмахеровъ, устраивала высокую прическу... Теперь о такой говорили, что бабышня устроила знафоть на своей головѣ и ждетъ только жертвъ.

Дѣвушки съ обрѣзанными волосами, надъ которыми такъ много издѣвались, эти „стриженныя“, которыхъ уже за одну стрижку волосъ забрасывали грязью, въ дѣйствительности вовсе не заслуживали нападокъ. Причина этого *преступленія* (клеимившіе женщинъ съ такимъ остервененіемъ за стрижку волосъ, конечно, считали это преступленіемъ) заключалась дѣйствительно въ неимѣніи времени для куафюры, такъ какъ женщины съ утра до поздней ночи теперь заняты были работой. Конечно, нѣкоторыя принимали нигилистическую вѣщность безъ всякой нужды и въ то же время ничѣмъ нутнымъ не занимались, но громадное большинство вынуждено было къ этому необходимостью. Можно было удивляться, какъ въ это время дѣвушка, нерѣдко съ роскошною косою, жертвовала этимъ важнымъ атрибутомъ своей красоты и привлекательности ради сохраненія времени. Это все же отчасти

служило мѣриломъ того, насколько было сильно и искренно ее увлеченіе самообразованіемъ и стремленіемъ къ самостоятельности. Прежде женщина все приносила въ жертву своей красотѣ и привлекательности: изъ-за красивыхъ тряпочекъ, побрякушекъ и парикмахерскихъ куафюръ она толкала близкихъ людей на сдѣлки съ совѣстью и на взяточничество. Женщина 60-хъ гг. ради самообразованія, самостоятельности и общественной дѣятельности жертвовала всею: красою, молодостью, спокойствіемъ, житейскими удобствами, даже личнымъ счастьемъ, любовью, часто самую жизнь.

Боже мой, какъ преобразился въ это время внѣшній видъ женщины! Въ черномъ, гладкомъ, узкомъ платкѣ, безъ какого бы то ни было украшенія, безъ брошки, браслета и серегъ, безъ кринолина, хотя на него въ то время была большая мода, она имѣла видъ не то ксендза одного изъ католическихъ орденовъ, не то послушника. Такъ же быстро переѣнились и нравы. Дѣвушка ходила теперь по улицамъ безъ провожатыхъ, жила одна, посѣщала мужчинъ и женщинъ, если, по ея мнѣнію, они были порядочными людьми.

Если прежде бѣдно одѣтой дѣвушкѣ случалось входить въ общество нарядныхъ дамъ, она конфузилась и страдала за свой черезчуръ скромный нарядъ, забывая, что такое страданіе унижаетъ человѣческое достоинство. Теперь было не то: она смѣло входила во всякое общество, она уже не стыдилась бѣдности, ея скромный нарядъ былъ признакомъ труда и самостоятельности, и она гордилась имъ. Если шелъ разговоръ о предметахъ болѣе или менѣе серьезныхъ, она могла поддержать его. Нерѣдко бывали и такіе случаи: нарядная дама, заинтересованная „нигилисткой“, просить ее бывать у нея почаще, прибавляя: „можетъ быть васъ стѣсняетъ моя нарядная обстановка, мое общество разодѣтыхъ гостей?... Но мое положеніе“... — „О, нѣтъ, нисколько!“ слышитъ она въ отвѣтъ: „я не стыжусь своего простого туалета... Все, что па мнѣ и кругомъ меня, — я заработала честнымъ трудомъ, а вы... вы не знаете происхожденія вашихъ нарядовъ и вашей обстановки!“ Тутъ уже нарядная дама конфузится, и, смотришь, нѣкоторое время спустя, она просить свою знакомую ввести ее въ свой кругъ, указать ей, какимъ образомъ и она, въ свою очередь, могла бы быть кому-нибудь и чѣмъ-нибудь полезной.

Отрицаніе жизненныхъ удобствъ, изящества, эlegantности и эстетики происходило отъ многихъ серьезныхъ причинъ историческихъ и экономическихъ. До освободительнаго періода нашей жизни прогрессъ русскаго общества преимущественно выражался въ усвоеніи внѣшняго лоска западной цивилизаціи. Послѣ освобожденія громадное большинство интеллигентныхъ людей по достоинству оцѣнило всю прозрачность прежнихъ стремленій. Оно находило теперь, что прежній лоскъ и прежняя эстетика не что иное, какъ вредное эпикурейство, помогавшее скрывать грубость и невѣжество и служившее первою ступенью для хитрости, взяточничества и прожиганія жизни. „Прочь всю эту мишуру и мистификацію“, кричали теперь, и старый богъ эпикурейства разлетѣлся въ прахъ. Взамѣнъ его былъ поставленъ *принципъ утилитаризма*: его основа несомнѣнно честная и здоровая, но при осуществленіи его деталей на практикѣ, какъ и во всякомъ новомъ дѣлѣ, не обошлось безъ крайностей, увлеченій, часто даже весьма комичныхъ, нелѣпныхъ, а подчасъ и вредныхъ. Наиболѣе односторонніе поклонники идеаловъ 60-хъ гг. всею челоуѣческой потребностью стали сводить къ нуждѣ и пользѣ. Челоуѣкъ, по понятію этихъ людей, могъ пользоваться лишь тѣмъ, отъ недостатка чего могло пострадать его здоровье, безъ чего онъ не могъ существовать. Такой взглядъ несомнѣнно страдалъ узкостью и односторонностью, велъ къ ограниченію эстетическихъ

вкусовъ и потребностей, къ оголенію искусства и жизни, къ формализму чувствъ. Знатокъ человѣческаго сердца—Шекспиръ влагаетъ въ уста Лиру такія слова, которыя онъ говорить одной изъ дочерей послѣ того, когда она сокращаетъ его потребности и объясняетъ это тѣмъ, что для его нужды этого хватитъ. Лиръ отвѣчалъ ей: *„дай человеку лишь то, безъ чего онъ не можетъ жить,—и ты его сравниешь съ зѣбрею!“*

Принципъ утилитаризма, какъ онъ понимался въ то время, отразился весьма печально въ области нравственной и умственной. Признавая права только пользы и нужды, приходилось выбрасывать за бортъ цѣлую область чувствъ, цѣлую сферу идей, облагораживающихъ и возвышающихъ душу, скрашивающихъ жизнь и въ то же время вырабатывающихъ гуманные инстинкты и стремленія. Творчество, фантазія, поэзія, искусство, влеченіе и любовь къ которымъ необходимо неустанно развивать и поддерживать,—теперь, если не отрицались совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ были не въ чести у людей 60-хъ гг. и не поощрялись ими. Были и такіе, которые умышленно утрировали и выставляли на видъ свое непониманіе поэзіи, свое презрѣніе къ изящной литературѣ, щеголяли грубостью манеръ, небрежностью своего туалета,—но это уже были люди ограниченные, и никакая идея, никакой честный принципъ не застрахованы отъ искаженія его подобными субъектами.

Были и другія причины того, что въ русскомъ обществѣ, въ которомъ уже болѣе полутора вѣка дѣтъ все сильнѣе и сильнѣе сказывалось стремленіе къ роскоши, свѣтскости и эстетикѣ, теперь вдругъ явилось совсѣмъ иное теченіе. Съ конца 30-хъ и начала 40-хъ гг. началось постепенное перемѣщеніе умственного движенія изъ одного класса общества въ другой: прежде все, что было наиболѣе мыслящаго, тянулось въ высшій слой общества, какъ потому, что онъ игралъ первенствующую роль въ жизни, такъ и потому, что среди него были наиболѣе просвѣщенные и развитые люди. Теперь своимъ развитіемъ и образованіемъ постепенно началъ выдвигаться средній классъ общества, а умственные интересы высшихъ классовъ все болѣе падаютъ. Университеты притягиваютъ къ себѣ юношество средней руки, лучшіе журналы стремятся въ популярной формѣ и переводахъ познакомить читателей съ политико-экономическими вопросами, съ идеями запада и съ произведеніями величайшихъ иностранныхъ писателей и мыслителей. Такимъ образомъ университеты и журналистика, эти величайшіе двигатели русскаго прогресса, становятся съ этихъ поръ доступными все большому кругу людей.

Это умственное движеніе, подавленное въ 40-хъ гг., вспыхнуло съ новой силой и распространилось въ кругу несравненно болѣе громадномъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. Стремленіе молодежи въ университеты и къ самообразованію сказалося съ небывалой до тѣхъ поръ силой и проявилось въ средѣ, еще несравненно болѣе обездоленной, чѣмъ это было до тѣхъ поръ, въ семьяхъ наибѣднѣйшихъ помѣщиковъ, мелкихъ чиновниковъ, разночинцевъ, духовенства, мѣщанъ. Прежде такіе люди довольствовались окончаніемъ курса въ уѣздномъ училищѣ, въ семинаріи, изрѣдка въ гимназіи, — теперь они бросались въ университеты, сдѣлавшіеся къ этому времени еще болѣе доступными для бѣдняковъ и притягивавшіе ихъ къ себѣ какъ потому, что въ нихъ можно было получить высшее образованіе, такъ и привилегіями, которыя они давали окончившимъ курсъ. Русская журналистика и университеты, сдѣлавшіеся болѣе доступными массѣ, повліяли на то, что умственное движеніе освободительнаго періода захватило въ свой круговоротъ такой громадный классъ разночинцевъ. Эти бѣдняки прошли суровую школу жизни: колотушки въ дѣтствѣ, хроническія голодовки, всяческія униженія изъ-за куска хлѣба. Они внесли въ интел-

лигентную среду знаніе народа, старались обратить на него вниманіе, возбудить къ нему симпатію. Если прошлое этихъ людей въ матеріальномъ отношеніи было ужасно, то и теперь ихъ преслѣдовала тяжелая борьба за существованіе. Естественно, что такимъ (а въ 60-хъ гг., среди новыхъ людей, они составляли громадное большинство) было не до франтовства; элегантныхъ, великосвѣтскихъ манеръ они также имѣть не могли. Умственное движеніе 60-хъ гг., захвативъ въ свой круговоротъ огромный классъ разночинцевъ, выдвинуло его впередъ, и съ тѣхъ поръ высшіе умственные и нравственные интересы и идеалы сосредоточиваются именно въ этомъ классѣ общества. Какъ только образованіе сдѣлалось доступнымъ бѣднякамъ, они немедленно выдвинули изъ своей среды людей мысли и несомнѣнныхъ дарованій. Естественно, что эта среда, эти новые люди и выработали, сообразно съ условиями своего быта и своихъ возрѣній, новые идеалы, новые взгляды и стремленія несравненно болѣе демократическаго характера, чѣмъ прежде.

Первою заповѣдью въ эту пору было требованіе отъ каждого безкорыстной общественной дѣятельности, и *общественная нравственность* въ это время дѣйствительно стояла *выше личной*. Это не значило, что люди 60-хъ гг. въ смыслѣ личной нравственности были несостоятельнѣе людей предыдущей эпохи... Это невозможно было уже потому, что въ періодъ крѣпостничества и произвола помѣщицкѣй власти по вопросамъ нравственнымъ были самыя смутныя понятія, да и не могло быть иначе, такъ какъ крѣпостничество въ самомъ себѣ носило залогъ растлѣнія. Русское общество въ 60-е годы впервые обуреваемо было вопросами общественной нравственности, а потому оно и выдвинуло ихъ на первый планъ. Люди этого времени считали первую обязанностью каждого распространять грамотность, вносить свѣтъ въ темную среду и необходимость неустанно продолжать свое саморазвитіе и самообразованіе. Учить другихъ и самому всю жизнь пріобрѣтать наибольшее количество знаній—вотъ двѣ заповѣди, отчетливо выгравированныя на скрижаляхъ законовъ 60-хъ гг. Почему у насъ до сихъ поръ была такая умственная спячка? спрашивали другъ друга люди того времени. Почему стремленія, интересы, идеалы, даже удовольствія интеллигенціи были такъ жалки, ничтожны и пошлы? Вслѣдствіе господства суетвѣрій, совершенно правильно отвѣчали они, заѣдающихъ нашу жизнь, отъ мрака невѣжества, угнетавшаго не только простой народъ, но и высшій и средній классы общества. И вотъ потому-то теперь учиться и учить другихъ должны были всѣ: богатые и бѣдные, знатные и простые, молодые и старые. Сознаніе невѣжества и его тяжелыя послѣдствія были теперь впервые признаны русскимъ обществомъ. И всѣ учились и учили другихъ очень усердно. Правда, вслѣдствіе недостатка предварительнаго фундаментальнаго средняго образованія, не у всѣхъ ученіе было поставлено толково: нѣкоторые съ остервененіемъ набрасывались исключительно на штудированіе предметовъ естественно-научныхъ (предпочтеніе отдавали химіи, анатоміи, фізіологіи, ботаникѣ, зоологіи), особенно требующихъ серьезной подготовки; но это не мѣшало многимъ пріобрѣтать основательныя свѣдѣнія и положило начало стремленію женщинъ къ изученію медицины.

Жажда самообразованія и распространенія просвѣщенія, сказавшаяся съ такою силою, не только содѣйствовала прогрессу и увеличенію числа грамотныхъ, но оказала и множество другихъ услугъ: своимъ примѣромъ люди 60-хъ годовъ дали направленіе, указали исходъ честнымъ стремленіямъ подрастающихъ поколѣній, показали примѣръ, какъ слѣдуетъ нести свой безкорыстный трудъ на пользу народа, указали на необходимость знакомства съ его бытомъ и нуждою, чтобы, запасшись знаніями и опытностью, имѣть возможность разностороннѣе прилагать свои силы на служеніе

ему. Притомъ работа въ школѣ имѣла громадное вліяніе на выработку педагогическихъ методовъ первоначальнаго обученія.

Весьма важною нравственною обязанностию въ то время считалось обличать всевозможныя злоупотребленія. И дѣйствительно, какую бы должность ни занималъ человѣкъ, какую бы обязанность онъ ни исполнялъ, какой бы рискъ ни представляло подобное обличеніе — лишеніе мѣста, даже послѣдняго куска хлѣба, но онъ не имѣлъ права равнодушно смотрѣть на злоупотребленія въ общественной жизни. Такъ же брезгливо и строго относились не только къ подлости въ общественномъ отношеніи, но ко всякому нарушенію честныхъ общественныхъ принциповъ: учитель, литераторъ, профессоръ, хотя разъ устно или письменно высказавшій безчестные взгляды, хотя одну работу помѣстившій въ органѣ направленія, противоположнаго современнымъ стремленіямъ, — не допускался въ порядочное общество. Правда, это страстное стремленіе передовыхъ людей того времени упорядочить нравственно-распущенное русское общество, развить въ немъ общественные инстинкты, до тѣхъ поръ ему совершенно чуждые, нерѣдко высказывалось черезчуръ формально, узко и односторонне, но законность ихъ требованій и желаній весьма понятна и уважительна, страстность же, съ какою предъявлялись подобныя требованія, происходила отъ сознанія того, что наше интеллигентное общество страдаетъ недостаткомъ принципиальности и стойкости въ убѣжденіяхъ. Вообще въ описываемый періодъ нашего обновленія русское общество съ неудержимымъ порывомъ стремилось воспитать въ себѣ и окружающихъ безкорыстные общественные инстинкты и демократизировать свои взгляды, жизнь, вкусы, привычки. Человѣку, слѣдовавшему этимъ принципамъ, легко сходили съ рукъ грѣшки противъ личной нравственности, легкомысліе въ дѣлѣ любви, непостоянство въ этомъ отношеніи и т. п.

Въ связи съ распространеніемъ подобныхъ взглядовъ, въ обществѣ и литературѣ постепенно вырабатывалось и слагалось понятіе объ идеальной личности или героѣ. Пока просвѣщеніе было достояніемъ высшаго класса общества, героемъ времени въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ былъ человѣкъ безукоризненно одѣтый, съ прекрасными манерами, превосходный танцоръ, владѣющій, какъ роднымъ, нѣсколькими иностранными языками. Кромѣ блестящихъ качествъ свѣтскаго человѣка, онъ былъ поклонникомъ искусства. То страстный и пылкій, то убійственно холодный, онъ плѣнялъ женщинъ и въ этомъ отношеніи обладалъ демоническими силами сердца, равнодушно подставляя лобъ подъ пулю. Несмотря на свое блестящее общественное положеніе, онъ не довольствуется ни мишурнымъ блескомъ свѣта, ни своими успѣхами въ немъ: онъ тоскуетъ, хандритъ, но лишь попусту тратитъ свои силы на любовныя похожденія и свѣтскіе успѣхи, къ которымъ въ то же время презрительно относится. Но какимъ дѣломъ могъ въ то время заняться умный, порядочный человѣкъ, на что онъ могъ производительно тратить свои богатые дарованія? Онъ этого или не зналъ, или не могъ, а въ заработкѣ не нуждался. Между тѣмъ онъ чувствовалъ избытокъ силъ, огонь въ крови, а силы все же уходили на пустяки, чему болѣе всего содѣйствовало крѣпостное право, дававшее возможность не только абсолютно ничего не дѣлать, но и удовлетворять прихотямъ.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ героемъ времени выступилъ человѣкъ, уже не блиставшій своею свѣтскостью. Онъ стремится къ честной дѣятельности, но она даже и въ собственномъ его сознаніи не приняла еще вполне определенныхъ формъ, да и была совершенно невысказана при существующемъ порядкѣ вещей. И потому героемъ того времени явился человѣкъ не дѣла, а слова; но, увлекая другихъ своимъ энтузіазмомъ и хорошими словами, онъ все же оказывалъ огромную услугу и подго-

товлялъ людей дѣла, такъ какъ будиль совѣсть, честь и мысль. Способный искренно вдохновляться великими идеями, онъ, при своихъ недожизненныхъ способностяхъ и необыкновенномъ дарѣ слова, умѣлъ и другимъ сообщать свое вдохновеніе, вызвать способность къ самопожертвованію во имя великихъ идеаловъ добра и правды, отвращеніе къ прежнему сѣренькому, пошлому существованію. Такимъ образомъ подобные герои все же „сѣяли доброе сѣмя“, „пробуждали не мало нетронутыхъ силъ“, но сами по себѣ они были людьми непрacticalными, безхарактерными, отчасти развинченными, надломленными, совѣтъ не подготовленными ни своимъ воспитаніемъ, ни русскою дѣйствительностью къ плодотворной практической дѣятельности.

Женщинѣ доосвободительнаго періода была отведена исключительно сфера любви и нѣжныхъ стремленій сердца. Въ началѣ XIX ст. идеализаціи и опозтегизованія удостоивались блѣднотлицыя, болѣзненные, съ небеснымъ взоромъ граціозныя созданія. Героиня при лунѣ мечтала объ избранникѣ сердца до гробовой доски, занималась описаніемъ своихъ тонкихъ чувствъ въ дневникахъ, вышивала по канвѣ пастушковъ. Все ея дѣло заключалось въ пѣніи сентиментальныхъ романсовъ, въ выѣздахъ на балы, въ проливаніи слезъ невѣдомо о чемъ. Избранника своего сердца она надѣляла неземными совершенствами, считала его поклонникомъ своей красоты и цѣнителемъ своихъ чувствъ и обыкновенно грубо ошибалась. Хотя ея мечты парили въ заоблачныхъ сферахъ, она болѣе всего обращала вниманіе на шпоры, на блестящій мундиръ, на блестящую внѣшность. Предметъ страсти оказывался обыкновенно кутилою-мученикомъ или развратникомъ, лишь съ виду раздѣлявшимъ мечты дѣвушки, чтобы легче овладѣть ея приданнымъ.

На смѣну этой героини явилась дѣвушка нелюбящая ни выѣздовъ, ни баловъ, ни нарядовъ, ни шлетенъ, ни женскихъ дрязгъ, съ могучимъ инстинктомъ любви, готовая повиноваться честнымъ и чистымъ велѣніямъ своего сердца, печальная, вдумчивая и уже съ болѣе строгимъ отношеніемъ къ жизни. Но эти серьезные задатки, эта глубина чувствъ и неподдѣльная симпатичность натуры не могли выразиться въ жизни ничѣмъ серьезнымъ: эта исключительная дѣвушка занималась чтеніемъ пустыхъ романовъ, отрицала тотъ или другой явно нелѣпый предразсудокъ, а о самостоятельной дѣятельности тогда не было и помину. Правда, она является уже несравненно болѣе требовательною въ выборѣ своего героя, но она не мечтаетъ ни о чемъ, кромѣ законнаго брака. Если это не удастся, она не прочь выйти замужъ за перваго встрѣчнаго, по личному расчету или по требованію родителей, а затѣмъ становится строгой великосвѣтской дамой, сухой моралисткой и поклонницею условнаго кодекса приличій.

На ея смѣну явилась героинею женщина съ болѣе глубокимъ нравственнымъ чутьемъ: она уже не можетъ выйти замужъ по расчету или по приказанію, но если ея любовь терпитъ фіаско, она не находитъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы бороться съ своимъ чувствомъ; отдавшись ему всецѣло, она уходитъ въ монастырь оплакивать свое горе, либо кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ. Такимъ образомъ героини и этой категоріи ограничивали всѣ свои помыслы, стремленія, мечты и надежды рамкой узкаго, эгоистическаго личнаго счастья.

Наконецъ, такъ сказать, уже наканунѣ освобожденія, на сцену выступаютъ героини, которыя ради любви приносятъ или готовы принести всевозможныя жертвы: онѣ идутъ на борьбу, на полный разрывъ съ прошлымъ, готовы идти на дѣло и трудъ любимаго человѣка. Но у нихъ нѣтъ еще понятія о какой-нибудь самостоятельной дѣятельности, онѣ идутъ только за любимымъ человѣкомъ, за тѣмъ дѣломъ, которое онъ признаетъ, но своего дѣла онѣ еще не нашли.

Но вот наступил освободительный периодъ, а вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣнился и идеалъ героя. Имъ явился теперь разночинецъ, неутомимый труженикъ, закаленный въ житейскихъ невзгодахъ, съ дѣтства поставленный въ необходимость въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ, никогда незнавшій барской нѣги. Характеръ, поведение, внѣшній видъ и внутренній обликъ его уже совсѣмъ новые; его идеалы и стремленія опредѣленны и ясно выражены: они почерпнуты изъ богатой сокровищницы идей, завѣщанныхъ литературою 40-хъ годовъ, но онъ внесъ въ нихъ и все то новое, что долженъ былъ почерпнуть изъ эпохи освобожденія и обновленія, которую переживалъ, и изъ тяжелой борьбы за существованіе, которую велъ. Мечты о любви и личномъ счастьи онъ отодвигаетъ на второй планъ или выбрасываетъ ихъ за бортъ, какъ ненужный грузъ, если они тормозятъ его общественную дѣятельность. Героемъ времени явился человекъ съ опредѣленною общественною дѣятельностью, но въ то же время и обличитель зла, неправды, злоупотребленій и отжившихъ условныхъ приличій, сковывавшихъ жизнь. Онъ рѣзко, до грубости прямо говоритъ правду въ глаза даже тому, передъ кѣмъ все трепещетъ и заискиваетъ, — ему не новость ничего не имѣть, онъ привыкъ къ превратностямъ судьбы. Такъ же смѣло, даже рѣзко и грубо онъ бросаетъ обличеніе въ лицо любимой дѣвушкѣ, — онъ рискнетъ скорѣе быть отвергнутымъ ею, чѣмъ покривить совѣстью. За трудъ онъ можетъ взяться также только въ томъ случаѣ, если онъ прямо или косвенно не заставитъ его потерять нравственной и умственной независимости, искренности и прямоты, благородной гордости, самостоятельности взгляда, если этотъ заработокъ безукоризненно честенъ и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которымъ кормились отцы. Серьезно занятый школами, литературою или земскою дѣятельностью, онъ большую часть своего заработка удѣляетъ на устройство какого-нибудь общественнаго дѣла и лишь незначительную часть оставляетъ себѣ. Его потребности и вкусы не требуютъ большихъ расходовъ: онъ по принципу и по привычкамъ спартаецъ; его обстановка и платье не для шика, не для показа, а лишь для того, чтобы служить своему прямому назначенію. Люди старшаго поколѣнія и прежняго воспитанія смотрятъ на него, какъ на жалкаго плебея и оумасброда, но это его нисколько не смущаетъ. Новый герой не только спартаецъ и демократъ по натурѣ и принципамъ, не только человекъ упорнаго труда, но и желѣзной воли, которую онъ долженъ закалять все болѣе и проявлять ее даже въ дѣлѣ любви. Если женщина не можетъ идти съ нимъ рука объ руку, быть ему настоящимъ товарищемъ, другомъ и помощникомъ въ общественной дѣятельности, — любовь за бортъ! И такое рѣшеніе онъ принимаетъ съ полнымъ стоицизмомъ: безъ жалобъ, жалкихъ словъ и мученій. Страдать, говорить онъ, можно только изъ-за неудавшагося общественнаго дѣла, изъ-за торжества подлости, изъ-за гибели честнаго и невиннаго. Взглядъ его на женщину вполне совпадаетъ съ остальнымъ его мировоззрѣніемъ, съ его спартанскимъ характеромъ. Ухаживать за ней на прежній ладъ, восторгаться ея красотой онъ считалъ пошлымъ и противнымъ его демократическимъ принципамъ. Онъ не эстетикъ блаженныхъ временъ, когда, набаловавшись съ крѣпостною красавицею-мужичкой, оставивъ ей даже залогъ своей любви, можно было съ спокойною совѣстью укатить за границу и любоваться дивными произведеніями искусства, не заботясь о красавицѣ, которую выдадутъ замужъ за пьяницу. Женщина, по его понятіямъ, равна мужчинѣ, — она должна быть такимъ же свободнымъ, мыслящимъ и самостоятельнымъ человекомъ, какъ и онъ самъ! Зачѣмъ же онъ будетъ преклоняться передъ ней, унижать ее своими ухаживаніями, — онъ долженъ прежде всего помогать ея развитію и образованію, способствовать ея скорѣйшему появленію на аренѣ общественной дѣятельности.

Героинею 60-х годовъ явилась женщина, сознательно стремившаяся выбиться изъ исключительно-семейной сферы, изъ специально для нея созданной атмосферы любви и личныхъ чувствъ, выйти изъ-подъ домашней опеки и гнета, обезпечить себя честнымъ, самостоятельнымъ заработкомъ, какъ бы ни была тяжела при этомъ жизненная борьба, покончить со множествомъ предрасудковъ, сковывающихъ ея жизнь; она употребляетъ всѣ усилія завоевать право на трудъ и приносить пользу не только семьѣ, но и обществу. Расширяя свой кругозоръ и увеличивая свой умственный багажъ, она въ то же время старается выработать въ себѣ неустанное стремленіе къ самообразованію и саморазвитію, имѣя всегда въ виду расширеніе сферы женской дѣятельности вообще. Съ остальными чертами ея характера читатели уже знакомы: она вышла изъ той же среды, какъ и молодежь мужского пола, дѣйствовала въ тотъ же освободительный періодъ и придерживалась тѣхъ же спартанскихъ и демократическихъ взглядовъ, предпочитая утилитаризмъ эстетикѣ. Таковы были времена, нравы и идеалы людей 60-хъ гг., — и они вполне отразились на воспитаніи.

Подъемъ педагогическихъ идей, ихъ пробужденіе и обновленіе сказались весьма чувствительно уже въ 1856 г. Освобожденіе крестьянъ и школьныя реформы довели это движеніе до своего апогея. Интеллигентное общество, съ небывалою страстью и одушевленіемъ, бросилось на изученіе вопросовъ воспитанія. Педагогика впервые дѣлается достояніемъ не только специалистовъ, но и всѣхъ, желающихъ блага не только своимъ дѣтямъ, но и своей родинѣ. И дѣйствительно, никогда ни раньше, ни позже, русское общество не изучало такъ серьезно этого дѣла. Оно поняло, что въ обновленіи воспитанія, болѣе чѣмъ въ чемъ бы то ни было, лежитъ залогъ умственного и нравственного перерожденія русскаго общества, распространенія просвѣщенія и уничтоженія предрасудковъ, сковывавшихъ проявленіе самостоятельной мысли. Никогда раньше не появлялось столько самостоятельныхъ и переводныхъ педагогическихъ трудовъ: по методикѣ преподаванія элементарныхъ предметовъ, по физическому уходу за дѣтьми, по нравственному и умственному ихъ воспитанію. Устроилось множество кружковъ съ цѣлью выяснять и изучать вопросы воспитанія: въ нихъ читались рефераты по педагогическимъ вопросамъ, давали отчетъ о прочитанныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ, о преподаваніи въ той или другой школѣ; члены того или другого общества или кружка дѣлали критическія на нихъ замѣчанія, или кто-нибудь изъ нихъ сообщалъ свои наблюденія надъ развитіемъ маленькихъ дѣтей въ школѣ и дома. Въ подобныхъ собраніяхъ члены нерѣдко одинъ за другимъ, по очереди, рассказывали свое воспитаніе въ дѣтствѣ, указывая, какъ тѣ или другія явленія вліяли на складъ ихъ характера. Матери, вспоминая свое прошлое, пораженные его ужасомъ, безнравственностью, уродливостью и убожествомъ, давали слово воспитать своихъ дѣтей совѣтъ въ другомъ направленіи, не смущаясь при этомъ ни тяжестью труда, ни борьбою съ предрасудками. И дѣйствительно, воспитатели 60-хъ гг. не щадили ни силъ, ни здоровья, честно и усидчиво поработали для воспитанія, многое выяснили въ немъ и оставили будущимъ поколѣніямъ цѣнныя труды по разнымъ отраслямъ педагогики. Но, не имѣя возможности пользоваться педагогическимъ опытомъ своихъ предшественниковъ (его почти не существовало), а также вслѣдствіе того, что жизнь русскаго общества освободительнаго періода входила въ совершенно новый фазисъ развитія, шла быстрыми шагами впередъ, предъявляя новыя требованія, людямъ 60-хъ гг. пришлось построить воспитаніе на новыхъ принципахъ. Естественно, что это воспитаніе, какъ совершенно новое дѣло, было сопряжено съ ошибками. Но такъ какъ основы этого новаго воспитанія были построены на высоконравственныхъ идеалахъ и гуманнѣйшихъ

принципахъ, то неудачные примѣры воспитанія 60-хъ гг. должны повести не къ отрицанію воспитанія того времени и даже его характера, а наоборотъ къ внимательному, всестороннему изученію его, чтобы по возможности избѣгать слабыхъ его сторонъ, а также, чтобы постоянно подвигаться въ дальнѣйшей переработкѣ идей и методовъ сообразно съ духомъ времени и потребностями общества. Посмотримъ-же, что новаго было внесено въ воспитаніе сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Нравственное угнетеніе дѣтей, отсутствіе умственного ихъ развитія, наконецъ сила родительскаго авторитета, налагавшаго обязанности лишь на дѣтей, — всё эти основы, на которыхъ зиждилось прежнее воспитаніе, теперь шли въ разрѣзъ съ новыми воззрѣніями и понятіями. Люди 60-хъ гг. даютъ дѣтямъ полную свободу, и дѣти съ этого времени получаютъ первенствующее значеніе въ семьѣ, начинаютъ играть въ ней первую роль.

На качество и количество пищи дѣтей прежде не обращали ни малѣйшаго вниманія, удѣляя имъ послѣдній кусокъ или закармливая напропалую. Теперь это было немисливо вслѣдствіе новыхъ идей и знакомства съ элементарной гигиеною, которою матери усердно занимались. Мало того, даже у бѣдныхъ людей появился теперь цѣлый арсеналъ спиртовыхъ лампочекъ для согрѣванія пищи, термометръ (съ этихъ поръ впервые матери начинаютъ придавать значеніе не только качеству и количеству пищи, но и ея температурѣ), вѣсы для взвѣшиванія дѣтей и опредѣленія увеличенія или уменьшенія вѣса ихъ тѣла, дорогое вино, если оно по совѣту врача необходимо было для ребенка. Лучшую комнату, которую еще такъ недавно отводили подъ гостиную или залу, теперь отдавали подъ дѣтскую, заботились, чтобы въ ней было побольше свѣта, воздуха и простора для дѣтей, для ихъ игръ и возни. Старшіе члены семьи только и думали о томъ, какъ бы устроить свою жизнь такъ, чтобы она поменьше стѣсняла физическое, нравственное и умственное развитіе дѣтей, чтобы они вполне свободно могли проявлять свои индивидуальныя свойства и природныя дарованія, чтобы они впослѣдствіи съ чувствомъ умиленія вспоминали о заботахъ своихъ родителей, жертвовавшихъ для нихъ всю жизнь, и о своемъ дѣтствѣ. Старшіе члены семьи занимали теперь самыя неудобныя комнаты: нерѣдко въ одной комнатѣ работало по нѣскольку человекъ; съ величайшимъ терпѣніемъ выносили они шумъ и возню, лишь бы не смущать веселья дѣтей.

Дѣти въ прежнее время слышали отъ родителей только приказанія, выносили отъ нихъ тѣлесныя наказанія, испытывали лишь официальные ласки въ назначенное для этого время. Родители не могли или не хотѣли удовлетворять законной дѣтской любознательности относительно явленій природы и окружающей жизни, — теперь характеръ воспитанія совершенно измѣнился. Обхожденіе съ дѣтьми было въ высшей степени мягкое, гуманное, любовное; дѣтямъ не приказывали, а уговаривали ихъ сдѣлать то или другое, объясняя почему это необходимо. Не только тѣлесныя, но и всё остальные наказанія не практиковались болѣе и совершенно вышли изъ употребленія.

Родители, особенно матери, вполне отдались дѣлу воспитанія; онѣ много читали и учились какъ для собственнаго образованія, такъ и спеціально для того, чтобы имѣть возможность давать дѣтямъ занимательные рассказы и объясненія по интересующимъ ихъ вопросамъ. Это страстное желаніе родителей видѣть дѣтей своихъ умственно и нравственно развитыми, постоянное стремленіе расширить ихъ умственный кругозоръ, неустанный трудъ на ихъ пользу, тѣсная, совмѣстная жизнь съ ними, лишеніе себя комфорта и покоя для ихъ блага, — все это, вмѣстѣ съ любовью и самоотверженіемъ, уже прирожденными матери, создало въ это время въ

высшей степени страстных и заботливых матерей. Ихъ называли нигилистами! Пусть такъ! Но эти нигилистки были самыми страстными, самыми самоотверженными изъ матерей, истинными воспитательницами и руководительницами своихъ дѣтей. Неужели въ 60-хъ гг., могутъ намъ замѣтить, впервые изобрѣтена была материнская любовь? Конечно нѣтъ! Она существовала вездѣ и всегда и вложена въ сердце матери самою природою. Но мы уже достаточно говорили о томъ, что до освободительнаго періода жизнь въ нашихъ среднихъ и высшихъ слояхъ общества сложилась такъ, что материнская любовь или не могла проявляться, какъ слѣдуетъ, и постепенно угасала, или проявлялась самымъ безразсуднымъ, самымъ нелѣпымъ образомъ. Здоровыя матери не кормили даже грудью своихъ собственныхъ дѣтей. Въ губернскихъ городахъ и столицахъ визиты, карты, приемы, выѣзды, наряды, однимъ словомъ, пустая свѣтская жизнь поглощала все ихъ время. Въ деревнѣ и въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ обширное домашнее хозяйство, заготовки припасовъ, гости по цѣлымъ недѣлямъ, все это тяжелой обузой лежало на ихъ плечахъ. Такимъ образомъ дѣти, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, были вполнѣ предоставлены кормилицамъ, нянькамъ, гувернанткамъ. Теперь здоровая мать сама кормила грудью свое дитя, няньчила его, занимала, учила, сама усердно училась, чтобы имѣть возможность разумно руководить имъ, и все это расширяло и раздвигало область материнской любви и заботы. Чѣмъ болѣе труда затрачено на ребенка, чѣмъ болѣе жизни связано съ нимъ, чѣмъ болѣе заботъ пришлось потратить на него, испытать бессонныхъ ночей и лишеній, тѣмъ дороже оно, тѣмъ болѣе возбуждаетъ любви и привязанности. Тамъ, гдѣ мать по необходимости вынуждена была увеличивать заработокъ семьи своимъ трудомъ, воспитаніе и обученіе шло тѣмъ не менѣе подъ ея непосредственнымъ руководствомъ: освободившись отъ своихъ занятій, она, какъ на великій праздникъ, бѣжала возитъся съ дѣтьми, занимать ихъ, учить, рассказывать имъ.

Дѣти должны, разумѣется, занимать первое мѣсто въ заботахъ родителей, но неразумно было то, что они въ 60-хъ гг. сдѣлались центромъ всей жизни, кумирами родителей, „господами положенія“, „*mesieurs les enfants*“, что свобода, предоставленная имъ, не шла рука объ руку съ дисциплиною. Родители должны свято выполнять свои обязанности относительно дѣтей, какъ того требуетъ современный характеръ жизни, но и отъ дѣтей необходимо требовать того же, что совсѣмъ упускалось изъ виду въ то время, и это являлось однимъ изъ наиболѣе важныхъ недостатковъ воспитанія 60-хъ гг. Дѣтямъ слѣдуетъ предоставлять свободу, должно въ извѣстныхъ предѣлахъ уважать ихъ самостоятельность, но подъ условіемъ, чтобъ и они уважали свободу и самостоятельность близкихъ, — иначе въ результатѣ окажется не свобода, а распущенность, вредное и безнравственное баловство. Родители обязаны помогать проявленію индивидуальныхъ свойствъ дѣтей, развитію способностей, дарованныхъ природою, должны для дѣтей жертвовать своею личною жизнію, своимъ покоемъ, но въ то же время обязаны требовать отъ дѣтей повиновенія, подчиненія дисциплинѣ, уваженія къ своей личности, обязаны приучать ихъ постепенно и систематично жертвовать своими дѣтскими удовольствіями, своимъ покоемъ для спокойствія своихъ родителей и окружающихъ, должны неустанно требовать отъ нихъ выполненія ихъ дѣтскихъ обязанностей, учить ихъ умѣнно приходить на помощь семейству и окружающимъ, согласно съ размѣрами ихъ дѣтскихъ силъ, имѣя въ виду сдѣлать изъ нихъ своихъ помощниковъ и естественныхъ защитниковъ. Приобрѣтенная въ дѣтствѣ привычка быть полезнымъ окружающимъ, необходимость съ дѣтства серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ перейдетъ и въ школьную

жизнь, въ отношенія къ товарищамъ и, въ концѣ концовъ, всосется въ плоть и кровь человѣка, чего, къ сожалѣнію, частенько не бывало въ то время. Люди 60-хъ гг. совсѣмъ забывали, что у дѣтей относительно родителей точно также существуетъ множество обязанностей, которыя строго должны выполняться съ ранняго дѣтства.

Прежде воспитывали только страхомъ. Служебныя отношенія низшихъ къ высшимъ, крѣпостныхъ къ господамъ, дѣтей къ родителямъ,—все сдерживалось только страхомъ, боязнью прогнѣвить власть имѣющаго и получить за это возмездіе. Никто не думалъ о томъ, чтобы приучить ребенка или подчиненнаго исполнять свою обязанность изъ сознанія долга, общественной необходимости, изъ уваженія и любви къ личности власть имѣющаго. Вселять страхъ было единственнымъ стремленіемъ начальства и родителей, чтобы сдерживать въ уздѣ дѣтей и подчиненныхъ, чтобы заставляя ихъ повиноваться и выполнять обязанности. Въ освободительный періодъ родители поняли, что страхъ—плохой воспитатель, мѣра, достойная лишь раба, и гнушались внушать его своимъ дѣтямъ. Къ сожалѣнію, многіе не понимали въ то время, что, изгоняя изъ воспитательной практики страхъ, необходимо ввести послѣдовательную дисциплину, и что въ такомъ случаѣ необходимо обращать особенное вниманіе на развитіе въ ребенкѣ деликатности и уваженія къ близкимъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ подобныя чувства не были воспитаны, гдѣ заботились лишь о томъ, чтобы не нарушать свободы и самостоятельности дѣтей, а о правахъ родителей не было и помину, тамъ продолжалось то же рабство, то же крѣпостничество, только центр тяжести перемѣстился: прежде дѣти были рабами, теперь родители сдѣлались ими, что, къ сожалѣнію, во многихъ семьяхъ и дѣйствительно существовало въ 60-хъ гг. Родители все приносили въ жертву дѣтямъ, ихъ благу, успешному умственному развитію и ихъ удовольствіямъ и взамѣнъ этого ничего не требовали отъ нихъ. Мать, утомленная непосильнымъ трудомъ, еле волоча ноги отъ усталости, лишь только узнавала о малѣйшемъ желаніи ребенка, бросалась со всѣхъ ногъ исполнять его. Терпѣливая, выносливая на счетъ всевозможныхъ упущеній и недосмотровъ относительно себя и всѣхъ прочихъ въ домѣ, она смотрѣла, какъ на великое преступленіе, на всякую оплошность относительно дѣтей, при ребенкѣ строго выговаривала прислугѣ за медленное приготовленіе кушанья, если онъ проголодался. Для него и у него было все лучшее въ домѣ—постель, кусокъ, комната, одежда. Вниманіе всего дома было обращено исключительно на ребенка: всѣ дышали только имъ, передавали другъ другу и часто при немъ пустячки, сказанныя имъ, какъ нѣчто весьма замѣчательное, остроумное, чуть не гениальное. Вслѣдствіе этого ребенокъ очень рано начиналъ понимать свое значеніе въ домѣ, свою власть, силу, и въ немъ постепенно развивались жестокой эгоизмъ, который росъ и крѣпкъ вмѣстѣ съ нимъ, бездушіе и сухость сердца, даже и въ томъ случаѣ, когда живой интересъ близкихъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ и разумное преподаваніе пробуждали въ немъ самыя высшія и благороднѣйшія чувства. Такія дѣти, возмужавши, нерѣдко чувствовали горячую любовь къ человѣчеству, искренно возмущались зломъ, но не способны были жертвовать своими личными интересами, не умѣли не на словахъ, а на дѣлѣ, поступаться своими удовольствіями для спокойствія окружающихъ. Чѣмъ болѣе практиковалась излишняя предупредительность относительно дѣтей, чѣмъ болѣе ихъ баловали и потворствовали имъ, тѣмъ бездушнѣе и эгоистичнѣе выходили дѣти, и съ возрастомъ эгоизмъ ихъ проявлялся все очевиднѣе. Чѣмъ старше становились дѣти, тѣмъ менѣе умѣли они помириться съ отказомъ, даже и въ томъ случаѣ, если родителямъ не было никакой возможности выполнить ихъ желаніе. Самый за-

конный отказъ заставлялъ жестоко страдать балованныхъ дѣтей, и они долго не могли простить родителямъ этого преступленія.

Родители, исключительно существующіе своимъ трудомъ, отказываютъ 15-лѣтнему сыну въ его просьбѣ ѣхать за границу, мотивируя свой отказъ страхомъ отпустить его одного, неопытнаго, въ такое далекое путешествіе и невозможностью бросать на удовольствія большія деньги. Мальчикъ пораженъ,—онъ первый разъ въ жизни испытываетъ рѣшительный отказъ и приходитъ въ сильное раздраженіе. На слѣдующій годъ повторяется та же настоятельная просьба со стороны сына; родители не устояли противъ его страстнаго желанія и отпустили его, несмотря на то, что сдѣлать это имъ было не легко, какъ и въ прошлый разъ, и юноша прекрасно зналъ это. Но прошлогоднее раздраженіе за отказъ не улеглось въ немъ и, получивъ согласіе, онъ неспособенъ былъ всею душою отдаться радости, что его желаніе наконецъ исполнено. Несмотря на то, что это былъ способный и развитой юноша, ему и въ голову не приходило оцѣнить по достоинству всю жертву родителей, хотя онъ прекрасно зналъ, какимъ тяжелымъ трудомъ достаются отцу деньги, порядочная часть которыхъ будетъ истрачена на его удовольствіе, какъ боится мать этого перваго для него самостоятельнаго путешествія. Послѣ первыхъ словъ благодарности, онъ тутъ же высказываетъ родителямъ свое негодованіе за прошлогодній отказъ, тутъ же снова и серьезно упрекаетъ ихъ за него.

Мать должна предупреждать желанія ребенка, должна стараться, чтобы онъ менѣе плакалъ и раздражался, но исключительно лишь въ то время, когда онъ еще нуждается въ чисто физическомъ уходѣ, когда онъ еще не умѣетъ выражать свои желанія словами. Если же она и послѣ этого періода будетъ предупреждать всякое пустое желаніе своего ребенка, будетъ выполнять его, жертвуя при этомъ своимъ покоемъ и покоемъ близкихъ, не будетъ приучать его переносить отказовъ, она въ концѣ концовъ окажется его рабой, а онъ сдѣлается рабомъ своихъ прихотей. Однимъ словомъ, потворство и излишняя предупредительность могутъ повести лишь къ печальнымъ результатамъ, все къ болѣе требовательности и повелительности, граничащими съ деспотизмомъ, черствостью, сухостью сердца и эгоизмомъ, къ полному ослабленію воли, къ развитію авторитетности и комичнаго апломба въ отношеніи къ окружающимъ. При такомъ воспитаніи ребенокъ будетъ предъявлять все болѣе требованій, все рѣзче и настойчивѣе настаивать на ихъ выполненіи, все нервнѣе и раздражительнѣе относиться къ отказамъ, даже самымъ законнымъ и разумно мотивированнымъ, все менѣе будетъ находить нужнымъ быть пріятнымъ родителямъ, выполнять ихъ законныя требованія. При такомъ воспитаніи, наконецъ, у ребенка не можетъ выработаться привычки, перерождающейся въ потребность сердца, помогать близкимъ въ домашнихъ затрудненіяхъ, доступныхъ его возрасту, выполнять относительно ихъ свои прямыя обязанности.

При вышеописанномъ режимѣ, ребенокъ уже къ 9—10 лѣтамъ, за рѣдкими исключеніями, дѣлается деспотомъ семьи, самодуромъ, „Китъ-китычемъ“ въ миниатюрѣ. Въ немъ очень рано, инстинктивно, вырабатывается убѣжденіе, что окружающіе должны дѣлать все, что онъ желаетъ, и при этомъ въ немъ постепенно исчезаетъ совѣтливость и деликатность, а чаще всего, при такомъ положеніи вещей, и совѣсьмъ не развивается ни того, ни другого, не вырабатывается даже элементарнаго сознанія, что пользоваться услугами кого бы то ни было можно позволить себѣ лишь въ томъ случаѣ, когда самъ выполняешь относительно другихъ все, что только возможно. Между тѣмъ воспитаніе должно быть направлено къ достиженію совершенно противоположныхъ цѣлей: къ развитію крѣпости духа, мужества и стойкости; оно

должно укрѣпить и закалить волю ребенка, демократизировать его склонности и подготовить его къ борьбѣ съ суровою дѣйствительностью. Излишняя предупредительность, или, проще сказать, баловство (по французски это слово весьма точно опредѣляет его истинный смысл: „gater“ означает и баловать, и портить) ведетъ къ печальнымъ результатамъ не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ физическомъ: по наблюденіямъ специалистовъ по нервнымъ болѣзнямъ, большинство, такъ называемыхъ, истерическихъ больныхъ въ дѣтствѣ были балованными дѣтьми, ихъ не приучали управлять собою, своими чувствами, мыслями, вниманіемъ, ограничивать свои желанія, умѣрять требованія, жертвовать своими удовольствіями спокойствію другихъ, обходиться безъ посторонней помощи.

Ребенка слѣдуетъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучить къ тремъ вещамъ: 1) строго выполнять свои дѣтскія обязанности, 2) научить его дѣлиться всѣмъ своимъ добромъ и имуществомъ со всѣми окружающими, 3) съ первымъ проявленіемъ сознанія у ребенка, его необходимо прежде всего учить помогать окружающимъ и близкимъ, указывать ему и объяснять, какъ слѣдуетъ оберегать ихъ покой. Чуть не каждый день жизнь ребенка въ семьѣ представляетъ для развитія этихъ качествъ достаточно случаевъ, и крайне необходимо, при всякомъ удобномъ поводѣ, давать толчокъ и направленіе для проявленія альтруистическихъ склонностей и любви къ окружающимъ. Въ домѣ кто-нибудь захворалъ: няня, мать, тетка, — и ребенку, если ему болѣе 3—4 лѣтъ, слѣдуетъ напоминать: „не шуми, не кричи, не стучи игрушками, сапогами, тетя больна...“ Пусть онъ сходитъ къ больной, если это возможно, посидитъ около нея, поболтаетъ, сдерживая при этомъ свою обычную живость и шумливость, позоветъ для больной, кого она желаетъ, принесетъ, что требуется, подниметъ оброненное, отыщетъ затерянное. Когда ребенокъ подрастетъ немного, приучайте его интересоваться состояніемъ больного, пусть онъ рассказываетъ ему слышанное и прочитанное. Такой ребенокъ будетъ искреннѣе радоваться выздоровленію больного, чѣмъ тотъ, который относился пассивно къ его болѣзни, а это новый стимулъ для увеличенія привязанностей и любви. Ребенокъ постарше пусть помогаетъ матери одѣвать младшаго, пусть онъ отъ времени до времени занимается и развлекаетъ его, уступаетъ ему свои игрушки, дѣлится съ нимъ всѣмъ, что имѣетъ, заботится о немъ. Конечно, этимъ не слѣдуетъ злоупотреблять, обременяя ребенка непосильными трудами, но необходимо имѣть въ виду, чтобы онъ не пассивно, а активно (разумѣется, сообразно съ его силами) принималъ участіе въ радостяхъ и горѣ семьи. Только при такомъ воспитаніи, ребенокъ не на словахъ, а на дѣлѣ будетъ любить свою семью, только въ такомъ случаѣ въ немъ разовьется глубокая, истинная привязанность къ ней, только такой ребенокъ впоследствии сдѣлается сострадательнымъ товарищемъ, честнымъ гражданиномъ общества, который свои интересы счумѣетъ приносить въ жертву ближнимъ. Извѣстно, какъ тяжело терять ребенка: чѣмъ онъ старше, тѣмъ невознаградимѣе утрата. И это естественно: чѣмъ старше ребенокъ, тѣмъ больше затрачено на него со стороны родителей силъ, энергіи, покоя, заботъ, здоровья, любви, тѣмъ болѣе окрѣпла ихъ взаимная связь. Такъ и ребенокъ можетъ впоследствии надлежащимъ образомъ любить только тѣхъ родителей, которые приучали его дорожить ихъ покоемъ, научили его ограничивать свои желанія, развивали въ немъ истинный интересъ ко всѣмъ членамъ семьи и умѣнье болѣть ихъ печалами, радоваться ихъ честной удачѣ и истинному счастью. Иначе сынъ будетъ скорбѣть о болѣзни матери только потому, что онъ лишенъ на извѣстное время обычныхъ услугъ и угожденій, ужасаться ея смерти только вслѣдствіе того, что у него не будетъ даровой, преданной до самоубвенія рабы,

которая угадывала бы его желанія, подставляла свою грудь для всѣхъ жизненныхъ ударовъ, направленныхъ на него. Такъ это перѣдко бывало въ 60-хъ гг. Мать больна, ей невыносимъ шумъ, бѣготня, визгъ развозившихся дѣтей. Сохрани Богъ ихъ стѣснить! Она, со смертельной головной болью, сама лучше забьется въ какойнибудь уголь или перенесетъ страданія, но лишитъ дѣтей радости, удовольствія, — никогда! „Что еще ждетъ ихъ въ будущемъ?“ разсуждала она. „Пусть со слезами благодарности и умиленія вспоминаютъ свое дѣтство“. Но выходило, конечно, со-всѣмъ наоборотъ.

„Господи!“ возмущался бывало кто-нибудь изъ окружающихъ: „какъ вамъ не стыдно такъ шумѣть! Мать ваша отдаетъ за васъ всю свою душу, а вы и нѣсколько часовъ не можете стѣснить себя для нея!“ Но нравоученія и сентенціи никого ничему не научили, никому не проникали до сердца! Не нравоученія, не негодование можетъ имѣть значеніе въ такихъ случаяхъ, а только привычка, систематически усвоенная съ ранняго дѣтства, привычка принимать дѣятельное, живое участіе въ горѣ, радости и заботахъ семьи можетъ развить истинную любовь, — иначе вы воспитаете поколѣніе черствыхъ эгоистовъ, съ слабо развитою волею, безхарактерныхъ, съ отсутствіемъ сознанія своихъ обязанностей, требовательныхъ къ другимъ, рабовъ своихъ пустыхъ желаній и прихотей. Баловство дѣтей, излишняя предупредительность относительно ихъ, господство въ семьѣ, невыполненіе дѣтьми своихъ прямыхъ обязанностей, все это, если только не парализовалось явленіями противоположнаго характера, или, если житейскія обстоятельства сами не ставили этому преградъ, проявилось впоследствии развитіемъ болѣзни воли въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Одинъ въ высшей степени порядочный и образованный молодой человекъ разсказывалъ мнѣ, какъ тяжело отразились на немъ эти погрѣшности воспитанія 60-хъ гг. Скучныя матеріальныя средства приходилось его матери пополнять своимъ трудомъ, но она не останавливалась ни передъ какими жертвами, чтобы дать сыну надлежащее, по ея понятіямъ, образованіе. Однако, несмотря на свою страстную любовь къ ребенку, она все-же имѣла настолько благоразумія и твердости характера, что отказывала ему въ выполненіи тѣхъ его желаній, которыя могли повести его къ мотовству, франтовству или были вредны для его здоровья; но зато немедленно выполняла всѣ его требованія, если они не могли ему повредить: въ такомъ случаѣ она не могла даже отложить исполненіе его просьбы до болѣе удобной для нея минуты. Мать, крайне утомленная работой, приходитъ со службы. „Пойдемъ въ зоологическій садъ“, проситъ ее ребенокъ. „Сегодня я особенно утомлена... завтра занятія у меня окончатся раньше, — тогда пойдемъ...“ — Но сынъ настойчиво приставалъ, и мать никогда не могла устоять противъ подобной просьбы. „При нашей бѣдности“, оправдывала она себя при этомъ, „и безъ того такъ часто приходится отказывать. Нельзя же всегда, — это можетъ ожесточить его... Пусть наконецъ знаетъ, что я ему отказываю лишь въ томъ, что вредно для него, или на что я совсѣмъ не имѣю средствъ“. Мальчику понравилась у товарища комнатная гимнастика. „Куплю, непременно куплю“, отвѣчала мать сыну на его просьбы купить для него такую же гимнастику. „Я уже давно думаю объ этомъ... Потерпи недѣльки три... жалованье получу... тогда“. Но сынъ и на другой день не даетъ ей покоя, и мать кончаетъ тѣмъ, что немедленно отправляется за покупкой. „Баловникъ ты!“ говоритъ старуха-тетка. „Трудно, что ли, тебѣ было потерпѣть недѣли три? Вѣдь ты зналъ, что у матери денегъ не было! Ты это прекрасно зналъ, да не желалъ на это обратить вниманіе! Вѣдь няня говорила тебѣ, что изъ-за твоей гимнастики

матери придется потратить деньги, приготовленные на обувь. А теперь дожди! Три недѣли она и пробѣгаетъ на службу въ дырявыхъ башмакахъ и калошахъ!

И дѣйствительно, мать и сынъ жили слишкомъ тѣсною жизнью, — онъ зналъ всѣ затрудненія по хозяйству, но разъ являлось у него желаніе, противъ котораго мать не протестовала достаточно энергично, какъ противъ вреднаго или дурного, онъ настойчиво требовалъ выполненія своего желанія, не соглашаясь отложить просьбу даже на нѣсколько дней. „Подрастетъ“, утѣшала себя мать, „побольше разовьется, поумнѣетъ, будетъ себя больше сдерживать, станетъ больше жалѣть меня“... Сынъ вырасталъ, быстро развивался умственно, но его настойчивость относительно немедленнаго удовлетворенія его просьбъ увеличивалась, вниманіе же къ матери и состраданіе къ ея тяжелой долѣ развивались сравнительно туго.

Юношѣ было 17 лѣтъ, когда мать его умерла. Онъ былъ уже въ старшихъ классахъ гимназіи и перешелъ жить къ дядѣ, котораго глубоко уважалъ, мнѣніемъ котораго особенно дорожилъ. Юноша сознавалъ недостатки своего характера, боролся съ ними тѣмъ усерднѣе, что дядя скоро его понялъ, и племянникъ читалъ въ его глазахъ изумленіе и порицаніе своимъ поступкамъ. „Бывало экзамены на носу“, рассказывалъ онъ, „дядя зналъ, что я слабъ по нѣкоторымъ предметамъ. Для меня невысказанно было не кончить въ гимназіи и сидѣть на шеѣ у дяди, бѣднаго чело-вѣка, — все это я прекрасно сознавалъ, никогда не былъ лѣнтяемъ и могъ усидчиво заниматься. Но вдругъ, во время занятій, вспоминаю, что сегодня пріятели собираются... Бросаю все... и при томъ замѣтите: меня далеко не интересовали эти собранія, но налетѣло желаніе, и у меня не было достаточно силы воли, чтобы противиться его выполненію. Мало того, я могъ бы еще посидѣть дома, поработать, — рано было и забираться туда... Такъ нѣтъ же, — дѣлай сейчасъ, что вздумалось. Такъ и во всемъ: налетитъ какое-нибудь желаніе, точно вихрь закрутитъ тебя, какъ былинку въ полѣ, и дѣлаешься ты точно полоумнымъ, совсѣмъ теряешь возможность владѣть собою. Даже и въ такую минуту я не терялъ сознанія, что это пошлый капризь, удовлетвореніе котораго принесетъ мнѣ не удовольствіе, а лишь страданіе и стыдъ. Возвращаюсь домой, какъ пришибленный, и думаю: только-бы дядя не замѣтилъ, что я отлучался... Такъ нѣтъ же, онъ самъ нарочно отворить дверь и не спроситъ даже, гдѣ я былъ, хотя обыкновенно спрашивалъ, такъ какъ я не имѣлъ никакого повода что-нибудь скрывать отъ него. Но я зналъ причину его молчанія въ такихъ случаяхъ: онъ горячо любилъ меня, скорбѣлъ въ душѣ за мою безхарактерность и зналъ, что словами тутъ не можешь. что я и самъ сознаю свою слабость. И дѣйствительно, усовѣщиванія и порицанія лишь раздражали бы меня безъ нужды и ни въ какомъ случаѣ не могли бы сдѣлать того, въ чемъ я нуждался, — оздоровить мою волю, разслабленную потворствомъ матери въ дѣтствѣ“.

Баловство и излишняя предупредительность нерѣдко создавали изъ дѣтей черезчуръ требовательныхъ барчагъ, даже въ домѣ тѣхъ родителей, гдѣ они видѣли самое гуманное отношеніе окружающихъ къ прислугѣ. Чуть они подрастали, они считали себя уже въ правѣ командовать прислугою и неукоснительно указывали ей всѣ упущенія, всѣ бреши въ исполненіи ея обязанностей. А ужъ у нихъ ли не пробуждали демократическихъ чувствъ и симпатіи къ низшимъ классамъ!

Чтобы наглядно представить себѣ, какую видную роль въ домѣ играли дѣти 60-хъ гг., нужно было войти въ любой домъ интеллигентной семьи. Лучшая комната, которая прежде назначалась для гостини, теперь отведена была подъ дѣтскую. Въ рабочемъ кабинетѣ отца или въ спальнѣ матери часто не было даже мягкаго кресла. Необходимую мягкую мебель можно было бы имѣть, но всѣ средства

семьи уходять на выполнение требованій гигиены, на пособия для умственнаго развитія дѣтей, на удовлетвореніе ихъ желаній. Зато дѣтская представляла цѣлый музей. Стѣны ея обвѣшаны иллюстраціями по зоологіи и ботаникѣ, картинами, изображающими тотъ или другой моментъ трудовой жизни русскаго крестьянина. Въ углахъ комнаты навалены деревянные кубики, на столахъ разложены работы изъ гороха, плетенья, лѣпка различныхъ предметовъ и другія занятія по Фребелевской методѣ. У людей болѣе состоятельныхъ можно было найти даже чучела звѣрей и птицъ, акваріумы, терраріи, клѣтки съ живыми звѣрьками и птицами, ящики подъ стекломъ съ коллекціями камней, образцы разныхъ производствъ, и въ каждой дѣтской домашняя гимнастика.

Къ сожалѣнію со всѣми этими пособиями и приспособленіями воспитатели не всегда умѣли справиться, не всегда могли достаточно популярно объяснить, очень часто и объяснять многое было черезчуръ преждевременно. Къ тому же въ общемъ обиліе всѣхъ этихъ приспособленій и ихъ пестрая выставка пріучали дѣтей схватывать верхушки самыхъ разнообразныхъ знаній.

Если ребенокъ преждевременно усваиваетъ то или другое знаніе, преждевременно читаетъ ту или другую книгу, — это вредно не только потому, что губить здоровье и притупляетъ способности, но и потому, что, когда ребенокъ подрастетъ и ему придется серьезно познакомиться съ тѣмъ, что ему было уже объяснено, ему все будетъ казаться, что онъ знакомъ съ предметомъ, хотя онъ уловилъ лишь внѣшнюю его сторону. У него не явится настоящаго интереса къ предмету, при изученіи его онъ не будетъ дѣлать усилій, чтобы углубиться, основательнѣе съ нимъ ознакомиться. Вредно это и потому, что даже поверхностное знакомство съ предметомъ, и скорѣе всего именно оно, даетъ возможность мальчику щегольнуть своими знаніями передъ товарищами. Удача въ этомъ отношеніи развиваетъ тщеславіе, мелкое самолюбіе, поверхностное, недобросовѣстное отношеніе къ усвоенію знаній и порождаетъ въ юношѣ преувеличенно-высокое мнѣніе о себѣ, авторитетность въ приговорахъ, резервство.

Вмѣсто прежняго стѣсненія дѣти пользовались теперь полною свободою, въ нѣкоторыхъ семьяхъ, къ сожалѣнію, черезчуръ преждевременно. Прежде часто даже взрослый сынъ, а тѣмъ паче дочь не могли шагу сдѣлать изъ дому безъ дозволенія родителей, не могли, согласно собственному желанію, пригласить къ себѣ знакомыхъ, угостить ихъ безъ разрѣшенія старшихъ. Что же касается маленькихъ дѣтей, то стѣсненіе ихъ свободы было губительно потому, что имъ не дозволяли свободно высказывать свое мнѣніе, выражать свой вкусъ, спрашивать родителей обо всемъ, что имъ приходило въ голову; въ присутствіи старшихъ, по нѣскольکو часовъ къ ряду, ихъ заставляли сидѣть, не двигаясь, на одномъ мѣстѣ, не всегда давали имъ возможность, когда это было необходимо, въ волю навозиться и пошумѣть. Такое стѣсненіе вело ко лжи, лицемѣрію, къ предосудительнымъ поступкамъ втихомолку, за спиною, тормозило правильное физическое воспитаніе дѣтей. Въ 60-хъ гг. на эту сторону воспитанія обращено было должное вниманіе, и прежнее стѣсненіе свободы дѣтей почти всюду уничтожено, но къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ семьяхъ, дѣтямъ предоставлена была слишкомъ преждевременно полная, безконтрольная, безотчетная свобода, что приносило столько же вреда, сколько и прежнее стѣсненіе свободы. Дѣти, въ нѣкоторыхъ домахъ, уже въ 9 — 10 лѣтъ уходили безъ спросу, куда вздумается, и возвращались домой, когда сами того желали, приглашали къ себѣ даже случайныхъ знакомыхъ и сами бѣгали къ нимъ. Знакомства нерѣдко оказывались неподходящими, и ихъ приходилось прекращать. При свободѣ, которою поль-

зовались дѣти, это оскорбляло ихъ, вызывало раздраженіе. Бывали и такія семьи, гдѣ свобода дѣтей доходила до распушенности: они могли говорить постороннему, что вздумается, повторяли уличныя бранныя слова, и родители ихъ не останавливали. „Грязное къ чистому не пристанетъ“, оправдывались они передъ тѣми, кого это возмущало, или: „пусть бы не дѣлали безчестныхъ поступковъ, не фальшивили и не лстили каждому“. Но тутъ очевидно искренность и правдивость смѣшивались съ назойливостью, наглостью, грубостью и пошлостью.

Полною свободою человѣкъ можетъ пользоваться лишь тогда, когда онъ становится отвѣтственнымъ за свои поступки, когда онъ самъ добьется самостоятельности или приобрететъ, по крайней мѣрѣ, возможность быть самостоятельнымъ. Дѣти, пользующіяся полною свободою раньше, чѣмъ они приобретутъ самостоятельность, не торопятся потомъ добиваться ея. Да они и не умѣютъ цѣнить свободу, такъ какъ не знаютъ, что такое стѣненіе ея; имъ свобода далась безъ стремленія къ ней, безъ борьбы за нее. При такомъ режимѣ лишь юноши, богато одаренные въ нравственномъ отношеніи, понимаютъ впоследствии, что самостоятельность и свобода призрачны и ничто иное, какъ иллюзіи, пока онѣ дарованы родителями, а не завоеваны путемъ личнаго тяжелаго труда, борьбы съ жизненными препятствіями съ юношескихъ лѣтъ.

Порождало недоразумѣнія, и часто весьма печальнаго характера, и утрированно-деликатное отношеніе родителей къ душевному міру своихъ дѣтей. Прежде родители безцеремонно толкались въ душевные уголки своихъ дѣтей, теперешнимъ родителямъ это казалось неделикатнымъ и стѣсняющимъ свободу дѣтей. Дѣти привыкли съ дѣтства все говорить родителямъ, но когда исполнялось ребенку 12, 13, 14 лѣтъ, родители переставали спрашивать его о томъ, что онъ дѣлалъ у товарища или въ гостяхъ, куда онъ намѣренъ пойти. Это дѣлалось не потому, что родители не интересовались дѣтьми, а по принципу не вмѣшиваться въ интимный міръ ребенка, если онъ самъ того не желаетъ, забывая, что душа ребенка въ такой возрастъ должна быть вполне открытой книгой для родителей. Въместо того, чтобы вѣчно поддерживать полную откровенность своими разспросами, они постепенно переставали это дѣлать, и ребенокъ становился все менѣе откровеннымъ. Многія дѣти упрекали впоследствии своихъ родителей за то, что они мало интересовались ихъ внутреннею жизнью, между тѣмъ такое взаимное недоразумѣніе происходило лишь отъ утрированной деликатности родителей, отъ нежеланія вторгаться въ душевный міръ своихъ подрастающихъ дѣтей.

Не совсѣмъ удобно было для дѣтей и то обстоятельство, что во многихъ семьяхъ старшіе вели разговоры между собою при дѣтяхъ. Дѣти, такимъ образомъ, нахватывали словъ, фразъ и сужденій, не понимая ихъ смысла, или преждевременно начинали понимать то, что должны были узнать гораздо позже. Дѣти должны жить въ сферѣ своихъ дѣтскихъ интересовъ и не привыкать произносить словъ, смысла которыхъ они не вполне понимаютъ.

Утилитарное направленіе 60-хъ гг. отразилось и на воспитаніи: даже тамъ, гдѣ баловали дѣтей, старались ограничить ихъ эстетическія стремленія и склонности. У ребенка склонность къ изящному сказывается въ томъ, что онъ плететъ вѣнки, вяжетъ букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ, долго трудится, чтобы исполнить свою работу покрасивѣе. „Скажи лучше, какъ называется этотъ цвѣтокъ? Посмотримъ его тычинки и пестики, пересчитаемъ лепестки“, — прерываетъ его воспитательница, досадуя, что онъ такъ долго занятъ эстетикой. Дѣвочка проситъ надѣть не то платье, которое приготовили для нея, а другое — голубенькое... свѣтленькое. Если это не

затруднительно, не составляет ни расчета, ни хлопотъ, отчего не исполнить ея желанія? Дѣвочка, всякое желаніе которой выполняють, но систематично преслѣдуютъ лишь ея желаніе перемѣнить что-нибудь въ своемъ туалетѣ,—скоро пойметъ гоненіе, исключительно направленное на наряды. Конечно, въ этомъ отказѣ, кромѣ утилитарнаго направленія, сказывался и страхъ воспитать кокетку. Но кокеткою дѣвушка становится не потому, что въ дѣтствѣ она любила приколотъ цвѣтокъ къ корсажу, одѣть платье того или другого цвѣта, а потому, что у нея въ головѣ ничего нѣтъ, кромѣ тряпокъ, потому что родители преимущественно обращали вниманіе на ея наряды, сосредоточивали на нихъ особенное вниманіе, приучали своего ребенка болѣе всего думать о нихъ, потому, наконецъ, что въ дѣтствѣ у дѣвочки не были развиты ни любознательность, ни интересъ къ знанію, наблюдательность къ явленіямъ жизни и природы.

Искусственное и ненужное преслѣдованіе всякой красивой бездѣлушки, всего изящнаго въ обстановкѣ, невиннаго проявленія того же въ туалетѣ ребенка, слишкомъ узкое примѣненіе въ практической жизни принципа утилитаризма, стѣснявшаго личные вкусы, часто сказывалось впоследствии въ фатоватыхъ вождедѣніяхъ дѣтей, и наперекоръ суровой, монашеской обстановкѣ создавало кокетокъ. Мать запрещаетъ дѣвочкѣ вилести въ косичку красненькую ленточку, которая у нея безъ толку валяется въ комодѣ. Дѣвочка мечтаетъ объ этой ленточкѣ, добываетъ ее, когда матери нѣтъ дома, вертится въ ея отсутствіи передъ зеркаломъ,—тутъ уже не только эстетика и невинное желаніе принарядиться, свойственное женщинѣ, но и прелесть запретнаго плода.

Развитіе эстетическаго чувства не только не слѣдуетъ тормозить, но его необходимо всячески вызывать, такъ какъ оно, возвышая душу человѣка, облагораживаетъ ее. Замѣчено, что у дѣтей чувство красоты и любовь къ музыкѣ проявляются еще въ младенческіе годы. Этими врожденными духовными потребностями натуры слѣдуетъ пользоваться и культивировать ихъ уже потому, что онѣ представляютъ собою въ человѣкѣ гуманный элементъ по преимуществу. Подъ сильнымъ впечатленіемъ какого бы то ни было эстетическаго наслажденія, музыкальнаго, художественнаго или поэтическаго, человѣкъ дѣлается мягче, чувствительнѣе, благороднѣе, добрѣе, легче прощаетъ обиды и оскорбленія, скорѣе дѣлаетъ добро ближнему, становится внимательнѣе къ окружающимъ. Возможно-ли въ нашъ эгоистическій и практический вѣкъ, когда тысячи интеллигентныхъ людей обуреваемы страстью исключительно спекулятивнаго и корыстнаго характера, оставлять втунѣ развитіе въ ребенкѣ эстетическихъ чувствъ, этихъ великихъ рычаговъ нравственнаго усовершенствованія? Пусть душу вашего питомца волнуетъ не предстоящая попойка, не карточный выигрышъ или проигрышъ, не радость удавшейся спекуляціи, а приводитъ въ трепетъ и волненіе благородный восторгъ, когда онъ читаетъ или смотритъ дивное произведеніе поэзіи, искусства, природы. Воспитатели должны помнить, что чѣмъ болѣе возможности будетъ имѣть питомецъ развиты свои духовныя потребности, свои эстетическія чувства, тѣмъ богаче раскроется передъ нимъ источникъ высокихъ, чистыхъ наслажденій, который и будетъ давать ему отдыхъ отъ житейскихъ дрягъ, неудачъ и меркантильныхъ расчетовъ и представить сокровищницу, изъ которой онъ будетъ черпать силы и энергію для тяжелой житейской борьбы, труда и неудачъ. Преступно лишать человѣка такого великаго, прирожденнаго каждому дара, который даетъ возможность не совсѣмъ погрязнуть въ житейской тинѣ нашей будничной, пошлой дѣйствительности.

И такъ, храни васъ Богъ, воспитатель, тормозить эстетическое развитіе ре-

бенка: напротивъ, давайте ему возможность, какъ можно чаще прислушиваться къ задушевной русской пѣснѣ, обратите его вниманіе и на хорошо исполненную музыкальную пьесу, сами, если возможно, пойте съ нимъ, давайте возможность слушать музыку, сплетайте съ нимъ вѣнки, вяжите букеты, читайте поэтическія произведенія, доступныя его возрасту, постарайтесь вызвать въ немъ, какъ можно раньше, способность наслаждаться музыкальностью стиха, прелестью картинъ великихъ художниковъ и не пропускайте случая обращать вниманіе ребенка на природу, на прекрасный пейзажъ.

Эстетическое чувство легче и свободнѣе всего развивается при двухъ условіяхъ: когда ребенку *даютъ возможность хорошо и много видѣть и наблюдать*—растенія, животныхъ, картины природы и ея явленія, однимъ словомъ, когда въ ребенкѣ развиваютъ правильную наблюдательность и любознательность, вкладываютъ въ его душу живой интересъ къ окружающему,—это болѣе всего содѣйствуетъ развитію эстетическихъ чувствъ, заложенныхъ уже природою въ душу ребенка.

Также не педагогично было и то, что въ семьяхъ людей 60-хъ гг. передъ дѣтми съ предвзятою цѣлью дѣлали хозяйственныя выкладки и расчеты. Прежнее барское мотовство и швыряніе денегъ попусту заставляло многихъ кончать сдѣлками съ совѣстью, терять честь и совѣсть, и вотъ это такъ пугало воспитателей того времени, что нѣкоторые изъ нихъ заставляли своихъ дѣтей беречь маленькіе денежные подарки, а между тѣмъ въ нравственномъ отношеніи опасно приучать дѣтей копить деньги, останавливать ихъ вниманіе на коммерческихъ соображеніяхъ,—это рано засушиваетъ сердце ребенка въ скаредныхъ расчетахъ.

Что касается умственнаго развитія дѣтей, то въ 60-хъ гг. въ интеллигентныхъ семьяхъ на него впервые обратили разумное вниманіе. Механическое заучиваніе никого болѣе не удовлетворяло. Кромѣ формальнаго образованія, получаемого въ заведеніяхъ, теперь находили нужнымъ расширять кругъ знаній учащихся и развивать живой интересъ къ нимъ, пробуждать наблюдательность, любознательность и любовь къ чтенію, положить прочную основу для высшихъ человѣческихъ стремленій. Мало того, въ 60-хъ гг. впервые была признана необходимость начинать умственное развитіе дѣтей дошкольнаго возраста, такъ какъ интересъ ребенка къ природѣ и разнообразнымъ ея явленіямъ, если онъ не пробужденъ раньше, въ школьномъ возрастѣ уже слабѣетъ. Теперь, гуляя съ дѣтми, воспитатели обращали ихъ вниманіе на окружающую природу, на деревья и цвѣты, сѣяли для нихъ въ грядкахъ и горшкахъ сѣмена и заставляли наблюдать ростъ растеній, отыскивали вмѣстѣ съ ними насѣкомыхъ, воспитывали звѣрьковъ и птицъ, читали популярныя рассказы, сообщали и разъясняли элементарныя свѣдѣнія по различнымъ предметамъ, преимущественно по зоологіи и ботаникѣ. Не забыть былъ чловѣкъ и его дѣятельность: дѣтей водили по болѣе или менѣе доступнымъ для нихъ мастерскимъ и заводамъ. Сообразительность и находчивость развивали преимущественно незамысловатыми ариметическими задачами въ умѣ надъ предметами изъ обыденной жизни. Ошибки, увлеченія и утрировка были и тутъ, но въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣло было поставлено весьма недурно: дѣти дѣйствительно выходили въ высшей степени умственно развитыми, особенно сравнительно съ воспитаніемъ до-освободительнаго періода, съ разумно направленной любознательностью и наблюдательностью, съ живымъ интересомъ къ окружающей природѣ. Нечего и говорить, что тамъ, гдѣ воспитателями являлись люди ограниченные и невѣжественные, или тамъ, гдѣ такая программа развитія была поставлена слишкомъ формально, болѣе для моды и выставки, умственное развитіе не шло въ прокъ,—но отъ неудачъ та-

кого рода никакое время, никакіе методы не застрахованы. Тѣмъ не менѣе и въ умственномъ развитіи дѣтей шестидесятыхъ годовъ были большіе промахи.

Въ дореформенное время всѣ знанія усваивались исключительно памятью, только одну ее и развивали. Въ 60-хъ гг. XIX ст. совсѣмъ забросили ее развитіе и старались лишь о томъ, чтобы ребенокъ понималъ прочитанное или рассказанное ему. „Только бы не зубрежка, не бессмысленная долбня“, слышалось отовсюду, и нѣкоторые воспитатели доводили это стремленіе до абсурда. Чтобы не обременять памяти при объясненіи того или другого явленія и даже научнаго предмета, довольствовались тѣмъ, когда въ отвѣтъ воспитанника видѣли хотя приблизительное пониманіе, приблизительное знаніе. Нѣкоторые учителя исторіи стали смотрѣть сквозь пальцы, когда ученикъ, рассказывая о самомъ крупнѣйшемъ историческомъ событіи, не умѣлъ назвать года, а указывалъ лишь столѣтіе; вообще воспитатели перестали требовать отъ учениковъ точнаго знанія фактовъ, именъ и времени событій, географическихъ названій, точныхъ опредѣленій, окрещивая все это названіемъ „номенклатуры“. Маленькимъ дѣтямъ перестали задавать учить басни и стихи, вообще старались избѣгать заучиванія наизусть чего бы то ни было. Такимъ образомъ боязнь сдѣлать изъ дѣтей „зубрилъ“ заставила педагоговъ того времени перебраться въ другую крайность, и въ результатѣ получилось то, что совсѣмъ заброшено было упражненіе памяти, которое имѣетъ такое громадное, благотворное вліяніе на умственное и нравственное воспитаніе дѣтей.

Скоро многіе стали вполне ясно сознавать вредъ подобныхъ нововведеній въ обученіи, но какъ помочь горю, какъ поставить воспитаніе и обученіе на надлежащую дорогу, когда у новыхъ педагоговъ не было никакой подготовки, когда педагогическіе методы совсѣмъ не были разработаны? Заимствовать педагогическій опытъ у предшественниковъ было немислимо по той простой причинѣ, что его, какъ извѣстно читателямъ, не существовало. Между тѣмъ вопросы воспитанія и обученія въ западной Европѣ уже давно прилежно разрабатывались. Не мало было тамъ и педагоговъ, имена которыхъ приобрѣли всемірную извѣстность. И вотъ русскіе воспитатели начали все заимствовать у иностранцевъ, преимущественно у нѣмцевъ.

Эти заимствованія шли въ неимоверно широкихъ размѣрахъ, какъ въ 60-хъ гг., такъ и въ слѣдующемъ десятилѣтіи: у нѣмцевъ заимствовали не только основныя методы, но приемы и манеру преподаванія вплоть до самыхъ деталей, стараясь какъ можно основательнѣе проникнуться духомъ, характеромъ и всѣмъ міросозерцаніемъ нѣмцевъ. Не мало русскихъ людей того времени, желая посвятить себя воспитанію, прежде всего отправлялись въ Германію изучать преподаваніе на мѣстѣ. Для этой цѣли они посѣщали нѣмецкіе университеты, среднія и высшія учебныя заведенія и дѣтскіе сады, изучали теорію нѣмецкой педагогики на ея родинѣ. Возвращаясь домой въ Россію, такіе педагоги употребляли всѣ усилія, чтобы водворить и насадить у насъ нѣмецкую педагогію всюду, какъ при домашнемъ воспитаніи, такъ и при обученіи въ школахъ. На всякій самостоятельный приемъ въ преподаваніи, на малѣйшее отступленіе въ воспитаніи отъ нѣмецкой системы они стали смотрѣть какъ на святотатство.

Эти заимствованія у нѣмцевъ, доведенныя до нелѣпости, узкая, односторонняя подражательность и копированіе особенно печально сказались въ воспитаніи маленькихъ дѣтей. Въмѣсто того, чтобы воспитаніе строить на чисто русскомъ фундаментѣ, т.-е. на народной рѣчи, на народныхъ пѣсняхъ, загадкахъ, пословицахъ, сказкахъ, играхъ, въ дѣтскихъ садахъ и семействахъ, гдѣ примѣнялась система Фребеля, стали распѣвать сентиментальныя нѣмецкія пѣсни, да еще вдобавокъ плохо переведенныя,

въ родѣ: „Ахъ, лягушечка, моя душечка!“ Не менѣе нелѣпо и также мало свойственно было русскому характеру и то, что педагоги начали требовать объясненія того, что было понятно само собой и что русскаго ребенка лишь сбивало съ толку, въ родѣ вопросовъ: что такое стулъ, столъ, доска, да еще въ то время, когда эти предметы находились передъ глазами. Нужно замѣтить, что вообще педантичное примѣненіе метода, какъ бы онъ ни былъ прекрасенъ, всегда нелѣпо, такъ какъ при воспитаніи и обученіи требуется принимать въ соображеніе индивидуальныя свойства воспитываемаго; тѣмъ болѣе это необходимо, когда примѣняешь методъ, изобрѣтенный нѣмецкимъ педагогомъ, созданный для народа, чуждаго русскому по своему темпераменту, индивидуальнымъ свойствамъ и культурѣ. Вотъ потому-то и не вполне успѣшныя результаты преподаванія по тому или другому методу еще не говорятъ о томъ, что методъ дуренъ; онъ можетъ быть и прекрасенъ, но примѣненъ безтолково или черезчуръ педантично. Если по тому или другому предмету вы находите методъ, прекрасно выработанный въ Германіи, вы должны прежде всего вникнуть въ основныя его принципы и примѣнять его къ русскимъ дѣтямъ сообразно съ характеромъ воспитываемаго и съ духомъ своего народа.

Во избѣжаніе недоразумѣнія считаю долгомъ повторить: заимствованіе у иностранныхъ педагоговъ не только въ то время, когда у насъ совсѣмъ не были разработаны педагогическія вопросы, но и теперь, вовсе не преступленіе. Педагогика почерпаетъ свои основы изъ различныхъ наукъ, преимущественно изъ психологіи и физиологіи, слѣдовательно, основныя начала воспитанія должны быть общими для всѣхъ народовъ. Отчего же не заимствовать и не брать хорошаго тамъ, гдѣ оно есть, но дѣло въ томъ, что все заимствованное должно быть переработано сообразно съ духомъ времени и народнымъ характеромъ. Зачѣмъ намъ брать, напримѣръ, плохія нѣмецкія пѣсни и давать ихъ въ еще болѣе плохихъ переводахъ, когда у насъ самихъ есть превосходныя народныя пѣсни, когда у дѣтей въ первомъ возрастѣ прежде всего необходимо развивать русскую рѣчь и обогащать ее характерными народными оборотами.

Однако шероховатости, уродливости и излишество подражанія нѣмцамъ скоро стали сильно бросаться въ глаза каждому, и ихъ начали остроумно высмѣивать. Но въ эпоху нашего возрожденія, когда одно страстное увлеченіе смѣнялось другимъ, когда всѣ жили лихорадочною жизнью и торопились жить, за шумомъ язвительныхъ насмѣшекъ, направленныхъ по адресу одностороннихъ педагоговъ, стали высмѣивать все нѣмецкое, забывая тѣ величайшія услуги, которыя оказала намъ нѣмецкая педагогія. Извѣстный педагогъ П. О. Каптеревъ превосходно охарактеризовалъ ту громадную пользу, которую принесло намъ въ то время изученіе нѣмецкой педагогіи: „Она познакомила насъ со всѣми результатами западно-европейскихъ педагогическихъ работъ. Безъ такого знакомства собственная педагогія развиваться не могла. На почвѣ данныхъ нѣмецкой педагогіи мы могли идти дальше и строить свою педагогію... Если мы будемъ разсматривать нынѣшнюю постановку у насъ учебнаго дѣла, нынѣшнія методики, дидактики, современные приемы обученія и пособія, то должны будемъ признать, что всѣ они имѣютъ свой корень въ заимствованіяхъ у нѣмцевъ... Благодаря нѣмецкой педагогіи, школьное дѣло у насъ совершенно перестроилось. Старинное продолжительное и безтолковое ученье грамотѣ, счету, письму исчезло и замѣнилось толковымъ и быстрымъ; прежняя суровая дисциплина потеряла свою суровость и сдѣлалась сравнительно мягкой; даже средняя школа, наинѣе подавлявшаяся новшествами, и та испытала на себѣ благодѣтельное вліяніе увлеченія нѣмецкою педагогіею. Слѣдовательно, послѣдняя, какъ-никакъ, а сослужила хорошую

службу русской педагогии и русскому просвѣщенію“ („Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели“, 1898 г.).

Вмѣстѣ съ критическимъ отношеніемъ къ заимствованіямъ у иностранцевъ, въ 60-хъ гг. начали указывать все настоятельнѣе на необходимость серьезнаго и всесторонняго изученія родной рѣчи. Это было огромною заслугою педагоговъ того времени. Въ доосвободительный періодъ наиболѣе образованная часть русскаго общества разговаривала между собой обыкновенно на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ родители старались дать своимъ дѣтямъ наилучшее образованіе, они заставляли ихъ изучать наибольшее количество иностранныхъ языковъ. Дѣло доходило до того, что многіе не только плохо говорили на русскомъ языкѣ, но часто и не понимали его. Это происходило отъ того, что изученіе иностранныхъ языковъ начиналось съ самаго ранняго возраста, обыкновенно съ года или двухъ, когда ребенокъ только начиналъ лепетать, и многіе родители старались, чтобы ихъ дѣти сразу заговорили на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Вообще знаніе русскаго языка въ среднемъ, и особенно въ высшемъ классѣ общества было изъ рукъ вонъ плохо. Естественно, что въ эпоху возрожденія многіе жестоко нападали на предпочтеніе иностранныхъ языковъ своему родному. Не мало писали и толковали тогда и противъ изученія *сразу* нѣсколькихъ языковъ, указывая, что при этомъ обыкновенно выходитъ то, что дѣти не умѣютъ говорить порядочно ни на одномъ языкѣ. Горячая защита родного языка, который былъ въ загонѣ, была своевременна и крайне необходима, какъ и выясненіе вредныхъ послѣдствій для умственнаго развитія дѣтей отъ безтолковаго обычая обучать нѣсколькимъ языкамъ *сразу*. Къ сожалѣнію, нѣкоторые воспитатели крайне нелѣпо поняли эту мысль: они вовсе выкинули изъ программы воспитанія своихъ дѣтей изученіе иностранныхъ языковъ, что сказалось крупными и печальными пробѣлами въ умственномъ развитіи молодыхъ людей обоаго пола. Но о прекращеніи въ 60-хъ гг. изученія иностранныхъ языковъ я заговорила преимущественно для того, чтобы указать, что это тоже лишало гимнастики дѣтскую память. Въ концѣ концовъ выходило такъ, что память дѣтей въ эпоху 60-хъ гг. упражняли слишкомъ мало, что было весьма крупною ошибкою, такъ какъ развитіе и упражненіе памяти имѣетъ громадное значеніе. Во всѣхъ возрастахъ жизни—въ дѣтскомъ, въ школьномъ и зрѣломъ хорошая память даетъ себя чувствовать въ высшей степени благотворно, и значеніе ея велико, какъ въ сферѣ практической, такъ и въ нравственной, а также и во всѣхъ областяхъ умственной дѣятельности. Но о значеніи памяти мы подробно говоримъ далѣе.

Другимъ, болѣе или менѣе общимъ недостаткомъ воспитанія эпохи 60-хъ гг. было то, что при умственномъ развитіи дѣтей совсѣмъ старались изгонять изъ употребленія сказки. Прежде сказки служили у насъ единственнымъ воспитательнымъ элементомъ, и ихъ давали дѣтямъ безъ всякаго разбора. Теперь изъ боязни пугать дѣтей чертовщиною, мертвецами, вѣдьмами, чтобы въ конецъ уничтожить въ нихъ всякую тѣнь суевѣрнаго страха передъ силами природы, сказки изгоняли изъ употребленія безъ всякаго милосердія. Между тѣмъ, если воспитатель сумѣетъ сдѣлать надлежащій выборъ изъ огромнаго запаса русскихъ народныхъ сказокъ, онѣ могутъ имѣть могущественное воспитательное значеніе для развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ ребенка. Значенію сказокъ и тому, какой выборъ слѣдуетъ дѣлать изъ нихъ, мы ниже посвящаемъ отдѣльный очеркъ.

Но всего болѣе заслуживало порицанія въ воспитаніи 60-хъ гг. то, что бесѣду съ дѣтьми и ихъ наблюдательность слишкомъ преждевременно направляли на мысли, факты и явленія черезчуръ грустнаго, мрачнаго, тяжелаго характера. Пре-

подаваніе исторіи и литературы не должно, конечно, страдать односторонностью: ученики, чтобы имѣть всестороннее представленіе о бытѣ народа и явленіяхъ жизни, должны знать какъ свѣтлыя, такъ и мрачныя стороны изображаемаго. Но я говорю о дѣтяхъ дошкольнаго возраста, которыя не доросли еще до изученія научныхъ предметовъ, а получаютъ разъясненіе явленій природы и жизни въ элементарной, популярной формѣ. И такимъ-то дѣтямъ, еще не достигшимъ школьнаго возраста, воспитатели описываемой эпохи иногда давали читать рассказы слишкомъ грустнаго, мрачнаго характера, наводили ихъ на наблюденія, производившія на душу ребенка слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, преждевременно давали понятіе объ удручающей тяжести бѣдности, о горѣ и гнетѣ, испытываемыхъ народомъ. Отчасти это происходило оттого, что воспитаніе шло рука объ руку съ протестомъ противъ прежнихъ порядковъ, съ другой стороны оттого, что дореформенное преподаваніе носило исключительно оптимистическій характеръ, старалось убѣдить, „что все идетъ къ лучшему въ семь наилучшемъ изъ міровъ“. Люди 60-хъ гг., понимая ложь, фальшь, вредъ и односторонность такого преподаванія, перегнули въ другую сторону. Какъ бы то ни было, но на ребенка такое преподаваніе, гдѣ оно существовало, оказывало весьма вредное вліяніе. Нервный и воспріимчивый, онъ живо проникался духомъ такого направленія, и были случаи, что слишкомъ непосильный грузъ просто мѣшалъ ребенку жить и правильно развиваться физически. Ребенокъ не могъ ничѣмъ любоваться, не любилъ забавляться игрушками, ни на что не радовался, вездѣ видѣлъ людское горе и слезы, и все это отравляло его дѣтское существованіе. Если такой ребенокъ выживалъ, онъ оставался нервнымъ на всю жизнь, болѣзненнымъ, хилымъ и неспособнымъ дѣйствовать тогда, когда онъ долженъ былъ уже дѣйствовать. Будучи взрослымъ, онъ только скорбѣлъ, страдалъ, но игралъ въ жизни лишь пассивную роль. У нѣкоторыхъ дѣтей этой категоріи скорбь и меланхолія проходили съ лѣтами, но нервность и слабость воли давали себя чувствовать очень долго.

Воспитаніе несомнѣнно должно имѣть въ виду знакомство воспитываемаго съ народомъ, оно должно пріучить его интересоваться имъ очень рано, должно показать ему, что, несмотря на его тяжелый трудъ, безграмотность и нерѣдко полное невѣжество, онъ не лишень ни благородства, ни гуманности, ни ума, ни оригинальности. Но многіе воспитатели 60-хъ гг. не ограничивались поощреніемъ питомца къ знакомству съ трудящимся людомъ, но и приподносили ему выводы, къ которымъ онъ долженъ былъ придти лишь самостоятельно и притомъ несравненно позже, — такимъ образомъ дѣти 60-хъ гг. слишкомъ много пользовались чужими выводами, чужимъ трудомъ.

Всѣ эти погрѣшности въ воспитаніи тамъ, гдѣ онѣ давали себя чувствовать въ большей или меньшей степени, происходили какъ вслѣдствіе отсутствія педагогической опытности, такъ и оттого, что идеи свободы, равенства, гуманности, справедливости впервые примѣнялись на практикѣ, а у громаднаго большинства и впервые возникли въ головѣ. И будущіе педагоги должны положить въ основу воспитанія тѣ же принципы, но въ примѣненіи ихъ на практикѣ избѣгать крайностей, утрировки, односторонности и преувеличеній. Нужно помнить, что воспитателямъ 60-хъ гг. приходилось постоянно бороться противъ растлѣвающего вліянія принципа слѣпонаго послушанія и подчиненія всеильному авторитету родительской власти, что вслѣдствіе этого они перегнули въ другую сторону, но что и при теперешнемъ воспитаніи нужно имѣть это въ виду, такъ какъ этотъ принципъ испоконъ вѣка былъ привитъ къ нашимъ нравамъ и далеко не совсѣмъ исчезъ и въ настоящее время. Педагоги должны преслѣдовать произволъ и своеволіе дѣтей, но точно также

твердо помнить, какой тяжкій вредъ приноситъ дѣтямъ требованіе слѣпое подчиненія, лишеніе возможности самостоятельно высказывать свои взгляды и мысли. Такое воспитаніе не можетъ создать людей съ самостоятельной мыслію и волею, не можетъ выработать борцовъ за правду и идеалы. Изъ ребенка, которому всю жизнь внушаютъ, что онъ самъ по себѣ ничто, что онъ не долженъ разсуждать, а обязанъ только подчиняться и повиноваться, выйдетъ угнетатель или человѣкъ совершенно забитый, приниженный и угодливый лакей.

Но каковы бы ни были ошибки, крайности, увлеченія, эпоха 60-хъ годовъ XIX столѣтія оставила глубокой слѣдъ въ русской жизни и внесла, какъ въ воспитаніе, такъ и во многія сферы общественной дѣятельности, новые принципы и воззрѣнія. Идеи того времени, распространенныя въ огромномъ кругу интеллигентнаго общества, едѣлали невозможнымъ возвратъ къ домостроевскимъ традиціямъ, какъ въ сферѣ воспитанія, такъ и въ другихъ областяхъ жизни и дѣятельности, къ рабству мысли, гнету и униженію человѣческаго достоинства, господствовавшимъ у насъ въ дореформенный періодъ. Людей 60-хъ гг. болѣе всего обвиняли за крайности и увлеченія, но всякое новое дѣло сопряжено съ ними и никогда не обходится безъ крупныхъ ошибокъ и промаховъ, — тѣмъ болѣе извинительны были они въ дѣлѣ столь новомъ и сложномъ, какъ воспитаніе, если принять еще въ разсчетъ то обстоятельство, что при этомъ невозможно было пользоваться педагогическимъ опытомъ предшественниковъ. Что же касается крайностей, то въ нихъ подчасъ дѣйствительно было много комизма, но не было ни стыда, ни позора, — напротивъ, люди того времени могутъ гордиться очень многимъ. Прежде большинству образованныхъ людей была доступна лишь сфера мелкихъ личныхъ чувствѣй, пошлыхъ интересовъ, были близки сердцу лишь своя карьера и карманъ; средствами къ достиженію личныхъ цѣлей служили низкопоклонство, взяточничество и интриги. Теперь, во имя общественаго блага, отказывались отъ личнаго счастья, отъ житейскаго комфорта, выдвигая на первый планъ общественную пользу. И этихъ людей клеймили кличками нигилистовъ, отрицателей и протестантовъ! Старое поколѣніе, косо смотрѣвшее на новое, говорило, что нигилистами оно называетъ ихъ потому, что они ничего не признаютъ, ничего не уважаютъ. Въ романѣ Тургенева „Отцы и дѣти“, гдѣ впервые появилась эта кличка, молодой человѣкъ характеризуетъ нигилиста, какъ человѣка, „который ко всему относится съ критической точки зрѣнія... „Это человѣкъ“, говоритъ онъ, „который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ“. Люди того времени гораздо болѣе вѣрили, чѣмъ отрицали, но имъ, конечно, приходилось и отрицать многое, такъ какъ прежнее время выдвинуло передъ ними цѣлую армію хищниковъ, стяжателей, самодуровъ, взяточниковъ и угнетателей. Молодое поколѣніе съ презрѣніемъ отодвинулось отъ нихъ и твердо вѣрило, что оно своими силами можетъ пробудить общественную совѣсть, можетъ создать культурное общество, широкой волной разольетъ просвѣщеніе даже въ темномъ царствѣ народа. Это было, конечно, весьма наивно, но тогда такъ дѣтски, такъ хорошо вѣрилось и казалось, что достаточно этого страстно желать, достаточно интеллигентной молодежи работать для этого, не покладая рукъ, достаточно не бояться жертвъ, — и въ близкомъ будущемъ водворятся на землѣ свобода, братство, равенство, справедливость, всеобщее счастье! Боже мой! Сколько во имя этихъ стремленій было принесено жертвъ, сколько загублено молодыхъ жизней, сколько пало въ непосильной борьбѣ съ тяжелымъ трудомъ и лишеніями, сколько выказано было истиннаго мужества, геройства, состраданія, участія и любви къ ближнему!

И прежде были люди самоотверженные, но лишь эпоха 60-хъ гг. создала цѣлую армію борцовъ за общественное дѣло и правду, героевъ, часто незамѣтныхъ и также незамѣтно погибавшихъ въ своихъ жалкихъ конурахъ. Эта армія героевъ своею численностью все же была ничтожна сравнительно съ несмѣтнымъ полчищемъ людей, погруженныхъ въ невѣжество и апатію. Побѣда оказалась не на сторонѣ мечтателей, но честныя идеи, которымъ они служили, во имя которыхъ они принесли въ жертву свою жизнь и личное счастье, останутся навсегда достояніемъ лучшей части общества.

Возвратимся къ крайностямъ 60-хъ гг. Формалисты существуютъ не только среди чиновниковъ, но бываютъ и формалисты идеи; ихъ было немало во всѣ времена, не лишена была ихъ и эпоха шестидесятыхъ годовъ. Мы знаемъ уже, что новое движеніе охватило огромный классъ бѣдняковъ. Неустанный трудъ и жертвы были не каждому по плечу. А между тѣмъ не хотѣлось отставать отъ вѣска, отъ товарищей, и вотъ такіе-то люди и довольствовались лишь вывѣской, облекшись въ мундиръ нигилизма. Многие изъ нихъ, часто даже безъ особенной крайности, неряшливо одѣвались, навязчиво и фамиллярно упрекая въ отсталости и ретроградствѣ всѣхъ, кто былъ одѣтъ лучше ихъ. Между ними много было тупоголовыхъ, но еще больше сознательно злостныхъ формалистовъ идеи, такъ сказать, „червоныхъ валетовъ нигилизма“, прикрывавшихъ мундиромъ нигилизма свои пошлыя вожделѣнія. Когда началась реакція, они немедленно преобразились въ щеголей, въ искателей теплыхъ мѣстечекъ, и ихъ насмѣшки надъ крайностями людей 60-хъ гг. раздавались безцеремоннѣй и громче другихъ. Настоящіе же труженики и искренніе послѣдователи идей 60-хъ гг., если не надломили силъ въ непосильной борьбѣ, сохранивъ, отгинули крайности и наивныя ожиданія; въ послѣдующій періодъ они остались наиболѣе принципіальными, убѣжденными и чуткими общественными дѣятелями.

Въ концѣ 60-хъ годовъ лихорадочная умственная жизнь и энергичная дѣятельность общества, послѣ необыкновеннаго подъема и напряженія, начинаютъ слабѣть и, наконецъ, во всѣхъ сферахъ жизни наступаетъ затишье. Между тѣмъ идеи 60-хъ годовъ, внесенныя въ общественное сознаніе, требовали дальнѣйшей ихъ разработки, но теперь, послѣ перваго напряженія, громадное большинство охватила непроходимая апатія, равнодушіе и усталость.

Еще не пришло время дать характеристику современнаго воспитанія, и потому мы ограничимся лишь тѣмъ, что укажемъ на то направленіе, которое оно приняло. Въ концѣ 60-хъ гг. въ воспитаніи, какъ и въ другихъ областяхъ общественной дѣятельности, наступила реакція. Въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX-го ст. матери, за небольшими исключеніями, постепенно забрасываютъ теоретическую подготовку къ педагогической дѣятельности. Читатели уже знаютъ, что въ предыдущій періодъ, т. е. въ 60-е гг. въ каждой семьѣ средняго круга женщина, готовящаяся быть матерью, считала своею священною обязанностью проштудировать по гигиенѣ, физическому уходу за дѣтьми и по педагогикѣ все, что существовало мало-мальски доступнаго ея пониманію. Въ послѣдующій періодъ русской жизни женщины начали стремиться къ высшему образованію, къ серьезному изученію общественныхъ наукъ, но болѣе специальная подготовка къ обязанностямъ матери была оставлена. Вѣроятно, потому-то эти матери, хотя и были болѣе образованными, чѣмъ въ эпоху 60-хъ годовъ, но менѣе послѣднихъ обращали вниманіе на разумное умственное воспитаніе своихъ дѣтей. Все чаще стали онѣ указывать на преждевременное развитіе дѣтей въ періодъ 60-хъ годовъ, на ихъ переутомленіе въ то время. Въмѣсто того,

чтобы имѣть это въ виду и избѣгать переутомленія, дѣтей совсѣмъ перестали развивать умственно: несравненно рѣже, чѣмъ въ эпоху 60-хъ гг. находили нужнымъ въ дошкольный періодъ пробуждать въ дѣтяхъ надлежащую любознательность къ окружающей природѣ и жизни,—и это весьма печально.

Какъ бы то ни было, но поворотъ къ старому въ нравственномъ воспитаніи оказался невозможнымъ уже потому, что крѣпостничество пало. Что же касается перехода къ прежнему режиму въ физическомъ воспитаніи дѣтей, онъ тоже болѣе немислимъ: нѣкоторые гигиеническія понятія, распространенныя въ 60-хъ годахъ, проникли уже въ общественное сознаніе. Но холя дѣтей, ихъ баловство и преклоненіе передъ ихъ покоемъ теперь еще усилились сравнительно съ воспитаніемъ 60-хъ гг. Я уже достаточно говорила о томъ, насколько это было не рационально и вело къ печальнымъ результатамъ, но тогда все это хотя сколько-нибудь умѣрялось и уравновѣшивалось умственнымъ развитіемъ дѣтей и возбужденіемъ въ нихъ гуманныхъ чувствъ. Во всякомъ случаѣ изъ воспитанія 60-хъ годовъ заимствована и вполнѣ утвердилась въ общемъ сознаніи мысль о необходимости признанія личности ребенка, а также его правильнаго физическаго развитія, но послѣднее непомѣрно утрировано и вырождается въ барскую холю.

Сознаніе, что матери должны отдаваться дѣтямъ, существуетъ издавна, но у весьма многихъ матерей конца 70-хъ и 80-хъ годовъ оно выражалось весьма своеобразно; любящая мать, по ихъ мнѣнію, обязана изолировать себя отъ общества, отъ его интересовъ и жизни, не должна имѣть никакой общественной или самостоятельной дѣятельности, если къ этому не понуждаетъ ее крайняя матеріальная нужда. Всю свою жизнь она посвящала исключительно тому, чтобы слѣдить за физическимъ воспитаніемъ своего дитяти, чтобы въ этомъ отношеніи ему не было нанесено ни малѣйшаго ущерба. Она обязана была ни на минуту не оставлять ребенка на рукахъ прислуги, должна непремѣнно весь день сама его нянчить, одѣвать, носить на рукахъ, гулять съ нимъ, укладывать спать. Современные дѣвушки добывались въ то время высшаго образованія, самостоятельнаго заработка, самостоятельной общественной дѣятельности, но, сдѣлавшись матерями, онѣ, въ большинствѣ случаевъ, считали необходимымъ придерживаться вышеозначенной программы, т.-е. изолировать себя отъ общества и покончить съ своимъ самообразованіемъ. Такимъ образомъ матери, исключительно занятія внѣшнимъ уходомъ за ребенкомъ, сводили все свои сложныя обязанности лишь къ тому, чтобы безотлучно находиться при немъ. Все это заставляло ихъ менѣе и менѣе интересоваться обществомъ, все болѣе развивало въ нихъ индифферентизмъ къ чтенію и къ педагогическимъ вопросамъ, все болѣе притупляло ихъ умственные способности, суживало общественные, нравственные и эстетическіе интересы. Такія матери, естественно, не могутъ быть полезными руководительницами своихъ дѣтей ни въ раннемъ, ни въ болѣе позднемъ возрастѣ. Хотя онѣ придавали громадное значеніе физическому развитію дѣтей (мы узнаемъ ниже, что вполнѣ правильное физическое развитіе немислимо безъ умственнаго) и во имя этого приносили въ жертву свои общественные интересы, но невозможно вполнѣ логично провести въ жизнь означенную программу. Мать считаетъ необходимымъ исключительно сама, безъ помощи няни, нянчить ребенка. Однако, болѣзнь, хозяйство, семейныя обязанности, различныя обстоятельства, однимъ словомъ, то одно, то другое вынуждаетъ ее отъ времени до времени отлучаться изъ дому. Наконецъ, какъ бы искренно ни отдавалась мать своему дитяти, какъ бы ни были скромны ея потребности къ развлеченіямъ, хотя бы онѣ были доведены до минимума, молодая натура возьметъ свое, все же она, хотя изрѣдка, почувствуетъ

непреодолимую потребность видѣть людей, поговорить, послушать музыку. Она уходитъ изъ дому и передаетъ ребенка на руки не своей прямой помощницѣ—нянѣ, которую она постепенно готовила къ выполнению этихъ обязанностей, а кому пошло, слѣдовательно, невѣдо на руки особы, совершенно неопытной въ подобныхъ дѣлахъ.

И что за странное понятіе о материнскихъ обязанностяхъ! Отдаться всею душою воспитанію своего дитяти—священная обязанность матери, но это вовсе не связано съ необходимостью вытравить въ себѣ всѣ человѣческія и общественныя потребности ума и сердца, всѣ эстетическія стремленія. Женщина, которая подавить или не будетъ развивать въ себѣ стремленіе къ саморазвитію и къ самообразованію, убьетъ интересъ къ чтенію, дойдетъ до индифферентизма къ общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ,—не можетъ быть настоящею матерью, истинною руководительницею своихъ дѣтей. Какъ необходимо матери постоянно идти впередъ въ своемъ умственномъ развитіи, насколько важное значеніе имѣеть для нея серьезное педагогическое образованіе, это она сама пойметъ (если не совѣмъ отупѣетъ, придерживаясь начертанной программы), когда дѣти выростутъ и начнутъ требовать не конфетъ и игрушекъ, а объясненія и активной помощи въ сложныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Мало того, вслѣдствіе умственного убожества матери дѣти постепенно начнутъ ускользать изъ-подъ ея вліянія, и разнь между ними будетъ расти съ каждымъ днемъ. Ея затруднительное положеніе можетъ обнаружиться и раньше, если дѣти какъ-нибудь помимо ея вліянія получатъ толчекъ къ развитію, а у нея не хватитъ умѣнья занять и заинтересовать ихъ чѣмъ-нибудь путнымъ. А что, если эта отставшая отъ умственныхъ интересовъ мать, пріучивъ себя, какъ насѣдка, лишь присматривать за дѣтьми и питать ихъ исключительно тѣмъ, что заработалъ мужъ, вдругъ вынуждена будетъ обстоятельствами самостоятельно зарабатывать существованіе своей семьи и при этомъ одна останется ея руководительницею, наставницею и учительницею? Къ тому же, нужно замѣтить, если мать не съумѣетъ устроить такъ своей семейной жизни, что она и на нѣсколько часовъ въ недѣлю не можетъ отлучиться отъ дѣтей безъ страха за ихъ жизнь и нравственность, ея положеніе во всякомъ случаѣ безвыходно: когда обстоятельства вынудятъ ее отлучиться, дѣти натерпятся безъ нея разныхъ невзгодъ и вдобавокъ къ этому, вытравляя въ себѣ всѣ человѣческія стремленія, она сама подъ конецъ отупѣетъ и не съумѣетъ дать надлежащаго умственного развитія своимъ дѣтямъ.

Если въ эпоху 60-хъ гг. дѣтямъ слишкомъ преждевременно давали понятіе о бѣдности и несчастіяхъ простаго люда, если въ то время въ иныхъ семьяхъ и перетомляли дѣтскій мозгъ непосильнымъ умственнымъ багажемъ, то современное воспитаніе, избравъ діаметрально противоположныя пути, достигнетъ и діаметрально противоположныхъ результатовъ. Изолируя дѣтей отъ сверстниковъ, если они не той же среды, не имѣютъ такого же матеріальнаго достатка, опасаясь омрачить дѣтскіе годы грустными мыслями, въ нихъ не развиваютъ ни чувства состраданія, ни сожалѣнія, ни сочувствія къ ближнему. Послѣднее обыкновенно вовсе не дѣлается преднамѣренно: знакомство между сверстниками одинаковаго положенія и достатка не всегда возможно, и маленькій ребенокъ часто остается вовсе безъ товарищей своихъ лѣтъ, что весьма вредно отражается на развитіи въ немъ альтруистическихъ склонностей. Къ тому же, не давая ребенку ни малѣйшаго представленія о бѣдности и несчастіи, легко воспитать крайняго индифферентиста и деревяннаго истукана. Къ счастью, это невозможно потому, что немыслимо провести логично въ жизни ребенка вышеозначенную программу. Но такое направленіе въ воспитаніи несомнѣнно можетъ внести

не мало черствости и деревянности въ душу дѣтей. Современныя матери забываютъ, что, воспитывая ребенка съ людьми, при всемъ стараніи, невозможно совершенно оградить его отъ различныхъ вліяній, и потому цѣлесообразнѣе исподволь подготовить его къ воспріятію ихъ. Если ребенокъ не воспитывается въ искусственной атмосферѣ, онъ совершенно случайно можетъ узнать то, что отъ него такъ тщательно скрывали, и его мысль начнетъ работать въ совершенно новомъ для него направленіи, обыкновенно искажая факты и уже вслѣдствіе этого приходя къ невѣрнымъ выводамъ. „Пусть передъ ребенкомъ тогда выясняются печальныя стороны существованія и житейскія невзгоды, когда онъ совершенно окрѣпнетъ“, говорятъ теперь. Это несомнѣнно было бы самое лучшее, самое нормальное, если бы мы управляли судьбою по своему усмотрѣнію. Но роковыя житейскія случайности самовластно, часто безжалостно распоряжаются нами и иногда ставятъ насъ въ неожиданное положеніе, которое становится вдвойнѣ тяжкимъ и невыносимымъ, когда къ нему человекъ вовсе не подготовленъ. Должно имѣть въ виду и то обстоятельство, что внезапное горе, весь ужасъ котораго ребенокъ узнаетъ сразу, можетъ довести его до нервнаго потрясенія, всегда опаснаго для здоровья. Преждевременно знакомить ребенка съ бѣдностью, несчастіями и лишеніями—вредно, вредно и искусственно наталкивать его на зрѣлища несчастій и бѣдствій, но столь же опасно для нравственности и здоровья, такъ же нерационально вплоть до школьнаго возраста изолировать отъ жизни и общества, скрывать отъ него несчастія, которыя разразились надъ его семьей или надъ его близкими, совѣмъ не давать ему ни малѣйшаго представленія о нуждѣ и тяжеломъ трудѣ бездолянаго люда. Если судьба, даже въ раннемъ дѣтствѣ, столкнетъ ребенка лицомъ къ лицу съ картиною нищеты, нужды, смерти, житейскихъ невзгодъ,—объясните ему все, какъ слѣдуетъ, разумѣется, насколько это доступно его возрасту и въ той формѣ, какая требуется въ его годы. Теперь же въ нѣкоторыхъ семьяхъ отъ дѣтей скрываютъ всѣ несчастія, даже лично ихъ касающіяся, и которыя въ извѣстныхъ случаяхъ могли бы имѣть на дѣтей немаловажное воспитательное значеніе.

У восьмилѣтняго ребенка, лишившагося матери такъ рано, что онъ не могъ ее помнить, умеръ отецъ, къ которому онъ былъ страстно привязанъ. Родные скрывали отъ него смерть отца и подъ предлогомъ, что послѣдній заболѣлъ и уѣхалъ лечиться за границу, держали мальчика въ неизвѣстности на этотъ счетъ болѣе четырехъ лѣтъ. Когда ему открыли истину, она дѣйствительно не только не потрясла его нервы, но не сдѣлала на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, такъ какъ онъ за это время сдѣлался совершенно чуждъ отцу. Между тѣмъ какъ это несчастіе, въ время узнанное ребенкомъ, заставило бы его, конечно, сильно горевать, можетъ быть на время и разстроило бы его нервы, но навсегда оставило бы хорошую память объ отцѣ, и это чувство всю жизнь согрѣвало бы его въ тяжелыя минуты, дѣлало бы его добрѣе, сострадательнѣе къ другимъ.

Что же побудило современныхъ воспитателей забросить изученіе педагогики? Въ отвѣтъ на это одни ссылаются на то, что и при изученіи ея въ 60-хъ гг. выходили на практикѣ не менѣе печальныя результаты, чѣмъ прежде, когда ничему не учились, другіе указываютъ на силу наслѣдственности, при которой, якобы, какъ ни воспитывай человека, онъ выйдетъ такимъ, какимъ создала его природа. Можно ли придти къ такому выводу относительно 60-хъ гг., мы уже достаточно говорили, что же касается втораго возраженія,—мы рассмотримъ его въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Наслѣдственность.

Значеніе и вліяніе наслѣдственности.—Примѣры наслѣдственной передачи.—Атавизмъ.—Какое значеніе имѣетъ воспитаніе при могущественномъ вліяніи наслѣдственности.

На складъ характера человѣка наиболѣе могущественное вліяніе оказываютъ: *историческія условія, наслѣдственность и воспитаніе*. Изъ предъидущихъ очерковъ мы уже знаемъ, какіе пороки, какія некультурныя черты залегли въ основу русскаго характера, какія печальныя историческія условія вліяли на воспитаніе нашего общества. Что же такое наслѣдственность и какова ея власть, каково ея значеніе для развитія человѣческой личности?

Наслѣдственностью называютъ свойство организма передавать свою природу потомству, склонность повторяться въ своихъ дѣтяхъ, внукахъ, правнукахъ, однимъ словомъ, въ своихъ потомкахъ. Какъ фізіологія, такъ и психологія и патологія рядомъ неопровержимыхъ фактовъ доказываютъ намъ, что дѣтямъ, путемъ наслѣдственности, могутъ передаваться фізическія, нравственныя и умственныя особенности и свойства, внутреннее и внѣшнее строеніе организма, красота и уродство, здоровье и болѣзни, разстройство какъ всего организма, такъ и извѣстныхъ органовъ, косоглазіе, близорукость, дальнорукость, ранняя плѣшивость, толстота и худоба, долговѣчность и недолговѣчность, талантъ и умственная тупость, однимъ словомъ, все духовныя и фізическія особенности; все это можетъ унаслѣдовать ребенокъ не только отъ своихъ родителей, но и отъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Наслѣдственная передача не прямымъ путемъ, т.-е. не отъ родителей, а отъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ, называется *атавизмомъ*.

Хотя болѣзненныя черты и свойства далеко не всегда передаются потомству, но психическія свойства и въ особенности нервныя болѣзни всего чаще передаются путемъ наслѣдственности. Наслѣдственность во внѣшнемъ строеніи организма и внѣшнихъ признакахъ выражается съ особенною силою. Сходство ребенка съ матерью, отцомъ и дѣдомъ можетъ сказаться въ устройствѣ головы, туловища, въ формѣ глазъ, зубовъ, носа, губъ, ушей, ногтей, цвѣта кожи и волосъ, въ формѣ и объемѣ тѣла. Различныя наросты и пятна на кожѣ — веснушки, родимыя пятна нерѣдко бывають у дѣтей на томъ самомъ мѣстѣ, на какомъ были у родителей. Въ одномъ семействѣ, уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, отцы передають дочерямъ высокій ростъ и худощавое сложеніе, въ другомъ матери передають дочерямъ толстоту и маленькій ростъ. Характерной особенностью нѣкоторыхъ семействъ является большая голова, длинныя руки и ноги, а въ другихъ наоборотъ. Въ Испаніи существовало одно семейство, въ которомъ наслѣдственная передача шести пальцевъ на рукахъ замѣчалась у сорока человѣкъ; другіе рождаются съ четырьмя и съ семью пальцами,—эта передача совершается также по наслѣдству, но повторяется рѣже, чѣмъ шестипалость. Въ Лондонѣ существовалъ человѣкъ, называвшійся Эдвардъ Ламбертъ;

кромѣ лица, ладоней и подошвъ, все тѣло его было покрыто чешуеобразной роговой корой, изъ которой выходило множество иглообразныхъ отростковъ, издававшихъ при движеніи шуршащій звукъ. У Ламберта было 6 человѣкъ дѣтей, — всѣ они унаслѣдовали аномалію своего отца; но только одинъ изъ нихъ, въ свою очередь, передалъ эту аномалію всѣмъ своимъ сыновьямъ, и эта передача, касаясь только мужской линіи, продолжалась въ теченіе пяти поколѣній.

Случается, что какая-нибудь наследственная особенность, составляющая отличительную фамильную черту многихъ поколѣній, съ теченіемъ времени передается все меньшему количеству лицъ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ въ потомкахъ. Размѣръ груди, таза, позвоночника, черепа, системы пищеварительная, кровеносная, мышечная, однимъ словомъ, все внутреннее устройство тѣла челоуѣка, какъ и его внѣшнее строеніе, а также плодовитость, мускульная сила, заиканіе и другія особенности тоже могутъ передаваться дѣтямъ путемъ наследственной и атавистической передачи.

Уже въ давнопрошедшія времена врачи признавали наследственность многихъ болѣзней, еще болѣе это мнѣніе укоренилось теперь. Когда пациентъ является къ доктору лечить подагру, золотуху, чахотку, эпилепсію (которая, кстати замѣтимъ, часто является слѣдствіемъ пьянства родителей), опытный врачъ прежде всего спрашиваетъ больного, отчего умерли его родители, какую жизнь они вели, какимъ заболѣваніямъ подвергались. Всѣ эти болѣзни, точно также какъ душевныя и нервныя, очень часто переходятъ по наследству отъ родителей къ дѣтямъ, а иногда и путемъ атавизма. Нерѣдко у дѣтей, родители которыхъ отличались совершеннымъ здоровьемъ, безъ видимой причины развиваются душевныя и нервныя болѣзни, причемъ оказывается, что дѣдъ или бабушка страдали тою же болѣзнію; очевидно, что предрасположеніе къ этой болѣзни оставалось скрытымъ въ одномъ поколѣніи и проявилось въ слѣдующемъ.

Законъ наследственности также управляетъ міромъ искусствъ и наукъ. Талантъ къ танцамъ весьма часто передается отъ родителей къ дѣтямъ, точно такъ же, какъ и голосовыя средства и мелодичность голоса. Существуютъ многочисленныя семьи пѣвцовъ и пѣвицъ, наравнѣ съ другими, еще болѣе обширными семьями, у которыхъ не существуетъ никакой способности къ пѣнію, ни малѣйшаго музыкальнаго слуха. То же самое и относительно музыки. Семейство музыкантовъ Баховъ представляетъ въ этомъ отношеніи разительный примѣръ: изъ этой семьи въ продолженіе двухъ столѣтій вышло 29 замѣчательныхъ музыкантовъ, кромѣ гениальнаго Себастьяна Баха; остальные члены этой семьи были органистами, приходскими пѣвчими или городскими музыкантами. Лишь незначительное число членовъ этой семьи не имѣло таланта ни къ пѣнію, ни къ музыкѣ. Появленіе такого ряда музыкантовъ въ продолженіе двухъ столѣтій нѣкоторые ученые объясняли также и тѣмъ, что Бахи часто заключали браки съ дочерьми учителей музыки, органистовъ и т. п. людомъ, что требовалось въ то время по цеховому обычаю, а подобные браки не могли оставаться безъ вліянія на наследственность музыкальнаго таланта. Семейства живописцевъ также нерѣдки: изъ 42 итальянскихъ, испанскихъ и фламандскихъ живописцевъ у половины были родственники художники. Математикъ Бернулли принадлежалъ къ семьѣ, которая въ продолженіе двухъ столѣтій дала 10 выдающихся математиковъ.

Наследственность порочныхъ склонностей и страстей можно также подтвердить множествомъ примѣровъ. Изъ порочныхъ наклонностей особенно распространена страсть къ азартнымъ играмъ: встрѣчаются семейства, въ которыхъ большинство членовъ, въ

нѣсколькихъ поколѣнiяхъ, одержимо страстью къ игрѣ. При этомъ однако нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что, кромѣ наслѣдственной склонности, эта страсть отчасти проявляется у сына игрока и потому, что онъ съ дѣтства привыкаетъ видѣть азартную игру, какъ любимое развлеченiе родителей и окружающихъ, самъ рано пристращается къ этой забавѣ и впоследствии дѣлается игрокомъ. Но извѣстны и такіе примѣры, что дѣти игроковъ случайно, а то и нарочно, чтобы избавить ихъ отъ пагубнаго примѣра, были еще въ раннемъ дѣтствѣ совершенно удалены отъ общества картежниковъ, и тѣмъ не менѣе впоследствии эта страсть захватывала дѣтей игроковъ въ свой когти. Другой порокъ, часто передаваемый по наслѣдству, — страсть къ спиртнымъ напиткамъ: нерѣдко оказывается, что у пьяницъ отцы, а иногда и матери были пьяницы. Страсть къ пьянству не всегда переходитъ въ той же формѣ: очень часто она перерождается въ идиотизмъ, эпилепсію, психопатію, въ разныя душевныя и нервныя болѣзни.

Путемъ наслѣдственности передаются и безнравственные инстинкты: къ разврату, воровству, проституціи, чрезмѣрному обжорству и къ другимъ. Изъ болѣзненныхъ, психическихъ проявленiй манія самоубійства, поражая одного члена семьи, нерѣдко поражаетъ и другихъ, а случается — и всю семью. Примѣры наслѣдственной передачи этой маніи безчисленны. Стремленіе къ самоубійству иногда переходитъ въ стремленіе къ убійству, выражается и въ другихъ формахъ душевныхъ и нервныхъ заболѣванiй. Одинъ, весьма мрачный по внѣшности, человекъ, однажды покушавшійся на самоубійство, имѣлъ пятерыхъ сыновей: старшій изъ нихъ, будучи сорока лѣтъ, выбросился безъ всякаго повода съ третьяго этажа, второй — повѣсился на 36 г. жизни, третій — бросился изъ окна, четвертый — застрѣлился; судьба пощадила только пятого, который дожилъ до глубокой старости. Въ семействѣ д'Оротень, самомъ древнемъ на Teneriffѣ, двѣ сестры были подвержены маніи самоубійства; ихъ братъ застрѣлился; ихъ дѣдъ и двое дядей также сами лишили себя жизни. Бывали случаи, что въ одномъ и томъ же семействѣ бабушка, мать, дочь и внукъ лишали себя жизни.

Тупость или грубость вкусовыхъ ощущенiй, какъ и отвращеніе отъ того или другого, тоже нерѣдко передаются по наслѣдству. Члены одной семьи не выносили запаха сыра, нѣкоторые изъ нихъ отъ запаха его падали даже въ обморокъ и свое отвращеніе передали своимъ дѣтямъ.

Въ XVIII столѣтiи и во всю первую половину девятнадцатаго во всѣхъ европейскихъ обществахъ господствовало мнѣніе, что душа новорожденнаго представляетъ бѣлую доску, на которой воспитаніе можетъ вписать какія угодно заповѣди. Многіе питали наивную вѣру въ то, что все различіе между людьми заключается лишь въ различіи ихъ воспитанiя и среды, въ которой они живутъ, и что если уничтожить различіе условiй жизни и воспитанiя, падетъ и различіе преимуществъ ума и таланта, которые можно пріобрѣтать посредствомъ воспитанiя. Но во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтiя одинъ за другимъ появлялись изслѣдованiя законовъ наслѣдственности, и общество бросилось въ совершенно противоположную крайность. Многіе стали утверждать, что воспитаніе совершенно бессильно, что люди уже рождаются или добродѣтельными, или преступниками, и, точно обрадовавшись этому, забросили теоретическую подготовку въ столь важномъ для себя дѣлѣ, какъ воспитаніе, а дѣтей предоставили случаю. Между тѣмъ, именно потому, что наслѣдственная передача внутренняго и внѣшняго строенiя организма, а также физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ особенностей и предрасположенiя къ самымъ разнообразнымъ болѣзнямъ вполне доказаны, — правильное воспитаніе и имѣть громад-

ное значеніе. Ученые, наиболѣе потрудившіеся для установленія закона наследственности, самымъ энергическимъ образомъ протестуютъ противъ мысли, что наследственность исключаетъ воспитаніе. Напротивъ, они доказываютъ, что, въ виду наследственности, воспитаніе должно быть особенно тщательно обдуманно, такъ какъ оно самое могучее, самое дѣйствительное средство для того, чтобы не дать развиться вреднымъ наследственнымъ склонностямъ ребенка или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени значительно ослабить ихъ силу.

Къ тому же нужно помнить, что *далеко не всегда* путемъ наследственности передаются потомкамъ всѣ типичныя свойства ихъ родителей; очень часто они вовсе не передаются даже и въ томъ случаѣ, если эти особенности встрѣчаются у обоихъ родителей. Глухонѣмой, женись на глухонѣмой, можетъ имѣть дѣтей, которыя будутъ слышать и говорить. Нерѣдко дѣти, богато одаренныя умственными, музыкальными, поэтическими или другими талантами, имѣли родителями и предками людей среднихъ способностей, ничѣмъ не выдѣлявшихся изъ общаго уровня, и наоборотъ. Далеко не всегда потомки наследуютъ и физическія особенности своихъ предковъ: отцы и матери съ хорошимъ сложеніемъ, въ семьяхъ которыхъ никогда не было горбатыхъ, хромыхъ, однорукихъ, производили нерѣдко на свѣтъ дѣтей уродливыхъ или съ различными аномалиями. Случается, что у родителей маленькаго роста рождаются великорослыя дѣти и наоборотъ. Одинъ прекрасно сложенный мужчина имѣлъ отъ здоровой жены восьмерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо были карликами. То же слѣдуетъ замѣтить и о моральныхъ свойствахъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что мать и отецъ одарены различными физическими и нравственными достоинствами и недостатками, и потому въ результатѣ наследственной передачи очень часто получается нѣчто среднее между обоими родителями, а нерѣдко и совершенно особое, оригинальное. Къ сожалѣнію, тѣ, которые отрицаютъ значеніе воспитанія, забываютъ самое главное, а именно, что *человѣкъ* при своемъ рожденіи чаще всего не представляетъ изъ себя ничего законченнаго (если только новорожденный не глухонѣмой, не слѣпой, не идиотъ и т. п.), слѣдовательно, даже и въ томъ случаѣ, когда по наследству ему передаются тѣ или другія умственныя и нравственныя склонности, *онъ переходитъ къ нему въ зачаточномъ состояніи* и достигаютъ полнаго своего развитія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лишь при благоприятныхъ для того условіяхъ. Такимъ образомъ новорожденный можетъ унаслѣдовать не вполнѣ развитыя особенности, точнѣе даже будетъ выразиться, ему передается лишь предрасположеніе къ нимъ. При этомъ нѣкоторые зародыши достигаютъ своего пышнаго расцвѣта, другіе развиваются весьма слабо, иные лишь сохраняютъ способность къ развитію и проявляютъ жизнь при особенно благоприятныхъ условіяхъ, многіе постепенно глоснутъ, а очень многіе и совершенно погибаютъ. Сила роста и развитіе такого зародыша чрезвычайно сильно зависятъ отъ воспитанія и среды, въ которой живетъ и воспитывается ребенокъ. Мало того: не всякое наследственное предрасположеніе достигаетъ развитія у прямого наследника; оно можетъ остаться у него скрытымъ, передается дальнѣйшимъ потомкамъ и вполнѣ развивается лишь у внука или правнука.

Для ребенка, обремененнаго наследственностью ненормальныхъ психическихъ особенностей своихъ родичей, воспитаніе имѣетъ особенно важное значеніе: тутъ-то воспитатели и должны окружить его условіями, неблагоприятными для развитія унаслѣдованныхъ предрасположеній. Унаслѣдованныя порочныя склонности и неблагоприятныя свойства характера подъ вліяніемъ разумнаго воспитанія, нормальныхъ условій жизни и честной среды могутъ настолько видоизмѣниться въ своихъ проявленіяхъ,

ніяхъ, на столько ослабѣть въ своей силѣ, что ничѣмъ не будутъ обнаруживаться или будутъ давать себя чувствовать очень слабо.

Въ половинѣ 70-хъ гг. девятнадцатаго столѣтія, когда появилось такъ много трудовъ о законахъ наслѣдственности, влиянію наслѣдственности отвели слишкомъ широкія рамки. Но за послѣдніе годы произведено было громадное количество опытовъ и наблюденій, которые краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что наука всеѣмъ еще не установила, слѣдуетъ ли типичныя, индивидуальныя свойства считать за приобрѣтеніе по наслѣдству отъ родичей, или на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на приобрѣтеніе, полученное подѣ влияніемъ воспитанія и условій среды. Точно также еще не такъ давно многіе доказывали, что случайно приобрѣтенныя аномаліи тоже переходятъ къ потомству наслѣдственнымъ путемъ, въ подтвержденіе чего приводили примѣры въ родѣ слѣдующихъ: человѣкъ поранилъ или вывихнулъ на ногѣ или рукѣ палецъ, который и остался искривленнымъ. Нѣкоторые изъ дѣтей, родившихся у такого субъекта послѣ означеннаго происшествія, имѣли искривленный палецъ. У одного, вслѣдствіе нелѣпаго леченія нарыва на ногѣ, явился большой наростъ, который впоследствии унаслѣдовали нѣкоторые изъ его дѣтей. Въ подтвержденіе того же приводили подобныя примѣры относительно собакъ, кошекъ и другихъ четвероногихъ. Но теперь большинство отвергаетъ возможность наслѣдственной передачи различныхъ случайныхъ поврежденій. Все громче раздаются голоса, что многія способности, усвоенныя въ индивидуальной жизни лица, а также случайныя поврежденія не могутъ быть переданы по наслѣдству. Какъ доказательство невозможности такой передачи, между прочимъ, приводятъ слѣдующіе, дѣйствительно убѣдительные факты: уже нѣсколько тысячелѣтій евреи совершаютъ обрядъ обрѣзанія, но удаляемая часть не исчезаетъ, а передается потомкамъ въ первоначальномъ видѣ. Точно также уже нѣсколько тысячелѣтій у китайскихъ женщинъ, послѣ ихъ рожденія, стопу ноги обтягиваютъ сурками, чтобы она была меньше и имѣла особую форму. Этотъ обычай въ высшей степени затрудняетъ походку китаянки и не даетъ ей возможности бѣгать, а слѣдовательно и правильно развиваться, но въ концѣ концовъ онъ достигаетъ своихъ результатовъ, т.-е. дѣлаетъ форму ноги уродливою. Несмотря однако на то, что этого обычая придерживаются испоконь вѣка, у новорожденныхъ китаянокъ стопа оказывается нормальной формы. Нѣкоторые народы стараются измѣнить форму дѣтской головы посредствомъ различныхъ бинтовъ, но эти механическія измѣненія формы головы не передаются потомкамъ. Тоже и относительно четвероногихъ животныхъ, надъ которыми съ этою цѣлью произведено было множество опытовъ: у бѣлыхъ мышей отрубали хвосты, сажали всѣхъ съ обрѣзанными хвостами въ особыя клѣтки, и онѣ въ пяти поколѣніяхъ имѣли потомство съ нормальными хвостами. Хотя основные законы наслѣдственности непреложны и вполне доказаны, но воспитаніе всегда будетъ имѣть могущественнѣйшее влияніе на ослабленіе, а нерѣдко и на совершенное искорененіе порочныхъ наслѣдственныхъ склонностей въ ребенкѣ и на развитіе въ немъ наилучшихъ качествъ ума и сердца. Впрочемъ, когда тому или другому извѣстному ученому удастся привести нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ, какъ въ томъ или другомъ случаѣ, путемъ правильнаго воспитанія, удалось побѣдить или ослабить силу наслѣдственной склонности къ какому-нибудь отвратительному пороку, это немедленно оказываетъ нѣкоторое влияніе, постепенно производитъ реакцію во взглядахъ на воспитаніе. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX ст., когда появилось наибольшее количество популярныхъ трудовъ о законахъ наслѣдственности, многіе съ легкимъ сердцемъ, яко-бы найдя въ наукѣ санкцію для своей инертности и лѣни, забросили теоретическую подго-

товку въ педагогич и на воспитаніе дѣтей стали смотрѣть спустя рукава. Въ самое послѣднее время въ этомъ отношеніи опять замѣчается небольшая перемѣна въ пользу воспитанія. Это тѣмъ болѣе пріятно, что совѣмъ еще недавно во многихъ семьяхъ приходилось встрѣчать не мало весьма грустныхъ образчиковъ воспитанія, и родители свою неумѣлость, лѣнь и апатію въ воспитательномъ дѣлѣ сваливали на наслѣдственность, не желая ничего предпринять, чтобы дать другое направленіе развивающимся дурнымъ склонностямъ ребенка. Ребенокъ выказываетъ полный индифферентизмъ къ самымъ поразительнымъ явленіямъ природы и жизни, такъ какъ никто изъ окружающихъ никогда не заботился о развитіи въ немъ наблюдательности: онъ оказывается самодуромъ потому, что безъ разбора удовлетворяли его требованія; его стремленія мелки и пошлы потому, что въ немъ не развивали интересы, облагораживающихъ умъ и сердце, потакали дурнымъ инстинктамъ; онъ повторяетъ только чужія мысли, употребляя чужіе обороты, потому что его не учили думать и разсуждать, потому что самостоятельно онъ не сдѣлалъ ни одного наблюденія, потому что кругомъ онъ видѣлъ только пошлые интересы. „Посмотри, какъ онъ жадно набросился на пирожное... Онъ готовъ съѣсть одинъ, что подано всѣмъ“; говоритъ матери ея родственница. — „Печально то“, отвѣчаетъ она, „что онъ не можетъ ни о чемъ думать и мечтать, какъ только о кушаньяхъ“. — „Ты попробовала бы водить его въ звѣринецъ? Заинтересуется звѣрями, и ему можно было бы дать что-нибудь прочесть о нихъ. Вотъ такъ бы понемногу онъ и расширять свой кругозоръ“. — „Нѣтъ, ему ужъ ничего не пойдетъ въ прокъ! Это наслѣдственная черта!“

Много, слишкомъ много дѣтскихъ недостатковъ, усвоенныхъ какъ результатъ воспитанія, сваливали у насъ на наслѣдственность. Между тѣмъ даже Рибо, который придаетъ громадное значеніе наслѣдственности и сильно служиваетъ влиянію воспитанія, все же считаетъ долгомъ высказать слѣдующее: „Отъ наслѣдственности зависитъ возникновеніе болѣе или менѣе сильной склонности къ добру или къ злу и, слѣдовательно, также большей или меньшей способности къ проступкамъ; но порокъ и добродѣтель не зависятъ отъ наслѣдственности, они не существуютъ сами по себѣ, они не заключаются въ роковой силѣ внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій, влияющихъ на насъ: они зависятъ отъ совмѣстнаго дѣйствія умственной и практической сторонъ воли... Воспитаніе представляетъ собою нравственную среду, которая создаетъ въ насъ мало-по-малу *привычку*. Можно даже сказать, что эта нравственная среда еще сложнѣе, еще разнороднѣе и непостояннѣе, чѣмъ всякая физическая среда; въ самомъ дѣлѣ, воспитаніе не заключается только въ урокахъ, преподаваемыхъ нашими родителями и учителями: нравы, религіозныя вѣрованія, чтеніе, случайно слышанные разговоры представляютъ столько же нѣмыхъ влияній, которыя дѣйствуютъ на нашъ умъ такъ же, какъ безсознательныя, скрытыя чувственныя воспріятія дѣйствуютъ на наше тѣло; эти нѣмыя нравственныя влиянія особенно способствуютъ нашему воспитанію, т. е. усвоенію нами извѣстныхъ *привычекъ*“. Люди же не рождаются съ готовыми привычками, какъ это мы узнаемъ изъ слѣдующаго очерка, а пріобрѣтаютъ ихъ постепенно. Посредствомъ привычки можно до извѣстной степени приспособиться къ разнообразнымъ условіямъ жизни: безъ вреда для здоровья переносить такую температуру, которая раньше была бы невыносима, принимать пищу въ то или иное время, спать при шумѣ, просыпаться въ опредѣленную часть, легко и ловко выполнять тотъ или другой физическій трудъ. Пріобрѣтенныя привычки, смотря по тому, какъ и на что онѣ были направлены, какіе навыки были сдѣланы, могутъ имѣть громадное благотворное или вредное влия-

ніе на здоров'є челоу'ька, на складъ его характера, на образъ жизни и настроеніе. Челоу'ькъ, не приобр'ѣвшій привычки къ умственному труду въ ранней юности, не будетъ въ состояніи и впосл'ѣдствіи усидчиво работать въ умственной области. Посредствомъ такихъ или иныхъ привычекъ можно едѣлаться трудолюбивымъ или л'нвивымъ, опрятнымъ или неряшливымъ, лгуномъ или правдивымъ, внимательнымъ или разсеяннмъ, однимъ словомъ воспитаніе можетъ укоренить въ челоу'ькѣ навьки, укрьпляющіе душу и т'ѣло или, наоборотъ, расслабляющіе ихъ. Привычки оказываютъ вліяніе и на чувства челоу'ька: можно едѣлать привычку къ развлеченіямъ, облагораживающимъ душу или загрязняющимъ ее; такимъ образомъ привычки вліяють на весь складъ жизни и характеръ челоу'ька.

Многіе утверждаютъ, что воспитаніе можетъ менѣе всего оказывать вліяніе на двѣ противоположныя степени развитія челоу'ьческаго разума, т.-е. съ одной стороны на идиотовъ, съ другой на геніевъ. Это справедливо, но только отчасти: самое превосходное воспитаніе не можетъ создать генія, если природа не надѣлила имъ челоу'ька, но и одаренный величайшими талантами не проявитъ во всей силѣ своей геніальности безъ усидчиваго труда и продолжительныхъ упражненій своихъ способностей, что достигается опять-таки путемъ правильного воспитанія, — т'мъ болѣе необходимо оно для простыхъ смертныхъ. Къ тому же относительно геніевъ и выдающихся талантовъ воспитаніе можетъ имѣть громадное вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности: оно скажется въ томъ, что ихъ дѣятельность будетъ въ высшей степени плодотворна для современниковъ и потомства. Гюйо (Education et hérédité) совершенно справедливо говорить, что воспитаніе „обладаетъ чарами, достаточно сильными для того, чтобы умирять юныхъ львовъ“. Что же касается челоу'ька среднихъ способностей, то, если его съ нѣжнаго возраста поставить въ ненормальныя условія для физическаго и психическаго развитія, его можно едѣлать идиотомъ. За примѣрами недалеко ходить: алчные родственники, чтобы поживиться наслѣдствомъ, рѣшаются устранить своего конкурента на наслѣдство и сажаютъ его въ полутемную комнату, лишаютъ челоу'ьческаго общества, хорошей пищи, правильного ухода, развитія, образованія. Открывъ мѣсто заточенія черезъ десятка полтора лѣтъ, несчастнаго находятъ неумѣющимъ говорить. Въ такомъ положеніи находился Гаспаръ Гаузеръ, котораго нашли на большой дорогѣ, когда ему было уже за 20 лѣтъ: онъ не только не умѣлъ ни говорить, ни ходить, но не могъ даже управлять своими движеніями; понятно, что въ такомъ субъектѣ спали всѣ психическія способности. Поставленный въ нормальныя условія, онъ быстро выучился ходить, говорить, даже читать и, конечно, едѣлалъ бы дальнѣйшіе успѣхи въ своемъ развитіи и образованіи, если бы загадочный убійца не покончилъ съ его жизнью. Вотъ во что обращается челоу'ьческое существо, можетъ быть и съ самыми лучшими наслѣдственными задатками, если его лишитъ воспитанія, благопріятной среды, развитія и образованія.

Конечно, путемъ плохого воспитанія легче довести до идиотства, чѣмъ путемъ правильного умственнаго и нравственнаго развитія вызвать въ идиотѣ способность мыслить и понимать; но и первое уже доказываетъ великую силу и значеніе воспитанія. Къ тому же существуетъ не мало примѣровъ и такого рода: полуидиотовъ, полубогатыхъ и полукретиновъ въ Швейцаріи, нерѣдко совсѣмъ не умѣвшихъ говорить до 8, 9 лѣтъ и на всѣ вопросы отвѣчавшихъ не то мычаніемъ, не то рядомъ какихъ-то безтолковыхъ, безсвязныхъ полусловъ, не то какими-то дикими звуками, — отправляли въ особыя воспитательныя заведенія. Эти несчастные не дѣлались вполнѣ нормальными, но ихъ развивали настолько, что они выучивались говорить, выражать несложныя чувства, научались многимъ работамъ, привыкали къ порядку

и, въ концѣ концовъ, весьма многіе изъ нихъ себѣ и ближнимъ приносили скорѣе пользу, чѣмъ вредъ.

Могущественная сила воспитанія проявляется въ особенности на слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Американка Лаура Бриджменъ, еще будучи двухлѣтнимъ ребенкомъ, лишилась зрѣнія, слуха и обонянія. Одно только чувство осталось въ ней невредимымъ—чувство осязанія, и съ помощью его она научилась читать, писать, считать, понимать довольно сложныя явленія. Несмотря на то, что осязаніе было единственнымъ проводникомъ впечатлѣній отъ внѣшняго міра, удалось настолько развить эту глухую и нѣмую дѣвушку, что она сама весьма интересно описала свое дѣтство и юность, дожила до 60-ти лѣтъ и большую часть жизни чувствовала себя счастливой и довольной.

Правда, попытки, какъ отдѣльныхъ педагоговъ, такъ и при ихъ совмѣстныхъ усиліяхъ въ специальныхъ учрежденіяхъ, развить умственно и нравственно людей, совершенно обиженныхъ судьбою, нерѣдко оказывались тщетными, но это было обыкновенно тогда, когда данный субъектъ подверженъ глубокимъ страданіямъ головного мозга, вслѣдствіе чего у него атрофированы или парализованы тѣ или другіе нервы. Если путемъ воспитанія можно сильно подвинуть впередъ развитіе полудіота и глухонѣмого, то тѣмъ болѣе оно можетъ быть успѣшно при условіяхъ нормальныхъ.

И такъ, ребенокъ, въ силу наслѣдственности, рождается съ задатками тѣхъ или другихъ склонностей, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, но онѣ могутъ и развиться, и остаться въ зачаточномъ состояніи, смотря по тому, какимъ вліяніямъ будетъ подвергаться ребенокъ, въ какой средѣ онъ будетъ жить, какъ великъ будетъ его умственный багажъ, какіе примѣры онъ будетъ видѣть передъ собой, какъ и къ чему онъ будетъ возбуждаться, направлена ли будетъ его наблюдательность на интересы общечеловѣческіе или на мелко-эгоистическіе. Если человѣкъ не унаслѣдовалъ склонности къ состраданію, къ альтруистическимъ и гуманнымъ чувствамъ, ихъ слѣдуетъ развивать путемъ воспитанія, и такія склонности въ человѣкѣ особенно необходимы въ нашъ вѣкъ, когда общество все болѣе выдвигаетъ изъ своей среды дѣльцовъ и узкихъ эгоистовъ, стремящихся къ наживѣ, не разбирая средствъ. Ребенокъ раздражительный, рожденный отъ нервныхъ родителей, путемъ правильнаго воспитанія можетъ выработаться въ человѣка съ болѣе или менѣе уравновѣшенной нервной системой, если только въ теченіе достаточнаго времени его будутъ оберегать отъ раздраженія, подавлять аффекты. Если же допустить ихъ безпрепятственное проявленіе въ ребенкѣ, они могутъ принести страшное зло и проявляющему ихъ, и окружающимъ, а потому воспитатель долженъ противодѣйствовать имъ всѣми силами. Для болѣе прочнаго искорененія или направленія ихъ въ другую сторону въ ребенкѣ съ раннихъ лѣтъ слѣдуетъ воспитывать симпатію и привязанность къ людямъ, а также чувство жалости,—и только такимъ путемъ можно слузить сферу злыхъ страстей.

Какъ дѣйствовать на практикѣ, чтобы постепенно служивать сферу злыхъ страстей,—категорично отвѣтить очень трудно; скажемъ только, что дѣйствительность представляетъ возможность для этого на каждомъ шагѣ. Пусть ребенокъ сближается съ большимъ количествомъ дѣтей, не обращая вниманія на то, богаты или бѣдны ихъ родители. Учите свое дитя вникать въ ихъ нужды, въ ихъ разнообразныя занятія, въ ихъ характеры и привычки, давайте ему возможность дѣлиться съ ними всѣмъ, что у него есть, но никогда не вознаграждайте матеріально ребенка за его щедрость и доброту. Ребенокъ долженъ рано научиться понимать, что только

тотъ поступокъ дѣйствительно хороше и честенъ, который заставляетъ его чего-нибудь лишать себя; только тотъ способенъ искренно и дѣятельно любить людей, кто пріучается съ дѣтства чѣмъ-нибудь жертвовать для нихъ.

Очень помогаетъ ребенку суживать сферу злыхъ страстей между прочимъ привычка воспитывать птицъ и звѣрьковъ: онъ заботится о ихъ пропитаніи, устраиваетъ для нихъ гнѣздышко; при этомъ воспитатель имѣетъ возможность слѣдить, чтобы онъ бережно обходился съ ними, не мучилъ ихъ. Такимъ образомъ вы въ одно и то же время дадите ребенку матеріалъ для наблюденій и для его дѣятельности и внесете въ его жизнь живой интересъ. Близкое общеніе съ окружающимъ міромъ и активное проявленіе симпатіи къ людямъ лучше чѣмъ что-нибудь научать ребенка впоследствии управлять своими дурными склонностями. У человѣка съ сильными чувствами и при правильномъ воспитаніи останется страстный темпераментъ, можетъ быть полученный въ наслѣдство отъ его родичей, но его гнѣвъ, злость, вспыльчивость будутъ проявляться лишь тамъ, гдѣ онъ будетъ встрѣчать неправду, продажность, вѣроломство, подлость; страстный и увлекающійся, онъ будетъ отдаваться всею душою искорененію въ обществѣ этихъ пороковъ.

Въ нашъ практическій вѣкъ, когда нажива и карьера играютъ въ жизни такую выдающуюся роль, воспитаніе постоянно должно имѣть въ виду развитіе въ ребенкѣ *нравственныхъ инстинктовъ*, — мы имѣемъ здѣсь въ виду всю сферу альтруистическихъ, интеллектуальныхъ и эстетическихъ импульсовъ, которымъ приходится вести тяжелую борьбу съ эгоистическими, узко-практическими вождельніями современнаго общества. Нравственность — главный рычагъ истинно полезнаго для человѣчества прогресса и обновленія общества, деморализованнаго и деморализующагося вслѣдствіе меркантильныхъ расчетовъ, тяжелой борьбы за существованіе, обострившихся соціальныхъ условий и вѣчной погони за вѣжливымъ успѣхомъ, блескомъ, за роскошью и властью. Вотъ потому-то воспитаніе и должно поставить на первый планъ развитіе нравственныхъ инстинктовъ, тѣмъ болѣе, что ихъ отсутствіе все чаще констатируютъ изслѣдователи общественныхъ нравовъ, педагоги, врачи и психіатры. Между тѣмъ отсутствіе альтруистическихъ склонностей въ дѣтствѣ ведетъ людей впоследствии къ нравственному идиотизму, психопатіи и преступленіямъ.

Не менѣе важное значеніе въ воспитаніи имѣютъ упражненія разнаго рода. Какъ органы внѣшнихъ чувствъ, эти важнѣйшіе проводники умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, такъ и всѣ его физическія силы и способности совершенствуются только упражненіемъ. Организція человѣка, какъ духовная, такъ и физическая, его органы и способности слабѣютъ, разрушаются и атрофируются при покоѣ, при недостаткѣ упражненій, — это такой же неопровержимый законъ, какъ и законъ наслѣдственности. Изъ этого ясно, что человѣкъ становится крѣпче, сильнѣе, здоровѣе, обладаетъ болѣе совершенными органами всѣхъ чувствъ, становится нравственнѣе и умнѣе, если воспитатели ставятъ ребенка съ ранняго его дѣтства въ условія, при которыхъ всѣ его органы, всѣ его духовныя и физическія способности могутъ упражняться: ребенокъ будетъ добръ и милосердъ, если онъ съ ранняго дѣтства упражнялъ свою доброту, дѣлился всѣмъ, что имѣетъ, заботился о покоѣ окружающихъ не пассивно, а активно, принося въ жертву этому покою личные интересы, собственныя удовольствія. При самыхъ благопріятныхъ наслѣдственныхъ склонностяхъ и задаткахъ къ милосердію и любви къ ближнему человѣкъ будетъ эгоистомъ, если въ дѣтствѣ онъ не имѣлъ возможности упражнять свои альтруистическія склонности. Если богато одареннаго ребенка не поставятъ въ благопріятныя условія для развитія его наблюдательности надъ явленіями природы и

жизни, онъ будетъ въ концѣ концовъ или вовсе не наблюдателемъ, или въ немъ разовьется лишь внѣшняя наблюдательность; точно такъ же и у юноши, не практикующагося въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, совершенно атрофируется эта способность.

Кромѣ упражненія органовъ и всѣхъ моральныхъ и физическихъ силъ, огромное значеніе имѣетъ среда, т.-е. люди, которые окружаютъ ребенка, почва, климатъ, свѣтъ, тепло и пища. Значеніе среды для человѣка важно всегда, но особенно въ тотъ періодъ его жизни, который можно назвать раздражательнымъ по преимуществу, во время котораго ребенокъ, подражая старшимъ, усваиваетъ родную рѣчь и множество привычекъ, имѣющихъ неотразимое вліяніе на всю жизнь.

Всѣ указанныя выше условія воспитанія и среды дѣйствуютъ иногда медленно, но зато постоянно и, въ концѣ концовъ, могутъ подчинить себѣ наслѣдственность. Однимъ словомъ, при самыхъ благопріятныхъ наслѣдственныхъ условіяхъ дурное воспитаніе можетъ создать нервно разслабленнаго или лѣниваго и тупого человѣка, не только негоднаго для общественной дѣятельности, но и неспособнаго къ самостоятельному труду, а правильное воспитаніе можетъ чрезвычайно ослабить порочныя наслѣдственныя черты и сдѣлать изъ человѣка въ высшей степени полезнаго общественнаго дѣятеля. Вполнѣ заслуживаетъ вниманія такая иллюстрація проф. Лестафта высказанной нами мысли: „Если взять сѣмена, по возможности сходныхъ качествъ, и бросить ихъ на неодинаковую почву, то которое изъ нихъ дастъ скорѣе ростокъ, которое въ борьбѣ окажется сильнѣе, и которое проявитъ болѣе выгодныя наслѣдственныя качества? Какія бы ни были у сѣмени унаслѣдованныя качества, но если оно попадетъ на несоотвѣтствующую почву, то можетъ ростка не дать, и только то зерно, которое попадетъ въ болѣе благопріятныя условія относительно почвы, влажности, теплоты и свѣта, даетъ всего скорѣе ростокъ, который опять же своими качествами и размѣрами будетъ въ прямой зависимости отъ всѣхъ этихъ условій. Даже болѣе слабое зерно дастъ скорѣе ростокъ при благопріятныхъ условіяхъ почвенныхъ и климатическихъ, чѣмъ хорошее, но попавшее на песокъ или на камень. Понятно, что хорошее зерно при благопріятныхъ условіяхъ должно дать лучший ростокъ, чѣмъ слабое: въ немъ больше вещества, необходимаго для произрастанія, или больше энергіи въ проявленіи, поэтому и получаемый результатъ лучше“.

Итакъ, изъ наиболѣе могущественныхъ средствъ, которыми располагаетъ воспитаніе, самое важное мѣсто занимаютъ: 1) воспитаніе альтруистическихъ и общественныхъ инстинктовъ, 2) упражненіе всѣхъ органовъ и способностей дитяти, 3) правильное воспитаніе добрыхъ привычекъ, посредствомъ которыхъ развиваютъ трудолюбіе, аккуратность, память, вниманіе, сознаніе долга въ отношеніи къ окружающимъ, 4) воспитаніе воли, которая, по словамъ Шопенгауера, не что иное, какъ основа самой возвышенной нравственности, той нравственности, которая рождаетъ героевъ и святыхъ, 5) развитіе физическихъ силъ, что составляетъ первое благо въ жизни человѣка. Если ребенокъ не унаслѣдовалъ какой-нибудь смертельной болѣзни, то, рожденный даже хилымъ и слабымъ, онъ вълѣдствіе правильнаго ухода можетъ окрѣпнуть, развитъ силу мускуловъ и выносливость для сопротивленія житейскимъ невзгодамъ, климатическимъ и атмосферическимъ перемѣнамъ. Нужно помнить, что „чѣмъ слабѣе тѣло, тѣмъ оно болѣе подчиняетъ себѣ человѣка, деспотически распоряжается имъ; чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ болѣе повинуется“ (Руссо).

ГЛАВА VIII.

Могущественное значеніе привычекъ.

Задачи воспитанія.—Органы чувствъ дитяти. — Ихъ значеніе физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія.—Вліяніе привычекъ въ развитіи органовъ.—Наслѣдственные и благопріобрѣтенные навыки при развитіи органовъ зрѣнія и слуха. — Насколько для ихъ усовершенствованія необходимы упражненія. — Вредныя и полезныя навыки въ воспитаніи органовъ чувствъ. — Значеніе привычки въ области осязанія.—Задача воспитателя.—Практическія упражненія. — Опасность утритовки при развитіи этого органа. — Вкусъ и обоняніе.—Какую опасную роль можетъ играть привычка при неправильномъ развитіи этихъ органовъ.—Роль привычки въ развитіи дара слова. — Процессъ развитія рѣчи ребенка.—Капризы и раздражительность, прививаемыя въ раннемъ дѣтствѣ.—Ихъ причины, послѣдствія и обыденныя правила для избѣжанія ихъ. — Привычки для развитія правдивости. — Важное значеніе аккуратности, чистоплотности и трудолюбія.—Подражаніе, — какъ воспитатели должны относиться къ этой склонности дѣтей. — Необходимость навыка къ труду. — Благотворное значеніе для дѣтей радости и веселья. — Важное значеніе послушанія. — Значеніе памяти въ сферѣ умственной и нравственной.—Вліяніе привычки на правильное развитіе памяти.—Какимъ образомъ слѣдуетъ ее усовершенствовать. — Значеніе вниманія. — Какую роль играетъ привычка въ развитіи вниманія.—Вниманіе произвольное и произвольное. — Отличіе и значеніе одной формы вниманія отъ другой. — Какимъ образомъ развиваются побужденія къ вниманію характера узкаго и эгоистическаго.—Какими средствами слѣдуетъ вызывать вниманіе и какими этого не слѣдуетъ дѣлать.—Развитіе вниманія у дѣтей дошкольнаго возраста.

Какія бы дурныя склонности ни унаслѣдовалъ человѣкъ, воспитаніе имѣетъ огромное значеніе. Самое могущественное, самое неотразимое вліяніе воспитанія сказывается въ развитіи и направленіи нашихъ привычекъ, вліяющихъ на весь складъ характера человѣка, на его дѣятельность, здоровье, нравственность, на состояніе умственныхъ способностей, наконецъ даже на душевное настроеніе. Умѣнье ходить, мыть руки, говорить, читать, разсуждать, наблюдать, — все это мы пріобрѣтаемъ путемъ привычки. Ко всему мы привыкаемъ съ большимъ трудомъ, все въ началѣ стоитъ намъ громаднхъ усилій воли и затѣмъ уже дѣлается настолько обычнымъ, что совершается нами безсознательно. Возьмемъ для примѣра умѣнье ходить: въ началѣ ребенокъ сильно боится упасть, всякое движеніе совершаетъ съ громадною затратою силъ; но мало-по-малу актъ этотъ дѣлается менѣе обдуманнхъ, почти произвольнхъ. Такимъ образомъ каждый актъ, произведенный ребенкомъ однажды, а тѣмъ болѣе нѣсколько разъ, стремится стать привычнымъ.

При воспитаніи нужно постоянно имѣть въ виду, что всѣ органы безъ исключенія, а также и головной мозгъ, можно укрѣпить и развитъ упражненіемъ. Оставаясь въ бездѣйствіи, всѣ органы, а также и головной мозгъ, лишаются способности реагировать, теряютъ жизненность и атрофируются. Въ раздражательный періодъ своей жизни ребенокъ не только все старается перенять у старшихъ, но повторять и передавать ихъ дѣйствія въ точности. И это понятно: онъ еще не опытенъ, не сообразителенъ, умъ его не отличается достаточною гибкостью для того, чтобы, перенимая то или другое отъ старшихъ, вносить въ этотъ актъ хотя небольшую дозу самостоятельности. На эту неустановившуюся, неустойчивую натуру особенно сильное вліяніе оказываютъ привычки, которыя постоянно подчиняютъ себѣ

ребенка и мало-по-малу уравнивают его противоречивыя желанія, разнообразныя аппетиты. Только постепенно прививаемыя навыки заставляют ребенка все меньше балансировать между выборомъ того или другого дѣйствія, все болѣе устанавливають и укрѣпляют его волю.

Разнообразныя привычки, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, сдѣлавшися съ годами *второю натурою*, двигаютъ нами, какъ автоматами. Человѣкъ въ каждый періодъ своей жизни, но преимущественно въ дѣтствѣ и юношескомъ возрастѣ, пріобрѣтаетъ тѣ или другія привычки, имѣющія хорошее или дурное вліяніе на весь складъ его характера.

Трудно перечислить все, въ чемъ сказывается привычка и насколько велико ея значеніе для жизни человѣка. Посредствомъ привычекъ можно развить множество хорошихъ качествъ, какъ въ нравственной, такъ и въ интеллектуальной области, какъ въ практической жизни, такъ и въ области нравовъ. Не мало высоконравственныхъ качествъ, замѣчательныхъ человѣческихъ достоинствъ начинается съ привычки; направленныя такъ или иначе, онѣ могутъ усилить или смягчить нервность и чувствительность, укрѣпить или расслабить волю. Такую же роль, то-есть ослабляющую или укрѣпляющую, играютъ привычки и относительно предрасположенія человѣка къ извѣстнымъ наследственнымъ склонностямъ.

Многія привычки усваиваются почти незамѣтно. Мать находитъ необходимымъ приучить шестилѣтняго сына закрывать на ключъ дверь комнаты, въ которую онъ входитъ послѣ сна. Она заставляетъ его нѣкоторое время дѣлать это при себѣ. Черезъ нѣсколько недѣль мальчикъ такъ привыкаетъ, входя въ комнату, замыкать дверь, что когда мать спрашиваетъ его, исполнилъ ли онъ ея требованіе, онъ долженъ каждый разъ провѣрить себя, такъ какъ онъ замыкаетъ дверь уже чисто механически. Такъ же приучаетъ себя каждый въ опредѣленное время умываться, чесаться, убирать свою комнату, однимъ словомъ, усваиваетъ множество привычекъ, необходимыхъ въ обыденной жизни; точно такъ же можно пріобрѣсти множество привычекъ вредныхъ для нравственности, здоровья и спокойствія окружающихъ. Ребенокъ, приученный съ 5—6-ти лѣтъ не иначе ложиться спать, какъ предварительно аккуратно сложивъ свою одежду на извѣстное мѣсто, будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ пріобрѣтеннаго имъ навыка, самостоятельно убирать передъ сномъ свое платье; эта привычка съ годами въ такой степени укоренится въ немъ, что не исполнить ея велѣній будетъ для него весьма тяжело. Мы знали дѣтей, приученныхъ въ продолженіе года каждый разъ передъ сномъ мыть руки, шею и чистить зубы. Когда въ дорогѣ обстоятельства не позволяли имъ этого дѣлать, они не могли заснуть до разсвѣта. Знакомый мнѣ мальчикъ, необыкновенно склонный къ жадности, велъ почти исключительно растительный образъ жизни, но, при перемѣнѣ режима въ восьми-лѣтнемъ возрастѣ и при разумномъ надзорѣ, онъ въ концѣ концовъ сдѣлался умѣреннымъ въ пищѣ. Мало того: такъ какъ онъ попалъ въ среду людей развитыхъ и образованныхъ, то въ два, три года онъ сильно пристрастился къ чтенію. Но обстоятельства его жизни снова измѣнились, и мальчикъ въ 16-ть лѣтъ перешелъ подъ надзоръ холостяка-дяди, богача, жуира и гурмана. За юношею никто болѣе не приглядывалъ; онъ ѣлъ, когда и сколько желалъ, и, при столь благоприятныхъ условіяхъ для его врожденныхъ влеченій, его страсть къ обжорству проснулась съ новою силой. Черезъ годъ онъ уже смаковалъ кушанья, а еще черезъ годикъ-другой окончательно бросилъ чтеніе и началъ мечтать и говорить только о ѣдѣ и о другихъ узко-эгоистическихъ животныхъ наслажденіяхъ.

Привычка перерождаетъ вкусы, способна даже заставить находить удовольствіе

въ томъ, къ чему прежде человекъ чувствовалъ лишь физическое отвращеніе. Восемилѣтней дѣвочкѣ прописываютъ пить рыбій жиръ; она принимаетъ его не только съ отвращеніемъ, но у нея послѣ приѣма каждый разъ является рвота, если только рыбій жиръ давали ей не въ мятной водѣ. Наконецъ дѣвочка привыкаетъ къ приѣму лекарства въ чистомъ видѣ, а черезъ годъ тяжело страдаетъ, когда ее лишаютъ его. Въ нѣсколькихъ дѣтскихъ больницахъ за-границею одно изъ обычныхъ наказаній провинившихся пациентовъ-дѣтей — лишеніе ихъ за тѣ или другіе проступки въ продолженіе дня приѣма трескового жира.

А вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ привычки въ области моральной: мальчикъ, воспитанный въ многочисленной семьѣ, былъ приученъ дѣлиться всѣмъ, что онъ получалъ, съ братьями, сестрами и прислугою. Поступивъ въ учебное заведеніе въ 13 лѣтъ, онъ сталъ оставлять часть получаемыхъ гостинцевъ новымъ товарищамъ. Привычки бываютъ и въ сферѣ интеллектуальной: необходимость вынуждаетъ многихъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, такъ углубляться въ свою работу, такъ сосредоточиваться надъ ней, что они не видятъ, что дѣлается вокругъ, не слышатъ самаго страшнаго крика, гама, шума и бѣготни.

Наиболѣе выдающіеся мыслители, высказывавшіеся по поводу привычки, придаютъ ей могущественное значеніе. Большинство крупнѣйшихъ добродѣтелей, благородныхъ поступковъ, болѣе симпатичныя качества ума и сердца, а также антипатичное, эгоистическое и зловерное поведеніе человека въ частной и общественной жизни, все приписываютъ они хорошимъ или дурнымъ привычкамъ, приобретеннымъ смолоду. Развитие хорошихъ привычекъ и надлежащее направленіе ихъ — одна изъ самыхъ существеннѣйшихъ задачъ воспитанія. Такъ какъ привычки, приобретенныя въ дѣтствѣ и молодости, играютъ въ жизни человека, складѣ его характера и въ его развитіи первостепенную роль, то и воспитаніе, имѣющее силу и возможность направлять, ослаблять или усиливать ихъ, имѣетъ громадное значеніе.

Изъ сказаннаго ясно, что привычки бываютъ въ области *физической, моральной и интеллектуальной*. Совершается ли въ началѣ извѣстное дѣйствіе сознательно или бессознательно, по инстинктивному влеченію или подъ вліяніемъ посторонняго лица, но разъ одно и то же дѣйствіе часто повторяется, въ концѣ концовъ оно совершается обыкновенно безъ участія сознанія и воли, становится *привычкой*. Добрыя и дурныя навыки существуютъ и въ сферѣ чувствъ, и въ сферѣ нравовъ. Есть не мало доказательствъ того, что извѣстныя чувства и привычки воспитываются и культивируются различными національностями, живутъ въ нравахъ народа вѣками, становятся его могучею страстью и переходятъ съ молокомъ матери отъ одного поколѣнія къ другому. Въ древнихъ римлянахъ развита была страсть къ благовоніямъ и пряностямъ, на доставку которыхъ требовалось громадное количество кораблей. Въ Испаніи до сихъ поръ существуетъ страсть къ бою быковъ и къ зрѣлищамъ этого рода, развивавшаяся и усиливавшаяся въ рядѣ поколѣній. Национальныя страсти иногда мѣняются, — вмѣстѣ съ этимъ являются и діаметрально противоположныя взгляды и понятія. Такъ, напримѣръ, въ извѣстный періодъ жизни древней Италіи земледѣльческій трудъ не только не презирался, а даже находился въ почетѣ. Черезъ нѣсколько столѣтій, когда начались завоеванія, когда, съ укорененіемъ рабства, распространились роскошь и праздность, мы уже встрѣчаемъ не уваженіе къ труду, а презрѣніе къ нему.

Чѣмъ чаще повторяются извѣстныя дѣйствія, чувства и представленія, тѣмъ глубже проникаютъ они въ плоть и кровь человека, овладѣваютъ его нервами, умомъ, однимъ словомъ, всѣмъ его существомъ. Нѣкоторыя привычки до того вѣ-

дряются въ характеръ чловѣка, что берутъ перевѣсъ надъ сознаниемъ и волею. Существуетъ не мало примѣровъ, что музыканты въ оркестрѣ отъ усталости теряютъ сознание, однако продолжаютъ играть въ тактъ, хотя бы не слышали и не видѣли тѣхъ, кто ими дирижируетъ. Многія привычки, какъ хорошія, такъ и дурныя, пріобрѣтенныя съ дѣтства или въ молодости, становятся потребностью организма. Не даромъ же существуетъ поговорка: „привычка—вторая натура“. Чѣмъ болѣе чловѣкъ живетъ подъ вліяніемъ той или другой привычки, тѣмъ болѣе подчиняется ей, тѣмъ сильнѣе поработаетъ она его, и наоборотъ; чѣмъ меньше мы сжились съ привычкою и чѣмъ моложе нашъ организмъ, тѣмъ легче она искореняется. Вотъ что по этому поводу говоритъ Ломброзо („Геній и помѣшательство“): „Исторія даетъ немало примѣровъ того, какъ люди эксцентрическіе, склонные ко всевозможнымъ излишествамъ, выходили потомъ на прямую дорогу, единственно благодаря энергической борьбѣ съ своими страстями и настойчиво достигали своей цѣли. Но подобное самовоспитаніе представляетъ все-таки слишкомъ большія трудности, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Гораздо легче могутъ достигнуть хорошихъ результатовъ родители и воспитатели молодого поколѣнія“.

Борьба съ дурными привычками въ зрѣломъ возрастѣ въ высшей степени тяжела, требуетъ значительной силы воли и мужества, и даже при этихъ качествахъ не всегда удается отъ нихъ избавиться. Примѣры у всѣхъ передъ глазами: всѣмъ извѣстны вся мерзость и вредныя послѣдствія лжи, куренья табаку, пьянства, обжорства, хвастовства, недостатка усидчивости, терпѣнія. Всѣ эти недостатки прививаются путемъ привычекъ, которыя впоследствии трудно искоренимы, такъ какъ онѣ сдѣлались уже органическою потребностью. Путемъ привычки въ раннемъ дѣтствѣ можно добиться аккуратности, чистоплотности, трудолюбія, можно пріучить ребенка сдерживать аффекты, развить въ немъ въ большей или меньшей степени если не веселое, то во всякомъ случаѣ бодрое расположеніе духа, привить склонность къ умѣренности въ пищѣ. Приспособляемость организма къ перемѣнамъ температуры (до извѣстной степени, конечно), выносливость при ударахъ судьбы, лишенияхъ и невгодахъ, стремленіе къ честнымъ принципамъ, интересъ къ общественной жизни, терпѣніе, правдивость, отчасти даже состраданіе къ ближнему и альтруистическія склонности вообще, — все это въ большей или меньшей степени находится въ тѣсной зависимости отъ разумнаго направленія привычекъ въ раннемъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Расположеніе къ умственному труду, вниманіе, память, умѣнье вдумываться и углубляться, дѣятельность мысли, любознательность и наблюдательность, — все это зависитъ отъ того, насколько правильно было поставлено воспитаніе, насколько цѣлесообразно было умственное развитіе, хороши или дурны были навыки, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ и отрочествѣ.

Привычки могутъ быть благопріобрѣтенныя и наслѣдственныя. Цѣль разумнаго воспитанія — давать толчокъ, укрѣплять и развивать склонность къ честнымъ и полезнымъ привычкамъ, облагораживающимъ душу и возвышающимъ умъ, и ослаблять наслѣдственныя привычки противоположнаго характера. Подъ вліяніемъ разумнаго воспитанія наслѣдственныя привычки, если только характеръ ихъ предосудителенъ, слабѣютъ мало-по-малу, а иногда и совсѣмъ исчезаютъ. Могущество и значеніе воспитанія болѣе всего сказывается въ правильномъ развитіи и направленіи привычекъ въ дѣтствѣ, а потому мы остановимся на тѣхъ явленіяхъ жизни ребенка, на которыя привычки имѣютъ особенно сильное вліяніе.

Вся жизнь ребенка первыхъ лѣтъ его существованія состоитъ въ простомъ собираніи и воспріятіи дѣйствующихъ на него впечатлѣній внѣшняго міра. И позже,

въ болѣе старшемъ возрастѣ, все знакомство съ внѣшнимъ міромъ, всѣ наши представленія происходятъ путемъ чувственныхъ воспріятій, то-есть посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, какъ *зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе* и *вкусъ*, которые служатъ надежнѣйшими помощниками при физическомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи. Безъ чувственныхъ воспріятій, а это бываетъ, когда органы внѣшнихъ чувствъ дитяти плохо развиты, человѣкъ не только не будетъ въ состояніи дѣлать впослѣдствіи самостоятельныхъ выводовъ, но не можетъ имѣть надлежащаго сужденія о предметѣ. Такимъ образомъ въ духовной жизни ребенка самое существенное значеніе, самую первую роль играютъ органы внѣшнихъ чувствъ. Кто отъ природы лишень одного или нѣсколькихъ органовъ чувствъ, у того обнаруживаются и соотвѣтственные недостатки. Какъ тяжело обиженъ природою слѣпорожденный! Ему не только недоступны поэтическія картины природы и искусства, но онъ лишень всеоживляющихъ въ природѣ, всеодухотворяющихъ солнечныхъ лучей, цѣлой области, въ которую вносить столько поэзіи и красоты свѣтъ, съ его разнообразными отбѣнками; не знаетъ онъ и цвѣтовъ, слѣдовательно не имѣетъ надлежащаго представленія о громадномъ большинствѣ окружающихъ предметовъ, характернымъ признакомъ которыхъ является цвѣтъ; лишень онъ и созерцанія чуднаго солнечнаго дня и лунной ночи, безграничной дали и простора представленія о величинѣ и пространствѣ. Такимъ образомъ слѣпорожденный лишень чрезвычайно многихъ представленій, а слѣдовательно и понятій, а также весьма существенныхъ для развитія человѣка эстетическихъ наслажденій. Очень естественно, что огромная область знаній достается ему съ несравненно большими затрудненіями, чѣмъ зрячему, а многое остается и вовсе недоступнымъ; изъ сказаннаго ясно, что умственное развитіе слѣпорожденнаго страдаетъ большими пробѣлами. Глухонѣмой лишень цѣлаго міра звуковъ, не слышитъ человѣческой рѣчи, не можетъ имѣть свободнаго общенія съ людьми, слѣдовательно ему или вовсе недоступна, или несравненно менѣе доступна обширная область понятій и идей. И дѣйствительно, громадное большинство глухонѣмыхъ — люди неразвитые умственно и нравственно.

Конечно, все это я говорю о людяхъ, въ томъ или другомъ отношеніи обиженныхъ судьбою, но изъ этихъ примѣровъ можно составить ясное представленіе о томъ, какое роковое вліяніе на умственное и нравственное воспитаніе человѣка можетъ имѣть не только отсутствіе какого-нибудь органа чувства, но даже неправильное его развитіе. Если ребенокъ еще въ дѣтствѣ, до школьнаго возраста, не уяснитъ себѣ внѣшнихъ признаковъ окружающихъ предметовъ, онъ не можетъ быть наблюдательнымъ, природа съ ея разнообразными явленіями будетъ чужда его сердцу, а виѣсть съ этимъ ему будетъ недоступна огромная область знаній, чистыхъ восторговъ, живыхъ и здоровыхъ интересовъ, однимъ словомъ, въ его духовномъ развитіи будетъ множество недостатковъ. Чѣмъ совершеннѣе развиты органы чувствъ ребенка, тѣмъ болѣе представленій воспринимаетъ его умъ, а это только и даетъ возможность впослѣдствіи приобрѣсти наибольшее количество понятій, быть способнымъ приходить къ самостоятельнымъ заключеніямъ и выводамъ. Органы внѣшнихъ чувствъ дитяти могутъ и должны совершенствоваться, что достигается путемъ упражненій.

Когда дѣти появляются на свѣтъ божій, органы ихъ чувствъ развиты въ высшей степени слабо. Законы роста и развитія человѣческаго организма требуютъ упражненія внѣшнихъ чувствъ. Оставляя ихъ въ бездѣйствіи въ продолженіе извѣстнаго періода, легко замедлить ихъ развитіе, довести ихъ до потери способности къ извѣстнымъ отправленіямъ, къ атрофіи, даже къ полному уничтоженію того или другого органа. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что глаза у живот-

ныхъ, живущихъ въ темнотѣ, — исчезали, крылья птицъ, неимѣющихъ возможности летать, — атрофировались. Наблюдения ученыхъ доказываютъ, что отсутствіе упражненій у человѣка точно также ведетъ къ атрофіи того или другого органа. Д-ръ Чендлеръ-Робинсъ имѣлъ возможность наблюдать одну женщину, болѣзнь зуба которой заставляла ее, въ продолженіе двухъ лѣтъ, ѣсть на одной лѣвой сторонѣ рта. Когда, послѣ двухъ лѣтъ, ей выдернули больной зубъ, оказалось, что у нея отсутствуютъ вкусовыя ощущенія въ правой половинѣ рта. Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи наблюденія проф. Гарлея надъ самимъ собою. „Вслѣдствіе воспаления глазъ, развившагося у него подѣ влияніемъ усиленныхъ занятій съ микроскопомъ, онъ 9 мѣсяцевъ провелъ въ безусловномъ мракѣ, т.-е. въ комнатѣ настолько темной, что привыкшій къ ея темнотѣ Гарлей не могъ видѣть даже очертаній своей руки. Затѣмъ дальнѣйшіе 17 мѣсяцевъ онъ провелъ въ обыкновенной темной комнатѣ, которая постепенно освѣщалась все болѣе и болѣе для того, чтобы переходъ изъ темноты къ свѣту не былъ слишкомъ рѣзокъ и внезапенъ. Когда наконецъ проф. Гарлей перешелъ къ обыкновеннымъ условіямъ жизни, то онъ убѣдился, что разучился смотрѣть: всѣ предметы, даже собственныя руки, казались ему несоотвѣтственно длинными, и кромѣ того онъ разучился опредѣлять разстоянія, такъ что близкіе предметы казались ему далекими, а отдаленные близкими. Кромѣ того онъ потерялъ способность различать цвѣта, — всѣ предметы представлялись ему или черными, или бѣлыми“ („О ненормальности мозговой жизни“ М. М. Манасеиной, стр. 120).

То же бываетъ и съ дѣтьми, съ тою разницею, что при разумномъ уходѣ за ними съ первыхъ дней рожденія, развитіе органовъ совершается постепенно. Правильный уходъ за ними и возможное усовершенствованіе ихъ имѣютъ въ высшей степени важное значеніе для всей жизни человѣка. Вотъ потому-то правильное развитіе органовъ чувствъ дитяти должно быть первою и наиважнѣйшею заботою матери. Не совсѣмъ нормальное состояніе даже одного органа всегда производитъ дурное влияніе и на остальные органы, такъ какъ всѣ они, болѣе или менѣе, тѣсно связаны между собою. Слабое развитіе или поврежденіе того или другого органа ведетъ также къ опаснымъ нервнымъ и душевнымъ заболѣваніямъ. Плохое развитіе зрѣнія влечетъ за собою частую простуду глазъ, развиваетъ душевную тоску, апатію, меланхолію и дѣйствуетъ на мозгъ. Неправильныя отправленія органа слуха ведутъ къ мучительнымъ болямъ и шуму въ ушахъ, что легко можетъ перейти въ галлюцинацію слуха, въ нервное расстройство и вызываетъ даже различныя неправильности въ ходѣ мысленія. Большихъ невзгодъ и недуговъ можно ожидать и отъ неправильнаго развитія другихъ органовъ чувствъ — обонанія, вкуса, осязанія. Плохо развитые органы чувствъ не только грозятъ человѣку страданіями, но причиняютъ неизгладимый ущербъ его умственному развитію.

Но какое же влияніе на развитіе органовъ чувствъ можетъ оказать привычка? Развѣ она имѣетъ какое-нибудь значеніе въ этой области? Всѣ сложныя функціи нашихъ чувствъ, по даннымъ физиологіи, суть не что иное, какъ навыки, съ усиленіемъ усвоенные въ дѣтствѣ и сдѣлавшіеся впоследствии какъ бы нашею собственностью. Привычка управляетъ ходомъ дѣятельности всѣхъ нашихъ органовъ чувствъ. Способность зрѣнія воспринимать образы различныхъ формъ и величинъ, умѣнье правильно распознавать цвѣта и ихъ оттѣнки, краски и фигуры и отличать тонкіе переливы въ игрѣ свѣта, чувство симметріи и пропорциональности, всѣ эти пріобрѣтенія зрѣніе дѣлаетъ не сразу, а весьма медленно и постепенно и притомъ исключительно съ помощію упражненія, которое мало-по-малу переходитъ въ привычку.

У громаднаго большинства, даже въ интеллигентныхъ семьяхъ, на развитіе органа зрѣнія не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, а потому очень многіе, имѣя здоровые глаза, не умѣютъ отличать оттѣнковъ въ игрѣ свѣта и цвѣтовъ; есть даже немало и такихъ, которые не въ состояніи отличить одинъ цвѣтъ отъ другого: нѣкоторые не имѣютъ надлежащаго представленія о симметріи, другіе не обращаютъ вниманія на форму, и чрезвычайно много страдающихъ близорукостью и косоглазіемъ.

Близорукость и косоглазіе могутъ передаваться по наслѣдству, но могутъ быть и благопріобрѣтеными. Если воспитатель не будетъ зорко наблюдать, чтобы ребенокъ, разсматривая предметъ, не близко наклонялся къ нему, не сильно приближалъ его къ себѣ, близорукость будетъ прогрессировать, если къ ней при этомъ существуетъ склонность, или она разовьется постепенно; точно такъ же и косоглазіе, — если ребенокъ, склонный къ этому недостатку, будетъ разглядывать предметы сбоку. Близорукость и косоглазіе вносятъ не мало измѣновъ въ умственное развитіе. Близорукой не можетъ составить себѣ вполне яснаго и отчетливаго представленія о цѣлой группѣ предметовъ и явленій, недоступныхъ для разсмотрѣнія и наблюденія ихъ вблизи. Онъ лишень между прочимъ возможности наблюдать за выраженіемъ и игрой физіономіи во время гнѣва, досады, восторга, изумленія и другихъ страстей, часто внезапно овладѣвающихъ душою человѣка, умѣющаго сдерживать себя и не обнаруживающаго этихъ чувствъ ни въ словахъ, ни въ интонаціи голоса. Между тѣмъ умѣне наблюдать всю эту сложную борьбу разнородныхъ человѣческихъ чувствъ и страстей, всю эту житейскую трагикомедію, проявляющуюся иногда только въ выраженіи физіономіи, не бесполезно для каждаго, чтобы понимать и выяснять себѣ до тонкости и въ деталяхъ характеръ и натуру человѣка. Для мыслителя, беллетриста и художника такой недостатокъ, лишеніе такого рода наблюденій — крайне существенный пробѣлъ. Бинокли, лорнеты, очки далеко не всегда удобны и возможны и никогда не могутъ вполне замѣнить нормальнаго развитія зрѣнія. Близорукость вліяетъ извѣстнымъ образомъ и на характеръ. Близорукой не можетъ быть такъ самоувѣренъ, смѣлъ, рѣшителенъ и предприимчивъ въ своей дѣятельности, какъ человѣкъ съ нормально развитымъ зрѣніемъ. Если неблагопріятная среда и неразумное воспитаніе могутъ повести къ развитію и усиленію различныхъ недостатковъ, то при совершенно обратныхъ условіяхъ невозможно опредѣлить предѣла, до котораго можно довести утонченность и остроту этого органа. Для примѣра поразительной утонченности зрѣнія и слуха возьмемъ дикарей, природа, обстоятельства, нравы, привычки и вся жизнь которыхъ способствуютъ усовершенствованію этихъ органовъ. Индѣйцы видятъ предметы и различаютъ звуки, совершенно ускользящіе отъ глаза и слуха европейца, надѣленнаго наиболѣе развитыми органами.

Кромѣ благопріятной среды, въ высшей степени содѣйствуютъ совершенствованію органовъ чувствъ и различныя упражненія. Вотъ что по этому поводу говорить нашъ извѣстный педагогъ и психологъ г. Каптеревъ, давшій по педагогической психологіи въ высшей степени талантливыя и цѣнныя въ научномъ отношеніи труды: „Педагогу нужно усвоить себѣ прежде всего основную мысль, что органъ зрѣнія не есть уже нѣчто готовое и законченное при рожденіи человѣка, но развивается и формируется въ первые годы дѣтства на глазахъ его, педагога. Естественно думать, что совершающійся на глазахъ педагога процессъ развитія органа зрѣнія даетъ ему возможность способствовать этому развитію, создавать для него благопріятныя условія, устранять вредныя. Если бы глазъ ребенка уже при рожденіи представлялъ нѣчто законченное и сформированное, тогда не было бы мѣста вліянію педагога, педагогъ имѣлъ бы дѣло съ явленіемъ уже совершившимся. Но на

самомъ дѣлѣ мы видимъ не то. Разумное же вѣшательство въ процессъ развитія зрѣнія, не только возможно, но и вполне желательно. Органы наши, въ частности органъ зрѣнія, могутъ достигать известной степени развитія вслѣдствіе неизбѣжныхъ вліяній со стороны окружающей среды; но такое развитіе очень часто бываетъ недостаточнымъ, требующимъ восполненія и усовершенствованія“. („Очерки по психологіи ребенка“. Женское Образование“ 1882 г. № 3, стр. 188—189).

Упражненіе зрѣнія должно состоять въ постепенномъ отдаленіи предмета: приучайте ребенка все далѣе и далѣе держать отъ себя книгу и тетрадь, когда онъ читаетъ, пишетъ, разсматриваетъ картинки, рисуетъ. Любуясь цвѣткомъ, моремъ, озеромъ, радугою, пусть опредѣлитъ ихъ цвѣтъ. Уже въ три, четыре года ребенокъ долженъ знать цвѣтъ своего платья и всѣхъ частей своего туалета—чулокъ, ботинокъ, штанишекъ. Онъ долженъ интересоваться и цвѣтомъ платья, одѣтаго сегодня нянею, матерью и сестрами, скатерти, застланной на чайный столъ, занавѣсокъ въ комнатѣ. Онъ долженъ знать цвѣтъ листьевъ и домашнихъ цвѣтовъ, цвѣтъ кошки, съ которою играетъ, собаки, лошади и коровы, которыя проходятъ мимо него. Пусть набранные въ лѣсу листики и шишки деревьевъ, траву, камешки у ручья, раковины раскладываетъ онъ на столѣ подъ цвѣтъ, и такимъ образомъ онъ узнаетъ не только цвѣта, но и ихъ оттѣнки. Въ три, четыре года ребенокъ можетъ нарѣзать изъ разноцвѣтной бумаги квадратики, треугольники, кружки и т. п. и наклеивать ихъ въ тетрадь. Для знакомства съ цвѣтами можно употреблять и берлинскую шерсть. Такъ же постепенно должно идти и знакомство съ формой: ребенокъ уже послѣ 5-ти лѣтъ долженъ уметь указать кубъ, шаръ, цилиндръ и другія простыя геометрическія тѣла; его еще до школы необходимо знакомить съ величиной, вѣшнимъ видомъ и плотностью предметовъ, которые его окружаютъ; уже въ это время онъ долженъ уметь отличать одушевленный предметъ отъ неодушевленнаго (но не опредѣляя ихъ, конечно, отвлеченными словами), долженъ уметь передать матери видѣнное имъ. Въ этомъ заключается цѣль нагляднаго обученія, которое, всесторонне знакомя ребенка съ окружающими предметами, не только расширяетъ его умственный кругозоръ, но и заставляетъ его изучать все большее количество словъ и оборотовъ, что обогащаетъ его родную рѣчь, дѣлая ее для него все болѣе свободною. Дѣтей необходимо научить разсматривать предметы не только въ цѣломъ, но и въ отдѣльныхъ частяхъ; они должны научиться не только отличать одинъ предметъ отъ другого по его вѣшнему виду, но уметь находить красивое тамъ, гдѣ оно есть, наслаждаться красотами природы, — для этого необходимо обращать вниманіе ребенка съ ранняго дѣтства на красоту въ природѣ и жизни.

Психологъ Прейеръ сообщаетъ, что перерывъ на два мѣсяца упражненій въ различеніи цвѣтовъ повлекъ за собою значительный регрессъ въ дѣятельности органа зрѣнія его сына. Великій знатокъ дѣтской души и тонкій наблюдатель — Фребель придавалъ громадное значеніе развитію и усовершенствованію органовъ чувствъ дитяти. Всѣ его занятія, работы, упражненія, однимъ словомъ, вся его система преимущественно имѣютъ въ виду равномѣрное и всестороннее развитіе и совершенствованіе органовъ чувствъ и органовъ движенія дитяти. На упражненіяхъ органовъ чувствъ я не буду здѣсь особенно долго останавливаться, такъ какъ я еще имѣю въ виду говорить о нихъ при изложеніи фребелевской системы.

Слухъ, такъ же какъ и зрѣніе, можетъ приобрѣтать остроту, утонченность, быстроту и отчетливость. Лѣсные жители не только слышатъ, но и отличать голосъ одного животнаго отъ другого и на такомъ разстояніи, на которомъ мы не услышимъ ни малѣйшаго звука. О двухъ слѣпыхъ братьяхъ въ Филадельфіи рассказы-

ваютъ, что они, переходя улицу, знали, когда приближались къ столбу, вслѣдствіе особеннаго звука, издаваемаго землею подъ ихъ ногами въ сосѣдствѣ столба. Они же узнавали по полету ручныхъ голубей, съ которыми играли. Неблагопріятныя условія притупляютъ способность слуха. Замѣчено, что дѣти настройщиковъ различныхъ инструментовъ, машинистовъ и мѣдниковъ настолько привыкаютъ къ оглушительнымъ и дисгармоничнымъ звукамъ, что обыкновенно притупляютъ свой слухъ.

Множество научныхъ изслѣдованій подтверждаетъ, что слухъ новорожденныхъ дѣтей въ высшей степени плохъ, особенно въ первые дни рожденія. Слухъ такъ же, какъ и зрѣніе, развивается упражненіемъ, которое затѣмъ входитъ въ привычку. Дѣло воспитателя дать надлежащее направленіе такого рода упражненіямъ и привычкамъ. Прейеръ, пріобрѣвшій громкую извѣстность своей книгой „*Душа ребенка*“ (*Die Seele des Kindes. Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen in den ersten Lebensjahren von W. Preyer*), массою фактовъ краснорѣчиво доказываетъ, что слухъ цыпленка, выходящаго изъ яйца, точно такъ же, какъ и многихъ новорожденныхъ млекопитающихъ, несравненно болѣе совершененъ, чѣмъ у новорожденнаго человѣка, какъ относительно различенія высоты звуковъ и ихъ напряженности, такъ и относительно различенія родовъ шума, ихъ направленія, а, можетъ быть, и ихъ продолжительности. „Да иначе и быть не можетъ“, говоритъ онъ, „такъ какъ новорожденный человѣкъ сначала ничего не слышитъ, потомъ очень плохо и лишь нѣкоторые звуки, затѣмъ слышитъ большее количество звуковъ, но все еще очень плохо; вслѣдъ за этимъ, мало-по-малу, изъ массы тѣхъ, которые онъ воспринимаетъ не вполне, онъ различаетъ нѣкоторые не совсѣмъ отчетливо, наконецъ онъ слышитъ много звуковъ и вполне, но всегда ранѣе различая высокіе звуки, чѣмъ низкіе. Каждая мать тратитъ многія тысячи словъ, которыя говоритъ, бормочетъ или поетъ своему ребенку, прежде чѣмъ онъ услышитъ хотя одно изъ нихъ; она говоритъ ему еще болѣе тысячи словъ прежде, чѣмъ онъ пойметъ хотя одно изъ нихъ, но если бы она не расточала своихъ словъ существу, которое сначала не слышитъ и еще долѣе не понимаетъ, ребенокъ выучился бы говорить и слышать мать очень поздно и съ большимъ трудомъ“.

Физическій уходъ за ухомъ требуетъ прежде всего чистоплотности: излишнее накопленіе въ слуховомъ проходѣ сѣры вызываетъ различныя заболѣванія, и не только самаго прохода, но и барабанной перепонки. Раздраженіе, вызванное этимъ явленіемъ, заставляетъ дѣтей извлекать сѣру и раздражающую, накопившуюся нечистоту шпильками, ухвертками, булавками, спичками,—это не только вредно, но и весьма опасно, вызываетъ ссадины въ слуховомъ проходѣ и на барабанной перепонкѣ, частыя воспаленія, что можетъ повести къ глухотѣ. Въмѣсто того, чтобы раздражать уже раздраженное ухо ухвертками, можно иногда моментально прекратить зудъ, осторожно впустивъ на нѣсколько минутъ въ слуховой проходъ нѣсколько капель чуть тепловатой воды, которая размягчаетъ накопившуюся сѣру и унимаетъ зудъ. Если это не помогаетъ, нужно проспринцовать ухо тепловатой водой. Но физическое воспитаніе, какъ органовъ чувствъ дитяти, такъ и его организма, вообще не входитъ въ программу нашей книги, и потому я перехожу къ упражненіямъ органа слуха.

Въ упражненіяхъ такого рода первую роль играетъ *развитіе умнѣнья прислушиваться* къ шумамъ и звукамъ природы, къ различнымъ музыкальнымъ инструментамъ, къ пѣніямъ, къ звукамъ и голосамъ животныхъ, а также къ шумамъ и звукамъ, издаваемымъ различными предметами. Мать должна заставлять ребенка прислушиваться, когда громъ гремитъ, вѣтеръ воетъ и свиститъ, корова мычитъ,

собака лаетъ, кошка мяукаетъ, пѣтухъ выкрикиваетъ свое ку-ку-реку, кукушка кукуетъ, курица клохчетъ, лошадь ржетъ, муха жужжитъ, сверчокъ стрекочетъ. Пусть онъ прислушивается и къ журчанію ручейка, и къ завыванію бури и пріучается отличать пѣніе одной птички отъ другой, узнавать звукъ, издаваемый при ударѣ тѣмъ или другимъ metalloмъ, камнемъ, стукомъ подвѣзжающаго экипажа. Если воспитательница можетъ играть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ и облагаетъ хотя небольшимъ голосомъ и музыкальнымъ слухомъ, пусть напѣваетъ и наигрываетъ своему ребенку несложныя аріи и пѣсенки. Несомнѣнно, ребенокъ долго не будетъ понимать ни словъ пѣсни, ни звуковъ мелодіи, но, постоянно прислушиваясь къ гармоническимъ звукамъ музыкальнаго инструмента и человѣческаго голоса, онъ, по привычкѣ къ мелодичнымъ звукамъ и изъ подражательности, этой характерной черты дѣтской природы, самъ начнетъ подтягивать своимъ дѣтскимъ голосомъ пѣсенку или мелодію, что въ высшей степени развиваетъ слухъ ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его эстетическое чувство и пробуждаетъ въ немъ любовь къ музыкѣ. Для развитія слуха полезно также пріучать ребенка слушать пѣніе, игру на музыкальномъ инструментѣ, разговоръ, чтеніе (разумѣется, когда это дѣлается уже доступнымъ его возрасту) и при томъ постепенно все на болѣе далекомъ отъ него разстояніи: такимъ образомъ слухъ будетъ напрягаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упражняться. Во время серьезныхъ дѣтскихъ заболѣваній, особенно въ случаяхъ сыпныхъ болѣзней, а также тифа, дифтерита и ангины, горло часто бываетъ поражено, а такъ какъ оно находится въ тѣсной связи съ слуховыми органами, то въ такихъ случаяхъ мать должна наблюдать, не пострадалъ ли слухъ ребенка. Слѣдуетъ обращать вниманіе и на частыя насморки, — они очень вредно отзываются на слухъ, такъ какъ слуховые органы находятся въ тѣсной связи не только съ горломъ, но и съ носовою полостью. Упражненіе слуха имѣетъ громадное значеніе и потому, что оно въ то же время служитъ упражненіемъ вниманія, которое играетъ такую важную роль въ умственномъ и нравственномъ развитіи ребенка. Замѣчено, что невнимательныя, поверхностныя и черезчуръ разсѣянныя дѣти очень часто въ то же время и слышатъ плохо. Уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ надо обращать вниманіе на то, чтобы дѣти не коверкали словъ, — воспитатель долженъ ясно и отчетливо повторять названія предметовъ, произнесенныя ребенкомъ неправильно. Но при этомъ онъ всегда долженъ имѣть въ виду, что ребенокъ не можетъ сразу повторять за нимъ вполнѣ правильно, что заставлять ребенка долго слушать и прислушиваться слѣдуетъ весьма осторожно, чтобы не переутомить вниманіе и слухъ маленькаго существа.

Какъ плохо развитое зрѣніе, такъ и плохой слухъ вредно отзываются на школьныхъ занятіяхъ ребенка: школьникъ не все видитъ и слышитъ, что дѣлается въ классѣ, и эти недостатки служатъ величайшимъ тормазомъ для усвоенія знаній. Чѣмъ менѣе развитъ слухъ у человѣка, чѣмъ болѣе страдаютъ его слуховые органы, тѣмъ менѣе можетъ онъ наслаждаться музыкой, пѣніемъ, театральными представленіями, публичными лекціями, даже обществомъ себѣ подобныхъ.

Въ области осязанія извѣстныя навыки имѣютъ огромное значеніе: упражненіемъ слѣпые доводятъ органъ осязанія до изумительной тонкости и совершенства. Съ помощью пальцевъ они бѣгло читаютъ по книгѣ съ выпуклыми буквами, различаютъ игральныя карты, монеты, узнаютъ форму и свойство каждаго предмета, степень прочности всевозможныхъ издѣлій, — однимъ словомъ, слѣпымъ осязаніе замѣняетъ глаза. Существуютъ даже такіе слѣпые, которые лучше зрячихъ могутъ отличать фальшивую кредитную бумажку отъ дѣйствительной. Мнѣ приходилось слышать отъ воспитателей заведенія для слѣпыхъ, что публика, посѣщающая ихъ, на-

блюдая, какъ слѣпыя увѣренно бѣгаютъ по комнатамъ заведенія, по лѣстницамъ и саду, вскарабкиваются на деревья, и особенно когда они занимаются сложными рукодѣльями, высказываетъ обыкновенно такой взглядъ, что природа взаменъ глазъ даритъ слѣпцу необыкновенный даръ осязанія, котораго лишены зрячіе. Но это не совсѣмъ вѣрно. Воспитательница въ доказательство того, что осязаніе слѣпыхъ главнымъ образомъ пріобрѣтается путемъ привычки и навыка, показала намъ множество работъ, какъ слѣпороджденныхъ, такъ и тѣхъ, которые ослѣпли по третьему, четвертому и пятому году своей жизни, — работы послѣднихъ не уступали въ искусствѣ работамъ слѣпороджденныхъ, что достигнуто было путемъ постоянныхъ упражненій. Физическій уходъ за органомъ осязанія сводится преимущественно къ уходу за кожей, имѣющей громадное значеніе для всего организма. И при этомъ главная обязанность — соблюденіе чистоты и развитіе приспособляемости кожи къ перенесенію переменъ температуры. Для этого необходимо, чтобы теплая вода, въ которой купаютъ ребенка, и въ началѣ согрѣваемая одежда, въ которую его одѣваютъ послѣ купанья въ первое время его жизни, употреблялись все болѣе холодными; температура комнаты, въ которой онъ живетъ, становилась бы все болѣе умѣренной, но все это съ соблюденіемъ большой постепенности.

Задача воспитателя, въ области осязанія, направить и обставить жизнь ребенка и его физическія упражненія такимъ образомъ, чтобы сдѣлать его организмъ выносливымъ къ разнообразнымъ переменамъ температуры, къ жару и холоду, чтобы ребенокъ могъ поменьше испытывать послѣдствій простуды, получилъ бы въ концѣ концовъ возможность гулять во всякую погоду, могъ бы жить въ разныхъ климатахъ. Что же касается кожи, то нужно имѣть въ виду сдѣлать ее менѣ чувствительною, менѣ раздражительною и болѣе выносливою. Физически закаленный человѣкъ въ послѣдствіи не только крѣпче постоитъ за правду и упорнѣе сопротивляется житейскимъ невгодамъ и лишеніямъ, но будетъ способнѣе другого къ усидчивой работѣ, устойчивѣе можетъ держаться честныхъ принциповъ и вообще будетъ болѣе мужественнымъ, выносливымъ, менѣ нервнымъ, капризнымъ и измѣнчивымъ; житейскій комфортъ и удобства менѣ, чѣмъ нѣженку и баловня, соблазнятъ его, и жизнь будетъ представлять ему менѣ искушеній для сдѣлокъ съ совѣстью.

Но, Боже сохрани, закаливая организмъ, впадать въ крайность. Закалять организмъ должно въ высшей степени постепенно, строго сообразуясь со степенью здоровья ребенка вообще, съ его выносливостью въ частности, съ возрастомъ и индивидуальными, физическими особенностями каждаго. Нужно помнить, что *закаленіе* организма имѣетъ свою границу и предѣлъ. Къ тому же не всякое матеріальное лишеніе, непогоду, сырость, холодъ можетъ вынести каждый ребенокъ, тѣмъ болѣе такой, родители котораго вели изнѣженный образъ жизни. Наконецъ, и для нравственнаго развитія дитяти одинаково нежелательны, какъ излишняя изнѣженность, раздражительность и чувствительность, такъ и крайнее огрубѣніе тѣла, слишкомъ ничтожная чувствительность кожи. Совершенно огрубѣвшее существо будетъ слишкомъ мало воспримчиво и возбудимо для впечатлѣній нравственнаго характера, чему даетъ намъ прекрасный примѣръ воспитаніе спартанскихъ юношей: они были равнодушны къ самымъ тяжелымъ условіямъ жизни, могли выносить холодъ и голодъ, были неутомимы въ трудахъ, умирали подъ ударами, не издавъ ни одного крика, ни одной жалобы, но въ то же время отличались грубостью и жестокостью нравовъ. Едва-ли кто-нибудь пожелаетъ вернуть времена Спарты, съ ея грубымъ варварствомъ и замѣчательными атлетами, съ ея презрѣніемъ къ наукѣ и съ ея розгносецами, которые на праздникахъ, въ видахъ пріученія дѣтей къ терпѣнію, засѣ-

кали ихъ до смерти. Но каковы бы ни были результаты спартанскаго воспитанія, но и оно доказываетъ силу, могущество и значеніе воспитанія вообще.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ мы знаемъ уже, до какой удивительной тонкости, вслѣдствіе упражненій, доходитъ совершенство осязанія у слѣпыхъ, и вслѣдствіе этого мы не понимаемъ, почему у зрячихъ оставляютъ втунѣ развитіе этого органа. Ребенку, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ давать ощупывать каждую игрушку, каждый предметъ, который онъ видитъ и беретъ въ руки, затѣмъ пусть онъ, не глядя на предметъ, лишь по осязанію, опредѣляетъ его форму, величину, приблизительный вѣсъ, твердость, эластичность, степень гладкости и шероховатости. Также не глядя, пусть называетъ онъ вамъ, что вы дали ему въ руки: металлъ, дерево, камень, резину, кость, стекло, рогъ, шерстяной, бархатный, бумажный или льняной обрѣзокъ матеріи, предметъ влажный, сухой или мокрый, лакированный или шершавый. Пусть ребенокъ даетъ также, но, конечно, самое элементарное опредѣленіе степени плотності предмета, холода и тепла. Отъ времени до времени вводите его въ темную комнату; пусть сначала съ вашею помощію, а затѣмъ и самостоятельно, но съ извѣстными предосторожностями дотрогивается онъ до столовъ, стульевъ, посуды и всѣхъ находящихся въ комнатѣ предметовъ; при этомъ онъ долженъ называть, что попало ему подъ руки, почему онъ такъ думаетъ, что это то, а не другое. Но такія бесѣды отнюдь не должны носить характера формальныхъ упражненій, особенно для дѣтей до 7—8-ми-лѣтняго возраста. Пусть дитя, отъ времени до времени, закрывши глазки или повязавъ ихъ легкимъ платкомъ, отгадываетъ, что вы дали ему въ руки. Это отгадываніе предметовъ съ зажмуренными или повязанными платкомъ глазами такъ нравится дѣтямъ, что они сами безпрестанно прибѣгаютъ къ этой игрѣ. А какой обильный запасъ для шутокъ и смѣха представить темная комната! Между тѣмъ такія упражненія не только изоцряютъ осязаніе, но знакомятъ ребенка съ характерными признаками cadaго предмета, волей-неволей заставляютъ составить о немъ болѣе ясное и опредѣленное представленіе, вырабатывая такимъ образомъ точность опредѣленія окружающихъ предметовъ, что весьма важно при развитіи дара слова и выработкѣ элементарныхъ понятій. вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и вредная боязнь темноты. Однимъ словомъ, разумнымъ упражненіемъ осязанія пріобрѣтаются въ высшей степени благодѣтельныя привычки, имѣющія немаловажное значеніе въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ воспитаніи ребенка.

Особенно велико значеніе привычки при развитіи *вкуса* и *обонянія*, этихъ низшихъ органовъ въ области нашихъ чувствъ. При неблагоразумномъ воспитаніи привычекъ въ этой области онѣ ведутъ къ вреднымъ послѣдствіямъ: къ неумѣренности въ пищѣ и къ обжорству, что не только вредно отзывается на здоровьѣ (производитъ засореніе желудка и катарры кишекъ), но въ то же время ослабляетъ волю, пріучаетъ къ невоздержанности, результатомъ чего въ концѣ концовъ является пьянство, преждевременное развитіе чувственности, стремленіе къ удовольствіямъ низкаго характера. Эти пороки быстро развиваются и совершенно порабощаютъ духовную жизнь челоуѣка, подавляя высшія, благороднѣйшія стремленія ума и сердца. Какую роль играетъ привычка при развитіи этихъ органовъ, видно уже изъ того, что сортировщики чая могутъ по вкусу и запаху этого напитка опредѣлить не только его возрастъ, но даже и мѣстность Китая, гдѣ онъ выросъ. Такая же утонченность обонянія и вкуса развита и у сортировщиковъ вина, у гастрономовъ и т. п. Если ребенокъ не вполне предоставленъ себѣ, за его воспитаніемъ зорко наблюдаютъ, онъ скоро научается не только различать, но и вполне правильно опредѣлять горькое,

сладкое, кислое, соленое и другія вкусовыя ощущенія. Точно также нюхая цвѣты во время прогулки, онъ по одному запаху съумѣетъ назвать тѣ изъ нихъ, которые онъ встрѣчаетъ наиболѣе часто.

Такимъ образомъ фактами, вполне подтвержденными наукою, доказано, что органы внѣшнихъ чувствъ имѣютъ громадное, неотразимое вліяніе на физическое, нравственное и умственное воспитаніе дитяти. Изъ этого естественно вытекаетъ, что правильное ихъ развитіе,—одна изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія. Развитіе же ихъ мы считаемъ правильнымъ лишь тогда, когда обращено одинаковое вниманіе, какъ на ихъ физическое, такъ и на интеллектуальное воспитаніе. Пояснимъ примѣромъ. Идеаль вполне правильного развитія органа зрѣнія долженъ заключаться не въ томъ только, чтобы имѣть здоровые глаза и чтобы помимо наслѣдственности не нажить косоглазія, близорукости и другихъ недостатковъ, но чтобы при здоровомъ зрѣніи умѣть наблюдать окружающую природу, выработать въ себѣ стремленіе къ наслажденію ея красотами, умѣть вглядываться и вдумываться въ жизнь людей, въ ихъ характеры, достоинства и недостатки, приобрѣсти навыкъ узнавать характерные признаки предметовъ, ихъ сходство и различіе между собою.

Такъ же велико значеніе привычки въ развитіи дара слова.

Сначала дитя издаетъ звуки, которые постепенно становятся все болѣе разнообразными, затѣмъ изъ нихъ составляются слоги и слова, увеличивающіеся въ количествѣ ежедневно, ежечасно, такъ какъ мать, наклоняясь надъ изголовьемъ ребенка, безпрестанно произноситъ различные слова и звуки. Ребенокъ повторяетъ за ней, какъ понимаетъ и можетъ, и его голосовой аппаратъ постепенно приравнивается къ человѣческой рѣчи. Такое же вліяніе оказываетъ упражненіе и привычка и на развитіе правильной рѣчи. Вотъ что по этому поводу говоритъ нашъ знаменитый педагогъ К. Д. Ушинскій: „грамматическая правильность достигается еще въ первые годы ученья, когда человѣкъ легко и удобно усваиваетъ многочисленные *навыки*, которые составляютъ основу правильной рѣчи и правильного письма. Грамматическая правильность рѣчи, изустной и письменной, есть не знаніе, а *привычка*“. Тутъ говорится о первоначальномъ обученіи грамотѣ, но привычка такую же могущественную роль играетъ и въ развитіи дара слова, при первоначальномъ развитіи рѣчи.

При первомъ пробужденіи сознанія, дитя обращаетъ вниманіе на тотъ или другой предметъ. Иногда оно радостно протягиваетъ къ нему руки и издаетъ при этомъ какой-нибудь звукъ, затѣмъ называетъ его, въ большинствѣ случаевъ, по-своему; очень часто множество предметовъ ребенокъ обозначаетъ одними и тѣми же звуками, напримѣръ: „бу-бу“, „то-то“, „ми-ми“ и т. п. Мать, понимающая лепетъ своего дитяти, сейчасъ же пойметъ, на какой предметъ обратило оно вниманіе, и называетъ его по имени. Ей приходится иногда много разъ назвать этотъ предметъ по имени (сохрани Богъ это дѣлать сразу), прежде чѣмъ ребенокъ самъ будетъ въ состояніи отчетливо произнести это слово. Но повторенія отъ времени до времени одного и того же слова, одного и того же названія, извѣстное при этомъ выраженіе лица матери, тонкіе оттѣнки въ перемѣнѣ ея голоса настолько характеризуютъ самый предметъ, что ребенокъ, постепенно усваивая его названіе, получаетъ и нѣкоторое понятіе о немъ, извѣстное представленіе. Если мать дурно говоритъ, заикается, либо имѣетъ какой-нибудь недостатокъ въ произношеніи вообще или лишь въ нѣкоторыхъ словахъ и звукахъ, если говоръ ея отличается какими-нибудь особенностями, напримѣръ, невнятною, быстрою или, наоборотъ, излишнею медлительностью, то, въ большинствѣ случаевъ, тѣ же недостатки прививаются и къ ре-

бенку, если только вліяніе матери не парализуется другими вліяніями, — нянею, бабушкою, разговаривающими съ ребенкомъ не менѣе матери. Отвыкать отъ недостатковъ въ произношеніи и выговорѣ, полученныхъ въ дѣтствѣ, очень трудно. Различные недостатки въ говорѣ приобретаются дѣтскими и самостоятельно: ребенокъ начинаетъ сюсюкать, шепелявить, комично выговаривать то или другое слово. Не слѣдуетъ настаивать и добиваться во что бы то ни стало, чтобы ребенокъ немедленно, сразу правильно произнесъ его: это можетъ быть для него очень затруднительно, а часто и невозможно; но и самимъ воспитателямъ не слѣдуетъ подражать ребенку въ коверканіи словъ, а называть предметъ отчетливо и правильно. Многие родители, напротивъ, приходятъ въ такой восторгъ отъ исковерканнаго ребенкомъ слова, что вводятъ его въ употребленіе. Ребенокъ вмѣсто Марина говоритъ: „Малына“, вмѣсто собака — „сокана“, молоко называетъ „бо“, и всѣ окружающіе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, разговаривая съ ребенкомъ, коверкаютъ эти слова. „Хочешь „бо“? вмѣсто „хочешь молока“? „А вотъ и „Малына“ пришла!“ вмѣсто „Марина“. Многія неправильности и недостатки въ говорѣ, обнаруженные ребенкомъ въ первые годы жизни, такъ и остаются навсегда, отъ нѣкоторыхъ онъ избавляется, когда подрастаетъ и когда надъ нимъ начинаютъ подсмѣиваться, но слѣдуетъ, чтобы и родители не проявляли любви своей къ дѣтямъ такъ неумно. Въ коверканіи словъ родителями выражается несомнѣнно ихъ неудержимый восторгъ передъ предестнымъ лепетомъ ихъ малютокъ, желаніе доставить этимъ удовольствіе ребенку, желаніе снизить до его уровня, но имъ слѣдуетъ себя сдерживать и, доставляя удовольствіе дѣтямъ, не приносить имъ вреда, стоять всегда и во всемъ на высотѣ своего положенія. Въ большинствѣ случаевъ ребенокъ, когда уже начинаетъ нѣсколько говорить, произноситъ изъ цѣлага слова одинъ какой-нибудь слогъ, первый или послѣдній, смотря потому, какой изъ нихъ наиболѣе соотвѣтствуетъ его голосовому аппарату, замѣняя при этомъ трудныя для произношенія буквы болѣе легкими, такъ, на примѣръ, *сапоги* ребенокъ называетъ „ки“ (мѣняя *г* въ *к*), или „паки“ (вмѣсто „поги“); въ словахъ: кофе, Дуня, Тая они обыкновенно произносятъ первый или послѣдній слогъ. Но и въ этихъ случаяхъ, мать, догадавшись, о чемъ онъ говорить, должна какъ собственныя имена, такъ существительныя и глаголы (къ другимъ частямъ рѣчи ребенокъ обыкновенно переходитъ позже) называть надлежащимъ образомъ.

Правильное развитіе рѣчи такъ важно, что мы считаемъ необходимымъ сказать по этому поводу хотя нѣсколько словъ. Самыя первыя буквы, которыя мы слышимъ въ плачѣ новорожденнаго младенца, это — гласныя; у, а; ихъ онъ обыкновенно произноситъ вмѣстѣ, когда кричитъ: уа, уа. Но вотъ ребенокъ подрастаетъ, впервые останавливаетъ свое вниманіе на предметъ, начинаетъ улыбаться и ворковать; тутъ онъ произноситъ тѣ же буквы, только отдѣльно другъ отъ друга: у... у... а... а... Мало-по-малу къ нимъ присоединяются и согласныя, и изъ нихъ прежде всего губныя: б, м. Когда вы слышите м, голосовыя мышцы ребенка обыкновенно уже достаточно окрѣпли, такъ какъ для произношенія этой буквы ему приходится съ нѣкоторой силой, при сжатыхъ губахъ, вытолкнуть воздухъ. Послѣ этого ребенокъ начинаетъ произносить и цѣлое слово „мама“... „пала“. За этими первыми словами не тотчасъ развивается говоръ; еще слѣдуетъ довольно большой промежутокъ, во время котораго ребенокъ пробуетъ свои силы надъ болѣе трудными гласными и согласными. Впрочемъ, согласныя: *к*, которую дѣти замѣняютъ буквою *т*, *р* — буквою *л*, а также буквы: *ш*, *ф* — такъ трудны для произношенія дитяти, что онъ, часто научившись уже нѣсколько болтать, совсѣмъ игнорируетъ ихъ въ сло-

вахъ или замѣняетъ ихъ произвольно болѣе легкими для выговора. Конечно, во всемъ этомъ у дѣтей мы находимъ большое разнообразіе, тѣмъ не менѣе тутъ есть и нѣкоторые общіе законы. Младенецъ, котораго мнѣ приходилось воспитывать, проговорившій на всѣ лады *a* и *y*, прямо перешелъ къ отчетливому произношенію буквы *k*. Эти первыя буквы долго служили ему для выраженія самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Только около полутора года онъ впервые произнесъ *мама* и *папа* и послѣ этого сразу, въ одинъ какой-нибудь мѣсяць, сталъ ясно и отчетливо называть множество предметовъ и при этомъ въ каждомъ словѣ произносилъ всѣ буквы, никогда не замѣняя ихъ другими. Пусть же не беспокоятся тѣ родители, дѣти которыхъ начинаютъ говорить очень поздно. Между прочимъ это можетъ зависѣть оттого, что ребенку трудно связать каждое слово съ яснымъ представленіемъ предмета,—въ немъ происходитъ медленная, необыкновенно затруднительная переработка запасеннаго матеріала. Но это ничуть не означаетъ—ни его медленнаго развитія, ни его медленнаго соображенія. При этомъ я совѣтую предоставить ребенка самому себѣ, ни подъ какимъ видомъ не принуждая его ни нѣжными ласками, ни угрозами лишить конфетки, произносить слова или даже повторить сказанное, если онъ не дѣлаетъ этого самъ, вполне самостоятельно. Желаю я этого опять во имя того педагогическаго принципа, что ускорять какое бы то ни было развитіе, — всегда вредно. Педагоги, слѣдившіе за развитіемъ въ ребенкѣ рѣчи, утверждаютъ, что медленное развитіе скорѣе общается въ будущемъ серьезнаго человѣка. И такъ, слѣдуетъ не только не нарушать правильнаго хода этого процесса, но употреблять всѣ средства, чтобы няньки не слишкомъ разбѣвали ребенка, не настаивали, заставляя его произнести то или другое слово. Пусть вытаращитъ онъ свои глазенки и долго смотритъ, уставившись на одну какую-нибудь точку. Онъ только такимъ образомъ и можетъ серьезно изучать предметъ,—не мѣшайте же ему въ это время своей болтовней, а тѣмъ болѣе не трогайте съ мѣста той вещи, въ которую онъ такъ пристально углубился,—этимъ вы только сбиваете его съ толку и перепутываете нить его соображеній. Воспитатели при этомъ должны всегда имѣть въ виду, *чтобы самостоятельное внутреннее развитіе дитяти всегда шло впереди развитія языка; пусть прежде владѣетъ ребенкомъ мысль, а потомъ уже явится и ея словесное выраженіе.*

Съ словами ребенокъ долженъ связывать и живыя представленія предметовъ. Поэтому матери и нянюшки должны какъ можно менѣе говорить съ ребенкомъ о томъ, на что онъ сейчасъ же не можетъ имъ указать своей рученкой. Сначала однимъ или нѣсколькими словами ребенокъ обозначаетъ цѣлую группу разнообразныхъ понятій, но постепенно онъ пріобрѣтаетъ все болѣе болѣе запасъ словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяетъ кругъ своихъ представленій. Такъ, напр., въ большинствѣ случаевъ, каждаго взрослого мужчину ребенокъ называетъ *дядя*,—женщину—*тетя*, всѣхъ птицъ—*цыта* или *танъ-танъ*, всякую ѣду и питье *нямъ-нямъ* и т. п. до безконечности. Было бы огромнымъ вредомъ со стороны воспитателя сразу желать расширить этотъ кругъ понятій и непрѣнно настаивать на томъ, чтобы ребенокъ не давалъ знакомому предмету своеобразной клички, но подъ условіемъ, чтобы воспитатель называлъ предметъ настоящимъ именемъ.

Путемъ привычки въ раннемъ дѣтствѣ можно привить самому нормальному ребенку склонность къ капризамъ, а вельдствие этого раздражительность и нервнось, что всегда уже сопряжено съ болѣе или менѣе значительными недугами въ области физической и моральной.

Первые мѣсяцы своей младенческой жизни ребенокъ всѣ свои чувства: испугъ,

страданіе, внезапную боль, чувство жажды, голода, холода, жары выражает крикомъ. Мать должна узнать, что его беспокоитъ: холодъ, мокрыя простынки или неловкое положеніе, и немедленно удовлетворитъ этимъ существеннымъ требованіямъ своего дитяти. Напряженно прислушиваясь къ крику, она скоро начинаетъ понимать его характеръ. И дѣйствительно, съ каждымъ днемъ крикъ младенца становится опредѣленнѣе и разнообразнѣе. Внимательное наблюденіе надъ этою стороною процесса развитія ребенка весьма необходимо, такъ какъ звуки, имъ издаваемые, въ теченіе извѣстнаго періода жизни служатъ почти единственными признаками того, что съ нимъ происходитъ. Внезапная боль обыкновенно выражается у него пронзительнымъ крикомъ, голодь—продолжительнымъ, жалобнымъ, горькимъ плачемъ, при испугѣ онъ испускаетъ отрывочный или хриплый плачь, но такъ какъ въ каждомъ ребенкѣ свои индивидуальныя свойства, то и крикъ дѣтей чрезвычайно разнообразенъ.

Не только въ первые мѣсяцы, но и въ послѣдующіе годы своей жизни дѣти раздражаются особенно сильно, когда утомлены и чувствуютъ потребность отдыха и сна. Вотъ что говоритъ по этому поводу д-ръ Сикорскій: „Самую характерную особенность въ возрастѣ перваго дѣтства представляетъ быстрая утомляемость органовъ чувствъ...; не глазъ только ребенка устааетъ, не ухо, а тѣ мозговые центры, которые служатъ сѣдалищемъ зрительнаго, слухового, кожного и другихъ видовъ чувствованій. Когда сытый и въ другихъ отношеніяхъ обеспеченный ребенокъ обнаруживаетъ чувство непріятнаго, плачетъ, то это значитъ, что онъ утомленъ зрѣніемъ, слуханіемъ и другими впечатлѣніями“. Когда у дѣтей во время дня было много развлеченій, когда у нихъ перебывало много товарищей, когда они бѣгали, кричали, возились болѣе обыкновеннаго, они чаще всего передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, начинаютъ капризничать отъ излишества полученныхъ впечатлѣній, отъ утомленія нервовъ, оттого, что имъ предстоитъ новый трудъ—раздѣваться и ложиться въ постель, на что у нихъ уже не хватаетъ энергіи.

У дѣтей болѣе старшаго возраста, послѣ 3-хъ—4-хъ лѣтъ, раздражительность является и вслѣдствіе психическихъ причинъ: когда игра или занятіе надоѣдаетъ имъ, или когда они утомительно однообразны или не по силамъ, дѣти начинаютъ капризничать и приставать къ старшимъ. Причина такихъ капризовъ весьма естественна и легко устранима: ребенокъ дѣйствительно не можетъ долго заниматься однимъ и тѣмъ же,—побѣгайте съ нимъ или займите какую-нибудь веселую игрою, и вмѣстѣ съ этимъ измѣнится и его настроеніе. Гераздо труднѣе справиться съ капризами такого ребенка, который настолько плохо воспитанъ, что ничѣмъ не можетъ заняться самостоятельно, ни на чемъ не можетъ сосредоточиться,—имъ бываетъ обыкновенно такой, которому даютъ все новыя и новыя игрушки, что лишь на нѣсколько минутъ развлекаетъ его. Такихъ дѣтей, обыкновенно избалованныхъ частою смѣною игрушекъ, все раздражаетъ, все вызываетъ ихъ капризы. Изъ нихъ чаще всего выходятъ лѣнтяи, лѣнность которыхъ проявляется не только въ школѣ, но и въ общественной жизни. Къ тому же на ребенка, который въ раннемъ дѣтствѣ часто поддается капризамъ, съ годами все чаще находятъ минуты тоски, когда онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ. Онъ становится нервнымъ, раздражительнымъ, все чаще предается необузданнымъ вспышкамъ гнѣва. Во время дѣтства это самыя не-носныя дѣти: когда на нихъ нападаетъ капризное настроеніе, они безъ всякой причины бросаются на полъ, по часамъ кричатъ, колотятъ ногами объ полъ; под-ростая, они становятся все менѣе сдержанными и уравновѣшенными. У такихъ не проходятъ капризы и вслѣдствіи,—они только видоизмѣняются: у нихъ обыкно-

венно возникают все новые неразумные желанія и фантазіи, отъ которыхъ страдаютъ не только окружающіе, но и они сами, такъ какъ все усиливающаяся неуравновѣшенность постоянно держитъ ихъ въ мрачномъ настроеніи. Необходимо уничтожать въ зародышѣ капризы дѣтей, которые даютъ себя чувствовать уже въ первые мѣсяцы ихъ жизни.

Если мать, удовлетворивъ законное требованіе ребенка, безъ нужды долго оставляетъ его на своихъ рукахъ въ то время, когда онъ долженъ лежать въ постели, онъ скоро приобретаетъ склонность, какъ можно дольше оставаться на рукахъ, и лишь только его опускаютъ въ постельку, онъ проявляетъ свою антипатію къ этому дѣйствию настойчивымъ, рѣзкимъ, звонкимъ крикомъ, вынуждая взять его къ себѣ на руки. Ребенокъ такъ быстро привыкаетъ къ тому, чтобы его держали на рукахъ, качали или расхаживали съ нимъ по комнатѣ, что начинаетъ кричать, плакать и капризничать только потому, что его не держатъ на рукахъ, не качаютъ. Такимъ образомъ ребенку насильно навязываютъ потребности, которыхъ онъ совѣмъ не проявлялъ и не обнаруживалъ, развиваютъ капризы, излишнюю требовательность, которыхъ онъ могъ бы и совѣмъ не имѣть. Если, проснувшись, онъ спокойно лежитъ, оставьте его лежать, а если кричитъ, и мать научилась различать и понимать его крикъ, она обязана устранить неудобства, мѣшающія его спокойствію, но не должна безъ нужды держать его на рукахъ, иначе она уже кладетъ основаніе для развитія капризовъ. Ребенокъ привыкаетъ къ тому, что его крикъ кончается столь пріятными для него послѣдствіями, какъ лежаніе на рукахъ у теплой груди, и онъ повторяетъ этотъ крикъ безъ всякой другой причины, а лишь для достиженія желаемого.

Крикъ, смѣхъ, слезы ребенокъ сопровождаетъ также жестами и мимикою, сначала автоматическими и бессознательными, но которые въ свою очередь все болѣе совершенствуются. „Ребенокъ“, говоритъ Перэ въ своей книгѣ „Первые три года жизни ребенка“, „который производилъ ихъ по необходимости, вскорѣ производитъ и совершенствуетъ ихъ ради удовольствія или ради выгоды. Трехмѣсячный ребенокъ, который маленькими руками своими дѣлаетъ намѣренные жесты, чтобы выпросить какой-нибудь предметъ или оттолкнуть его, зная по опыту, что жесты эти бываютъ поняты, уже упражняетъ лично врожденную, органическую и наслѣдственную способность выраженія. Когда онъ плачетъ, чтобы получить рожокъ, чтобы его подняли, взяли на руки, чтобы отказаться отъ непріятнаго лѣкарства, это дѣйствиіе, бывшее сначала автоматическимъ, скоро дѣлается сознательнымъ и намѣреннымъ. Ребенокъ, слезамъ котораго слишкомъ много повинуются, чьи желанія, выраженныя жестами, криками или движеніями, удовлетворяются съ чрезмѣрною угодливостью, потомъ уже исполняетъ эти акты изъ каприза, вслѣдствіе усвоенной привычки“. Съ каждымъ годомъ жизни ребенка капризы его увеличиваются, если только ихъ постоянно удовлетворяютъ и не ставятъ опредѣленныхъ предѣловъ тому, *что слѣдуетъ, и чего не слѣдуетъ*. Выполненіе неразумныхъ требованій ребенка вызываетъ раздражительность и нервность, переходящія въ концѣ концовъ въ самодурство, эгоизмъ и сухость сердца.

Главнѣйшія изъ всѣхъ добропорядочныхъ привычекъ, которыя необходимо тщательно развивать съ самаго ранняго дѣтства, — *привычка къ труду, правдивость и опрятность*.

Усердно развивая въ ребенкѣ привычку передавать все безъ преувеличенія, можно въ концѣ концовъ воспитать правдиваго ребенка. Привить навыкъ къ правдивости удается только тогда, когда мать каждый разъ обращаетъ вниманіе ребенка на то, что онъ уклоняется отъ правды, останавливаетъ его, какъ только онъ вдается

въ преувеличеніе. Воспитателя никогда не должна покидать мысль, что ложь—мать всѣхъ пороковъ, что она самый гнусный и въ то же время самый распространенный порокъ во всѣхъ классахъ общества. Необыкновенная легкость, съ какою ложь укореняется въ дѣтяхъ самаго ранняго возраста, происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ способности къ подражанію и 2) отъ пылкой фантазіи и богатаго воображенія, которыми одарено большинство дѣтей.

Наклонность къ вѣшнему подражанію появляется у дѣтей очень рано, на 3-емъ, 4-омъ мѣсяцѣ ихъ жизни: отецъ посылаетъ поцѣлуй ребенку, поднося руку къ губамъ, и ребенокъ дѣлаетъ то же; отецъ кланяется, кивая ему головой, ребенокъ и въ этомъ подражаетъ ему. Это простое, чисто автоматическое подражаніе съ каждымъ мѣсяцемъ, даже съ каждымъ днемъ становится все болѣе сложнымъ и сознательнымъ: ребенокъ хватаетъ блюдечко и кусокъ сахару и показываетъ, какъ его няня пьетъ чай въ прикуску, еле касаясь губами до блюдечка и сахара; онъ укладываетъ спать свою кузлу, обертываетъ ее пеленками, нѣжно цѣлуетъ ее, затягиваетъ пѣсенку, а если видѣлъ, что, укачивая его брата или сестренку, няня сердилась и въ сердцахъ колотила ихъ, то ребенокъ продѣлываетъ то же самое и надъ своей куклой. Посредствомъ подражанія старшимъ ребенокъ приобретаетъ много свѣдѣній и навыковъ изъ обыденной жизни: онъ выучивается держать ложку во время ѣды, употреблять ножъ и вилку, чесаться, умываться, однимъ словомъ, смотря по тому, что видитъ кругомъ, онъ усваиваетъ множество дурного или хорошаго, грубый тонъ или мягкое обращеніе съ окружающими, и всѣ эти навыки переходятъ въ привычку, дѣлаются второй натурой ребенка. Если онъ подмѣчаетъ, что его домашніе передаютъ при немъ различныя происшествія, искажая или преувеличивая ихъ, если они обманываютъ другъ друга и лгутъ одинъ передъ другимъ, то и онъ съ необыкновенною легкостью усваиваетъ все это. Эти недостатки быстро принимаютъ въ ребенкѣ грандіозные размѣры, потому что онъ, при отсутствіи житейскаго опыта и знанія, надѣленъ большою склонностью къ подражательности и преувеличенію и не можетъ понять еще того, что дурно и хорошо, что вѣрно и невѣрно. Быстрому усвоенію жи сильно помогаетъ и избытокъ воображенія и дивныхъ фантазій, которыми такъ сильно переполнена дѣтская головка, что тоже происходитъ вслѣдствіе отсутствія въ ребенкѣ надлежащихъ понятій: дѣти не могутъ правильно размышлять, не могутъ имѣть правильныхъ понятій о людяхъ, жизни и явленіяхъ природы, не могутъ ясно различать ни времени, ни мѣста; они легко смѣшиваютъ то, что было съ тѣмъ, что будетъ.

„Воображеніе царитъ тѣмъ свободнѣе, говоритъ Комперэ („Умственное и нравственное развитіе ребенка“), „чѣмъ короче приобретенный опытъ. Оно вознаграждаетъ бѣдность своихъ источниковъ независимостью своего полета. Позднѣе оно сломаетъ свои крылья, столкнувшись съ точнымъ знаніемъ законовъ природы. Способность размышленія, знаніе сейчасъ же докажутъ ему невозможность фикцій, если бы ему вздумалось въ нихъ вдаваться. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы расти, подобно другимъ душевнымъ способностямъ, вмѣсто того чтобы развиваться съ годами, по крайней мѣрѣ у большинства людей, у тѣхъ, кто не артистъ и не поэтъ, воображеніе, напротивъ того, станетъ уменьшаться и исчезать“.

Склонность ребенка преувеличивать все, что онъ видитъ и слышитъ, сказывается въ немъ въ той или другой степени въпродолженіи всего дѣтства. Пронзительный крикъ 4-хъ-лѣтняго ребенка заставляетъ мать спросить его, отчего онъ такъ испугался: „меня укусила муха, большая, пребольшая, вотъ такая, какъ эта собака“, прибавляетъ онъ, замѣтя проходящую дворняжку. „Въ нашей канавкѣ сегодня отъ

дожда вода до краевъ, — въ ней воды теперь больше, гораздо больше, чѣмъ въ морѣ“, убѣждаетъ няню пятилѣтняя дѣвочка. Если мать то шуткой, то серьезно не укажетъ ребенку на то, что это совсѣмъ не вѣрно, что этого не можетъ быть, а будетъ восторгаться этими преувеличеніями и какъ нѣчто очень умное и оригинальное перескажетъ въ его присутствіи другимъ, воображеніе ребенка начнетъ еще сильнѣе работать; онъ станетъ тогда всѣ слова, всѣ жесты другихъ, всѣ происшествія домашней жизни передавать не иначе, какъ все съ большимъ преувеличеніемъ, а въ концѣ концовъ и все больше искажая истину. Можно иной разъ подивиться, до какихъ печальныхъ результатовъ доводятъ дѣтей эти преувеличенія, мало-по-малу переходящія въ искусную ложь, обманъ и притворство. Особенно возмутительно, что такія дѣти достигаютъ искусства проводить старшихъ, вполне сохраняя внѣшній видъ невинности и невозмутимой дѣтской прелести.

Одна мать посѣтила съ своимъ восьмилѣтнимъ сыномъ Петей его больного товарища. Мальчикъ случайно вошелъ въ комнату въ ту минуту, когда его товарищъ лежалъ въ судорогахъ. Няня больного скоро вывела маленькаго гостя изъ комнаты и усадила его за игрушки въ той комнатѣ, гдѣ находились старшіе, рассказывавшіе о томъ, какъ мальчикъ заболѣлъ, какъ у него появился сильный жаръ, который кончился судорогами. Черезъ нѣсколько дней Петя простудился; мать, ощупывая его голову и руки, съ ужасомъ произнесла: „Какой у него жаръ! Онъ весь горитъ!“ Черезъ-часъ другой у Пети появились судороги, и затѣмъ каждый разъ, когда мать укладывала его въ постель при головной боли, эти судороги повторялись. Доктору долго не удавалось застать ребенка въ моментъ его судорогъ, и онъ напрасно успокоивалъ мать, говоря, что у ея сына нѣтъ ничего серьезнаго. Но бѣдную женщину мало утѣшали эти увѣренія, — она была убѣждена, что у ребенка начинается какой-нибудь опасный процессъ въ мозгу, непонятый врачомъ. Но вотъ однажды докторъ засталъ больного въ самый разгаръ его судорогъ, когда вся семья была поражена страхомъ и ужасомъ. Наклонившись къ ребенку, докторъ взялъ его за руку и строго сказалъ: „Зачѣмъ это ты такъ дрыгаешь ногами? У тебя голова болитъ, но отъ лежанья въ постели да дерганья ногами она еще пуще разболится. Сейчасъ одѣвайся и поди играть“... — „Нѣтъ, у меня страшно опасная болѣзнь“, сказалъ мальчикъ, приподымаясь и совершенно забывая о своихъ судорогахъ. — „У тебя нѣтъ никакой болѣзни, и ты дергаешь ногами, чтобы пугать маму, но теперь она уже будетъ знать, что тебя не надо укладывать въ постель, когда болитъ голова“. Съ тѣхъ поръ судороги у ребенка никогда не повторялись.

Ложь и обманъ появляются у дѣтей также вслѣдствіе ревности: мать садитъ къ себѣ на колѣни и ласкаетъ чужого мальчика, къ которому подбѣгаетъ ея четырехлѣтняя дѣвочка и начинаетъ бить его по головѣ съ словами: „онъ разбилъ мою куклу“, когда тотъ и не думалъ ее трогать. Всѣ эгоистическія страсти доводятъ дѣтей до лжи, притворства и обмана въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ эти пороки не искореняются при первомъ ихъ проявленіи. Дѣти лгутъ по самымъ разнообразнымъ причинамъ: чтобы получить сладкое, чтобы не принимать лѣкарства, притворяются больными, когда имъ вдругъ не захочется идти гулять. Но чаще всего они лгутъ тамъ, гдѣ ожидаютъ строгаго наказанія: чувство самосохраненія и страхъ заставляютъ ихъ отпираться отъ совершеннаго ими проступка, а подрастая совершать уже совсѣмъ некрасивыя продѣлки. Всѣмъ извѣстны примѣры школьниковъ, поддѣлывающихъ выставленныя въ классахъ отмѣтки; конечно, къ этому дѣти прибѣгаютъ иногда для того, чтобы не огорчать своихъ родителей, если тѣ изъ за плохихъ отмѣтокъ своихъ дѣтей приходятъ въ ужасъ и отчаяніе, вмѣсто того, чтобы

постоянно слѣдить за ихъ ученъемъ и объяснять имъ все, плохо ими усвоенное. Такимъ образомъ притворство, ложь, обманъ и тому подобныя недостатки являются у дѣтей сначала безсознательно, въ видѣ преувеличеній, и лишь при благопріятныхъ условіяхъ для развитія этихъ качествъ переходятъ въ настоящіе пороки.

Склонность ко лжи такъ же, какъ и другіе пороки, можетъ переходить къ дѣтямъ и по наслѣдству, но, неустанно прививая привычку передавать все правдиво, воспитатели могутъ не только ослабить, но и искоренить наслѣдственную склонность ко лжи.

Какъ душу ребенка необходимо охранять отъ пороковъ, которые могутъ загрязнить ее, такъ и его тѣло должно быть оберегаемо отъ нечистоплотности. Правильный физическій уходъ имѣетъ огромнѣйшее вліяніе на развитіе характера ребенка. Рамки моего труда не позволяютъ мнѣ распространяться объ этомъ. Возьму для примѣра хотя небрежный уходъ за кожей дитяти. Если мать лѣнится ежедневно купать своего ребенка, если тщательно не обмываетъ каждый разъ его ножки послѣ испражненій, поры его тѣла быстро засоряются, а это производитъ зудъ во всемъ тѣлѣ. При этомъ ребенокъ постоянно чешется, кричитъ, дѣлается все болѣе нервнымъ, приучается капризничать, однимъ словомъ даже здоровый ребенокъ находится въ хроническомъ раздраженіи. Ребенка слѣдуетъ неослабно, систематически приучать къ порядку, ежедневно наблюдая за тѣмъ, чтобы каждая его вещь, каждая игрушка были убраны на мѣсто въ извѣстное время; слѣдуетъ не только въ извѣстное время мыть его руки и лицо, но и приучать его, чтобы онъ дѣлалъ это самостоятельно, чувствовалъ неудобство отъ нечистоплотности. Аккуратность, любовь къ порядку и чистотѣ и другія подобныя качества, столь необходимыя въ обыденной жизни, — тоже лишь результатъ добропорядочныхъ привычекъ, усвоенныхъ въ дѣтствѣ. Ребенка, не приученнаго въ дѣтствѣ къ аккуратности, вы тотчасъ отличите въ школѣ между всеми остальными. Онъ не только будетъ являться неряшливо одѣтымъ, забывать дома то книги, то тетради, но и въ школѣ, начавъ писать, испачкаетъ чернилами лицо и руки, вытирая доску, измажется мѣломъ, при этомъ, если не обратятъ вниманія другіе, у него не явится самостоятельной потребности вымыться, вычистить свое платье. Приучать къ чистоплотности слѣдуетъ очень рано: вытирая или умывая послѣ ѣды, его постепенно слѣдуетъ приучать къ тому, чтобы онъ дѣлалъ это самостоятельно! Послѣ 3—4-хъ лѣтъ его необходимо приучать самостоятельно одѣваться и раздѣваться, аккуратно и въ порядкѣ складывая свои вещи. Дѣти, отъ которыхъ требовали и за которыми тщательно наблюдали первое время, чтобы они умывались не только утромъ, но и передъ ѣдой и послѣ нея, къ 6—7 лѣтамъ будутъ чувствовать непреодолимую потребность держать лицо и руки въ чистотѣ, убирать передъ сномъ свою одежду.

Аккуратности въ обыденной жизни дѣти достигаютъ болѣе всего тогда, когда въ дѣтствѣ требовали отъ нихъ, чтобы они самостоятельно убрали свои игрушки, вещи, книги. Горничныя и няньки лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ приучить ребенка къ этому: имъ несравненно легче и удобнѣе самимъ привести въ порядокъ дѣтскія игрушки, чѣмъ добиться того же отъ ребенка. Но для усвоенія и этой привычки точно также нужно соблюдать постепенность, имѣть тактъ и сноровку. Сначала слѣдуетъ убирать вещи сообща съ ребенкомъ, затѣмъ болѣе трудную часть работы по уборкѣ выполнять самому, заинтересовывая его хотя тѣмъ, какъ удобнѣе расположить вещи такъ, чтобы онъ занимали менѣе мѣста и сложены были наиболѣе удобно и красиво. Затѣмъ уже слѣдуетъ всю уборку сдать на руки ребенка, постоянно приглядывая, выполняетъ ли онъ эту свою маленькую обязанность.

Привычка къ труду имѣеть огромное вліяніе на всѣ стороны физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія дитяти, вліяеть на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность. Большая часть шалостей дурного свойства—непослушаніе, разсѣянность, капризы происходятъ отъ бездѣлья, отъ слишкомъ большаго накопленія силъ, нуждающихся въ исходѣ. Эти силы, постоянно накопляясь и не находя употребленія, производять безпокойство и ищуть примѣненія. У дѣтей такое состояніе проявляется дурными проказами, непозволительными шалостями, драчливостью, забіячествомъ, порчею необходимыхъ въ домѣ вещей. Отсутствие привычки къ труду заставляеть молодыхъ людей бросаться въ кутежи, въ франтовство, въ мотовство, въ картежничество, выражается и другими вредными склонностями, пустымъ, пошлымъ времяпрепровожденіемъ. Такіе люди, если только съ годами не совсѣмъ убиваютъ въ себѣ искру божію, съ отвращеніемъ смотрять на свое прошлое, дѣлають усилія начать новую жизнь—труда и дѣла, но это рѣдко удается: привычка къ труду должна быть усвоена съ раннихъ лѣтъ. Было немало примѣровъ того, что люди, не совсѣмъ погрязшіе въ разгуль и кутежахъ, перемѣняли свой образъ жизни, наполняя ее хозяйственными заботами и предпринимая различныя занятія. Но такіе люди смѣняють обыкновенно одно занятіе другимъ, ничто у нихъ не ладится, ничто не удается, и они доходятъ до полнаго сознанія своей неспособности къ труду. Такое сознаніе доводило многихъ до отчаянія и самоубійства. Не даромъ пословица говорить: „праздность мать всѣхъ пороковъ“. И дѣйствительно, привычка къ труду есть источникъ благороднѣйшихъ наслажденій, важнѣйшая и надежнѣйшая гарантія противъ сердечной пустоты, легкомыслія и пошлости, лучшая утѣшительница и достойная опора въ старости. Когда роковыя житейскія случайности, тяжелыя утраты любимыхъ и близкихъ разрываютъ душу, когда мечты и надежды молодости, часто самыя законныя, самыя честныя, не осуществились, только трудъ, онъ одинъ, можетъ поддержать человѣка, минутами заставить забыть весь ужасъ существованія. Какъ бы ни были скромны размѣры способностей человѣка, но если онъ всю жизнь трудился, не покладая рукъ, честный трудъ не можетъ быть безъ результата, онъ всегда приноситъ пользу обществу, а самому трудящемуся даетъ возможность смѣло смотрѣть людямъ въ глаза и подъ конецъ жизни сказать себѣ: „я дѣлалъ все, что могъ“.

Привычка къ праздности и лѣни—вреднѣйшая антисоціальная склонность. Воспитатели и учителя никогда не должны упускать этого изъ виду во весь продолжительный періодъ воспитанія человѣка. Безконечно важное значеніе привычки къ труду должно вынуждать воспитателей обращать вниманіе на развитіе ея уже въ раннемъ дѣтствѣ. Но такъ какъ послѣднія главы нашей книги посвящены именно этой задачѣ, то мы скажемъ по этому поводу лишь нѣсколько словъ.

Исключительно одна бѣготня и возня не могутъ наполнить всего дня ребенка, особенно послѣ 3—4-лѣтняго его возраста. Его живость, все увеличивающаяся потребность дѣятельности безъ должнаго ея направленія выражаются въ ломкѣ и порчѣ предметовъ, въ безконечныхъ капризахъ и шалостяхъ. Чтобы съ дѣтства не привить ребенку навыка къ бездѣлью и вредному времяпрепровожденію, мать должна найти для него подходящее занятіе, пока онъ самостоятельно не можетъ этого сдѣлать. Огромный матеріалъ для развитія въ дѣтяхъ любви къ труду даютъ фребелевскія занятія, способствующія совершенствованію органовъ внѣшнихъ чувствъ ребенка, а также его органовъ движенія и развивающихъ разнородныя его способности; но все это можетъ быть лишь тогда, когда мать отнесется къ этимъ занятіямъ не формально и педантично и не будетъ упускать изъ виду того, что она имѣеть дѣло

съ русскими, а не съ нѣмецкими дѣтьми, которыхъ собственно имѣлъ въ виду Фребель,—но на этихъ занятіяхъ мы подробно остановимся въ послѣднихъ главахъ нашей книги.

Приученный къ труду ребенокъ будетъ несравненно усѣбнѣе заниматься въ школѣ, которая въ свою очередь представитъ ему новый матеріалъ для развитія усидчивости и трудолюбія. Если ребенка, приученнаго къ труду до школьнаго возраста, не удовлетворитъ тотъ или другой учитель, онъ добудетъ себѣ книги, чтобы расширить свои знанія, чтобы основательнѣе усвоить предметъ, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ сидѣть сложа руки. Такое отношеніе къ дѣлу отниметъ у мальчика много времени, и его не хватитъ для вредныхъ и пошлыхъ забавъ, къ которымъ онъ постепенно будетъ утрачивать тяготѣніе. Склонность къ труду вообще слѣдуетъ развивать и поддерживать не только въ дѣтствѣ, но въ продолженіе всего періода воспитанія и образованія человѣка. Школа должна обращать вниманіе далеко не на то только, чтобы давать знаніе учащимся, а еще болѣе на развитіе привычки, любви и охоты къ труду,—вѣдь кое-какія свѣдѣнія можно получить изъ честолюбія и самолюбія, не имѣя въ то же время ни малѣйшаго трудового закала.

Однако не только для здоровья, но и для умственнаго развитія ребенка вредно если его вкусы, склонности и привычки исключительно направлены къ труду въ сферѣ умственной. Такое одностороннее развитіе рано или поздно непременно даетъ себя чувствовать. *Воспитаніе можно назвать разумнымъ только тогда, когда оно направлено сообразно съ природою человѣка, то-есть когда физическія, моральныя и интеллектуальныя силы ребенка развиваются равномерно.*

Трудъ можетъ быть физическій и умственный, и какъ тотъ, такъ и другой преимущественно развивается путемъ привычки. Развитію трудовыхъ привычекъ въ сферѣ умственной мы ниже посвящаемъ нѣсколько главъ, а потому здѣсь мы остановимся лишь на трудѣ физическомъ, соотвѣтственномъ дѣтскому возрасту.

Физическій трудъ есть не только лучшее средство для физическаго развитія ребенка, но столь же необходимъ онъ для развитія умственнаго и нравственнаго. Духъ и тѣло связаны между собой самымъ неразрывнымъ образомъ. Впрочемъ, каждый можетъ на самомъ себѣ провѣрить справедливость этой истины: наше душевное настроеніе совершенно различно, смотря по тому, сыты мы или голодны, здоровы или больны, устали или только что пробудились послѣ сна. Сильное физическое утомленіе парализуетъ память, вліяетъ вообще на психическія отправленія: въ болѣзненномъ состояніи человѣкъ менѣе сдержанъ и справедливъ, болѣе капризенъ и придиричивъ.

Для физическаго развитія теперь повсюду вводятъ гимнастику для средне-учебныхъ заведеній, но мы скажемъ нѣсколько словъ лишь о домашней гимнастикѣ. Къ подобной гимнастикѣ должно относиться съ крайнею осторожностью, и мы бы не совѣтывали приобрѣтать ее, не заручившись разрѣшеніемъ опытнаго дѣтскаго врача, который, прежде чѣмъ дозволить ее маленькому ребенку, изслѣдуетъ его сердце, легкія, обратитъ серьезное вниманіе на развитіе его грудной клѣтки, ногъ, рукъ и всего организма. Но и въ случаѣ разрѣшенія гимнастики опытнымъ врачомъ, слѣдуетъ осторожно пользоваться ею и не давать дѣтямъ цѣлыми часами предаваться гимнастическимъ упражненіямъ, какъ это обыкновенно бываетъ на первыхъ порахъ, пока гимнастика представляетъ для дѣтей любопытную новинку. Вслѣдствіе слишкомъ частаго и сильнаго возбужденія гимнастическими движеніями у болѣзненныхъ дѣтей дѣлается усиленное сердцебіеніе и является внезапная слабость.

Приобрѣтеніе знаній въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, начиная съ среднихъ

классовъ, а тѣмъ болѣе послѣдующія умственныя занятія не слѣдуетъ превращать въ веселое времяпрепровожденіе. Занятія должны живо интересоваться юношу, возбуждать его любознательность, но это еще не значитъ, что изъ умственныхъ занятій слѣдуетъ устраивать что-то необыкновенно увеселительное. Нужно помнить что въ какой бы области умственнаго труда ни занимался человѣкъ, всегда много черновой работы и необходимо приучать постепенно ее осиливать. Совсѣмъ иначе нужно смотрѣть на занятія съ дѣтьми *дошкольнаго возраста*: всѣ работы съ ними, упражненія, бесѣды, физическій трудъ, предлагаемый имъ, скажу даже болѣе, — игра и отдыхъ только тогда принесутъ истинную пользу, то-есть будутъ укрѣплять здоровье и развивать интеллектуальныя силы, если они доставляютъ маленькимъ дѣтямъ удовольствіе, приносятъ радость и развлеченіе. Узнать, доставляетъ ли удовольствіе ребенку то или другое занятіе, очень легко: онъ то сосредоточенно слушаетъ, и тогда все выраженіе его личика говоритъ объ умственномъ напряженіи, и отъ времени до времени онъ прерываетъ воспитателя живыми вопросами, то глазки его блестятъ и сверкаютъ невыразимымъ счастьемъ. Особенно полезно, когда бесѣды и рассказы воспитателя заставляютъ ребенка хохотать, когда воспитатель и малютка сообща поднимаютъ шумъ и возню, затѣваютъ какую-нибудь шалость, игру. Въ такія минуты дыханіе ребенка становится болѣе учащеннымъ, пульсъ его бьется сильнѣе, кровообращеніе сразу дѣлается энергичнѣе, однимъ словомъ, во всемъ организмѣ происходитъ усиленный приливъ жизненной силы и энергіи. Все это краснорѣчиво говоритъ о томъ, какое неизмѣримо важное значеніе для всесторонняго развитія ребенка имѣетъ радость и удовольствіе, доставляемая ему. И родители должны имѣть это въ виду. Дѣтямъ слабымъ, болѣзненнымъ, малокровнымъ, вялымъ, страдающимъ потерю аппетита, для возбужденія жизненныхъ силъ прописываютъ различные медикаменты, но они далеко не всегда такъ благотворно дѣйствуютъ, какъ чувство радости, немедленно вызывающее живую краску на поблекшія и исхудалыя щеки дитяти. Каждая радость производитъ въ дѣтскомъ организмѣ извѣстную реакцію, даетъ толчекъ дѣятельности, дальнѣйшее же подобное возбужденіе ведетъ уже къ большому оживленію органовъ движенія, вливаетъ живую струю въ его слабые и малоподвижные члены.

Чѣмъ болѣе подрастаетъ малютка, тѣмъ замѣтнѣе сказывается въ немъ стремленіе къ удовольствію и радости: внезапно вбѣжавшая собака, прыгнувшая со стола кошка, нечаянно пролитая вода, волчекъ, кружащійся на полу, все возбуждаетъ его смѣхъ, все заставляетъ его тянуться къ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ, инстинктивно искать въ нихъ повода для смѣха, радости, забавы, игры. Это врожденное стремленіе ребенка къ живой радости, звонкому смѣху, къ безконечной игрѣ и вознѣ, — точно солнечный лучъ, озаряющій, одухотворяющій и преобразующій фізіономію малютки, весь его организмъ. Родители должны прилагать всевозможныя старанія, чтобы постоянно расширять область здоровыхъ удовольствій ребенка, а никакъ не подавлять ихъ. Для этого, конечно, прежде всего необходимо умѣть отличать здоровыя удовольствія отъ вредныхъ, порочныя отъ невинныхъ но если воспитатели не понимаютъ этого, они совсѣмъ не должны браться за такое серьезное дѣло, какъ воспитаніе.

Наибольшую пользу дѣтямъ приносить развитіе въ нихъ привычекъ къ играмъ и забавамъ на воздухѣ: пусть побольше и почаще играютъ въ мячъ, возятъ тачки съ нескомъ и телѣжки съ игрушками, бѣгаютъ взапуски, въ горѣлки и во множество другихъ игръ; катанье на лодкѣ, лазанье по деревьямъ также въ высшей степени укрѣпляютъ здоровье и, что имѣетъ такое громадное значеніе, доставляютъ

ему чистое наслаждение и радость, которыя не только законны, но и необходимы въ дѣтскомъ возрастѣ. Вотъ потому-то ребенка слѣдуетъ не только приохочивать ко всѣмъ играмъ, полезнымъ въ физическомъ отношеніи, но и къ тѣмъ, которыя приносятъ съ собой шумъ, веселье, смѣхъ, радость. „Жестоко заблуждаются тѣ люди“, говоритъ Спенсеръ, „которыя думаютъ, что нуженъ только извѣстный итогъ тѣлеснаго движенія, и что затѣмъ нечего заботиться о томъ, пріятно оно или нѣтъ. Отрада есть самое сильное изъ тоническихъ средствъ. Ускоряя обращеніе крови, она облегчаетъ отправленіе всѣхъ другихъ функцій и такимъ образомъ упрочиваетъ здоровье и восстанавливаетъ его, когда оно разстроено. Крайній интересъ дѣтей къ играмъ, буйная радость, съ которою они приступаютъ къ новымъ шалостямъ, столь же важны для нихъ, какъ и сопровождающее ихъ движеніе“. Воспитатели часто забываютъ, что удовольствіе, радость и веселье столь же необходимы для дѣтской души, какъ свѣтъ и тепло для нѣжнаго растенія. У веселаго ребенка живая натура пробѣгаетъ наружу сама собою, и въ такомъ случаѣ веселье приходится только поддерживать, но болѣе вялаго нужно пріучать, приохочивать, подзадоривать къ веселымъ играмъ, забавамъ и шуткамъ.

Веселый ребенокъ имѣетъ несравненно болѣе шансовъ, чѣмъ мрачный и меланхолическій, къ успѣшному и равномѣрному развитію физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ. При этомъ нужно помнить, что чистыя радости и веселье возвышаютъ, облагораживаютъ и согрѣваютъ душу. У веселаго ребенка болѣе сильно развиты потребность въ товариществѣ, желаніе подѣлиться своими веселыми мыслями и планами, хотя бы для того, чтобы всѣхъ развеселить, заставить другихъ смѣяться; веселыя дѣти бываютъ и болѣе привѣтливы къ окружающимъ. Веселый ребенокъ имѣетъ обыкновенно и болѣе общественную натуру: онъ, въ большинствѣ случаевъ, менѣе раздражителенъ, золь, завистливъ и эгоистиченъ. Замѣчено также, что веселое настроеніе въ высшей степени укрѣпляетъ нервы и развиваетъ въ ребенкѣ добрыя чувства. Бодрое, веселое настроеніе помогаетъ и успѣхамъ въ занятіяхъ: такой ребенокъ обыкновенно болѣе понятливъ, способенъ и воспріимчивъ, чѣмъ субъектъ характера сумрачнаго и меланхолическаго. Каждый, вѣроятно, наблюдалъ, что даже самыя простыя слова учительницы, сказанныя весело и бодро послѣ тяжелаго упражненія, заставляютъ дѣтей сразу встрепенуться, приободриться, охотнѣе приняться за работу и дѣйствуютъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ суровое приказаніе или формальное требованіе. О необходимости развивать веселое, бодрое, оживленное настроеніе съ ранняго дѣтства прекрасно сказано Жанъ-Поль Рихтеромъ: „постарайтесь уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ засвѣтить въ ребенкѣ столько радости, чтобы впослѣдствіи никакое море слезъ не могло залить ее“. Мрачное настроеніе бываетъ у тѣхъ дѣтей, къ которымъ воспитатели относятся черезчуръ строго и педантично, не позволяя имъ вполнѣ проявлять дѣтской радости и экспансивности, съ которыми слишкомъ мало болтаютъ, возятся, шумятъ. Сумрачныя дѣти встрѣчаются также и тамъ, гдѣ они съ раннихъ лѣтъ видятъ семейный разладъ, тамъ, гдѣ они начинаютъ преждевременно страдать и задумываться надъ неподходящими для ихъ возраста вопросами, или гдѣ ихъ съ раннихъ лѣтъ угнетаютъ непосильная нужда и лишенія.

Физическій трудъ, къ которому слѣдуетъ пріучать съ ранняго дѣтства, долженъ сдѣлаться потребностью организма и точно такъ же, какъ и умственный трудъ, доставлять маленькимъ дѣтямъ радость и удовольствіе. Для этого необходимо пріучать ребенка копать на огородѣ грядки, сажать цвѣты и растенія, поливать ихъ, выпалывать ненужную траву; устраивать загородки для ухода и прирученія звѣрь-

ковъ, дѣлать печи въ пригоркахъ, обкладывая ихъ кирпичами и камнями, въ которыхъ можно было бы иногда вскипятить молоко, сварить яйца, спечь картофель. Какое удовольствіе ребенку позавтракать картофелемъ и яйцами, приготовленными имъ въ сложенной имъ печкѣ! Для зимы воспитатели найдутъ множество ручныхъ занятій, указанныхъ нами въ послѣднихъ главахъ нашего труда. Но какія бы занятія вы ни предлагали ребенку, его одновременно и постепенно слѣдуетъ приучать обходиться безъ чужой помощи и помогать родителямъ и прислугѣ въ обыденной семейной жизни, но, конечно, такъ, чтобы трудъ ребенка не обременяли его непосильною тяжестью и усталостью.

Всѣ современные психіатры считаютъ физическій трудъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для искорененія наклонности къ душевнымъ заболѣваніямъ. Къ тому же дитя, съ ранняго возраста занимаясь физическимъ трудомъ, несомнѣнно будетъ съ большимъ уваженіемъ, интересомъ и любовью относиться къ простому люду и къ его труду вообще. Слѣдовательно, физическій трудъ необходимъ не только для здоровья, но онъ представляетъ важное средство для развитія въ душѣ чловѣка гуманныхъ чувствъ, любви къ простому люду и интереса къ его трудовой жизни.

Въ области моральной путемъ привычки можно тоже развить много хорошихъ качествъ. Послушаніе, имѣющее громадное воспитательное значеніе, не что иное, какъ результатъ навыковъ, извѣстнымъ образомъ направленныхъ съ ранняго дѣтства. Умѣнье приучать дѣтей къ послушанію—первое звено въ безрерывной цѣпи вліяній, воспитывающихъ волю и характеръ. Только умѣнье подчинить волю ребенка своей волѣ даетъ возможность матери такъ или иначе дѣйствовать на него. Безъ этого умѣнья, безъ этой выдержки, безъ этой способности воспитателя никакое воспитаніе немисливо, и много вреда, много горя предстоитъ испытать самому питомцу и въ дѣтствѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ, если онъ не былъ приученъ къ послушанію, много страха и безпокойства причинить онъ своимъ близкимъ; матери же придется пролить много горькихъ слезъ изъ-за его своеволія, требовательности, самодурства, эгоизма, даже порочности, прямо вытекающей изъ недостатка послушанія ребенка въ дѣтствѣ. Какъ бы страстно ни любила мать своего ребенка, сколько бы жертвъ ни приносила она ради его образованія, онъ даже въ зрѣломъ возрастѣ, будучи развитымъ и образованнымъ чловѣкомъ, не сѣумѣетъ ихъ достаточно оцѣнить, не будетъ питать къ ней сыновней нѣжности, если только въ дѣтствѣ онъ не былъ приученъ къ строгому послушанію. „Слабые родители не бываютъ особенно любимыми и въ большинствѣ случаевъ воспитываютъ неблагодарныхъ дѣтей!“ восклицаетъ одинъ извѣстный писатель, описывавшій судьбу несчастной женщины, все принесшей въ жертву своему сыну и столкнувшейся впоследствии съ его индифферентизмомъ и сухостью сердца. Изъ біографій многихъ преступниковъ мы узнаемъ, что они, проклиная свою злосчастную судьбу, толкавшую ихъ съ молодости на преступленія, болѣе всего обвиняли въ этомъ своихъ родителей, не умѣвшихъ остававлять ихъ въ дѣтствѣ отъ своеволія и не требовавшихъ отъ нихъ должнаго повиновенія.

Родители въ болѣе или менѣе образованныхъ семьяхъ прекрасно понимаютъ въ теоріи необходимость требовать отъ дѣтей послушанія, но не строго придерживаются этого правила на практикѣ: то у нихъ не хватаетъ для этого терпѣнія, то недостатокъ времени мѣшаетъ имъ прослѣдить до конца, выполнено ли ихъ требованіе, то препятствіемъ для этого служитъ соображеніе, „что-де небольшая важность въ томъ, если разъ, другой ребенокъ ослушается... подрастетъ, поумнѣетъ и самъ пойметъ, что требованіе было законно и клонилось къ его благу“... Послѣднѣяго-то именно и не бываетъ, такъ какъ послушаніе, болѣе чѣмъ какаѣ бы то ни

была склонность, развивается путем привычки, и вполне добиваются ее лишь те родители, которые всегда настаивают на немедленном и точном выполнении всех своих требований. Но мы думаем, что и суждения родителей вроде вышеприведенных и оправдания их в своей оплошности недостатком времени, отчасти даже самая слабость в этом отношении,—все это происходит в большинстве случаев от того, что детям послушанию не придают того, поистинѣ громаднаго, значенія, какое оно имѣетъ в дѣйствительности, какъ для самихъ дѣтей, такъ и для родителей.

Ребенокъ начинаетъ предъявлять свои требованія очень рано, уже в первые мѣсяцы своей жизни. Разумная мать, не желая изъ-за крика дольше, чѣмъ слѣдуетъ, оставлять ребенка у груди, не обратится къ нему съ объяснительною рѣчью в такомъ родѣ: „я не держу тебя на рукахъ долѣе, чѣмъ это слѣдуетъ, чтобы ты не сдѣлалъ дурной привычки безъ нужды засыпать у груди, не хочу приучать тебя капризничать. Этимъ ты разстроишь свое, еще неокрѣпшее, здоровье, и притомъ на моихъ рукахъ твое тѣло согрѣвается неравномѣрно и слишкомъ долго остается в неестественномъ положеніи“. Почему ни одна мать не обратится съ такою рѣчью къ своему младенцу? Это само собою понятно,—онъ ничего не понимаетъ. Между тѣмъ, когда ребенокъ начинаетъ болтать, многіе считаютъ необходимымъ объяснять ему причину каждаго своего отказа, каждаго требованія. Но ребенокъ и в два, три года, в большинстве случаевъ, не понимаетъ ни настоящей — причины отказа, ни его мотива, ни самаго объясненія, хотя бы оно было предложено ему, повидимому, в самой элементарной формѣ. Трехлѣтняя дѣвочка проситъ дать ей земляники, отъ которой у нея только что была лихорадка: „Нельзя, дѣвочка, заболѣешь... Помнишь, какъ тогда... головка болѣла... ты вся горѣла“... Но дѣвочка настаиваетъ и плачетъ; объясненія матери для нея столь же вразумительны, сколько и вышеприведенная рѣчь для младенца: свою болѣзнь на прошлой недѣлѣ она, конечно, забыла, да и тогда, сколько ей ни толковали объ этомъ, не могла связать ее съ земляникою; надлежащее объясненіе этого явленія непонятно будетъ и ребенку болѣе старшаго возраста. Между тѣмъ, в громадномъ большинстве случаевъ причину отказовъ и мотивы своихъ требованій родители объясняютъ дѣтямъ в такомъ родѣ. Трехлѣтній мальчикъ проситъ пирожнаго, котораго не перевариваетъ его желудокъ. Мать отказываетъ ему въ просьбѣ, говоря: „Помнишь, — я тебѣ дала тогда, а у тебя животикъ заболѣлъ... Никакъ нельзя!“ кончаетъ она уже рѣшительно. Если послѣ того ребенокъ не настаиваетъ на своемъ желаніи, мать убѣждается, что онъ понялъ ея объясненія и проникся ея доводами. Но это невѣрно: в послѣднихъ словахъ матери ребенку слышался рѣшительный отказъ, и онъ нашелъ лишнимъ настаивать на своемъ желаніи. Здоровый ребенокъ рѣдко помнитъ свои прошлыя болѣзни, и къ тому же ему очень трудно понять, что пирожное, которое доставляетъ ему такое удовольствіе, разстроиваетъ желудокъ. Да и какъ можетъ онъ понять это, когда расстройство желудка далеко не всегда происходитъ моментально послѣ вреднаго кушанья, и притомъ оно вовсе не всегда сопровождается болями, а ребенокъ не в силахъ понять всей опасности для своей жизни частыхъ желудочныхъ расстройствъ, особенно если они происходятъ безъ особенно чувствительной боли. Какъ бы ни защищалъ воспитатель необходимости объяснять ребенку мотивы дѣлаемыхъ ему отказовъ и предъявляемыхъ требованій, онъ непремѣнно сознается, если только занимался воспитаніемъ маленькихъ дѣтей дошкольнаго возраста, что в жизни ребенка, на каждомъ шагу, представляется масса случаевъ, когда рѣшительно невозможно вполне понятно для ребенка объяснить причину отказа.

Дѣти повинуются не вслѣдствіе полученныхъ объясненій, а потому, что родители приучили ихъ къ повиновению въ тотъ моментъ ихъ жизни, когда привычка имѣетъ неотразимое вліяніе, когда въ первые годы жизни у ребенка существуетъ только одна обязанность—повиноваться и подчиняться волѣ своихъ родителей. Совершенно справедливо говорить по этому поводу Мартэнъ („О воспитаніи характера“): „чтобы вникнуть въ вопросъ о послушаніи, нужно, не упуская изъ вида природы ребенка, спросить себя, существуетъ ли въ первые годы лучшее средство дѣйствовать на его характеръ въ видахъ измѣненія его къ лучшему, чтобы бороться съ его дурными наклонностями и привить ему хорошія привычки? Для ребенка можетъ быть понятенъ только одинъ категорическій императивъ, одинъ нравственный законъ,—воля тѣхъ, отъ кого онъ зависитъ. Онъ повинуется волѣ своихъ родителей такъ, какъ впоследствии будетъ повиноваться нравственному закону, налагая на себя усиліе, приневоливая себя къ неприятности, принося жертву. Воля родителей, передъ которою онъ долженъ преклоняться безъ разсужденій, представляетъ для него тѣ нравственные принципы, которые въ будущемъ должны управлять его жизнью. Можно даже сказать, что честные родители просто служатъ посредниками между ребенкомъ и нравственнымъ закономъ, пока онъ не сознаетъ ясно его предписаній. Когда, напримеръ, его останавливаютъ отъ обжорства, лжи или воровства, когда ему приказываютъ почтительно относиться къ старшимъ или къ больнымъ и слабымъ, развѣ ему говорятъ не тѣмъ же языкомъ, какимъ впоследствии заговорить съ нимъ совѣсть?“

Отнюдь не будучи сторонницею какой бы то ни было дрессировки, ни защитницею рабской покорности, я тѣмъ не менѣе считаю дисциплину необходимою въ воспитаніи и особенно при развитіи послушанія. Пока дѣти не подросли, поступки ихъ неразумны и неосмысленны, они дѣйствуютъ часто подъ впечатлѣніемъ минуты, по внушенію своихъ неустановившихся инстинктовъ и неопредѣлившихся наклонностей. Родители должны направить это во всѣхъ отношеніяхъ еще неокрѣпшее существо къ здоровой, разумной, честной и полезной жизни. Воспитаніе немыслимо безъ дисциплины такъ же, какъ выполненіе приказанія, если оно непослѣдовательно и противорѣчиво. Но дисциплина, особенно относительно маленькихъ дѣтей, не должна быть для нихъ непосильною и ненавистною; если она засушиваетъ сердце дѣтей, подавляетъ ихъ въ какомъ-нибудь отношеніи, стѣсняетъ проявленіе ихъ живости, рѣзвости, экспансивности,—она никуда не годится. Чтобы дисциплина не угнетала дѣтей, она не должна быть обременительною, формальною, казенною и сухою. Если рука объ руку съ дисциплиною родители окружаютъ жизнь своихъ дѣтей постоянными попеченіями, нѣжною заботливостію, ласкою, любовью, дѣти, подрастая и становясь развитѣе и разумнѣе, несомнѣнно поймутъ всю законность, всю необходимость для нихъ дисциплины. Но одна дисциплина безъ любви, ласки и нѣжной заботы дѣлаетъ дѣтей рабами и хитрецами, которые на глазахъ выполняютъ требованія родителей, а за ихъ спиной ведутъ себя самымъ предосудительнымъ образомъ.

И такъ, придавая огромное значеніе умѣнью воспитателя приучить дѣтей къ послушанію, мы находимъ, что этой цѣли вѣрнѣе можно достигъ безъ объясненія дѣтямъ въ первый періодъ ихъ жизни (до 3—4 лѣтъ) причины отказовъ, такъ какъ вполне понятно мотивировать ихъ такимъ маленькимъ дѣтямъ—невозможно, но въ слѣдующій періодъ ихъ жизни, приблизительно съ 4 л., уже слѣдуетъ кое-что объяснять, постепенно расширяя область этихъ объясненій, но, конечно, имъ слѣдуетъ объяснять только то, что возможно и будетъ имъ совершенно понятно. Это не значитъ еще, что мы, при невозможности родителей выполнить желаніе ре-

бенка, рекомендуемъ имъ одно неизмѣнное „нельзя“. Пусть говорятъ ему, если на-
ходятъ нужнымъ: „не пей квасу,—животъ заболитъ“, „не грызи орѣховъ,—зубы
сломаешь“, „не подходи близко къ печкѣ—сгоришь“, но утверждаемъ, что въ пер-
вый періодъ дѣтства абсолютно, а во второй и третій на половину ребенка не
можетъ надлежащимъ образомъ понять объясненій. Какой же толкъ въ такомъ слу-
чаѣ во всѣхъ этихъ объясненіяхъ? Не вполне ясное объясненіе мотива отказа ве-
детъ дѣтей къ резонерству и къ унижительнымъ для родительской гордости прере-
каніямъ. Если предостереженіе родителей, вроде „сгоришь“, „обваришься“, „упа-
дешь“, не подтвердится тотчасъ, а иныя къ счастью для дѣтей и никогда не оправ-
даются, это подрываетъ въ глазахъ дѣтей авторитетъ воспитателя и вообще ведетъ
ребенка ко множеству неправильныхъ выводовъ и взглядовъ относительно родителей.
Однимъ словомъ, я утверждаю, что мотивировка требованій уместна лишь тогда,
когда ребенокъ приобрѣлъ уже навыкъ къ послушанію и нѣсколько развитъ умственно.
Но будутъ ли родители объяснять ребенку мотивы своихъ требованій или не будутъ,
онъ долженъ выполнять ихъ не потому, что находитъ ихъ съ своей точки зрѣнія
законными и убѣдительными, а потому, что они предъявлены ему его воспитателями.
Чтобы частые отказы не ожесточали ребенка, его нужно заставить любить своего
воспитателя и вмѣстѣ съ развитіемъ въ немъ сознанія развивать въ немъ и вѣру
въ то, что каждое требованіе родителей, каждый отказъ исполнить то или другое
желаніе ребенка есть не что иное, какъ предостереженіе его, ребенка, отъ какой
нибудь опасности.

Въ первые полтора гола своей жизни ребенокъ представляетъ существо пас-
сивное, совершенно зависящее отъ насъ, живущее чисто растительною жизнью. Но
и въ этотъ періодъ его жизни уже можно положить прочный фундаментъ для по-
слушанія, если только толково, разумно, твердо и логично дѣйствовать въ извѣст-
номъ направленіи.

Когда полугодовалаго ребенка выносятъ изъ дѣтской, онъ видитъ различные
предметы: рюмку, которая притягиваетъ его своими переливами свѣта на солнцѣ,
ножикъ, привлекающій его вниманіе своимъ блескомъ, подносъ, вызывающій его ра-
дость разноцвѣтными красками. Ребенокъ тянется попеременно то къ одному, то къ
другому предмету, кричитъ, требуетъ, чтобы дали ему въ руки то одно, то другое.
Мать подходит съ нимъ къ предмету, который его занимаетъ, показываетъ ему,
но если его нельзя дать ему въ руки, то и не даетъ. Если мать не даетъ гра-
финъ или рюмку сегодня, она не должна уступать ему въ этомъ отношеніи и завтра,
и въ послѣдующіе дни. Подходя съ ребенкомъ къ предмету, который ему не должно
давать, мать говорить ему одно слово „нельзя“ и идетъ съ нимъ дальше. Иногда
онъ успокаивается тѣмъ, что видитъ передъ собой другой предметъ, иной разъ
ничто не помогаетъ, и онъ продолжаетъ настойчиво требовать, кричать. Мать вы-
носитъ его въ другую комнату. Случается, что и въ продолженіе мѣсяца ребенокъ
требуетъ одного и того же, но если мать одинаково твердо каждый разъ говоритъ
ему „нельзя“ и спокойно отходитъ съ нимъ въ сторону отъ соблазняющаго его
предмета, онъ въ концѣ концовъ перестаетъ его требовать. Такимъ образомъ мало-
по-малу ребенокъ начинаетъ понимать слово „нельзя“ и связывать его съ предста-
вленіемъ извѣстнаго дѣйствія,—въ данную минуту съ тѣмъ, что, когда мать про-
износитъ это слово, она не даетъ ему того, что онъ проситъ, и отойдетъ съ нимъ
въ сторону. Мнѣ лично приходилось наблюдать нѣсколькихъ дѣтей, разумно приучен-
ныхъ въ означенный періодъ ихъ жизни. Ребенокъ тянется къ привлекательному
для него предмету, мать подноситъ его къ нему или приближаетъ къ нему пред-

метъ. Десятимѣсячный ребенокъ прыгаетъ у матери на рукахъ отъ радости, когда она подноситъ его къ милой для него вещицѣ, смѣется, хлопаетъ въ ладоши: его глазки блестятъ отъ восторга, онъ цѣлуетъ мать, но, вытягивая свой маленькій пальчикъ, потрясаетъ имъ въ воздухъ и произноситъ „зя...зя“, то-есть нельзя; онъ желаетъ показать, что знаетъ, что этого нельзя трогать, и что онъ не коснется запрещеннаго плода.

Если съ ребенкомъ поступаютъ послѣдовательно въ этомъ отношеніи, онъ уже къ двумъ годамъ ознакомится съ обыденными предметами въ комнатахъ своей квартиры и отлично умѣетъ отличить вещи, которыя ему даютъ въ руки, отъ тѣхъ, до которыхъ ему не позволяютъ касаться. Но, конечно, это можетъ быть лишь при такой обстановкѣ, гдѣ нѣтъ большого обилія украшеній и бездѣлушекъ: въ послѣднемъ случаѣ для этого потребуется несравненно больше времени. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что поступать вышеозначеннымъ образомъ, то-есть систематично не допускать ребенку трогать многихъ предметовъ, можно лишь въ томъ случаѣ, когда для развитія его органовъ чувствъ и для упражненія мускуловъ и членовъ къ его услугамъ существуетъ много другихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, мячики, шарики, кубики, колечки, гладкія палочки, различныя подходящія къ этому возрасту игрушки. (О томъ, какія игрушки наиболѣе полезны для дѣтей этого возраста, я говорю ниже).

Ребенокъ уже бѣгаетъ и болтаетъ,—ему три-четыре года. Въ этомъ возрастѣ его разумокъ уже болѣе вступаетъ въ свои права, онъ болѣе развитъ, чѣмъ въ предыдущій періодъ своей жизни, болѣе понимаетъ, но зато и болѣе шаловливъ. Не ослабляйте вашихъ требованій послушанія отъ него, но соразмѣряйте ихъ съ возрастомъ ребенка, съ его развивающимися склонностями. Главная ошибка нѣкоторыхъ матерей состоитъ въ томъ, что онѣ на ребенка шести-семилѣтняго возраста продолжаютъ смотрѣть, какъ на „бебе“; у такого ребенка уже развивается гордость его лѣтъ, самолюбіе, а мать, не обращая вниманія на это, въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ продолжаетъ употреблять тѣ же приемы, которые возможны лишь для трехъ-четырёхлѣтняго, что безъ нужды оскорбляетъ дѣтское самолюбіе,—на все свое время. Если до 3—4-хъ лѣтъ вы систематично требовали повиновенія, у ребенка уже заложенъ прекрасный фундаментъ, выработано много хорошихъ навыковъ послушанія, и во второй періодъ его жизни, отъ 4-хъ лѣтъ, остается вести это дѣло въ томъ же духѣ, но соображаясь съ болѣшимъ проявленіемъ личности ребенка; вамъ теперь иногда возможно объяснить ребенку причину своего отказа, онъ уже кое-что понимаетъ, но, конечно, далеко не все. И въ такомъ случаѣ, даже и теперь, вамъ нерѣдко приходится требовать отъ него повиновенія безъ всякихъ объясненій. Слѣдуетъ помнить, что и шестилѣтній ребенокъ не можетъ еще самостоятельно управлять своими дѣйствіями. Вы не давали годовалому ребенку взять въ руки чашку, такъ какъ онъ могъ ее разбить, четырехлѣтнему вы уже можете поручить ее. Онъ не довольствуется этимъ и желаетъ нести подносъ съ посудой,—вы отказываете ему въ просьбѣ. „Почему же? вѣдь я не разбилъ чашки?“ — „А на подносѣ много чашекъ и другая посуда“. Многія матери замѣтятъ при этомъ: почему же наглядно не убѣдить его въ справедливости вашихъ словъ?—Потому что допускать можно только разумное, а не то, что приноситъ неудобства и ущербъ; къ тому же наглядная провѣрка законности вашего отказа можетъ быть очень часто и опасна для его жизни. „Не подходи къ растопленной печкѣ“, приказываетъ мать. — „Я только простынку для куколки высушу“. Маленькія дѣти безпрестанно просятъ мать дозволить имъ жечь сахаръ на свѣчкѣ, зажигать сургучъ, спички,

топить воскъ, наливать изъ самовара горячую воду. Вы дозволили ему это сдѣлать при себѣ и должны это иногда дозволять, когда ребенокъ подрастетъ, но при своемъ надзорѣ, чтобы въ немъ постепенно выработать умѣнье обходиться съ подобными вещами; если ребенокъ послушенъ, онъ и не будетъ этого дѣлать въ вашемъ отсутствіи.

Выработать въ ребенкѣ привычку къ самосохраненію воспитатель тоже можетъ путемъ привычки къ послушанію, а никакъ не объясненіями. Маленькій ребенокъ не можетъ понимать опасности для своей жизни отъ обжоговъ кипяткомъ и огнемъ, быстрой воспламеняемости отъ огня легкаго платья и многого другого, и тутъ, чтобы уберечь его, единственное возможное, — съ первыхъ лѣтъ жизни ребенка развить въ немъ послушаніе, вѣру въ воспитателей, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно упражняя его умственные способности. Но воспитатель не долженъ обременять ребенка ненужными и непосильными требованіями; и безъ нихъ существуетъ множество обязанностей, на исполненіи которыхъ необходимо настаивать твердо и неуклонно, иначе изъ ребенка выйдетъ неустойчивое, дряблѣе, никуда негодное существо, неспособное выполнять самыхъ священныхъ обязанностей семьянина и гражданина.

Послушаніе — одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ для воспитанія характера и укрѣпленія воли. Ребенку мѣшаютъ сдѣлать то, что ему вдругъ захотѣлось, отъ чего онъ ожидалъ для себя удовольствія, къ чему побуждали его инстинкты, и ему приходится сдѣлать надъ собою усиліе, весьма значительное для размѣровъ его слабыхъ силъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе закаляется онъ, тѣмъ прочнѣе окрѣпнеть онъ нравственно, тѣмъ болѣе силы воли приобрѣтаетъ онъ для перенесенія отказовъ, тѣмъ болѣе привыкаетъ онъ дѣлать не то, что хочется, а то, что слѣдуетъ, а вмѣстѣ съ этимъ нѣжнѣе и сильнѣе привязывается къ родителямъ. Чѣмъ болѣе дѣти приносятъ жертвъ родителямъ и выполняютъ ихъ требованій, чѣмъ менѣе они избалованы, чѣмъ болѣе была въ дѣтствѣ дисциплинирована ихъ воля, закаленъ ихъ характеръ, тѣмъ болѣе мужественными выходятъ они, тѣмъ крѣпче и нѣжнѣе привязаны къ родителямъ. Чѣмъ болѣе въ дѣтствѣ ребенокъ оказываетъ повиновенія (если только его не требовали изъ любви къ искусству или рабскаго подчиненія, не дрессировали, какъ собаченку), тѣмъ болѣе энергичнымъ борцомъ оказывается онъ въ общественной дѣятельности, такъ какъ въ дѣтствѣ ему предоставлено было широкое поле для упражненія энергіи и силы своего характера. Наконецъ только тотъ, кто умѣлъ въ дѣтствѣ повиноваться, можетъ впоследствии разумно повелѣвать другими, какъ вполне справедливо гласитъ всесвѣтная народная мудрость. Непослушныя дѣти всегда бывають своевольны, капризны, нервны, что постепенно ослабляетъ ихъ жизненную энергію, вредно вліяетъ на здоровье и говорить о слабости и дряблости ихъ родителей.

Для болѣе успѣшнаго навыка ребенка къ послушанію необходимо, чтобы требованія, приказанія и запрещенія были *последовательными*, то-есть разъ безусловно запрещенное никогда не должно быть допускаемо при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Это правило необходимо соблюдать въ полной неприкосновенности. Отступая отъ него, хотя по временамъ, родители не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго права оправдывать себя чѣмъ бы то ни было: ни своею слабостью, ни приставаніями ребенка, ни недостаткомъ времени, ни своею нѣжностью и любовью къ нему. Не вполне серьезное и строгое отношеніе къ этому правилу подрываетъ родительскій авторитетъ и развиваетъ въ характерѣ ребенка хитрость, фальшивую нѣжность, актерство, неискренность. Подмѣтилъ ребенокъ, что вы отиѣнили неприятое для него рѣшеніе вслѣдствіе его нѣжности къ вамъ, и онъ удваиваетъ ее въ

слѣдующій разъ; если, по его мнѣнію, причиною этому послужили его слезы, онъ постарается пролить цѣлые потоки ихъ, а пока не научился проливать слезы, когда онѣ сами не текутъ, онъ будетъ въ это время закрывать лицо ладонями рукъ, всхлипывая и искусственно придавая плаксивость голосу.

Чтобы предохранить себя отъ перерѣшенной и уступокъ, мать должна слѣдить, чтобы ребенокъ безъ оттяжекъ, пререканій, споровъ и разсужденій *немедленно выполнялъ бы ея требованія*. Мы уже не дѣлаемъ оцѣнки той торговли, которая при этомъ зачастую происходитъ еще въ нѣкоторыхъ семьяхъ между матерью и ребенкомъ: „Уйди изъ моей комнаты!“ — „Не хочу“. — „Пожалуйста, уйди, я тебѣ конфетку или копѣечку дамъ“. — Это настолько возмущаетъ душу и унижаетъ чело-вѣческое достоинство и воспитателя, и воспитываемаго, что вредъ такого отно-шенія къ дѣтямъ очевиденъ для каждаго мало-мальски нравственно развитого чело-вѣка. *Приказаніе или запрещеніе никогда не должно превращаться въ просьбу*. „Просьба матери“, говоритъ г-жа Неккеръ, „извращаетъ естественныя отношенія и мѣняетъ роли. Слыша постоянно умаливанія и упрашиванія, дѣти начинаютъ ду-мать, что, выполняя требованія родителей, они всякій разъ оказываютъ имъ ми-лость; они оказываются къ намъ снисходительными, а мы относительно ихъ — не-благодарными“.

Обыденная жизнь представляетъ много случаевъ запрещать ребенку то одно, то другое; *но очень средно щедро расточать запрещенія, требованія и при-казанія*. Чтобы развить послушаніе, ребенка не слѣдуетъ обременять непосильными требованіями, иначе онъ не вынесетъ ихъ тяжести и попытуетъ стряхнуть иго съ своихъ плечъ, а разъ онъ примется за такіе эксперименты, то, чтобы возратить его къ послушанію, придется прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, что уже очень вредно и совѣмъ нежелательно. Изъ массы того, что слѣдовало бы запретить ребенку и что нужно требовать отъ него, слѣдуетъ выбирать лишь самое существенное.

Запрещая или требуя, *слѣдуетъ избѣгать страстности, запальчивости и вспыльчивости*. Тонъ, которымъ вы даете приказаніе, не долженъ быть ни гру-бымъ, ни рѣзкимъ, ни повелительнымъ, ни жесткимъ, но, какъ всегда, ласковымъ, покойнымъ, ровнымъ и рѣшительнымъ, не допускающимъ ни возраженія, ни сопро-тивленія. Развитие послушанія приноситъ не только благотворные результаты при послѣдующемъ воспитаніи ребенка, но, что очень важно, избавляетъ родителей отъ необходимости подвергать его какимъ бы то ни было наказаніямъ.

Такое же могущественное вліяніе оказываетъ привычка и на память, имѣющую громадное значеніе для всей жизни чело-вѣка. Во всѣхъ возрастахъ жизни, въ дѣт-скомъ, въ школьномъ и зрѣломъ, хорошая память даетъ себя чувствовать въ высшей степени благотворно, и значеніе ея велико въ практической, нравственной и во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Разсудокъ, способность сужденія и умоза-ключенія, однимъ словомъ, всѣ умственные силы въ тѣсномъ смыслѣ слова зависятъ отъ степени развитія памяти. Такое же важное значеніе имѣетъ она и для раз-витія нравственныхъ чувствъ. Если бы не было памяти, душевная жизнь почти не могла бы существовать. Чело-вѣкъ, переживая извѣстный моментъ, вспоминаетъ сход-ный съ нимъ моментъ изъ своей прошлой жизни, сравниваетъ ихъ между собой, что нерѣдко заставляетъ его приходиться къ извѣстнымъ выводамъ, и на этомъ осно-ваніи рѣшить, какъ слѣдуетъ ему поступить въ будущемъ. Для развитія нрав-ственного сознанія необходимо хорошо помнить свои дѣйствія, а также и то, что запрещено и что дозволено, какое впечатлѣніе производитъ на окружающихъ тотъ или другой поступокъ. Безпамятный ребенокъ быстро забываетъ тяжелое впечатлѣ-

ніе, произведенное его дурнымъ поступкомъ, и обладаетъ слабымъ сознаниемъ отвѣтственности за прошлое.

Но что такое память? Память извѣстное свойство, общее всѣмъ чувствующимъ и мыслящимъ существамъ, сохранять и воспроизводить впечатлѣнія. Способность воспроизводить впечатлѣнія вполне зависитъ отъ умѣнья сохранять ихъ. У слабоумныхъ отъ рожденія, у идіотовъ и полудиотовъ память находится на такой низкой ступени развитія, что для нихъ часто оказывается невозможнымъ усвоить самыя простыя обыденныя и необходимыя въ жизни привычки. Но это явленіе, общее для слабоумныхъ, оказывается далеко не безъ исключеній: многіе изъ нихъ проявляютъ, но, разумѣется, въ какомъ-нибудь одномъ, и притомъ ограниченномъ отношеніи, весьма замѣчательную память. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые полудиоты отличаются необыкновенною тѣнкостью слуха и, несмотря на все свое слабоуміе и тупость къ впечатлѣніямъ другого характера, могутъ запоминать наизусть длинныя аріи: многіе кретины и слабоумные отличаются феноменальною памятью на числа, другіе исключительно на таблицу умноженія, на слова вообще, на происшествія извѣстнаго характера.

Недостаточно только получать впечатлѣнія: необходимо еще, чтобы они прочно укоренялись, надолго оставляли по себѣ слѣдъ и могли быть впоследствии воспроизведены. Но такой результатъ возможенъ при совершенно правильномъ питаніи мозга, получающаго огромное количество крови. „Нормальное проявленіе памяти“, говоритъ Рибо („Болѣзни памяти“), „предполагаетъ дѣятельное обращеніе достаточнаго количества крови, обладающей матеріалами, необходимыми для правильного обмѣна веществъ“.

Невозможно опредѣлить съ точностью, съ какого возраста жизни человѣка начинается болѣе или менѣе отчетливое припоминаніе. Изъ воспоминаній различныхъ писателей о своемъ дѣтствѣ мы знаемъ относительно нѣкоторыхъ, что они начинаютъ вспоминать событія своей прошлой жизни послѣ двухъ-трехлѣтняго возраста, — громадное же большинство вспоминаетъ дѣтство гораздо позже, послѣ пяти-шести лѣтъ. Воспоминанія дѣтства до двухъ-трехъ лѣтъ обыкновенно неясны, кромѣ нѣсколькихъ, особенно рѣзко и рельефно выдающихся событій изъ обыденной жизни, но происхожденіе этихъ воспоминаній обыкновенно неизвѣстно: представляютъ ли они результатъ непосредственныхъ впечатлѣній, или навѣяны разказами окружающихъ. Но неопредѣленность, неясность или даже полное отсутствіе воспоминаній ранняго дѣтства еще не говоритъ о томъ, что для дальнѣйшаго развитія ребенка безразлично, подъ какими воспитательными вліяніями онъ находился въ самыя первые годы своей жизни. Ничто не остается безслѣдно въ жизни ребенка и его воспитаніе въ самыя первые годы, такъ же, какъ и въ послѣдующіе, кладетъ неизгладимую печать. Отъ этихъ первыхъ лѣтъ жизни у ребенка остается множество привычекъ и навыковъ, иногда прекрасныхъ, а иной разъ и очень вредныхъ, впечатлѣніе ласки или злобы, тѣ или другіе отдѣльные факты и явленія окружающей дѣйствительности, въ то время заложенные безсознательно въ душу ребенка, но которые переходятъ въ сознаніе въ послѣдующій періодъ его жизни, кладутъ первоначальную основу характера, создаютъ въ ребенкѣ веселое или грустное настроеніе, живое или флегматическое отношеніе къ дѣйствительности, съ которымъ онъ вступаетъ въ послѣдующій возрастъ. Не даромъ одинъ англійскій естествоиспытатель и психологъ сказалъ: „каждый нервъ хранитъ воспоминанія своей прошлой жизни!“ Правда, неясныя и полусознательныя впечатлѣнія перваго дѣтства могутъ легко исчезать или видоизмѣняться подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній или влѣдствіе усиливающейся работы мозга съ каждымъ днемъ все болѣе развивающагося ребенка,

тѣмъ не менѣе невѣроятно, чтобы множество первоначальныхъ впечатлѣній, давшихъ пищу сложнымъ процессамъ двухъ-трехъ первыхъ лѣтъ жизни ребенка, не играли никакой роли въ совокупности мозговыхъ отправлений его послѣдующей жизни. Въ подтвержденіе высказаннаго можно сослаться на множество фактовъ. Господинъ Ц. отправляется на родину, которую онъ оставилъ съ дѣтства. Далекое не доѣзжая до дому, онъ сворачиваетъ къ родственнику, въ мѣстность, гдѣ, какъ ему говорили, онъ никогда не бывалъ въ дѣтствѣ. Осматривая комнаты дома, Ц. вдругъ припоминаетъ, что видѣлъ ихъ и въ подтвержденіе этого говорить, что далѣе идетъ маленькая угловая комната, въ которой на шкапу стояла большая деревянная кукла, изображавшая господина въ шляпѣ. Когда снизу тянули сурокъ, приклѣпленный къ этой куклѣ, господинъ снималъ шляпу и улыбался. Эту куклу ему показывала какая-то старушка въ чепцѣ, лобъ которой былъ всегда перевязанъ бархаткой. Угловая комната дѣйствительно оказалась, но въ ней не было куклы, и родственникъ Ц. продолжалъ настаивать на томъ, что онъ Ц. не могъ бывать въ этомъ домѣ, такъ какъ хозяйка умерла чуть ли не раньше его рожденія, и его родители никогда не возили его въ эту мѣстность. Но воспоминаніе дѣтства Ц. не обмануло его, и прѣхавъ къ матери, онъ сталъ разспрашивать ее о фактѣ, который его такъ заинтересовалъ. Дѣйствительно оказалось, что мать Ц., не задолго до смерти хозяйки означеннаго дома, которая всегда на лбу носила бархатку, чтобы скрыть шрамъ, возила его къ ней нѣсколько разъ, — она и показывала ему куклу съ механизмомъ, очень его тогда заинтересовавшимъ: ему было тогда два съ половиною года отъ роду.

Вообще впечатлѣнія сильныя или необыкновенныя изъ этого возраста жизни вспоминаются впоследствии многими. Одинъ писатель вспоминаетъ человѣка суроваго вида, которымъ его страшали, другой, будучи взрослымъ, не только съ точностью описалъ отцу вѣшность старости, который служилъ у нихъ въ имѣніи, когда ему было два съ половиною года, но его жесты и мимику. Такихъ примѣровъ можно привести множество, и всѣ они говорятъ о томъ, что мѣстность, обстановка, люди и рѣзкія черты ихъ характера не совсѣмъ утрачиваются изъ памяти дѣтей даже моложе трехлѣтняго возраста. Между тѣмъ многіе родители, разсчитывая на сравнительно ничтожное развитіе маленькихъ дѣтей, говорятъ и дѣлаютъ въ ихъ присутствіи вещи, которыя бы они не допустили, если бы прониклись сознаніемъ, что многія явленія окружающей жизни, даже и въ этотъ первоначальный возрастъ, производятъ на дѣтей неизгладимое впечатлѣніе.

Память совершенствуется упражненіемъ. Дѣти заучиваютъ на память очень многое быстро и легко. Быстрѣе и легче всего совершенствуется она въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда умственные силы ребенка не растрочены еще на высшія отправленія, слѣдовательно въ то время, когда простой процессъ воспріятія происходитъ безпрепятственно, что бываетъ въ тотъ періодъ жизни, когда кровь быстро течетъ по жиламъ и когда она хорошаго качества. Напротивъ, когда кровь течетъ медленнѣе, когда она не обладаетъ матеріалами, необходимыми для безпрепятственнаго обмѣна веществъ, слѣдовательно, у пожилыхъ людей и стариковъ, память быстро слабѣетъ; точно также чѣмъ болѣе дряхлѣетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе теряетъ онъ живость въ воспріятіи впечатлѣній, что собственно составляетъ главную основу памяти.

Такъ какъ память имѣетъ громадное значеніе для всей жизни человѣка, то развитіемъ ея слѣдуетъ заниматься въ продолженіе всей жизни, а тѣмъ болѣе не нужно пренебрегать этимъ въ дѣтствѣ, когда она легче всего изощряется. Вотъ

потому-то и разнообразныя привычки, которыя не что иное, какъ та или другая форма памяти, пріобрѣтаются всего легче въ дѣтствѣ и юности.

Существуютъ различныя роды памяти: *зрительная память*, — дающая возможность легко запоминать все видѣнное — лица, мѣстности, явленія природы и т. д.; *память звуковъ*, когда лучше всего запоминаютъ голосъ человѣка, музыкальныя произведенія, прочтѣтый романсъ; у другихъ лучше всего *память чиселъ, именъ, словъ*; существуетъ также *память идей*, когда на человѣка болѣе всего производить впечатлѣніе тѣ или другія идеи, — онѣ легче всего удерживаются имъ и воспроизводятся; *механическая память*, — удерживающая прежде всего внѣшніе факты, внѣшнія сочетанія представленій, *память логическая* — внутренній смыслъ ихъ сочетаній. На однихъ болѣе всего производить впечатлѣніе комбинаціи математическія, — такого сорта люди легче всего удерживаютъ ихъ въ памяти и затѣмъ такъ или иначе воспроизводятъ ихъ; другіе особенно легко запоминаютъ происшествія историческія, социальныя, нѣкоторые обладаютъ такою замѣчательною памятью звуковъ, что, разъ или два прослушавъ оперу или музыкальную пьесу, воспроизводятъ ее на память на скрипкѣ, фортепіано, віолончели или на какомъ-нибудь другомъ музыкальномъ инструментѣ. Существуютъ художники, которые съ необыкновенною точностью пишутъ портреты лицъ, однажды въ жизни ими встрѣченныхъ; другіе — съ малѣйшими деталями воспроизводятъ на полотнѣ однажды видѣнную ими мѣстность, развалины, то или другое зданіе. Рядомъ съ этими фактами, указывающими на необыкновенное преобладаніе того или другого рода специальной памяти, существуетъ множество указаній и на то, что та или другая специальная память совершенно отсутствуетъ. Наконецъ человѣкъ можетъ въ совершенствѣ обладать тою или другою специальной памятью и въ самой ничтожной степени владѣть остальными родами памяти. Можно также вовсе не обладать ни однимъ родомъ специально развитой памяти, но имѣть способность надолго сохранять и легко воспроизводить впечатлѣнія отъ всего видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго, удерживать въ памяти наиболѣе существенное и притомъ равномерно, какъ изъ области внѣшнихъ представленій, такъ и изъ области интеллектуальной. Въ отличіе отъ остальныхъ, этого рода память можно назвать *разностороннею* или *многообъемлеющею*, такъ какъ она обладаетъ многими разнообразными представленіями и потому-то она, преимущественно передъ всѣми, наиболѣе желательна. Однако очень часто, какъ среди школьниковъ, такъ и среди взрослыхъ, наименѣ развитые и наиболѣе ограниченныя обладаютъ прекрасною памятью, но въ такомъ случаѣ обыкновенно лишь чисто механическою и ужь никакъ не *памятью идей* и не такою, которую принято называть *многостороннею* или *многообъемлеющею*.

И такъ, чѣмъ болѣе человѣкъ подвигается къ старческому возрасту, тѣмъ болѣе слабѣетъ его память. Однако очень многіе и въ молодости внезапно теряютъ ее, — это чаще всего бываетъ въ патологическихъ случаяхъ; но не мало въ высшей степени интеллигентныхъ людей, которые еще въ молодости жалуются на слабость памяти. Этотъ недостатокъ чрезвычайно тормозитъ успѣшность работы въ сферѣ умственной дѣятельности. Слабое развитіе памяти зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условий: иногда отъ органическихъ свойствъ мозга, чаще же всего отъ плохого воспитанія.

У дѣтей прежде всего развивается память на имена, слова, числа, на названіе предметовъ, на простое затверживаніе наизусть басенъ и различныхъ отрывковъ изъ области прозы и поэзіи, однимъ словомъ, память механическая беретъ у нихъ перевѣсъ надъ памятью идей, которая слѣдуетъ за ней лишь въ томъ случаѣ,

когда даютъ правильное воспитаніе, когда равномерно развиваютъ физическія, нравственныя и умственныя силы ребенка. Эту послѣдовательность въ развитіи, т.-е. то, что механическая память предшествуетъ всѣмъ остальнымъ родамъ памяти, несомнѣнно нужно имѣть въ виду, но никоимъ образомъ не злоупотреблять ею. Пусть воспитатели пользуются этимъ возрастомъ ребенка для усвоенія ими языковъ, ариметики, хорошихъ стихотвореній, географическихъ свѣдѣній, но если они будутъ давать учить *только* иностранныя слова, грамматическія правила, географическую номенклатуру, таблицу умноженія, однимъ словомъ, если все изучаемое ребенкомъ будетъ брать только механическою памятью, забывая о томъ, что въ то же время, онъ долженъ привыкать думать и вдумываться, наблюдать, разсуждать, дѣлать свои выводы и заключенія, они будутъ способствовать лишь одностороннему развитію памяти и одностороннему умственному развитію вообще. Нужно помнить очень твердо, что развитіе памяти ребенка идетъ совмѣстно съ развитіемъ другихъ его способностей, а нѣкоторыя изъ нихъ запаздываютъ въ извѣстный возрастъ, но ни одна, ни моральная, ни интеллектуальная способность *не можетъ правильно развиться совершенно отдѣльно, внѣ связи съ другими способностями.*

Память тѣмъ прочнѣе сохраняетъ воспріятыя впечатлѣнія и тѣмъ легче воспроизводитъ ихъ, чѣмъ чаще повторяется одно и то же впечатлѣніе. Когда одни и тѣ же явленія, одни и тѣ же факты повторяются очень часто, слѣдъ, оставаемый повтореніемъ, очень глубоко, сохраняется иногда на всю жизнь. Въ случаѣ необходимости можно иногда очень скоро что-нибудь заучить наизусть, особенно, напримѣръ, къ экзаменамъ, когда умственныя способности находятся въ напряженномъ состояніи, но быстро выученное быстро и улетучивается изъ памяти. Одному актеру пришлось замѣнить своего заболѣвшаго товарища и выучить въ нѣсколько часовъ его длинную роль. Это удалось ему довольно скоро, и онъ прекрасно сыгралъ свою роль, но немедленно послѣ спектакля забылъ ее такъ, что когда ему снова пришлось играть ее нѣсколько дней подъ рядъ, то понадобилось каждый разъ учить ее заново, тѣмъ болѣе, что ему не было времени, по его словамъ, „изучать“ ее. На это слѣдуетъ обратить вниманіе и приучать дѣтей не сразу учить урокъ, не наскоро, а въ нѣсколько приемовъ и съ толкомъ. При объясненіяхъ дѣтямъ явлений природы и жизни, къ нимъ нужно возвращаться много разъ, но въ различные періоды времени, предлагать ихъ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, въ разнообразной формѣ.

При развитіи памяти нужно имѣть въ виду важнѣйшій педагогическій принципъ—начинать съ простѣйшаго и легчайшаго и постепенно переходить къ болѣе сложному и трудному. При этомъ ребенку слѣдуетъ давать запоминать лишь то, что онъ вполне ясно можетъ себѣ представить, слѣдовательно, онъ отнюдь не долженъ заучивать ничего отвлеченнаго, чего-нибудь мало-мальски недоступнаго его воспріятію, однимъ словомъ того, чего онъ не понимаетъ. Пусть ребенокъ учить на память стихи, прозу и въ разговорной, и въ описательной формѣ, а также басни, поговорки, пословицы, загадки, но все, что онъ заучиваетъ, должно быть безусловно прекрасно по формѣ, изображено въ художественныхъ образахъ и картинахъ, изложено просто, ясно, кратко и характерно. Ребенокъ долженъ также пересказывать воспитателю все, что онъ слышалъ, о чемъ самъ разговаривалъ, что рассказывали и о чемъ разговаривали съ нимъ окружающіе, давать отчетъ о видѣнныхъ имъ явленіяхъ природы, о разсматриваемыхъ имъ картинкахъ, однимъ словомъ, о читанномъ, слышанномъ и видѣнномъ, такъ какъ далеко не одно затверживаніе наизусть развиваетъ память. Но, повторяемъ, очень вредно и мало давать ребенку заучивать

наизусть, — ошибка, которую страдали педагоги 60-х годов: механическая память должна тоже совершенствоваться. Школьникамъ приходится много имѣть дѣла съ формулами въ различныхъ наукахъ, даже при правильномъ преподаваніи, кое-что механически усваивать изъ исторіи, географіи и другихъ предметовъ, — пусть же ребенокъ упражняетъ и эту сторону памяти еще до школьнаго возраста. Точно также не слѣдуетъ избѣгать и повтореній: прочно усвоить можно только то, что много разъ приходится повторять, но, само собою разумѣется, что опытный педагогъ долженъ имѣть при этомъ въ виду, что повтореніе заучиваемаго ребенокъ долженъ прекращать раньше, чѣмъ оно ему опротивѣетъ.

Только при такомъ всестороннемъ развитіи и упражненіи можно усовершенствовать цѣнную, желательную и необходимую для жизни память — память идей, а также такую, которая даетъ возможность вдумываться и быстро запоминать внутренней смыслъ изучаемаго, т. е. память многостороннюю. Только въ такомъ случаѣ, кромѣ усовершенствованія памяти, удастся достигнуть сразу нѣсколькихъ цѣлей и прежде всего — развитія дара слова, эстетическаго вкуса, вниманія и наблюдательности, а вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтается большой запасъ словъ и выраженій, что само по себѣ чрезвычайно важно для умственного развитія. У кого запасъ словъ больше, у того и запасъ представлений богаче. Шекспиръ, владѣвшій 15,000 словъ, думалъ, соображалъ, вникалъ въ окружающее и понималъ его не такъ, какъ человекъ со скуднымъ запасомъ словъ, внутренний міръ котораго несравненно бѣднѣе.

Способность памяти сохранять болѣе или менѣе продолжительное время воспріятыя впечатлѣнія, а также способность воспроизводить ихъ зависитъ прежде всего отъ силы впечатлѣнія; если видимымъ и изучаемымъ ребенокъ вовсе не заинтересованъ, оно производитъ на него слабое впечатлѣніе и скоро улетучивается изъ памяти. Для того, чтобы ребенокъ запоминалъ, а тѣмъ болѣе для всей совокупности условій хорошей памяти необходимо, чтобы онъ умѣлъ наблюдать и думать и въ то же время непремѣнно интересовался бы окружающимъ. Изъ сказаннаго ясно, что память находится въ тѣсной связи съ другими психическими силами ребенка. Мало того, память находится также въ тѣсной зависимости отъ нервной системы и отъ правильнаго кровообращенія. „Слишкомъ нервныя субъекты, у которыхъ дѣятельность сердца значительно понизилась, обыкновенно жалуются на потерю памяти, которая мало-по-малу вновь возвращается по мѣрѣ возстановленія нормальнаго кровообращенія“. (Гербертъ Спенсеръ, „Основанія психологіи“). Какъ только кровообращеніе, подъ вліяніемъ благопріятнаго климата или лѣченія, становится правильнымъ, — память усиливается. Какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей память ослабѣваетъ послѣ тяжелыхъ болѣзней, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ малокровіе, а также и влѣдствіе нервныхъ потрясеній. Неблагопріятно дѣйствуютъ и различныя болѣзни, при которыхъ приходится принимать опій, хлороформъ и другіе яды; но въ дѣтскихъ болѣзняхъ къ нимъ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Подавляющее дѣйствіе на дѣтскую память оказываетъ переутомленіе мозга, а также опухоли железъ и опухоли на задней сторонѣ затылка; въ послѣднемъ случаѣ можетъ помочь только докторъ, но для воспитателей важно имѣть это въ виду. Но самымъ роковымъ образомъ вліяютъ на память душевныя потрясенія (что уже несравненно болѣе зависитъ отъ воспитателей), какъ, на примѣръ, страхъ, испугъ, безпокойство, огорченіе, и потому слѣдуетъ, по возможности, оберегать дѣтей отъ всякихъ душевныхъ волненій. При упражненіяхъ памяти не бесполезно знать также и то, что она „лучше утромъ, чѣмъ вечеромъ; лѣтомъ лучше, чѣмъ зимой; на югѣ

лучше, чѣмъ на сѣверѣ“. (Корсаковъ, „Болѣзненные расстройства памяти и ихъ діагностика“).

Привычка играетъ огромную роль въ развитіи вниманія, имѣющаго въ высшей степени важное значеніе. Учителя и учительницы, которымъ приходилось заниматься въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и въ элементарныхъ школахъ, знаютъ по опыту, какъ вредно дѣйствуетъ на успѣшность занятій недостатокъ вниманія, которымъ страдаетъ большинство дѣтей. Этотъ недостатокъ такъ распространенъ прежде всего потому, что развѣивать вниманіе дѣтей слѣдуетъ съ очень ранняго возраста, еще до школы, а у насъ, въ громадномъ большинствѣ семей, не сознаютъ еще необходимости этого. Между тѣмъ, если до школьнаго возраста ребенокъ не приобрететъ навыка быть внимательнымъ, то и въ школѣ ему трудно будетъ напрягать свое вниманіе. Такому ученику придется дѣлать большія усилія, чтобы не отставать отъ товарищей или все предметы курса брать исключительно памятью. Все извѣстные педагоги-практики и психологи придаютъ развитію вниманія громадное значеніе. Локкъ замѣчаетъ по этому поводу: „въ высшей степени важно приобрести власть надъ вниманіемъ, но я не могу указать другого средства для этого, какъ частымъ упражненіемъ вниманія приобрести навыкъ къ нему“.

Прекрасное понятіе о значеніи вниманія даетъ Гюйо (Education et Hérité): „Въ культурѣ вниманія заключается весь секретъ „дрессировки ума“. *Вниманіе группируетъ* идеи и представленія такимъ образомъ, что все онѣ приходятъ во взаимную связь по логическому или эстетическому сходству. Невнимательность, напротивъ, состоитъ въ томъ, что идеи и представленія являются отрывочно, и гибнутъ, не успѣвъ вызвать прочной группировки. Вниманіе, стало быть, есть столько же вопросъ естественной способности, сколько и метода преподаванія. *Привыкнуть быть внимательнымъ значитъ научиться связывать идеи между собою, научиться располагать ихъ систематично.*

«Вниманіе есть порядокъ и честность мысли. Все дѣло въ томъ, чтобы не давать идеямъ разрываться, связывать ихъ кончики, какъ это дѣлаетъ ткачъ съ разорванной ниткой. Есть, правда, умы, въ которыхъ нитки рвутся безпрестанно но при маленькомъ усиліи даже и эти умы могутъ связывать разорванные концы,— это вопросъ воли.

„Вниманіе является такимъ образомъ въ видѣ элементарной нравственности, нравственности интеллекта, искусства честно вести себя въ дѣлахъ разума“ (пер. Толстой, стр. 174).

Отсутствіе вниманія въ высшей степени вредно отражается не только на умственномъ развитіи, но и на нравственности: человекъ разсѣянный не въ состояніи остановить свое вниманіе на томъ или другомъ предметѣ, на той или другой мысли, не можетъ направить его по своему усмотрѣнію, слѣдовательно, не можетъ управлять ни собою, ни своими чувствами и мыслями.

Такой субъектъ, даже при извѣстныхъ природныхъ дарованіяхъ, врядъ ли можетъ взять на свою отвѣтственность серьезную умственную работу и обыкновенно не способенъ добросовѣстно выполнять даже свои элементарныя обязанности, а слѣдовательно будетъ нерѣдко вредить себѣ и другимъ. Недостатокъ вниманія сказывается большими пробѣлами въ знаніяхъ и въ умственномъ развитіи. Изъ сказаннаго ясно, какое важное значеніе имѣетъ вниманіе. Нужно помнить, что вниманіе точно такъ же, какъ и память, какъ и всякая другая душевная дѣятельность, неразрывно связано съ остальными душевными силами, такъ какъ душевная жизнь человека, со всеми психическими силами, представляетъ нѣчто цѣлое и единое. Вслѣдствіе этого вни-

маніе всегда идетъ рука объ руку съ другими душевными явленіями и не можетъ развиваться независимо, самостоятельно и отдѣльно отъ нихъ. Такимъ образомъ на развитіе вниманія оказываютъ вліяніе очень многія физическія, моральныя и интеллектуальныя силы. Такъ какъ вниманіе обнимаетъ собою обширную сферу психическихъ явленій, играетъ выдающуюся роль въ душевной и умственной жизни, то, прежде чѣмъ говорить о развитіи этого свойства, необходимо выяснитъ, что такое вниманіе вообще.

Обыденное значеніе этого слова понимаетъ, конечно, каждый, но не всякій можетъ представить себѣ, какая масса душевныхъ силъ и явленій связана съ нимъ, и еще труднѣе опредѣлить границу вниманія, гдѣ оно начинается и гдѣ кончается. Вниманіе обнимаетъ собою всѣ ступени—отъ мимолетнаго вниманія, удѣленнаго блестящему предмету, подвергнувшемуся на глаза, внезапному шуму, чириканью маленькой птички, и кончая состояніемъ полного поглощенія всего нашего существа занимающимъ насъ предметомъ. Однимъ словомъ, въ высшей степени трудно указать хотя на одну форму проявленія психической дѣятельности, въ которой отсутствовало бы участіе вниманія, въ которой бы оно не играло болѣе или менѣе существенной роли.

Вниманіе бываетъ *непроизвольное*, вызываемое аффективнымъ состояніемъ, и вниманіе *произвольное*, которое есть результатъ воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ-либо. Но произвольное вниманіе составляетъ не противоположность непроизвольному, а одно цѣлое съ нимъ; одно часто вытекаетъ изъ другого, одно изъ другого развивается. Указать точную границу, гдѣ кончается непроизвольное вниманіе и откуда начинается произвольное, невозможно, такъ какъ одно очень часто переходитъ въ другое.

Однако, несмотря на это, та и другая форма вниманія имѣетъ свои характерныя признаки. Какъ человѣкъ, такъ и животное непроизвольно обращаетъ вниманіе только на то, что его наиболѣе поражаетъ, удивляетъ безъ какого бы то ни было усилія съ его стороны. Такъ, напримѣръ, праздношатающійся зѣвака вдругъ останавливается, какъ вкопанный, и неподвижно смотритъ, иногда даже съ открытымъ ртомъ, на несущуюся мимо элегантную карету и разукрашенныхъ лошадей, въ оригинальной упряжи. Неожиданно ударилъ колоколь, и человѣкъ невольно поднимаетъ голову и прислушивается. Равнодушно пропуская проходящую толпу, ваше вниманіе вдругъ останавливается на субъектѣ, поразившемъ васъ своею оригинальною одеждою, фигуροю, характернымъ типомъ лица,—все это вниманіе непроизвольное. Но когда наступаетъ моментъ, что вы употребляете какое бы то ни было усиліе лучше рассмотретьъ, вникнуть, разслышать,—это уже служитъ признакомъ того, что вниманіе измѣнило свой характеръ, что оно сдѣлалось произвольнымъ. Такимъ образомъ присутствіе воли, даже небольшого усилія—характерная черта произвольнаго вниманія, тогда какъ непроизвольное вниманіе совершается безъ всякихъ усилій. Произвольное вниманіе недоступно ни очень маленькимъ дѣтямъ, ни дикарямъ, ни животнымъ, за исключеніемъ дрессированныхъ. Наблюдая ребенка, можно замѣтить, когда онъ находится подъ вліяніемъ непроизвольнаго вниманія. Въ такихъ случаяхъ, если какойнибудь предметъ привлекаетъ къ себѣ его вниманіе, у него моментально приостанавливаются всѣ его обычныя движенія,—неопредѣленное повертываніе головы изъ стороны въ сторону, беспорядочное подергиваніе руками и ногами. Его глаза, уши, руки, однимъ словомъ, все его маленькое существо направляется въ эту минуту къ одному пункту, онъ весь обращается во вниманіе, непосредственно напрягается къ привлекающему его предмету и весь сосредоточивается на немъ. Аффекты, то есть

возбужденія въ сферѣ ощущеній и чувствованій, желанія, гнѣвъ, ревность, удовольствіе или неудовольствіе, служатъ почвой, на которой развивается произвольное вниманіе, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей. Сила, напряженность и продолжительность произвольнаго вниманія зависятъ, отъ силы; напряженности и продолжительности аффективныхъ состояній. Произвольное вниманіе обнаруживается, какъ мы уже видѣли, не только у дѣтей, но и у взрослыхъ людей, даже въ такихъ случаяхъ, когда у послѣднихъ существуетъ вниманіе произвольное.

Мы уже знаемъ, что у очень маленькихъ дѣтей не существуетъ произвольнаго вниманія, но съ развитіемъ психической жизни, когда умственный кругозоръ нѣсколько расширяется, побужденія ко вниманію становятся многочисленнѣе и разнообразнѣе, тогда у нихъ постепенно формируется вниманіе произвольное. Но пока психическая жизнь ребенка остается еще въ эмбриологическомъ (зачаточномъ) состояніи, переходъ мысли отъ одного предмета къ другому опредѣляется только притягательной силой того или другого предмета или явленія, — онъ обладаетъ лишь вниманіемъ произвольнымъ.

До возникновенія цивилизаціи произвольное вниманіе не существовало или проявлялось на очень непродолжительное время. Чувствовался голодъ, и всѣ помыслы дикаря были направлены на то, чтобы его удовлетворить; голодъ прошелъ, и забота о пищѣ забыта, чтобы снова возникнуть съ новымъ голодомъ. Натянулся дикарь на музыкальный инструментъ, онъ хватается его и начинаетъ играть, но и бросить его въ ту же минуту, когда другой предметъ отвлечетъ его вниманіе. Кстати замѣтимъ, что трудъ вообще составляетъ самую характерную, самую конкретную форму вниманія. Люди, не умѣющіе сосредоточивать свое вниманіе и управлять имъ, въ большинствѣ случаевъ люди бездѣльные, безпутно, праздно прожигающіе свою жизнь. Вниманіе необходимо, какъ для умственнаго, такъ и для физическаго труда. Дикари отличаются какъ лѣнью къ работѣ физической, такъ и лѣнью мысли. Дикарь со страстью отдается охотѣ, войнѣ, игрѣ; онъ большой любитель всего случайнаго, непредвидѣннаго, неизвѣстнаго, но труда постояннаго онъ не знаетъ или презираетъ его. Даже племена полудицилизованныя чувствуютъ отвращеніе къ постоянному труду. Такимъ образомъ любовь и привычка къ труду есть уже результатъ извѣстной степени культуры. То же и въ области мысли. Дикари никогда не думаютъ о томъ, что не касается ихъ ближайшихъ матеріальныхъ интересовъ, потребности тѣла или предметовъ ихъ несложной, житейской обстановки. Если какой-нибудь путешественникъ задаетъ дикарю вопросы, выходящіе изъ тѣсной рамки его обыденной жизни, они его обыкновенно такъ утомляютъ, что онъ отказывается отвѣчать; многіе дикари обнаруживаютъ при этомъ даже раздраженіе, жалуются на головную боль, — что служитъ явнымъ признакомъ утомленія отъ непривычнаго умственнаго упражненія, отъ необходимости сосредоточивать свое вниманіе на предметѣ непривычномъ, слишкомъ отвлеченномъ для нихъ.

Произвольное вниманіе состоитъ въ способности удерживать свою мысль на предметахъ непривлекательныхъ, непривычныхъ, отвлеченныхъ и можетъ быть вызвано лишь насильственно, подъ вліяніемъ воспитанія. Вотъ какъ Рибо опредѣляетъ произвольное вниманіе: „вниманіе произвольное или искусственное есть продуктъ искусства воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ либо. Оно привито ко вниманію произвольному или естественному и изъ него черпаетъ условія для своего существованія, подобно тому, какъ привитая вѣтвь питается на счетъ ствола растения“. „Какимъ образомъ возникло произвольное вниманіе? Оно возникло въ силу необходимости, подъ давленіемъ потребности и рядомъ съ успѣхами умственнаго развитія. Это

усовершенствованный аппарат, продукт цивилизации. Тотъ же прогрессъ, который заставилъ человѣка въ нравственномъ строѣ своемъ замѣнить господство инстинктовъ господствомъ интереса или долга, въ строѣ социальномъ перейти отъ первобытной дикости въ состояніе организованнаго общества, въ строѣ политическомъ— отъ почти абсолютнаго индивидуализма къ образованію государства,— тотъ же прогрессъ въ области умственнаго развитія заставилъ человѣка перейти отъ господства непроизвольнаго вниманія къ господству вниманія произвольнаго. Последнее служить одновременно слѣдствіемъ и причиною цивилизаціи“.

Въ основѣ непроизвольнаго вниманія лежатъ лишь аффективныя состоянія, а также притягательныя или отталкивательныя стремленія; причины произвольнаго вниманія тѣ же, но несравненно болѣе сложнаго характера, къ тому же оно требуетъ непремѣнно усилія. Кромѣ усилія, необходимаго для произвольнаго вниманія, что въ послѣдствіи становится привычкой, также существенно важны и побужденія.

Задача развитія вниманія — создавать и укрѣплять побужденія характера нравственнаго и облагораживающаго и подавлять побужденія характера суетнаго, эгоистическаго и безнравственнаго. Въ дѣвочкѣ можно развить вниманіе къ пошлымъ развлеченіямъ и нарядамъ, къ пустой легкомысленной жизни. Сдѣлавшись взрослой, она исключительно будетъ отдавать свое вниманіе интересамъ узкой, эгоистической жизни, будетъ искать удовлетворенія лишь личнымъ стремленіямъ. Нравственныя, облагораживающія и интеллектуальныя побужденія и интересы создаются и крѣпнута тогда, когда о развитіи ихъ воспитатели заботились съ ранняго возраста своихъ дѣтей. Если этого не было, въ питомцѣ не будетъ и нравственныхъ побужденій для сосредоточенія вниманія на предметахъ общественнаго интереса, и вмѣсто этого вниманіе будетъ направлено къ интересамъ мелкимъ, узкимъ и эгоистичнымъ.

Вниманіе произвольное вообще можетъ быть результатомъ правильнаго воспитанія, развивается медленно и постепенно, совершенствуется вмѣстѣ съ совершенствованіемъ другихъ душевныхъ силъ ребенка. Вызвать его, когда задумается, невозможно, особенно если въ ребенкѣ не развитъ интересъ къ предмету, къ которому хотять приковать его вниманіе. Приказать быть внимательнымъ не имѣетъ смысла; упросить, умолить, убѣдить обратить вниманіе на то или другое возможно лишь на нѣсколько минутъ. Если вашъ урокъ ребенокъ плохо слушаетъ, если въ это время онъ обнаруживаетъ разсѣянность, вамъ слѣдуетъ прежде всего узнать, интересуетъ-ли его предметъ, который вы ему излагаете, достаточно ли понятенъ онъ для него, заложены ли въ немъ вообще побужденія къ устремленію вниманія на предметы характера интеллектуальнаго, достаточно ли умственно развитъ онъ для подобныхъ занятій, достаточно ли живо и толково вы излагаете ему то, что ему приходится слушать. Ребенокъ не можетъ оторвать вниманія отъ привлекательной шалости, и устремить его на неинтересный и непривлекательный для него урокъ — невозможно.

Что же слѣдуетъ дѣлать, чтобы направить вниманіе въ должную сторону? „Желая привлечь вниманіе къ извѣстному кругу явленій“, говоритъ г. Каптеревъ, въ своемъ въ высшей степени интересномъ и оригинальномъ этюдѣ о вниманіи: „нужно рассчитывать на ту притягательную силу, которую могутъ оказать предметы этого круга, нужно представить ихъ съ выгодной, эффектной стороны, нужно отыскать въ нихъ такія свойства, которыя немного поражали бы, заинтересовали. Собравъ извѣстное количество такихъ привлекательныхъ впечатлѣній отъ новыхъ предметовъ, слѣдуетъ связать ихъ вмѣстѣ, соединить въ одну группу, которая и будетъ уже сама по себѣ владѣть нѣкоторой силой, побуждающей ко вниманію въ данномъ

направленія. Сила этой группы постепенно будетъ увеличиваться новыми впечатлѣніями, пока, наконецъ, она не возрастетъ до того, что будетъ поддерживать и обуславливать вниманіе въ сферѣ данныхъ предметовъ. Нѣсколько такихъ частныхъ направленій вниманія, связанныхъ между собою, образуютъ общую почву для особаго вида вниманія и мышленія, которое называется любовью къ научнымъ занятіямъ. Невозможно направить вниманіе на новую сторону, отклонить его отъ обычныхъ путей и предметовъ, не создавъ въ сознаніи новыхъ притягательныхъ центровъ путемъ соответственныхъ сильныхъ впечатлѣній на произвольное вниманіе“. („Педагогическій Сборникъ“, 1889 г., Іюль и Августъ). Между тѣмъ многіе педагоги, чтобы вызвать вниманіе, прибѣгаютъ къ средствамъ антипедагогическимъ и дѣйствующимъ нерѣдко парализующимъ образомъ на вниманіе. „Не повторишь того, что рассказываю, — въ уголъ поставлю, а то и безъ обѣда оставлю“, или въ противномъ случаѣ обѣщаютъ награду. Если ребенокъ сосредоточиваетъ вниманіе на предметѣ для полученія награды или изъ страха наказанія, впечатлѣніе отъ объясняемаго будетъ слабо, поверхностно, а то и совѣтъ не оставитъ по себѣ никакого слѣда; наконецъ, только тогда вниманіе къ предмету дѣйствительно цѣнно, когда оно вызвано любознательностью и безкорыстнымъ интересомъ къ нему, а не соображеніями эгоистическаго характера. Къ тому же при угрозахъ и ожиданіи награды внутренняя сила вниманія не возрастаетъ, а уменьшается: привлекательность наградъ и страхъ наказанія болѣе вызываютъ вниманіе ребенка, чѣмъ самый предметъ. Награды и угрозы плохи и сами по себѣ уже потому, что волнуютъ, подавляютъ или угнетаютъ ребенка, а слѣдовательно такъ или иначе отвлекаютъ вниманіе отъ того предмета, къ которому оно должно быть направлено. Наконецъ, всякія награды за добродѣтель, всякія наказанія за оплошность и непослушаніе сами по себѣ деморализуютъ ребенка, оскверняя и развращая его чистую душу продажностью, подкупомъ и прививая къ нему чувство рабскаго страха.

Если ребенокъ воспитывался и развивался при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ, то къ 12 — 13 лѣтамъ его вниманіе вызывается и поддерживается привычкой: равномерное развитіе умственныхъ и душевныхъ силъ вызвали любознательность, интересъ къ окружающему міру, и вниманіе сдѣлалось у него второю натурою. У субъектовъ, не поддающихся воспитанію, произвольное вниманіе является рѣдко, періодически, урывками и не можетъ войти въ привычку.

Животное достигаетъ произвольнаго вниманія точно также подъ вліяніемъ воспитанія, дрессировки, но для воздѣйствія на него воспитатель располагаетъ несравненно меньшимъ количествомъ средствъ, чѣмъ при воспитаніи человѣка. Онъ дѣйствуетъ на животное наказаніями, розгами, палками, побоями, лишеніемъ пищи. Очень важно замѣтить однако, что даже наиболѣе искусные дрессировщики животныхъ пришли къ убѣжденію, что мѣры кротости и ласки несравненно болѣе дѣйствительны, чѣмъ угрозы, проявленіе гнѣва и наказанія. Какъ бы то ни было, съ помощью извѣстнаго воспитанія, и животное становится внимательнымъ, и оно, въ концѣ концовъ, приобретаетъ привычку къ вниманію, тѣмъ болѣе воспитаніе оказываетъ вліяніе на человѣка. Какъ среди людей, такъ и среди животныхъ есть способные и менѣе способные къ воспитанію. Опытные дрессировщики отличаютъ годную для выучки обезьяну по степени вниманія, обнаруживаемаго ею на первыхъ урокахъ. Если въ то время, когда говорятъ съ обезьяной или объясняютъ ей что либо, вниманіе ея легко отвлекается мухой, сидящей на стѣнѣ, или какимъ нибудь другимъ пустякомъ, то такое животное считается безнадежнымъ въ смыслѣ дрессировки.

На степень вниманія человѣка, какъ мы уже знаемъ, вліяніе оказываютъ всѣ

его душевныя силы, и потому въ первые годы жизни ребенка, пока онъ еще не вполнѣ владѣетъ языкомъ, вниманіе (непроизвольное), проявляемое имъ къ окружающимъ предметамъ, показываетъ степень его психическаго развитія.

Упражненіе вниманія у дѣтей начинается очень рано. Предметы и явленія окружающаго міра, дѣйствуя на органы внѣшнихъ чувствъ, производятъ разнообразныя впечатлѣнія. Вниманіе, отдаваемое ребенкомъ своимъ ощущеніямъ, становится съ каждымъ днемъ все болѣе сильнымъ, и предъ нимъ все болѣе расширяется область предметовъ, на которой онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе. Приблизительно въ возрастѣ полутора-мѣсячному ребенку доставляетъ видимое удовольствіе сосаніе груди. Онъ отъ времени до времени перестаетъ сосать и точно прислушивается къ тому или другому шуму, нерѣдко даже къ производимому глотаніемъ молока, — это уже признакъ вниманія. Но вотъ онъ опять принимается сосать; блестящія отъ удовольствія глазки дѣлаются неподвижными, фізіономія принимаетъ видъ полного удовлетворенія, вѣки закрываются, — онъ засыпаетъ. Если въ то время, когда ребенокъ сосетъ грудь съ наслажденіемъ, ему даютъ рожокъ съ тепловатой, подслащенной водой, онъ въ первую минуту охотно сосетъ, но затѣмъ выпускаетъ его изо рта, а нерѣдко, наморщивъ брови и сжавъ губы, испускаетъ пронзительный крикъ, — признакъ неудовольствія на перемѣну пищи, свидѣтельствующій о его вниманіи, обращенномъ на дѣятельность вкуса. По достиженіи ребенкомъ 4-хъ—5-мѣсячнаго возраста одни предметы поражаютъ его красками, другіе своими формами, третьи — свойственными имъ движеніями.

Энергія и сила проявляемаго дѣтьми вниманія соразмѣрна съ живостью ихъ темперамента, съ живостью испытываемыхъ имъ ощущеній. Иногда дѣти уже въ три мѣсяца очень внимательны къ малѣйшему шуму, происходящему въ комнатѣ, къ разнообразнымъ звукамъ голоса, обнаруживаютъ живѣйшую радость при видѣ различныхъ цвѣтовъ; другія же и въ шесть мѣсяцевъ едва повертываютъ голову при сильномъ, внезапномъ и рѣзкомъ звукѣ колокольчика, останавливаютъ вниманіе на одномъ, много на двухъ яркихъ цвѣтахъ. На развитіе внѣшнихъ органовъ чувствъ такого лимфатическаго дитяти слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: правильно развивая его органы чувствъ, воспитатель въ то же время содѣйствуетъ и правильному развитію его вниманія.

Ребенокъ упражняетъ свое вниманіе также при помощи различныхъ игръ. Полугодовалому ребенку для забавы уже даютъ въ руки мячикъ, кольцо, небольшія резиновыя и легкія деревянныя игрушки различной формы; онъ постукиваетъ ими по столу, возитъ ихъ, катаетъ, бросаетъ на полъ. Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ ребенка въ этотъ возрастъ — повторять одну и ту же забаву съ игрушкой, одно и то же движеніе безчисленное число разъ. Ребенокъ, наблюдаемый Прейеромъ, 79 разъ сряду открывалъ и закрывалъ крышку кружки, ни на минуту не останавливаясь. Во время такой забавы или, точнѣе сказать, упражненія вниманія, для ребенка необходима возможность сосредоточиться. Ему нужно предоставить въ это время совершенное спокойствіе и совсѣмъ не вмѣшиваться въ его дѣятельность. Мать можетъ быть при этомъ лишь объективнымъ наблюдателемъ и въ случаѣ необходимости (когда нужно поднимать игрушку) быть пассивною его помощницею. Особенно вредно, если мать, чтобы поразнообразить занятіе ребенка, замѣняетъ одну игрушку другою. Пусть ребенокъ играетъ однимъ и тѣмъ же, пока ему играется, пока это занимаетъ его. Эта забава съ однимъ и тѣмъ же предметомъ, повтореніе надъ нимъ одной и той же операци множество разъ даетъ ребенку самыя разнообразныя впечатлѣнія, заставляетъ его изучать предметъ съ разныхъ сторонъ. Не-

смотря на повтореніе одной и той же манипуляціи, ребенокъ продѣлываетъ ее каждый разъ при нѣскольکو иныхъ условіяхъ: онъ ударяетъ игрушкой о столъ, то со-вѣмъ близко передъ своими глазами и ушами, то дальше, переворачиваетъ игрушку то одной, то другой стороною, роняетъ ее на полъ, бросая то подниметъ выше свою руку, то опуститъ ее ниже, то подается вѣмъ корпусомъ впередъ, то откидывается назадъ. Вслѣдствіе вѣхъ этихъ разнообразныхъ движеній, отъ различнаго положенія тѣла, отъ той или другой силы удара предмета, отъ извѣстной степени высоты, съ которой ребенокъ бросаетъ предметъ, — послѣдній принимаетъ различную форму, даетъ неодинаковый звукъ. Такимъ образомъ при одной и той же забавѣ у ребенка получается отъ предмета самое разнообразное и разностороннее впечатлѣніе. Изъ сказаннаго ясно, что воспитатель не мѣшать долженъ ребенку въ его первоначальныхъ самостоятельныхъ наблюденій, а помогать ему производить ихъ почаще. Мѣшать ребенку въ этихъ первыхъ его наблюденіяхъ надъ предметами значитъ искусственно прививать къ нему разсѣянность, препятствовать разностороннему изученію предмета. Вообще очень полезно для правильного развитія вниманія давать возможность маленькимъ дѣтямъ почаще играть самостоятельно. Вы усаживаете ребенка въ кроватку, даете ему какую-нибудь подходящую для его возраста игрушку, а сами садитесь здѣсь же, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ. Если ребенокъ начинаетъ плакать и бросаетъ игрушку, покажите ему, какъ можно съ нею позабавиться, какіе можно извлечь изъ нея звуки, какъ можно ее двигать, катать, и затѣмъ опять отойдите въ сторонку: его капризъ иногда исключительно зависитъ оттого, что онъ не знаетъ, какъ взяться за игрушку, какъ съ нею позабавиться, Только въ такомъ случаѣ перемѣните игрушку, когда ребенокъ выказываетъ рѣшительное нежеланіе играть съ нею. Заодно перемѣните его положеніе, понесите его на рукахъ по комнатѣ, но и при этомъ должно придерживаться той же системы: ребенокъ обращаетъ вниманіе на какой-нибудь предметъ, устремляетъ на него свои глаза, — пусть смотритъ, пока ему не надоѣтъ: воспитатель не долженъ мѣшать его наблюдательности и его самостоятельному упражненію вниманія.

Безусловно вредно для ребенка и развиваетъ разсѣянность — частая смѣна впечатлѣній. Это неподходящее условіе для развитія вниманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и для всего склада характера ребенка; создается этотъ недостатокъ страстью родителей окружать дѣтей массою разнообразныхъ игрушекъ, что заставляетъ ребенка безпрестанно смѣнять одно занятіе другимъ, мѣшаетъ сосредоточивать вниманіе на томъ, что его занимаетъ, — все это развиваетъ въ дѣтяхъ непостоянство, требовательность и капризы.

Не слѣдуетъ однако смѣшивать однообразіе и простоту игрушекъ съ лишеніемъ ребенка предметовъ, необходимыхъ для упражненія его органовъ чувствъ: послѣднее вредно отражается на всемъ развитіи. Мы знали ребенка двухъ съ половиною лѣтъ, совершенно здороваго, который, кромѣ краснаго и зеленаго, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на другіе цвѣта, который, кромѣ звука колокольчика и свистка, былъ равнодушенъ ко всякому другому шуму и звуку. Это былъ сынъ переплетчика: онъ родился и жилъ до двухъ съ половиною лѣтъ въ комнатѣ, смежной съ мастерской, и привыкъ ко всевозможному шуму, гаму и крику мастеровыхъ. Докторъ, призванный во время его болѣзни, случайно обратилъ вниманіе на эти недостатки, заставилъ перевести ребенка въ другое помѣщеніе, а чтобы убѣдиться, не страдаетъ ли онъ дальтонизмомъ (слѣпотою къ нѣкоторымъ цвѣтамъ) посоветовалъ родителямъ приобрести разноцвѣтные кубики и мячики и упражнять его въ распознаваніи цвѣтовъ, указалъ и упражненія для различенія звуковъ. Ребенокъ

скоро выучился отличать одинъ цвѣтъ отъ другого и послѣ того сталъ останавливать свое вниманіе на цвѣтахъ въ окружающихъ его предметахъ въ природѣ и въ домашней обстановкѣ.

Въ случаѣ недостатка вниманія или несоразмѣрности его съ возрастомъ ребенка слѣдуетъ усиливать какъ внѣшнія впечатлѣнія, такъ и дѣятельность способности представленія. Для этого прежде всего необходимо направлять вниманіе ребенка на предметы, къ которымъ онъ остается равнодушнымъ. Ребенокъ уже въ полтора, два года не долженъ оставлять безъ вниманія птички, которая прилетаетъ клевать крошки къ его столу, котятъ, играющихъ на полу, рыбы, плавающей у берега рѣчки, не долженъ быть равнодушенъ къ разнообразнымъ звукамъ въ природѣ и въ мѣрѣ животныхъ. Воспитатель долженъ обращать вниманіе ребенка на всѣ окружающія явленія, что помогаетъ правильному развитію органовъ чувствъ, дѣлаетъ ребенка наблюдательнымъ, даетъ прочный матеріалъ для здоровыхъ побужденій вниманія, сообщаетъ ему внутреннюю силу, а вмѣстѣ съ этимъ вызываетъ къ развитію и жизни другія психическія силы.

Воспитателя не должно беспокоить то обстоятельство, что вниманіе маленькаго ребенка приходится привлекать на предметы и явленія, не имѣющія между собою повидимому особенной связи. Иначе и быть не можетъ; всѣ объясненія и рассказы, которыя вы даете ребенку, наблюденія, которыя вы приучаете его дѣлать до школьнаго возраста, очень часто имѣютъ между собою лишь чисто внѣшнюю или случайную связь. Но когда въ головѣ ребенка улягутся впечатлѣнія внѣшняго міра, когда въ его умственномъ багажѣ будетъ скоплена уже цѣлая группа представленій, они не будутъ носить характеръ беспорядочности, отрывочности и разбросанности, а, напротивъ, будутъ тѣсно связаны между собою. Впечатлѣнія внѣшняго міра, привлекающія вниманіе маленькаго ребенка, носятъ характеръ повторныхъ (повторяемыхъ) возбужденій, но это-то и даетъ возможность ребенку выработать произвольное вниманіе, а также вполне ясно и отчетливо составлять представленія объ окружающихъ его предметахъ и явленіяхъ природы. При болѣе или менѣе однообразной житейской обстановкѣ, при которой живетъ большинство семействъ, тѣ же предметы и явленія, которые окружаютъ ребенка сегодня, онъ будетъ видѣть и завтра; но сегодня они новы для него одними своими сторонами, завтра другими. Сегодня ребенокъ остановилъ свое вниманіе на томъ, что курица, бѣгая по сжатому полю, разгребаетъ землю, зерна ищетъ, завтра онъ будетъ свидѣтелемъ, какъ она, замѣтивъ въ облакахъ коршуна, бѣгаетъ, суетится, хлощетъ, дѣтей сзываетъ, чтобы спасти ихъ отъ врага; затѣмъ другая, третья, четвертая картина изъ жизни той же курицы, кошки, собаки, лошади, бѣлки, прирученной дома, изъ жизни растений, насѣкомыхъ дадутъ ребенку возможность составить о нихъ живое, всестороннее представленіе, что въ свою очередь вызываетъ дальнѣйшій интересъ къ предмету, а вмѣстѣ съ этимъ все сильнѣе возбуждаетъ и приковываетъ къ нимъ вниманіе. Заинтересовать подростка, пробудить въ немъ вниманіе, вызвать въ немъ впоследствии серьезную умственную работу могутъ только тѣ предметы, которые не чужды его сознанию, въ которыхъ есть знакомыя ему стороны, интересовавшія его прежде. Скопленный умственный матеріалъ постепенно сортируется самъ собою, связь впечатлѣній становится все тѣснѣе и тѣснѣе, представленія дѣлаются болѣе яркими и выпуклыми. Юноша съ наибольшою пользою и любовью занимается тою отраслью знанія, къ элементарнымъ явленіямъ которой уже въ отроческіе годы былъ возбужденъ у него интересъ, — конечно, если къ нимъ была хотя небольшая, природная склонность.

При развитіи вниманія нужно придерживатьсь тѣхъ же педагогическихъ правилъ и принциповъ, какъ и при воспитаніи другихъ душевныхъ силъ ребенка. Чтобы развить вниманіе, необходимо выработать въ себѣ умѣнье устранять несоотвѣтствующія предмету вниманія мысли, чувства и движенія. Если голова занята чѣмъ-нибудь постороннимъ, ребенокъ не можетъ быть внимателенъ, и умѣнье легко и быстро устранять неподходящія мысли и чувства весьма существенно. Пока дѣти не привыкли дѣлать этого сами, воспитатели должны устранять все, что мѣшаетъ имъ сосредоточивать вниманіе, что ихъ беспокоитъ, волнуетъ. Если съ ребенкомъ что-нибудь случилось, если что-либо взволновало его, пока волненіе въ немъ не уляжется, его слѣдуетъ освободить отъ занятій и постараться развлечь прогулкой, игрой, забавой или какою-нибудь легкою, пріятною для него механическою работою. Въ воспитаніи вниманія весьма важную роль играютъ побужденія. Вполнѣ ясными и опредѣленными побужденіями могутъ руководиться лишь взрослые люди: они дѣлаютъ или изучаютъ то или другое во имя собственного или общественнаго блага, но у ребенка не могутъ еще выработаться вполнѣ опредѣленныя побужденія, тѣмъ болѣе характера общественнаго. Онъ старается быть внимательнымъ, чтобы доставить удовольствіе родителямъ, передавъ имъ все слышанное и видѣнное, а также вслѣдствіе привычки дѣлиться съ ними своими мыслями и изъ любви къ нимъ. Но этого еще недостаточно: рука объ руку съ этими нравственными мотивами вызывать вниманіе ребенка долженъ и интересъ къ предмету.

Вниманіе по своему характеру и степени можетъ быть различно: чѣмъ оно напряженнѣе и продолжительнѣе, тѣмъ оно совершеннѣе. Человѣкъ, умѣющій управлять своимъ вниманіемъ и напрягать его наиболѣе продолжительно, въ то же время обладаетъ необыкновенною настойчивостью характера и силою воли. Для того, чтобы выработать въ ребенкѣ разумную и полезную настойчивость, его слѣдуетъ приучать къ послѣдовательности въ дѣйствіяхъ и къ выполненію своихъ маленькихъ обязанностей относительно окружающихъ; только въ такомъ случаѣ онъ будетъ думать и дѣйствовать послѣдовательно. Настойчивость есть противоположность легкомыслія и поверхностности, одна изъ наиболѣе существенныхъ характерныхъ качествъ силы воли. Чѣмъ устойчивѣе становится воля человѣка, тѣмъ легче справляется онъ съ своими душевными силами, а слѣдовательно легко можетъ овладѣть и вниманіемъ. Человѣкъ непостоянный, безхарактерный, съ величайшимъ трудомъ сдерживающій душевныя движенія, въ то же время лишь съ большимъ усиліемъ сосредоточиваетъ свое вниманіе.

Вниманіе—процессъ въ высшей степени сложный и трудный, требующій весьма напряженнаго состоянія физическихъ и умственныхъ силъ. Напряженное состояніе быстро утомляетъ взрослого человѣка, а тѣмъ болѣе ребенка, который при малѣйшемъ усилии мозга быстро изнемогаетъ. Вниманіе дѣтей до 5 — 6-ти лѣтъ нельзя безнаказанно напрягать болѣе 8—10-ти минутъ сряду. Если вниманіе — одна изъ важнѣйшихъ душевныхъ силъ и совершенствованіе ея имѣетъ громадное значеніе для всего умственнаго и нравственнаго склада ребенка, то слѣдуетъ употреблять всѣ усилія, чтобы не переутомлять мозга. Переутомленіе ведетъ не только къ ослабленію вниманія, но и къ разстройству здоровья. Въ нашихъ школахъ слишкомъ злоупотребляютъ вниманіемъ ребенка и напрягаютъ его несравненно болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а это ведетъ къ тому, что вниманіе нашихъ дѣтей мало развито и медленно совершенствуется. Требовать отъ ребенка продолжительнаго напряженія вниманія значитъ истощать его организмъ и періодически задерживать развитіе вниманія. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія вниманія — увеличить его интенсивность, уменьшая

продолжительность занятій, что въ концѣ концовъ мѣшаетъ ребенку формально относиться къ предмету и не допускаетъ его непроизводительно терять время.

Для того, чтобы совершенствовать вниманіе, необходимо постоянно ослаблять разсѣянность — противоположное вниманію состояніе ума, которое не даетъ возможности болѣе или менѣе долго остановиться надъ чѣмъ бы то ни было, заставляетъ безпрестанно перескакивать съ одного предмета на другой, отъ одной мысли къ другой. Для пріобрѣтенія надлежащаго вниманія, кромѣ умственнаго и нравственнаго развитія и упражненія всѣхъ психическихъ способностей дитяти, необходимо имѣть крѣпкіе нервы, спокойное состояніе духа и здоровый организмъ. Кромѣ различныхъ формъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, мозгового истощенія, являющагося вслѣдствіе различныхъ неправильностей питанія, забота, страхъ, испугъ, тревога, малѣйшее душевное волненіе, самое легкое недомоганіе—ослабляютъ, а то и вовсе притупляютъ вниманіе и усиливаютъ разсѣянность.

ГЛАВА IX.

Нервность.

Усиленіе нервности и нервныхъ болѣзней во всѣхъ классахъ общества, среди взрослыхъ и дѣтей.—Величайшая опасность отъ этихъ недуговъ для современнаго общества.—Признаки и причины этого явленія.—Наслѣдственность и социальныя условія.—Типичныя черты характера нервныхъ дѣтей и юношей.—При какихъ обстоятельствахъ воспитаніе вліяетъ на развитіе нервности и нервныхъ болѣзней.—Злоупотребленіе возбуждающими средствами и ихъ пагубное вліяніе.—Преждевременное развитіе чувственности.—Чрезмѣрное физическое напряженіе.—Вредъ умственнаго переутомленія.—Однообразіе труда и его вліяніе.—Какимъ должно быть воспитаніе при вредныхъ условіяхъ социальной жизни.—Гигіена отдыха.—Правильно организованный трудъ.—Движеніе, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія.—Необходимость безмятежнаго сна.—Отъ какого рода развлеченій необходимо устранять ребенка.—Охраненіе ребенка отъ душевныхъ потрясеній.—Гибельное вліяніе страха, испуга, гнѣва и горя на кровообращеніе, пищевареніе, дѣятельность сердца и дыханіе, на нервную систему и нравственность.—Вліяніе угрозъ и дурной привычки щекотать ребенка.—Вредъ испуга и страха передъ сномъ.—Какимъ образомъ слѣдуетъ подавлять аффекты и какъ не слѣдуетъ этого дѣлать.—Какъ предохранять дѣтей отъ нервности и нервныхъ заболѣваній.

Какъ бы разумно ни было поставлено физическое, нравственное и умственное воспитаніе, оно только тогда можетъ идти правильно и безъ помѣхи, достигать успѣшныхъ результатовъ, когда нервная система ребенка находится въ совершенномъ порядкѣ. При нервномъ разстройствѣ ребенокъ болѣетъ и тѣломъ, и духомъ, имѣющими между собою самую тѣсную связь. Вслѣдствіе этого охраненіе нервной системы дитяти и укрѣпленіе его нервовъ является величайшею задачею воспитанія, должно быть неослабною заботою родителей. Особенно важно имѣть это въ виду именно теперь, когда нервныя и мозговныя болѣзни возрастаютъ въ ужасающей степени, — не даромъ же нашъ вѣкъ называютъ нервнымъ вѣкомъ по преимуществу. И дѣйствительно, разстройства нервной системы преобладаютъ надъ всѣми остальными заболѣваніями. Нервность все болѣе усиливается и представляетъ наиболѣе выдающуюся черту характера современнаго общества. Усиленіе въ массахъ нервныхъ болѣзней очень трудно опредѣлить точными статистическими данными. Ихъ непомерно быстрый ростъ можно наблюдать по постоянно возрастающему количеству преступленій противъ нравственности, самоубійствъ, душевныхъ болѣзней, проституціи, пьянства и все увеличивающемуся употребленію веществъ, возбуждающихъ нервную систему.

Но почему же преступленія противъ нравственности, самоубійства, пьянство — суть результаты нервныхъ болѣзней и идутъ съ ними рука объ руку? Потому, что человѣкъ болѣе или менѣе уравновѣшенный, съ нормально развитою нервною системою, находитъ въ себѣ достаточно силъ, энергіи и стойкости для борьбы съ неблагоприятными житейскими условіями, съ горемъ и несчастіями; такой человѣкъ найдетъ въ себѣ достаточно силъ для сопротивленія соблазну, искушенію и пороку. Напротивъ люди съ слабою или распатанною нервною системою недостаточно стойки, сильны и энергичны, чтобы идти по правильной дорогѣ борьбы и труда, которая

быстро утомляетъ ихъ слабыя силы или повергаетъ въ отчаяніе, толкая на самоубійство или преступленіе. Число самоубійствъ увеличивается въ послѣднее время во всѣхъ государствахъ Европы, — въ числѣ самоубійцъ являются и дѣти.

Дѣти въ настоящее время страдаютъ разнообразными формами нервныхъ и душевныхъ расстройствъ. Изъ нервныхъ болѣзней особенно распространены: нервныя головныя боли, конвульсіи, измѣненія и извращенія чувствительности. Что же касается душевныхъ болѣзней, то нерѣдко встрѣчается извращеніе чувствъ, какъ напр. болѣзненные и преждевременныя страсти; не мало дѣтей страдаетъ склонностью къ убійству и самоубійству, къ кражѣ, поджогамъ, лжи, меланхоліи, ипохондріи. Нерѣдко эти болѣзни предшествуютъ „бреду преслѣдованія“ (эта форма болѣзни коренится въ обманахъ чувствъ; она выражается тѣмъ, что возбужденный ребенокъ раздраженъ до крайности воображаемыми оскорбленіями: боится товарищей вслѣдствіе убѣжденія, что они на него нажалуются родителями и учителямъ, опасается родителей, что они его считаютъ воромъ безъ всякой вины съ его стороны), слабоумію, идиотизму, эпилептическимъ душевнымъ расстройствамъ или настоящему умопомѣшательству. Вообще формы нервныхъ и душевныхъ болѣзней почти также разнообразны у дѣтей, какъ и взрослыхъ. Моро-де-Туръ въ своей книгѣ „La folie des enfants“, Эмминггаузъ въ своемъ сочиненіи „Психическія расстройства въ дѣтскомъ возрастѣ“ и Э. Сегенъ „Воспитаніе. Гигіена и нравственное лѣченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей“ собрали множество случаевъ проявленія у дѣтей душевныхъ болѣзней. Въ самомъ раннемъ возрастѣ у многихъ изъ нихъ проявляются преждевременныя страсти, которыя выражаются самымъ бурнымъ образомъ и обнаруживаются страшными пороками, даже преступлениями: ревностью, проявленіемъ полового инстинкта съ 3—4 лѣтъ, при этомъ изнасилованіемъ и даже убійствомъ изнасилованныхъ жертвъ. Въ Боннѣ 3-лѣтній мальчикъ убилъ своего 20-мѣсячнаго брата. Этотъ маленький убійца страшно ревновалъ свою мать за ласки, которыя она расточала его младшему брату, и, когда всѣ изъ дому ушли, онъ нанесъ малюткѣ нѣсколько ударовъ ножомъ.

У большинства дѣтей вообще очень рано проявляется чувство ревности, и это нужно всегда имѣть въ виду при воспитаніи. Единственными средствами для ослабленія этихъ чувствъ могутъ служить справедливость и равенство, съ которыми родители должны относиться ко всѣмъ дѣтямъ безъ различія. Между тѣмъ въ очень многихъ семьяхъ одному ребенку выказываютъ явное предпочтеніе передъ другимъ: ему даютъ лучшіе куски, лакомства, игрушки, сравнительно съ остальными расточаютъ болѣе ласкъ. Въ душѣ обдѣленного ребенка это возбуждаетъ цѣлую бурю страстей и дикихъ, животныхъ инстинктовъ. Такая система ведетъ къ печальнымъ результатамъ, особенно дѣтей, наклонныхъ къ душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ.

Но не одна ревность принимаетъ преступный, ужасающій характеръ. Вотъ исторія 5-лѣтняго убійцы, сообщенная въ засѣданіи медико-психологическаго общества въ Парижѣ въ 1882 г.: мальчикъ очень рано началъ заниматься онанизмомъ, при всякомъ случаѣ обижалъ маленькихъ дѣтей, равнодушно убивалъ животныхъ и наносилъ имъ раны. Увидавъ однажды, что младшій его братъ упалъ и расшибъ себѣ носъ, вызвавъ этимъ кровотеченіе, ему еще разъ захотѣлось видѣть ту же самую картину: особенное наслажденіе доставляло ему кровотеченіе. Когда мать вышла изъ комнаты, онъ сбросилъ брата со стула, головой внизъ, и причинилъ ему обильное кровотеченіе носомъ. Въ концѣ концовъ мать отправила его въ больницу. Онъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: „мнѣ очень нравится, когда кровь течетъ... я очень люблю это видѣть“.

Вообще нужно замѣтить, что въ данное время все болѣе увеличивается группа дѣтей, представляющая случаи психическаго вырожденія: это сказывается влеченіемъ дѣтей къ выполненію самыхъ преступныхъ, безобразныхъ, пошлыхъ, животныхъ дѣйствій. Прежде, чѣмъ болѣзнь рѣзко и отчетливо проявить себя тѣми или другими симптомами, дѣти начинаютъ обнаруживать индифферентизмъ къ окружающему, проявляютъ душевную холодность, равнодушно смотрятъ на болѣзни и страданія близкихъ людей и животныхъ, выказываютъ склонность къ зрѣлищамъ и поступкамъ звѣрскаго характера: такія дѣти, вслѣдствіе гнѣвной вспышки, а иногда и безъ всякой видимой причины, не задумываются швырнуть чѣмъ попало въ животныхъ и людей, наносятъ раны перочиннымъ ножомъ, если товарищъ имъ противорѣчить, и скорѣе другихъ начинаютъ заниматься опанизмомъ. Чѣмъ менѣе правильно и благоразумно воспитаніе, тѣмъ легче вызываетъ оно въ такихъ дѣтяхъ проявленіе ихъ чудовищныхъ и болѣзненныхъ инстинктовъ и стремленій, и чѣмъ оно правильнѣе, тѣмъ сильнѣе ослабляетъ ихъ. Воспитатели особенно зорко должны слѣдить за тѣмъ, чтобы такія дѣти никому не наносили вреда и боли, не мучили животныхъ. У такихъ дѣтей, преимущественно передъ остальными, воспитатели обязаны расширять область привязанностей, возбуждать интересъ не къ крови и звѣрскимъ зрѣлищамъ, а къ природѣ и людямъ, развивать эстетическое чувство, которое особенно облагораживаетъ сердце.

Галлюцинаціи слуха и зрѣнія у дѣтей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, носятъ характеръ устрашающій: имъ въ такихъ случаяхъ угрожаютъ мертвецы, черные или красные черти, которые стараются схватить ихъ за горло, или люди, вооруженные страшными орудіями, которые стремятся измучить ихъ. Угрозы, суровыя наказанія, чтеніе и рассказы о мертвецахъ, чертахъ и страшныхъ старикахъ губительно отзываются на дѣтяхъ вообще, особенно если они предрасположены къ нервнымъ и душевнымъ разстройствамъ.

Но что особенно печально въ настоящее время и болѣе всего характеризуетъ нашъ нервный вѣкъ, это возрастающее количество дѣтей-самоубійцъ: ребенокъ 10-ти лѣтъ получилъ нѣсколько дурныхъ отпѣтковъ и бросается на рельсы желѣзной дороги, чтобы покончить съ жизнью; ребенокъ 11-ти лѣтъ, которому надоѣло посѣщать школу, вонзаетъ себѣ въ бокъ кухонный ножъ. Дѣти четырехъ-пяти лѣтъ, удрученныя дурнымъ обращеніемъ кого-нибудь изъ родителей, кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Не мало случаевъ и такихъ, гдѣ дѣти кончали самоубійствомъ только потому, что на нихъ сильно подѣйствовалъ рассказъ о самоубійствѣ того или другого лица, или потому, что они были случайными свидѣтелями самоубійства.

Конечно, во всѣхъ подобныхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ немаловажную роль играетъ наслѣдственность, но, повторяемъ, столько же виновато и воспитаніе. Воспитатели должны имѣть въ виду, что у дѣтей, сравнительно со взрослыми, вообще сильно развита фантазія и что они обладаютъ способностью усиливать всѣ представленія. Событія, излагаемыя въ сказкахъ и разсказахъ, ребенокъ буквально переживаетъ всѣмъ своимъ существомъ,—все производитъ на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на взрослога: и зрѣлище въ театрѣ, циркѣ, и уличная сцена; съ этою способностью дѣтей къ повышенной фантазіи воспитатели должны считаться.

Если нервныя и психическія разстройства дѣтей принимаютъ въ настоящее время такія тяжелыя формы, то у взрослыхъ они проявляются, конечно, несравненно чаще. Рука объ руку съ глубокимъ разстройствомъ нервной системы усиливается и общая нервность въ настроеніи общества, что выражается раздражительностью, ненормальною живостью или, наоборотъ, неестественною апатіею и вялостью, нерѣдко

развѣченностью всего сущаго, поверхностностью и мимолетностью впечатлѣній и представлений, недостаткомъ выдержки, невозможностью сдерживать аффекты, недостаточностью и неосновательностью мотивировки странныхъ, дикихъ и дурныхъ поступковъ, отсутствіемъ строгой логики, постояннымъ недомоганіемъ, какою-то тоскою и тревогою, ослабленіемъ воли и энергіи, нерѣшительностью, подавленнымъ настроеніемъ духа, ослабленіемъ памяти. Чѣмъ долѣе длится такое состояніе, тѣмъ болѣе мрачную, пессимистическую окраску принимаетъ жизнь и все окружающее, пока оно не переходитъ въ полный индифферентизмъ ко всему, что для человѣка еще недавно было такъ свято и дорого, или къ полному отчаянію, доводящему до самоубійства. При такомъ тяжеломъ состояніи у многихъ является еще болѣзненный страхъ, боязнь чего-то страшнаго, роковаго: человѣкъ возвращается домой, и у него вдругъ является мысль, которая переходитъ въ увѣренность, что онъ всѣхъ близкихъ найдетъ мертвыми, что безъ него произошелъ пожаръ, что его ждетъ какое-нибудь несчастье.

Жизнь громаднаго большинства интеллигентныхъ людей становится со второй половины XIX в. все болѣе порывистымъ, лихорадочнымъ движеніемъ впередъ: при этомъ все болѣе количество людей чувствуетъ какое-то болѣзненное, томительное душевное тревожное состояніе. Недовольство, тревога, удручающее душевное настроеніе, чрезмѣрное напряженіе физическихъ и особенно умственныхъ силъ, вѣчная лихорадочная жизнь и житейская сутолока болѣе всего, разумѣется, вызываютъ нервныя болѣзни. Съ перваго взгляда особенно поражаетъ то, что недовольство усиливается въ обществѣ въ то время, когда прогрессъ въ области наукъ, искусствъ, техники, торговли и величайшихъ открытій даетъ возможность подчинять себѣ все большее количество силъ природы, преодолевать время и пространство, когда онъ до небывалыхъ размѣровъ увеличилъ житейскій комфортъ и жизненныя удобства. Вмѣстѣ съ прогрессомъ матеріальнымъ быстро двигается впередъ и духовный прогрессъ: образованіе дѣлается доступнымъ все большому кругу людей, гуманные взгляды становятся достояніемъ культурнаго общества. Отчего же общество не наслаждается плодами цивилизаціи, отчего недовольство и тревога распространяются все болѣе среди образованныхъ классовъ? Можно смѣло отвѣтить, что причина этого преимущественно лежитъ въ чрезмѣрномъ увеличеніи въ массахъ, и особенно среди культурнаго общества, нервныхъ болѣзней и нервного настроенія вообще.

Здоровье и счастье человѣка зависятъ отъ трехъ главныхъ причинъ: отъ нормальной *организации*, отъ благопріятныхъ *экономическихъ и социальныхъ условий*, среди которыхъ живетъ человѣкъ, и отъ *правильнаго воспитанія*.

Въ силу закона наслѣдственности, потомкамъ передаются какъ физическія, такъ и духовныя особенности. Законъ наслѣдственности съ особенною силою дѣйствуетъ при передачѣ потомству нервной организаціи. Но такъ какъ новорожденный младенецъ представляетъ изъ себя не что либо законченное, то отъ нервныхъ родителей онъ наслѣдуетъ обыкновенно лишь предрасположеніе къ нервнымъ болѣзнямъ, которыя въ моментъ его рожденія находятся въ зачаточномъ состояніи, и лишь съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ, достигаютъ полнаго своего развитія. Нерѣдко, однако, нервныя родители и совѣмъ не передаютъ своимъ дѣтямъ предрасположенія къ нервнымъ заболѣваніямъ, или оно переходитъ лишь къ ихъ внукамъ и правнукамъ. Такимъ образомъ предрасположеніе къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ не всегда переходитъ къ прямымъ наслѣдникамъ, а въ случаѣ такого несчастья оно можетъ быть настолько ослаблено правильнымъ воспитаніемъ и хорошими условіями жизни, что впоследствии не будетъ играть въ жизни человѣка роковой, подавляющей роли. Если человѣкъ наслѣдуетъ отъ своихъ родителей пред-

расположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ, болѣзни эта обнаруживается лишь въ томъ случаѣ, когда ея расцвѣту содѣйствуютъ благопріятныя условія, изъ которыхъ самыми важными можно считать испугъ, чувство страха, горе и различныя душевныя потрясенія, а также преждевременное непосильное или чрезчуръ продолжительное напряженіе физическихъ или умственныхъ силъ.

Въ то время, какъ чисто физическія особенности и болѣзни переходятъ къ потомкамъ зачастую въ томъ же видѣ (сынъ подагрика-отца, если только онъ унаслѣдовалъ его физическія особенности, можетъ заболѣть подагрой), нервныя болѣзни передаются дальнѣйшимъ поколѣніямъ нерѣдко совсѣмъ въ иной формѣ, чѣмъ онѣ были у родителей. Какова бы ни была форма нервной болѣзни родителей, но если они передаютъ по наслѣдству предрасположеніе къ ней своему ребенку, при благопріятныхъ условіяхъ для развитія нервности, она выражается то падучею, то невралгіей, или какою-либо другою формою нервной болѣзни, однимъ словомъ, въ большинствѣ случаевъ не тою, какою страдали родители. Красивая и умственно развитая дѣвушка, отецъ которой страдалъ тупоуміемъ, а мать помѣшательствомъ, умерла 22 лѣтъ, въ возрастѣ, въ которомъ заболѣла и ея мать, но отъ остраго воспаления мозговыхъ оболочекъ. Для подтвержденія означенной мысли можно привести много примѣровъ.

Особенно сильную роль играетъ наслѣдственность при нервности *обоихъ* родителей, что встрѣчается очень часто, такъ какъ что-то въ родѣ безсознательной симпатіи, по словамъ Кюллера, влечетъ нервныхъ людей другъ къ другу. „Крайняя чувствительность этихъ личностей, ихъ пылкое воображеніе, неудержимое влеченіе къ неизвѣстному, къ идеалу отдаляетъ ихъ отъ обыкновенныхъ здоровыхъ людей. Напротивъ, рѣзкія особенности ихъ темперамента неудержимо привлекаютъ ихъ. Отсюда подобные союзы, различныя съ нравственной точки зрѣнія, почти всегда являютъя роковыми для потомства“. („Гигіена нервныхъ и нейропатовъ“, стр. 31—32).

Бываетъ и такъ, что люди, при вступленіи своемъ на жизненное поприще, совершенно здоровы, но, сдѣлавшись самостоятельными, начинаютъ тратить свои нервныя силы или въ чрезмѣрныхъ наслажденіяхъ, или въ чрезмѣрномъ напряженіи физическихъ или умственныхъ силъ. Дѣтей такихъ родителей ожидаетъ хилость и предрасположеніе къ нервнымъ болѣзнямъ, особенно, если родители незадолго до ихъ рожденія страдали тяжкими болѣзнями или находились подъ гнетомъ удручающихъ заботъ, бѣдствій и душевныхъ потрясеній, одержимы были бугорчаткой, сифилисомъ, а также, если во время ихъ зачатія они находились въ нетрезвомъ видѣ.

Нервный темпераментъ ребенка даетъ себя чувствовать уже въ самые первые годы его жизни, но онъ обнаруживается такъ разнообразно, что, набросавъ портретъ нервнаго ребенка, юноши или взрослого, нельзя ожидать, чтобы всѣ его характерныя качества подходили ко всѣмъ нервнымъ людямъ вообще. Но все же въ каждомъ періодѣ жизни нервнаго человѣка есть и въкоторыя особенности, свойственныя многимъ субъектамъ въ такомъ состояніи.

Нервныя дѣти, въ большинствѣ случаевъ, отличаются преждевременнымъ умственнымъ развитіемъ, слабымъ тѣлосложеніемъ, тонкими чертами лица и малокровіемъ. Они обыкновенно обидчивы, но еще болѣе раздражительны и вспыльчивы, при самомъ ничтожномъ поводѣ выходятъ изъ себя, швыряютъ, чѣмъ попало, въ того, кто, по ихъ мнѣнію, передъ ними провинился, при неисполненіи малѣйшаго ихъ желанія впадаютъ въ необузданную ярость, бросаются на полъ, не чувствуя боли отъ ушибовъ, обливаются горькими слезами, выпускаютъ неистовые крики, брань, жалобы, стоны. Между прочимъ такія дѣти обыкновенно не скоро засыпаютъ,

а когда и заснутъ, спятъ тревожнымъ сномъ, прерываемымъ то вздрагиваніями, то внезапнымъ пробужденіемъ. Что особенно замѣчательно и служитъ самымъ характернымъ признакомъ такихъ нервныхъ организацій—это то, что у нихъ иногда даже самая ничтожная лихорадка, испугъ, прорѣзываніе зубовъ, расстройство пищеваренія вызываютъ судороги. Другимъ характернымъ признакомъ нервныхъ дѣтей является безсиліе удерживать урину (мочу). Въ большинствѣ случаевъ эта слабость исчезаетъ сама собой, безъ всякихъ послѣдствій, особенно если ребенокъ окрѣпнетъ съ годами, но иногда она служитъ предзнаменованіемъ истеріи въ будущемъ или скрытой эпилепсії, которая къ 8—10-ти годамъ обнаруживается уже въ формѣ головокруженія. Пугливость нервныхъ дѣтей доводитъ ихъ иногда даже до пляски св. Витта.

Въ періодъ отрочества характеръ нервныхъ субъектовъ сразу мѣняется: ребенокъ, даже съ задатками альтруистическими, сдѣлавшись юношею, предъявляетъ близкимъ невозможныя требованія. Въ дѣйствительности такіе юноши не могутъ быть ни альтруистами, ни эгоистами, — это не что иное, какъ неустойчивыя, безпрестанно мѣняющіяся натуры: необузданныя вспышки гнѣва, вѣчные капризы въ дѣтствѣ сказываются у нихъ въ періодъ отрочества требовательностью и поступками характера эгоистическаго. Въ физическомъ отношеніи, въ этотъ періодъ жизни, они страдаютъ головными болями и въ большинствѣ случаевъ влеченіемъ къ порочнымъ склонностямъ, которыя, безъ серьезнаго противодѣйствія, всецѣло овладѣваютъ ими. Дѣвушки-подростки страдаютъ невралгіей, мигренью, различными нервными расстройствами; тѣ и другія отличаются необыкновенною подвижностью мыслей и впечатлѣній. Малѣйшее происшествіе, испугъ, страхъ, внезапный скрипъ двери, особенно ночью, заставляютъ ихъ вздрагивать съ головы до ногъ. Тѣ изъ юнаго поколѣнія обоого пола, которые обнаруживаютъ особенно сильную нервность, оказываются обыкновенно вспыльчивыми и упрямыми и легко поддаются всякому влиянію, но скорѣе дурному, что доказываетъ слабость ихъ воли и служитъ предвѣстникомъ ихъ будущей неустойчивости и измѣнчивости, какъ въ области мысли, такъ и въ области чувства. Ихъ мозгъ, находящійся обыкновенно въ постоянномъ напряженіи, можетъ легко воспринимать самыя разнородныя впечатлѣнія, быстро и на лету схватывать множество разнообразныхъ знаній, которыя, впрочемъ, неглубоко охватываютъ ихъ умъ и сердце и улетучиваются такъ же быстро, какъ были восприняты. Ихъ понятія о людяхъ всегда страдаютъ односторонностью; они такъ же легко совершаютъ геройскіе поступки, какъ и низкіе, но это ни дурныя, ни хорошіе молодые люди, они люди минуты, впечатлѣнія, однимъ словомъ, нервные субъекты. Ни на какомъ поприщѣ дѣятельности, ни въ какой области труда они не могутъ работать устойчиво, — для эгого у нихъ нѣтъ ни надлежащаго терпѣнія, ни надлежащей усидчивости, ни необходимой логики. Тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ, по словамъ Крафтъ-Эбинга, одарены выдающимися способностями, и умъ ихъ можетъ доходить до гениальности, но обыкновенно у нихъ не хватаетъ усидчивости, терпѣнія и послѣдовательности для того, чтобы до конца довести свой трудъ, чтобы обставить свою теорію достаточно вѣскими и убѣдительными доказательствами и фактами, чтобы оставить по себѣ крупный трудъ на поприщѣ науки или искусства. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ нервныхъ молодыхъ людей обоого пола служитъ то, что они обыкновенно не переносятъ жары, — особенно невыносима для нихъ сухая погода; спиртные напитки и нѣкоторыя лѣкарства вызываютъ у многихъ изъ нихъ полное физическое отвращеніе. Расположеніе духа подобныхъ субъектовъ постоянно мѣняется и переходитъ изъ одной крайности въ другую: то они находятся подъ гнетомъ жестокихъ приступовъ тоски, отчаянія, меланхоліи, то въ полномъ восторгѣ

и жизнерадостномъ настроеніи: то и другое безъ достаточно основательныхъ причинъ. Отношеніе къ себѣ и окружающимъ также измѣнчиво, также діаметрально противоположно одно другому: униженно скромный взглядъ на свою личность и на размѣры своихъ способностей быстро и незамѣтно для нихъ самихъ смѣняется авторитетностью и заносчивостью.

Кромѣ наслѣдственности, другими причинами нервныхъ и душевныхъ заболѣваній служатъ экономическія условія, и между ними первое мѣсто занимаетъ борьба за существованіе, особенно обострившаяся въ переживаемую нами эпоху, когда для успѣха требуется чрезмѣрное напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ. То, что борьба за существованіе изъ всѣхъ экономическихъ и социальныхъ причинъ занимаетъ первое мѣсто въ усиленіи нервности, нервныхъ и душевныхъ болѣзней, видно уже изъ того, что наибольшее число подобныхъ больныхъ падаетъ на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. И это понятно: во многихъ частяхъ этой страны идетъ напряженная дѣятельность, въ нее нахлынули изъ всѣхъ странъ свѣта и продолжаютъ стекаться огромныя полчища людей, одни для заработка, другіе ради наживы. Страстное стремленіе къ наживѣ до невѣроятныхъ размѣровъ обострили борьбу за существованіе въ этой странѣ, и тому, кто желаетъ добиться въ ней успѣха, приходится чрезмѣрно напрягать умственныя и физическія силы. Въ этомъ и кроется главная причина наибольшаго количества людей въ этой странѣ, подверженныхъ нервнымъ заболѣваніямъ.

Впрочемъ, страсть къ наживѣ охватила не только американское общество: она разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ и увеличивается съ каждымъ годомъ и въ Европѣ. Въмѣстѣ со страстью къ наживѣ увеличивается и стремленіе къ роскоши въ высшихъ слояхъ американскаго и европейскаго обществъ, а между тѣмъ та и другая страсть сами по себѣ усиливаютъ нервныя и душевныя болѣзни. Соревнованіе, вѣчное стремленіе перегнать другого, чтобы добыть больше и больше денегъ, увеличить роскошь, вся эта лихорадочная и утомительная борьба преждевременно надламываютъ силы современныхъ людей и плодятъ въ немъ безчисленное множество нервныхъ болѣзней.

Прежде, въ европейскихъ странахъ, люди строго дѣлились по сословіямъ: ихъ желанія, карьера, домашняя обстановка, вся жизнь до мелочей были точно опредѣлены обычаемъ и закономъ. Каждый зналъ, что онъ можетъ идти лишь по той или другой дорогѣ, предназначенной его сословію. Перешагнуть эту строго опредѣленную границу рѣшались только люди совершенно исключительные, да и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Вслѣдствіе существованія такихъ строго опредѣленныхъ рамокъ, ставившихъ преграду тщеславію, честолюбію и властолюбію, люди жили несравненно менѣе лихорадочною жизнью, покойно шествуя по дорогѣ, проложенной дѣдами, безъ борьбы, безъ особеннаго напряженія. Теперь, когда сословныя перегородки пали, открылся полный просторъ для самыхъ разнородныхъ стремленій, и каждый можетъ мечтать объ осуществленіи своихъ надеждъ, если только онъ приложитъ особенное стараніе. И дѣйствительно, мы безпрестанно видимъ примѣры того, что вчерашній нищій приобрѣтаетъ богатство, власть, почести; также облегчена возможность и человѣку малообразованному сдѣлаться богатымъ, ученымъ, журналистомъ. Вслѣдствіе всего этого явилась масса людей, стремящихся къ достиженію житейскихъ благъ и преимуществъ, и въ настоящее время жизнь сдѣлалась ареной ожесточенной борьбы. Громадная конкуренція заставляетъ людей дѣлать нечеловѣческія усилія, держать постоянно въ напряженіи свои умственныя и физическія силы. Наиболѣе энергичные достигаютъ побѣды, но въ большинствѣ случаевъ сильно растративъ здо-

ровые во время борьбы, менѣ сильные дѣлаются настоящими жертвами нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Такимъ образомъ современный человѣкъ всегда находится въ лихорадочной погонѣ, въ нервномъ напряженіи. Трудность достичь чего-нибудь заставляетъ многихъ родителей съ ранняго возраста приспособлять способности своихъ дѣтей къ предстоящей борьбѣ, давать мозгу непосильную работу. И дѣйствительно, работа мозга непомерно усиливается съ каждымъ десятилѣтіемъ, и часто современное поколѣніе не для того напрягаетъ свой мозгъ, чтобы безкорыстно увеличить свои знанія, а исключительно для наживы, что само по себѣ губительно влияетъ на нравственность и нервную систему.

Нервные болѣзни усилились и среди простого люда, — что также вызывается преимущественно борьбою за существованіе: вслѣдствіе экономическихъ и социальныхъ причинъ масса сельскаго люда переселяется въ города, гдѣ она встрѣчаетъ страшную конкуренцію, и вслѣдствіе этого выдерживаетъ невѣроятную борьбу въ поискахъ за работою, испытываетъ лишенія, болѣе опасныя для здоровья въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ.

Несмотря на бѣдность простонародья въ первостепенныхъ государствахъ общій уровень требованій на жизненные удобства среди культурныхъ классовъ общества прогрессируетъ съ каждымъ годомъ: утонченныя яства, напитки, роскошь въ обстановкѣ и одеждѣ приняли небывалые размѣры, требуютъ громадныхъ средствъ для ихъ достиженія и толкаютъ человѣка вести все болѣе лихорадочный образъ жизни, усиливать свою дѣятельность, что въ конецъ разстраиваетъ нервы. Что же касается роскоши и жизненныхъ удобствъ, для достиженія которыхъ мужья и отцы бросаются въ кипучій водоворотъ непосильно тяжелой дѣятельности, развивающей нервы, то они вредны и сами по себѣ, такъ какъ изнѣживаютъ и обезсиливаютъ человѣка, развиваютъ излишнюю чувствительность и низменныя страсти, что въ концѣ концовъ тоже ведетъ къ нервному разстройству, проявляющемуся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Разстраиваетъ нервы и узко эгоистическое направленіе дѣятельности, лишающее человѣка способности работать для удовлетворенія высшихъ, облагораживающихъ цѣлей, такъ какъ исключительное преслѣдованіе матеріальныхъ выгодъ лишь расширяетъ область корыстныхъ стремленій и вноситъ въ душу не покой, удовлетвореніе и высшее наслажденіе, а развиваетъ ненасытныя, пошлыя страсти. „Вслѣдствіе неутомимой дѣятельности съ ранняго утра“, говоритъ Крафтъ-Эбингъ, „недающей порой хорошенько поѣсть (вѣдь время деньги), вслѣдствіе разнообразныхъ, сложныхъ обязанностей и отвѣтственности по службѣ и постоянной борьбы съ конкуренціей, — къ вечеру является сильная потребность въ отдыхѣ и наслажденіяхъ. Но черезъ мѣру возбужденные нервы требуютъ въ свою очередь и сильныхъ наслажденій. Ихъ и доставляетъ столица въ видѣ драмъ самаго страшнаго содержанія, комедій, изображающихъ прелюдбѣянія, въ видѣ акробатовъ, потрясающей и возбуждающей музыки, крѣпкихъ винъ, сигаръ, ликеровъ, клубовъ, игорныхъ домовъ, любовныхъ приключеній, извѣстій о преступленіяхъ и несчастныхъ случаяхъ въ ежедневной хроникѣ, и т. д. И пресыщенный горожанинъ, насладившись вплоть до самой ночи разнообразными удовольствіями нашей новѣйшей культуры, большею частью въ скверно вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, отправляется наконецъ на покой, а на слѣдующее утро, усталый и разстроенный, снова приступаетъ къ своей обычной дѣятельности. При такомъ лихорадочномъ напряженіи, ни птицей мчащіяся курьерскія поѣзда, ни телеграфы, ни два ежедневныхъ изданія газетъ почти не въ состояніи удовлетворить

насть. Недѣля, не сопровождавшаяся скандалами, потрясающими несчастными случаями и политическими событиями, намъ кажется несносной. Если мы взвѣсимъ всѣ пагубныя послѣдствія подобной погоны за наживой и развлеченіями и проявляющуюся при этомъ необузданность страстей, стремленіе всякаго составить себѣ положеніе и насладиться почетомъ и удовольствіями, извуренность отъ непосильныхъ работъ, усталость, наступающую послѣ наслажденій, отыскиваемыхъ ночью, изъ необходимости приберечь день для борьбы за существованіе и неутомимой дѣятельности, ко всему еще безпокойство, причиняемое политическими и торговыми вопросами, выборами, биржевыми спекуляціями, — тогда мы поймемъ силу нервнаго расслабленія новѣйшаго поколѣнія, въ особенности столичныхъ жителей, нервы которыхъ постоянно находятся въ возбужденномъ и лихорадочномъ состояніи. Подобный образъ жизни быстро истощаетъ жизненныя и специально нервныя силы и влечетъ за собой преждевременную старость, сопровождающуюся всевозможными душевными и тѣлесными пороками“. („Нашъ нервный вѣкъ“, стр. 10—12).

Нервное разстройство и расслабленіе организма такъ велико въ обществѣ, что теперь даже простыя физиологическія отправления у женщинъ сопряжены съ несравненно болѣе болѣзненными недомоганіями, чѣмъ прежде, и нерѣдко влекутъ за собою тяжелыя страданія. Менструаціи, беременность, роды, періодъ кормленія, — все это сдѣлалось нынѣ причиною тяжелыхъ нервныхъ разстройствъ.

Казалось бы, мужчины должны были бы болѣе страдать нервными болѣзнями, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе они играютъ главную роль. Банкиръ, крупный промышленникъ, рискуя большими капиталами, постоянно находится въ тревогѣ за ихъ участь; политическій дѣятель, журналистъ живутъ лихорадочной жизнью, ученый черезчуръ напрягаетъ мозгъ, врачъ живетъ подъ гнетомъ тяжелой отвѣтственности, солдатъ обыкновенно страдаетъ тоскою по родной деревнѣ и съ трудомъ принаравливается къ строгой дисциплинѣ; ко всему этому мужчины страдаютъ еще и отъ различныхъ излишествъ. Большинство женщинъ избавлено отъ всего этого, но зато въ настоящее время онѣ болѣе, чѣмъ прежде, страдаютъ отъ простыхъ физиологическихъ процессовъ, о которыхъ было только что сказано, а также отъ обманутыхъ надеждъ на счастливую семейную жизнь. Къ тому же въ послѣднее время онѣ все болѣе и болѣе вовлекаются въ борьбу за существованіе, а эта борьба несравненно тяжелѣе отзывается на ихъ слабомъ организмѣ; къ тому же женщины и работать труднѣе, нежели мужчины, не только вслѣдствіе особенностей ея организма, изъ поколѣнія въ поколѣніе все болѣе ослабляемаго, но и по ея семейному положенію: занимаясь трудомъ, часто такимъ же напряженнымъ, какъ и мужчина, она въ то же время не избавлена и отъ семейныхъ заботъ, мелочныхъ и тяжелыхъ, даже и безъ посторонняго труда сильно разстраивающихъ нервы.

Вообще чрезмѣрное умственное напряженіе обоихъ половъ, характерное явленіе современнаго общества, служитъ главнымъ источникомъ нервныхъ разстройствъ.

Такое же вредное вліяніе оказываютъ горе и душевныя волненія, избѣжать которыхъ немислимо при современномъ строѣ общества. Особенно разстроиваютъ нервную систему душевныя волненія въ томъ случаѣ, когда они обрушиваются на челоуѣка, занимающагося усиленною умственною дѣятельностью, научнымъ трудомъ, сопряженнымъ съ большою отвѣтственностью, или на художника, напрягающаго всѣ свои способности для осуществленія задуманной идеи, на чиновника, выполняющаго тяжелую и однообразную работу. Первыми признаками нервнаго разстройства въ такихъ случаяхъ являются бессонница, потеря аппетита, головокруженіе, головныя боли, приливы крови къ головѣ, неправильное пищевареніе, общее недомоганіе.

Однообразный и продолжительный физический труд тоже очень губительно отзывается на нервной системѣ: такъ, напр., чрезмѣрное напряженіе зрѣнія у рисовальщиковъ, живописцевъ, переписчиковъ, портнихъ, особенно на швейной машинѣ, кружевницъ и т. п. Злоупотребленіе возбуждающими средствами (т.-е. веществами, возбуждающими нервную систему), все болѣе распространяющимися въ обществѣ, создаетъ поистинѣ безчисленныя полчища нервныхъ людей. Между возбуждающими средствами самую видную роль играютъ спиртные напитки, а также морфій, все болѣе входящій въ моду въ послѣднее время.

Человѣкъ, особенно утомленный трудомъ и жизнью, выказываетъ инстинктивную потребность ко всему, что возбуждаетъ мозгъ и нервы, даетъ минуту забвенія въ страданіяхъ и поддерживаетъ энергію для перенесенія ихъ; но злоупотребленіе возбуждающими средствами, особенно алкоголемъ, весьма губительно отзывается на организмѣ, умственныхъ способностяхъ и нравственности. Статистика доказываетъ, что громадный процентъ преступленій происходитъ отъ злоупотребленія спиртными напитками. Тяжко и губительно отзывается пьянство на потомкахъ пьяницы: его дѣти или наследуютъ ту же страсть къ алкоголю, или рождаются съ предрасположеніемъ къ тяжелымъ формамъ нервныхъ болѣзней, къ идиотизму и психопатіи. При этомъ потомки пьяницъ отличаются весьма малою продолжительностью жизни.

Однимъ изъ признаковъ нервной возбужденности современнаго общества служить непомѣрное увеличеніе чувственности и преждевременное ея развитіе, что весьма сильно отражается на усиленіи проституціи, увеличеніи числа преступленій противъ нравственности и развратѣ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Всеобщая нервность и неестественная возбужденность заставляютъ многихъ чаще, чѣмъ прежде, прибѣгать къ средствамъ въ высшей степени деморализующимъ, т.-е. къ проституціи, результатомъ которой является сифилисъ, и къ онанизму. Естественно, что люди такого сорта, вступивъ въ бракъ, не могутъ имѣть здороваго поколѣнія, такъ какъ они являются субъектами преждевременно состарившимися, съ совершенно разстроенной нервной системой. Не менѣе ужасны и послѣдствія онанизма для моральнаго и физическаго здоровья. Эта тяжелая болѣзнь сильно распространена между дѣтьми обо-его пола.

Такъ же пагубно дѣйствуетъ преждевременное или чрезмѣрное удовлетвореніе половыхъ потребностей, хотя бы и естественнымъ путемъ. Юноша, который предается этимъ излишествамъ, мало-по-малу растрчиваетъ благородныя стремленія ума и сердца, становится пошлякомъ, эгоистомъ и хищникомъ.

Кромѣ наследственности и ненормальныхъ социальныхъ условій, также губительно отзывается на нервной системѣ и неправильное воспитаніе.

Вмѣсто того, чтобы равномѣрно вести какъ тѣлесное, такъ и психическое развитіе дитяти, ему, въ большинствѣ случаевъ, даютъ одностороннее воспитаніе, обращая вниманіе исключительно или на физическое, или на умственное развитіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ родители достигаютъ результатовъ, діаметрально противоположныхъ своимъ стремленіямъ. Обращая вниманіе лишь на физическое развитіе человѣка, его низводятъ до животнаго, и въ то же время такое воспитаніе не служитъ даже гарантіей того, что питомецъ въ будущемъ будетъ наслаждаться здоровьемъ. Не развивъ въ немъ ни нравственныхъ принциповъ, ни любви и привычки къ труду, ни высшихъ, облагораживающихъ душу интересовъ, его толкаютъ въ будущемъ на безпутную жизнь. Родители, будучи защитниками исключительно физическаго развитія и имѣя нѣкоторыя понятія по гигиенѣ и физическому уходу, могутъ развитъ въ ребенкѣ тѣлесную силу и здоровье. Но разъ питомецъ самостоя-

тельно вступает на жизненное поприще, современная жизнь представляет широкое поле его эгоистическимъ, животнымъ инстинктамъ, не сдерживаемымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Онъ легче, чѣмъ умственно и нравственно развитой, доступенъ соблазнамъ всякаго рода и, не руководствуясь общественными интересами, не увлекаясь ни наукою, ни искусствомъ, весь погружается въ море кутежа и попойкъ, прожигаетъ свою жизнь въ игорныхъ вертепахъ, въ пошлыхъ любовныхъ интригахъ и похожденияхъ и въ нѣсколько лѣтъ растрчиваетъ свое крѣпкое въ дѣтствѣ здоровье. Только человѣкъ умственно и нравственно развитой можетъ побѣждать свои страсти и дурныя склонности во имя твердыхъ принциповъ, любви къ ближнему и надлежаще развитого чувства чести.

Не менѣе вреда приноситъ воспитаніе, при которомъ все вниманіе обращено только на умственное развитіе дитяти. Многими руководить при этомъ самая горячая любовь къ дѣтямъ, къ просвѣщенію и родинѣ, другихъ побуждаетъ къ этому лишь тщеславіе и корысть. „Пусть всѣ знаютъ, что моя дочь или сынъ получили первую награду, имѣютъ лучшія отмѣтки, приобретутъ наиболѣе видное и выгодное мѣсто“... Но какія бы чувства ни руководили родителями, возвышенныя или корыстныя, разъ они пренебрегаютъ физическимъ развитіемъ, это гибельно отзывается на здоровьѣ ребенка. Если они строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ихъ ребенокъ всегда приносилъ изъ школы прекрасныя отмѣтки, дѣти, даже недурныя по натурѣ, прибѣгаютъ ко лжи, обману и даже пускаются на поддѣлку отмѣтокъ. Ребенокъ только тогда хорошо работаетъ въ школѣ, когда до школы у него пробужденъ интересъ къ знанію и природѣ, когда онъ приученъ къ труду и вниманію. Не говоря уже о томъ, что ребенокъ, плохо развитой физически, не можетъ правильно развиваться и умственно, одностороннее умственное развитіе искусственно задерживаетъ правильное развитіе физическихъ силъ и сказывается въ переутомленіи мозга, въ высшей степени разстраивающемъ нервную систему.

Переутомленіе мозга величайшій бичъ, тормозящій и физическое, и нравственное, и умственное развитіе дѣтей. Съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста оно кладетъ основу везвозможнымъ нервнымъ болѣзнямъ, психопатіи и серьезнымъ душевнымъ заболѣваніямъ. Первые признаки этого недуга — раздражительность, тоска, недовольство, разбѣянность, ослабленіе вниманія, потеря въ большей или меньшей степени самообладанія и головныя боли, которыя съ теченіемъ времени, если усиленное умственное развитіе не приостановлено, осложняются болѣзнями въ сферѣ другихъ органовъ тѣла, а также обнаруживаются частыми кровотечениями изъ носа, ослабленіемъ памяти, вниманія и истощеніемъ мозга. При переутомленіи мозга постепенно появляются расстройства пищеваренія, неправильности въ дѣятельности сердца и потеря аппетита. Впрочемъ, болѣзненные признаки очень разнообразны, смотря по условіямъ, среди которыхъ живетъ человѣкъ, согласно съ индивидуальностью каждаго и со степенью и силою болѣзни, которая имъ уже овладѣла: одинъ при мозговомъ переутомленіи отличается раздражительностью, у другого болѣзнь обнаруживается сонливостью, вялостью, угрюмостью или безсонницею; у нѣкоторыхъ она сказывается выпышками гнѣва, задоромъ, безконечными спорами, у другихъ отчужденіемъ и нелюдимостью. При наклонности къ спячкѣ сонъ не приноситъ освѣженія, не подкрѣпляетъ силъ; юноша встаетъ съ тяжелой головою, совершенно разбитый; при засыпаніи у него иногда появляются судорожныя вздрагиванія конечностей, а то и всего тѣла. Если переутомленіе продолжается слишкомъ долго, болѣзнь принимаетъ острый, опасный характеръ, является хандра, потеря воли, отсутствіе желанія измѣнить свое положеніе, и ослабленіе памяти настолько усиливается, что такой больной

безпрестанно забываетъ въ разговорѣ самыя обыденныя слова, замѣняя ихъ другими, слабо выражающими его мысль, а иногда перезабываетъ столько словъ, что не въ состояніи окончить начатой фразы. Вообще рѣчь въ такихъ случаяхъ становится все менѣе свободной; неправильности появляются и въ письмѣ. Въ разговорѣ и сужденіяхъ такого субъекта замѣчаются преувеличенія, стремленіе къ употребленію превосходныхъ степеней: все у него оказывается ужасающе-страшнымъ, поразительно-уродливымъ, въ высшей степени громаднымъ, неслыханно печальнымъ, гениальнымъ, изъ рукъ вонъ глупымъ. Въ концѣ концовъ такое нервное расстройство можетъ повести къ психопатіи, но оно можетъ и остановиться, если воспитатели, при первыхъ признакахъ переутомленія не только обратятся къ опытному врачу, но и прекратятъ занятія, вызвавшія переутомленіе. Однако къ этой мѣрѣ слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Нужно помнить, что совершенное бездѣйствіе, даже и въ такомъ болѣзненномъ состояніи, вовсе не содѣйствуетъ выздоровленію: какъ необходима пища человѣку, такъ необходимо ему и дѣло, работа. Больному человѣку назначаютъ обыкновенно пищу легкую, удобоваримую и въ меньшемъ количествѣ, но совсѣмъ безъ пищи оставляютъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ и на очень непродолжительное время. Точно также не слѣдуетъ совершенно лишать пища духовной, если въ ней есть уже потребность. Конечно, можетъ быть экстраординарное состояніе больного вызываетъ и необходимость особенныхъ мѣръ, но это долженъ рѣшить лишь опытный врачъ; въ большинствѣ же случаевъ не слѣдуетъ совершенно лишать умственной дѣятельности больного, такъ какъ это усиливаетъ хандру. Наиболѣе полезно въ такихъ случаяхъ разнообразить жизнь здоровыми впечатлѣніями, вродѣ неустойчивыхъ путешествій и прогулокъ на чистомъ воздухѣ, а также необременительными тѣлесными упражненіями.

Такимъ образомъ *игіена труда*—одно изъ главнѣйшихъ условій для нормального состоянія нервовъ. Въ высшей степени вредно чрезмѣрно утомлять себя трудомъ, какъ физическимъ, такъ и умственнымъ, но также вредно для здоровья вести праздную жизнь. Психіатры доказываютъ, что праздная жизнь не только ведетъ къ расстройству нервовъ, но служитъ даже источникомъ вырожденія. Трудъ и привычка къ нему съ ранняго дѣтства, интересъ къ окружающему необходимы для здоровья, счастья и для поддержки человѣческаго достоинства, но онъ не долженъ истощать человѣка.

Для этого необходимо соблюдать два главныхъ условія:

1) *Разнообразить трудъ*. Однообразная мозговая и физическая работа столько же содѣйствуетъ переутомленію, сколько и чрезмѣрная работа. При разнообразіи умственного труда онъ несравненно меньше утомляетъ, такъ какъ при извѣстной умственной работѣ не всѣ части мозга отдыхаютъ въ то время, когда другія работаютъ. Умственную работу полезно разнообразить физическимъ трудомъ. Разнообразіе слѣдуетъ вносить и въ сферу развлеченій, устраиваемыхъ для дѣтей.

2) *Трудъ долженъ чередоваться съ отдыхомъ*. Для дѣтей дошкольнаго возраста трудъ, состоящій въ постройкѣ домика изъ кубиковъ, плетенія бумажныхъ или шерстяныхъ полосокъ, лѣпкѣ, рисованіи или другомъ какомъ-нибудь занятіи въ этомъ родѣ, можетъ продолжаться отъ 5 до 7-лѣтняго возраста не болѣе 20—25 минутъ сряду, а для менѣе взрослыхъ продолжительность работы должна быть сокращена и на половину означеннаго времени; но и эти занятія необходимо смѣнять пѣніемъ, играми, бѣготней, если возможно, на чистомъ воздухѣ.

Движеніе имѣетъ огромное значеніе для укрѣпленія не только мускуловъ, но и нервовъ: оно развиваетъ силу, ловкость, содѣйствуетъ уменьшенію скопленія жи-

ровъ, а вмѣстѣ съ этимъ дѣлаетъ человѣка болѣе подвижнымъ, энергичнымъ, помогаетъ успешнѣе выдерживать борьбу съ вредными вліяніями и вообще благотворно дѣйствуетъ на весь организмъ. Благодаря движенію, дыханіе и кровообращеніе ускоряются, что усиливаетъ аппетитъ и улучшаетъ пищевареніе. На нервы движеніе имѣетъ положительно успокоительное дѣйствіе: увеличивая силу и напряженіе мускуловъ, оно ослабляетъ чувствительность.

Между тѣмъ, какъ только ребенокъ успѣетъ появиться на божій свѣтъ, его связываютъ по рукамъ и ногамъ. Обычай пеленанія до сихъ поръ господствуетъ во многихъ семействахъ и уже въ первые дни жизни чрезвычайно вредно отражается на развитіи самостоятельныхъ движеній ребенка. Первое обмываніе новорожденнаго, несмотря на всю осторожность, сильно раздражаетъ его; къ тому же онъ только-что перемѣнилъ среду, гдѣ находился все время въ одинаково высокой температурѣ, — все это вызываетъ въ немъ множество разнообразныхъ движеній, и эти-то движенія, столь полезныя для возбужденія первой самостоятельной жизненной энергіи, подавляютъ, тотчасъ при ихъ проявленіи, пеленками. При повтореніи этихъ усиленныхъ движеній, его нѣжное тѣло трется о грубую ткань пеленокъ, вслѣдствіе чего происходитъ слишкомъ быстрая и обильная испарина. Вы распеленываете ребенка, и эта испарина, отъ вліянія болѣе холоднаго воздуха, въ которомъ сразу очутилось его тѣло, также быстро охлаждается: онъ схватываетъ лихорадку, начинаетъ икать. Вслѣдствіе этого у него постепенно слабѣетъ потребность движенія, начинаютъ дѣйствовать и другія ненормальныя явленія, вызываемыя пеленаніемъ. Прямо вытянутыя члены лежатъ неподвижно до онѣмѣнія, — результатомъ же этого является плохое пищевареніе, а если долго пеленаютъ, то и медленный ростъ. Свивальники стѣсняютъ всѣ главные органы выдѣленія и дыханія, т.-е. кишки, почки, кожу и легкія. Распеленайте слабого ребенка, и для наблюдательной матери весь вредъ пеленанія будетъ очевиденъ: онъ сразу начинаетъ испражняться. А всѣмъ извѣстно, какое вредное вліяніе имѣетъ на организмъ пребываніе въ немъ матеріала, который уже выполнилъ свою задачу, а между тѣмъ не выдѣляется изъ него наперекоръ закону природы. Есть дѣти, и преимущественно очень здоровыя отъ природы, у которыхъ пеленаніе усиливаетъ дѣятельность органовъ питанія на счетъ дѣятельности органовъ выдѣленія: это выражается въ томъ, что такія дѣти бывають необыкновенно тяжелы, вялы, съ прозрачною одутловатостью и неестественною толстотою всего тѣла; ихъ обыкновенно называютъ сырыми. Но какимъ бы здоровымъ организмомъ ни былъ одаренъ ребенокъ, пеленаніе мѣшаетъ естественному укрѣпленію и развитію кожи, бываетъ причиною, что движенія становятся неопредѣленными, безсвязными, боязливими. Часто и девятимѣсячный ребенокъ, когда вы его распеленываете, не привыкъ еще распорядиться своими рученками, не знаетъ, куда ихъ сунуть, и царапаетъ себѣ лицо и глаза. А если онъ заснетъ неспеленатый, то безпрестанно вздрагиваетъ, пугается самаго легкаго шума до сильнѣйшаго сердцебіенія. Я уже не говорю о множествѣ болѣзней, которыя развиваются отъ пеленанія, — мое дѣло указать вредъ этого обычая только по отношенію къ движеніямъ дитяти. Начавъ ходить, ребенокъ, подвергавшійся пеленанію, будетъ инстинктивно избѣгать физической усталости, которая приноситъ крѣпкій, благотворный сонъ.

Величайшіе психологи считаютъ движеніе источникомъ, изъ котораго возникаютъ важныя уметвенныя способности. Это особенно нужно имѣть въ виду при воспитаніи вялыхъ, флегматичныхъ отъ природы дѣтей, — они должны рѣзвиться, шумѣть, смѣяться, бѣгать, прыгать болѣе остальныхъ; веселыя и рѣзвыя дѣти сами позаботятся объ этомъ, а относительно вялыхъ необходимо употреблять всѣ средства,

чтобы ихъ расшевелить. Иногда ребенокъ становится малоподвижнымъ и безжизненнымъ только оттого, что его мать холодная и суровая женщина. Она, можетъ быть, совершенно добросовѣстно выполняетъ свои обязанности—аккуратно мѣняетъ бѣлье, кормитъ по часамъ, кушаетъ съ термометромъ, но при этомъ въ ней не промелькнетъ ни одной искры страстной материнской любви, она никогда не снизойдетъ до веселой болтовни, до оживленной игры; вялая дѣти въ то же время, въ большинствѣ случаевъ, и менѣе воспримчивы къ умственному развитію. Еще пока ребенокъ совсѣмъ не сидитъ, можно придумать всевозможныя мышечныя движенія, которыя укрѣпляютъ позвоночный хребетъ, мышцы рукъ и ногъ.

Если мало-мальски дозволяетъ квартира и есть возможность держать ноги ребенка тепло и сухо, не только пускайте его ползать на полъ, но поощряйте это разными средствами: при этомъ можно положить на коверъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ребенка игрушку, до которой бы онъ могъ доползти, то звать его къ себѣ. Чѣмъ болѣе упражняетъ ребенокъ свои мускулы, тѣмъ скорѣе крѣпнетъ его организмъ, и онъ становится смѣлымъ и самостоятельнымъ.

Но вотъ ребенокъ достаточно выросъ; онъ не удовлетворяется больше тѣмъ, что неопредѣленно тянется изъ одной комнаты въ другую; онъ проявляетъ уже болѣе осмысленныя движенія: то погонится за бабочкой, то ловитъ кошку. Все это, конечно, скоро ему надоѣдаетъ, и если вы не изобрѣтете множества подвижныхъ игръ, не дадите ему товарищества, которое еще болѣе побуждаетъ его къ дѣятельности, онъ будетъ грустно и безъ надлежащей для себя пользы проводить свои дѣтскіе годы.

Подвижныя игры чрезвычайно полезны, но только тогда, когда онъ совершенно свободны и доставляютъ дѣтямъ шумную, веселую радость. Тутъ многіе могутъ замѣтить, что и всякая игра нѣсколько стѣсняетъ, что лучше уже просто предоставить ребенку полную свободу ходить на четверенкахъ, кувыркаться, топтать ногами. Это совершенно необходимо, и воспитатели не должны стѣснять такого наивнаго выраженія дѣтской веселости; но это одно скоро надоѣдаетъ дѣтямъ, къ тому же и въ весельѣ, и въ удовольствіяхъ непремѣнно должно быть разнообразіе. Что же касается шумнаго веселья, какъ бы подъ-часть оно ни было тяжело для воспитателя, подавлять его не слѣдуетъ, такъ какъ оно одно изъ главныхъ способовъ, служащихъ къ развитію мускуловъ и вполне здоровой организаціи. „Отрада“, говоритъ Спенсеръ, „есть самое сильное изъ тоническихъ средствъ. Ускоряя обращеніе крови, оно облегчаетъ отправленіе всѣхъ другихъ функций и такимъ образомъ упрочиваетъ здоровье и восстанавливаетъ его, когда оно разстроено. Крайній интересъ дѣтей къ играмъ, буйная радость, съ которою они приступаютъ къ новымъ шалостямъ, столь же важны, какъ и сопровождающее ихъ движеніе“.

Если вы съ самаго рожденія ребенка не стѣсняли его тѣлодвиженій, потребность въ шумной игрѣ проявляется весьма не надолго. Онъ хочетъ еще играть, но быстрыя, буйныя тѣлодвиженія его физически утомили; ему нужно уже тихое, болѣе продолжительное удовольствіе, которое возбуждало бы и оживляло его умъ. Обыкновенно послѣ такого буйства ребенокъ сразу дѣлается грустнымъ и пристаётъ къ родителямъ съ неизмѣнныхъ вопросовъ: что дѣлать? Но онъ дѣлать еще ничего не можетъ; вотъ тутъ-то и хорошо устроить какую нибудь подвижную игру, въ которой бы онъ и душою, и тѣломъ принималъ участіе и могъ бы мало по малу успокоиться послѣ сильнаго возбужденія. Но подвижная игра не должна стѣснять проявленія собственной фантазіи ребенка.

Мнѣ пришлось быть однажды свидѣтельницей такой сцены. Въ одномъ дѣт-

скомъ саду дѣти въ подвижной игрѣ пѣли, представляя на нѣмецкій ладъ лягушку, птицу и другихъ животныхъ. Одинъ мальчикъ, наскучивъ однообразіемъ, тѣмъ болѣе, что ему уже чуть-ли не въ шестой разъ выпадало на долю представлять все одно и то же животное, вскричалъ: „да что это все одно и то же! Я лучше вотъ что покажу!“ — и ребенокъ пустился отхватывать трепака. Дѣти расхохотались и оживились и, какъ по знаку, въ тактъ стали прихлопывать въ ладоши, но воспитательница не дала расходиться русскому нраву, удалила изъ общества зачинщика и монотонно затянула прерванную, исковерканную на русскій ладъ нѣмецкую пѣсню. Конечно, игра, во время которой стѣсняютъ и наказываютъ, приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такимъ воспитателямъ слѣдуетъ чаще вспоминать извѣстное изреченіе: „вамъ никогда не удастся воспитать мудрецовъ, если вы не воспитаете шалуновъ“.

Итакъ, при физическомъ уходѣ за ребенкомъ, не только слѣдуетъ заботиться о провѣтриваніи комнаты и о подходящей пищѣ, но и о его движеніяхъ. Физическія упражненія имѣютъ особенное значеніе въ нашъ нервный вѣкъ уже потому, что онѣ приводятъ въ равновѣсіе всѣ отправления организма, что такъ важно для успѣховъ умственного развитія, и при этомъ представляютъ прекрасный отдыхъ послѣ умственного труда; они волею-неволею сосредоточиваютъ на себѣ всѣ силы и даютъ покой уму. Самымъ лучшимъ физическимъ упражненіемъ служатъ работы въ огородѣ и въ саду, къ которымъ необходимо приучать дѣтей послѣ 4-хъ-лѣтняго возраста, о чемъ, впрочемъ, будетъ сказано ниже. Прекраснымъ и въ высшей степени полезнымъ упражненіемъ и отдыхомъ послѣ умственного труда служитъ плаваніе, къ которому дѣтей слѣдуетъ приучать послѣ 5—6-ти лѣтъ. Вообще они должны привыкать любить воду, чувствовать потребность въ купаніи и плаваніи, что служитъ въ то же время развлеченіемъ и оказываетъ благотвѣтельное вліяніе на пищевареніе, питаніе, дыханіе и кровообращеніе, и въ то же время способствуетъ развитію ловкости, смѣлости и самообладанія.

Что касается различныхъ зрѣлищъ, то далеко не всѣ, практикуемыя у насъ, могутъ служить здоровымъ развлеченіемъ и надлежащимъ отдыхомъ. Наиболѣе распространеннымъ зрѣлищемъ для дѣтей служатъ цирки, гдѣ акробаты, съ опасностью жизни, показываютъ разныя штуки, а укротители дикихъ звѣрей входятъ къ нимъ въ клѣтки. При этихъ зрѣлищахъ, даже у взрослыхъ, отъ ужаса морозъ пробираетъ по кожѣ. Какъ же они должны волновать дѣтей! Между тѣмъ все, что вызываетъ душевное волненіе въ ребенкѣ, въ высшей степени губительно отзывается на его здоровьѣ, а слѣдовательно не можетъ считаться полезнымъ для него отдыхомъ. Что же касается клоуновъ, то они своею дракою, визгомъ, криками, глупыми шутками и пошлыми прибаутками едва ли могутъ содѣйствовать развитію эстетическаго чувства.

Многіе воспитатели возбуждаютъ вопросъ: полезны-ли для дѣтей театральныя представленія. Въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, лишь очень немногіе изъ нихъ приноровлены для дѣтей. Пьесы же для взрослыхъ, въ которыхъ такое преобладающее мѣсто занимаютъ вопросы любви и адюльтера или гдѣ изображена житейская драма, либо соціальное неустройство, — непонятны для нихъ и совершенно преждевременны. Между тѣмъ воздухъ театра, испорченный вслѣдствіе выдыханія массою зрителей углекислоты, затрудняетъ дыханіе, а усиленный свѣтъ раздражаетъ зрѣніе. Къ тому же сквозняки представляютъ много шансовъ для простуды, а поздній часъ окончанія спектакля раздражаетъ нервы ребенка и заставляетъ его тревожно провести ночь.

Самымъ лучшимъ отдыхомъ, восстанавливающимъ силы, служитъ сонъ, и родители должны неустанно слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенокъ всегда спалъ спокойно и без-

мятежно. Ничто не разрушаетъ такъ здоровья, ничто не расшатываетъ такъ нервовъ, какъ бессонница. Продолжительность сна въ сильной степени зависитъ отъ возраста и отъ индивидуальной потребности каждаго. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ злоупотреблять склонностью ко сну: иные, безъ всякой нужды для организма, могутъ сдѣлать привычку спать слишкомъ долго, а чрезмѣрный сонъ служитъ источникомъ многихъ болѣзней и не обновленіе приноситъ организму, а утомляетъ его; другіе дѣлаютъ привычку спать слишкомъ недостаточно для отдохновенія организма. Грудному ребенку необходимо спать не менѣе 20 часовъ; въ возрастѣ отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ—по крайней мѣрѣ 14—15 часовъ; отъ 6 до 9-ти лѣтъ не меньше 11—12-ти час.; юноша до 18-ти-лѣтняго возраста долженъ спать по крайней мѣрѣ 9 часовъ, взрослый около 7—8 часовъ. Нужно имѣть въ виду, что дѣтямъ болѣзненнымъ, малокровнымъ, требуется больше сна для возобновленія силъ.

Сонъ у дѣтей дошкольнаго возраста обязательно долженъ совершаться въ опредѣленное время. Самое ничтожное возбужденіе передъ сномъ, шумная и безцѣльная оживленная игра, пѣсня, производящая тяжелое впечатлѣніе, а тѣмъ болѣе страшные рассказы и сказки, волнующіе и запугивающіе воображеніе и душевныя потрясенія, въ родѣ угрозъ, наказаній, испуга, страха,—мѣшаютъ безмятежному сну ребенка и чрезвычайно вредно отзываются на его нервной системѣ. Ребенокъ, по крайней мѣрѣ за полчаса до сна, не долженъ предаваться особенно шумнымъ играмъ; самое лучшее приучать его въ это время заниматься какою нибудь механическою работою (мы имѣемъ при этомъ въ виду дѣтей отъ 3 до 8 лѣтъ), не требующую умственнаго напряженія или сильнаго физическаго движенія, напр., наклеиваніемъ въ тетрадку картинокъ, разноцвѣтныхъ бумажекъ, листиковъ, нанизываніемъ на нитку или длинную спицу крупныхъ разноцвѣтныхъ бусъ, сгибаніемъ и складываніемъ изъ бумаги различныхъ фигурокъ и т. п. Укладывая ребенка спать, необходимо приучить его держать руки поверхъ одеяла; просыпаясь ребенокъ долженъ немедленно вставать съ постели, никогда попусту не валяясь въ ней; слѣдуетъ также зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы прислуга, одѣвая или раздѣвая ребенка, не возилась съ нимъ; эти мѣры крайне необходимы для предохраненія противъ развитія онанизма и чувственности.

Отъ разстройства нервной системы болѣе всего можетъ предохранить тщательная забота родителей о томъ, чтобы ихъ дѣти были ограждены отъ страха, гнѣва, испуга, горя, однимъ словомъ отъ душевныхъ потрясеній вообще, въ высшей степени разстраивающихъ физическое и психическое здоровье дѣтей.

Страхъ бываетъ двоякій: 1) *внезапный*, когда онъ неожиданно вдругъ поражаетъ человѣка, и 2)—когда онъ является въ видѣ *тяжкаго психическаго состоянія*, болѣе или менѣе продолжительнаго, что случается тогда, когда человѣкъ замѣчаетъ надвигающуюся на него бѣду, ждетъ ее съ минуты на минуту и не въ силахъ предотвратить ее. У взрослыхъ можетъ быть тотъ и другой видъ страха, но очень маленькихъ дѣтей поражаетъ только внезапный страхъ, и это понятно: сознаніе того, что такое будущее, у нихъ еще не пробудилось, а потому они и не могутъ бояться его; но послѣ 4—5-ти лѣтъ и маленькія дѣти могутъ испытывать чувство страха обоихъ родовъ. Однимъ словомъ, можно сказать съ увѣренностію,—чѣмъ раньше знакомятся дѣти съ силою и значеніемъ угрозъ воспитателей, чѣмъ раньше испытываютъ они наказанія въ родѣ розогъ, щелчковъ, лишеній объѣда и удовольствій, тѣмъ съ большимъ трепетомъ ждутъ кары за содѣянный проступокъ. Такимъ образомъ, къ первичной и единственной формѣ внезапнаго страха къ ребенку мало помалу прививается и другая форма—тяжкаго психическаго

состоянія. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, т.-е. какъ въ моментъ ужаса, охватившаго человѣка внезапно, такъ и при тяжеломъ ожиданіи приближающейся невзгоды, заключаются два элемента: 1) сознание своего безсилія передъ грозящимъ страданіемъ или несчастіемъ физическимъ или моральнымъ; 2) ожидание угрожающей бѣды. Та и другая форма страха одинаково удручающимъ и разрушительнымъ образомъ вліяютъ на организмъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ страхъ прежде всего вызывается впечатлѣніемъ на слуховые и затѣмъ уже на зрительные органы младенцевъ. Дѣти въ первые четыре-пять недѣль своей жизни вздрагиваютъ отъ внезапно открытой съ шумомъ двери, отъ грохота брошенныхъ передъ печкою дровъ, отъ стука упавшаго со стола прессъ-панье, отъ вбиваемаго молоткомъ въ стѣну гвоздя. Съ каждымъ днемъ своей жизни ребенокъ обнаруживаетъ все болѣе признаковъ проявленій страха: сначала онъ вздрагиваетъ и усиленно моргаетъ глазами, затѣмъ къ этому присоединяется и морщеніе лба. Малютка вскрикиваетъ отъ испуга и послѣ этого въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ находится въ нервномъ состояніи: беспокойно дергаетъ головкой, руками и ногами, испускаетъ отъ времени до времени крики. Нѣкоторыя дѣти уже въ возрастѣ 4-хъ—5-ти недѣль проявляютъ признаки страха послѣ всякаго рѣзкаго звука или сильнаго шума.

Позже къ боязни шума и рѣзкихъ звуковъ присоединяется и страхъ передъ всѣмъ, что внезапно появляется передъ его глазами. Пятимѣсячный ребенокъ прекрасно забавляется резиновой куклой; вбѣгаетъ кошка, которую онъ никогда еще не видалъ, и въ ужасѣ онъ откидывается на подушку, кричитъ и заливается слезами. Мать беретъ ребенка на руки, ласково уговариваетъ его, гладитъ кошку, показывая, что она не причинитъ ему вреда, и дитя постепенно успокаивается, но, поглядывая на кошку изподтишка, оно постоянно отворачиваетъ отъ нея голову въ другую сторону. Когда мать хочетъ взять его ручку и погладить ею кошку, чтобы убѣдить его, что ея нечего бояться, ребенокъ опять съ горечью сжимаетъ свои губки и готовъ снова разразиться плачемъ. На другой день, когда къ нему вносятъ кошку, онъ изъ кровати бросается къ матери на руки, точно спасаясь отъ страшнаго звѣря, но уже не плачетъ болѣе. Къ концу недѣли ребенокъ настолько привыкаетъ къ кошкѣ, что гладитъ ее, требуетъ, чтобы она пришла, когда не видитъ ея въ комнатѣ. Одиннадцатимѣсячный мальчикъ затрясся всѣмъ тѣломъ и поднялъ страшный крикъ, когда впервые услышалъ собачій лай въ сосѣдней комнатѣ. То же случилось съ нимъ, когда онъ въ первый разъ услышалъ звуки фортепiano. Иногда ребенка пугаетъ знакомый предметъ, видѣнный имъ много разъ, но впервые представшій передъ его глазами съ новой точки зрѣнія. „Когда моему ребенку“, говоритъ Дарвинъ, было 137 дней, я пошелъ къ нему спиной и потомъ вдругъ остановился; онъ тотчасъ же сдѣлалъ очень серьезное и испуганное лицо, и навѣрно, вачалъ бы плакать, еслибы я не обернулся къ нему. Тогда его лицо тотчасъ повеселѣло, и онъ началъ улыбаться“. („Наблюденія надъ жизнью ребенка“). Мать подходитъ къ своей 10-ти-мѣсячной дѣвчкѣ въ красномъ платкѣ, который она надѣла въ первый разъ. Ребенокъ такъ испугался, что затрясся всѣмъ тѣломъ, залился слезами, испустилъ мочу, икалъ, бросился къ нянѣ и спрятался у нея на плечѣ.

Въ подобныхъ страхахъ дитяти воспитатели не повинны: это страхъ внезапный, страхъ передъ всѣмъ, что ребенку еще неизвѣстно и недоступно, но дурно то, что, кромѣ подобнаго страха, который, обнаруживается у него вполнѣ естественно въ первое время младенческой жизни, къ дѣтямъ постепенно прививаютъ страхъ искусственный.

Когда ребенокъ, послѣ 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ своей жизни, начинаетъ присматриваться къ окружающей обстановкѣ, онъ то и дѣло тянется къ предметамъ, привлекающимъ къ себѣ его вниманіе, и мало-по-малу хватается ихъ своими рученками. Многія нянюшки, чтобы сразу отучить ребенка хватать извѣстные предметы, очень часто находятъ нужнымъ бить его по рукамъ. Другія при этомъ неестественнымъ голосомъ стращаютъ ребенка какой-нибудь возмутительной ерундой: „нельзя трогать“, грозятъ онѣ ему, указывая на блестящую кружку, изъ опасенія, что ребенокъ схватитъ ее и разобьетъ: „кусь—кусь, амь—амь“, и ребенку показываютъ, какъ кружка можетъ его растерзать. Такимъ образомъ, мало-по-малу, развиваютъ у ребенка страхъ къ самымъ безобиднымъ предметамъ, а когда онъ подрастаетъ, его застраиваютъ и запугиваютъ мертвецами, буками, вѣдьмами, мужиками, солдатами. Опасаясь, чтобы ребенокъ не убѣждалъ куда-нибудь одинъ, ему рассказываютъ о несуществующихъ ужасахъ, изобрѣтаютъ, специально съ этою цѣлью, вороха глупостей, пошлостей и страшилищъ. Ребенокъ вѣритъ всему, что ему говорятъ старшіе, какъ потому, что онъ еще легковѣренъ и неопытенъ, такъ и потому, что и лично онъ все болѣе убѣждается въ томъ, что въ окружающемъ его мѣрѣ дѣйствительно существуетъ для него много опаснаго. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы съ каждымъ днемъ жизни ребенка уничтожать въ немъ боязливость и чувство страха, эту область искусственно расширяютъ все болѣе и болѣе. Между тѣмъ состояніе страха дѣйствуетъ самымъ пагубнымъ образомъ на весь складъ характера ребенка, на его здоровье и нервную систему.

Дѣйствіе страха на сердце обнаруживается тотчасъ: оно начинаетъ биться чаще и сильнѣе, что происходитъ отъ возбужденія нервныхъ центровъ. Волненіе немедленно обнаруживается въ лицѣ, такъ какъ нервные центры посылаютъ къ сосудамъ лица болѣе сильные импульсы, а также и потому, что сосуды лица нѣжнѣе и легче сокращаются. Вслѣдствіе этого лицо моментально покрывается или смертельно блѣдностью, или ярко-краснымъ, доходящимъ до кирпичнаго цвѣта румянцемъ. Такая же внезапная перемена происходитъ и въ другихъ частяхъ лица: губы, носъ, подбородокъ принимаютъ выраженіе ужаса, глаза сверкаютъ лихорадочнымъ блескомъ, зрачки неестественно расширяются, судороги передергиваютъ лицо, углы рта и скулы лба, вѣки учащенно моргаютъ, однимъ словомъ, смотря по душевному состоянію, различныя группы нервныхъ волоконъ приходятъ въ дѣятельное состояніе.

Дыхательныя движенія, измѣняющіяся отъ самаго легкаго волненія, отъ самаго ничтожнаго усилія при подъемѣ на гору, на лѣстницу, сильно измѣняются подъ вліяніемъ страха, что особенно проявляется у дѣтей. Трехлѣтній ребенокъ упалъ со стола; онъ не издалъ ни одного звука, хотя испугъ ясно можно было прочесть на его физиономіи, принявшей темно-красный оттѣнокъ, и въ его блуждающихъ глазахъ; онъ закричалъ, когда уже былъ поднятъ, — это произошло потому, что у дѣтей, при испугѣ, иногда на нѣсколько мгновеній прекращается дыханіе.

Но самый характерный признакъ страха, замѣченный у многихъ животныхъ, не исключая и человѣка, дрожаніе, которое волной пробѣгаетъ по всему организму. Это дрожаніе пробираетъ животное, какъ морозъ по кожѣ и иногда такъ, что зубы щелкаютъ; въ то же время нѣрѣдко является такая слабость, что ноги подкашиваются сами собой. Не мало примѣровъ того, что въ такіе моменты падаетъ даже животное, не будучи въ состояніи бѣжать, чтобы спастись отъ грозящей опасности. Эта дрожь, вызванная страхомъ, является, какъ въ холодное, зимнее время, такъ и при тропической жарѣ. Дрожаніе и неспособность къ бѣгству въ минуту опасности—характерныя явленія испуга, гнѣва, страха и волненій. Обезьяны такъ пу-

гаются внезапнаго появленія челоѣка, что легко допускають схватить себя. Если взять птицу въ руки и сразу опрокинуть ее на спину, она остается неподвижной, хотя бы и имѣла возможность улетѣть, чѣмъ всегда пользовались фокусники. Морской левъ, врасплохъ застигнутый на берегу, до того теряется, что падаетъ на каждомъ шагу, задыхается, дрожить и теряетъ способность защищаться. На тюленей и на многихъ другихъ животныхъ испугъ такъ сильно дѣйствуетъ, что они теряютъ возможность бѣжать, и ихъ ничего не стоитъ въ такое время убить, а иногда и поймать.

Но самые ужасные результаты при дрожаніи отъ страха можно видѣть на людяхъ. „Мнѣ разъ пришлось присутствовать при казни нѣсколькихъ разбойниковъ въ Калабріи“, говоритъ Мосо въ своей книгѣ „Страхъ“. „Судъ былъ скорый. Майоръ производилъ краткій допросъ каждому и, обратившись къ капитану, произносилъ только: „разстрѣлять его“. Нѣкоторые оставались, какъ оглушенные громомъ, остолбенѣлые, съ открытымъ ртомъ; другіе выказывали равнодушіе. Я вспоминаю объ одномъ мальчикѣ, едва достигшемъ 20 лѣтъ; на нѣкоторые сдѣланные ему вопросы онъ отвѣчалъ сначала неяснымъ бормотаніемъ, потомъ замолчалъ и сдѣлалъ жестъ челоѣка, желающаго избѣжать роковаго удара: поднялъ руку съ открытою ладонью, приподнялъ плечи, наклонилъ голову въ бокъ и откинулъ назадъ и въ сторону туловище. Услышавъ ужасныя слова, онъ испустилъ пронзительный, раздражающій душу крикъ, посмотрѣлъ вокругъ себя, очевидно ища чего-то, потомъ повернулъ назадъ, какъ бы желая убѣжать, и бросился къ стѣнѣ двора, ломая вытянутыя впередъ руки, царапая камень, какъ будто онъ хотѣлъ проникнуть черезъ него. Послѣ нѣсколькихъ порывовъ, криковъ, судорожныхъ движеній, онъ упалъ, какъ безжизненная масса, похожая на мокрую тряпку; онъ былъ блѣденъ, дрожалъ такъ, какъ я никого не видѣлъ дрожащимъ, его мускулы были, можно сказать, мягки и зыбки, какъ желатинъ“.

У нѣкоторыхъ отъ страха на извѣстное время, а бывали случаи, что и навсегда, остается дрожаніе рукъ, и въ такой степени, что почеркъ даже мѣняется до неузнаваемости; у другихъ на всю жизнь остается дрожаніе головы. Кстати замѣтимъ, что дрожаніе можетъ быть вызвано и внезапною радостью: мать, послѣ долгой разлуки съ дѣтьми, дрожитъ, какъ осиновый листъ, при встрѣчѣ съ ними; слѣдовательно это обязываетъ воспитателей даже и относительно пріятныхъ сюрпризовъ, доставляемыхъ дѣтямъ, быть крайне осторожными, чтобы сразу не ошеломить ихъ внезапностью и неожиданностью. Дрожаніе доводитъ до того, что многимъ приходится садиться, чтобы не упасть. Происходитъ это потому, что мышечное волокно очень тонко: оно даже подъ микроскопомъ имѣетъ толщину въ волосъ, но, несмотря на это, оно еще въ свою очередь состоитъ изъ сотни очень тонкихъ волоконцевъ; нервы, идущіе къ мышцамъ, развѣтвляются въ мышечныхъ волокнахъ. Когда нервъ дѣйствуетъ на мускулъ, мышечныя волокна измѣняютъ свой внѣшній видъ, а именно дѣлаются короче и толще. Это объясненіе можетъ дать намъ понятіе о томъ, насколько чрезмѣрное возбужденіе нервныхъ центровъ, что особенно бываетъ при страхѣ, испугѣ, гнѣвѣ, внезапномъ горѣ, несчастіи, можетъ нарушить гармонію мышечныхъ сокращеній, необходимыхъ для движенія.

Страхъ, горе и всякое душевное потрясеніе вліяютъ и на голосъ: у нѣкоторыхъ при этомъ голосъ дрожитъ и совершенно мѣняетъ свою интонацію; другіе же отъ страха совсѣмъ теряютъ голосъ, не могутъ произнести ни одного слова, нѣкоторые вмѣсто словъ издаютъ нечеловѣческіе звуки, — все это происходитъ оттого, что при душевныхъ потрясеніяхъ нервы, управляющіе мускулами гортани, недоста-

точно сильно побуждают их натягивать голосовыя связки, отчего и происходит дрожаніе голоса.

Послѣдствіемъ страха является также и парализованіе членовъ, не позволяющее ни бѣжать отъ грозящей опасности, ни защищаться отъ враговъ. „Дѣти и женщины“; говоритъ Моссо, „подъ вліяніемъ страха скорчиваются, закрываютъ лицо руками и забиваются въ уголь, не глядя вокругъ себя. Охваченные ужасомъ, даже безстрашные люди не въ состояніи бѣжать; ихъ нервы, служащіе для защиты, какъ будто перерѣзаны, и они отдаются на произволъ судьбы. Уже при слабыхъ волненіяхъ мы замѣчаемъ, что мускулы руки не совѣмъ повинуются волѣ“. Это явленіе объясняютъ тѣмъ, что между волевыми центрами и мускулами существуетъ связь, которая нарушается при волненіи, охватывающемъ человѣка и особенно ребенка.

Когда человѣкъ испытываетъ душевное волненіе, его нервы приходятъ въ ненормальное состояніе, что съ особенною силою сказывается у дѣтей. У многихъ нянюшекъ существуетъ пошлая, скверная и въ высшей степени вредная для жизни ребенка привычка — щекотать, чтобы развлечь ребенка и заставить его смѣяться. Этимъ, дѣйствительно, заставляютъ ребенка смѣяться, даже хохотать, но самое легкое щекотаніе не всегда проходитъ даромъ, — оно можетъ произвести потрясеніе организма. Что подобное развлеченіе очень вредно для ребенка, можно видѣть уже по характеру неестественнаго смѣха въ моментъ щекотанія; къ тому же это вызываетъ чувственность, что замѣтно даже по возбужденнымъ чертамъ лица ребенка.

Научныя изслѣдованія доказываютъ также, что подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ волненій, сильно потрясающихъ нервную систему, у взрослыхъ, а еще чаще у дѣтей, сокращеніе мочеваго пузыря дѣлается настолько энергичнымъ, что они не могутъ удерживать мочу.

Также вредно отражается страхъ и на пищеварительныхъ органахъ. И это понятно: стѣнки кишечника такъ же раздражительны, какъ и стѣнки мочеваго пузыря, такъ какъ тѣ и другія выстланы гладкими мышцами. Всѣмъ извѣстно, что кишечный каналъ имѣетъ довольно быстрыя движенія; въ моменты охватывающаго насъ страха, ужаса и внезапнаго волненія эти движенія дѣлаются настолько сильными и быстрыми, что пища, не успѣвъ перевариться, быстро переносится съ одного конца кишечнаго канала на другой. Вслѣдствіе этого дѣти отъ страха обыкновенно испускаютъ мочу и испражняются; отъ того же самаго не застрахованы и взрослые при слабомъ желудкѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу профессоръ Манасеинъ въ своей книгѣ „О значеніи психическихъ вліяній“: „Между сильными душевными потрясеніями страхъ особенно часто обуславливаетъ появленіе поноса: это извѣстно всѣмъ болѣе или менѣе, и мнѣ самому пришлось однажды видѣть подобное трагикомическое окончаніе дуэли, на которой я присутствовалъ въ качествѣ врача. Вслѣдъ за раздавшимися выстрѣлами одинъ изъ противниковъ упалъ съ крикомъ, что онъ раненъ въ колѣно, но когда были разрѣзаны брюки, то, кромѣ небольшой царапины въ области колѣна и значительнаго количества каловыхъ массъ, не было ничего найдено“.

Подъ вліяніемъ психическаго потрясенія разстроивается общее питаніе организма. Первымъ симптомомъ является потеря аппетита, иногда даже отвращеніе къ пищѣ. Въ этомъ отношеніи были сдѣланы весьма любопытныя наблюденія Мильнеромъ въ Векфильдской тюрьмѣ; поделѣдственные арестанты, участь которыхъ еще не рѣшена, и которые, волею-неволею, находятся въ постоянномъ волненіи и безпокойствѣ о томъ, какъ рѣшится ихъ судьба, постоянно уменьшаются въ вѣсѣ, если только имъ не дадутъ увеличенной порціи пищи. Напротивъ того, уже порѣшенные увеличиваются въ вѣсѣ и безъ усиленной порціи.

Педагоги и психіатры приводятъ не мало примѣровъ внезапной глухоты, потери дара слова и даже слѣпоты подѣ влияніемъ страха и волненія. Знакомой мнѣ дѣвочкѣ, дочери очень бѣдныхъ родителей, долго внушали мысль о томъ, какъ необходимо для нея блистательно сдать вступительный экзаменъ, чтобы поступить въ заведеніе на казенный счетъ. Она прекрасно сознавала, что у ея родителей нѣтъ никакой возможности платить за нее и съ необыкновеннымъ рвеніемъ готовилась къ экзамену. И вдругъ, подойдя къ столу экзаменаторовъ, когда ей дали книгу, чтобы прочесть, она, едва удерживая ее дрожащими руками, проговорила прерывающимся голосомъ; „что это? я ничего не вижу“... Она внезапно ослѣпла.

И такъ сильныя волненія производятъ самыя тяжелыя потрясенія во всемъ организмѣ: одни подѣ влияніемъ страха лишаются чувствъ, другіе—дара слова, слуха, зрѣнія; наиболѣе нервныя субъекты остаются на продолжительное время парализованными; нѣкоторые надолго лишаются аппетита, есть и такіе, которые, потерявъ сонъ, впадаютъ въ состояніе экзальтаціи, близкое къ помѣшательству. Случалось, что душевныя потрясенія выражались страданіями сочлененій или сильною лихорадкою.

Отъ страха можно даже умереть: когда нервная система возбуждается до такой степени, что внезапно наступаетъ совершенное ея истощеніе, то далеко не всегда возможно возстановить ея дѣятельность, и въ такихъ случаяхъ наступаетъ смерть. Существуютъ примѣры того, что люди падали мертвыми въ моментъ извѣщенія ихъ о томъ, что они присуждены къ тяжелому наказанію. На одной изъ желѣзныхъ дорогъ Англій былъ такой случай: мать пріѣхала встрѣтить свою дочь съ прибывшимъ поѣздомъ, о которомъ вдругъ разнесся слухъ, что онъ столкнулся съ другимъ, и что многіе изъ пассажировъ убиты. Поѣздъ пришелъ, дочь оказалась жива и здорова, мать обняла ее, но тутъ же упала и умерла. За какую-то провинность мать наказала своего ребенка, заперевъ его въ темный чуланъ, и оставила его тамъ на нѣсколько часовъ. Когда отворили дверь, мальчикъ былъ въ обморокѣ, а три дня спустя онъ умеръ.

Сильныя душевныя потрясенія могутъ вліять иногда и исцѣляющимъ образомъ: одинъ психіатръ передаетъ случай, изъ котораго мы видимъ, что упорная нервная болѣзнь его пациента исчезла безслѣдно подѣ влияніемъ радости вслѣдствіе выигрыша 100 тысячъ фр. Другой врачъ рассказываетъ два случая временнаго улучшенія глухоты; одинъ разъ подѣ влияніемъ гнѣва, а другой—подѣ влияніемъ испуга. Хотя изрѣдка и бывають случаи прекращенія болѣзни подѣ влияніемъ того или другого душевнаго потрясенія, но это еще совсѣмъ не значитъ, что не слѣдуетъ остерегаться волненій. Душевныя потрясенія всегда чрезвычайно вредны и опасны для здоровья взрослога, а тѣмъ болѣе ребенка, и только въ весьма исключительныхъ случаяхъ, когда субъектъ одержимъ какою-нибудь устарѣлою формою болѣзни, душевное потрясеніе можетъ произвести въ организмѣ реакцію къ лучшему, да и то нельзя знать, умретъ онъ или выздоровѣетъ отъ того или другого потрясенія, между тѣмъ какъ пагубное дѣйствіе такихъ волненій въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно несомнѣнно.

Чрезвычайно вредно вліяетъ и гнѣвъ, который точно также вызываетъ различныя заболѣванія. У нервныхъ дѣтей послѣ вспышекъ гнѣва появляются иногда судороги, у другихъ онъ вызываетъ потерю дара слова, у третьихъ—развивается параличъ той или другой стороны тѣла или лица, наконецъ, были даже случаи пляски св. Витта. Подѣ влияніемъ гнѣва можетъ появиться косоглазіе, еще чаще желтуха, такъ какъ гнѣвъ прекращаетъ выдѣленіе желудочнаго сока. Гнѣвъ, какъ и всякое другое потрясеніе, мѣняетъ составъ молока матери настолько, что дѣй-

ствуетъ пагубно и на ребенка, можетъ повести его даже къ смерти. Кстати замѣтимъ, что каждое чувство обыкновенно осложняется другимъ, такъ, напр., испугъ часто сопровождается гнѣвомъ, что объясняютъ склонностью каждого чувства возбуждать къ усиленной дѣятельности и сосѣднія части нервной системы.

Изъ сказаннаго ясно, какое вредное вліяніе должно производить на физическое и психическое здоровье ребенка все, запугивающее его воображеніе, т.-е. страшное, непонятное для него и таинственное; въ то же время это вредно и въ умственномъ отношеніи, такъ какъ искажаетъ его понятія и представленія. Страха, гнѣва, угрозъ и запугиваній слѣдуетъ всѣми силами избѣгать и потому, что рѣшительно все видѣнное и слышанное ребенкомъ оставляетъ извѣстный слѣдъ въ его душѣ. Нужно имѣть въ виду и то, что даже взрослый человѣкъ не всегда можетъ отрѣшиться отъ того, чѣмъ его пугали въ дѣтствѣ. Слѣдуетъ также помнить, что ребенокъ уже отъ природы боязливъ, и притомъ его воображеніе, сравнительно съ воображеніемъ взрослого, несравненно болѣе живо и воспріимчиво: вотъ эти-то причины и предписываютъ величайшую осторожность относительно всего, что маломальски можетъ толкнуть его воображеніе на ложную дорогу или напугать его. Не смотря на это, чѣмъ только не пугаютъ у насъ дѣтей! Право трудно перечислить весь этотъ вздоръ: лѣшими, оборотнями, мертвецами, чудовищами, трубочистами, буками, вѣдьмами, мужикомъ, темной комнатой, покомъ... Вотъ потому-то и взрослыхъ людей на каждомъ шагу преслѣдуютъ ощущенія всевозможныхъ страховъ. Рѣдко даже вполне развитой и образованный человѣкъ совершенно избавленъ отъ какого-нибудь чувства страха или по крайней мѣрѣ непріятнаго ощущенія: одинъ сознается вамъ, что ему всегда приходится дѣлать надъ собой не малое усиліе, чтобы проститься съ покойникомъ, у другого сжимается сердце, когда онъ остается одинъ въ лѣсу или въ темной комнатѣ, третій ни за что не пройдетъ ночью мимо кладбища, — все это слѣды всевозможныхъ застраиваній въ дѣтствѣ, отъ которыхъ и взрослому трудно совершенно избавиться.

Особенно слѣдуетъ избѣгать волненія передъ сномъ: чѣмъ болѣе взволнованъ ребенокъ передъ сномъ, тѣмъ болѣе шансовъ для него страдать припадками „ночныхъ испуговъ“. Нужно замѣтить, что нервныя, анемичныя, золотушныя или пѣжнаго сложенія дѣти отъ 3-хъ до 7—8 лѣтъ, подвержены ночнымъ испугамъ и непріятнымъ сновидѣніямъ, что, впрочемъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ кошмаромъ. Ночной испугъ обнаруживается обыкновенно слѣдующимъ образомъ: ребенокъ внезапно просыпается, подымаетъ головку, иногда сидя, а то и лежа, неподвижно смотритъ въ одну точку, все лицо его при этомъ выражаетъ испугъ и отсутствіе сознанія. Если вы его спрашиваете о причинѣ пробужденія, онъ ничего не отвѣчаетъ, никого не узнаетъ. Характерными признаками этого болѣзненнаго явленія бываютъ обыкновенно обильный потъ, усиленное сердцебиеніе, учащенный пульсъ, безпокойное дыханіе. Такое состояніе въ большинствѣ случаевъ продолжается очень не долго, отъ 1 до 5 минутъ (случается, что длится и съ полчаса); затѣмъ ребенокъ приходитъ въ сознаніе и засыпаетъ нормальнымъ сномъ, а на утро ничего не помнитъ. Эти припадки происходятъ отъ расстройства пищеварительныхъ органовъ, отъ лихорадки, но еще чаще отъ сильныхъ волненій, вызываемыхъ глупыми рассказами, въ которыхъ фигурируютъ чудовища и страшилища, а также отъ застраиваній на ночь. Няня, чтобы ребенокъ поскорѣ уснулъ, говоритъ ему: „Спи скорѣе, а то придетъ страшный мужикъ, съ мѣшкомъ за плечами, схватитъ тебя и унесетъ“. Ребенокъ не всегда тотчасъ поддается страху и начинаетъ разспрашивать о мужикѣ. „Что же ты не спишь?“ прерываетъ его няня, „слышишь, стучитъ! (При этомъ

для большей реальности заставляет кого-нибудь стучать въ стѣну). Это онъ идетъ сюда... Молчи... молчи... Скорѣй закрой глазки...“ И ребенокъ въ ужасѣ дѣлаетъ, что ему приказываютъ, и засыпаетъ въ волненіи, страхѣ и испугѣ.

Если такая система воспитанія не сказывается припадками „ночныхъ испуговъ“, то дѣти нерѣдко страдаютъ мучительными сновидѣніями. Извѣстно, что мозгъ дѣтей отличается замѣчательною впечатлительностью и способностью усиливать степень каждаго представленія, особенно страшнаго. Естественно, что „страшные“ рассказы и сказки, слышанные имъ отъ воспитателей, разстраиваютъ сонъ и носятъ чудовищный характеръ въ сновидѣніяхъ,—это заставляетъ дѣтей въ ужасѣ пробуждаться ночью, обыкновенно безъ потери сознанія, но зато съ плачемъ и крикомъ. Когда вы спрашиваете ребенка о причинѣ его пробужденія и слезъ, онъ обыкновенно отвѣчаетъ: „мужикъ большой, пребольшой (или старикъ старый, престарый) хотѣлъ схватить (или посадить) въ большущій черный, черный мѣшокъ“,—однимъ словомъ, изъ всего, что онъ слышалъ передъ сномъ, онъ выбралъ самое страшное, и это-то чудовищное представленіе потрясло его и заставило пробудиться.

Такимъ образомъ, воспитаніе, получаемое нашими дѣтьми, носить характеръ диаметрально противоположный тому, какое слѣдуетъ давать. вмѣсто того, чтобы неуклонно развивать и поддерживать въ ребенкѣ мужество, присутствіе духа, бодрость, веселость и всѣми силами стараться ограждать его отъ горя, печали, страха, ужаса, испуга, досады и гнѣва, однимъ словомъ, отъ всѣхъ психическихъ потрясеній, которыя ведутъ ко всевозможнымъ заболѣваніямъ нервнымъ и душевнымъ, этимъ жесточайшимъ бичамъ современнаго человѣчества, дѣтямъ искусственно прививаютъ малодушіе, трусливость, суевѣріе: вмѣсто того, чтобы приучать дѣтей сдерживать себя и обуздывать свои аффекты, въ нихъ развиваютъ вспыльчивость и самодурство, любознательность и наблюдательность замѣняютъ страхомъ и ужасомъ передъ невѣдомыми силами и явленіями природы. вмѣсто того, чтобы путемъ правильнаго воспитанія камень за камень класть прочный фундаментъ для развитія энергичныхъ борцовъ за правду и общественные идеалы, воспитываютъ рабски приниженныхъ, трусливыхъ созданій, съ разстроенными нервами, съ массою предрасудковъ, людей, не только не способныхъ къ борьбѣ за общественное дѣло, но которые и въ будущемъ никогда не вырабатываютъ себѣ высшихъ, облагораживающихъ стремленій ума и сердца, людей, которые легко будутъ гибнуть даже въ борьбѣ за существованіе. Особенно слѣдуетъ опасаться дѣйствовать угрозами и пугать разными несуществующими страшилищами дѣтей нервныхъ, трусливыхъ отъ природы или уже предварительно чѣмъ-нибудь напуганныхъ. Необходимо приложить всевозможныя старанія, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ объяснять дѣтямъ всю несостоятельность ихъ страховъ, но дѣлать это слѣдуетъ исподволь, кстати и съ возможною постепенностью, иначе легко достигнуть совершенно противоположныхъ результатовъ.

Знакомый намъ отецъ семейства изъ военныхъ, человѣкъ весьма энергичный, замѣтивъ, что его дочь и сынъ, воспитанные до тѣхъ поръ исключительно на рукахъ старухи-няньки, очень трусливы, рѣшилъ сразу искоренить въ нихъ этотъ недостатокъ. Десятилѣтній сынъ его очень боялся ѣздить на лодкѣ, на которой, впрочемъ, ему и не приходилось ѣздить, а только случалось видѣть, какъ другіе это дѣлаютъ. Отецъ, пріѣхавъ въ мѣстность, расположенную на берегу озера, приказываетъ сыну ѣхать съ нимъ кататься. Ребенокъ плачетъ, умоляетъ отца оставить его дома, но отецъ непоколебимъ, и, чтобы сынъ его не убѣжалъ куда-нибудь и не спрятался, онъ распоряжается схватить его и снести связаннымъ въ лодку. Ребенокъ въ лодкѣ кричитъ и плачетъ до хрипоты. На бѣду, когда отецъ съ сыномъ

были уже на серединѣ озера, поднимается вѣтеръ, и волны бросаютъ лодку изъ стороны въ сторону. Мальчикъ ослабѣваетъ отъ слезъ и крика и только трясется, какъ осиновый листъ, отъ гнѣва и страха. Когда возвратились домой, мальчикъ какъ-то сразу совершенно ослабѣлъ, притихъ, скоро уснулъ, но спалъ безпокойно, просыпаясь то отъ слезъ, то отъ страшныхъ сновидѣній; затѣмъ онъ надолго потерялъ аппетитъ и сталъ страдать малокровіемъ. Отученіе 8-лѣтней дочери отъ боязни темной комнаты обошлось еще печальнѣе. Отецъ приказалъ ей идти въ темную комнату и принести ящикъ съ сигарами. Дѣвочка расплакалась, говоря, что боится темноты. Отецъ, раздраженный неповиновеніемъ дочери, но еще болѣе, какъ онъ выразился, ея пошлыми глупостями, втолкнулъ ее за это въ темную комнату и заперъ за ней дверь. Когда черезъ часъ открыли комнату, дѣвочка лежала въ глубокомъ обморокѣ, а когда ее подняли и положили на кровать, у нея явились судороги, которыя затѣмъ стали повторяться при всякомъ нервномъ разстройствѣ.

Отучать отъ страха можно только исподволь, постепенно приохочивая къ тому, къ чему ребенокъ чувствуетъ отвращеніе или ужасъ. Пусть ребенокъ, который боится темной комнаты, сначала войдетъ въ нее съ кѣмъ-нибудь, держась за руку и въ то время, когда въ нее проникаетъ небольшой лучъ свѣта изъ другой комнаты; затѣмъ, въ другой разъ, пусть онъ войдетъ въ нее самостоятельно, но въ присутствіи кого-нибудь изъ старшихъ и ошупываетъ всѣ предметы, находящіеся въ комнатѣ. Приучать ребенка не бояться темноты слѣдуетъ очень рано, и онъ достигаетъ этого очень легко, особенно при упражненіи осязанія, о чемъ было говорено уже выше.

Но главное средство для предохраненія ребенка отъ страха—равномѣрное развитіе его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ. Развитіе физическое, укрѣпивъ его здоровье, дастъ возможность организму легче одерживать побѣды въ борьбѣ съ душевными потрясеніями; постепенно расширяя умственный кругозоръ ребенка, тѣмъ самымъ изгоняютъ суевѣрія, даютъ болѣе вѣрныя представленія о предметахъ и явленіяхъ природы; нравственное же развитіе, укрѣпляя волю, прививаетъ дитяти мужество и храбрость. Что послѣднее имѣетъ громадное значеніе при воспитаніи, видно уже изъ того, что люди трусливые, легко поддающіеся страху, умираютъ скорѣе людей мужественныхъ; мало того, трусливые, робкіе, вялые и мнительные скорѣе другихъ заражаются во время различныхъ эпидемій и легче подвергаются всевозможнымъ заболѣваніямъ.

О правильномъ нравственномъ и умственномъ воспитаніи, служащемъ могущественнымъ орудіемъ для предохраненія ребенка отъ душевныхъ потрясеній и разстройства нервовъ, я говорю въ двухъ слѣдующихъ главахъ; что же касается физическаго воспитанія, то оно не входитъ въ программу моего труда, а потому здѣсь я ограничусь лишь краткимъ перечнемъ тѣхъ условій, которыя особенно необходимо имѣть въ виду при физическомъ воспитаніи ребенка для предохраненія его отъ нервныхъ заболѣваній. Между ними первое мѣсто занимаютъ гигиеническія условія, которыя слѣдуетъ соблюдать съ перваго момента появленія ребенка на свѣтъ, особенно же тщательно въ тѣхъ случаяхъ, когда хотя одинъ изъ родителей новорожденнаго подвергался нервнымъ заболѣваніямъ или страдалъ малокровіемъ. Если мать страдала одной изъ этихъ болѣзней, она не должна кормить ребенка своею грудью, и въ то же время его никоимъ образомъ не слѣдуетъ вскармливать искусственно. Для всѣхъ дѣтей вообще, но для нервныхъ въ особенности, слѣдуетъ установить такой режимъ и обставить существованіе такъ, чтобы какъ можно скорѣе установилось правильное пищевареніе и безмятежный сонъ. Для этого необходимо обра-

щать особенное вниманіе на правильное питаніе, на опрятность тѣла, на температуру комнаты, одежды, пищи, купанья и омовеній; послѣднія обязательны во всѣхъ случаяхъ послѣ испражнений, испусканія урины и пота.

Температура комнаты, одежды, нищи, купанья и омовенія постепенно должны становиться все болѣе умѣренными. Тщательный уходъ за ребенкомъ долженъ еще усиливаться во время прорѣзыванія зубовъ, когда дѣти такъ легко схватываютъ простуду и страдаютъ разстройствомъ пищеваренія, что ведетъ къ приливамъ крови къ головѣ, а это, въ свою очередь, къ судорогамъ. Простуда дѣтей въ эту пору ихъ жизни происходитъ чаще всего оттого, что дѣти, въ большинствѣ случаевъ, еще не ходятъ, а сидятъ или ползаютъ: чулки и мягкіе башмачки не всегда плотно обхватываютъ ихъ ногу и при ползаніи сваливаются, а ноги, разгоряченныя отъ усиленныхъ движеній, легко простужаются. Необходимо обратить вниманіе на то, чтобы ребенокъ не оставался на полу съ голыми ногами и чтобы онѣ были у него всегда сухи. Въ комнату послѣ мытья половъ, если они еще не совсѣмъ просохли, не слѣдуетъ вносить ребенка во избѣжаніе простуды горла и слизистыхъ оболочекъ носа. Провѣтривать дѣтскую слѣдуетъ по крайней мѣрѣ 4 раза въ день, и преимущественно передъ сномъ ребенка и послѣ него. Пеленаніе, качаніе въ колыбели или люлькѣ и сильный солнечный жаръ особенно вредны дѣтямъ, предрасположеннымъ къ нервнымъ болѣзнямъ. О вредѣ пеленанія уже было сказано выше; что же касается сильной жары и яркаго свѣта, то сильное дѣйствіе ихъ на малютку вызываетъ въ немъ нервную раздражительность, истощающій потъ и разстраиваетъ пищевареніе. Но столько же способствуетъ развитію нервныхъ болѣзней ребенка и недостатокъ свѣта.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ существуетъ обычай выбирать для дѣтской самую темную комнату въ квартирѣ. Это дѣлаютъ на томъ основаніи, что маленькій ребенокъ долженъ много спать, и въ темной комнатѣ ему будто бы лучше и покойнѣе спится,—что совершенно ошибочно и въ высшей степени вредно. Чтобы избѣжать сильнаго солнечнаго жара и яркаго свѣта во время сна ребенка, въ его дѣтской должна быть спущена стора; но чѣмъ свѣтлѣе комната, чѣмъ болѣе въ ней воздуха и свѣта, тѣмъ лучше развивается ребенокъ. Дѣти, воспитанныя въ темноватыхъ, полумрачныхъ комнатахъ, страдаютъ малокровіемъ, разстройствомъ пищеваренія, а также различными измѣненіями составныхъ частей крови, что прямо ведетъ къ разнообразнымъ нервнымъ заболѣваніямъ, между которыми впоследствии первую роль играютъ—меланхолія и ипохондрія, въ раннемъ же дѣтствѣ они обнаруживаютъ вялость и раздражительность.

Для предохраненія отъ нервныхъ заболѣваній однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ служить ежедневное обтираніе всего тѣла холодной водой, но этимъ средствомъ нужно пользоваться весьма осторожно и примѣнять его къ дѣтямъ не ранѣе 3—4 лѣтъ. Чтобы довести ребенка до возможности переносить обтираніе холодной водой безъ простуды, а напротивъ, съ огромною пользою, слѣдуетъ начать обтираніе лѣтомъ, когда установятся теплые дни. На первыхъ порахъ ребенка слѣдуетъ обтирать тепловатой водой и лишь весьма постепенно довести ее до температуры комнатной воды и такую воду обтирать до 6—7 лѣтъ, когда можно начать понижать температуру. Для обтиранія необходимо запастись мохнатою простынею и такимъ же полотенцемъ. При этомъ самое обтираніе производить слѣдующимъ образомъ: утромъ, когда ребенокъ проснется и умоется, то прежде, чѣмъ одѣвать на него верхнее платье, прежде, чѣмъ онъ что-нибудь поѣстъ, его слѣдуетъ обтереть. Для этого необходимо накинуть на голое тѣло ребенка мохнатую простыню и

однимъ концомъ полотенца, намоченнымъ въ водѣ и крѣпко выжатымъ, вытереть ребенку грудь, горло, животъ, спину и тотчасъ же, сухимъ концомъ полотенца, вытирать тѣло насухо, приподнимая простыню только съ той стороны тѣла, какую приходится вытирать. Когда послѣ вытиранія ребенокъ будетъ одѣтъ, онъ долженъ походить по комнатѣ минутъ 15 и затѣмъ уже приступить къ ѣдѣ. Эти вытиранія холодной водою въ высшей степени благотворно дѣйствуютъ на весь организмъ ребенка, укрѣпляютъ нервы, придаютъ бодрость, энергію и силы, избавляютъ отъ простуды вообще, и въ особенности горла (нѣкоторыя формы болѣзни котораго такъ опасны для дѣтскаго возраста), содѣйствуютъ предохраненію отъ преждевременнаго развитія чувственности и онанизма.

ГЛАВА X.

Нравственное воспитаніе.

Какимъ долженъ быть нравственный человѣкъ.—Высшая цѣль воспитанія.—Какъ направить нравственное воспитаніе, чтобы оно наименѣе уклонялось отъ идеала.—Строгое выполненіе обязанностей.—Воспитаніе воли.—Вліяніе воли на тѣло и духъ.—Упражненіе воли не требуетъ дрессировки, а должно вытекать изъ законныхъ требованій жизни.—Вѣра въ свои силы и ея значеніе.—Ослабленіе воли.—Признаки и причины этого явленія.—Въ чемъ заключается воспитаніе характера.—Необходимость пробуждать сочувствіе, состраданіе, интересъ и любовь къ ближнему.—Подавленіе низменныхъ инстинктовъ.—Воспрещеніе дѣтямъ мучить животныхъ.—Подавленіе властолюбія и жадности.—Необходимость удовлетворять природному стремленію ребенка къ дѣятельности.—На какія занятія должно направлять дѣятельность ребенка дошкольнаго возраста.—Возможно ли при воспитаніи обойтись безъ наказаній.—Сущность теоріи естественныхъ наказаній.—Насколько состоятельна эта теорія.—Примѣръ воспитаніи семьи изъ дѣйствительной жизни.

Въ дѣтскихъ недостаткахъ, несомнѣнно, очень много общаго, но отгѣнки и условія, при которыхъ они являются, такъ разнообразны, что однимъ и тѣмъ же средствомъ исправлять двухъ дѣтей рѣшительно невозможно. Даже и при совершенно одинаковой житейской обстановкѣ, повидимому черезчуръ строгая мѣра для одного — ничтожна для другого и не оказываетъ на него никакого дѣйствія. Къ тому же, при индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго и при такой сложной физической и психической организаціи, какую награждаетъ природа ребенка, едва ли возможно выработать совершенно точныя и опредѣленныя правила для воспитанія. Что касается вопросовъ нравственнаго и умственнаго воспитанія, то я стараюсь познакомить читателей съ ними настолько, насколько они разработаны въ современной педагогіи и психологіи, указываю примѣры того, какъ тѣ или другія теоріи примѣняются у насъ на практикѣ, какіе результаты получаются отъ этого примѣненія, насколько безнравственно и вредно, полезно и бесполезно то или другое направленіе воспитанія съ той или другой точки зрѣнія.

Прежде чѣмъ говорить о нравственномъ воспитаніи, спросимъ себя, что такое нравственный человѣкъ. Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ нѣсколькимъ людямъ, и вы получите совершенно различныя опредѣленія. Разные классы общества совсѣмъ не сходятся между собою въ своихъ идеалахъ, въ понятіяхъ о нравственности. Въ свѣтскомъ кругу наибольшимъ уваженіемъ пользуется та женщина, которая ни въ какихъ житейскихъ обстоятельствахъ не поступитъ вышними приличіями, однимъ словомъ такая, которая свято хранитъ предрасудки праздныхъ людей. Идеаль женщины въ интеллигентномъ кругу, конечно, совсѣмъ иной. Точно также диаметрально противоположныя воззрѣнія на нравственность имѣетъ одно поколѣніе сравнительно съ другимъ. Крѣпостное право, взяточничество, высокомерное обращеніе власть имѣющихъ съ подчиненными, богатыхъ съ бѣдными — считаются теперь предосудительными, между тѣмъ еще полъ-столѣтія тому назадъ съ этимъ мирились весьма порядочные люди.

Нравственнымъ человѣкомъ можетъ считаться тотъ, кто свято выполняетъ свои

обязанности относительно семьи и общества, тотъ, кто, не покладая рукъ, работаетъ всю жизнь, на сколько хватаетъ силъ и умѣнья. Горе, лишенія, житейскія дразги и неудачи не надламываютъ его, не гнутъ въ разныя стороны: лишенія лишь обогащаютъ его житейскимъ опытомъ, а неудачи пробуждаютъ въ немъ анализъ въ отношеніи къ окружающимъ и прежде всего къ самому себѣ. Такой человекъ искренно сознается, когда неудача произошла по его неловкости или недостаточной подготовкѣ къ дѣлу, но это сознание не расслабитъ его до бесполезнаго самобичиванія, до желчной злобы и ненависти къ людямъ,—воля у такого человека всегда подчиняется разсудку. Нравственный человекъ одинъ и тотъ же при всякомъ положеніи: получить ли онъ богатое наслѣдство, онъ будетъ работать по прежнему; онъ не сдѣлается ни строптивымъ повелителемъ, ни божкомъ, передъ которымъ будутъ курить свиміамъ; онъ, какъ и прежде, будетъ презирать двуногихъ животныхъ, всегда готовыхъ ползати на четверенкахъ передъ золотымъ тельцомъ. Онъ не растратитъ своихъ матеріальныхъ средствъ на удовлетвореніе мелкаго тщеславія и личныхъ прихотей, — они лишь помогутъ ему трудиться съ пользою въ болѣе широкой сферѣ. Крезъ онъ или нищій, его убѣжденія, друзья — всегда одни и тѣ же. Нравственный человекъ поступаетъ такъ или иначе не потому, что за извѣстный образъ дѣйствія его осудятъ или превознесутъ, а потому, что иначе поступить онъ не можетъ. Всю жизнь онъ твердо стремится къ двумъ цѣлямъ: все къ большому нравственному самоусовершенствованію и къ приобрѣтенію все большаго количества знаній. Наиболѣе характерною чертою нравственнаго человека служить благожелательство: какихъ бы размѣровъ ни были его природныя дарованія, какое бы дѣло ни пришлось ему исполнять, онъ будетъ добросовѣстно нести свои обязанности; скромность положенія не сдѣлаетъ его завистникомъ, не будетъ онъ роптать и на судьбу за то, что она не дала ему возможности совершить исполинское дѣло. Такимъ можетъ и долженъ быть каждый, и это далеко еще не идеаль высоконравственной личности. Въ чемъ состоитъ высокая нравственность — нечего много изъяснять; стоитъ только вспомнить о личностяхъ вродѣ Роберта Овена, Гарибальди, Песталоцци, Бѣлинскаго, отдавшихъ всю свою жизнь до послѣдняго вздоха на служеніе обществу и честной идѣѣ. Такой энергіи, желѣзной воли, геройства чести, нравственной высоты, конечно, не всякій можетъ достигнуть; но воспитаніе въ образованномъ обществѣ тѣмъ и должно отличаться, чтобы внушить глубокое уваженіе къ подобнымъ личностямъ.

Высшая цѣль воспитанія, по опредѣленію древнихъ, — „*mens sana in corpore sano*“ (въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа). „Хорошо воспитывать“, говоритъ Руссо въ „Эмилѣ“, „значитъ приучать пользоваться всѣми органами, чувствами, способностями, всѣми нашими членами, всѣми частями нашего существа“. — Воспитаніе маленькихъ дѣтей“, поясняетъ Песталоцци, „есть не что иное, какъ устремленіе вниманія на разнообразныя предметы, окружающіе ребенка; оно есть не что иное, какъ правильное упражненіе чувствъ, нѣжныхъ стремленій сердца, языка, памяти, способности мышленія и тѣлесныхъ способностей дѣтей“. Спенсеръ въ своей книгѣ о воспитаніи говоритъ по этому поводу слѣдующее. „Какъ обращаться съ тѣломъ, какъ обращаться съ умомъ, какъ вести дѣла, какъ вести семью, какъ дѣйствовать въ роли гражданина, какъ воспользоваться всѣми источниками счастья, которыми снабжаетъ насъ природа, какъ употребить всѣ наши способности съ наибольшою выгодною для насъ и для другихъ, какъ жить наиболѣе полно, — вотъ великая задача, къ разрѣшенію которой должно приготовить насъ воспитаніе“. Ко всему сказанному современные педагоги прибавляютъ еще требованіе, чтобы воспитаніе имѣло въ виду наслѣдственность, а также пользу и процвѣтаніе человѣческаго рода; по-

слѣднее должно выразиться въ томъ, чтобы вся сумма воспитательныхъ вліяній и воздѣйствій приводила бы человѣка въ концѣ концовъ къ выработкѣ въ себѣ стремленія содѣйствовать физическому, умственному и нравственному усовершенствованію породы въ своемъ потомствѣ.

Такимъ образомъ воспитаніе должно преслѣдовать двоякую цѣль: 1) гармоническое развитіе всѣхъ способностей, свойственныхъ человѣку и полезныхъ не только для него лично, а также для потомства и общества; 2) воспитаніе должно развивать тѣ наслѣдственныя склонности, которыя ведутъ человѣка къ физическому благополучію, къ нравственному усовершенствованію и умственному обновленію и подавлять тѣ изъ нихъ, которыя вредятъ этой цѣли. „Воспитаніе“, какъ совершенно справедливо говоритъ Смайльсъ, „должно развивать всего человѣка, не давая преобладанія и не подавляя какой-нибудь стороны его существа. Если вы станете развивать только физическую сторону человѣка, то получите атлета или дикаря; если обратите вниманіе исключительно на нравственную силу, — воспитаєте идеалиста, а если усилите развитіе однихъ умственныхъ способностей, въ результатѣ окажется больной, чудакъ или сумасшедшій“.

Разумное воспитаніе должно настолько укрѣпить и закалить здоровье ребенка, чтобы онъ могъ впослѣдствіи, безъ ущерба для физическихъ силъ, безъ отчаянія и душевной горечи переносить матеріальныя лишенія, физическую боль, приспособить его организмъ къ переменамъ климата и температуры, закалить нервную систему, такъ какъ нервность создаетъ дряблыхъ, никуда негодныхъ субъектовъ и вноситъ въ потомство зачатки ослабленія мозговой дѣятельности или нервныхъ страданій, что ведетъ въ концѣ концовъ къ вырожденію. Въ нравственномъ отношеніи воспитаніе должно научить мужественно выносить невзгоды и житейскія неудачи, терпѣнію и усидчивости въ трудѣ, пробудить общественныя инстинкты, привить и усовершенствовать честныя привычки и дать имъ разумное направленіе, развитъ альтруистическія склонности, укрѣпить волю и совѣсть, чувство чести, благородной гордости и независимости; въ умственномъ отношеніи—долженъ быть развитъ интересъ къ окружающей природѣ и людямъ, наблюдательность, любознательность и вѣчное стремленіе къ умственному усовершенствованію.

Какъ слѣдуетъ вести, какъ направить ребенка такъ, чтобы онъ въ будущемъ стремился къ достиженію высшаго идеала или, по крайней мѣрѣ, наименѣе уклонялся отъ него? Для этого, прежде всего, необходимо съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни ребенка *требовать отъ него выполнения его обязанностей*. Каждый періодъ жизни человѣка — дѣтство, отрочество и юность налагаютъ соотвѣтственныя обязанности. Задача моего труда заставляетъ меня говорить объ обязанностяхъ дѣтей лишь до школьнаго возраста, которыя, сравнительно съ обязанностями послѣдующихъ годовъ жизни, менѣе сложны. Чтобы заставить ребенка выполнять свои обязанности, воспитатели должны установить въ его жизни правильный режимъ, который прежде всего вырабатываетъ въ дѣтяхъ добропорядочныя привычки, обуздываетъ вспышки гнѣва, своенравіе, капризы, дурныя инстинкты, прививаетъ навыки послушанія,—все это вмѣстѣ постепенно приучаетъ ребенка къ аккуратному выполненію своихъ обязанностей. Правильный режимъ въ первый годъ жизни ребенка состоитъ въ томъ, что онъ долженъ получать пищу и купаться въ опредѣленное время. Всемъ извѣстно, что новорожденный несравненно болѣе спитъ, чѣмъ бодрствуетъ, а на рукахъ онъ можетъ оставаться лишь въ минуты крайней необходимости. Когда же ребенокъ начинаетъ меньше спать, его слѣдуетъ укладывать въ постель въ строго опредѣленное время. Въ первый періодъ своей жизни, т.-е. въ

4—5 мѣсяцевъ, ребенокъ уже тянется ко всему, но ему слѣдуетъ давать только то, что возможно, и, не взирая на слезы и упорное требованіе съ его стороны, строго держаться этого принципа: противоположный образъ дѣйствія мѣшаетъ ребенку привыкнуть къ тому, что ему дозволяется и что запрещается. Во всѣ послѣдующіе періоды развитія ребенка онъ долженъ вести тотъ же регулярный образъ жизни, но, постепенно вырастая, онъ, конечно, вызываетъ и болѣе сложныя отношенія къ себѣ. Такъ какъ въ слѣдующихъ очеркахъ этого труда я стараюсь дать по возможности полную картину развитія ребенка отъ колыбели до 8—9-лѣтняго возраста, то здѣсь напомнимъ только о томъ, на что слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, чтобы онъ мало-по-малу самостоятельно, путемъ привычки, научился выполнять свой долгъ и шель постепенно къ болѣе разумному его пониманію.

Правильно воспитанный ребенокъ уже въ 3—4 года желаетъ получать пищу, просится спать, моетъ руки и лицо, приводитъ въ порядокъ игрушки и постель (сначала съ помощью старшихъ, а затѣмъ и самостоятельно) въ строго опредѣленное время. Онъ уже прекрасно знаетъ, какія вещи въ той или другой комнатѣ онъ имѣетъ право брать въ руки и относительно какихъ онъ долженъ для этого предварительно испросить разрѣшеніе. Его послушаніе въ это время будетъ развито настолько, что онъ, хотя далеко не всегда понимаетъ, почему родители требуютъ отъ него того или другого, но, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ то, чего они хотятъ: это происходитъ прежде всего отъ усвоенной имъ привычки аккуратно выполнять свои немногосложныя обязанности.

Самымъ могущественнымъ рычагомъ нравственнаго преуси́янія служить воспитаніе воли. Человѣкъ можетъ быть лишь настолько нравственнымъ, дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, а слѣдовательно и умственно развитымъ, насколько развита его воля.

Когда говорятъ, что у человѣка сильная воля, то при этомъ подразумѣваютъ обыкновенно личность, которая неуклонно идетъ къ намѣченной цѣли, и наоборотъ, человѣкъ съ слабою волею колеблется, отличается неустойчивостью. Человѣкъ съ сильною волею не легко подчиняется первому впечатлѣнію, его мнѣнія и выводы носятъ характеръ болѣе солидный, самостоятельный, оригинальный и оставляютъ болѣе плодотворный слѣдъ, чѣмъ у человѣка съ слабою волею. Чѣмъ менѣе человѣкъ подчиняется условіямъ своего организма, своимъ болѣзненнымъ склонностямъ, привычкамъ и страстямъ, тѣмъ сильнѣе его воля, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ опредѣленнѣе его цѣль и характеръ его дѣйствій. И наоборотъ, чѣмъ легче онъ подчиняется первому впечатлѣнію, чѣмъ болѣе находится подъ властью страстей и привычекъ, чѣмъ болѣе колебаній испытываетъ онъ при рѣшеніи, чѣмъ болѣе у него противорѣчій между словомъ и дѣломъ, тѣмъ слабѣе его воля. Если воля недостаточно упражняется съ ранняго возраста, если ребенку даютъ возможность руководствоваться лишь личными желаніями, соображаться исключительно съ своими удовольствіями, если въ немъ не развили ни трудолюбія, ни послушанія, — съ нимъ будетъ одно изъ двухъ: или у него совсѣмъ не будетъ выработана воля, или изъ него выйдетъ самодуръ, который будетъ обнаруживать смѣлость и рѣшимость лишь въ поступкахъ, несообразныхъ ни съ божескими ни съ человѣческими законами. Такимъ образомъ, воля можетъ быть полезною для себя и для другихъ или губительною, разумною и безразумною, однимъ словомъ, желательною или вовсе нежелательною.

Подъ волею подразумѣваютъ также способность дѣлать выборъ, дѣйствовать по тѣмъ, а не инымъ мотивамъ; кто обладаетъ ею, тому она даетъ возможность предпочитать одни мотивы своихъ дѣйствій другимъ, выбирать между самыми противоположными побужденіями, между жадностью и умѣренностью, лѣнью и дѣятельностью.

Человѣкъ отдаетъ предпочтеніе тому, къ чему у него укоренилась потребность въ дѣтствѣ, къ чему приучили его съ малолѣтства, къ чему развитъ былъ его интересъ и что одобряетъ его совѣсть, сознание, мышленіе и пониманіе. Изъ сказаннаго ясно, что и здѣсь нравственное развитіе должно идти рука объ руку съ умственнымъ.

Волю ребенка слѣдуетъ направлять такъ, чтобы онъ свои желанія удовлетворялъ лишь тогда, когда это не приноситъ вреда его ближнимъ, чтобы онъ умѣлъ поступиться удовольствіями, когда это необходимо. Такимъ образомъ воспитывая волю, развиваютъ въ то же время самообладаніе, — качество весьма цѣнное и существенное въ жизни, а также дисциплину и строгій контроль надъ своими дѣйствіями, отъ отсутствія чего мы, русскіе люди, такъ страдаемъ. Только укрѣпивъ волю ребенка, которая уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обуздываетъ эгоистическія склонности и подавляетъ животные инстинкты, можно воспитать человѣка, который будетъ дѣйствовать не по велѣніямъ своихъ прихотей, а во имя высшихъ, нравственныхъ идей и побужденій. Только такой человѣкъ добивается *истинной* самостоятельности, а не *призрачной*, какую очень часто получаютъ у насъ молодые люди, когда родители предоставляютъ имъ свободу дѣлать, что угодно.

Воля имѣетъ громадное вліяніе какъ на духъ, такъ и на тѣло человѣка. Какъ велико ея вліяніе на представленія, видно изъ того, что человѣкъ силою воли можетъ произвольно вызвать въ умѣ образы друзей, предметовъ, видѣнныя картины, сцены изъ жизни. Извѣстный артистъ Ланглюа рассказываетъ, къ какимъ средствамъ онъ прибѣгалъ, когда хотѣлъ произвести въ публикѣ особенно поразительный эффектъ своею игрою: силою воли онъ превращалъ разодѣтыхъ зрителей театральной залы въ скелетовъ, тогда имъ овладѣвало страшное волненіе, придававшее необыкновенную силу его игрѣ.

Слѣдующій случай показываетъ вліяніе воли на ощущенія: во Франціи существовалъ извѣстный врачъ, который могъ во всякое время и въ какой угодно части своего тѣла произвольно вызвать болѣе или менѣе сильную боль.

Какое вліяніе воля оказываетъ на мускулы, видно изъ того, что докторъ Кальмель могъ такъ подражать припадкамъ эпилепсіи, что когда однажды онъ искусственно произвелъ ихъ при докторахъ, наиболѣе знакомыхъ съ симптомами этой болѣзни, одинъ изъ нихъ воскликнулъ: „бѣдный другъ, онъ эпилептикъ?“ Едва были произнесены эти слова, какъ Кальмель поднялся и спросилъ, продолжаютъ ли его друзья и теперь еще думать, что невозможно притвориться эпилептикомъ.

Силою воли можно искусственно производить различныя дыхательныя движенія, подражать зѣвотѣ, рыданію, продолжительному смѣху, кашлю, чиханію. Воля несомнѣнно имѣетъ чрезвычайное вліяніе на мочеиспусканіе, испражненіе и на дѣятельность сердца. Отвлекая вниманіе отъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній, человѣкъ можетъ сильно вліять на ослабленіе мучительныхъ болей и припадковъ, а иногда и совершенно устранять ихъ или по крайней мѣрѣ отдалять ихъ на продолжительное время. Силою воли можно сдерживать чувство голода, избѣгать тошноты во время морской болѣзни, зубной боли и другихъ страданій. „Иммануиль Кантъ (авторъ „Критики чистаго разума“), страдая на старости подагрой, устранялъ мучительныя приступы боли и связанную съ ними бессонницу тѣмъ, что все свое вниманіе сосредоточивалъ на какой-нибудь мысли. Кромѣ того, имѣя очень узкую и плоскую грудь и страдая сердцебиеніемъ, онъ чувствовалъ сильную склонность къ ипохондріи; но, уяснивъ себѣ, что подобное мрачное настроеніе обуславливается особенностями его груди, онъ рѣшилъ пересилить свое настроеніе, и мало-по-малу это удалось ему: хотя чувство стѣсненія въ груди и продолжалось попрежнему, однако на-

строение его духа, по его собственным словам, отличалось уже спокойствием и тихою веселостью. На основании подобных наблюдений Кантъ прямо высказывает мысль, что, отвлекая вниманіе отъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній, человѣкъ можетъ содѣйствовать своему исцѣленію, а во многихъ случаяхъ даже и прямо устранить силою своей воли различныя болѣзненные припадки. Гартманнъ передаетъ о себѣ, что прежде его беспокоила ничему неуступавшая, упорная икота, но, вслѣдствіе постоянного упражненія, онъ дошелъ до того, что усиленіемъ воли могъ прекратить икоту почти мгновенно, и высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что цѣлесообразнымъ воспитаніемъ въ дѣтствѣ можно достигнуть того, что люди станутъ управлять гораздо больше, чѣмъ теперь, отправлениями своего тѣла“. („О значеніи психическихъ вліяній“ профессора Манасейна).

Если силою воли можно устранить, задерживать и ослаблять физическія болѣзни и страданія, то понятно, какъ велико ея значеніе для моральной жизни человѣка. И это естественно: воля лежитъ въ основѣ всего человѣческаго существа; она сущность человѣческой души, самовластный хозяинъ его дѣйствій, основа его духовнаго и тѣлеснаго бытія, и мы находимъ, что опредѣленіе ея значенія у Маудсли вполне вѣрно, нисколько не преувеличено и прекрасно опозитизировано: „это сила“, говоритъ онъ, „самаго высшаго порядка, сила, выше которой до сихъ поръ природа ничего не производила; это — расцвѣтъ всѣхъ ея чудныхъ твореній“. А вотъ и опредѣленіе Рибо: „воля, въ строгомъ смыслѣ слова, есть вѣнецъ, послѣднее слово развитія, результатъ большого числа дисциплинированныхъ въ іерархическомъ порядкѣ стремленій, — она представляетъ совершеннѣйшій видъ того, что называется дѣятельностью“. Но эта сила, имѣющая столь благотѣльное значеніе для человѣка, можетъ, какъ было уже замѣчено, и вредить ему и другимъ.

Какъ и всякая способность человѣка, воля требуетъ упражненія и совершенствованія: ребенокъ, который встрѣчаетъ лишь баловство, котораго не пріучаютъ къ усидчивому труду, комфорту и удовольствіямъ котораго приносятъ въ жертву покой близкихъ, которому не даютъ даже возможности испытать, что у него одержитъ верхъ — чувство жалости къ отцу или эгоистическія побужденія, — такой ребенокъ не можетъ совершенствоваться своей воли, а если она и упражняется, то въ нежелательномъ направленіи, и изъ него уже въ дѣтствѣ вырабатывается Кить-Китычъ въ миниатюрѣ, а впоследствии онъ покажетъ себя передъ близкими и во весь ростъ. Дѣти, даже и при добрыхъ природныхъ склонностяхъ и при правильномъ умственномъ развитіи, могутъ выходить деспотами, эгоистами, своевольными и самодурами, если только домашняя обстановка не благопріятствовала развитію воли. Такіе и въ зрѣломъ возрастѣ, даже и при хорошихъ стремленіяхъ, обыкновенно не могутъ довести до конца начатаго дѣла какъ въ сферѣ практической, такъ и интеллектуальной.

Конечно, существуетъ немало примѣровъ, что люди, и при неправильномъ воспитаніи, „благодаря энергической борьбѣ съ своими страстями“, говоритъ Ломброзо („Геніальность и помѣшательство“), „выходили потомъ на прямую дорогу. Но подобное самовоспитаніе представляетъ слишкомъ большія трудности, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Гораздо легче могутъ достигнуть хорошихъ результатовъ родители и воспитатели молодого поколѣнія. Они должны знать, что примѣръ ихъ имѣетъ на дѣтей огромное вліяніе, подобно тому, какъ истерія матери переходитъ къ дочерямъ, и всѣ дурныя привычки родителей, всѣ психическія ненормальности ихъ болѣе или менѣе отражаются на дѣтяхъ, между прочимъ, даже въ силу бессознательнаго подражанія. Воспитателямъ никогда не слѣдуетъ добиваться того, чтобы изъ ихъ питомцевъ вышли, такъ называемыя, „феноменальныя дѣти“ (Wunder-

Kinder) и для этой цѣли обременять мозгъ ихъ непосильными занятіями, вслѣдствіе чего обыкновенно задерживается физическое развитіе ребенка и является предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ. Такъ же вредно дѣйствуетъ на дѣтей непомерная требовательность, суровость обращенія и отсутствіе ласки, благодаря чему ребенокъ, не находящій удовлетворенія своему любящему сердцу среди окружающихъ, получаетъ склонность къ фантазированію и мечтательности. Но едва ли не губительнѣе еще отражается на дѣтяхъ излишняя снисходительность родителей, дающая полный просторъ развитію упрямства, прихотей и ничѣмъ не сдерживаемыхъ капризовъ. Изъ такихъ дѣтей обыкновенно выходятъ люди, неспособные ни къ самообладанію, ни къ упорной борьбѣ съ невзгодами жизни: они или гибнутъ при первомъ же столкновеніи съ суровой дѣйствительностью, или превращаются въ бездушныхъ эгоистовъ“.

Въ чемъ же заключается воспитаніе воли? *Воспитаніе воли заключается въ приученіи ребенка управлять своими движеніями, чувствами и мыслями.*

У новорожденного нѣтъ воли: вся его дѣятельность проявляется крикомъ или плачемъ и множествомъ бессознательныхъ, беспорядочныхъ и безцѣльныхъ движеній, представляющихъ матеріалъ, изъ котораго формируется воля. Задача воспитателя заключается въ томъ, чтобы не стѣснять движеній ребенка, но давать имъ полный просторъ и разумное направленіе. Стѣсняютъ проявленіе свободныхъ движеній въ первые мѣсяцы жизни узкою, неудобною одеждою и свивальниками, чего слѣдуетъ избѣгать. Когда ребенокъ подрастаетъ и начинаетъ сидѣть, являются и другіе тормазы.

Воля, сознаніе и вниманіе, развивающіяся одновременно, возникаютъ у ребенка приблизительно на 3-мъ или 4-мъ мѣсяцѣ жизни, но, прежде чѣмъ обнаружится воля, у ребенка является память пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній (пріятными ощущеніями принято считать такія, которыя нѣсколько возбуждаютъ ребенка, не нарушая нормальнаго хода его физическаго состоянія), что можно замѣтить у новорожденныхъ уже на 4-й или 5-й недѣлѣ, а иногда и раньше. Ребенку пріятно оставаться у груди матери, и онъ плачетъ, когда его кладутъ въ постельку. Если мать безъ нужды подчиняется этому требованію, она создаетъ неблагопріятную почву для развитія воли, сознанія и вниманія.

Когда ребенокъ начинаетъ улыбаться, повертывать головку, протягивать ручки къ предметамъ, у него уже начинаетъ формироваться память представлений. Онъ отличаетъ няню отъ матери, блестящій предметъ отъ безцвѣтнаго и свое предпочтеніе выказываетъ „гуркованіемъ“, нерѣдко съ взвизгами и выкриками, очень часто сопровождаая все это смѣхомъ, смѣшаннымъ со слезами и съ суетливымъ протягиваніемъ рученокъ. Этотъ періодъ жизни дѣтей подаетъ много поводовъ къ развитію капризовъ, но мы не будемъ останавливаться на немъ, такъ какъ уже подробно говорили объ этомъ. Беспорядочныя движенія ребенка становятся все болѣе цѣлесообразными: онъ хватается тотъ или другой предметъ, ударяетъ имъ о столъ, сбрасываетъ его на полъ, — все это показываетъ уже большую степень упорядоченія движеній сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, а также постепенное проявленіе воли, вниманія и сознанія. Приблизительно на 2-мъ году жизни у ребенка является желаніе двигать стульями, табуретками, перевозить громоздкія вещи, — тутъ уже вмѣстѣ съ упражненіемъ мускуловъ проявляется еще большее развитіе воли. Если эти желанія не грозятъ опасностью для здоровья ребенка, ихъ нужно удовлетворять, не вмѣшиваясь въ его занятія, но при случаѣ помогая ему осуществить то или другое желаніе. Въ это время слѣдуетъ быть особенно внимательнымъ къ ребенку: не упуская его изъ виду, можно догадаться, что онъ желаетъ устроить изъ ряда

стульевъ, которыми загроздиль всю комнату такъ, что онъ самъ не можетъ свободно двигаться среди нихъ, или связанныхъ другъ съ другомъ игрушекъ. Въ этихъ случаяхъ воспитатель долженъ придти на помощь ребенку, чтобы, такъ сказать, очистить арену для его дальнѣйшихъ комбинацій, но предоставивъ ему въ нихъ полнѣйшую самостоятельность. Однимъ словомъ, воспитатель долженъ только помогать самостоятельнымъ упражненіямъ дитяти, какъ въ періодъ его младенческой жизни, такъ и въ послѣдующій, когда онъ начинаетъ ходить, бѣгать и лазить: онъ долженъ поднять мячикъ, брошенный ребенкомъ, если онъ самъ не въ состояніи еще достать его, придвинуть для него стулъ или столъ, если на это не хватаетъ у ребенка силъ, но отнюдь не отвлекать его отъ самостоятельныхъ занятій. Ребенокъ иногда много разъ ударить резиною куклою о столъ, — вы не должны препятствовать ему въ этомъ, — пусть онъ получитъ возможность наблюдать предметъ съ новой точки зрѣнія.

Въ первый періодъ жизни ребенка (приблизительно съ 1 года до 3—4-хъ л.) всего легче воспитывать его волю и давать ей должное направленіе, и это потому, что она не тверда еще у малютки, не окрѣпла, желанія его въ высшей степени мимолетны, измѣнчивы и скоропреходящи. Волю ребенка легко направлять въ этотъ періодъ жизни, но лишь въ томъ случаѣ, если его еще не успѣли испортить баловствомъ, не сдѣлали изъ него кумира и божка, которому не возбранялось трогать, хватать, бить и уничтожать все, къ чему онъ тянулся и что просилъ. Если ребенка не избаловали, его легко убѣдить, въ чемъ угодно. Прейеръ даетъ для этого прекрасный примѣръ. „Если я“, говоритъ онъ, „своему ребенку 2¹/₂ лѣтъ, среди ѣды, рѣшительно, но съ увѣренностію, не допускающею возраженій, говорю громко, но такъ, чтобы не испугать его, — „дитя больше не хочетъ ѣсть“, ребенокъ въ большинствѣ случаевъ немедленно кладетъ на столъ кусокъ, который онъ уже былъ готовъ проглотить, и прекращаетъ ѣду“. Впрочемъ въ этомъ каждая мать можетъ убѣдиться ежедневно: ребенка нужно вести гулять, но онъ такъ заигрался, что предстоитъ долго его уговаривать, чтобы онъ оставилъ начатое; иной разъ можно ожидать и сопротивленія, просьбъ и даже слезъ; мать, вмѣсто продолжительныхъ пререканій съ ребенкомъ, живо и весело говоритъ ему: „скорѣй, скорѣй, бросай все... пойдемъ гулять... что мы только увидимъ сегодня!“ И тѣмъ же живымъ и веселымъ голосомъ она перечисляетъ то, что навѣрно предстоитъ встрѣтить на прогулкѣ. Можно смѣло сказать, что мать, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, достигнетъ желаемого, а развѣвъ въ ребенкѣ путемъ привычки послушаніе, исполненіе разумныхъ требованій, она кладетъ надлежащій фундаментъ для правильнаго развитія воли.

Такъ же легко отвлечь вниманіе ребенка на нѣкоторое время отъ чувства голода, отъ боли, которую онъ себѣ причинилъ, настоять на томъ, чтобы онъ выпилъ неприятное лѣкарство, однимъ словомъ, чтобы онъ выполнилъ ту или другую обязанность. Если родители не вносятъ въ воспитаніе ребенка вреднаго для него сентиментализма, недопускающаго упражненія воли, а напротивъ, всегда твердо настаиваютъ на томъ, чтобы онъ дѣлалъ то, что слѣдуетъ, и при этомъ ребенку часто приходится поступаться своими желаніями, то уже въ первые годы жизни его можно легко пріучить выполнять маленькія обязанности, сдерживать аффекты и дурныя инстинкты, положить зачатки трудолюбія и альтруистическихъ склонностей. Итакъ, упражненіе воли должно начинаться очень рано, съ *первымъ пробужденіемъ сознанія, но оно никогда не должно быть искусственною гимнастикою.*

Теперь, когда педагоги и психологи обратили серьезное вниманіе на то, что усовершенствованіе органовъ внѣшнихъ чувствъ и психическихъ силъ достигается

лишь путемъ правильныхъ упражненій съ ранняго дѣтства, возникли въ этомъ отношеніи нѣкоторыя преувеличенія и передержки. Выражается это въ томъ, что многіе прибѣгаютъ для этого къ упражненіямъ, которыя можно назвать муштровкой. Необходимость упражнять волю съ ранняго дѣтства заставляетъ нѣкоторыхъ производить слѣдующіе эксперименты: пришло время кормить ребенка, и голодъ уже выражается слезами и просьбами дать поѣсть, но они находятъ вреднымъ исполнить немедленно его желаніе, и, желая испытать его терпѣніе, начинаютъ въ его присутствіи кипятить молоко. Это мнѣ кажется вредною, не ведущею къ цѣли дрессировкой. Жизнь, каждый день, на каждомъ шагѣ, даетъ богатый матеріалъ для упражненія воли, характера, терпѣнія, послушанія, и нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ. Родители должны наблюдать за тѣмъ, чтобы ребенокъ всегда выполнялъ свои обязанности, и, если ихъ требованія соразмѣрны съ его силами, не дѣлать ему поблажекъ въ виду того, что-де сегодня не сдѣлалъ—сдѣлаетъ потомъ, когда подрастетъ и поумнѣетъ. Если ребенокъ видитъ, что ему постоянно запрещаютъ трогать одинъ и тотъ же предметъ, отказываютъ исполнить его желаніе не подъ вліяніемъ каприза или раздраженія, онъ постепенно начинаетъ понимать, что онъ можетъ просить и чего не долженъ. Даже въ домахъ, гдѣ нѣтъ особенной послѣдовательности въ воспитаніи, но гдѣ по опыту пришли къ необходимости никогда ничего не дозволять трогать дѣтямъ на рабочемъ столѣ, родители наглядно убѣждаются въ томъ, какъ легко и скоро они достигли этого; въ такихъ случаяхъ, когда младшія дѣти тянутся, чтобы схватить какую-нибудь бумагу со стола, старшія дѣти 4 и 5 лѣтъ въ одинъ голосъ вскрикиваютъ: „развѣ это можно? Вѣдь это папинъ столъ!“

Если родители, отказывая своимъ дѣтямъ выполнить ихъ желанія, руководятся не цѣлями дрессировки и муштровки, а требованіями жизни, они въ то же время приучаютъ ребенка *владѣть своими чувствами и мыслями*. Въ такомъ воспитаніи еще и то преимущество, что дѣти безпрестанно наталкиваются на случаи, совершенно убѣждающіе ихъ въ законности предъявляемыхъ имъ требованій, тогда какъ при дрессировкѣ и при искусственныхъ и выдуманныхъ требованіяхъ этого не можетъ быть. Если маленькому ребенку запрещаютъ зажигать спички, топить сюрочъ, сахаръ и т. п., онъ можетъ безпрестанно убѣждаться въ законности и необходимости подобнаго запрещенія. Если онъ въ этомъ ослушается, онъ очень часто можетъ быть наказанъ тѣмъ, что обожжетъ себѣ руку, или убѣдится въ томъ на примѣрѣ другого, а если бы и не случилось ни того, ни другого, то все же онъ очень скоро пойметъ, что съ огнемъ плохія шутки. Обузданіе аффектовъ представляетъ наиболѣе существенный элементъ для приученія ребенка владѣть своими чувствами и мыслями а слѣдовательно и для упражненія воли. Столь же важно для укрѣпленія воли упражненіе вниманія, но въ предъидущемъ очеркѣ это было достаточно выяснено.

Одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ укрѣпить волю и дать ей надлежащее направленіе—*развивать въру въ свои силы*. Эта вѣра въ свои силы совершенно противоположна самодовольству, самоувѣренности, самонадѣянности,—качествамъ въ высшей степени антипатичнымъ и антисоціальнымъ, вредящимъ прогрессивному движенію общества. Самоувѣренный и самодовольный считаетъ себя выше другихъ, преувеличиваетъ размѣры своихъ дарованій, находитъ прекраснымъ все, что онъ дѣлаетъ. Самоублажая себя, человекъ при подобныхъ качествахъ засушиваетъ сердце и въ зародышѣ уничтожаетъ въ себѣ всякое побужденіе къ самоусовершенствованію. Совершенно иное міросозерцаніе и поведеніе вырабатываетъ тотъ, у кого развита вѣра въ свои силы: неудача не приводитъ его въ отчаяніе, не надламываетъ

его, а заставляет сближаться съ людьми, просить ихъ совѣта и не терять надежды на то, что онъ съ помощью энергіи и труда въ концѣ концовъ добьется своего. И такой всегда добивается. Вотъ эту-то вѣру въ свои силы воспитатели и должны развивать въ своемъ питомцѣ съ ранняго его возраста. Во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно вредно давать чувствовать маленькому существу, что оно неспособно, безтолково, глупо или лѣново. Въ глазахъ самого ребенка скорѣе слѣдуетъ уменьшать всѣ его недостатки и уже никоимъ образомъ не преувеличивать ихъ. При неудачѣ, происшедшей отъ его нерадѣнія, ребенку можно только дать почувствовать, что сегодня вышла съ нимъ незадача совершенно случайно, бесѣдовать съ нимъ по этому поводу въ томъ смыслѣ, что это бываетъ со всякимъ, а что завтра, когда онъ хорошо выспится, будетъ менѣе утомленъ,—онъ навѣрно все пойметъ и прекрасно окончитъ начатое. Такое снисходительное отношеніе къ ребенку не только дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ, но болѣе, чѣмъ порицанія, вызоветъ въ немъ стыдъ за свой поступокъ и сдѣлаетъ невозможнымъ его повтореніе. Къ тому же это и вполне согласуется съ истиною: лѣнь, разсѣянность и другіе недостатки, если только они не являются результатомъ плохого воспитанія, зависятъ обыкновенно отъ мозгового переутомленія или отъ какого-нибудь болѣзненнаго состоянія. Строго руководствуясь правиломъ—не давать ребенку ничего непосильнаго, нужно воодушевлять его вѣрою въ собственныя силы. Ребенокъ не можетъ окончить начатаго рисунка, не достроить изъ кирпичиковъ домика, не можетъ заучить наизусть басни,—укажите ему болѣе легкій способъ придти къ тому къ чему онъ стремится, объясните ему то, чего онъ не понимаетъ, убѣдите его въ томъ, что, поработавъ надъ этимъ еще немного, онъ навѣрно достигнетъ желаемаго. Всѣ эти объясненія предлагайте въ веселой, живой формѣ, чтобы не только то, что вы ему говорите, но и самая ваша манера говорить интересовала, оживляла, убѣждала его и толкала на дѣятельность.

Тѣми же приемами должны руководиться воспитатели и въ сферѣ нравственной. Если дѣти поняли, что окружающіе смотрятъ на нихъ, хотя въ какомънибудь отношеніи, не благосклонно, они стараются оправдать такое мнѣніе о себѣ. Это странное явленіе замѣчено громаднымъ большинствомъ педагоговъ-практиковъ. Ребенка считаютъ „лѣнивымъ“,—и онъ старается увильнуть отъ работы, злымъ и онъ отъ времени до времени выкидываетъ злыя выходки, „неспособнымъ“,—и онъ не вникаетъ въ объясненія, „рѣзвымъ“ и „шаловливымъ“,—онъ не пропуститъ случая, чтобы удержать за собою эти эпитеты. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ заниматься съ дѣтьми, которыя считались отпѣтыми лѣнтями и неспособными. „Видишь, какъ ты скоро и хорошо понимаешь...“, замѣтила я однажды девятилѣтней дѣвочкѣ, которая прекрасно повторила прочитанный и объясненный ей рассказъ. „Неправда!.. я дура... мама говорить...“, и дѣвочка зарыдала.

Дурное мнѣніе старшихъ о дѣтяхъ оскорбляетъ ихъ, заставляетъ глубоко страдать, возмущаетъ ихъ противъ родителей и волнуетъ, что, какъ мы уже знаемъ, подавляетъ энергію и разстроиваетъ нервную систему. Такіе приемы оказываются пагубными и зловредными для умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей, такъ какъ они угнетаютъ память, ослабляютъ вниманіе и вызываютъ дурныя инстинкты. Чувствуя, что старшіе презрительно относятся къ тѣмъ или другимъ способностямъ, къ той или другой чертѣ его характера, ребенокъ и самъ теряетъ вѣру въ себя и свои силы, и въ нравственномъ отношеніи катится внизъ по наклонной плоскости. То же можно сказать и относительно взрослыхъ. Поднять челоуѣка въ его собственномъ мнѣніи и во мнѣніи окружающихъ—самое дѣйствительное средство измѣнить его къ лучшему въ нравственномъ отношеніи. Множество фактовъ изъ тюремной

жизни подтверждаютъ сказанное. Адвокатъ тепло и сочувственно отнесся къ закоренѣлому преступнику, при всѣхъ горячо пожимаетъ ему руку, и этотъ преступникъ сильно измѣняетъ свое предсудительное поведеніе въ тюрьмѣ.

Мнѣніе Гюйо по этому поводу заслуживаетъ полнаго вниманія: „Воспитывая ребенка, всегда слѣдуетъ помнить правило—предполагать въ немъ хорошія качества и добрую волю. Всякое заключеніе о нравственности ребенка, высказанное ему въ лицо, немедленно становится внушеніемъ. „Какъ онъ злѣй или лѣнивѣй! Ему ни за что не сдѣлать того или этого!“ Сколько пороковъ получили свое начало вовсе не изъ наслѣдственнаго предрасположенія, а изъ такихъ вотъ фразъ,—вообще изъ неумѣлаго воспитанія. Поэтому, когда ребенокъ сдѣлалъ что-нибудь нехорошее, не слѣдуетъ преувеличивать въ его глазахъ дурное значеніе его проступка. Дѣти вообще живутъ слишкомъ безсознательной жизнью для того, чтобы дѣлать зло преднамѣренно; навязывая имъ предвзятія намѣренія, злую волю, воспитатели не только ошибаются, но даже часто внушаютъ имъ эту волю: *предположить порокъ значитъ иногда создать его*“. („Воспитаніе и наслѣдственность“, стр. 28).

Воспитатель долженъ употреблять всѣ усилія, чтобы внушить ребенку вѣру въ свои силы, надежду на то, что онъ все пойметъ, все сдѣлаетъ, если только захочетъ, добросовѣстно отнесется къ предпринятому труду и усидчиво поработаетъ надъ нимъ. Эта вѣра въ свои силы дѣлаетъ человѣка настойчивымъ въ достиженіи своей цѣли, одушевляетъ его энергією къ труду и укрѣпляетъ волю, имѣющую такое великое значеніе для всей жизни и будущей дѣятельности человѣка.

Дѣти и взрослые и при развитіи воли могутъ страдать періодическимъ, а иногда и хроническимъ ослабленіемъ ея. Болѣзни воли очень разнообразны; иногда онѣ сопровождаются умственнымъ расстройствомъ, даже расстройствомъ всей психической дѣятельности человѣка, но нерѣдко обнаруживаются и при нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Чрезвычайно странное впечатлѣніе производятъ подобные люди: они сохраняютъ всѣ свои физическія и умственные силы, кромѣ воли, мало того, они даже испытываютъ желаніе продолжать попрежнему свою дѣятельность, но не находятъ для этого въ себѣ достаточно энергіи; ихъ одолеваетъ какое-то безсиліе, которое ихъ угнетаетъ, но они не могутъ преодолѣть его: „заставьте меня хотѣть это сдѣлать“, отвѣчалъ такой больной, когда ему совѣтовали ѣхать путешествовать.

Ослабленіемъ воли страдаютъ и взрослые, и дѣти. Главною причиною этой болѣзни считаютъ ослабленіе чувствительности; въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно бываетъ поражена аффективная сторона душевной жизни, способность приходить въ состояніе волненія; вмѣстѣ съ этимъ у нихъ въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе подавлена жизненная дѣятельность. Физическіе симптомы состоятъ въ замедленіи кровообращенія, въ пониженіи температуры тѣла и въ большей или меньшей неподвижности. Изъ моральныхъ явленій особенно замѣтно въ такихъ случаяхъ отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, сильное ослабленіе энергіи. Больной субъектъ при этомъ внутренно страдаетъ, раздражается, что окружающіе считаютъ его за это существомъ въ нравственномъ отношеніи болѣе другихъ, низменнымъ, а между тѣмъ продолжаетъ поступать попрежнему или, лучше сказать, не можетъ выйти изъ своего нерѣшительнаго, апатичнаго состоянія, хотя и старается первое время бороться противъ этого. Если эта борьба не увѣнчается успѣхомъ, у него является все болѣе болѣзненныхъ симптомовъ: хандра, упадокъ силъ, ослабленіе дѣятельности организма. Если болѣзнь развивается на благопріятной почвѣ, то дѣло кончается параличемъ воли, извѣстнымъ у врачей подъ названіемъ „абуліи“. На ослабленіе воли особенно сильно вліяютъ нервныя расстройства и душевныя потрясенія.

Воля служитъ основною чертою *характера* (одинъ изъ психологическихъ терминовъ, который каждый употребляетъ по-своему). Въ обыденной жизни подъ словомъ характеръ подразумѣваютъ какъ волю, такъ и внутреннія чувства человѣка. И это имѣетъ свое основаніе: воспитаніе наиболѣе благородныхъ чувствъ человѣка должно идти рука объ руку съ воспитаніемъ воли и способствовать ея усовершенствованію и укрѣпленію, иначе въ результатъ получится не воля, а своеволие. Изъ области внутреннихъ чувствъ человѣка воспитатели должны обратить особенное вниманіе на пробужденіе въ ребенкѣ *состраданія, сочувствія, интереса и любви къ ближнимъ*. Эти чувства служатъ основой нравственности и наиболѣе пригодны для того, чтобы дать честное и полезное направленіе волѣ.

Научить дѣтей любить—должно быть первою заповѣдью воспитанія. Трогательно говорить по этому поводу Жанъ-Поль-Рихтеръ; „выказывайте дѣтямъ только пріязнь. Любовь—единственное правило нравственности. Учите ребенка любить; учите сначала отрицательно, запрещая обижать всякое мельчайшее существо, пріучайте смотрѣть на всякую жизнь, какъ на нѣчто священное, боритесь противъ дѣтскаго инстинктивнаго эгоизма. Потомъ положительно возбуждайте способность пріязни и заставляйте ее дѣйствовать. Любовь—плодъ раннихъ годовъ. Учите любви въ наше печальное, темное время. Вамъ самимъ, родители, у вашего смертнаго одра отрадиѣе будетъ встрѣчать заплаканные глаза сыновей, нежели жадно нетерпѣливые взгляды наслѣдниковъ“.

Только любящіе, сострадательные въ дѣтствѣ, вырабатываютъ впослѣдствіи стремленія, направленные на то, чтобы вносить въ людское общество свѣтъ, знаніе, счастье. Въ нашъ тщеславный вѣкъ, когда стремленія къ роскоши и наживѣ сказываются все сильнѣе, особенно необходимо обращать вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ любви къ ближнему, гуманныхъ чувствъ и состраданія. Раздача бѣднымъ обносковъ и копѣчекъ, возлагаемая на дѣтей въ видахъ практики состраданія, прививаетъ лишь барскія замашки и высококомѣрное отношеніе къ низшимъ. Отдать грошъ, который самому не гошъ, можетъ самый черствый эгоистъ, и раздача милостыни въ такомъ вкусѣ скорѣе всего заглушаетъ въ ребенкѣ лучшія стороны сердца, такъ какъ при этомъ ему не приходится поступаться чѣмъ бы то ни было: ни любимую вещь, ни игрою. У человѣка, привыкшаго раздавать подобную милостыню, сердце можетъ и не обливаться кровью при видѣ чужого страданія. Помощь, оказываемая бѣдняку, нравственна и плодотворна только тогда, когда ребенокъ, оказывая ее, этимъ самымъ лишаетъ и себя чего-нибудь: лакомства, удовольствія, веселой игры. Отдавая бѣдняку объѣдки со стола, ненужную ветوشь, ребенокъ вызываетъ ему лишь высококомѣріе и презрѣніе, остается такъ же далекъ отъ него, какъ и прежде, нисколько не интересуется его судьбой, условіями его жизни, его радостями и печальми; такъ же, какъ и прежде, онъ продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на нѣчто совершенно чуждое для него, какъ на человѣка, неимѣющаго съ нимъ ничего общаго. Совѣмъ въ другія отношенія вступаетъ онъ съ бѣднымъ товарищемъ, если дѣлится съ нимъ тѣмъ, чѣмъ могъ бы пользоваться самъ вполне безраздѣльно, или когда, вмѣсто игры въ веселой компаніи, онъ просидитъ съ больною нянею, занимая ее разказами и чтеніемъ. Тутъ ребенокъ невольно входитъ въ положеніе несчастнаго, все болѣе интересуется его судьбою, ближе знакомится съ его житейскою обстановкою и, мало-по-малу, его горе и радость становятся ему понятными, близкими, и онъ привыкаетъ ихъ дѣлится съ нимъ. А если ребенокъ будетъ принимать сердечное участіе въ нѣсколькихъ лицахъ изъ окружающей его среды, онъ становится мягче вообще, чувствительнѣе къ горю ближняго, и въ то же время у него вырабатываются вниманіе и наблюдательность къ людской жизни. Любовь и

живой интересъ къ окружающимъ мать должна развивать въ своемъ ребенкѣ не путемъ наставленій, не выговорами въ то время, когда онъ уже проявилъ себя съ кѣмъ-нибудь безжалостнымъ, грубымъ эгоистомъ, а при всякомъ удобномъ случаѣ указывать ему, чѣмъ онъ можетъ помочь тому или другому, что онъ можетъ сдѣлать пріятнаго: пусть бѣжитъ открывать дверь прислугѣ, когда у нея заняты руки, пусть подыметъ оброненную вещь, покатаетъ сестренку. Между тѣмъ иная мать проявляетъ непостижимую ревность, когда ея дитя относится нѣжно не только къ нянѣ, но нерѣдко ревнуетъ его даже къ родному отцу: ее не на шутку огорчаетъ мысль, что ея сынъ можетъ предпочитать родную мать кому-бы то ни было. Это неразумное, эгоистическое чувство крайне вредно отзывается впоследствии, какъ на матери, такъ и на ея ребенкѣ: чѣмъ большее количество людей любитъ ребенокъ, чѣмъ больше доброты и состраданія проявляетъ онъ къ окружающимъ, чѣмъ болѣе привязывается онъ къ нимъ, тѣмъ нѣжнѣе будетъ онъ относиться и къ своей матери, тѣмъ сердечнѣе онъ будетъ сочувствовать ея горю впоследствии, тѣмъ болѣе онъ будетъ понимать и цѣнить ее, — и это происходитъ только оттого, что гуманное воспитаніе въ дѣтствѣ вызвало лучшія стороны его души, научило его любить ближнихъ и принимать непосредственное, живое участіе въ ихъ жизни.

Интересъ къ ближнему избавить его въ будущемъ отъ бесплодныхъ фантазій и хандры. У него всегда будетъ живое дѣло въ рукахъ, твердая почва подъ ногами; онъ скоро убѣдится въ томъ, какъ много добра и пользы можетъ принести каждый при желаніи, даже и въ томъ случаѣ, если размѣры его физическихъ силъ и умственныхъ способностей не велики. Развитіе состраданія къ людямъ даетъ человѣку въ будущемъ еще одно великое преимущество: счастье всей своей жизни онъ не будетъ строить на однихъ своихъ личныхъ чувствахъ, на одномъ своемъ собственномъ сердцѣ. Если личная жизнь не удачна, онъ найдетъ отраду, утѣшеніе и забвеніе своего горя въ мысли, что онъ не бесполезенъ для окружающихъ. Наконецъ, только воплотивъ сострадательный человѣкъ не будетъ впоследствии самодовольнымъ порицателемъ чужихъ пороковъ и страстей, такъ какъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, склоненъ понимать сложныя причины, вызывающія ихъ, и всю тяжесть борьбы съ ними. Если жизнь такого питомца впоследствии и не будетъ усыпана розами, то взамѣнъ этого онъ будетъ испытывать высокое нравственное удовлетвореніе, котораго онъ не промѣняетъ ни на какія сокровища въ мірѣ. Если бы каждый воспитатель задался такою нравственною задачей, если бы онъ съ такою же заботливостью, какъ и объ экзаменахъ своего питомца, относился къ вопросу, насколько онъ за тотъ или другой періодъ времени подвинулся впередъ къ разрѣшенію главной нравственной задачи, тогда навѣрно многимъ бы на свѣтѣ легче жилось. „Если люди“, говоритъ Милль, „имѣющіе скольконибудь сносную внѣшнюю обстановку, не видятъ въ жизни ничего, что давало бы ей цѣну въ ихъ глазахъ, то это происходитъ обыкновенно оттого, что они ни о чемъ иномъ никогда не думали, какъ только о самихъ себѣ. Для людей, которые не имѣютъ никакихъ привязанностей, ни общественныхъ, ни частныхъ, сумма жизненныхъ возбужденій значительно сокращается, и даже самая жизнь теряетъ для нихъ всякій интересъ, когда они видятъ, что смерть готовится уже положить конецъ всѣмъ ихъ эгоистическимъ интересамъ; для тѣхъ же людей, напротивъ, которые оставляютъ послѣ себя предметы личной привязанности, и въ особенности для тѣхъ, которые развили въ себѣ участіе къ коллективнымъ интересамъ человѣчества, жизнь, даже и на смертномъ одрѣ, не только не теряетъ своего интереса, но сохраняетъ его въ той же силѣ, въ какой имѣла для нихъ во время ихъ молодости и здоровья“. („Утилитаріанизмъ“, стр. 32).

Развитіе добрыхъ качествъ сердца не можетъ имѣть ни малѣйшаго значенія, если воспитатель не будетъ въ то же время подавлять въ ребенкѣ множество проявляющихся съ ранняго дѣтства животныхъ инстинктовъ и дурныхъ склонностей. Самую выдающуюся склонностью, являющеюся у большинства дѣтей, можно считать страсть мучить животныхъ. Это происходитъ отъ многихъ причинъ, и наиболѣе важная изъ нихъ кроется, вѣроятно, въ наслѣдственномъ чувствѣ самосохраненія: ребенокъ испытываетъ страхъ передъ всеѣмъ неизвѣстнымъ, бѣжитъ отъ него, предполагая въ немъ опасность, врага, или самъ нападаетъ на него; отчасти это происходитъ вѣроятно и отъ неудовлетворенной любознательности ребенка. Игрушку, которую ребенокъ видитъ въ первый разъ, куклу, съ которою онъ играетъ, музыкальный ящикъ, къ звукамъ котораго онъ прислушивается, однимъ словомъ, каждый предметъ онъ старается изслѣдовать до корня, то-есть разбиваетъ его, разламываетъ. То же самое чувство, вѣроятно, руководитъ имъ и относительно животного, когда онъ набрасывается на него съ остервененіемъ, если только оно въ свою очередь не выказываетъ такихъ же точно поползновеній относительно ребенка. Прежде, чѣмъ ребенокъ хотя разъ испытываетъ дикое наслажденіе бить и мучить животное, прежде, чѣмъ онъ доведетъ себя до злости и остервененія, воспитатель долженъ вызвать къ нему ласку и нѣжность. Если ребенокъ не желаетъ ласкать животное, не-принуждайте его къ этому, старайтесь достигъ желаемаго постепенно: играйте съ животнымъ въ присутствіи ребенка, приласкайте его, и ребенокъ скоро познакомится съ съ животнымъ и будетъ подражать вашему обхожденію съ нимъ. Привычка мучить животныхъ оставляетъ слѣдъ на всю жизнь, дѣлаетъ его злымъ и переходитъ въ истинную жестокость относительно людей.

Другимъ низменнымъ инстинктомъ, общимъ большинству дѣтей, является жадность и страсть къ собственности. Трехлѣтній мальчикъ уже кричитъ на товарища, когда тотъ самостоятельно распорядится его вещами; не любитъ своего уступать другому. Единственный способъ искоренять этотъ недостатокъ, грозящій перейти въ скардность, самый презрѣнный изъ всеѣхъ человѣческихъ пороковъ,—приучать дѣтей съ самаго ранняго возраста дѣлиться съ окружающими всеѣмъ, что они имѣютъ, стараться окружать ихъ обществомъ товарищей однолѣтнокъ, причемъ ребенку волею-неволею приходится во многомъ поступаться своею собственностью. Нужно зорко слѣдить за ребенкомъ, проявляющимъ скардность. Человѣкъ, высшее наслажденіе котораго—суетное удовлетвореніе своего пустого тщеславія или пошлыхъ инстинктовъ, конечно, не особенно нравственный человѣкъ; въ тайникахъ своей души онъ несомнѣнно носитъ много пустоты и испорченности. Но его еще нельзя вполнѣ считать порочнымъ. Бросая свои средства безалаберно, можетъ быть для пошловатыхъ и мелкихъ цѣлей, онъ все же можетъ и не быть зараженъ такою узкостью сердца, какъ скряга. „Въ мотѣ“, говоритъ Герценъ, „есть что-то избалованное, прихотливое, распушенность характера гетеры; въ скупцѣ—что-то преступное, антисоціальное; онъ похожъ на шакала, онъ хуже его“. Дидро говоритъ, что онъ знаетъ только одинъ порокъ, и этотъ порокъ—скупость. „Ревнивая привязанность къ имуществу—безнравственна; богатство хранимое болѣе развращаетъ человѣка, нежели богатство расточаемое; оно, какъ тяжелая гиря, стягиваетъ къ землѣ всякій порывъ, всякую благородную мысль“. Нѣкоторые воспитатели 60-хъ гг., имѣя въ виду вредъ развитія скардности и скупости, старались дѣтямъ дошкольнаго возраста не давать ни малѣйшаго понятія о деньгахъ: не рассчитывались въ ихъ присутствіи съ извозчикомъ, не дѣлали при нихъ покупокъ, не упоминали о деньгахъ. Разумѣется, трудно было твердо и логично провести въ жизнь такой принципъ (да и вредно

конечно), и въ результатѣ выходило не мало курьезовъ. Да наконецъ зачѣмъ же скрывать отъ дѣтей обыденное явленіе жизни, играющее въ ней столь видную роль? Вовсе не портить ребенка и обычай давать ему деньги, — все дѣло въ томъ, какое онъ изъ нихъ сдѣлаетъ употребленіе.

Самовластіе и любовь къ господству также сказывается въ характерѣ многихъ дѣтей. Посмотрите на игру, устроенную дѣтьми самостоятельно; въ большинствѣ случаевъ одинъ властвуетъ надъ другими, а всѣ остальные ему подчиняются. Характерно и то, что властвуетъ обыкновенно не самый умный, не самый изобрѣтательный, а самый смѣлый, энергичный и рѣшительный. Укоренившееся властолюбіе порождаетъ въ окружающихъ зависть, вражду, злобу и портитъ характеръ ребенка, привыкшаго командовать, развивая въ немъ комичную авторитетность и самомиѣніе. Необходимо игры дѣтей устраивать такъ, чтобы всѣ дѣти поочередно играли главную роль.

Раздражительность ребенка, его капризы, лѣнь и множество другихъ дурныхъ склонностей, даже пороки позднѣйшаго періода жизни въ сильной степени происходятъ оттого, что дѣти дошкольнаго возраста привыкаютъ къ пустой, празднои жизни, которой и предаются впоследствии все болѣе и болѣе. Если воспитатель не находитъ для ребенка подходящей дѣятельности, онъ вынуждаетъ его вести неправильную, скучную жизнь, болѣе всего побуждающую къ сквернымъ шалостямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ фундаментъ для безпутной жизни въ будущемъ. Это великое преступленіе уже потому, что *природа-мать вложила въ дѣтскую душу живое, горячее стремленіе къ дѣятельности*. Ребенокъ, не исковерканный до мозга костей, съ ранняго возраста повторяетъ на разные лады: „дай мнѣ какую-нибудь работу“. „Дай мнѣ что-нибудь подѣлать, я хочу тебѣ помочь!“. „Какъ мнѣ скучно!“ твердятъ тѣ изъ нихъ, которые кромѣ куколъ ничего не брали въ руки. „Всего лучше“, говоритъ Бенеке, извѣстный педагогъ и психологъ, „если ребенокъ пріучается заглушать свое неудовольствіе, погружаясь въ какое-нибудь самостоятельное занятіе; это средство должно считаться самымъ дѣйствительнымъ и для взрослага, а потому должно быть усвоено ребенкомъ, какъ можно раньше, глубже и вѣрнѣе. *Стремленіе ребенка къ занятію заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны воспитателя, — его необходимо удовлетворять*. Всякій, кто внимательно наблюдалъ надъ дѣтьми, долженъ знать, что большая часть ихъ шалостей происходитъ отъ скуки, или, выражаясь точнѣе, отъ скопленія разнообразныхъ силъ, нуждающихся въ употребленіи. Стремленіе видѣть, слышать и жажда работы для рукъ требуютъ удовлетворенія, какъ и стремленіе желудка переваривать пищу. Если же эти стремленія не удовлетворены, то они скопляются, производятъ извѣстное безпокойство и ищутъ исхода. Взрослые рѣже подвергаются такому состоянію, потому что кругъ ихъ представленій шире и скорѣе можетъ доставить исходъ вновь образующимся силамъ. Если же этого нѣтъ, то и у взрослага мы замѣчаемъ то же безпокойство, тоску, метаніе изъ стороны въ сторону, и это состояніе можетъ достигнуть такой силы, что человекъ безъ всякой видимой причины доходить до отчаянія“. И такъ, на воспитатель лежитъ обязанность, быть можетъ важнѣйшая изъ всѣхъ, *доставлять занятія ребенку*, покуда тотъ ихъ не можетъ доставить самъ себѣ. Эти занятія кладутъ начало всѣмъ хорошимъ привычкамъ.

Задача воспитателя найти такой трудъ, который бы удовлетворялъ разнообразнымъ склонностямъ ребенка, развивалъ бы всѣ его душевныя силы. Слѣдовательно, самымъ воспитательнымъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ огромнаго числа дѣтскихъ пороковъ является трудъ, доступный возрасту дитяти и его силамъ.

Всего болѣе необходимымъ для нравственнаго преуспѣянія дѣтей дошкольнаго возраста мы считаемъ: 1) *физическій трудъ*, 2) *посильная домашняя обыденная работа, какъ помощь окружающимъ и какъ основа будущей самостоятельности*, 3) *наблюденія надъ окружающею природою и жизнью и* 4) *фребелевскія занятія*. О занятіяхъ перваго и втораго рода было достаточно сказано въ очеркѣ о привычкѣ; наблюденіямъ ребенка надъ жизнью и природою посвящена слѣдующая глава; что касается фребелевскихъ занятій, то имъ отведено въ этой книгѣ нѣсколько очерковъ.

Нужны ли наказанія, а если нужны, то какъ и въ какихъ случаяхъ ихъ примѣнять? Вотъ наиболѣе существенный вопросъ нравственнаго воспитанія, сильно занимающій воспитателей.

Въ историческомъ очеркѣ о вліяніи крѣпостнаго права на складъ характера русскаго человѣка я уже говорила о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, а потому здѣсь и не буду повторять сказаннаго. Въ самый горячій періодъ примѣненія этого постыднаго педагогическаго возмездія раздавались голоса противъ этого пагубнаго средства. Явились и писатели, предлагающіе это постыдное наказаніе замѣнить другимъ, менѣе унижительнымъ для человѣческаго достоинства. Между всѣми проектами и теоріями этого рода особенно замѣчательна *теорія естественныхъ наказаній*.

Сущность *естественныхъ наказаній* заключается въ томъ, что ребенокъ долженъ чувствовать и отвѣчать за всѣ послѣдствія своихъ дурныхъ поступковъ. Въ силу этого принципа воспитатель не придумываетъ наказанія, а беретъ слѣдствіе поступка и во всей простотѣ примѣняетъ его къ ребенку. Жанъ-Жакъ Руссо, рядомъ блистательныхъ аргументовъ, а иногда и софизмовъ, первый сталъ превозносить теорію естественнаго воспитанія и теорію естественнаго наказанія. Въ то время всѣ теоріи Руссо имѣли страстныхъ послѣдователей и поклонниковъ, и это понятно: его „*Emile ou de l'éducation*“ былъ первымъ лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ педагогическихъ идей, и его теорію естественнаго наказанія долго примѣняли лучшіе, образованные люди. Въ послѣднее время значеніе ея стало замѣтно ослабѣвать, какъ вдругъ она воскресла съ новой силой: причиною этого было то, что она нашла себѣ защитника въ лицѣ Спенсера. Вскорѣ послѣ выхода книги Спенсера о воспитаніи, теорію эту стали выдавать за нѣчто новое, опять стали увлекаться ею и примѣнять на практикѣ. Вотъ какъ понималъ Руссо теорію естественнаго наказанія: „*il ne faut jamais infliger aux enfans le châtiment comme châtiment, mais il doit toujours leur arriver comme une suite naturelle de leur mauvaise action*“, т.-е. никогда не слѣдуетъ наказывать дѣтей *ради наказанія*, но оно должно быть естественнымъ слѣдствіемъ дурнаго поступка.

Свою *теорію естественныхъ наказаній* Спенсеръ не обосновываетъ никакими научными данными, какъ это онъ дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ: въ своей книгѣ „*Умственное, нравственное и физическое воспитаніе*“ онъ, по этому поводу, просто представляетъ рядъ случаевъ, которыми желаетъ убѣдить въ законности своей системы. Если ребенокъ“, говоритъ онъ, „падаетъ или ударяется головою о столъ, онъ ощущаетъ боль, воспоминаніе о которой заставитъ его быть болѣе осторожнымъ. Если онъ дотронется до рѣшетки камина, сунетъ руку въ пламя свѣчи, прольетъ кипятокъ на какую-нибудь часть тѣла, обварка или обжогъ, происходящіе отъ этого, будутъ для него урокомъ, который онъ не скоро забудетъ. Впечатлѣніе, производимое однимъ или двумя происшествіями такого рода, такъ глубоко, что никто не уговоритъ потомъ ребенка пренебрегать законами своего организма“. „Это не искусственно и ненужно наложенная боль, а просто благотворное обуздываніе дѣйствій,

нарушающихъ тѣлесное благосостояніе, обуздываніе, безъ котораго жизнь была бы скоро уничтожена вслѣдствіе поврежденій тѣла. Особенность этихъ наказаній, если мы уже должны называть ихъ такъ, лежитъ въ томъ, что они суть *непремѣнныя послѣдствія* дѣйствій, за которыми слѣдуютъ; они не что иное, какъ *неизбѣжныя реакціи* дѣйствій ребенка“.

Конечно, самое вѣрное и точное знаніе то, которое непосредственно добыто собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ. Но невозможно дать такого воспитанія, гдѣ бы всѣ знанія были непосредственно добыты личнымъ опытомъ. Возьмемъ въ примѣръ малаго ребенка: если вы захотите, чтобы онъ только по личному опыту узналъ, чего онъ можетъ просить и чего нѣтъ, почему не слѣдуетъ требовать того или другого, то, прежде чѣмъ сдѣлать какой-нибудь выводъ, ребенокъ получитъ весьма много опасныхъ поврежденій; наконецъ, такіе опыты часто вовсе отшибаютъ память. Однажды, знакомый мнѣ шестилѣтній ребенокъ хотѣлъ ближе подвинуть къ себѣ новый самоваръ, чтобы разсмотрѣть устройство еще невиданнаго имъ крана. Самоваръ упалъ на ребенка, обжогъ и обварилъ его съ головы до ногъ. Ребенка подняли безъ чувствъ. Когда черезъ два мѣсяца, еще увязаннаго и укутаннаго, его въ первый разъ послѣ болѣзни посадили съ братьями и сестрами за чайный столъ, онъ съ удивленіемъ вскричалъ: „ахъ, у насъ новый самоваръ! Покажите мнѣ его поскорѣе!“

Можетъ ли воспитатель остаться равнодушнымъ въ то время, когда ребенокъ, по своей невинности, будетъ совать палецъ въ пламя огня? Невольнымъ движеніемъ онъ непремѣнно вырветъ опасную вещь изъ рукъ дитяти, хотя бы въ другихъ случаяхъ и вѣровалъ въ теорію естественнаго метода. Можно ли назвать тотъ методъ естественнымъ, противъ котораго возстаетъ сама человѣческая природа? Конечно, можетъ случиться, что дитя, воспитанное по этой теоріи, не искалѣчитъ себя (вѣдь выживаютъ же люди при антигигіенической обстановкѣ); но мать, которая останется равнодушною и въ то время, когда опасный предметъ будетъ въ рукахъ дитяти, въ силу того убѣжденія, что онъ на другой разъ приобрететъ себѣ опытъ, поступаетъ съ человѣкомъ, какъ съ деревомъ, которое обжигаютъ. Правда, такое дерево никогда не сгніетъ, но оно никогда и не принесетъ ни сочныхъ плодовъ, ни освѣжительной зелени. Такая система воспитанія можетъ загубить множество людей, но тотъ, кто ее вынесетъ, уже дѣйствительно обтерпится. Едва ли только онъ будетъ очень чувствителенъ къ страданію ближняго. Состраданіе, между прочимъ, развивается въ ребенкѣ и оттого, что окружающіе были съ нимъ сострадательны, но при системѣ естественныхъ наказаній онъ не могъ этого испытать.

Вотъ какими примѣрами подтверждаетъ Спенсеръ свою теорію естественныхъ наказаній. „Намъ часто случалось слышать“, говоритъ Спенсеръ, „какъ бранили маленькую дѣвочку за то, что она никогда не была готова къ ежедневной прогулкѣ. Живого характера и способная углубиться въ занятіе минуты, Констанція никогда не думала одѣваться, пока остальные дѣти не были уже готовы. Если Констанція не готова въ-время, естественный результатъ тотъ, чтобы ее оставили дома и лишили прогулки. А оставшись дома раза два-три, тогда какъ остальные дѣти наслаждались въ полѣ, и замѣтивъ, что она лишилась любимаго удовольствія только вслѣдствіе неаккуратности, она, вѣроятно, исправилась бы“. Къ сожалѣнію мы не находимъ у Спенсера примѣровъ, какъ примѣнить къ ребенку эту теорію въ другихъ случаяхъ.

За обѣдомъ, несмотря на всѣ просьбы быть чистооплотнымъ, ребенокъ, по забывчивости, кладетъ на скатерть грязный ножикъ, или вмѣсто того, чтобы ѣсть теплый супъ, онъ вертитъ въ немъ ложкой; во время холода, чтобы посмѣшить то-

варищей, онъ надѣваетъ свою одежду шутовскимъ манеромъ. Какъ тутъ быть? По естественному методу, если питомецъ забываетъ ваше законное требованіе послѣ нѣсколькихъ повтореній, вы должны лишить его ножа, ложки, скатерти, одежды или даже самой ѣды и прогулки на свѣжемъ воздухѣ. Но вѣдь въ свѣжемъ воздухѣ, пища нуждается дѣтскій организмъ для своего роста и развитія! Кромѣ того, забывчивость дѣтей, ихъ склонность къ шалостямъ и къ играмъ, — все это, по большей части, происходитъ отъ недостатка опыта и умственного развитія. Живыя и забывчивыя дѣти очень часто оказывались бы повинными въ подобныхъ маленькихъ преступленіяхъ, и по этой теоріи ихъ безпрестанно пришлось бы лишать пищи, прогулки, и т. п. Но вѣдь это вредно бы отразилось на развитіи организма, а слѣдовательно еще болѣе замедлило бы для ребенка возможность скорѣе уразумѣть законность требованій его воспитателей. Наконецъ, сплошь и рядомъ являя дѣти не охотники до прогулокъ, нѣкоторыя не любятъ того кушанья, котораго ихъ лишаютъ; въ такомъ случаѣ наказаніе, пожалуй, заставить ихъ еще чаще прибѣгать къ тѣмъ же продѣлкамъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ естественное слѣдствіе проступка не будетъ вовсе для ребенка наказаніемъ. Волею или неволею тутъ уже придется изобрѣтать искусственныя средства.

Теперь посмотримъ, какъ иногда дѣйствуютъ эти наказанія, когда онѣ попадаютъ въ цѣль. Одинъ мальчикъ далъ пощечину своему товарищу. Маленькое общество должно было черезъ нѣсколько минутъ ѣхать кататься по дачамъ. Прогулки ждали уже двѣ недѣли, и дѣти, по поводу ея, строили не мало плановъ: какъ самимъ править лошадей, куда поѣхать. Въ эту минуточку уже подѣхалъ шарабанъ, и дѣти съ радостными криками высыпали на крыльцо.

— Ты съ товарищами дерешься, значить и не долженъ быть въ ихъ обществѣ, — оставайся дома, — сказала ему мать. И никакія мольбы и клятвы не помогли ребенку вымолить прощеніе. Въ истерическихъ рыданіяхъ онъ упалъ на полъ; когда голоса его товарищей смолкли, ребенокъ вскочилъ и притаилъ дыханіе, надѣясь, что вотъ-вотъ его позовутъ ѣхать съ другими. Но никто его не звалъ, и тишина была передъ бурей. У мальчика вдругъ глаза засверкали злобющимъ огнемъ, губы исказились злобой; онъ то метался изъ угла въ уголъ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ, то бился головою объ стѣну, падалъ на землю и отрывисто кричалъ: скверная, злая мама, не люблю... тебя, убью, всѣхъ убью!.. Такъ бѣсился ребенокъ часа три, пока не уснулъ на полу, избившись до крови. Когда мать на другой день подошла къ нему, онъ замахнулся, чтобы ударить ее, но, замѣтивъ ея сдвинутыя брови, отвернулся и не пошелъ пить чай. Когда вбѣжали дѣти и стали между собою вспоминать вчерашнюю прогулку, онъ не стерпѣлъ, вскочилъ, отвѣсилъ тому же самому товарищу еще болѣе полнуювѣсную оплеуху, и съ нимъ повторился вчерашній припадокъ, т.-е. онъ сталъ бѣгать, бранить мать, биться головою о стѣну. Къ нему стали подбѣгать товарищи, но онъ съ такою яростью поднималъ на нихъ кулакъ, что дѣти въ ужасѣ разбѣжались. Знакомые, увидавшіе мальчика вечеромъ, когда онъ уже совершенно успокоился, и не знавшіе о происшествіи, думали, что онъ всталъ съ постели послѣ болѣзни. Этотъ мальчикъ, котораго мнѣ послѣ этого пришлось видѣть въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, дрался попрежнему, но получилъ серьезную ненависть къ ребенку, который, хотя невинно, далъ поводъ такъ жестоко его наказать. Намъ кажется, что подобныя наказанія еще несравненно тяжелѣе и безправственнѣе розогъ. По крайней мѣрѣ нравственная пытка при этомъ болѣе продолжительна и гораздо сильнѣе озлобляетъ ребенка.

Всякій согласится съ тѣмъ, что наказанія, естественныя онѣ или искусственныя, придуманы съ цѣлью вызвать страхъ, опасеніе вновь провиниться. Слѣдовательно,

ребенокъ пойдетъ на прогулку, станетъ чистоплотнымъ, услужливымъ, послушнымъ не потому, что онъ считаетъ это полезнымъ, не потому, что вѣрить старшимъ и знаетъ, что его ничего не заставятъ дѣлать изъ личнаго каприза, а только изъ страха, изъ боязни подвергнуться наказанію, а мы уже знаемъ губительное вліяніе страха на здоровье и интеллектуальныя силы ребенка.

Чѣмъ же естественный методъ лучше другихъ наказаній, когда дѣйствіе его тотъ же страхъ, равно унижительный для человѣческаго достоинства того, кто его вызываетъ, какъ и того, кто его чувствуетъ? Однажды возбужденный страхъ заставляетъ ребенка думать о своемъ воспитателѣ: онъ можетъ все со мною сдѣлать: и казнить, и помиловать. И въ силу такого убѣжденія, онъ начинаетъ хитрить, лицебритъ, трусить, является множество и другихъ презрѣнныхъ, рабскихъ наклонностей. Средство заставить ребенка сдерживать свои дурныя склонности — развить волю дитяти. Всякое наказаніе, какое бы оно ни было, раздражаетъ ребенка. Если наказаніе не производитъ никакого дѣйствія, естественно, что воспитатель или замѣнитъ его другимъ, или вовсе оставитъ. То, что обыкновенно называютъ дѣйствіемъ наказанія, есть результатъ сильнѣйшаго раздраженія нервовъ, что болѣе всего способствуетъ ослабленію воли и притупленію чувствительности или ненормальной ея возбужденности, между тѣмъ то и другое очень вредно. Наконецъ всякое наказаніе можетъ, пожалуй, заставить ребенка поудержаться отъ дурной привычки, но никогда не вырветъ съ корнемъ порока. Ребенокъ, конечно, будетъ бояться продолжать при старшихъ то, за что онъ можетъ пострадать, но лишь только онъ не чувствуетъ надъ собою этой узды, дурная страсть принимаетъ еще болѣе обширные размѣры или является въ новой формѣ. Зло нельзя поправить зломъ и местию: исторія человѣчества говоритъ намъ, что грубые нравы смягчались только кротостью и образованіемъ.

Для иллюстраціи этой мысли приведу образчикъ воспитанія, выхваченный мною изъ дѣйствительной жизни знакомой мнѣ семьи, гдѣ труженица мать содержала семью своимъ заработкомъ въ качествѣ переводчицы. Г-жа Лярская, такъ звали ее, несмотря на вольныя и невольныя погрѣшности даваемого ею воспитанія, была проникнута до глубины души двумя важнѣйшими принципами — сознаніемъ необходимости давать дѣтямъ трудовой закалъ еще до школьнаго возраста и убѣжденіемъ тяжкаго вреда для нихъ отъ какихъ бы то ни было наказаній. Но прежде этого нахожу небезполезнымъ привести одинъ изъ разговоровъ на педагогическую тему, который въ той или другой формѣ чаще всего раздается, въ интеллигентной средѣ, среди матерей. Въ этихъ толкахъ о воспитаніи насъ менѣе всего занимаютъ матери, которыя всюду носятъ съ собою грузный коробъ гениальныхъ дѣланій своихъ даровитыхъ дѣтей. Имѣя много дѣла съ различными дѣтьми, иногда весьма способными, мнѣ пришлось узнать по опыту всю справедливость словъ Руссо: „Иногда, слушая ребенка, вы мысленно называете его гениемъ, черезъ минуту — дуракомъ. Но то и другое ошибочно: это только ребенокъ, лучше сказать, орленокъ, который на минуту поднимается въ воздухъ и тотчасъ же падаетъ въ гнѣздо“. Съ особеннымъ интересомъ я выслушивала матерей, которыя имѣли много личнаго опыта, самостоятельно вели воспитаніе дѣтей и откровенно сообщали о своихъ удачахъ и неудачахъ.

— Я признаю, — говорила одна, — что теорія Руссо воспитывать дѣтей внѣ общества, чтобы сохранить ихъ естественную чистоту, могла бы только повести къ самымъ плачевнымъ результатамъ, но нѣкоторой правды нельзя не признать за этою мыслию. Я рѣшительно не могу допустить знакомства дѣтей со всѣмъ житейскимъ.

Я уже не говорю о знакомствѣ съ предметами, которые непонятны для ихъ ума и засоряютъ ихъ воображеніе грязными недостойными образами... Я не допускаю даже, чтобы при дѣтяхъ производили денежные расчеты... Такъ ужасно въ самомъ нѣжномъ возрастѣ окунуть ихъ въ круговоротъ торгашества. Они у меня даже никогда не видятъ денегъ...

— Я думаю, это большой ущербъ для ихъ ариѳметическимъ знаній,—возразила одна учительница. — Какъ вы думаете? обратилась она къ своей сосѣдкѣ Лярской.

— Право я не могу отвѣчать на это, — сказала та: — „я даже не могу представить себѣ, что бы вышло изъ дѣтей, если бы на практикѣ къ нимъ стали примѣнять какую бы то ни было теорію отчужденія, удаленія. По крайней мѣрѣ для меня это немыслимо: я живу такою тѣсною жизнію съ дѣтьми, скрывать отъ нихъ что бы то ни было мнѣ было бы очень трудно...

— Однако, не все-же можно объяснить ребенку! — замѣтила одна дама.

— Очень многого нельзя объяснить, — отвѣчала Лярская. — Вы, повидимому, намекаете на эмбриологическіе вопросы, которые дѣти дѣйствительно иногда задаютъ старшимъ. Мнѣ кажется, если бы педагоги такъ ретиво останавливались на томъ, какъ проще и удобнѣе выяснить дѣтямъ и другіе, не менѣе сложныя вопросы, которые еще болѣе эмбриологическихъ интересуютъ ихъ, наша воспитательная практика ушла бы далеко впередъ. Наконецъ, если мать умѣетъ дать какую-нибудь полезную пищу для ума дѣтей, то эмбриологическіе вопросы вовсе не играютъ у нихъ уже такой важной роли.

— Однако, скажите, пожалуйста, что вы отвѣчаете дѣтямъ, когда они пристають къ вамъ съ подобными вопросами?

— Говорю, что охотно объяснила бы имъ, но они ничего не поймутъ.

— И они довольствуются?

— Они знаютъ, что я не подѣлюсь объяснить все, что они меня спросятъ, а если отказываю имъ сдѣлать это въ данную минуту, они привыкли вѣрить, что я дѣлаю это не изъ каприза.

Я изъявила желаніе поближе познакомиться съ методомъ воспитанія г-жи Лярской.

— Если вы имѣете при этомъ въ виду какія-нибудь педагогическія цѣли, напередъ предупреждаю, — очень разочаруетесь. Подумайте, можемъ ли мы, вынужденныя зарабатывать усидчивымъ трудомъ свой хлѣбъ, воспитывать дѣтей по всѣмъ правиламъ педагогій? Можемъ-ли всегда быть съ ними ровны, веселы, справедливы, когда сплошь и рядомъ проводишь ночи за работой? Могутъ ли дѣти быть хорошо воспитаны, когда занимаешься съ ними урывками?

Представлю на судъ читателей все то, что я видѣла у Лярской, — это по-служить къ выясненію вопроса о нравственномъ воспитаніи вообще и о наказаніяхъ въ частности.

— Ну, слава Богу, — сказала Лярская, когда я какъ-то зашла къ ней: — сегодня удалось заняться съ дѣтьми вѣвремя. Идите, дѣти, завтракать въ другую комнату, — обратилась она къ нимъ.

— Ахъ, мама! — заговорили дѣти: — какъ ты сегодня мало съ нами занималась!

— Ну, смотри, — сказала Лярская, — показывая часы 7-лѣтнему сыну.

— Что-же, — отвѣчалъ онъ: теперь только 12 часовъ, а ты начала заниматься въ 11¹/₂ час. Только 10 минутами больше обыкновеннаго.

— А помнишь, третьягодня, за тобою еще оставалось 15 минутъ, — подхватишь старшій 8-лѣтній мальчикъ: — на той недѣлѣ ты тоже осталась у насъ въ долгу.

— Хорошо, хорошо, — проговорила Лярская, цѣлуя ихъ... — Когда-нибудь всё долги покрою... А теперь идите завтракать!

— Скажите, чѣмъ вы это такъ умѣете ихъ заинтересовать, что они считаютъ каждую минуту?

— Неужели дѣти могутъ чѣмъ-нибудь не интересоваться? Не только со своими, но и со всѣми дѣтьми, съ которыми мнѣ приходилось заниматься, я никогда не встрѣчала, чтобы, послѣ назначеннаго часа или получаса, дѣти не приставали съ просьбою еще позаняться. Почти всегда срочная работа заставляетъ меня меньше, чѣмъ слѣдуетъ, заниматься съ собственными дѣтьми; не будь этого, по своей слабости я часто бы увлеклась вѣчнымъ ихъ увлеченіемъ, поддавалась бы на ихъ просьбы...

— Но младшему только 7 лѣтъ, не рано-ли вы начинаете его учить?

— Я его не учу въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ у насъ ученіе: онъ еще не знаетъ у меня ни читать, ни писать. Но оставить мальчика только бѣгать и бить баклуши до 10-ти-лѣтъ, а потомъ сразу заставить зубрить три языка, посадить на нѣсколько часовъ въ день склонять, спрягать, заучивать цѣлыя страницы опредѣлений, готовыхъ выводовъ и правилъ, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ хотя одно самостоятельное наблюденіе, — нѣтъ, ужъ за это благодарю покорно! Какой прокъ въ школьномъ ученіи, когда вы напередъ не пробудили мысли, не остановили вниманія ребенка на окружающихъ его предметахъ, совершенно доступныхъ его пониманію, и наконецъ, самое главное, возможно-ли требовать 4 — 5-часоваго постоянства въ трудѣ, когда передъ тѣмъ онъ не привыкъ и полчаса поработать надъ однимъ и тѣмъ-же? При моемъ воспитаніи я убѣждена въ одномъ: мнѣ не только не придется упрекать ихъ въ лѣни, но всегда нужно будетъ сдерживать ихъ рвеніе къ занятіямъ. Теперь къ усидчивости побуждаетъ ихъ не конфетка, не копѣйка, какую награждаютъ дѣтей за прилежаніе, а ихъ собственная любознательность. Точно также и послѣ причиною ихъ рвенія, по крайней мѣрѣ я горячо вѣрю въ это, будетъ не желаніе добиться теплаго мѣстечка, а жажда знанія, истинный интересъ къ наукѣ. — На этомъ насъ прервала кухарка, которая прошла мимо насъ съ кострюлочкою въ рукахъ.

— Да куда-же вы? — живо остановила ее Лярская и взяла изъ ея рукъ кастрюльку. — Вотъ, представьте хотя такой случай, — обратилась она ко мнѣ. — Кажется, ну что значить поднести годовалому ребенку горячій бульонъ?... Между тѣмъ, сколько тутъ порчи характера! Ребенка кормятъ всегда въ одно и то же время, — слѣдовательно, теперь онъ уже проголодался. Видь бульона сразу пробудитъ его голодь; онъ запроситъ ѣсть, начнетъ кричать, плакать. А тутъ при немъ студятъ его кушанье, еще сильнѣе раздраживаютъ его. Ребенокъ синѣетъ отъ злости и крика. Матерей при этомъ только радуетъ, что у ребенка такой сильный аппетитъ. Между тѣмъ слезы и волненіе его утомляютъ, и аппетитъ пропадаетъ. У другихъ-же дѣтей волненіе, напротивъ, вызываетъ усиленную дѣятельность; сразу просыпается, что называется, волчій аппетитъ, ребенокъ глотаетъ такъ, что давится отъ торопливости, не уснѣвая смачивать пищу слюною. Какія же послѣдствія? Пища дурно переваривается, и ребенокъ становится раздражительнымъ. Спрашивается, зачѣмъ его приучать ревѣть, злиться, настойчиво требовать, когда этого такъ легко избѣжать? Я даже дверь притворяю, чтобы стукъ ложки не напомнилъ ему, что тутъ дѣлается.

Когда Лярская нѣсколько остудила бульонъ, она поставила блюдечко на столъ и кликнула старшихъ дѣтей.

— Дѣтүшки!—сказала она имъ, когда они вбѣжали. — ну-ка, скорѣе собирайте и тащите игрушки изъ моего кабинета...

— А зачѣмъ это, мама?—спросилъ младшій.

— Развѣ ты забылъ?—перебилъ его старшій, подбирая игрушки:—мы сейчасъ ѣли, и Ваню будутъ кормить въ этой комнатѣ,—нужно, чтобы наши игрушки не валялись здѣсь: онъ все будетъ просить то одну, то другую, и забудетъ о ѣдѣ.

— Готово!—закричали они матери, и Лярская взошла съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ и стала его кормить. Коля началъ заигрывать съ маленькимъ братомъ. — Теперь не время, дружокъ,—сказала ему мать,—видишь, Ваня смотритъ на тебя, развлекается... Смотри,—и она указала ему, какъ маленькій засмотрѣлся на брата, улыбнулся, и бульонъ вылился у него изо рта.

— Ахъ, какой ты глупышъ!—сказалъ Коля покровительственно, схватилъ съ дивана большой платокъ и началъ въ него закутываться.

— Куда-же ты собираешься?—спросили мы.

— Хочу посмотрѣть, отворили-ли въ Ванюной комнатѣ форточку: няня все забываетъ...—И мальчикъ убѣжалъ.

— Жизнь взаимной самопомощи... Такая трогательная забота о маленькомъ братѣ... Это, конечно, прекрасно, но мнѣ бы хотѣлось знать, чѣмъ вы съ ними занимаетесь? Вашъ старшій 8-лѣтъ. мальчикъ конечно, читаетъ, пишетъ, рисуетъ,—тутъ уже много дѣла для рукъ и для головы. А что подѣлываетъ вашъ семилѣтній мальчуганъ?

— У него тоже много занятій...—и Лярская отворила шкафъ, заставленный всевозможными работами. Чего, чего тутъ не было: студики, столы, лѣстницы, ящички, чашечки, кубышки, сдѣланныя изъ глины и воска, плетенныя и шитыя корзиночки, геометрическія фигуры изъ разноцвѣтной бумаги, маленькіе ландшафтѣки сельскихъ и городскихъ видовъ, причѣмъ деревья, животныя, люди, домики очень аккуратно были вырѣзаны изъ папки и стоймя приклеены къ картонажу, нарисованные, выпукло-выколотые контуры домашнихъ животныхъ, птицъ, предметовъ, находящихся въ комнатѣ и т. п. Я съ изумленіемъ всматривалась въ работы; такого разнообразія я нигдѣ не видала; онѣ мало походили и на работы дѣтскаго сада, которыя я встрѣчала на различныхъ выставкахъ. Ничто не носило, такъ сказать, казеннаго, форменнаго характера, т.-е. ничто не было подчищено, прикрашено. Вы сплошь и рядомъ встрѣчали пятно, дырку, переправленную ошибку. Но сколько во всемъ этомъ было наблюдательности, симметріи, вкуса, граціи!

— Неужели вы не поправляли всѣхъ этихъ работъ?

— Этихъ—нѣтъ, даже выборъ былъ ихъ собственный, а вотъ сюда загляните,—и она указала на нижнія полки. По этимъ работамъ я легко могла прослѣдить, какъ каждый изъ нихъ развивался. Въ этихъ тетрадахъ часто не только трудно было разобратъ какую-нибудь форму или фигуру,—это просто были испачканные, залитые клеемъ куски мятой бумаги, налѣпленные на тетрадь.

— Видите ли, сколько тутъ моей работы?—сказала Лярская, указывая на фигурки, аккуратно сдѣланныя, которыя среди этой пачкотни рѣзко выдѣлялись. Старшій теперь уже все мастерить безъ всякихъ указаній, но Митѣ приходится еще много поправлять, на многое его наводить. Да такъ-ли бы мы работали, если бы я могла тратить на нихъ столько времени, сколько слѣдуетъ... Вѣдь у меня все это дѣлается урывками. Вы не повѣрите, какъ я завидую другимъ матерямъ;

миѣ очень часто приходится слышать, что онѣ дадутъ дѣтямъ вотъ такой ящикъ матеріала, и тѣ сами до всего доходятъ. Пробовала тоже съ моими, что же вы думаете?—всю коробку перервутъ, и только когда съ ними продѣлаешь много работъ вмѣстѣ, сама посидишь и покорпишь, придумывая разныя фигурки, они начинаютъ работать самостоятельно. Ужъ право не знаю, не достаетъ-ли въ нихъ даровитости, или другія матери говорятъ это только изъ мелкаго хвастовства...

— Однако, посмотрѣвъ на такія работы, грѣшно жаловаться вамъ на недаровитость дѣтей.

— Да, они очень понятливы, только эту понятливость всегда нужно съ ними высидѣть. Впрочемъ, я увѣрена, что руки ихъ, тѣло и голова все-таки будутъ достаточно развиты; но меня мучить, что я не могу постоянно слѣдить за ними, внимательнѣе вслушиваться во всѣ ихъ разговоры, не всегда могу вызывать ихъ на разсужденія. Конечно, въ болѣе важныхъ случаяхъ они бѣгутъ ко мнѣ, и мы все рѣшаемъ сообща; каждый при этомъ высказываетъ все, что ему вздумается; но этого еще мало, и я очень часто должна затворять дверь, когда между ними идетъ прелюбопытная болтовня. Часто мнѣ кое-что въ ней не нравится, да боишься отвлечься отъ срочной работы, и еще крѣнче затворяешься...

Въ эту минуту, какъ нарочно, раздался изъ сосѣдней комнаты ужасный визгъ.

— Дерутся,—сказала Лярская, и бросилась на крики.

— Неправда ли, примѣрныя дѣти?—сказала она, растягивая ихъ въ разныя стороны.

— Мама, это онѣ, онѣ дерется!—закричалъ Митя,—я теперь съ нимъ ни за что не буду играть, цѣлый годъ не скажу съ нимъ ни слова!

— Никогда не повѣрю, что ты такой злой,—перебила мать,—что цѣлый годъ будешь помнить... А вотъ каково вамъ было бы, если бы я за то, что вы теперь передрались, цѣлый годъ не стала бы съ вами заниматься, разговаривать?

Мальчика видимо сразилъ этотъ доводъ, но самолюбіе не дозволяло уступить брату, а Лярская терпѣть не могла въ такихъ случаяхъ сентиментальныхъ комедій. Она никогда не говорила при этомъ: „просите другъ у друга прощенья, поцѣлуйтесь“, или, что еще пошлѣе: „ты виноватъ, ты и поцѣлуй у брата ручку“. Напротивъ, она больше всего старалась какъ можно скорѣе покончить дѣло.

— Посмотри-ка, Митя, какая толстая веревка,—вдругъ сказала она, поднимая съ полу веревку и подавая ее сыну.—Ну, попробуй ка, обхватишь-ли ты ее своими рученками? О, да ты, значить, можешь и кучеромъ быть! Ну-ка, Саша, становись лошадкой.—И дѣти, которыя за минуту давали обѣтъ не играть вмѣстѣ, совсѣмъ забыли о ссорѣ, и еще съ невысохшими слезами, какъ ни въ чемъ не бывало, стали весело бѣгать и играть.

Когда Лярская садилась за работу, она закрывала дверь, упрашивая дѣтей не предпринимать въ это время шумныхъ игръ. Дѣти хорошо знали, что мать говоритъ это не изъ личнаго каприза, и покорялись, насколько имъ позволяла ихъ живость.

— Только, пожалуйста, мама,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—ты почаще обѣ этомъ напоминай. А то мы вдругъ нечаянно забудемъ, а ты подумаешь, что мы нарочно.

— Никогда этого не думаю.

— Только когда устанешь работать, скажи, и, если можно, посиди съ нами хотя нѣсколько минутокъ... совсѣмъ немножко,—упрашивали ее дѣти. И Лярская никогда не забывала этихъ дѣтскихъ просьбъ; она ни на минуту не сдерживала

ихъ больше, чѣмъ этого требовала ея работа.—Ну, дѣтушки, шумите, бѣгайте, теперь мнѣ не помѣшаете.—И подымалась же возня, въ которой, при первой возможности, сама Лярская принимала участіе.

Слѣдствіемъ заботъ о маленькомъ братѣ, которыхъ дѣти раздѣляли съ матерью, была сильная привязанность старшихъ братьевъ къ малюткѣ: они охотно жертвовали для него своими вещами, забавляли его, устраивали ему игрушки. Разъ привыкли не на словахъ, а на дѣлѣ выражать свое участіе, они такъ же относились и ко всѣмъ окружающимъ. Къ своей нянѣ они были крѣпко привязаны, и многому научились отъ нея: различнымъ мелкимъ работамъ, играмъ, пѣснямъ. Когда няня мыла бѣлье, они мели свою комнату, застилали свои постели; свѣдѣнія, которыя они получали изъ книгъ или отъ матери, они немедленно сообщали нянѣ. Когда оба они стали грамотными, они съ необыкновенною охотою, терпѣніемъ и радостью учили читать и писать молоденькую горничную, которая изъявляла на это свое желаніе. Отходилъ ли по болѣзни отъ нихъ кто-нибудь изъ служащихъ, какая-нибудь прачка, поденщица, мать освѣдомлялась объ ея судьбѣ, и все это было при дѣтяхъ. При первомъ удобномъ случаѣ Лярская, вмѣстѣ съ дѣтьми, шла на квартиру къ этой женщинѣ. Такъ какъ Лярская жила тѣсною жизнью съ дѣтьми, то и дальнѣйшія ея хлопоты о несчастной были не только извѣстны дѣтямъ, но и они сами принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Кто бы у нихъ ни былъ, гдѣ бы они ни были, Лярская обдумывала и спрашивала у другихъ, какъ бы пристроить ту или другую женщину, не знаетъ ли кто того или другого мѣста.

— Видишь, мама!—весело говоритъ Саша.—Вотъ, Мама и не будетъ жить въ грязномъ углу. Или:—А какъ ты думаешь, уплатить ли Александра Иванова свои долги, получая жалованья 15 рублей въ мѣсяцъ?—И какъ это хорошо,—разсуждали они,—что именно ей досталась такая работа, какъ шитье: она, вѣдь, такая мастерица, и ей навѣрно прибавятъ жалованья.—Болѣлъ ли кто въ домѣ, Лярская одинаково усердно за всѣми ухаживала. Дѣти, конечно, не отставали отъ нея и всячески развлекали больного, прислуживали ему. Понятно, что если кто выздоравливалъ, вся семья искренно радовалась этому.

За проступки Лярская никогда не наказывала своихъ дѣтей. Вѣчно въ обществѣ матери, всегда стремясь сообщить ей какъ можно скорѣе все, что только западало въ ихъ маленькую головку, они отлично знали, что ей не нравилось и что могло ее огорчить. По нервности, живости и дѣтской забывчивости, они шалили, проказничали и иногда дѣлали дурное. Но лишь только проступокъ былъ совершенъ, прежде чѣмъ мать успѣвала высказать о немъ свое мнѣніе, даже если ея не было въ той комнатѣ, ребенокъ уже не могъ продолжать никакой игры; онъ бѣжалъ къ матери и старался какъ-нибудь спрятать свое личико у нея на колѣняхъ. Мать приподымаетъ лицо и сейчасъ догадывается, что онъ что-нибудь напроказилъ.

— Ну, что натворилъ?—спрашивала Лярская.

— Няня кроила, и мнѣ захотѣлось; она ушла, я и разрѣзалъ свои новыя штанишки.—Ребенокъ горько плакалъ, мать молчала.—Мама, значить у меня не будетъ новыхъ штанишекъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, я постараюсь достать денегъ, твои ужъ совсѣмъ разорвались.

— Откуда же ты достанешь?

— Дольше поработою.

— Мамочка, я лучше буду ходить въ дырявыхъ... Я не могу видѣть, прос-

нущь ночью, гляжу—всѣ спать, а ты сидишь и одна не спишь... Мама, ты меня не любишь? Ты меня не будешь любить?

— Что ты, голубчикъ? Все такъ же буду любить: будешь умнѣе, поймешь, что и выработать не всегда можно; тогда не станешь рѣзаться!..

Ребенку при этомъ обыкновенно было совѣстно даже поднять голову съ колѣнъ, и Лярская могла вывести его изъ этого положенія, только обративъ вниманіе на какой-нибудь посторонній предметъ,— она по опыту знала, что такого урока было достаточно. Когда дурной поступокъ повторялся, что было чрезвычайно рѣдко, Лярская все-таки не наказывала ребенка. Это ее сильно смущало, и она не скрывала передъ дѣтьми своего огорченія. Съ тѣмъ изъ нихъ, кто такъ провинился, она дѣлалась сдержаннѣе, холоднѣй, и это страшно мучило ребенка. Ребенокъ ничего не лишался: ни пищи, ни удовольствія; мать, какъ и прежде, говорила съ ними, объясняла, что онъ спрашивалъ, но по выраженію лица, по сухости тона онъ уже зналъ, что мать имъ недовольна и помнилъ свою вину.

— Мама, не сердись на меня больше,—говорилъ однажды Саша послѣ небольшой размолвки съ матерью; мальчикъ былъ уже въ кровати, и всѣ думали, что онъ спалъ. Лярская подошла и поцѣловала его; но онъ быстро повернулся на другую сторону и зарыдалъ.

— Отчего же ты и теперь плачешь?—спросила его мать.

— Ты еще не забыла, я это вижу; ты меня всегда такъ крѣпко цѣлуешь, а теперь такъ... чуть-чуть...—На другой день послѣ такихъ событій ребенокъ особенно засматривалъ въ глаза матери, всѣми средствами старался ее заставить забыть его проступокъ. Каждый изъ нихъ зналъ, что братъ, няня,—нѣтъ-нѣтъ да и вспомнятъ, пристыдятъ при случаѣ за прошлое, хотя и обѣщали простить, но ужъ если мама скажетъ: „ну, полно, помиримся“, да еще крѣпко поцѣлуешь, значитъ все забыто, какъ будто и не было сдѣлано той или другой глупости. Лярская находила комичными наказанія въ такомъ родѣ—ставить въ уголъ носомъ къ стѣнѣ, ставить на колѣни, запирать въ отдѣльную комнату; лишать же дѣтей пищи, прогулки за тотъ или другой ихъ проступокъ она считала просто преступнымъ со стороны воспитателей, и на всѣ наказанія подъ названіемъ естественныхъ она смотрѣла съ такимъ же отвращеніемъ, какъ на розги, какъ и на всѣ другія тѣлесныя и нравственныя истязанія.

ГЛАВА XI.

Воспитаніе ума.

О воспитаніи, которое получают у насъ маленькія дѣти.—Могутъ ли они усвоивать школьныя знанія, когда до школы имъ не даютъ правильнаго умственнаго развитія.—Къ чему ребенокъ выказываетъ умственное тяготѣніе съ ранняго возраста.—Важнѣйшія правила при развитіи дѣтскаго ума.—Какъ и что слѣдуетъ наблюдать въ природѣ и жизни.—Необходимая послѣдовательность въ наблюденіяхъ.—Ребенокъ долженъ наблюдать не только природу, но и человѣка.—Необходимо вспоминать наблюдаемое и пересказывать наблюденія.—Къ чему это ведетъ.—Практическія указанія для развитія наблюдательности.—Почему умственно развитые люди далеко не всегда бываютъ нравственными.—Можетъ ли правильное умственное развитіе не способствовать нравственному совершенствованію человѣка.—Большая часть пороковъ маленькихъ дѣтей происходитъ отъ отсутствія соответственнаго ихъ возрасту развитія.

Развивать умъ ребенка обыкновенно начинаютъ у насъ только съ того времени, когда его задумаютъ отдать въ школу, т.-е. въ 9—10 лѣтъ. Еще Песталлоцци говорилъ: „До школы дѣтей совершенно предоставляютъ природѣ, дозволяютъ дѣйствовать на нихъ каждому впечатлѣнію чувственной жизни, а потомъ вдругъ всю природу закрываютъ передъ ними; неумолимо сгоняютъ ихъ, какъ овецъ, большими стадами, въ душную каморку; на цѣлыя часы, дни, мѣсяцы и годы приковываютъ ихъ взоръ къ однообразнымъ и вовсе не заманчивымъ буквамъ и вводятъ въ жизнь, совершенно противоположную тому попеченію, какое до того времени имѣла о нихъ природа“.

И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, ребенокъ наслаждается полною свободой до 7—8 лѣтъ, когда его начинаютъ обучать грамотѣ; при этомъ все чаще напоминаютъ ему о томъ, что скоро кончится его блаженство, что онъ уже большой и въ школѣ цѣлый день долженъ будетъ сидѣть за книгами. Ребенокъ припоминаетъ прошлое и не можетъ представить себѣ, какъ это онъ усидитъ на мѣстѣ, когда весною налетятъ изъ теплыхъ странъ столько хорошенькихъ птичекъ, когда такъ любопытно засматривать въ ихъ гнѣзда, и какъ это его не будетъ въ шумной толпѣ товарищей, когда тѣ съ первыми лучами теплаго весенняго солнышка выбѣгутъ на зеленый лужокъ играть въ горѣлки, въ городки, бѣгать взапуски... И всего этого лишится изъ-за ученья? Ребенокъ инстинктивно чувствуетъ, что его дѣтская потребность наслаждаться жизнью вполне законна, и онъ нерѣдко съ обращеніемъ думаетъ о будущихъ школьныхъ занятіяхъ.

Послѣ усиленныхъ занятій въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ поступленіемъ въ школу и послѣ безпокойнаго времени для обѣихъ сторонъ, т.-е. для родителей и для ребенка, онъ благополучно сдаетъ вступительные экзамены. При этомъ у родителей точно гору съ плечъ свалило: они горды сознаниемъ, что выполнили тяжелую родительскую обязанность и могутъ свободно вздохнуть: главная отвѣтственность не на ихъ рукахъ. Даже самыя заботливыя изъ матерей теперь ограничиваются только тѣмъ, что присматриваютъ за отмытками, за приготовленіемъ уроковъ по вечерамъ, да развѣ еще за внѣшностью ребенка. И не будь начальства,

которое по временамъ досаждаеть родителямъ своими жалобами на ту или другую шалость ребенка, не будь плохихъ отми́токъ, какой бы это водворился миръ въ родительскомъ сердцѣ!

Но неожиданно то и другое, то-есть отми́тки и начальство, все болѣе тревожатъ родителей. Какъ бы избавиться и отъ этой неприятности, чтобы уже совсѣмъ успокоиться на счетъ ребенка? На то существуютъ выговоры, строгія наказанія, а буде замѣтно со стороны ребенка малѣйшее стремленіе къ добropорядочному поведенію и старательной зубряжкѣ, что въ концѣ недѣли покажутъ отми́тки, — щедрія награды. Заботливая мать сзумѣла отыскать и наказаніе, которое смертельно стыдитъ ребенка, и награду, которая удовлетворяетъ его мечтамъ. Такая опредѣленная и несложная программа требованій отъ ученія и поведенія ребенка заставляетъ его, на нѣкоторое время, усердно тянуть школьную лямку. Правда, онъ замѣтно худѣетъ, глазки его потухаютъ, движенія становятся вялыми, но онъ безропотно выполняетъ требованія, да и какъ пренебрегать ими, — въ концѣ недѣли его ждетъ строгое наказаніе. Переутомленный безынтереснымъ для него ученіемъ, онъ вдругъ утрачиваетъ всякую энергію, зубряжка внушаетъ ему физическое отвращеніе, головныя боли и головокруженіе не даютъ возможности превозмочь это отвращеніе, и онъ начинаетъ быстро катиться внизъ, какъ по наклонной плоскости, выказываетъ полное равнодушіе не только къ брани, угрозамъ, но даже и къ наградамъ, столь заманчивымъ для него еще такъ недавно. И дома, и на улицѣ, и въ школѣ его поведеніе изъ рукъ вонъ плохо: осматриваетъ ножницы и, когда мать погружается въ работу, онъ изрѣзываетъ платье, продыравливаетъ обивку на мебели; повертѣлъ въ рукахъ перочинный ножикъ, и въ комнатѣ испорчены обои, рабочій столъ; въ классѣ показалъ учителю языкъ, приколотилъ товарища, изъ многихъ предметовъ сряду получилъ плохія отми́тки, толкнулъ на улицѣ лотокъ торговки, и та здорово отколотила его въ награду. Настаетъ тревожный для всѣхъ періодъ времени: слезы, увѣщанія, наказанія. И счастье ребенку, если брань, упреки, наказанія и награды не развратятъ его до того, что онъ будетъ, уже не краснѣя, отпираться отъ всякой шалости, не приобрѣтетъ навыка ловко продѣлывать за глаза всякую мерзость. Но если этого ребенокъ и избѣжитъ, то все же онъ становится современемъ равнодушнымъ къ брани, упрекамъ и наказаніямъ. Ребенокъ легко привыкаетъ ко всему и легче всего къ упрекамъ и наказаніямъ, если они часто повторяются. Но такая привычка не проходитъ даромъ: и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи онъ падаетъ все ниже и ниже. Учителя считаютъ его мерзкимъ мальчишкой и отпѣтымъ лѣнтяемъ, товарищи иронически относятся къ нему. Тогда домашніе хватаются за послѣднія средства: не жалѣя красокъ и не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, рассказываютъ имъ о дурномъ поведеніи ребенка, и о его пошлыхъ предѣлкахъ. У ребенка наворачиваются слезы, но онъ скоро научится ихъ проглатывать, подавляя въ себѣ чувство стыда; затѣмъ и оно пройдетъ, и наступитъ полная притупленность нравственныхъ чувствъ, совершенное отсутствіе стыдливости. При подобномъ воспитаніи болѣе удачный исходъ бываетъ лишь въ такомъ случаѣ, когда найдется въ домѣ хотя одна живая душа, обыкновенно въ видѣ няньки, которая подмигивъ въ дитяти добрыя качества и искренно къ нему привяжется. Согрѣтый ласкою, онъ, по крайней мѣрѣ, добродушно относится къ окружающему; изъ него впоследствии выйдетъ можетъ быть и безпутный забулдыга, отчаянный лѣнтяй, но, что называется, добрый малый. Въ противномъ случаѣ, когда ребенокъ видитъ, что все о немъ дурного мнѣнія, онъ жестоко озлобляется.

Отчего все это происходитъ? Какъ же вы, заботливыя матери, испытавъ столько

тревогъ и истративъ столько денегъ при переводныхъ экзаменахъ ребенка, все-таки не способствовали тому, чтобы онъ всегда счастливо переходилъ изъ класса въ классъ, и теперь, положа руку на сердце, не можете сказать, что юноша пойдетъ правильной дорогой, что изъ него выйдетъ честный человекъ, дѣльный труженикъ? Вы вините школу и, какъ одно изъ неотразимыхъ доказательствъ, приводите то, что она не сумѣла привлечь его къ серьезнымъ занятіямъ, не внушила ему любви къ наукѣ...

Было бы лишнимъ распространяться о томъ, что наша школа не удовлетворяетъ разумнымъ требованіямъ, но намъ кажется, что, даже и при болѣе правильномъ устройствѣ, ея задачей должно быть не столько первоначальное умственное и нравственное воспитаніе, сколько болѣе широкая цѣль — воспитывать будущаго общественнаго дѣятеля и граждаина и давать основательныя знанія. Если подъ надзоромъ любящихъ родителей мало-по-малу укрѣпляется въ ребенкѣ сначала инстинктивно, а потомъ и сознательно, честныя нравственныя и интеллектуальныя привычки, то и въ школѣ у него несравненно легче могутъ развиваться добрыя стремленія и любовь къ наукѣ, которыя одни только впоследствии и поддержать его въ тяжелой житейской борьбѣ. Можетъ ли преподаватель исторіи и литературы заставить понять и сознательно полюбить историческихъ дѣятелей и тружениковъ, отдавшихъ всю свою жизнь на служеніе обществу, если до 10 — 12 лѣтъ мальчикъ еще не понимаетъ совершенно сознательно, что скверно и глупо подтолкнуть на улицѣ лотокъ бѣдной торговли. Такой ребенокъ, и сдѣлавшись взрослымъ, никогда не пойметъ лучшихъ стремленій общества, никогда не будетъ работать заодно съ лучшими его представителями. Что касается умственнаго развитія, то можно смѣло сказать, что если дома, до вступленія въ школу, ребенку не дали разумной подготовки, и потомъ, развѣ только особенно талантливый, можетъ приобрѣсти основательныя знанія. При нашей школьной программѣ намъ мало можно надѣяться на умственное развитіе въ школѣ. Да и мудрено школьнымъ преподавателямъ заставить полюбить свой предметъ, если въ дѣтствѣ, когда въ ребенкѣ такъ сильна склонность къ наблюдательности, онъ привыкъ безучастно проходить мимо самыхъ обыденныхъ явленій. Какъ онъ можетъ внимательно слушать часовой урокъ въ классѣ, когда дома его не приучили ни думать, ни напрягать своего вниманія и 5 минутъ кряду, когда у него не пробужденъ элементарный интересъ къ предметамъ, которые онъ слушаетъ.

Итакъ, наши главныя неудачи въ воспитаніи происходятъ преимущественно отъ того, что оно начинается *только* со школьной скамьи, когда характеръ ребенка уже болѣе или менѣе сложился, а умъ, привыкшій къ бездѣйствію, принялъ известное направленіе. Давно уже всѣми признано, что соответственное возрасту умственное и нравственное развитіе должно начинаться съ перваго проявленія сознанія въ ребенкѣ, между тѣмъ, страшно подумать, какъ мало заботятся объ этомъ даже въ самомъ образованномъ классѣ общества. Будущій историкъ, изучая нашу педагогику и дѣтскую литературу, вѣроятно придетъ въ величайшее затрудненіе, какъ изобразить то воспитаніе, которое въ наше время даютъ дѣтямъ до школы.

Однако, что же дѣлаютъ наши родители съ ребенкомъ, пока не засадятъ его за азбуку? Одни держатся того мнѣнія, что нужно совершенно предоставить ребенка самому себѣ, и потому даютъ ему просвѣщаться отъ лакеевъ, кухарокъ и испорченныхъ дѣтей его возраста; другіе приглядываютъ и сами за дѣтьми, но вся ихъ забота ограничивается тѣмъ, что они не жалѣютъ денегъ на покупку игрушекъ и заставляютъ зубрить французскія и нѣмецкія слова и басни. Въ большинствѣ случаевъ дѣтей совершенно сдаютъ на руки нянькамъ. Няня добра и услуж-

лива, игрушки прелестны, но въ два, три дня она успѣла передать весь запасъ своихъ разказовъ и придуманныхъ ею игръ, и начинаетъ повторяться. Игрушки изломаны и не утѣшаютъ дѣтей, а покушать все новыя — невозможно: при малой изобрѣтательности нашихъ игрушечныхъ мастеровъ можно предложить ребенку только то же самое, что уже разъ было ему куплено, да и не каждый въ состояннн затрачивать на игрушки большія деньги. Дѣти нестерпимо скучаютъ, пристунають къ старшимъ, не знаютъ, что дѣлать. При строгости родителей, требующихъ, чтобы дѣти имъ не докучали, они дѣйствительно скоро перестаютъ просить перемѣны занятій, и, мало-по-малу, притупляется ихъ живость. Дѣти мирятся съ своимъ положеніемъ и вяло, безжизненно, тупо проходятъ день за днемъ дѣтская жизнь, угасаютъ навсегда творчество и другія способности.

Странныя понятія сложились у насъ, даже въ интеллигентной средѣ, объ умственномъ развитіи дитяти дошкольнаго возраста! Въ то время, когда элементарныя понятія о гигиенѣ и о физическомъ уходѣ за дѣтьми болѣе или менѣе вошли въ плоть и кровь образованныхъ людей русскаго общества, необходимость умственнаго развитія дѣтей дошкольнаго возраста или совершенно отрицается, или каждый ведетъ его, какъ кому Богъ на душу положить.

— Ахъ, какой онъ понятливый! представьте, сегодня..., говоритъ мать каждому гостю, и при этомъ начинается исчисленіе всѣхъ премудростей дитяти. „Смотрите, не переучите“, глубокомысленно замѣчаютъ ей. И въ силу того, что дѣтей можно переучить, переутомить, ихъ совсѣмъ не развиваютъ, хотя развитіе и переучиваніе ничего общаго между собою не имѣютъ. И никому не приходитъ при этомъ въ голову, что вѣдь и перекормить можно, но всякій знаетъ, что нельзя же изъ за этого вовсе не кормить ребенка. Переутомленіе мозга дѣйствительно губительно отражается на здоровьѣ ребенка, но такъ же губительно можетъ отразиться во всѣхъ сферахъ будущей дѣятельности человѣка отсутствіе умственнаго развитія въ дѣтствѣ. Да, наконецъ, почему же умственное развитіе маленькихъ дѣтей заслуживаетъ со стороны воспитателей меньшаго вниманія, чѣмъ физическій уходъ? Неужели духовная жизнь дитяти менѣе важна, чѣмъ его физическое благосостояніе?

Что же слѣдуетъ подразумѣвать подъ умственнымъ развитіемъ дитяти? Дать разумное и соотвѣтственное возрасту содержаніе жизни — значитъ дать правильное, соотвѣтственное возрасту умственное развитіе; оно не разстраиываетъ здоровья, а укрѣпляетъ его, одновременно развиваетъ нравственныя свойства дитяти и пробуждаетъ въ немъ бодрое и веселое душевное настроеніе. Польза такого настроенія, какъ мы указали уже выше, особенно важна для маленькихъ дѣтей потому, что запасъ ихъ жизненныхъ силъ не великъ и ихъ жизненная энергія, впечатлительность и дѣятельность кровообращенія преимущественно вызываются бодрымъ, веселымъ и радостнымъ настроеніемъ.

Мы говорили выше о томъ, что изъ научныхъ занятій не слѣдуетъ дѣлать забавы, какъ то думали многіе еще недавно, но наукою и научными предметами занимаются въ болѣе позднемъ возрастѣ, мы же имѣемъ въ виду дѣтей дошкольнаго возраста; все, съ чѣмъ приходится знакомиться такимъ дѣтямъ, все, что они должны наблюдать, развивая умственно, должно въ то же время интересоваться ихъ, приносить имъ удовольствіе, радость, веселье.

Но что означаетъ дать разумное содержаніе жизни ребенка дошкольнаго возраста? Подъ этимъ подразумѣвается умѣнье подыскать въ обстановкѣ не только человѣка зажиточнаго, но и бѣдняка — *матеріалъ, пригодный для разнообразныхъ занятій ребенка, для его игръ, упражненій и усовершенствованія органовъ*

внѣшнихъ чувствъ, а также для развитія его наблюдательности надъ окружающею жизнью и природою. Этотъ матеріалъ долженъ быть доступенъ дѣтскому возрасту, одинаково полезенъ для развитія его ума и сердца, и долженъ укрѣплять его здоровье, долженъ давать ему добрыя навыки въ трудолюбіи, самообладаніи и герпѣнии и представлять въ то же время пріятное и занимательное времяпрепровожденіе.

Дайте разумное содержаніе жизни дѣтей дошкольнаго возраста, и они у васъ не будутъ ни тупыми, ни вялыми, ни разсѣянными, ни скучающими, ни лѣнливыми, ни безнравственными. Но такихъ результатовъ разумѣется, можно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если въ ребенкѣ нѣтъ уже прирожденной тупости или какихъ бы то ни было наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ аномалій. Если воспитатель дастъ должное направленіе живости впечатлѣній ребенка и его стремленію къ дѣятельности, приучить его употреблять съ пользою для головы, рукъ и эстетическаго развитія каждый упавшій листокъ съ дерева, каждый брошенный на землю прутикъ, деревянный обрубокъ, кусокъ бумаги, обрѣзокъ матеріи, такой питомецъ будетъ полезнымъ и честнымъ работникомъ на всякомъ поприщѣ дѣятельности, у такого будетъ развитъ широкій интересъ ко всему окружающему, онъ наконецъ и въ послѣдствіи найдетъ въ себѣ достаточно силы и энергіи, чтобы въ тяжелыя минуты жизни умѣть забываться въ трудѣ, а это поможетъ ему легче переносить горе, тяжкія утраты и жизненныя неудачи, безъ которыхъ немислима жизнь разумнаго существа. При растлѣвающимъ вліяніи современнаго общества, при бѣдности нашей житейской обстановки, необходимо найти для дѣтскихъ игръ и занятій матеріалъ, имѣющій общечеловѣчскій смыслъ. Дѣтямъ, приученнымъ съ первыхъ лѣтъ тяготиться праздностью, любить и уважать простой трудъ, не придется объяснять того, что и подъ серпягою, и подъ рубищемъ бьется такое же человѣческое сердце, какъ и подъ тончайшимъ сукномъ.

По новѣйшимъ требованіямъ педагогики, правила для воспитанія нельзя сочинять по личному усмотрѣнію: ихъ слѣдуетъ брать изъ природы дитяти, вникая какъ въ сущность его способностей, такъ и въ условія его обстановки. Наблюдая природу дитяти, мы находимъ, что жизнь его проходитъ: 1) въ игрѣ, 2) въ занятіяхъ, въ которыхъ онъ подражаетъ старшимъ, и 3) въ постепенномъ усовершенствованіи органовъ внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ. Безъ участія воспитателя, безъ его умѣнья остановиться на характерныхъ свойствахъ дитяти и дать имъ надлежащій толчекъ и направленіе, живость впечатлѣній, творчество и другія психическія способности вянуть и глхнуть. Что касается занятій дѣтей и ихъ игръ, то они, если воспитатель не дастъ имъ надлежащаго направленія, будутъ отражать лишь внѣшнюю сторону узкой семейной жизни, что скорѣе притупляетъ свѣжее дѣтское чувство, чѣмъ развиваетъ его.

Давая дѣтямъ матеріалъ для ихъ занятій и игръ, нужно имѣть въ виду развитіе трудолюбія и бодрого, живого, веселаго настроенія духа, а также творчества, мыслительныхъ способностей, эстетическаго вкуса и интереса къ окружающему. Достигнуть этихъ цѣлей, не усовершенствуя органы внѣшнихъ чувствъ, невозможно. Забота о воспитаніи ума должна прежде всего заключаться въ усовершенствованіи органовъ внѣшнихъ чувствъ и въ воспитаніи процесса представленій; о первомъ уже было сказано достаточно, второе должно заключаться въ умѣнни наблюдать. Въ способность наблюденія входитъ: заминаніе наблюдаемаго, умѣнье отличить въ наблюдаемомъ существенное отъ менѣ существеннаго, навыкъ сравнивать одни признаки съ другими и привычка дѣлать изъ нихъ правильныя заключенія и выводы. „Умѣнье наблюдать“, говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ нашихъ педагоговъ и

психологовъ г. Каптеревъ, „включаетъ довольно важныя умственныя элементы: запоминаніе, различеніе существеннаго и несущественнаго и навыкъ осмотрительности, теоретической добросовѣстности при занятіяхъ. Конечно, эти навыки и умъ не придутъ къ человеку сами, ихъ надобно привить себѣ, воспитать. Привитіе же такихъ навыковъ возможно только рядомъ систематическихъ упражненій, при которыхъ намъѣченныя элементы постоянно имѣются въ виду. Чѣмъ раньше начать привитіе указанныхъ интеллектуальныхъ навыковъ, тѣмъ лучше. Поэтому еще въ періодъ семейнаго воспитанія слѣдовало бы класть прочную основу интеллектуальному развитію органовъ, тѣмъ болѣе, что дѣтское наблюденіе обыкновенно характеризуется большою неточностью: дѣти поражаются вѣдшими эффектными чертами явленій, бросающимися въ глаза, и ихъ усваиваютъ, пропуская подчасъ главныя; фантазію и дѣйствительность они переищиваютъ очень легко; прочность усвоенія также оставляетъ желать многого“.

При воспитаніи ума нужно всегда придерживаться слѣдующихъ педагогическихъ принциповъ: *идти отъ болѣе близкаго къ болѣе отдаленному, отъ простаго къ сложному, отъ познанія осязаемыхъ предметовъ, т. е. отъ конкретнаго къ отвлеченнымъ понятіямъ, или къ абстрактному.* Сначала въ каждомъ предметѣ ребенокъ замѣчаетъ только самыя выдающіеся признаки; затѣмъ воспитатель указываетъ на другія качества, менѣе замѣтныя, и ребенокъ постепенно внимательнѣе всматривается въ предметъ и мало-по-малу уже самостоятельно открываетъ въ немъ признакъ за признакомъ. При этомъ болѣе всего нужно стараться не сразу указывать тѣ или другіе признаки, а лишь побуждать дитя открывать ихъ.

При развитіи наблюдательности не менѣе важное условіе—последовательность, которой необходимо держаться, или, точнѣе сказать, всегда соображать, когда и что предложить ребенку, когда и на что натолкнуть его наблюдательность. Для поясненія сказаннаго возьмемъ въ примѣръ лѣтнюю прогулку: воспитатель не долженъ безъ разбора сообщать ребенку свѣдѣнія о вѣсѣхъ предметахъ, попадающихся по дорогѣ, далеко не на всемъ останавливать его вниманіе: изъ встрѣчающагося нужно умѣть выбрать то, что ребенокъ можетъ понять въ данную минуту, на что и слѣдуетъ обратить его вниманіе.

Нужно помнить, что раньше, чѣмъ обратить вниманіе ребенка на отдѣльныя признаки, онъ долженъ осязать, оцупать, осмотрѣть самый предметъ. Если не обращать вниманія ребенка на признаки предмета, въ немъ мало по малу исчезаетъ живость впечатлѣнія, и онъ равнодушно проходитъ передъ самыми характерными явленіями. И дѣтей въ дореформенный періодъ сначала многое поражало, но въ нихъ никогда не поддерживали естественной, дѣятельной любознательности, и замѣченное ими безслѣдно исчезало изъ памяти, и умъ ихъ все болѣе сжимался тѣснымъ кольцомъ будничной жизни съ ея узкими интересами, мелочными дразгами и пересудами.

Дѣлаютъ ли человекъ нравственнымъ образованіе и развитіе? Вотъ вопросъ, который чаще всего слышится въ обществѣ. Отвѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, получается отрицательный. И въ исторіи каждаго культурнаго народа, и кругомъ въ обыденной жизни можно указать множество лицъ весьма образованныхъ и талантливыхъ, но запятнавшихъ свое имя самою предосудительною жизнію, самыми безчестными поступками. Безпрестанно наталкиваемся мы и на явленія противоположнаго характера: люди, не получившіе большого образованія, оказываются въ высшей степени порядочными, случается, что они совершаютъ даже подвиги высокаго героизма. Такимъ образомъ въ жизни мы часто видимъ, что высокое нравственное развитіе идетъ рука объ руку съ ничтожнымъ умственнымъ развитіемъ. И несмотря, однако, на

всѣ эти примѣры, существуетъ весьма тѣсная связь и зависимость между нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Образованнымъ считаютъ у насъ обыкновенно человѣка, обладающаго знаніями, но это еще не говорить о его достаточномъ умственномъ развитіи. Вполнѣ основательныя знанія, если усвоеніе ихъшло рука объ руку съ правильнымъ умственнымъ развитіемъ, съ воспитаніемъ всесторонняго интереса къ окружающимъ людямъ и природѣ, всегда облагораживаютъ душу человѣка, и разумное, основательное образование непремѣнно должно въ одно и то же время воспитывать и сердце. Но, конечно, если образование преслѣдуетъ одни только утилитарныя цѣли, если имѣютъ въ виду только сообщать питомцу какъ можно большее количество знаній, они не будутъ вліять на усовершенствованіе нравственности, не предохранять его даже отъ умственного убожества во многихъ отношеніяхъ. Приобрѣтаемыя знанія только тогда благодѣтельно вліяютъ на душу, когда воспитатель старается съ ранняго возраста дитяти развить стремленіе и интересъ къ знанію, любовь къ мышленію, пробудить умственную пытливость и наблюдательность не только къ природѣ, но и къ людямъ.

Извѣстный нѣмецкій философъ и педагогъ Гербартъ (1776 — 1841 гг.), который прочно установилъ принципы научной педагогіи, убѣдительно доказывалъ, что всякое преподаваніе въ то же время воспитываетъ и облагораживаетъ, если только оно возбуждаетъ истинный интересъ въ учащемся, такъ какъ возбуждать интересъ значить вмѣсто равнодушія и индифферентизма пробудить дѣятельность, энергію, желаніе идти впередъ и стремленіе къ усовершенствованію. Не только научные предметы, преподаваемые въ среднѣеучебныхъ заведеніяхъ и университетахъ, должны возбуждать истинный интересъ въ питомцахъ, но точно также и элементарныя знанія, игры, упражненія, работы, рассказы, наблюденія надъ окружающею природою, однимъ словомъ все, что практикуется для расширенія умственнаго кругозора дитяти, должно привлекать и интересоваться его. Для того, чтобы развить способность пониманія и пробудить интересъ къ тому или другому знанію въ школѣ, необходимо еще до школьнаго возраста развить въ ребенкѣ органы для воспріятія того или другого рода знаній. Когда образование и умственное развитіе дѣтей будутъ поставлены вышеуказаннымъ образомъ, тогда они, конечно, будутъ возвышать и облагораживать душу. Тѣмъ не менѣе, какое бы умственное развитіе вы ни давали ребенку, но вы въ то же время обязаны и непосредственно обращаться къ его сердцу, будить въ немъ любовь къ родителямъ, товарищамъ, окружающимъ, развивать въ немъ, путемъ навыка, альтруистическія свойства и благородныя склонности. Отдѣльно развивать какое бы то ни было чувство, какую бы то ни было психическую силу—не мыслимо, и потому нравственное воспитаніе должно быть тѣсно связано съ умственнымъ и наоборотъ.

Множество пороковъ у дѣтей дошкольнаго возраста, особенно лживость и хитрость, происходятъ, какъ это уже давнымъ-давно замѣчено многими педагогами-практиками, отъ недостатка соотвѣтственнаго умственнаго развитія. Вотъ что намъ рассказывала по этому поводу уже извѣстная читателю Лярская. Она познакомилась съ одною женщиной, восьмилѣтняя дочка которой стала вскорѣ ходить играть къ ея дѣтямъ. Когда Лярская входила въ дѣтскую, дѣвочка въ ея присутствіи оставляла игру и свои занятія и старалась забраться куда-нибудь въ уголокъ. Напрасно Лярская увѣрила ребенка, что въ игрѣ нѣтъ ничего дурного, напрасно своимъ участіемъ старалась ее завлечь, но ничто не помогало, и дѣвочка оставалась дика въ ея присутствіи. Но лишь только затворялась за нею дверь, дѣвочка всакивала и начинала играть, но чаще всего она старалась пошесть къ игрушкамъ. Когда

дѣти замѣчали ей: „тише вези, — колеса чуть держатся“, или: „это нужно вотъ такъ заводить, иначе игрушка сломается“, — дѣвочка отталкивала подошедшихъ дѣтей, била ихъ тѣмъ, что держала въ рукахъ, бросала и игрушки и не только обнаруживала упорное нежеланіе играть съ ними, но и играть при комъ бы то ни было. Иногда, сидя на колѣняхъ у коробки съ игрушками, она озиралась кругомъ, и если никто не глядѣлъ, опускала игрушку въ карманъ. Однажды Лярская замѣтила, что дѣвочка вся была перепачкана чернилами, и спросила ее, какимъ образомъ это съ нею случилось.

— Утромъ мама нечаянно облила меня чернилами: у меня не было другого передника, — такъ и послали...

Лярская, не показывая и тѣни недовѣрія, прошла въ свою комнату: разбитая чернильница съ пролитыми чернилами лежала на полу. — Дѣти! — позвала она дѣтей: — кто изъ васъ это сдѣлалъ?..

— Не я, не я, — закричали дѣти, тоже сказала и дѣвочка, и при этомъ нисколько не покраснѣла.

Вы думаете, читатель, что дѣвочка была дочь бѣдныхъ родителей, которые ничего не могли ей доставить, надзоръ за которой былъ совершенно заброшенъ. Ничуть не бывало. Она была единственной дочерью родителей со средствами, которые покупали ей много игрушекъ и доставляли ей все, что только, по ихъ понятіямъ, не было вредно ребенку. Она даже чуть-ли не въ первый разъ начала играть съ дѣтьми безъ надзора старшихъ, и дома никто не могъ подмѣтить въ ней тѣхъ дурныхъ качествъ, которыя такъ рѣзко выступили въ семействѣ Лярской. Одного только не дали родители дѣвочкѣ — правильнаго умственнаго развитія, насколько оно соотвѣтствовало ея семилѣтнему возрасту. Она дѣлала дурное не потому, что она отъ природы была безнравственнымъ ребенкомъ, а потому, что не была достаточно развита умственно и нравственно. Глала она плоско, глупо и такъ очевидно, что ее тутъ же можно было уличить во лжи. Последнее ея не смущало, не заставляло краснѣть. Крала она вовсе не оттого, что ей нравилась эта вещь, или потому, что она ея не имѣла: эту самую вещь она бросала, гдѣ попало, въ другомъ мѣстѣ, также безъ всякой разумной причины, такъ, по глупости и неразвитости, или, лучше сказать, изъ побужденія чисто-внѣшняго, какъ это дѣлаютъ трехлѣтнія дѣти. Предметъ блеснулъ, и ребенокъ тянется къ нему, прошла минута, — и онъ уже забылъ, что его только-что такъ сильно радовало. Между тѣмъ съ виду дѣвочка эта не казалась глупой: правда, она была нѣсколько дикой, угрюмой и необщительной, но давала домашнимъ отвѣты на вопросы дѣйствительно весьма отрывочные, изъ которыхъ однако можно было видѣть, что она понимаетъ то, о чемъ съ ней говорятъ. Но когда Лярская начала заниматься съ нею, она изумилась ея неразвитости и тупости. Мать этой дѣвочки постоянно мѣрила при ней матерію, между тѣмъ она не умѣла назвать предмета, которымъ мѣряютъ. Она вытаращила глазенки, когда Лярская заставила ее мѣрить аршиномъ столъ и другіе предметы. Когда безмѣрномъ стали вѣсить книги, она отъ души расхохоталась; при ней только перевѣшивали говядину, чтобы провѣрить кухарку. Дѣвочка знала, что на ней надѣто зеленое платье, могла назвать нѣкоторые зеленые предметы въ комнатѣ, но не подозрѣвала, что зеленый цвѣтъ — преобладающій въ природѣ. О всѣхъ, тысячу разъ видѣнныхъ ею предметахъ, она знала только одно самое узкое, обыденное ихъ примѣненіе. Считать она знала сряду до 8, но сдѣлать самую простенькую задачу изъ обыденной жизни не могла и до 3-хъ. Она понимала, что видѣла и слышала, но никогда не могла этого выразить въ полномъ предложеніи. Какой бы она ни

вела разговоръ, она преимущественно употребляла одни существительныя или одни глаголы. Она рѣшительно не была приучена напрягать свое вниманіе и 5-ти минутъ криду; голова ея вертѣлась то туда, то сюда, и много времени пришлось употребить, пока она была въ состояніи повторить простенькій рассказъ въ нѣсколько строкъ, рассказъ о какомъ-нибудь домашнемъ животномъ, которое въ то же время было у нея передъ глазами, или въ цѣломъ предложеніи передать нянѣ порученіе матери. Когда Лярская заявила родителямъ, что, по ея наблюденію, всѣ недостатки дѣвочки происходятъ отъ ея крайней неразвитости, тѣ даже обидѣлись. — „Почему такъ вдругъ неразвита? Ребенокъ какъ ребенокъ: придетъ время учиться, будетъ не хуже другихъ“. — Лярская доказала имъ, что дѣвочка, сравнительно съ подростками своихъ лѣтъ, не можетъ сдѣлать ни одного наблюденія надъ обыденными предметами, не имѣетъ ни одного самостоятельнаго сужденія, обыкновенно только повторяетъ послѣднія слова чужой фразы и что говоръ ея мнимый. Между тѣмъ дѣвочка была не безъ способностей; оставленная у Лярской, она въ какіе-нибудь мѣсяцевъ шесть перестала красть, лгать и драться. Развитие заставило ее инстинктивно понять, что ложь ея была глупа, очевидна и почти всегда безцѣльна. Развитие дало ей больше изобрѣтательности, а хорошее общество трудолюбивыхъ дѣтей помогло съ пользою употребить эту способность.

Какое бы поприще дѣятельности ни избралъ себѣ человекъ, умственное развитие всегда будетъ имѣть для него огромное значеніе. Ничто такъ не скрашиваетъ жизнь, не облагораживаетъ душу, какъ умственный трудъ. Крафтъ-Эбингъ вполне правъ, говоря: „Люди высшихъ слоевъ общества, не избравшіе, вслѣдствіе своего богатства, никакой карьеры и незнакомые съ радостями и трудностями серьезнаго умственнаго труда, вполне достойны сожалѣнія. Они стремятся только къ наслажденіямъ, но истинное наслажденіе безъ труда невысказуемо. Результатомъ такой безсодержательной жизни является пресыщеніе и разочарованіе, которыя ведутъ къ нравственному и физическому расслабленію. *Умственный трудъ есть одно изъ главныхъ условій жизни души.* Если онъ не превышаетъ силъ даннаго лица и выполняется добровольно, онъ разнообразитъ жизнь, способствуетъ сохраненію здоровья и веселому расположенію духа. Удрученный горемъ и заботами находитъ въ такихъ занятіяхъ утѣшеніе и отдыхъ“.

И Милль также горячо доказываетъ великое значеніе умственнаго развитія. „Послѣ себялюбія“, говоритъ онъ, „главная причина недовольства жизнью — недостатокъ умственнаго развитія. Развитие ума, не говорю философское, но по крайней мѣрѣ такое, которое бы раскрывало человѣку источники знанія и дѣлало его способнымъ къ умственному труду, такое развитіе превращаетъ въ неисчерпаемый источникъ интереса все окружающее: и предметы природы, и произведенія искусства, и созданія поэзіи, и событія исторіи, и прошедшія, и настоящія, и будущія судьбы человѣчества“.

Для того, чтобы юноша не формально, а серьезно и основательно занимался въ учебномъ заведеніи, подготовлялъ себя не только для диплома, но и для разумной жизни, для того, чтобы вслѣдствіи онъ могъ быть человекомъ съ самостоятельной мыслью и имѣлъ возможность успѣшно заниматься какою бы то ни было умственною дѣятельностью, — пробудите въ немъ интересъ къ окружающему въ періодъ жизни дошкольнаго возраста. Если воспитатель не сумѣетъ сдѣлать этого въ ту пору, когда въ ребенкѣ только начинается пробуждающаяся наблюдательность ко всему окружающему, имѣющая такое громадное значеніе для всей психической жизни человѣка, то умственныя способности ребенка постепенно притупляются, и, сдѣлавшись школьникомъ, онъ равнодушно будетъ смотрѣть на божій міръ.

Желая умственно развить своего питомца, воспитатель не долженъ терять ни одного дня, благопріятнаго для прогулки съ ребенкомъ, съ цѣлью пробужденія въ немъ наблюдательности, вниманія и интереса къ природѣ. Если есть какая-нибудь возможность, пусть воспитатель отведетъ ребенку небольшой клочекъ земли, разобьетъ на немъ грядки и обрабатываетъ его сообща съ нимъ въ продолженіи двухъ-трехъ-лѣтнихъ вакацій, а затѣмъ въ слѣдующіе года пусть ребенокъ лишь подъ руководствомъ воспитателя, но уже болѣе самостоятельно, занимается этимъ клочкомъ земли. На этихъ грядкахъ слѣдуетъ посѣять и посадить все, что только дозволяютъ климатъ, почва и возможность: сѣмена ржи, овса, пшеницы, ячменя, гречихи, картофеля, бобовъ, гороху, различныхъ цвѣтовъ, моркови, рѣпу и т. п. Ребенокъ долженъ самъ поливать свои грядки, когда слѣдуетъ, выпалывать ненужную траву. Для гороха, бобовъ и различныхъ цвѣтовъ укажите ему, какъ слѣдуетъ устраивать подпорки, какъ подвязывать ихъ на колышки, и пусть онъ ежедневно наблюдаетъ, насколько подросло то или другое растеніе, насколько измѣнился его видъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было на прошлой недѣлѣ, мѣсяцъ тому назадъ. Ребенокъ однако вовсе не долженъ специализироваться надъ своими грядками: воспитательница должна водить его на поля и луга, — пусть и тамъ наблюдаетъ растенія; если онъ найдетъ гдѣ-нибудь такія, какія растутъ у него на грядкахъ, пусть сравниваетъ, гдѣ онѣ лучше растутъ.

Ребенка слѣдуетъ познакомить также съ сельскими работами: съ обработкою поля, съ посѣвомъ, жатвою, косью, уборкою сѣна; при этомъ заставьте его хорошенько осмотрѣть плугъ, борону, объясните цѣль и значеніе того и другого орудія, разумеется, самымъ элементарнымъ образомъ и при томъ въ такую пору его жизни, когда онъ можетъ уже понимать это. Пусть ребенокъ подолгу останавливаетъ свое вниманіе на вѣсѣхъ работахъ и смотритъ, какъ и что дѣлается. Но одинъ, два раза посмотрѣть на такія работы не имѣетъ смысла: нужно стараться настолько заинтересовать ребенка вѣсѣмъ этимъ, чтобы его часто тянуло узнать, подвинулось ли дѣло впередъ на лугу или въ полѣ. При этомъ слѣдуетъ облегчить ребенку знакомство съ рабочими, чтобы онъ имѣлъ возможность самостоятельно разспрашивать ихъ о томъ, сколько у нихъ дѣтей, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ, задавать имъ вопросы относительно ихъ работы. Пусть ребенокъ осматриваетъ гнѣзда птицъ, замѣчаетъ ихъ форму и цвѣтъ, матеріалъ, изъ котораго они устроены, на деревѣ они свиты, въ кустарникѣ или подъ крышею дома и какой именно птицѣ принадлежитъ то или другое гнѣздо. Пусть прислушивается, какъ птенчики пицаютъ, присматривается, какъ высовываютъ они изъ гнѣздъ свои головки, какъ прилетаетъ мать кормить ихъ, какъ они ее встрѣчаютъ. Если ребенокъ найдетъ птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда, пусть выкармливаетъ его, приручаетъ, заботится о немъ. То же самое и относительно другихъ животныхъ: зайчиковъ, бѣлокъ, кроликовъ, кошекъ, собакъ, галокъ, воронъ, воробьевъ. Забота о животныхъ и прирученіе ихъ въ высшей степени содѣйствуютъ развитію состраданія и даютъ возможность ребенку близко познакомиться съ нравами и жизнью животныхъ. Гдѣ возможно, пусть ребенокъ почаще ходитъ на скотный дворъ, наблюдаетъ коровъ, телятъ, лошадей, свиней, гусей, куръ, утокъ, индѣекъ.

А какой безконечно-громадный міръ для наблюденія представляетъ лѣсъ! Тутъ различныя деревья, кустарники, папоротники, мхи, грибы, ягоды, цвѣты, трава, на-сѣкомыя, муравьиныя кучи. Тутъ и конца нѣтъ для бесѣды! Гдѣ возможно, пусть ребенокъ осматриваетъ садовыя работы. Пользуйтесь удобнымъ случаемъ сводить ребенка на водяную мельницу, на рыбную ловлю, на постройку моста, изгороди, ко-

лодця, дома, избы, сарая, къ печнику, когда онъ кладетъ печку. Во время гулянья ребенокъ не долженъ ничего оставлять безъ вниманія: встрѣтится на дорогѣ камень, пусть съ вашею помощію свернетъ его съ мѣста, покопаетъ подъ нимъ землю прутикомъ и, вѣроятно, дождевой червякъ не заставитъ себя ждать. На берегу рѣки, озера или моря ребенокъ долженъ собирать камешки, раковинки, наблюдать волны, теченіе, цвѣтъ воды.

Зимомъ ребенокъ можетъ наблюдать работы въ небольшихъ и доступныхъ его возрасту мастерскихъ, если только посѣщеніе ихъ не вредитъ его здоровью. Для него будетъ полезно и любопытно побывать у лудильщика, сургучника, стекольщика, кузнеца, столяра, сапожника и др. Относительно животныхъ ребенокъ зимомъ ближе знакомится съ своею собакою и кошкою, часто играетъ съ котятами, наблюдаетъ бѣлку и двухъ, трехъ птичекъ, которыхъ онъ выкормилъ и приручилъ лѣтомъ. Дома ребенокъ можетъ найти паутину, которая дастъ ему возможность производить наблюденія надъ паукомъ. Зимомъ ребенокъ тоже не долженъ забывать растеній: приучайте его ухаживать за комнатными цвѣтами, поливать ихъ, заботиться о нихъ, интересоваться ими. Притомъ и въ зимнее время можно производить наблюденія надъ прорастаніемъ сѣмянъ ржи, ячменя, овса, гороха, бобовъ. Уже раннею весною, въ мартѣ и апрѣлѣ, можно нарѣзать прутьевъ нѣсколькихъ деревьевъ, напримѣръ ивы, орѣшника, ольхи, березы, липы, вставить ихъ въ банку съ водою и наблюдать, какъ распуcaются почки, какъ вытягиваются побѣги. Прутья иныхъ деревьевъ, простоявъ въ водѣ нѣкоторое время, могутъ пустить даже придаточные корни. Весною, во время прогулокъ, ребенокъ можетъ собирать личинки и куколки насекомыхъ вмѣстѣ съ частями растеній, на которыхъ онъ ихъ нашелъ; пусть помѣститъ ихъ въ коробку и наблюдаетъ превращеніе въ бабочку. Пусть не забываетъ также набирать во рвахъ и прудахъ головастиковъ, и затѣмъ точно также слѣдуетъ наблюдать ихъ превращеніе. На прогулкахъ обращайтесь вниманіе ребенка на каждое животное, которое ему встрѣтится, и направляйте его вниманіе такъ, чтобъ онъ замѣчалъ его внѣшній видъ, цвѣтъ, пищу, которою оно питается.

Во время подобныхъ прогулокъ и бесѣдъ не должно забывать и того, что умственное развитіе ребенка, въ большинствѣ случаевъ, можетъ идти рука объ руку съ эстетическимъ; обращайтесь вниманіе вашего питомца на блескъ солнца и его закатъ, а также на то, какъ то и другое явленіе отражаются на окружающей природѣ; не упускайте случая полюбоваться вмѣстѣ съ нимъ мѣстностями съ роскошною растительностью, видомъ безбрежнаго моря, его могучими волнами, игрою въ нихъ солнечныхъ лучей, красотою неба и облаковъ, отъ времени до времени принимающихъ такіа фантастическія формы, причудливо возвышающимися скалами и горами; не пропускайте безъ вниманія ни дерева, ни кустика, ни цвѣтка, ни порхающей бабочки, ни красивой божьей коровки, ни протекающаго ручейка, ни капель дождя на листьяхъ, когда онѣ дрожатъ, какъ алмазы, и переливаются множествомъ цвѣтовъ. Пусть вашъ питомецъ прислушивается и къ пѣснямъ рабочихъ въ поляхъ, и къ пѣнію и щебетанію птицъ, и къ журчанію ручейка; пусть вдыхаетъ благоуханіе цвѣтовъ и душистыхъ растеній.

Если только вы раскроете передъ ребенкомъ эту великую книгу природы и будете руководить имъ, онъ всею душою привяжется къ окружающему міру и очень скоро начнетъ наблюдать не только совершенно самостоятельно, безъ всякаго руководства съ вашей стороны, но постепенно будетъ и васъ наталкивать при наблюденіи чудныхъ картинъ и явленій природы на такіа стороны, которыя вы еще не сумѣли замѣтить или къ которымъ до сихъ поръ оставались равнодушны. При

такомъ воспитаніи, въ ребенкѣ прогрессируетъ интересъ къ природѣ, его любознательность и наблюдательность замѣтно растутъ съ каждымъ днемъ. Что еще не интересовало на прошлой недѣлѣ, то сегодня доступно его пониманію и интересуется его, манить и привлекаетъ къ себѣ его любознательность. Нужно подмѣчать эту постепенность развитія, чтобы не наталкивать его на наблюденія преждевременныя для его возраста и для степени его пониманія. Ниже мы даемъ огромный матеріалъ для развитія наблюдательности ребенка подъ руководствомъ воспитателя, указываемъ, какъ имъ пользоваться, но совершенно точно опредѣлить возрастъ дитяти, въ который можетъ быть сдѣлано имъ то или другое наблюденіе, та или другая работа, это уже дѣло воспитателей. Я лишь въ общихъ чертахъ даю понятіе о томъ, какой послѣдовательности слѣдуетъ держаться при этихъ наблюденіяхъ.

Развитіе маленькаго ребенка начинается съ чувственныхъ ощущеній. Возьмемъ для примѣра цвѣтокъ. Въ отношеніи къ нему ребенокъ долго не подозрѣваетъ, что растенія можно располагать по родамъ и видамъ; его также совсѣмъ, конечно, не интересуется и физиологія растеній. Тѣмъ не менѣе ему нравится большой, яркій цвѣтокъ маховаго мака, шиповника, георгина. Онъ кричитъ: „большой, большой“, или „славный“, „красивый“! Слѣдовательно, прежде всего его интересуется *форма* и *цвѣтъ*. Вотъ и укажите пока лишь на форму и цвѣтъ тѣхъ растеній, которыя онъ встрѣчаетъ на своихъ грядкахъ, въ саду, въ полѣ; кстати онъ можетъ узнать и названія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ въ первые годы, приблизительно съ четырехъ-пяти лѣтъ, онъ будетъ отличать одинъ цвѣтокъ отъ другого лишь по формѣ и цвѣту. Затѣмъ онъ можетъ начать разсматривать каждый цвѣтокъ порознь, но и при этомъ вы должны указать лишь на самыя главныя части цвѣтка: на корень, стебель, листики. Послѣ того онъ сравниваетъ эти части въ самомъ общемъ ихъ очертаніи у различныхъ растеній и лишь понемногу, медленно и постепенно, переходитъ къ нѣкоторымъ другимъ подробностямъ. Далѣе онъ знакомится въ наиболѣе крупныхъ экземплярахъ съ чашечкою, тычинками, пестикомъ, но это уже послѣ восьми-деяти лѣтъ. Въ такомъ же родѣ и съ такою же постепенностью нужно знакомить ребенка со всеми остальными явленіями природы, начиная съ характерныхъ признаковъ, наиболѣе доступныхъ чувственному воспріятію дитяти.

Такимъ образомъ постепенно ребенокъ долженъ приучаться получать представленія о каждомъ наблюдаемомъ предметѣ, знать его названіе, главные характерные признаки. Послѣ многихъ сдѣланныхъ имъ наблюденій, зимой, постарайтесь наводить его на воспоминанія о прирученномъ лѣтомъ животномъ, о насѣкомыхъ, деревьяхъ, растеніяхъ, — пусть такимъ образомъ онъ возобновляетъ въ памяти свои воспоминанія, пусть почаще встаютъ передъ нимъ образы наблюдаемыхъ предметовъ; при передачѣ же наблюденій совершенствуется даръ слова, и къ тому же онъ приучается къ болѣе точному опредѣленію предмета. Если воспитатель увидитъ изъ разговора съ ребенкомъ, что онъ плохо опредѣляетъ предметъ, вмѣсто главныхъ характерныхъ признаковъ выдвигаетъ второстепенные, онъ долженъ вновь приохотить его наблюдать то же явленіе, пока оно не будетъ усвоено имъ вполне правильно.

Наблюдать кошку, собаку, курицу ребенокъ начинаетъ раньше всего, но эти наблюденія долго ограничиваются лишь тѣмъ, что онъ смотритъ, какъ они ѣдятъ, играютъ, бѣгаютъ. Такъ и должно быть въ продолженіи первыхъ двухъ, трехъ лѣтъ его жизни, но затѣмъ его слѣдуетъ приохотить присматриваться уже къ отдѣльнымъ частямъ животнаго.

При такомъ воспитаніи ребенокъ уже въ десять-одиннадцать лѣтъ знаетъ, какимъ образомъ происходитъ развитіе стебля, какой высоты приблизительно дости-

гаетъ то или другое растеніе въ извѣстный періодъ своей жизни, когда появляются первыя почки, первые цвѣты, когда наступаетъ періодъ полнаго цвѣтенія, въ какое время года созрѣваютъ яблоки, груши, вишни, горохъ, бобы, рожь, овесъ, ячмень, когда приблизительно слѣдуетъ заниматься ихъ уборкою, какъ и на что употребляютъ ихъ въ хозяйствѣ. Въ этотъ же періодъ своей жизни ребенокъ уже прекрасно знаетъ, весною, лѣтомъ или осенью растутъ тѣ или другія растенія, какія изъ нихъ водятся въ ихъ сосѣдствѣ, предпочитаютъ ли они яркіе лучи солнца или темноту лѣса, берегъ ручья, болотистую, глинистую, песчаную или черноземную почву, какой видъ имѣютъ они въ различное время года, а также какія растенія цвѣтутъ одновременно съ яблонею, вишнею, березою, дубомъ, крапивою, рожью, какія птицы гнѣздятся на томъ или другомъ деревѣ, въ лѣсу или кустахъ, изъ какого матеріала вьютъ онѣ свои гнѣзда. Ребенокъ въ этотъ періодъ своей жизни уже долженъ умѣть отличать голоса животныхъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе встрѣчаемыхъ въ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, изучить особенности полета нѣкоторыхъ птицъ, отличаетъ одно дерево отъ другого, знаетъ ихъ названія, а также и то, какія изъ нихъ идутъ на топливо, какія на тѣ или другія постройки, что изъ нихъ добываютъ, назоветъ вамъ главные характерные признаки домашнихъ животныхъ, знаетъ разницу между полемъ и лугомъ, краснолѣсьемъ и чернолѣсьемъ, различаетъ одну почву отъ другой, знаетъ и причину многихъ метеорологическихъ явленій.

Даже въ тѣхъ немногихъ семьяхъ, гдѣ признають необходимость пріучать ребенка наблюдать природу, все-таки мало обращаютъ его вниманіе на самое ему близкое—на человѣка. Почему и тѣмъ матерямъ, которыя не внушали дѣтямъ особеннаго благоговѣнія къ чинамъ, орденамъ и богатству, приходится видѣть собственными глазами, что дѣти ихъ, въ своихъ забавахъ и играхъ со сверстниками ниже ихъ по положенію, не ставятъ себя въ простыя и дружескія отношенія? Отчего у насъ цѣлыми сотнями люди занимаютъ тѣмъ, что трактуютъ свысока о народномъ пьянствѣ, лѣни, апатіи и другихъ порокахъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія о народной жизни? Это скорѣе всего происходитъ оттого, что въ дѣтствѣ намъ былъ близокъ лишь тѣсный семейный уголокъ, и помимо его мы обращали вниманіе только на людей, почему нибудь необходимыхъ намъ для нашихъ личныхъ интересовъ.

Въ русскихъ интеллигентныхъ семьяхъ родители большею частью обращаютъ вниманіе дѣтей только на то, чѣмъ сами занимаются. Дѣти отдаются какой-нибудь специальности уже съ самаго ранняго возраста, и эта случайность иногда на вѣки опредѣляетъ ихъ карьеру, хотя часто они и не чувствуютъ къ ней природной склонности. Такъ какъ наблюдательность ихъ развиваютъ въ одномъ направленіи, они и не знаютъ, какъ приняться за другой предметъ, противъ котораго они неволью предубѣждены, потому что прежде къ нему у нихъ не было пробуждено никакого интереса; только тотъ можетъ быть полезнымъ специалистомъ, кто въ дѣтствѣ изучалъ и наблюдалъ все въ природѣ и жизни людей. Представляя факты по своей специальности, такой человѣкъ можетъ освѣтить и пояснить ихъ выводами изъ другой науки, а всеѣмъ извѣстно, что только такое отношеніе къ наукѣ и можетъ ускорить ея развитіе и привести къ плодотворнымъ результатамъ. Только тотъ, кто въ дѣтствѣ останавливался надъ всеми явленіями въ природѣ и жизни, дѣлалъ всестороннія наблюденія, можетъ дѣйствительно знать свое настоящее призваніе, съ твердостью и постоянствомъ преслѣдовать всегда одну и ту же цѣль.

Только воспитаніе, при которомъ возбужденъ широкій интересъ къ окружающему и развита живая наблюдательность съ первыхъ лѣтъ дѣтства, можетъ посте-

пенно искоренить самый характерный недостаток русского юношества — лѣнь мысли. Между тѣмъ у насъ и до сихъ поръ родители только тогда начинаютъ думать о развитіи дѣтей, когда получаютъ программу того заведенія, куда приходится ихъ опредѣлять. Скороспѣлая подготовка къ экзамену не можетъ развить мышленія, наблюдательности и другихъ интеллектуальныхъ свойствъ дитяти. Вотъ потому-то мы и считаемъ крайне необходимымъ обратить вниманіе на развитіе мыслительныхъ способностей ребенка въ то время, когда онъ у него только начинаютъ пробуждаться. Ничто болѣе не способствуетъ этому, какъ наблюденія надъ окружающею жизнью природы и людей.

Продолжительныя занятія съ дѣтьми дали намъ возможность собрать огромный матеріалъ для наблюденій съ дѣтьми дошкольнаго возраста. Этого матеріала хватитъ не на одинъ годъ, если принять во вниманіе и то, что параллельно съ этимъ должны идти и другія занятія съ дѣтьми, а также самостоятельное наблюденіе ребенка надъ прирученными животными и растеніями.

Примѣры практическихъ задачъ для наблюденій.

I.

Задачи для наблюденій въ лѣтнее время.

1) Дайте ребенку стеклянную банку для того, чтобы онъ посадилъ въ нее наука и завязалъ банку толстой бумагой, которая должна быть напередъ вся проколота мелкими дырочками: иначе животное задохнется безъ воздуха. Затѣмъ пусть ребенокъ почаще посматриваетъ въ банку, что дѣлаетъ его плѣвникъ. Кормить наука можно комарами и мухами. Каждый разъ, когда ребенокъ будетъ бросать ему кормъ, пусть замѣчаетъ, какъ онъ схватываетъ мухъ, какъ ѣсть ихъ, какъ проводить первыя нити своихъ тенетъ, куда прикрѣпляетъ ихъ. Какъ дѣлаетъ наука средину паутины? Если въ начатыя тенета бросить комочекъ бумаги, что произойдетъ? Какъ паука чинитъ свою паутину? Что дѣлаетъ онъ, если въ его жилище впустить какое-нибудь крупное насѣкомое, напр. слѣзня или осу?

2) Пусть ребенокъ наберетъ разныхъ предметовъ: мѣдную монету, желѣзный гвоздь, кусочекъ стекла, огниво (сталь) и кремень. Пусть чертитъ однимъ предметомъ по другому: болѣе твердый предметъ будетъ оставлять на болѣе мягкомъ черту. Какой изъ принесенныхъ предметовъ самый твердый, какой самый мягкій? Что тверже? желѣзный гвоздь или мѣдная монета, кремень или стекло, сталь или кремень? Какъ ты узналъ, что одни предметы тверже другихъ?

3) Наберите во рвахъ и прудахъ головастики; пусть ребенокъ каждый день перемѣняетъ имъ воду и наблюдаетъ ихъ превращеніе. Что у нихъ вырастаетъ прежде — заднія или переднія ноги? Что дѣлается съ хвостомъ: длинѣе или короче онъ становится? Когда хвостъ совсѣмъ отвалится, какой видъ имѣютъ головастики? Что образуется вмѣсто жабръ? Прежде чѣмъ головастики станутъ настоящими лягушками, что дѣлается еще съ ними?

4) Посадите въ банку стрекозу, положите ей нѣсколько листиковъ, пускайте къ ней маленькихъ насѣкомыхъ. Смотрите, какъ она будетъ ихъ ловить. Нѣкоторыя стрекозы и въ своемъ заточеніи положатъ яйца. Какой формы эти яйца? Въ свѣтлой банкѣ ребенку удобно будетъ разсмотрѣть сложныя челюсти стрекозы. Смотрите, какъ она ѣсть.

5) Поймайте ящерицу и держите въ просторной банкѣ, въ которой наложены

камни и мохъ. Кормите ее мухами и другими насѣкомыми. Какъ она бѣгаетъ? Какъ устраиваетъ себѣ норку? Въ какое время ящерица обыкновенно бѣгаетъ и когда она лежитъ?

6) Пусть дѣти наблюдаютъ превращеніе бабочекъ. Для этого дѣти могутъ приготовить коробки изъ папки; крышкою для нея можетъ служить другая такая же коробка, только нѣсколько больше и вся исколотая сверху для воздуха. Ребенокъ долженъ внимательно осматривать сучки и листики растений, которые ему попадаются, и собирать куколки и личинки. Конечно, ихъ слѣдуетъ размѣщать въ различныя коробки. Личинокъ и куколокъ слѣдуетъ собирать вмѣстѣ съ частями растений, на которыхъ онѣ встрѣчаются, стараясь при этомъ не дотрогиваться до нихъ руками, а снимать ихъ листикомъ или прутикомъ и такъ размѣщать ихъ по коробкамъ. Пищу для нихъ, т.-е. листья того растенія, на которомъ онѣ найдены, нужно всегда имѣть свѣжую, опять таки стараясь, какъ можно меньше тревожить ихъ руками: иначе много ихъ гибнетъ. Если нашли какую-нибудь личинку, зарытую въ землѣ, то ей въ ящикъ на дно нужно сыпать землю и песокъ, но, разумѣется, также класть и листики. Эти наблюденія даютъ поводъ ко множеству бесѣдъ съ дѣтьми. Кромѣ того, какое это полезное занятіе для нихъ, сколько радости они испытываютъ, когда услышать легкій шумъ крыльевъ бабочки о стѣнки коробки! Такимъ образомъ ребенокъ хорошо усвоитъ всѣ фазы развитія и превращенія бабочки, узнаетъ пищу многихъ личинокъ, запомнитъ примѣты, по которымъ можно узнать, когда имъ приходитъ время окуклиться, какой видъ имѣютъ куколки, въ какомъ положеніи онѣ находятся, бываетъ-ли съ ними какая-нибудь переменна передъ превращеніемъ въ бабочку?

7) Пусть ребенокъ изъ влажной глины устройтъ горку, на которой пальцемъ сдѣлаетъ нѣсколько ямочекъ. Въ эти ямочки нужно насыпать влажнаго песку. Одновременно слѣдуетъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ размачивать сѣмена кресс-салата; потомъ вдавливать ихъ въ ямочки, гдѣ насыпанъ песокъ. Горку эту можно поставить на тарелку и поливать теплою рѣчною водою, въ которую брошено нѣсколько извести. Черезъ нѣсколько дней дѣти увидятъ прекрасную горку зелени. Эта зелень такъ же скоро увядаетъ, какъ скоро выросла. Отчего она такъ быстро завяла? Выдерни, посмотри корешокъ. Отчего онъ такъ малъ и слабъ? А гдѣ для него была бы болѣе питательная почва?

8) Яблоки еще на деревьяхъ: они не совсемъ созрѣли. Выберите изъ нихъ болѣе красивое и, не срывая его съ дерева, налѣпите на немъ какую-нибудь восковую фигуру—звѣздочку, крестикъ на той сторонѣ яблока, которая обращена къ солнцу. При этомъ остерегайтесь повредить черешокъ, чтобы не помѣшать дальнѣйшему росту яблока. Отъ времени до времени нужно посматривать, цѣлъ ли воскъ на яблокѣ, и если свалится,—то его нужно возобновить. Когда яблоки созрѣютъ, снимите воскъ: мѣста, которыя были имъ покрыты, остались бѣлыми или зеленоватыми, между тѣмъ, какъ вся сторона зарумянилась. Такимъ образомъ яблоко у насъ вышло съ хорошенькимъ рисункомъ.—Отчего отпечатался здѣсь рисунокъ? Что же съ яблокомъ дѣлаетъ солнце?

9) Чтобы засушить букетъ цвѣтовъ, возьмите какой-нибудь ящичекъ и, придерживая букетъ снизу, посыпайте его легонько мелкимъ, сухимъ пескомъ, пока букетъ не будетъ имъ совершенно засыпанъ. Потомъ поставьте ящикъ на солнце или въ умѣренно вытопленную печь, и пусть онъ стоитъ тамъ, пока букетъ не засохнетъ. Затѣмъ, какъ можно осторожнѣе, высыпайте песокъ изъ ящика: такимъ образомъ вы получите сухой букетъ.

10) Возьмите увядающій цвѣтокъ и, если хотите его оживить, опустите треть

длины его стебля въ кипятокъ. Когда вода начнетъ остывать, цвѣтокъ оживаетъ. Послѣ этого тотчасъ выньте его изъ этой воды, отрѣжьте прочь обваренный конецъ, а цвѣтокъ поставьте въ свѣжую воду.

11) Если хотите зимою имѣть свѣжій розанъ или цвѣтокъ гвоздики, то лѣтомъ, когда будутъ бутоны названныхъ цвѣтовъ, выберите сухой день, т.-е. такое время, когда бутоны розана и гвоздики не были смочены ни дождемъ, ни росой, и срѣжьте ихъ отъ куста такъ, чтобы съ ними еще осталось нѣсколько листиковъ. Затѣмъ отрѣзанную часть стебля нужно плотно обтянуть воскомъ, всѣ сучки и самый стебелекъ, насколько можно крѣпко и аккуратно, обвить бумажными тоненькими полосками, чтобы не проникалъ воздухъ. Послѣ этого отрѣзанный цвѣтокъ погружаютъ въ коробку, наполненную сухимъ пескомъ, крѣпко закупориваютъ ее и ставятъ въ сухое мѣсто. Такимъ образомъ сохраняютъ эти цвѣты до глубокой зимы. Въ ту минуту, когда вамъ захочется имѣть цвѣтокъ, вы вынимаете его изъ ящика, отрѣзываете кончикъ, заклеенный воскомъ, и тотчасъ ставите стебелекъ въ свѣжую воду, въ которой разведено нѣсколько соли и селитры. Бутонъ распускается въ свѣжій, красивый цвѣтокъ.

12) Пусть дѣти наберутъ сосновыхъ или еловыхъ шишекъ; возьмите большой цвѣтной горшокъ, насыпьте на дно его песку и поставьте въ немъ шишки; въ серединѣ можно помѣстить большую шишку, вокругъ ея—поменьше. Но прежде, чѣмъ размѣщать шишки, набейте подъ ихъ чешуйки земли и посѣйте сѣмена какихъ-нибудь травъ. Посѣявъ траву и размѣстивъ въ горникъ шишки, пусть дѣти каждое утро спрыскиваютъ ихъ водою,—дня черезъ три выйдутъ ростки. Для посѣва лучше всего брать горчицу, крессъ и т. п. Въмѣсто шишекъ можно взять губку, намочить ее, выжать лишнюю воду и, положивъ губку въ стаканъ, набросать на нее сѣмянъ.

13) Заставляйте дѣтей засушивать и сберегать листья, а иногда и цѣлыя растенія. Такъ какъ дѣти этого возраста не могутъ еще составить настоящаго гербарія, то способъ засушиванія можно придумать весьма несложный; пусть они нарвутъ нѣсколько листиковъ наиболѣе встрѣчаемыхъ деревьевъ или цвѣтовъ и, хорошенько расправивъ отдѣльныя части растенія, разложатъ ихъ между листами какой-нибудь ненужной книги; затѣмъ книгу нужно закрыть и положить на солнцѣ, въ сухое или теплое мѣсто. На слѣдующій день, когда сокъ достаточно высохъ (но не настолько, чтобы растеніе крошилось), слѣдуетъ опять заглянуть на растенія, хорошенько расправить ихъ, разложить въ тетради, нарочно для этого приготовленные, и приклеивать стебельки полосками бумаги.

14) Возьмите просторную банку, насыпьте на дно песку, положите водяныхъ растений и пустите туда нѣсколько колюшекъ. Спина этой рыбы имѣетъ красивый зеленоватый оттѣнокъ, грудь красная, бока серебристые. Ребенокъ долженъ замѣтить, когда колюшка выплываетъ на поверхность воды и пускаетъ пузыри,—это означаетъ, что ей слѣдуетъ тотчасъ перемѣнить воду. Кормить колюшекъ можно червяками и мелко изрубленными кусочками сырой говядины. Пусть дѣти наблюдаютъ, какъ колюшки плаваютъ, какъ входитъ вода въ ихъ жабры и какъ изъ нихъ выходитъ. Бросьте къ нимъ какую-нибудь маленькую рыбку: уживутся ли онѣ съ ней и что онѣ съ ней будутъ дѣлать?

15) Наловите и другихъ небольшихъ рыбокъ, заведите, если можно, и золотую рыбку. Предоставьте ребенку и самому выбирать предметы, которые болѣе займутъ его: птичка ли то, насѣкомое или камешекъ. Пусть онъ все собираетъ и учится сохранять. Хорошо, если у него устроится свой маленькій естественно-историческій кабинетъ, служащій ему для опытовъ и наблюдений.

16) Подведите ребенка къ обрывистому рѣчному или овражному берегу, который почти всегда бываетъ полосатый, особенно если онъ высокъ, и укажите на различныя пласты земли.

17) Гдѣ будутъ копать колодезь или глубокую канаву, не пропустите и этого случая, чтобы убѣдить ребенка, что и тутъ земля, какъ и вездѣ, лежитъ слоями: сверху пластъ черной земли, или чернозема, подъ нимъ глина, подъ глиною доквашиваются и до песку, а иной разъ и до крѣпкаго камня. Расскажите наглядно, какъ образовались тѣ или другіе пласты. Объясните, отчего, когда копаютъ землю въ болотѣ, находятъ рѣчной песокъ или рыбы кости?

18) Переходя съ ребенкомъ черезъ мостъ, остановитесь на нѣкоторое время, смотрите на протекающую внизу воду, спрашивайте, что онъ замѣчаетъ.

19) Необходимо познакомить и съ четырьмя сторонами свѣта. Для этой цѣли пусть ребенокъ выберетъ ровное мѣсто и совѣмъ прямо воткнетъ въ землю шестъ; въ ясный день съ утра идите съ нимъ посмотрѣть, куда отъ шеста падаетъ тѣнь: тѣнь падаетъ въ сторону противную той, гдѣ солнце, — вы и можете объяснить ему, что, такъ какъ утромъ солнце стоитъ на *востоку*, значитъ, та сторона, въ которую протянулась тѣнь, будетъ *западною*. Пусть онъ замѣчаетъ, когда тѣнь будетъ длинною, когда самую короткою. Наблюдая тѣнь въ полдень, вы объясните ему, гдѣ *сверхъ* и гдѣ *югъ*.

Вспомнимъ, что же мы могли сообщать четырехлѣтнему ребенку о растеніяхъ и деревьяхъ. Такъ про ель, напримѣръ, мы говорили ему, что вмѣсто листиковъ она имѣетъ иглы (хвой), показывали ему деревья съ листьями и хвоею. Онъ узналъ, что зимою только хвойныя деревья сохраняютъ зелень, и, вѣроятно, остался при томъ убѣжденіи, что этому дереву легче другихъ живется на свѣтѣ. Теперь ребенокъ подросъ и ужъ болѣе пойметъ. Расскажите ему, какъ страдаетъ это дерево отъ бурь и зимы, какъ лѣтомъ подтачиваютъ его со всѣхъ сторонъ безчисленныя толпы насѣкомыхъ.

Мнѣ бы хотѣлось дать примѣры связныхъ разсказовъ изъ всѣхъ царствъ природы въ томъ видѣ, какъ они могутъ быть сообщены 5, 6, 7-лѣтнимъ дѣтямъ, но такъ какъ это займетъ много мѣста, то я и укажу лишь на то, на что необходимо обращать вниманіе ребенка. Вотъ, напримѣръ, что можетъ войти въ разсказъ о ели для 6—7-лѣтняго ребенка. Вы прежде говорили ему, что вмѣсто листиковъ у ели — иглы. Теперь ребенокъ старше — пусть ощупаетъ кору, замѣтитъ смолу, которая выступаетъ изъ дерева, укажетъ наиболѣе характерное свойство смолы. Заставьте ребенка наблюдать, что находится у подошвы различныхъ деревьевъ и что у подошвы ели. Есть ли подъ деревомъ муравьиныя кучи, какіе грибы, какія ягоды растутъ? Есть-ли растительность и какаѣ она? Заставьте ребенка набрать еловыхъ и сосновыхъ шишекъ.

Нѣкоторыя атмосферическія явленія: громъ, молнію, градъ — ребенку еще трудно объяснить; но и тутъ ему уже многое доступно. Онъ можетъ узнать, что такое вѣтеръ, какое значеніе играетъ онъ въ природѣ. Вотъ подулъ сильный вѣтеръ. Укажите ребенку, какъ закружилось и понеслось въ это время въ воздухъ множество пыли, песку и всякаго сору. Смотри, сколько крошечныхъ крылатыхъ насѣкомыхъ прилетѣло на письменный столъ. Однако они не двигаются. Ба! да это сѣмячки различныхъ деревьевъ! А какъ они похожи на мотыльковъ! Опять рванулъ вѣтеръ, — и всѣ эти сѣмячки поднялись и понеслись далеко, далеко; то опускаются они внизъ и падаютъ на землю, то въ лужи, въ озера, въ песокъ, то, взлетѣвъ очень высоко, садутъ на деревья, на развалившіеся дома, на колокольни. Сѣмена, которыя по-

пали въ голый песокъ, на деревья, въ озера, безъ сомнѣнія погибнуть: отъ другихъ же можетъ родиться красивое молодое деревцо. На старыхъ зданіяхъ, на голыхъ скалахъ, на высокихъ башняхъ дерево можетъ вырасти потому, что вѣтеръ успѣлъ уже нанести туда довольно песку, пыли, разныхъ травъ, которыя сгнили и удобрили землю. Еще подулъ вѣтеръ и принесъ сюда сѣмячко, которое и зародило деревцо.

Въ главѣ XV „Воспитаніе ребенка съ 6 до 8—9-лѣтъ“ я указываю книги, которыми слѣдуетъ пользоваться для бесѣдъ съ дѣтьми, а также и для чтенія имъ о томъ или другомъ предметѣ, но считаю долгомъ обратить вниманіе при этомъ на то, что съ дѣтьми дошкольнаго возраста бесѣдовать можно только о томъ, что они видятъ передъ собою, и надъ чѣмъ могутъ дѣлать свои наблюденія. Слѣдовательно, если дѣло идетъ о деревьяхъ, то придется указывать имъ на самыя извѣстныя породы деревьевъ, находящихся на русской почвѣ. Пользуясь знаніями, изложенными въ упомянутыхъ книгахъ, обратитесь къ нашей природѣ. Она, конечно, играетъ важную роль, особенно въ жизни нашего простолудина. Познакомивъ ребенка съ наиболѣе характерными свойствами какого-нибудь дерева, расскажите ему, какое оно имѣетъ значеніе въ сельской жизни. Этимъ вы оживите самый рассказъ и заставите ребенка обратить вниманіе и на его свойства. Возьму для примѣра *березу* и укажу, какимъ образомъ, познакомившись съ этимъ деревомъ, ребенокъ можетъ узнать ту или другую сторону крестьянскаго быта,

Береза тотчасъ бросается въ глаза среди другихъ деревьевъ: ея длинный стволъ покрытъ бѣлой корой, ея гибкія вѣтви темно-краснаго цвѣта красиво свѣшиваютъ свою кудрявую зелень. На листьяхъ березы выдѣляются такія нѣжныя, нѣжныя жилки. Молоденькій, зеленый листъ березы всегда покрытъ душистымъ, блестящимъ и липкимъ смолистымъ веществомъ. Посмотри, какъ некрасивы цвѣты березы, которые висятъ сережками на длинныхъ вѣткахъ дерева! Когда они отцвѣтутъ, и ты дотронешься до такой сережки, съ нея посыпятся чешуйки и находящіяся между ними крылатыя сѣмена, а въ рукахъ останется тонкая, зеленая ниточка, на которой сидѣли и чешуйки, и сѣмена.

Кто только не любитъ березы! Въ лѣсу кротъ роетъ свои подземные ходы подъ ея вѣтвями, разныя птички прилетаютъ клевать ея сѣмячки; люди, благодарные, что она первая послѣ снѣговъ и морозовъ оживляетъ ихъ прелестной зеленью, пляшутъ, поютъ и встрѣчаютъ свой первый весенній праздникъ—Троицу. Но береза не только приноситъ человѣку радость: все, начиная съ древесины до ея листиковъ и малѣйшаго бугорка на стволѣ, идетъ въ дѣло и приноситъ пользу людямъ.

Расскажите, куда и на что идетъ всякая часть березы. Представьте, картину, когда березу пробурываютъ весной, и изъ нея вытекаетъ березовица, какъ къ ней тогда стекается народъ съ кувшинами и бутылками, ждутъ своей очереди, чтобы наполнить посудину любимымъ березовымъ квасомъ.

Точно также вы можете ребенку рассказать о *дубѣ*, о *соснѣ*, о *липѣ*, объ *осинѣ*, о нѣкоторыхъ *цвѣтахъ* и проч. (пособіемъ для этого можетъ служить книга *Е. Водовозовой „Изъ русской жизни и природы“*). Изъ цвѣтовъ вамъ незачѣмъ выбирать самыя красивыя, но все-таки нужно, чтобы ребенокъ могъ разглядѣть въ нихъ отчетливо всѣ части. Съ этой цѣлью дайте ему какой-нибудь цвѣтокъ, только не забивайте голову ребенка ботаническими тонкостями. Если не найдете подходящаго для этого цвѣтка, то имѣйте въ виду, что въ одномъ растеніи онъ можетъ рассмотреть листики, зелень, корешокъ, въ другомъ самый цвѣтокъ. Напримѣръ, въ крапивѣ пусть разглядитъ листики; расскажите ребенку, почему они обжигаютъ руку,

что происходитъ въ это время съ рукой, когда до нея дотрогиваются, какъ въ деревняхъ рубятъ крапиву, поливають сывороткой и выкармливають этимъ домашнихъ животныхъ. Цвѣтовъ крапивы, по причинѣ ихъ мелкости, ребенокъ разглядѣть не можетъ, зато разсмотритъ цвѣтокъ земляники, который въ то же время имѣетъ значеніе и въ жизни. Расскажите ребенку, какимъ подспорьемъ служить собираніе этой ягоды въ деревняхъ, какъ иногда еще очень маленькія дѣти встають рано поутру, пока еще большіе не идутъ на работы, и отправляются собирать ягоды для продажи ихъ въ городѣ. Для полноты картины, вы можете представить, что у крестьянъ все идетъ въ дѣло, даже листики земляники сушатъ, а въ зимнее время настаивають и пьютъ, какъ мы пьемъ чай. Показывая ребенку предметъ со всѣхъ сторонъ, вы отчасти коснетесь и жизни народа.

II.

Задачи для наблюденій въ зимнее время.

1) Вырѣжьте изъ твердой бумаги кружокъ, на одной сторонѣ котораго нарисуйте клѣтку, а на другой—птичку въ обратномъ положеніи. Къ обѣимъ сторонамъ кружка придѣлайте ниточки и посредствомъ ихъ быстро вертите кружокъ. При быстромъ верченіи будетъ казаться, что птичка сидитъ въ клѣткѣ. Или съ одной стороны такого же кружка нарисуйте ноги, а съ другой—въ обратномъ положеніи туловище, съ головой. Когда будете вертѣть кружокъ, то увидите челоуѣка. Такъ можно рисовать на разныхъ сторонахъ колеса и кузовъ кибитки, конку и мышку, палочку прямо и поперегъ (чтобы вышелъ крестъ) и проч.

2) Для того, чтобы еще ближе познакомить ребенка съ зрительными впечатлѣніями, возьмите раскаленный уголь щипцами и описывайте передъ ребенкомъ круги; ему будетъ казаться, что передъ нимъ огненный кругъ. Отчего же раскаленный уголь, когда мы его вертимъ, представляется намъ огненнымъ кругомъ? Глазъ нашъ, получивъ разъ впечатлѣніе, сохраняетъ его нѣсколько мгновеній, хотя бы предметъ, который былъ причиною этого впечатлѣнія, исчезъ или передвинулся. Оттого то, при быстромъ движеніи угля, всѣ точки, съ которыхъ онъ виденъ, сливаются въ одну непрерывную линію. Съ этой цѣлью можно также купить дѣтямъ волчокъ съ мѣняющимися цвѣтами (такіе волчки продаются во всѣхъ игрушечныхъ лавкахъ). Въ него также вставляютъ различныя изогнутыя проволоки, представляющія половинныя очертанія разныхъ предметовъ. При верченіи вы видите ограниченные плоскостями предметы, напр. рюмку, вазу, тарелку, смотря по тому, какъ изогнута проволока.

3) Купите стеклянную призму; завѣсьте окно въ комнатѣ, оставивъ небольшое отверстіе для солнечнаго свѣта. На свѣтъ поставьте призму; она будетъ показывать семь цвѣтовъ радуги. Кромѣ того, обращая призму, вы доставите дѣтямъ большое удовольствіе, потому что въ это время радужные цвѣта бѣгаютъ по стѣнѣ и потолку.

4) Въ горлышко пустой бутылки вставьте воронку, напередъ обмотавъ ея узкій конецъ нитками, чтобы она плотно входила въ бутылку, не пропуская воздуха; потомъ налейте въ воронку воды. Вода не полетится въ бутылку, воздухъ ея не пуститъ; но чуть ослабите воронку, вода тотчасъ полетится въ бутылку.—Отчего вода не летится, когда воронка плотно воткнута въ бутылку? Отчего она полилась, когда ослабили воронку?—Въ послѣднемъ случаѣ вода будетъ выгонять изъ бутылки воздухъ, который теперь можетъ пройти между стѣнками воронки и бутылки.

5) Обрѣжьте съ обоихъ концовъ гусиное перышко, воткните его однимъ концомъ въ пластинку сырого картофеля, чтобы внутри пера остался кусочекъ. Потомъ возьмите палочку и на одномъ концѣ немного обмотайте ее нитками и всуньте въ перо, какъ поршень. Когда вы начнете напирать этой палочкой въ перо, то кусочекъ картофеля съ шумомъ выскочитъ изъ пера.

Отчего выскочилъ картофель? Почему при этомъ былъ шумъ? Потому что сдвленный воздухъ быстро расширяется. А если вы конецъ этого перышка поставите въ воду и поршень его станете тянуть назадъ, вы втянете въ перышко воду.

6) Какъ вынуть туго засѣвшую въ пузырекъ стеклянную пробку? Обверните горлышко снуркомъ и двигайте взадъ и впередъ за концы снурка, чтобы онъ какъ можно живѣе и крѣпче терся о горлышко. Пробка ослабѣтъ, и послѣ этого вы легко ее вытянете. Отчего пробка ослабѣла? Отъ тренія снурка горлышко нагрѣлось, а слѣдовательно и расширилось; вотъ почему и пробка ослабѣла.

7) Туго засѣвшую пробку можно вытянуть и иначе. Накапайте горячаго сюргуча на средину пробки и вертикально прилѣпите къ ней самый сюргучъ. Когда онъ остынетъ, тяните его отвѣсно (т.-е. совершенно прямо, а не въ бокъ, иначе сюргучъ сломается); такимъ образомъ вы вытянете пробку. Почему палочкой сюргуча можно было вытянуть туго засѣвшую пробку? Это зависитъ отъ силы, съ какой сцѣпляется сюргучъ съ пробкой.

8) Налейте до краевъ стаканъ воды и накройте его толстой бумагой или папкой; но такъ какъ при этомъ нужно, чтобы въ стаканъ не проникалъ воздухъ, смочите сначала папку и, когда накроете ею стаканъ, притисните ее еще тарелкой или рукой, чтобы папка легла на стаканъ какъ можно крѣпче; потомъ быстро переверните стаканъ вверхъ дномъ, придерживая папку, а послѣ этого отымите прочь вашу руку. Теперь бумага такъ плотно прилегла къ стакану, что, несмотря на тяжесть воды, которая на нее давить, бумажная крышка не отстаетъ и вода не проливается.—Отчего держится бумага? Воздухъ не проходитъ въ стаканъ, между тѣмъ наружный воздухъ такъ сильно напирать на бумажное дно, что поддерживаетъ воду.

9) Можно заставить стаканъ вбирать въ себя воду. Подержите маленькую свѣчку внутри опрокинутаго стакана, держа его на воздухѣ. Когда стаканъ нагрѣется, быстро опустите его отверстиемъ въ чашку съ водой. Стаканъ охладится, и воздухъ въ немъ сожмется, слѣдовательно займетъ мѣсто меньше прежняго; тогда вода сама собою поднимется внутри стакана, занимая мѣсто, оставленное воздухомъ.

10) Смочите немного ладонь вашей руки и на это мѣсто поставьте наперстокъ, напередъ вытянувши изъ него губами, насколько можно, воздухъ. Наперстокъ будетъ крѣпко держаться на рукѣ.—Отчего держится наперстокъ?—Изъ наперстка вытянули воздухъ, потому его въ наперсткѣ стало меньше, значить, воздухъ сталъ рѣже, а тяжесть внѣшняго воздуха сильно напирать на наперстокъ и мѣшаетъ его отнять.

11) Налейте маленькую баночку до половины водой, заткните ее пробкой, въ средину которой вставьте узенькую стеклянную трубочку, или хоть гусиное перо, только очень тоненькое. Подуйте сильно въ трубочку и быстро закройте пальцемъ верхнее отверстие. Когда потомъ вы отнимете палецъ, изъ перышка, какъ изъ маленькаго фонтана, начнетъ бить вода.—Отчего выходитъ теперь вода? Что случилось, когда вы подули въ банку? Отчего вода поднялась въ трубочкѣ и вышла наружу?—Когда вы дули, воздухъ въ баночкѣ сгустился. Когда вы отняли палецъ, сгущенный вашимъ дыханіемъ, воздухъ сталъ расширяться и вытолкнулъ воду изъ трубки.

12) Воду кипятить можно въ бумажной коробкѣ на огнѣ, и при этомъ бумага не горитъ. Отчего не горитъ бумага на огнѣ? Оттого, что нижнія нагрѣтыя частички воды все поднимаются кверху, а верхнія, болѣе холодныя, опускаются книзу и, такимъ образомъ, въ свою очередь нагрѣваясь, отымають жаръ у дна.

13) Плотнo обмотайте бумажкой какую-нибудь желѣзную вещь, хотя напр. ключъ, и держите мѣсто, обернутое бумагой, надъ огнемъ; бумага не загорится. Отчего?—Потому, что желѣзо быстро отнимаетъ теплоту отъ бумаги.

14) Можно ли, не разбивши яйца, опустить его въ бутылку? Можно слѣдующимъ образомъ. Положите куриное яйцо на нѣсколько дней въ крѣпкій уксусъ. Послѣ этого скорлупа дѣлается совершенно мягкой, и яйцо можно вытянуть такъ, что оно пройдетъ въ горлышко бутылки, въ которую передъ этимъ надо налить холодной воды. Полежавъ нѣсколько времени въ водѣ, смятое яйцо опять приметъ свою прежнюю форму.—Отчего, полежавъ въ уксусѣ, скорлупа стала мягкой? Изъ чего состоитъ твердая оболочка яйца? Она состоитъ изъ извести, а уксусъ растворяетъ известь.

15) Жукъ въ яйцѣ. Пробейте или даже просверлите осторожно въ яйцѣ дырочку и выпустите вонъ все содержимое; послѣ этого слѣдуетъ нѣсколько разъ выполоскать пустую скорлупу и на нѣкоторое время оставить ее просохнуть. Затѣмъ впустите въ яйцо какого-нибудь жука, а дырочку замажьте гипсомъ или густымъ гуммиарабикомъ, смѣшаннымъ съ мѣломъ. Когда насекомое станетъ тамъ ворочаться, яйцо будетъ кататься само собой. Дѣйте это; разумѣется, очень забавляетъ; при этомъ, какъ и всегда, можно вести съ дѣтьми полезную для нихъ бесѣду. Въдъ яйцо плотно закрыто со всѣхъ сторонъ, какъ же жукъ не задохнется въ немъ? Откуда къ нему проходитъ воздухъ? Насѣкомое это также дышетъ воздухомъ, какъ и не вылупившійся цыпленокъ; въ скорлупѣ есть поры (маленькія дырочки), черезъ которыя воздухъ легко въ него проникаетъ. Вотъ почему въ яйцѣ, кругомъ обматываясь сажеею, не можетъ жить зародышъ.

16) Какъ поставить яйцо на острие? Какъ ни поставте яйцо, оно все или катится, или качается; но есть два способа заставить его стоять на острии: 1) Прокончите на томъ концѣ, на который вы хотите его поставить, самую маленькую дырочку, всуньте туда одну за одной нѣсколько дробинокъ и замажьте дырочку,—и яйцо будетъ стоять. 2) Если же не сумѣете осторожно пробить дырочку, болтайте какъ можно сильнѣе, въ продолженіе получаса, и послѣ этого его тоже можно будетъ поставить. Почему, когда мы взболтаемъ яйцо, оно стоитъ? Потому что пленка, которая сверху обволакиваетъ бѣлокъ и желтокъ, разорвалась отъ сотрясенія, такъ что бѣлокъ и особенно желтокъ (между стѣнками которыхъ и скорлупою есть промежутокъ) всею массою своею опускаются на то мѣсто, на которое вы ставите яйцо.

17) Возьмите двѣ банки: одну изъ нихъ налейте водой, другую щелокомъ. Когда ребенокъ опуститъ яйцо въ банку съ водою, то оно тотчасъ потонетъ и останется на днѣ; въ щелоку же яйцо всплыветъ. Отчего?—Оттого, что щелокъ гуще и поддерживаетъ яйцо.

18) Перочинный ножикъ кладутъ на столъ остриемъ вверху, а поперекъ его вязальную иглу (ручку стального пера или карандашъ). Если вамъ сразу не удастся положить середину иглы на острие ножа, то игла будетъ балансировать, т. е. качаться, и при малѣйшемъ толчкѣ упадетъ на столъ; когда же одна ея половина гораздо тяжелѣе другой, то игла сразу упадетъ. Но вотъ вамъ удалось положить иглу на самую середину, и она держится на ножѣ. При этомъ вы объясняете ребенку, что тамъ, гдѣ игла держится на ножѣ, середина тяжести (центръ тяжести).

Когда же устойчивѣе, тверже всего стоитъ предметъ? Когда больше плоскость, на которой онъ стоитъ. Покажите въ комнатѣ предметы болѣе устойчивые. При этомъ вы можете объяснить, почему люди, несущіе тяжесть на спинѣ, должны гнуться впередъ. Отъ ноши, положенной на спину, середина тяжести (центръ тяжести) въ человѣческомъ тѣлѣ мѣняется свое положеніе и переходитъ дальше назадъ. Слѣдовательно, если мы попрежнему будемъ держаться прямо, то тяжесть опрокинула бы насъ назадъ.

19) Какъ грифельную доску, книгу, тетрадь и т. п. поставить на конецъ карандаша или на остріе вязальной иголки? Для этого нужно провести карандашомъ или грифелемъ съ помощью линейки двѣ прямыя линіи между накрестъ лежащими углами. Въ серединѣ эти линіи будутъ пересѣкаться; подоприте концемъ иглы доску въ той точкѣ, гдѣ пересѣкаются обѣ линіи. Такимъ образомъ вы можете держать доску на иголкѣ.

20) Дайте ребенку разорвать и разломать вещи въ слѣдующемъ порядкѣ: кусокъ ваты, хлѣба, бумаги, мѣла, тоненькую деревянную дощечку, тоненькую желѣзную пластинку, кусокъ кремня. Что было труднѣе переломить? Почему желѣзную пластинку переломить труднѣе, нежели деревянную, а кремень и совѣмъ не разломишь? Чѣмъ предметъ тверже, т.-е. чѣмъ плотнѣе соединены частички его, тѣмъ труднѣе его раздѣлить. Какой изъ названныхъ предметовъ тверже всѣхъ, какой мягче?

Вода легко льется; раздѣлить ея частицы, т.-е. разлить, очень легко; такъ ли онѣ соединены между собою? Сбросьте капельку воды, — она повиснетъ, а не тотчасъ капнетъ на полъ; слѣдовательно и ея частички, хотя не такъ плотно, какъ въ первомъ случаѣ, однако тоже соединены между собою. Чтобы еще болѣе уяснить ребенку, что такое сцѣпленіе (конечно, безъ научныхъ терминовъ), можно достать два кусочка стекла, хорошо выполированныхъ; положите ихъ другъ на друга выполированными поверхностями, да сверху еще прижмите толстой книгой, — они слипнутся между собою такъ сильно, что ихъ трудно будетъ раздѣлить, не разбивъ ихъ.

21) Дайте ребенку деревянный шаръ (хотя изъ второго „дара“ Фребеля); заставьте его покатить этимъ шаромъ по травѣ, по камнямъ, по песку, по сырой землѣ, по гладкому полу. Гдѣ легче всего катится шаръ? Почему? Все ли онъ будетъ хорошо катиться по гладкому полу? Онъ катится хуже, когда встрѣтитъ неровность, и останавливается, когда встрѣчаетъ препятствіе. Такой опытъ дастъ вамъ возможность навести дѣтей на бесѣду о томъ, что для легкости ѣзды устраиваютъ хорошо выкатанныя, гладкія шоссе, рельсы для желѣзныхъ дорогъ, и т. п.

22) Налейте стаканъ воды до самыхъ краевъ и такъ двигайте его по столу; когда вы перестанете двигать стаканъ, движеніе въ немъ будетъ продолжаться само собою еще нѣсколько времени. Отчего происходитъ движеніе въ стаканѣ, когда вы уже болѣе не двигаете его! Оттого, что всѣ тѣла, будь они твердыя или жидкія, разъ получивъ толчокъ, сохраняютъ на нѣкоторое время сообщенное имъ движеніе. При этомъ вы можете привести еще въ примѣръ, что и наше тѣло, получивъ разъ движеніе, продолжаетъ его въ томъ же направленіи и послѣ; напр., когда лодка или ѣдущій экипажъ вдругъ останавливаются, вы невольно дѣлаете скачокъ впередъ. И наоборотъ, когда экипажъ долго стоялъ на мѣстѣ и лошади вдругъ тронуть, сидящихъ въ немъ людей отбрасываетъ назадъ, потому что они стремятся остаться на томъ же мѣстѣ, гдѣ были.

23) Къ какому-нибудь металлическому кольцу или просто камню привяжите тонкую нитку, аршина полтора длиною. Свободный конецъ нити прикрѣпите къ

карандашу, а еще лучше, къ палочкѣ, нѣсколько болѣе длинной. Палочка эта кладется на край стола такъ, чтобы шарикъ свѣшивался внизъ и могъ свободно двигаться; чтобы утвердить палочку, на нее кладутъ камень или тяжелую книгу. Однажды толкнутая гирыка очень долго продолжаетъ качаться безъ всякой помощи. Заставьте ребенка наблюдать, какъ понемногу размахи гирыки и нитки становятся все меньше, потому что воздухъ ихъ останавливаетъ; вмѣсто гирыки, для забавы дѣтей, можно помѣстить лодочку, птичку съ распушенными крыльями и проч. Когда нитка съ привѣшеннымъ къ ней предметомъ совершенно остановится и будетъ стоять покойно, то укажите, какъ прямо она стоитъ. Такой снарядъ называется отвѣсомъ и употребляется для того, чтобы узнать, прямо ли стоятъ другіе предметы. Заставьте ребенка приставлять отвѣсъ къ комоду, къ шкапу, къ воткнутой въ землю палкѣ и узнавать ихъ положеніе. Чтобы познакомить и съ прямою лежащею линіею, надо налить въ продолговатый стеклянный сосудъ воды; по поверхности воды можно узнать, не косо ли лежатъ предметы.

24) Пусть ребенокъ обмокнетъ перочинный ножъ или ручку чайной ложки въ воду и сброситъ воду на лоскутокъ бумажки, напередъ пропитанной масломъ или жиромъ; вода принимаетъ тогда форму маленькаго круглаго шарика и образуетъ каплю. При этомъ можно объяснить ребенку, что жидкія тѣла, какъ, напр., вода, спиртъ, растопленное масло, ртуть и расплавленные тѣла, падая внизъ, всегда образуютъ маленькій круглый шарикъ. Когда ты плачешь, слезы падаютъ по щекамъ круглыми каплями; на стебляхъ и листьяхъ мы находимъ росу и дождь тоже въ видѣ круглыхъ капель. Если наклонить пузырекъ со ртутью, то оттуда выпадетъ на столъ большая круглая капля; нажмешь ее или задѣнешъ чѣмъ-нибудь, — передъ тобою забѣгаетъ множество маленькихъ, кругленькихъ, блестящихъ капелекъ. Болѣе густая жидкость даетъ большую каплю. — Дайте ребенку доску съ шероховатою поверхностью; пусть онъ капаетъ на нее водой и замѣчаетъ, какую причудливую форму принимаютъ капли. Капая въ разныхъ мѣстахъ чернилами, тушью или другою краскою на бумагу и потомъ складывая ее и нажимая, мы получаемъ правильныя, иногда очень красивыя фигурки, которыя могутъ надолго занять дѣтей. Складывать бумагу лучше не на томъ мѣстѣ, гдѣ краска.

25) Купите въ игрушечной лавкѣ маленькую палочку магнита и уточекъ, лебедей и рыбокъ изъ тонкой жести, которые плаваютъ на водѣ. Для того возраста дѣтей, для котораго мы назначаемъ наши наблюденія, только и можно указать въ магнитѣ то, что онъ имѣетъ силу притягивать; поэтому заставьте его приближать магнитъ и къ другимъ желѣзнымъ предметамъ, которые у него подъ руками.

26) Какъ заставить двигаться иголки? На листъ писчей бумаги насыпьте тоненькихъ иголокъ (листъ долженъ лежать горизонтально); подъ бумагой двигайте магнитомъ, — иголки будутъ двигаться въ томъ же направленіи. Вы можете объяснить ребенку (что ясно уже и изъ опыта), что магнитъ и черезъ другія тѣла можетъ притягивать предметы; при этомъ можно показать множество опытовъ.

27) Какъ повѣсить ключъ на нарисованный гвоздь. — На листъ бумаги рисуютъ гвоздь и привѣшиваютъ эту бумагу въ уголокъ комнаты, гдѣ уже напередъ помѣщенъ магнитъ; затѣмъ къ бумагѣ подносятъ ключъ, и если магнитъ довольно великъ, то онъ не дастъ упасть ключу.

28) Пусть ребенокъ опуститъ въ воду маленькую, сухую губку; губка увеличится въ объемѣ, разбухнетъ. Почему? Потому что вода наполнила большія дырочки губки: прежде, когда губка была суха, стѣнки этихъ дырочекъ близко лежали другъ къ другу, а теперь, когда вода проникла въ нихъ, онѣ раздвинулись.

Напишите что-нибудь чернилами и тотчас заставьте ребенка притиснуть написанное пропускной бумагой. Написанное станетъ сухо, и чернила не размажутся по бумагѣ. Заставьте его наложить обыкновенную писчую бумагу, и на написанномъ листкѣ размажутся чернила. Почему? Потому что писчая бумага гораздо плотнѣе пропускной, и чернила не проникаютъ въ ея скважины такъ, какъ въ скважины пропускной бумаги. Когда на окнѣ таетъ вода, на нее кладутъ полотенце, чтобы вода не стекала на полъ; рамы и двери въ сырую погоду запираются туже, чѣмъ въ сухую; новое ведро течетъ, но когда въ немъ постоитъ вода, течь уничтожается; сухой горохъ, политый водою, постоявъ, такъ сильно разбухаетъ, что его вытираетъ изъ банки. Все это оттого, что вода проникаетъ въ ихъ поры.

29) Сыпьте въ стаканъ съ водою соль и мѣшайте ее до тѣхъ поръ, пока соль въ водѣ уже не будетъ болѣе расходиться. Когда въ водѣ такъ много соли, то она совершенно ею насытится, и соль понемногу начнетъ осѣдать на дно. На другой день вы замѣтите, что соль осѣла изъ воды въ видѣ правильныхъ четырехугольных кубиковъ; такія правильная тѣла называются кристаллами. Тоже можно сдѣлать съ селитрою, квасцами, съ желѣзнымъ и мѣднымъ купоросомъ. Замѣтимъ, что мѣдный купоросъ ядовитъ, и его не надо давать въ руки дѣтямъ. Изъ чего и когда образуются кристаллы? Они образуются изъ жидкости, насыщенной солью, квасцами, селитрою и проч. Когда вода испаряется, уходя въ воздухъ, частички соли, селитры и проч. соединяются въ правильныя фигурки различнаго вида.

30) Сдѣлайте корзиночку, коронку или крестъ изъ тоненькихъ проволокъ или изъ прутиковъ, каждую проволоку или прутикъ обмотайте шерстью; потомъ сдѣланную вами вещь погрузите въ сосудъ, наполненный растворомъ соли, или селитры, квасцовъ и проч... но такъ, чтобы растворъ совсѣмъ покрывалъ ее. Лучше всего привязать вещь на палочку, которую нужно положить на края сосуда; потомъ поставьте сосудъ въ тепло и въ сухомъ мѣстѣ, гдѣ бы его никто не тревожилъ. Черезъ сутки можно уже вынуть вещь, и она будетъ сплошь покрыта кристаллами, точно усыяна драгоценными камнями. Квасцы слѣдуетъ распускать въ горячей водѣ; ихъ кристаллы красивѣе, чѣмъ кристаллы соли.

31) Держать кольцо на сожженной ниткѣ. — Сначала хорошенько вымочите нитку въ растворѣ соли; когда она высохнетъ, надѣньте на нее какое-нибудь металлическое кольцо и обожгите нитку на огнѣ; волокна обгорятъ, но кристаллы соли настолько твердо соединены между собой, что удержатъ кольцо.

32) Мыльные пузыри. Настрогайте въ чашечку немного мыла, налейте водою и дайте немного времени постоять, чтобы мыло растворилось. Если и послѣ этого остались въ водѣ кусочки мыла, ихъ нужно растереть ложечкой и воду процѣдить сквозь тряпочку. Чтобы пускать мыльные пузыри, нужна еще соломинка, которую въ концѣ слѣдуетъ расщепить на четыре части и отогнуть ихъ въ видѣ креста. Опустите расщепленный конецъ въ приготовленную вами мыльную воду, а въ противоположный конецъ дуйте вашимъ теплымъ дыханіемъ. Ребенокъ замѣчаетъ, какъ въ это время растетъ и надувается круглый пузырь и какъ онъ переливается всеми цвѣтами радуги. Но чтобы онъ еще больше наблюдалъ цвѣта, пузырь можно надувать подъ широкой стеклянной банкой, въ которой онъ гораздо дольше не лопается. Если вы наберете въ ротъ табачнаго дыму и будете надувать мыльный пузырь, то онъ получитъ матовый цвѣтъ и, лопааясь, выпуститъ клубъ дыму. Зимомъ мыльные пузыри выходятъ особенно красивыми. Для этого нужно охлаждать мыльную воду до тѣхъ поръ, пока не образуются по краямъ кристаллы льда; когда послѣ этого вы начинаете надувать пузыри, то на немъ появляются красивыя крошечныя

звѣздочки и различныхъ причудливыхъ формъ снѣжные хлопья. Мыльные пузыри даютъ поводъ ко многимъ бесѣдамъ. Вы заставили пузырь полетѣть вверхъ. Почему? Какіе предметы могутъ летѣть вверхъ? — Тѣ ли, которые тяжелѣе воздуха, или которые легче его? Когда пузырь легче воздуха? Вы наполнили пузырь своимъ теплымъ дыханіемъ, теплый воздухъ легче холоднаго; вотъ почему вашъ мыльный пузырь легче окружающаго его воздуха и легко поднялся вверхъ.

33) Заставьте самихъ дѣтей устроить маленькіе вѣсы, коромысло, какимъ поднимаютъ воду изъ колодца. Проткните тонкой иглой средину палочки и, завязавъ на ниткѣ узелъ, просуньте ее въ отверстіе такъ, чтобы палочка висѣла на ниткѣ; обѣ половины палочки должны быть одинаковаго вѣса: для этого нужно ее постругать такъ, чтобы она держалась на ниточкѣ совершенно прямо, горизонтально. Дощечки, привѣшенныя на ниткахъ къ концамъ палочки, служащей коромысломъ, тоже должны быть одинаковой тяжести. Какъ это узнать? Какъ узнать, который изъ двухъ камешковъ тяжелѣе? Какъ узнать, сколько выйдетъ песку изъ какого-нибудь камешка? (Надо на одну дощечку положить камешекъ, на другую сыпать песокъ, пока не установится равновѣсіе). Что означаетъ, если палочка стоять прямо? Что означаетъ, если она клонится на какую-нибудь сторону? Почему легко поднимать воду изъ колодца, когда веревка привязана къ одному концу коромысла, а на другомъ, болѣе длинномъ, тяжесть? Какъ поднять ящикъ, котораго руками не сдвинешь съ мѣста? — Для этого надо конецъ палки подсунуть подъ ящикъ, а подъ палку подложить кусокъ дерева или камень и напирать на болѣе длинный конецъ.

34) Какъ писать пальцемъ на стеклѣ? Начертите пальцемъ на стеклѣ какую-нибудь букву, крестикъ или другую фигуру; потомъ сильно дохните на стекло. Буква или фигурка будутъ видны, потому что паръ отъ вашего дыханія не пристанетъ къ мѣстамъ, гдѣ вы касались пальцемъ: пальцы всегда нѣсколько жирны, и тонкій слой жира останется отъ нихъ на стеклѣ, не допуская въ этихъ мѣстахъ воду приставать къ нему. Откуда жиръ на пальцахъ? — На кожѣ всегда есть немного жиру, который выходитъ изъ тѣла, чрезъ крошечныя скважинки кожи.

35) Какъ съ помощью нитокъ перелить воду изъ бутылки въ стаканъ? Опустите однимъ концомъ мотокъ нитокъ въ бутылку, а другимъ въ стаканъ: вода поднимается по ниткамъ и понемногу перейдетъ въ стаканъ. Такъ и масло подымается въ свѣтильнѣ. Если взять тоненькую стеклянную трубочку и опустить ее однимъ концомъ въ воду, то вы увидите, что въ трубочкѣ вода стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ стаканѣ, — слѣдовательно въ узенькихъ трубочкахъ вода сама собою подымается, и въ ниткахъ есть такія узенькія трубочки, что ихъ и не замѣтишь простымъ глазомъ.

36) Какія вещи тонуть, какія плаваютъ на водѣ? Кладите на воду бумажку, дерево и другіе предметы. Отчего бумажка, совѣмъ промокнувъ, начинаетъ тонуть? Потому что, пропитанная водою, она становится тяжелѣе воды. Можетъ ли желѣзо плавать? желѣзная палочка тонетъ, а желѣзная чашечка плаваетъ. Отчего? Желѣзная чашечка очень широка и вытѣсняетъ большое количество воды: поэтому она все-таки легче воды, которую вытѣсняетъ.

37) Купите стеклянную трубку съ однимъ короткимъ загнутымъ концомъ, имѣющимъ узкое отверстіе; лейте въ длинное колѣно воду, — она будетъ бить фонтаномъ изъ узкаго отверстія до той высоты, на которой стоитъ въ отверстіи. Подобную изогнутую трубку можно всунуть въ дно какого-нибудь деревяннаго сосуда, все обложить глиною или землею и устроить маленькій садикъ съ фонтаномъ.

38) Купите маленькій таганчикъ и кипятите на немъ воду въ стеклянномъ

стаканчикъ съ тонкимъ дномъ. Сначала въ водѣ будутъ подыматься маленькіе бѣлые пузырьки воздуха, потомъ большіе пузыри пара. Откуда явился въ водѣ воздухъ? Онъ былъ въ незамѣтныхъ для глаза скважинкахъ воды. Отчего пузырьки воздуха и пара подымаются кверху! Оттого, что они легче воды и расширяются отъ тепла. Какъ теплыя частицы воды все идутъ кверху, а болѣе холодныя опускаются внизъ, можно хорошо видѣть, насыпавъ въ воду мелкихъ, деревянныхъ опилокъ.

39) Возьмите бычачій пузырь, завяжите его крѣпко, не надувая, и потомъ положите на теплую плиту; онъ самъ собою раздуется и наконецъ лопнетъ. Отчего раздулся пузырь. Воздухъ, бывшій въ немъ, расширился отъ теплоты и наконецъ прорвалъ стѣнки.

40) Что скорѣе упадетъ на землю: мѣдный пятакъ или кусочекъ бумажки? Пятакъ упадетъ скорѣе, потому что тяжелѣе. А положите сверху пятака кусочекъ бумажки такой же величины и, держа совершенно прямо, опустите ихъ на землю: пятакъ и бумажка очутятся на землѣ въ одно время. Пятакъ, падая, разгоняетъ передъ собою воздухъ: значить бумажка, слѣдуя за нимъ, не поддерживалась воздухомъ и потому падала такъ скоро.

41) Какъ безъ огня зажечь веревку? Стоить только тереть ее о дерево: отъ тренія произойдетъ жаръ и веревка задымится. Что будетъ, если не смазывать дегтемъ оси колесъ? Ось отъ тренія при ѣздѣ загорится, — деготь уменьшаетъ треніе.

42) Купите кремень и стальную палочку и заставляйте ребенка выбивать искры. Отчего появляются искры? Кремень крѣпче желѣза; онъ отбиваетъ крошечные кусочки стали, отъ удара эти кусочки раскаляются до-красна.

43) Налейте полную бутылку воды, крѣпко ее закупорьте и во время мороза поставьте за окно или на дворъ. Когда вода въ бутылкѣ замерзнетъ, бутылка лопнетъ, потому что вода, замерзая, сильно расширяется.

44) Какъ, имѣя одну зажженную свѣчу, увидѣть ихъ безчисленное множество? Поставьте свѣчу между двумя зеркалами и вкось смотрите въ одно изъ нихъ: вы увидите безконечный рядъ свѣчей, стоящихъ одна за другой. Каждое изображеніе свѣчи въ одномъ изъ зеркалъ опять повторяется въ противоположномъ зеркалѣ.

45) Заставьте ребенка тереть о сукно гребенку, ламповое стекло, палочку сюргуча и потомъ приставлять эти предметы къ легкимъ бумажкамъ. Не говоря объ электричествѣ, дайте ему понять, что черезъ треніе является такое свойство въ сюргучѣ и стеклѣ, по которому они притягиваютъ легкіе предметы. — Какъ безъ клея прилѣпить къ стѣнѣ бумагу? Нагрѣйте ее у печки или на лампѣ, положите на столъ и потомъ крѣпко потрите сукномъ или резиной. Послѣ этого тотчасъ приставьте ее къ стѣнѣ; бумага пристанетъ и будетъ нѣкоторое время держаться.

46) Развѣсьте простыню и поставьте позади ея свѣчку, но чтобы другихъ свѣчей не было въ комнатѣ. Вырѣжьте изъ бумаги фигурки и, прикрѣпивъ ихъ къ проволокѣ, держите ихъ между свѣчкой и простынею. На простынѣ появятся тѣни этихъ фигуръ: лица, сидящія по другую сторону, будутъ видѣть представленіе разныхъ картинъ. Чѣмъ больше вы удаляете фигуру отъ простыни и приближаете къ свѣчкѣ, тѣмъ сильнѣе тѣнь ея увеличивается, потому что фигура больше заслоняетъ свѣтъ.

47) Нарисуйте на бумагѣ контуръ дома, памятника, какую-нибудь красивую мѣстность. Пусть ребенокъ проколетъ толстою иглою весь контуръ. При этомъ нужно стараться, чтобы разстояніе между проколами было равное. Съ изнанки такой картинки наклейте цвѣтную папирсную бумагу. (Приклеивать слѣдуетъ только по краямъ). Позади этой выколотой картинки поставьте вечеромъ зажженную свѣчу или лампу, и вы доставите необыкновенное удовольствіе ребенку.

ГЛАВА XII.

Система Фребеля.

Развитіе идей о дошкольномъ воспитаніи.—Система Фребеля.—Ея достоинства и недостатки.—
Въ чемъ состоитъ главная заслуга Фребеля.

Многіе считаютъ Фребеля не только творцомъ новой системы „дѣтскихъ садовъ“, но вполне убѣждены въ томъ, что онъ первый внесъ въ общество сознание необходимости еще до школы развивать физическія и моральныя силы дѣтей. Это не вѣрно: мысль о томъ, что физическія силы ребенка слѣдуетъ укрѣплять съ момента его рожденія, а моральныя — съ перваго проявленія въ немъ сознания, существовала издавна. Но Фребель внесъ въ сознание общества и понятіе о томъ, что для дѣтей дошкольнаго возраста необходима дѣятельность, соотвѣтственная ихъ силамъ, что иначе они скучаютъ, предаются вреднымъ шалостямъ, излѣниваются, ту-пѣютъ нравственно и умственно. Уже Платонъ и Аристотель придавали огромное значеніе дѣтскимъ играмъ. Платонъ признавалъ вліяніе игръ на послѣдующую судьбу человѣка столь значительнымъ, что считалъ государство обязаннымъ обратить на это серьезное вниманіе и отвести для нихъ опредѣленные мѣста. Онъ доказывалъ, что въ играхъ, скорѣе чѣмъ въ чемъ-нибудь, сказывается дѣтскій характеръ, что онѣ даютъ воспитателю возможность направлять ихъ по своему усмотрѣнію и развивать множество полезныхъ навыковъ. Аристотель находилъ полезнымъ, чтобы дѣти въ своихъ играхъ воспроизводили явленія человѣческой жизни. Итакъ мысль о важномъ значеніи дѣтскихъ игръ существовала уже въ дохристіанскій періодъ; во времена же болѣе къ намъ близкія она высказывается почти всѣми извѣстными педагогами.

Амосъ Коменскій настаиваетъ на томъ, чтобы ребенка воспитывали съ перваго момента пробужденія въ немъ сознания, и указываетъ, какія полезныя свѣдѣнія можетъ онъ почерпнуть посредствомъ игръ.

Локкъ еще опредѣленнѣе высказывается по этому поводу. Онъ протестуетъ противъ роскоши, великолѣпія и разнообразія игрушекъ, утверждая, что онѣ служатъ къ развитію неустойчивости, непостоянства, прививаютъ потребность въ частыхъ перемѣнахъ, развиваютъ недовольство, требовательность, тщеславіе, хвастовство и множество другихъ порочныхъ склонностей. Онъ утверждаетъ, что только тѣ игрушки полезны и доставляютъ дѣтямъ истинное наслажденіе, которыя самостоятельно изобрѣтены ими.

У Песталоцци даже устроенъ былъ классъ, куда принимали дѣтей отъ шести-лѣтняго возраста, называемый „Kinder-Klasse“: въ немъ не существовало еще полнаго обученія, но введены были хоровое пѣніе, гимнастическія упражненія, и нѣкоторыя механическія работы, напр., плетеніе корзинокъ и издѣлія изъ глины и др.

Сознаніе необходимости обращать вниманіе на игры дѣтей существовало не только на западѣ: и у насъ уже въ XVIII столѣтіи (что читатель можетъ припомнить

изъ предшествующихъ историческихъ очерковъ), Екатерина Великая совѣтовала воспитателямъ обращать серьезное вниманіе на дѣтскія забавы. Конечно, до Фребеля подобныя мысли высказывались лишь людьми наиболѣе передовыми и выдающимися, но нельзя сказать, чтобъ ихъ совѣтъ не существовало въ сознаніи общества. Постройки карточныхъ домиковъ, нанизываніе рябины и стекляруса на ниткѣ, сгибаніе бумаги, вырѣзаніе и рисованіе животныхъ и различныхъ фигурокъ, пусканіе змѣя, корабликовъ и уточекъ по водѣ, разсказы, сказки и пѣсни, которыми занимали маленькихъ дѣтей,—все это говорило о томъ, что родители уже издавна находили нужнымъ прискаты для дѣтскихъ занятій какую-нибудь дѣятельность и понимали, хотя, конечно, инстинктивно, что характеръ этой дѣятельности долженъ быть иной, чѣмъ у взрослыхъ.

Несмотря однако на то, что идеи, положенныя въ основу дѣтскихъ садовъ, не новы, занятія и игры не составляютъ ни изобрѣтенія, ни открытія Фребеля, тѣмъ не менѣе его можно смѣло считать творцомъ новой системы „дѣтскихъ садовъ“, которая внесла важную реформу въ педагогику и въ педагогическія воззрѣнія общества, системы, имѣющей, несмотря на свои крупныя промахи и слабыя стороны, въ высшей степени серьезное значеніе для дѣтскаго воспитанія. Хотя и до Фребеля уже сознавали значеніе воспитанія въ первые годы жизни ребенка и указывали, что оно имѣетъ могущественное вліяніе на складъ характера человѣка и на всю его послѣдующую дѣятельность, но такое сознаніе было достояніемъ очень немногихъ мыслящихъ людей, и первоначальное воспитаніе, до второй половины нашего столѣтія, вполнѣ предоставлено было произволу и случаю, что весьма вредно отражалось на дальнѣйшемъ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей.

Суть фребелевской системы заключается въ слѣдующемъ:

1) Человѣкъ—по натурѣ существо дѣятельное. Для того, чтобы онъ выполнилъ свое провиденціальное назначеніе, его съ ранняго дѣтства слѣдуетъ воспитывать въ этомъ направленіи. Стремленіе къ дѣятельности ребенокъ обнаруживаетъ съ самаго нѣжнаго возраста. Воспитатель долженъ имѣть въ виду эту выдающуюся черту характера ребенка и подобрать матеріалъ для его дѣятельности, соответственный его силамъ физическимъ и моральнымъ. Матеріалъ этотъ долженъ быть: а) разнообразенъ, такъ какъ однообразная дѣятельность быстро надоедаетъ маленькому ребенку и притупляетъ его способности; б) изъ менѣе сложнаго матеріалъ для дѣтской дѣятельности долженъ становиться все болѣе сложнымъ.

2) Дѣятельность ребенка въ раннемъ возрастѣ выражается въ игрѣ, слѣдовательно игра должна быть главнымъ воспитательнымъ средствомъ. Такимъ образомъ всѣ занятія во весь періодъ его жизни до школы должны имѣть характеръ игры и быть направлены такъ, чтобы вносить въ дѣтскую жизнь радость, счастье и свѣтъ, укрѣплять его физическія и моральныя силы.

3) Занятія необходимо вести прежде всего среди природы, въ саду, что должно давать дѣтямъ возможность наблюдать окружающій міръ и укрѣплять физическія силы. Фребель видимо придавалъ этому первостепенное значеніе, такъ какъ всѣ предложенныя имъ занятія съ дѣтьми дошкольнаго возраста онъ назвалъ системою „дѣтскихъ садовъ“.

4) Каждый человѣкъ, въ большей или меньшей степени, одаренъ творческими способностями, имѣющими важное значеніе для нравственнаго усовершенствованія, что въ будущемъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ сферахъ дѣятельности; при небрежномъ или неправильномъ воспитаніи эти способности глоснуть и угасаютъ.

5) Дѣятельность ребенка проявляется двоякимъ образомъ: а) въ сидячей игрѣ,

когда онъ возится и играетъ съ игрушками, б) въ шумной вознѣ и бѣготнѣ съ товарищами, — а потому дѣятельность ребенка до-школьнаго возраста должна, по понятію Фребеля, выражаться двояко и проявляться въ сидячей игрѣ и въ движеніи.

Для сидячихъ игръ ребенокъ нуждается въ игрушкахъ, которыя должны удовлетворять его творческимъ способностямъ, приучать его къ трудолюбію, терпѣнію, развивать его умъ и эстетическій вкусъ и постепенно готовить его къ школѣ. Изъ сказаннаго ясно, что Фребель считаетъ очень важнымъ, чтобы игрушки служили не разрушительнымъ наклонностямъ ребенка, а содѣйствовали бы расширенію и усовершенствованію его творчества. Между тѣмъ игрушки игрушечныхъ магазиновъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, служили лишь развитію тщеславія, разрушительныхъ склонностей и дурныхъ привычекъ. Вслѣдствіе этого Фребель кладетъ въ основу своей системы мысль Локка о томъ, что ребенокъ долженъ самъ изобрѣтать свои игрушки, и въ этомъ отношеніи идетъ даже далѣе: онъ требуетъ, чтобы игрушки и занятія шли рука объ руку съ рассказами, пѣснями, сказками, соответственными возрасту. Матеріалъ для сидячей дѣятельности ребенка и представляетъ первую группу занятій „дѣтскаго сада“ Фребеля, которую, въ отличіе отъ другой, мы назовемъ *механическими занятіями*.

Второй отдѣлъ — *подвижныя игры* удовлетворяютъ преимущественно потребности ребенка въ движеніи и бѣготнѣ въ шумной компаніи сверстниковъ. При механическихъ занятіяхъ, исполняемыхъ въ сидячемъ положеніи, ребенокъ, посредствомъ даннаго ему матеріала, воплощаетъ впечатлѣнія, полученныя имъ изъ окружающей дѣйствительности; въ подвижныхъ играхъ эти впечатлѣнія онъ воспроизводитъ на самомъ себѣ. Всѣмъ извѣстно стремленіе ребенка олицетворять собою все, что онъ видитъ: передъ нимъ пробѣжала курица; она землю раскапываетъ, зеренъ ищетъ, — ребенокъ бросается на полъ и подражаетъ ея движеніямъ; прошла корова, и онъ мычитъ, старается подражать ея походкѣ, медленно, какъ и она, поворачиваетъ голову то въ одну, то въ другую сторону; проскакалъ кучеръ на лошади, и ребенокъ садится на палку, изображаетъ сѣдока и минутами такъ увлекается, что палку принимаетъ за живую лошадь, энергически понукаетъ, сердится и хлещетъ ее, когда ножки его устаютъ скоро бѣжать; видитъ въ полѣ женщинъ за жнитвомъ и, возвращаясь домой, воспроизводитъ движенія работницъ; наблюдалъ работу въ саду, — подражаетъ садовнику. Однимъ словомъ, домашняя и окружающая жизнь со всѣми ея оттѣнками и мелочами играетъ главную роль во всѣхъ его играхъ. Фребель не упускаетъ, конечно, изъ виду этой характернѣйшей черты дѣтской природы и даетъ цѣлую серію подвижныхъ игръ, въ которыхъ ребенокъ попеременно является птичкою, лошадкою, собакою, кошкою, пчеликомъ, мельникомъ, садовникомъ, косаремъ, хлѣбопекомъ, сопровождая веселую игру соответственными движеніями. Этихъ подвижныхъ игръ существуетъ очень много, и ребенокъ, который знаетъ нѣсколько такихъ игръ, обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что самъ старается сочинять новую и новую игру. Его сводили въ кузницу, къ сапожнику, и онъ самостоятельно старается придумать игру, въ которой можно было бы подражать движеніямъ и приемамъ того или другого рабочаго. Эти игры въ обществѣ товарищей доставляютъ ребенку шумную, веселую радость, крайне необходимую въ этомъ возрастѣ, развиваютъ ловкость, проворство, творчество и служатъ къ укрѣпленію не только всего тѣла, но и отдѣльныхъ членовъ. Игра въ лошадку, въ кошку и мышку и др. упражняетъ мускулы ногъ; подражая приемамъ земледѣльца, ребенокъ придаетъ своему тѣлу самыя разнообразныя положенія; посѣвъ, жатва и молотба даютъ упражненія для рукъ. Гимнастика обыкновенно подавляетъ маленькихъ дѣтей своею монотон-

ностью, однообразіемъ и систематичностью, а потому она несравненно менѣе пригодна для нихъ, чѣмъ подвижныя игры, доставляющія имъ необыкновенное удовольствіе и шумное веселье, что вызываетъ на ихъ щечки здоровый румянецъ, заставляеть ихъ глазки блестѣть радостью и оживленіемъ. Такимъ образомъ обѣ группы игръ Фребеля, т.-е. механическія занятія и подвижныя игры, тѣсно связаны другъ съ другомъ, вытекаютъ одна изъ другой и преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—гармоническое развитіе физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Для возраста до „дѣтскаго сада“, т.-е. съ перваго момента пробужденія сознанія до 2-хъ—3-хъ лѣтъ, Фребель даетъ только двѣ игрушки: 1) цвѣтные мячики и 2) кубъ, шаръ и цилиндръ. Нечего и говорить о томъ, что если бы ребенка до трехлѣтняго возраста ограничили только этими двумя ящиками, которые заключаютъ въ себѣ названныя игрушки, то, какъ бы воспитатель ни разнообразилъ игры съ этими игрушками, ихъ было бы, во всякомъ случаѣ, слишкомъ недостаточно до трехлѣтняго возраста ребенка. Но въ томъ-то и дѣло, что *Фребель вовсе не исключаетъ другихъ игрушекъ*, а слѣдовательно, даже и съ его точки зрѣнія, всевозможныя колечки, палочки, куклы точно также имѣютъ воспитательное значеніе, если онѣ не служатъ дурнымъ инстинктамъ, и если воспитатель умѣетъ съ ними толково распорядиться. Предоставляя ребенку несложный матеріалъ, заключающійся въ двухъ дарахъ, Фребель указываетъ на то, что творческія способности ребенка за этотъ періодъ его жизни весьма ограничены. И дѣйствительно, въ это время ребенокъ ничего не можетъ сдѣлать самостоятельно, и его творческія способности еще дремлютъ. Вотъ потому-то Фребель и даетъ для этого возраста не такой матеріалъ, изъ котораго ребенокъ могъ бы творить и создавать, что онъ въ состояніи будетъ дѣлать лишь позже, но уже готовыя игрушки, очень простыя и удобныя для весьма несложныхъ манипуляцій.

Что можетъ дѣлать ребенокъ въ это время? Хватать, бросать, ловить, толкать, катать, — и только: все это онъ можетъ производить съ первыми дарами. Основы воспитанія Фребель не сочинялъ, не изобрѣталъ, а бралъ изъ природы дитяти. Какъ эти игрушки или дары, такъ и послѣдующіе, вытекаютъ изъ истинной потребности ребенка, говорятъ о Фребелѣ, какъ о великомъ знатокѣ дѣтской души, о замѣчательно тонкой его наблюдательности и его необыкновенномъ педагогическомъ тактѣ.

Въ возрастѣ дитяти до „дѣтскаго сада“ прежде всего и болѣе всего сказываются: 1) потребность въ движеніи и 2) стремленіе къ развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ. Вотъ потому-то Фребель и даетъ въ это время цвѣтные мячики, которые способствуютъ развитію органа зрѣнія и приучаютъ отличать одинъ цвѣтъ отъ другого. Что же касается шара, куба и цилиндра, то они, давая ребенку возможность прислушиваться къ производимому этими предметами шуму и стуку, развиваютъ органъ слуха, способствуютъ знакомству съ движеніемъ предмета, съ его формою и съ пространственнымъ отношеніемъ, регулируютъ зрѣніе и движеніе рукъ. Этими первыми двумя дарами Фребель указываетъ, какого характера должны быть игрушки для этого возраста, а также, какія способности въ это время слѣдуетъ развивать преимущественно.

Но вотъ у ребенка увеличивается сумма представленій, обнаруживается непреодолимое желаніе изслѣдовать каждый предметъ, каждый звукъ, однимъ словомъ наступаетъ тотъ моментъ жизни, когда онъ разбиваетъ голову куклы, разрываетъ въ клочки ея торсъ, съ специальною цѣлью узнать, что заключается внутри; разламываетъ музыкальный ящикъ, безжалостно разбиваетъ музыкальные вальки, сбиваетъ

шины, выдергиваетъ и растягиваетъ прого изъ жето изъ жевъ желанія посмотреѣть, что внутри, узнать, что и какъ тамъ огда музбогда музы музыка играетъ. Для этого возраста Фребель даетъ третій давленнй нѣленнй нѣнй на восемь равныхъ частей, или кубиковъ. Эту игрушку Фртъ ребенктъ ребенкебенку, когда въ немъ просыпаются творческія силы, проявляютсвіи матетви маи матеріала для творческой дѣятельности, разрушительными набенокъ выбенокъ выбѣ вынимаетъ изъ ящика (Фребелевскіе дары продаются обыкновен) большой) большой) большой кубъ, и онъ моментально распадается у него на восемь. Первое і. Первое ірвое движеніе—собрать разрозненныя части, но, подвигая одинугому, реугому, реу, ребенокъ замѣчаетъ, что у него каждый разъ являются нагорыя нагорыя наги напоминаютъ ему то одинъ предметъ въ комнатѣ, то другой. сколько разколько разко разъ вынимая кубики изъ ящика, не сдѣлалъ самостоятельно, наводите, наводите, одите его на это. То же разнообразіе формъ даетъ ему этотъ кусожелаетъ ожелаетъ даетъ привести игрушки въ порядокъ и положить ихъ обратно і онъ при онъ при приводитъ свое желаніе въ исполненіе, кубики постоянно прѣ въ разнѣ въ разнѣ разнообразныхъ комбинаціяхъ, однимъ словомъ, невольно вызываетсамостоятелостоятельное творчество.

Когда поле наблюдательности реберасширилооасширилоосирилось, онъ получаетъ *четвертый даръ*, — тоже кубъ, но раз, а имень, а имень именно на восемь плитокъ или кирпичиковъ. Съ помощью егходятъ бходятъ бить болѣе красивыми и несравненно болѣе предшествующихъ напом окружаюм окружаюужающей его обстановки.

Въ слѣдующихъ очеркахъ я старакакое знакакое значе значеніе Фребелевскіе дары могутъ имѣть для развитія нашихей, —здѣсей, —здѣсь—здѣсь же я желаю подчеркнуть главную характерную черту, изъ Фребеляз Фребелязебеля—его умѣнье при-норовить каждое занятіе, каждую игрувозникающцозникающъвакующей способности ребенка въ извѣстный моментъ его развитіе постепене постеперепенное и гармоническое развитіе всѣхъ силъ ребенка пресъ и въ дѣ и въ дѣвъ другихъ своихъ механическихъ занятіяхъ, какъ вырѣзаніе, а, плетеніе, а, плетеніе, етеніе, выкалываніе, рисованіе, лѣпка изъ глины и др. Строить его даръ его дано даровъ, несмотря на разнообразіе формъ, несмотря на наблсравненія, сравненія, сенія, которыя онъ невольно вызываетъ въ ребенкѣ, далеко ообствоватьообствоватьообствовать развитію всѣхъ способностей, заложенныхъ природою въ, и потом, и потом, потому Фребель предлагаетъ въ то же время бумагу, матеріа болѣе гиб болѣе гибѣ гибкій и податливый, чѣмъ дерево; перегибая ее, вырѣзая, ывая по ывая по ѣ по ней различныя фигурки, ребенокъ воспроизводитъ окружа въ болѣе въ болѣе болѣе разнообразныхъ и конкретныхъ формахъ, что еще полнѣе возсоздѣ возсоздвозсоздаетъ передъ нимъ дѣйствительность, заставляетъ его все б все болѣе все болѣе болѣе расширять область творчества. Если при первыхъ двухъ димѣль дѣимѣль дѣтъ дѣло съ законченною формою, то при послѣдующихъ онъ уже возможно возсоздвозсоздываетъ самостоятельно творить, создавать, постепенно усложнятвовать ствовать сать свои разнообразныя способности.

Говорятъ, что дѣти, занимающіясебеля, незебеля, неия, неспособны ни одной минуты заняться безъ воспитателя, что первая ми первая мѣлая мысль принадлежитъ ему же. Мнѣ также часто приходилосьюгихъ мапогихъ матѣ матерей, что, несмотря на то, что онѣ ввели въ своихъ дѣтсстему фрестему фресъ фребелевскихъ игръ и занятій, дѣти ихъ все-таки жалуются гія (и тагія (и та(и такихъ большинство) доказываютъ, что игры, данныя Фребелю непригну непригценпригодны для русскихъ дѣтей, такъ какъ эти занятія требуютъ и терпѣнн и терпѣннрпѣннѣя, несоответственныхъ первому возрасту: механизъ ихъ аетъ, а саетъ, а с, а слѣдовательно и по-

давляет умственные и физические силы дѣтей, что послѣ такихъ упражненій дѣти устаютъ на цѣлый день, становятся вялыми, замѣтно менѣе сообразительными. И дѣйствительно, можно видѣть и у насъ, и въ очень многихъ садахъ за границею, даже въ Германіи, отечествѣ этой системы, что Фребелевскія работы не всегда умственно развиваютъ дѣтей. Многіе говорятъ, что результатомъ занятій дѣтей по этой системѣ бываетъ то, что дѣти привыкаютъ смотрѣть на физическій трудъ, какъ на бесполезное и скучное времяпрепровожденіе, что такія дѣти не умѣютъ взять въ руки самаго простого инструмента, чтобы починить какую-нибудь сломанную вещь. Но развѣ Фребель, который беретъ для образованія все, что его окружаетъ, могъ отрицать инструментъ, сразу развивающій многія способности? Если инструментъ не названъ въ числѣ его образовательныхъ игрушекъ, то только потому, что дѣти, для которыхъ предлагается его метода воспитанія, слишкомъ малы и не могутъ владѣть еще никакимъ инструментомъ. Но не справедливы ли тѣ, которые вовсе отвергаютъ методу Фребеля, опираясь или на личныя наблюденія ея плохихъ результатовъ, или на томъ предположеніи, что метода Фребеля изобрѣтена нѣмцемъ для своихъ дѣтей, которыя находятся при другихъ условіяхъ, при другой житейской обстановкѣ? Во всемъ этомъ, безъ сомнѣній, много правды. Механическія занятія, не сопровождаемыя занимательными бесѣдами изъ окружающей жизни, могутъ лишь односторонне развивать ребенка. Мало хорошо выполнить ручную работу, нужно показать ребенку и то значеніе, какое имѣетъ данный ему матеріалъ въ примѣненіи къ жизни. вмѣстѣ съ развитіемъ мышцъ и органовъ дитяти, т.-е. съ развитіемъ физическимъ, никогда не перевѣсивая одно другого, должно идти и умственное развитіе ребенка, о которомъ я говорила выше.

Скажу лишь нѣсколько словъ противъ слѣдующихъ возраженій: 1) что Фребель — нѣмецкій педагогъ, и слѣдовательно не годится заниматься по его методѣ съ русскими дѣтьми; 2) что онъ узкій систематизаторъ, занятія его или только механическія, или обращаются въ области чисто внѣшнихъ впечатлѣній, чисто внѣшняго развитія разныхъ мелкихъ чувствій, сентиментальныхъ отношеній къ природѣ и къ людямъ. Въ опроверженіе укажу хотя на нѣкоторые факты. Дѣти, занимавшіяся въ дѣтскомъ саду Келлера въ Готѣ, а также въ „садахъ“ Швейцаріи, воспитателями въ которыхъ были дѣльные педагоги, оказывали въ школахъ несравненно больше успѣховъ въ наукахъ, были гораздо болѣе развитыми, чѣмъ ихъ сверстники. Но все, съ успѣхомъ примѣнявшіе методъ Фребеля, никогда не слѣдовали ему рабски, не подражали ему буквально, а творили свободно, держась только высказанныхъ имъ основаній. Фребель въ своей системѣ руководствовался тѣми законами, какіе вообще представляетъ намъ естественная дѣятельность ребенка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Ребенокъ начинаетъ смотрѣть, протягивать руки, тащить къ себѣ все, что попадается, безъ умолку болтаетъ, играетъ. Вотъ и является вопросъ: какъ и куда направить эти разнообразныя стремленія.

Главная заслуга Фребеля въ томъ, что онъ учитъ пользоваться самымъ обыкновеннымъ матеріаломъ, который подъ руками у каждого, и у бѣднаго, и у богатаго, что онъ указываетъ, какъ найтись при всякой обстановкѣ. Фребель, конечно, не могъ имѣть въ виду тѣхъ педагоговъ и садовницъ, которые главною своею обязанностью считаютъ употреблять при занятіяхъ точь въ точь такіе кубики, какіе были у него самого, или спорять о томъ, крученою или некрученою шерстью шились мячики въ его первомъ дѣтскомъ саду, говорятъ его словами, поютъ непремѣнно его пѣсни. Фребель указываетъ матеріалъ, при которомъ у ребенка работаетъ совершенно свободно творческая фантазія, и вмѣстѣ съ этою работою идетъ всесто-

роинее развитіе его органовъ; но это вовсе не обязываетъ васъ дѣлать точь вѣ точь то, что онъ дѣлалъ, не исключаетъ и другихъ игрушекъ, не менѣе, а иногда и болѣе полезныхъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ предлагаетъ. Если въ самой Германіи лучшіе педагоги далеко не все въ системѣ Фребеля считаютъ пригоднымъ для развитія нѣмецкихъ дѣтей, то тѣмъ болѣе русскимъ воспитателямъ необходимо быть разборчивыми въ этомъ отношеніи.

Матеріалъ для бесѣдъ и занятій, а также и свои пѣсни Фребель бралъ изъ народнаго источника своей стороны, но приспособлялъ его согласно дѣтскимъ понятіямъ, условіямъ и требованіямъ своей системы. Десять лѣтъ посвятилъ онъ исключительно на то, что переѣзжалъ изъ села въ село, изъ одного крестьянскаго семейства въ другое, вездѣ сводилъ знакомство и тѣсную дружбу съ крестьянскими дѣтьми, основательно изучая тотъ педагогическій матеріалъ, который испоконъ-вѣка, по преданію, передается отъ одной женщины къ другой, съ помощью котораго цѣлыми поколѣніями вездѣ ублаживали и занимали дѣтей. Ему приходилось много работать, чтобы разобрать эту смѣсь нелѣпныхъ предразсудковъ и вѣрованій и тутъ же отыскать подчасъ самыя толковыя истины, которыя лежатъ въ основѣ воспитанія дѣтей часто у самыхъ простыхъ матерей, игрушки и занятія, нерѣдко весьма полезныя. Какъ бы удивился онъ, что русскія дѣти воспитываются на народныхъ нѣмецкихъ пѣсняхъ, вдобавокъ переведенныхъ ломанымъ русскимъ языкомъ, въ тѣ годы, когда такъ важно развитіе въ ребенкѣ правильнаго говора. Какъ бы посмѣялся онъ той ненаходчивости и невѣжеству нашихъ воспитателей, которые, если что и выбираютъ для своихъ бесѣдъ, то именно то, и точь въ точь въ томъ видѣ, какъ старикъ Фребель (родился въ 1782 г., умеръ въ 1852 г.) болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ, говорилъ съ своими дѣтьми, и въ томъ видѣ, въ какомъ для примѣра вошли эти рассказы при изложеніи его системы. Фребеля упрекаютъ въ педантизмъ и главнымъ образомъ въ томъ, что занятія по его системѣ приводятъ къ излишнему механизму. Въ этомъ несомнѣнно много правды, что будетъ видно ниже, тѣмъ не менѣе въ то время, когда онъ жилъ, онъ больше другихъ примѣнялъ еще новый тогда методъ нагляднаго обученія Песталоцци и приспособилъ его и къ своимъ „садамъ“. Хотя, въ пору дѣятельности Фребеля, педагогика была уже пробуждена къ новой жизни и новой дѣятельности принципами и новымъ методомъ Песталоцци, но на маленькихъ дѣтей до Фребеля вовсе не было обращено никакого вниманія, и дѣло воспитанія въ дошкольный возрастъ ограничивалось „игральными школами“ и „школами для маленькихъ дѣтей“, учрежденными въ нѣкоторыхъ странахъ и гдѣ оставляли дѣтей исключительно для игры.

Тупоголовые и формалисты идеи встрѣчаются при каждомъ новомъ вѣяніи: при осуществленіи системы Фребеля ихъ появилось особенно много и не только у насъ, но и на западѣ, и кажется болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ Германіи. Фребель прекрасно понималъ, что идеи, положенныя въ основу его системы, столь новы (повторяемъ, что до него онѣ были высказываемы вскользь и то лишь нѣсколькими мыслящими людьми, но оставались совершенно неразработанными), что онѣ могутъ подвергнуться при примѣненіи ихъ на практикѣ всякимъ искаженіямъ, слѣпому, узкому или прямолинейному токованію и потому въ своемъ „Menschenziehung“ онъ говоритъ: „подражайте идеѣ, а не формѣ“.

Нужно помнить, что въ то время, когда Фребель работалъ надъ своею системою „дѣтскихъ садовъ“, направленіе германскихъ педагоговъ было преимущественно классическое: естествоиспытатели и ученые мало снисходили съ своей высоты до дѣтской литературы, до дѣтскаго пониманія. Фребель больше другихъ бралъ матеріалъ

изъ природы: вмѣсто сентенцій и нравоученій, онъ уже даетъ дѣтямъ понятіе о трудѣ простолюдина и ставитъ первымъ условіемъ своихъ занятій трудъ, хотя для дѣтскаго возраста легкой и пріятный, но который съ необыкновенною постепенностью приучаетъ дѣтей къ терпѣнію и приготавливаетъ къ тому, чтобы впоследствии управиться съ трудомъ болѣе серьезнымъ и тяжелымъ. Что касается формализма и педантизма, въ которыхъ упрекаютъ Фребеля, то на практикѣ, сколько извѣстно, онъ былъ ихъ врагъ и тогда, когда еще не вполне опредѣлились его педагогическія наклонности, когда еще не была выработана его новая система первоначальнаго воспитанія. Еще въ 1816 г. Фребель основалъ сиротскій институтъ. Очевидцы рассказываютъ, что дѣятельность института, какъ первая попытка Фребеля, не представляла ничего особеннаго: то была хорошая школа въ духѣ Песталоцци, но нравственная сторона заведенія поражала съ перваго раза отсутствіемъ всякой формальности и казарменной жизни. Воспитатели и воспитанники составляли въ полномъ смыслѣ слова добропорядочную семью, члены которой были связаны между собой чувствомъ взаимной симпатіи, любовью къ наукѣ и искреннею вѣрою въ лучшую, болѣе человѣчную жизнь будущихъ поколѣній,—всѣ согласно, дружно работали. Между тѣмъ главные труды Фребеля относятся къ болѣе позднему періоду его жизни. Только 20 лѣтъ спустя послѣ этого является его новая система и его первый дѣтскій садъ.

Извѣстный педагогъ Дистервегъ, на безпристрастное сужденіе котораго можно вполне положиться, съ необыкновенною теплотою и любовью описываетъ дѣтскій садъ Фребеля, который удалось ему посѣтить. „Въ Фребель“, говоритъ онъ между прочимъ, „я впервые увидѣлъ осуществленіе идеала истиннаго педагога“. Но, повторяю, всѣ эти описанія относятся дѣйствительно только къ практической дѣятельности Фребеля. Что касается его системы первоначальнаго воспитанія, философіи и нѣкоторыхъ его взглядовъ, изложенныхъ въ его сочиненіяхъ, то они въ самомъ дѣлѣ не чужды искусственности, педантизма и страдаютъ излишнимъ развитіемъ техники. Противъ принциповъ его спорить нельзя; но частности, какъ напр. приторная сентиментальность, съ какой онъ заставляетъ дѣтей воспѣвать геометрическія фигуры и математическія истины, сладость труда и слезливое отношеніе къ природѣ, разумѣется, нелѣпы и смѣшны. Всѣ эти мелочи сразу бросаются въ глаза всякому, кто въ первый разъ знакомится съ системою Фребеля. Но если выхватывать однѣ странности, слабыя и смѣшныя стороны и указывать только на нихъ, у насъ совсѣмъ не будетъ гениальныхъ людей: ни одинъ человѣкъ, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ, не избѣжалъ вліянія духа времени или индивидуальныхъ слабостей, и было бы нелѣпо изъ-за больныхъ сторонъ вѣка или изъ-за погрѣшностей, свойственныхъ каждому, не признавать той громадной пользы, которую намъ принесли эти люди. И система Фребеля, оказавшая дѣлу воспитанія громадныя услуги, не избавлена отъ крупныхъ ошибокъ, большинство которыхъ можно поставить на счетъ того времени, когда жилъ и работалъ Фребель.

Педагогъ можетъ только тогда совершенно правильно установить ту или другую теорію, тотъ или другой методъ, если онъ основанъ на законахъ психологіи. Тридцатые и начало сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, когда Фребель преимущественно вырабатывалъ свою систему, были временемъ господства психологіи метафизической, которая весьма поверхностно, а подчасъ и ошибочно занималась выясненіемъ свѣдѣній о психическихъ явленіяхъ. Не были приведены тогда въ ясность и законы наслѣдственности; разница между людьми, по понятіямъ того времени, обуславливаласьра зличіемъ воспитанія и среды; таланты, добродѣтели, даже

гений, какъ полагали тогда очень многіе, можно пріобрѣтать путемъ правильнаго воспитанія; душа ребенка, по тогдашнимъ понятіямъ, представляла „*tabula rasa*“, на которой воспитатель могъ начертать какія угодно писмена. При этомъ были мало изслѣдованы нервные и душевные болѣзни. Къ тому же ни изъ чего не видно, чтобы Фребель занимался метафизическою психологіею. Не имѣя возможности построить свою воспитательную систему на психологическихъ данныхъ и увлекаясь съ одной стороны философіею, которая носила въ то время характеръ метафизической, съ другой — съ ранней юности склонный къ вопросамъ отвлеченнымъ, Фребель даетъ своей воспитательной системѣ философско-метафизическую основу. вмѣсто того чтобы предложенныя занятія, игры, бесѣды, пѣсни объяснять естественными законами и требованіями дѣтской природы, какъ онъ это дѣлалъ инстинктивно, пріобрѣтая свѣдѣнія о душѣ ребенка путемъ чисто эмпирическимъ, посредствомъ личнаго опыта, знакомства съ громаднымъ количествомъ дѣтей и вслѣдствіе своей изумительно тонкой наблюдательности, замѣчательно выдающагося педагогическаго такта и громадныхъ педагогическихъ способностей, онъ дѣлаетъ ссылки на міровые законы, на туманные философскіе принципы, объясняетъ ихъ многорѣчиво, отвлеченно, накидывая отъ времени до времени на самыя свѣтлыя мысли, на самыя глубокія педагогическія истины покровъ слащаваго сентиментализма и мистицизма. Но какова была сила таланта этого замѣчательнаго педагога, видно изъ того, что, несмотря на отсутствіе изученія психологіи, изумительное знаніе дѣтской души поразить каждаго, кто основательно изучитъ его систему. Если отбросить его туманныя и отвлеченныя объясненія, скорѣе вызывающія улыбку, чѣмъ убѣждающія, то мы придемъ къ заключенію, что основа его системы совершенно здоровая, реальная, вполне разумная даже и въ настоящую минуту, что она въ высшей степени способствуетъ развитію физическихъ и моральныхъ силъ ребенка въ дошкольный періодъ жизни. Всѣ его игры, вмѣстѣ взятыя, состоящія изъ сидячихъ занятій и сопровождаемыя бесѣдами, а также и подвижныя игры съ пѣснями, преслѣдуютъ въ воспитаніи тѣ же цѣли, къ которымъ стремятся и нынѣ всѣ мыслящіе психологи и педагоги, т.-е. къ гармоническому развитію физическихъ и моральныхъ силъ ребенка. Фребель съ перваго проявленія сознанія дитяти находитъ необходимымъ упражнять его органы внѣшнихъ чувствъ, придаетъ громадное значеніе его потребности къ движенію; точно также смотрятъ на это и нынѣшніе психологи и педагоги. Фребель преслѣдуетъ въ воспитаніи гармоническое развитіе, находитъ необходимымъ вести параллельно упражненіе всѣхъ способностей дитяти; и теперешніе психологи доказываютъ, что моральныя силы ребенка имѣютъ тѣсную связь между собой, что воспитаніе тѣла и духа не только вредно одно безъ другого, но почти невысказуемо, такъ какъ исключительно одно интеллектуальное или только физическое развитіе весьма опасно для всей послѣдующей жизни ребенка. Необходимость начинать воспитаніе ребенка гораздо раньше, чѣмъ онъ переступитъ порогъ школы, — тоже подтверждается наиболѣе мыслящими современными педагогами и психологами.

Тѣмъ не менѣе система „дѣтскаго сада“ Фребеля страдаетъ не только туманными философскими и метафизическими объясненіями, но и другими недостатками и прежде всего излишнимъ развитіемъ техники и черезчуръ строгою систематизаціею. Техника несомнѣнно имѣетъ важное значеніе: никакое дѣло не пойдетъ успѣшно, если вы не преодолеете техническихъ трудностей. Такъ и въ системѣ Фребеля. Воспитатель, прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ съ ребенкомъ по фребелевской системѣ, долженъ предварительно самъ переработать различныя механическія занятія. Только такимъ путемъ онъ разовьетъ свою собственную фантазію, ловкость и прі-

обрѣтетъ необходимый навыкъ въ этихъ работахъ; это важно для воспитателя также и для того, чтобы не быть слѣпымъ подражателемъ разныхъ рисунковъ, и наконецъ опытность, которую онъ приобрететъ, серьезно изучивъ механическую сторону дѣла, облегчитъ трудъ его воспитанникамъ. Лишь при означенномъ условіи онъ можетъ указать питомцу такіе приемы, при которыхъ всякая работа дѣлается быстрѣе и легче и выходитъ болѣе красивою и отчетливою. Но совсѣмъ иначе долженъ относиться ребенокъ къ этимъ работамъ.

У Фребеля одна механическая работа логично, строго до педантизма вытекаетъ изъ другой; одинъ рисунокъ есть не что иное, какъ болѣе сложное, систематическое, послѣдовательное развитіе другого. Туманныя, отвлеченныя объясненія Фребеля мѣшаютъ понять, дѣйствительно ли существуетъ во всѣхъ его играхъ и занятіяхъ такая строгая послѣдовательность, наконецъ возможна-ли она съ такими малютками, какими являются дѣти въ дошкольный періодъ. Педагогическій принципъ—постепенность въ переходѣ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному и сложному—имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе, и его никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду при воспитаніи, но храни Богъ утрировать его. Мой собственный опытъ, который я вынесла изъ продолжительныхъ наблюденій надъ занятіями фребелевскою системою, убѣдилъ меня въ томъ, что тамъ, гдѣ придерживались педантической точности, занятія по системѣ Фребеля или быстро надоѣдали дѣтямъ, или совсѣмъ не развивали ихъ; дѣтямъ чрезвычайно тяжело постоянно передѣлывать все съизнова и съизнова, а потому прежде всего необходимо имѣть въ виду правило не обременять ребенка непосильнымъ механизмомъ и техникою этихъ работъ. Область терпѣнія и у взрослого не безгранична, тѣмъ болѣе необходимо имѣть въ виду слабыя силы ребенка, его склонность къ нервности.

Если воспитатель черезчуръ требовательно относится къ механическимъ работамъ, ребенокъ дѣлаетъ сверхъестественныя усилія и тупѣетъ подъ бременемъ механизма, или, замѣчая, какъ долго не удается ему что-нибудь сдѣлать и какъ плохо все выходитъ изъ его рукъ, онъ совсѣмъ бросаетъ подобныя работы или чувствуетъ къ нимъ непреодолимое отвращеніе. Печальныя послѣдствія строгой, педантической требовательности я встрѣчала какъ въ „дѣтскихъ садахъ“ Петербурга, такъ и за границею, въ Германіи и Бельгіи. По моему убѣжденію, занятія по системѣ Фребеля тогда приносятъ громадную пользу, когда, при примѣненіи ихъ, избѣгаютъ какого-бы то ни было педантизма, излишней требовательности и насилія надъ дѣтскою природою. Когда дѣти выполнили свои маленькія обязанности въ домѣ, въ саду или огородѣ, относительно прирученныхъ животныхъ, а также покончили и съ прогулкою, во время которой имъ пришлось многое наблудить и кое-что узнать (см. главу „Воспитаніе ума“), а между тѣмъ они не настолько утомлены, чтобы прекратить всякую дѣятельность и сами просятъ старшихъ, чтобы они придумали для нихъ какое-нибудь занятіе, только въ такомъ случаѣ дайте имъ механическую работу Фребеля, сопровождая ее должнымъ объясненіемъ или подходящимъ разговоромъ и всегда заканчивая ее подвижною игрою или просто вознею съ дѣтьми. Когда они вдоволь напумуются и навозятся, имъ можно задать загадку для отгадыванія или сообщить какую-нибудь поговорку, взявъ и загадки, и рассказы, и пѣсни, и игры не изъ Фребеля, а изъ своего народнаго источника и изъ своей русской дѣйствительности. Часто случается, даже и въ то время, когда ребенокъ самъ желаетъ продолжать занятія, что онъ вдругъ внезапно ничего не можетъ усвоить, теряетъ возможность болѣе или менѣе сознательно относиться къ тому, что ему говорятъ, совершенно небрежно исполняетъ предложенное ему занятіе, никакъ не можетъ со-

средоточить вниманія; въ такомъ случаѣ никоимъ образомъ не насилуйте его мозгъ, пусть ребенокъ бѣгаетъ и рѣзвится. Эти внезапныя пріостановки въ умственныхъ процессахъ случаются съ дѣтьми очень часто: необходимо это имѣть въ виду, подмѣчать раньше, чѣмъ это рѣзко проявится, и въ такихъ случаяхъ немедленно прекращать занятія. Эти періодическія пріостановки въ умственныхъ процессахъ ребенка продолжатся очень недолго, проходятъ быстро и безъ всякихъ слѣдовъ, если только воспитатель умѣетъ во-время ихъ подмѣтить и предупредить. Если ребенокъ нѣсколько разъ кряду выражаетъ нежеланіе продолжать предложенное ему занятіе, или если, несмотря на ваши объясненія и указанія, оно не дается ему даже и послѣ продолжительнаго отдыха, не настаивайте на его выполненіи, отложите работу въ сторону на нѣкоторое время: часто то, чего ребенокъ не понимаетъ сегодня, онъ прекрасно усваиваетъ черезъ нѣсколько недѣль. Не слѣдуетъ также настаивать на непремѣнномъ выполненіи того, а не другого фребелевскаго занятія уже потому, что выборъ этихъ занятій безконечно разнообразенъ, одно не нравится ребенку въ данную минуту, возьмите другое, — необходимо помнить, что вы имѣете дѣло съ малюточкою.

Рѣзко бросается въ глаза и фребелевскій сентиментализмъ: во всѣхъ бесѣдахъ, разсказахъ, пѣсняхъ, подвижныхъ играхъ, которые Фребель приводитъ въ образецъ того, какъ должны воспитатели оживлять и одухотворять механическія занятія дѣтей, вездѣ проглядываетъ приторная сентиментальность, слащавое отношеніе къ родителямъ, трудящемуся люду, отечеству, даже къ природѣ. Но мы знаемъ, что это характерная черта нѣмецкаго народа вообще особенно господствовала въ то время, когда Фребель трудился надъ своею системою „дѣтскихъ садовъ“. Вотъ потому-то намъ, русскимъ воспитателямъ, особенно въ настоящее время, дико и непедагогично занимать нашихъ дѣтей сентиментальными пѣснями и разсказами Фребеля.

Эти слабыя стороны системы Фребеля сильно затормозили распространеніе его свѣтлыхъ и полезныхъ идей и разумныхъ практическихъ совѣтовъ. Замѣтить слабыя стороны этой системы весьма не трудно, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ нею, а чтобы усвоить здоровыя начала и понять ихъ глубину и значеніе, для этого необходимо серьезное изученіе; точно также и для того, чтобы умѣть сдѣлать выборъ, отдѣлить существенное отъ несущественнаго, полезное отъ вреднаго и неподходящаго, для этого нужно было имѣть извѣстное образованіе, умственное развитіе и критическій тактъ. Между тѣмъ, при возникновеніи „дѣтскихъ садовъ“, какъ у насъ, такъ и за границею, проводниками идей Фребеля явились, въ большинствѣ случаевъ, люди совсѣмъ къ этому дѣлу неподготовленные, мало развитые, что было слѣдствіемъ экономическихъ условій. „Дѣтскіе сады“ у насъ, большею частью, устраивались на частныя средства, людьми небогатыми, а потому и дѣтскимъ садовницамъ (воспитателями въ „дѣтскихъ садахъ“ дѣлались преимущественно женщины) могли предлагать за трудъ лишь скудное вознагражденіе. Неподготовленные къ дѣлу воспитанія вообще, онѣ обыкновенно не знали даже фребелевской системы, а знакомились лишь съ ея внѣшней стороною. Можно себѣ представить, какъ вели онѣ это дѣло *). Не менѣе повредили дѣлу распространенія здоровыхъ по-

*) Больше подробныя свѣдѣнія о Фребелевской системѣ можно почерпнуть изъ книгъ: Friedr. Fröbel. Entwickelnd-erziehende Menschenbildung als System. Eine umfassende, wortgetreue Zusammenstellung von H. Pöschel. 3 Theile. Friedrich Fröbel. Gesammelte pädagogische Schriften, herausgegeben von Dr. Wichard Lange. Theil II. Aus Fröbels Leben und erstem Streben. Bedeutung und philosophische Grundlage von Fröbels Pädagogik. Von Dr. P. Lautier. *Arbeitschule*—журналъ Зейделя и Шмидта. *Die Praxis des Kindergartens*. Von August Köhler. *Das Paradies der Kindheit nach Friedrich Fröbels Grundsätzen*. Von Lina Morgenstern. *L'école Froebel. Histoire d'un jardin d'enfants*. Octavie Masson.

нятій Фребеля о дошкольномъ воспитаніи его фанатичные поклонники и послѣдователи. вмѣсто того, чтобы съ теченіемъ времени исправлять его промахи и распространять его воспитательныя идеи сообразно съ духомъ новаго времени, чуждаго метафизикъ, схоластикъ и мистицизму, они развивали ихъ въ томъ же духѣ, съ педагогическою точностью, предавая проклятiю даже истинныхъ послѣдователей и доброжелателей Фребеля, если только послѣдніе критически относились къ его философскимъ воззрѣніямъ. Эти слѣпые фанатики ничего не хотѣли слышать, видѣли во всякой критикѣ развѣнчаніе авторитета Фребеля и, не смущаясь насмѣшками, проводили въ педагогическихъ органахъ свои одностороннія и нелѣпыя воззрѣнія на систему Фребеля.

Столько же вреда распространенію Фребелевской системѣ принесло и ихъ педагогическое требованіе тщательнаго выполненія технической стороны дѣла „дѣтскаго сада“, безъ чего, какъ они старались доказать устно и письменно (они для этого читали лекціи и специально для этой цѣли издавали журналы), мысли Фребеля совершенно искажаются и къ дѣтямъ, по ихъ мнѣнію, вмѣсто терпѣнія и усидчивости, какъ о томъ заботился ихъ учитель, прививаютъ лѣнь, разсѣянность и другіе пороки. Мало того: эти, не по разуму ретивые поклонники Фребеля, послѣ смерти своего учителя, еще болѣе усложняютъ технику „дѣтскаго сада“: вмѣсто восьми даровъ, предложенныхъ Фребелемъ, у нихъ является уже болѣе двадцати; перешлетаніе бумажныхъ тесемокъ, сгибаніе бумаги, выкладываніе спичекъ, лучинъ и колець развиваются у нихъ въ длинные ряды систематическихъ упражненій, въ особую науку, которая, если въ нее вполне погрузить ребенка, скорѣе подавитъ его силы, чѣмъ разовьетъ ихъ. Наконецъ, такое детальное изученіе техники „дѣтскихъ садовъ“ и въ томъ широкомъ объемѣ, въ какомъ это предлагаютъ односторонніе послѣдователи Фребеля, совершенно непроизводительная, даже и для воспитателей, трата времени, которое они могутъ употреблять съ большею пользою, изучая психологію, подготавливая рассказы и бесѣды для дѣтей, занимаясь чтеніемъ книгъ по естественной исторіи, что дастъ имъ возможность толково и ясно объяснять дѣтямъ окружающія явленія природы и жизни.

Не менѣе повредила распространенію фребелевскихъ идей и самая форма ихъ изложенія: усвоивъ языкъ Фребеля, эти, не по разуму усердные друзья его, старались держаться его способа выраженія, что они дѣлали по ихъ объясненію, для того, чтобы ученіе Фребеля не утратило духа своего творца.

Въ самомъ началѣ, когда воспитательныя идеи Фребеля начали проникать въ общество, оно отнеслось къ нимъ весьма сочувственно, но это было въ ту пору, когда самъ Фребель и его ближайшій пріятель, умный, образованный, развитой и преданный дѣлу Миддендорфъ, ѣздили по Германіи съ цѣлью пропаганды идей „дѣтскаго сада“. Но послѣ смерти Фребеля, когда на сцену выступили его фанатичные и слѣпые приверженцы, выдвинувшіе на первый планъ технику, придававшіе отжившимъ и давно сданнымъ въ архивъ туманно-философскимъ и отвлеченнымъ воззрѣніямъ Фребеля первостепенную важность въ воспитаніи, общество подняло на смѣхъ этихъ ретивыхъ поклонниковъ, а вмѣстѣ съ ними стало смотрѣть и на фребелевскую систему, какъ на нѣчто вредное въ воспитаніи, какъ на нежелательную муштровку, какъ на нѣмецкій фокусъ-покусъ, тормозящій свободное развитіе индивидуальныхъ свойствъ, и совсѣмъ перестало изучать фребелевскую систему.

Однако въ послѣднее время положеніе дѣлъ сильно измѣнилось: мало-по-малу начинается устанавливаться правильное и разумное отношеніе къ системѣ Фребеля: подвергая критикѣ слабыя стороны системы „дѣтскихъ садовъ“, современные педагоги находятъ въ ней чрезвычайно много свѣтлыхъ, глубокихъ и разумныхъ мыслей, и

Фребелевскія идеи первоначальнаго воспитанія начинаютъ все болѣе распространяться. Сознаніе пользы дѣтскихъ садовъ усиливается въ нѣкоторыхъ странахъ настолько, что они изъ частныхъ учреждений дѣлаются общественными и народными. Въ Австріи, уже съ 1872 года, „дѣтскій садъ“ былъ принятъ въ систему государственныхъ учебныхъ заведеній. Въ Швейцаріи такихъ заведеній насчитываютъ уже около 600. По всей Франціи съ этою цѣлью устроено множество „écoles maternelles“, а въ послѣднее время эту систему стали примѣнять и въ заведеніяхъ, нарочно съ этою цѣлью устраиваемыхъ при элементарныхъ общинныхъ школахъ, называемыхъ „écoles maternelles communales“. Въ Лондонѣ существуетъ Фребелевское общество, которое употребляетъ всѣ усилія расширить количество дѣтскихъ садовъ, а также подготовить опытныхъ для нихъ руководительницъ; множество „дѣтскихъ садовъ“ существуетъ не только въ столицѣ англичанъ, но и въ провинціальныхъ городахъ Англій. Особенно много ихъ въ Америкѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ этой страны частныя дѣтскія сады приняты въ завѣдываніе общественнаго школьнаго управленія, и на ихъ содержаніе ассигнованы значительныя суммы. Въ 1871 году и у насъ въ Петербургѣ были основаны курсы, подъ названіемъ „Курсы спб. Фребелевскаго Общества“ съ спеціальною цѣлью готовить опытныхъ руководительницъ для воспитанія въ дошкольный періодъ. Въ составъ предметовъ преподаванія входятъ:

- 1) Важнѣйшія свѣдѣнія изъ анатоміи, физиологіи и гігіены, какъ основы физическаго воспитанія.
- 2) Важнѣйшія свѣдѣнія изъ психологіи и педагогикѣ, какъ основы духовнаго воспитанія.
- 3) Теорія воспитанія по методу Фребеля и фребелевскія руководствія.
- 4) Исторія педагогикѣ.
- 5) Естественная исторія.
- 6) Физика.
- 7) Дѣлка.
- 8) Рисованіе.
- 9) Пѣніе.
- 10) Практическія занятія въ „дѣтскомъ саду“.
- 11) Гимнастика.

Для лицъ, не имѣющихъ возможности посѣщать курсы и желающихъ самостоятельно подготовиться къ занятіямъ съ дѣтьми дошкольнаго возраста, я рекомендую прежде всего: 1) „Педагогическую Психологію“ *Кантерева*; 2) *Preyer* „Die Seele des Kindes“; есть прекрасный французскій переводъ этого сочиненія подъ названіемъ „L'ame de l'enfant“ par *Preyer*, traduit par *Varigni*; существуетъ и русскій переводъ, но сокращенный; 3) *Спенсеръ* „Умственное и физическое воспитаніе“; 4) *Pérez* „Les trois premières années de l'enfant“, 5) его-же: „L'enfant de trois à sept ans“; также: „L'éducation morale dès le berceau“; 7) *Моссо* „Страхъ“; 8) *Крафтъ-Эбингъ* „Нашъ нервный вѣкъ“, 9) *Бѣме* „Воспитаніе сына“; 10) *Гюйо* „Education et hérédité“ (существуетъ русскій переводъ „Воспитаніе и наслѣдственность“ Толстого; 11) *Сикорскій* „Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства“; 12) *Лѣббокъ* „Радости жизни“, переводъ съ англійскаго *Ловцовой*; 13) *Пэйю* „Воспитаніе Воли“, переводъ съ французскаго *Шишмаревой*; 14) „Энциклопедія Семейнаго Воспитанія и Обученія“: отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ законченную статью по тому или другому вопросу воспитанія или обученія; издается подъ редакціей *Кантерева*; 15) *Рибо* „Характеръ“, переводъ съ французскаго *Рапгофа*; 16) *Кейръ* „Характеръ и нравственное воспитаніе“, переводъ *Сементковскаго*; 17) *Моссо* „Усталость“ переводъ *Манассеина*; 18) *Ломброзо* „Жизнь ребенка“; 19) *Тома* „Нравственность и Воспитаніе“ Переводъ съ франц. *Е. Леонтьевой*; 20) *Песталлоци* „Линдгардъ и Гертруда“. Пер. *Смирнова*; 21) *Лесгафтъ* „Семейное воспитаніе ребенка“; 22) *Селли* „Очерки по психологіи дѣтства“; 23) *Тресси* „Психологія перваго дѣтства“; 24) Педагогическая бібліотека. Избранныя сочиненія *Фридриха Фребеля*. „Воспитаніе человѣка“. Пер. съ нѣмец. *И. Д. Городецкаго*.

ГЛАВА XIII.

Воспитаніе ребенка съ перваго проявленія въ немъ сознанія до трехъ-четырехъ-лѣтняго возраста.

Цвѣтные мячики. — Пригодны ли фребелевскія упражненія съ мячикомъ для маленькихъ дѣтей. — Практическіе примѣры того, какъ мы, русскіе воспитатели, можемъ пользоваться идеями Фребеля. — Чѣмъ и какъ можемъ мы занимать ребенка въ первые годы его жизни. — Пѣсни, игры и наблюденія, которыми могутъ русскіе воспитатели занимать дѣтей въ первомъ возрастѣ. — Какъ измѣнить фребелевскія занятія съ мячикомъ для трехлѣтнихъ дѣтей. — Можно ли съ трехъ лѣтъ начинать механическія занятія. — Когда дѣти могутъ начинать учиться счету. — Какому методу слѣдуетъ придерживаться при ариѳметическихкихъ упражненіяхъ съ маленькими дѣтьми. — Примѣры такихъ упражненій для дѣтей 3-хъ, 4-хъ лѣтъ. — Второй даръ: шаръ, кубъ, цилиндръ. — Бесѣды при упражненіяхъ со вторымъ даромъ. — Бесѣды и рассказы для дѣтей до 4-хъ-л. возраста. — Значеніе товарищества.

Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ очеркахъ этого труда, я старалась дать примѣры, какими бесѣдами, разговорами, рассказами, пѣснями, поговорками, загадками, ариѳметическими задачами можемъ мы, русскіе воспитатели, сопровождать занятія съ маленькими дѣтьми по системѣ Фребеля. Хотя мы и будемъ на занятія, указанныя Фребелемъ, давать самостоятельныя упражненія, но никакъ не остановимся на этомъ, а постараемся придумывать и свои работы. Если русская жизнь, современныя требованія и наша природа представляютъ уму ребенка другую пищу, чѣмъ въ Германіи, то это же самое даетъ и рукамъ ребенка другое дѣло. Всѣ упражненія, которыя я даю для образца, я беру изъ русской жизни и природы и стараюсь нѣкоторымъ механическимъ занятіямъ подыскать соотвѣтственный рассказъ, или какое-нибудь умственное упражненіе, которое могло бы отчасти оживить механической трудъ, отчасти развитъ тѣ стороны ума и сердца, которыхъ не можетъ развивать въ русскихъ дѣтяхъ нѣмецкій педагогъ. Я не только не претендую на слѣпое подражаніе даннымъ образцамъ, но считаю его вреднымъ, о чемъ уже много разъ высказывалась выше; предлагаемыми примѣрами бесѣдъ и рассказовъ я хочу показать то направленіе, какимъ должны быть проникнуты подобныя занятія, и духъ, въ какомъ должно ихъ вести.

Воспитаніе ребенка Фребель начинаетъ съ его рожденія, пользуясь при этомъ его потребностью двигаться и его внѣшними чувствами. Съ первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенокъ проявляетъ въ движеніяхъ стремленіе къ дѣятельности, — Фребель не оставляетъ безъ вниманія эту новую черту его характера. Но многіе могутъ замѣтить: когда ребенокъ подрастетъ, ему, пожалуй, и можно будетъ указать поле, на которомъ бы онъ могъ изощрять свои чувства, но оставьте его въ покоѣ хотя на то время, пока онъ въ колыбели. Орелъ не изобрѣтаетъ искусственныхъ средствъ, чтобы еще въ гнѣздѣ изощрять зрѣніе и ловкость своихъ птенцовъ, между тѣмъ онъ съ необыкновенной высоты, на разстояніи, совершенно недоступномъ человѣческому глазу, видитъ цыпленка и съ быстротою стрѣлы падаетъ на свою добычу. Все это совершенно вѣрно, но при этомъ упускаютъ изъ виду одно; нѣкоторыя жи-

вотныя, и преимущественно низшія, видятъ, слышатъ, ошущаютъ и двигаются при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ несравненно лучше, чѣмъ новорожденный младенецъ, который является на свѣтъ божій совершенно безпомощнымъ существомъ. Причину такого различія легко объяснить. У тѣхъ животныхъ, у которыхъ съ появленіемъ на свѣтъ уже дѣйствуютъ различныя чувства, мы находимъ органы этихъ чувствъ въ соответственномъ развитіи; между тѣмъ у человѣка, при рожденіи, чувства и самыя органы весьма плохо развиты и только тогда пріобрѣтаютъ способность дѣйствовать вполне правильно, когда ихъ упражняютъ надлежащимъ образомъ. Итакъ, имѣя въ виду это упражненіе, Фребель прежде всего вѣшаетъ у колыбели двухмѣсячнаго младенца шерстяной одноцвѣтной мячикъ. У Фребеля во всемъ находимъ строгое, научно-философское основаніе, — такъ и въ этомъ случаѣ. Мячикъ, какъ мы знаемъ, имѣетъ видъ шара, а шаромъ завершаются всѣ очертанія въ неорганической природѣ: самыя огромныя небесныя тѣла представляютъ эту форму; шаромъ же начинаются всѣ очертанія въ органической природѣ: вся органическая жизнь зарождается въ видѣ круглой ячейки. Вотъ почему Фребель первой своей игрушкѣ даетъ видъ шара. Мысль давать маленькимъ дѣтямъ круглыя тѣла основательна, но, конечно, вовсе не потому, что небесныя тѣла и органическія ячейки круглы.

Наравнѣ съ формою ребенокъ замѣчаетъ и *цвѣтъ*, и такъ какъ въ природѣ, напр. въ радугѣ, мы видимъ 7 цвѣтовъ (*красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фіолетовый*), Фребель даетъ 7 мячиковъ этихъ цвѣтовъ, что и составляетъ его, такъ называемый, *первый даръ*. Въ радугѣ замѣчается 7 главныхъ цвѣтовъ, но въ фребелевскихъ ящикахъ мы находимъ обыкновенно 6 мячиковъ, такъ какъ *синій* и *голубой* цвѣтъ только различныя оттѣнки одного и того же цвѣта. Покупать ихъ стоитъ весьма дорого, между тѣмъ не только каждая мать, даже 6—7-лѣтнія дѣти могутъ готовить ихъ сами, безъ всякихъ рисунковъ. Для старшихъ дѣтей, если они есть въ семьѣ, эта работа чрезвычайно занимательна и тѣмъ, что возбуждаетъ въ нихъ доброе чувство трудиться для маленькаго, безпомощнаго брата или сестры. Чтобы сдѣлать такой мячикъ, нужно взять старыхъ тряпокъ или ваты и обматывать нитками, какъ клубочекъ, стараясь дѣлать его какъ можно круглѣе. Когда такой клубочекъ будетъ уже настолько великъ, что маленькій ребенокъ можетъ обхватить и удержать его своими рученками, тогда слѣдуетъ закрѣпить конецъ и начать обматывать его шерстью; при этомъ шерсть слѣдуетъ закрѣплять въ клубочекъ со многихъ сторонъ, чтобы она не сваливалась. Затѣмъ конвовой иглой, тою же шерстью, вышить мячикъ петлями, прибавляя въ срединѣ число петель, а къ концу захватывая двѣ, три и четыре петли вмѣстѣ. Нѣкоторые не обшиваютъ въ петлю мячики, а обвязываютъ тамбурной иглой. Въ послѣднемъ случаѣ мячикъ выходитъ плотнѣй, изящнѣй, но для 6—7-лѣтнихъ дѣтей первый способъ оказывается наиболѣе подходящимъ. Не слѣдуетъ набивать мячикъ чѣмъ-нибудь плотнымъ, тяжелымъ, такъ какъ онъ можетъ ушибить ребенка, а также стружками, потому что онъ легко можетъ прорваться и засорить глаза дитяти.

Сначала берутъ мячикъ одного какого-нибудь цвѣта и на шнурѣ того же цвѣта вѣшаютъ у колыбели спящаго 6-тинедѣльнаго ребенка. Конечно, нельзя назначить времени, когда вѣшать мячикъ, но мы тутъ беремъ среднюю норму. До 3—4 недѣль поднесите къ глазамъ ребенка палецъ, и онъ, въ большинствѣ случаевъ, не моргнетъ; вечеромъ перенесите свѣчку съ одного стола на другой, — онъ не сдѣлаетъ никакого движенія глазами: знакъ, что его зрѣніе еще слишкомъ слабо, и нужно до времени оставить его въ покоѣ, какъ можно болѣе оберегая лишь отъ

слишкомъ яркаго свѣта. Но вотъ онъ пристальнѣе глядитъ на ваше лицо, улыбается, нѣсколько моргаетъ, движеніе руками и ногами становятся быстрѣе, хотя еще неопредѣленны. Повѣсьте такому младенцу во время сна одноцвѣтный мячикъ и наблюдайте. Вотъ онъ просыпается, долго глаза его блуждаютъ непреодѣленно, вдругъ останавливаются на мячикѣ, и малютка весьма серьезно сосредоточивается на немъ, иногда нѣсколько мгновеній не отводитъ отъ него своихъ глазъ. Вдругъ встрепенулся ножками и ручками, какъ-то подвинулся впередъ всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, улыбнулся и началъ *играть*. На первый разъ малютка повеселился менѣе минуты, завтра онъ займется уже долѣе, и вы замѣчаете, какъ необыкновенно быстро увеличивается у него время игры, какъ и другіе члены при этомъ приходятъ ему на помощь. Онъ мало-по-малу начинаетъ хватать мячикъ, но сначала очень неискусно: встрепенувшись, онъ только случайно толкнетъ его ручками, приведетъ въ движеніе; мячикъ раскачивается во всѣ стороны, ребенокъ при этомъ смотритъ уже не на одну точку, а учится слѣдить за разными движеніями и измѣненіями въ положеніи мячика. Въ два, три мѣсяца онъ научается хватать мячикъ обѣими рученками и играть съ нимъ, толкать его и ловить. Кто видѣлъ удовольствіе, которое доставляетъ малюткамъ эта первая игра въ мячикъ, тотъ совершенно согласится съ Фребелемъ, что она вполне соответствуетъ способностямъ этого возраста и помогаетъ его развитію: осмысливаетъ движенія ребенка, устанавливаетъ и сосредоточиваетъ его зрѣніе. Лучше всего сначала повѣсить *голубой* или *синій* мячикъ, такъ какъ извѣстно, что при слабомъ зрѣніи голубой и синій цвѣта пріятнѣе другихъ; вотъ потому-то взрослые, при слабомъ зрѣніи, носятъ синія очки; красный свѣтъ слишкомъ рѣзокъ для дитяти, и такой мячикъ слѣдуетъ вѣшать тогда, когда малютка привыкъ уже къ другимъ цвѣтамъ. При этомъ мячикъ у колыбели малютки слѣдуетъ оставлять не на извѣстный, заранѣе предписанный срокъ, а до тѣхъ поръ, пока ребенокъ занимается имъ. Когда онъ научился хватать, можно вѣшать два, три мячика сразу.

Но вотъ ребенокъ уже можетъ сидѣть на рукахъ, по желанію матери протягиваетъ къ ней ручки. Тутъ Фребель начинаетъ продѣлывать съ мячикомъ передъ 5—6-мѣсячнымъ ребенкомъ разныя упражненія и болѣе всего при этомъ заботится о развитіи его мышечныхъ движеній и объ изощреніи слуха, т.-е. заставляетъ матерей пѣть ему пѣсни. Эти игры и пѣсни онъ далъ въ своемъ сочиненіи: *Mutter-Spiel und Koselieder*. Во всемъ, что Фребель даетъ для этого возраста, у него много странностей, несоотвѣтственныя упражненія, форсированное развитіе, излишняя систематизація, хотя и тутъ въ основаніи опять-таки лежитъ глубокая мысль.

Скажемъ прежде объ его упражненіяхъ съ мячикомъ: Фребель даетъ множество игръ, въ которыхъ съ необыкновенною постепенностью знакомитъ со всевозможными движеніями мячика по смыслу словъ: *взадъ, впередъ, оверхъ, внизъ, кругомъ, тутъ, тамъ, ближе, дальше* и проч. Потомъ берутъ ящикъ и указываютъ, какъ можетъ двигаться мячикъ по отношенію къ этому ящику: катаютъ его *сверху, отъ себя, къ себѣ*; „скокъ на ящикъ, скокъ *черезъ* ящикъ, скокъ *съ* ящикъ“; словомъ, исчерпываютъ здѣсь всевозможныя нарѣчія и предлоги. Каждое изъ этихъ движеній сопровождается особой пѣсенкой, имѣющей цѣлю познакомить съ этими *нарѣчіями* и *предлогами* и дать понятіе о разныхъ направленіяхъ движенія: *горизонтально, вертикально* и проч. Дать ребенку въ это время на сурокъ самому покачать мячикъ, показать ему, какъ его можно покатавать по столу, даже разнообразить эти движенія—не дурно, но устроить изъ этого систематическое упражненіе, принуждая ребенка сначала усваивать движенія только *оверхъ*, потомъ только *внизъ*,

потомъ *вбокъ*, и т. д. положительно нелѣпо. Вспомнимъ, что всему этому хотятъ научить пятимѣсячнаго ребенка; правда, упражненія эти продолжаются до 3 лѣтъ, но все же такой ребенокъ едва еще начинаетъ понимать вашъ говоръ. Отвлеченныя понятія о движеніи, которыя Фребель сводитъ здѣсь въ систему, очень важны, но упражнять въ нихъ можно гораздо позже, когда ребенокъ вполне владѣетъ языкомъ и умѣетъ уже опредѣлять многія впечатлѣнія. Вообще систематическія упражненія умѣстны лишь въ школѣ, но никоимъ образомъ не въ дошкольный періодъ жизни дитяти. При этомъ я думаю, что даже и тогда естественнѣе сначала дать ребенку усвоить понятія объ относительномъ положеніи предметовъ, какіе онъ видитъ вокругъ себя, спрашивая его кстати, что *подъ* его ногами, что *надъ* головой, кто стоитъ *сзади*, что онъ видитъ *впередѣ*? Даже и въ восемь, девять лѣтъ ему лишь постепенно слѣдуетъ давать понятіе о томъ или другомъ направленіи движенія и все-таки незамѣтно, во время прогулки, въ бесѣдахъ о живыхъ предметахъ. Фребель, напротивъ, начинаетъ, по старинному нѣмецкому обычаю, чисто догматически, заставляя ребенка чуть не со дня рожденія воспринимать впечатлѣнія не свободно, а по предписаннымъ правиламъ. Этимъ онъ ставитъ и воспитательницу въ какое-то странное положеніе. Какъ забавно думать, что, стараясь повеселить, успокоить годовалого ребенка, она въ то же время высчитываетъ, какому движенію научить его сперва, съ какимъ грамматическимъ терминомъ познакомить потомъ, и восхищается этой схоластикой, припѣвая сентиментальныя пѣсни.

Чѣмъ же занимать ребенка въ этотъ первый возрастъ? Во-первыхъ, онъ и самъ достаточно занятъ тѣми впечатлѣніями, которыя производятъ всѣ окружающіе предметы на его только что пробужденныя органы. Всякая вещь, которую онъ видитъ или можетъ схватить въ руки, приводитъ его въ восторгъ. Кромѣ того тутъ сильно развиваются мышцы: ребенокъ сначала ползаетъ, потомъ начинаетъ ходить, и Фребель, вмѣстѣ съ упражненіями въ мячикъ, даетъ игры, служащія къ развитію мышцъ. Игру въ мячъ, полезную для него до 2—3 мѣсяцевъ его жизни, мы оставимъ пока для послѣдующаго возраста, когда она окажетъ ему неисчислимыя услуги; но послѣ 3—4 мѣсяцевъ жизни дитяти она неудобна потому, что у ребенка прорѣзываются зубы, чешутся десны, и онъ все несетъ въ ротъ; шерстяные же мячики (резиновые и кожаные не менѣе вредны) оставляютъ во рту волокна шерсти, что вызываетъ рвоту. Итакъ мы займемся мышечными играми.

Мышечными движеніями Фребель начинаетъ упражнять тоже съ 3, 4 мѣсяцевъ. Онъ заставляетъ, на примѣръ, класть ребенка на подушку, брать его за руки и нѣсколько приподнимать верхнюю часть туловища, потомъ дѣлать то же самое съ ножками, — это *игра для укрѣпленія спиннаго хребта*. Затѣмъ онъ совѣтуетъ въ тактъ, какъ будто бы подъ удары мельницы, слегка колотить ножками и ручками ребенка: это тоже служить къ развитію нѣкоторыхъ ручныхъ и ножныхъ мышцъ. Всѣ такія упражненія Фребель сопровождаетъ пѣснями, воспѣвая при этомъ разные предметы: то добрую маменьку, то мельницу, которая выбиваетъ масло. Хотя ребенокъ не можетъ еще понимать словъ этихъ сентиментальныхъ пѣсень, но, конечно, всегда лучше напѣвать ему слова и мелодіи болѣе подходящія, которыя могли бы служить основой для развитія русской рѣчи; тѣмъ не менѣе всѣ эти фребелевскія мышечныя движенія дѣйствительно очень полезны для физическаго развитія дитяти. Еще разнообразнѣе, еще болѣе глубокое значеніе имѣютъ у Фребеля тѣ мышечныя игры, которыми онъ упражняетъ дѣтей, когда они уже начинаютъ сидѣть. У него для этого не только особенныя игры для рукъ и ногъ, но и отдѣльныя упражненія на всѣ чувства. Но такъ какъ при этомъ ребенокъ положительнѣе уже вслушивается

въ говоръ и начинаетъ нѣсколько понимать его, то матери не должны брать фребелевскихъ пѣсенъ: въ нихъ такія нѣмецкія тонкости и философскія воззрѣнія, которыхъ ребенокъ не пойметъ и въ 12—13 лѣтъ. Кромѣ того приторная сентиментальность, какою все онѣ приправлены, совѣмъ противорѣчитъ складу русскаго характера и русской жизни. Назовемъ здѣсь нѣкоторыя изъ фребелевскихъ игръ этого рода:

Флюгеръ: дѣлаютъ то одной, то другой рукой движенія, напоминающія флюгеръ. У нѣмцевъ эта игра имѣетъ нѣкоторое значеніе: во многихъ домахъ у нихъ флюгеръ, такъ что ребенокъ, котораго еще никуда не выносятъ, уже видитъ флюгеръ изъ окошка. У насъ въ этомъ случаѣ надобно прибавить что-нибудь другое.

Тикъ-такъ. Двигаютъ то одной, то другой рукой, какъ маятникъ.

Игра на пальцахъ, какъ на фортепiano.

Голубки: манять голубковъ и разныхъ птицъ.

Игра на все пальцы. Тутъ пальцы представляютъ все семейство: ихъ перебираютъ, пересчитываютъ и т. п.

Игра въ сѣтъ, знакомство съ тѣнями, съ птичьимъ гнѣздо и много, много другихъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ и покажемъ, какъ по-русски можно было бы ихъ оживить.

Для упражненія ручныхъ мышцъ у насъ есть извѣстная народная игра „въ ладошки“. Мать хлопаетъ ручками ребенка и поетъ:

Ладошки, ладошки!
Гдѣ были?—у бабушки.
Что ѣли?—кашку.
Что пили?—бражку.

Кашку поѣли,
Бражку попили,
Сами улетѣли
И на головку сѣли.

При этомъ мать поднимаетъ обѣ ручки малютки кверху и кладетъ ихъ ему на голову.

Далѣе у Фребеля есть такая игра. Мать проводитъ пальцемъ на ручкѣ дитяти линію и поетъ: „Положу вдоль палочку, потомъ другую накрестъ, просверлю дырочку и воткну иголочку“. Этимъ она изображаетъ работника.

Такую игру у насъ можно замѣнить нашею народною игрою въ „Кашку“: она гораздо проще и ближе къ понятіямъ ребенка, такъ какъ она представляетъ приготовленіе знакомаго ему кушанья и даетъ случай упражненію пальцевъ.

Сорока, сорока,
Кашку варила,
На порогъ скакала,
Гостей созывала;
Гости на дворъ,—
Каша на столъ.

И этому дала,
И этому дала и пр.
Ты, малъ-маленекъ,
За водицей не ходишь,
Дровъ не носишь,
Кашки не варишь.

Вотъ тебѣ, маленьку,
И нѣтъ ничего!
А вы, сороки-вороны,
Летите, летите...
Шу! полетѣли,
На головку сѣли!

При этомъ берутъ у дитяти ручку, водятъ по ладони пальцемъ—сорока кашу варить; сварила, подаетъ дѣтямъ—каждому особенно, перебираютъ все пальцы, поднимаютъ вверхъ руки.

Птичье гнѣздо. Тутъ складываютъ ручку дитяти въ кулачекъ; большой палецъ, скрытый въ кулачекъ, означаетъ яичко; ребенка учатъ вдругъ вынимать палецъ изъ кулачка и показывать рукою, какъ летитъ птичка, значитъ, изъ яичка вышелъ птенчикъ и вылетѣлъ изъ гнѣзда. Въ пѣснѣ, которая сопровождаетъ эту игру у Фребеля, воспѣвается премудрость божія, которая учитъ и такое маленькое твореніе, какъ птичка, строить себѣ домикъ; говорится о томъ, что все въ жизни природы и людей движется по мудрымъ законамъ. Игра эта можетъ очень понравиться дѣтямъ, а такъ какъ мы не нашли въ народныхъ играхъ ей соответственной пѣсни, то прибавили къ ней свою пѣсенку въ народномъ духѣ:

Чирикъ-чирикъ—птичка
Гнѣздышко вьетъ,
Чирикъ-чирикъ—яичко
Въ гнѣздышко кладеть.

Глядь-поглядь: ужъ птенчикъ
Въ гнѣздышкѣ сидѣлъ,
Пью, пью—пищитъ онъ,—
Порхъ, улетѣлъ!

Игра съ свѣтъ. Когда солнце ярко играетъ въ комнатѣ, наводятъ зеркало, заставляя свѣтъ играть на потолокъ, на полу, на стѣнахъ.

У Фребеля и здѣсь глубокомысленное измышленіе. Въ пѣснѣ поется, что дитя хотеть схватить птичку, а мать говоритъ ему на это: „Эта птичка—только ясный свѣтъ; ты не можешь схватить его руками, схватишь только глазами и обрадуешь этимъ твое сердце; такъ и въ жизни бываетъ при многихъ образахъ, которыхъ невозможно удержать въ рукахъ, но легко ихъ словить нѣжнымъ чувствомъ, а это весьма полезно для души“. Въмѣсто изложенія непонятной для ребенка философіи, по русски можно, напр., придумать такой припѣвъ:

Скокъ да скокъ
Бѣлый голубокъ.
Вонъ на стѣнкѣ пляшетъ.
Крыльшками машеть.
Гуль, гуль—постой,

Гуленька ты мой!
Нѣтъ! порхаетъ, вьется,
Въ руки не дается.
Скокъ да скокъ
Съ полу въ потолокъ.

Для разныхъ игръ съ пальцами и руками мы можемъ воспользоваться многими народными припѣвами, напр.: „Я коза рогатая, я коза богатая“. Или кладутъ руку на руку и говорятъ:

„Гуси летѣли, лебеди летѣли“... При этомъ ребенокъ долженъ подымать голову и ручки вверхъ и разводить ими.

Игра съ тѣни. Рукою дѣлаютъ зайчика, чтобы вышла тѣнь его на стѣнѣ. При этомъ можно спѣть такую пѣсенку:

Сѣрый зайка ушками прыдетъ,
Сѣрый зайка листики жуеть.

Вотъ гляди-ка ушки наостриль,
Вотъ прыгнулъ,—и слѣдъ его простыль!

Между народными припѣвами и прибаутками, кромѣ указанныхъ нами, есть много и другихъ, къ которымъ самъ народъ прибравъ разныя укрѣпляющія движенія. Вспомнимъ лучшія изъ нихъ: когда проснувшееся дитя потягивается, его легонько гладятъ по животу и всѣмъ членамъ (это очень нравится малюткамъ и въ то же время весьма полезно: возбуждаетъ дѣятельность крови, а слѣдовательно помогаетъ пищеваренію), приговаривая:

Потягунушки,
Порастунушки,
А въ ножки ходунушки,

А въ ротокъ говорокъ,
А въ головку разумокъ.

Выкупавши дитя, обдаютъ водою, приговаривая:

Вода текучая,
Дитя растучее,
Съ гуся вода,

Съ тебя худоба,
Вода книзу,
А дитя кверху.

Когда дитя начинаетъ уже становиться на ножки, мать, поддерживая его, припѣваетъ:

Дыбокъ, дыбокъ,
Завтра годокъ!

Дыбокъ, дыбокъ,
Цѣлый годокъ!

Всѣ эти мышечныя игры, сопровождаемыя пѣсенками, веселыми прибаутками и забавами съ малюткою, не только укрѣпляютъ его мускулы, но оживляютъ его, кладутъ основу бодрому расположенію духа. Ребенокъ, котораго занимаютъ такимъ образомъ, еще не умѣя произнести ни слова, уже со смѣхомъ и блестящими отъ удовольствія глазками, хватаетъ и свои, и ваши руки, перебираетъ пальцы, хло-

пастъ въ ладоши, показываетъ на стѣну ручкой, чтобы вы навели зеркало. Такія дѣти бываютъ всегда игривы и веселы, а слѣдовательно здоровѣе и счастливѣе тѣхъ, матери которыхъ хотя и выполняютъ свои обязанности, но угрюмо молчатъ.

Когда ребенокъ начинаетъ ходить и болтать, не надо пренебрегать и обыкновенными игрушками, только нужно имѣть педагогическій тактъ и чутье, понимать, что съ пользою можетъ занять его, и умѣть ими пользоваться. Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ разными дѣтьми, и для очень многихъ изъ нихъ доставляютъ величайшее удовольствіе игрушки, напоминающія тѣхъ животныхъ, которыхъ они видѣли въ комнатѣ или на дворѣ; имъ пріятно поиграть и съ простой куклой, одѣть, раздѣть, уложить ее въ постельку и проч. Укажите имъ тутъ нѣсколько игръ, — они тотчасъ переймутъ ихъ, сперва станутъ измѣнять ихъ на разные лады, потомъ придумывать и свои игры. Но игрушки эти должны быть совсѣмъ простыя, съ которыми ребенокъ могъ бы дѣлать, что ему вздумается. Тутъ для 2-хъ и 3-хъ-лѣтняго ребенка найдется много поучительнаго. Возьмемъ въ примѣръ хотя игру съ куклой. Ребенокъ раздѣлъ ее, уложилъ спать, а вы, какъ и надъ нимъ, запоете надъ его, лежащей на подушкѣ, куклой русскую пѣсенку:

Баю, баюшки, баю,
Баю милую дитю,
Ты спи, почивай,
Глазъ своихъ не раскрывай.
Сонъ да дрема
Вдоль по улицѣ прошла,
Къ моей куклѣ зашла,
Подъ головку спать легла.
Баюшки баю,
Баю дѣточку мою.
Прилетѣли гулюшки,

Садились на малютку:
Они стали гурковать,
Мою куколку качать,
Прибаюкивать:
Спи, куколка, засни,
Угомонъ тебя возьми!
Лучше выспишься,
Не куражишься,
Пойдешь въ садъ — разгуляешься
Да и съ нянюшками.
Да и съ мамушками.

Серьезнѣе, чѣмъ когда вы пѣли надъ нимъ, ребенокъ начинаетъ вслушиваться въ слова и голосъ, подражать пѣснѣ. Ему такъ нравится пѣть надъ куклой, укладывая ее, что онъ станетъ васъ просить спѣть ему ту же пѣсенку, когда самъ будетъ ложиться спать. Это не капризь, ему просто хочется тверже заучить пѣню, но заставлять ее заучивать, повторяя за вами слова, не слѣдуетъ: если ребенокъ не вымуштрованъ, то никогда не станетъ этого дѣлать, какъ не любить дѣлать что-нибудь искусственное. Ему нужно поставить себя въ то положеніе, при которомъ въ дѣйствительности поется пѣсня, тогда онъ не устанетъ учить ее.

Мысль Фребеля напѣвать дѣтямъ пѣсни съ самаго ранняго возраста и заставлять ихъ самихъ пѣть — въ высшей степени прекрасная. Уже не говоря о томъ, что для дѣтей великое удовольствіе сопровождать какое-нибудь дѣло пѣсней, — отъ этого не только развивается слухъ, но пѣніе много способствуетъ и развитію языка. Ребенокъ чутко прислушивается ко всѣмъ мотивамъ, которые напѣваютъ взрослые, и тотчасъ ихъ подхватываетъ. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ пѣть передъ ребенкомъ сентиментальныхъ романсовъ, которые могутъ совершенно испортить его вкусъ и слухъ и въ то же время дурно дѣйствуютъ на нервную систему ребенка. Выбирать дѣтскія пѣсни лучше всего свои, народныя, или написанныя въ народномъ духѣ правильнымъ русскимъ языкомъ, содержаніемъ которыхъ служить какое-нибудь явленіе изъ дѣтской жизни или въ которыхъ говорятъ о какомъ-нибудь обыденномъ предметѣ. Однако и это дѣтское пѣніе можно довести до крайности. Мнѣ приходилось встрѣчать воспитателей, которые все поютъ и ко всякому слову стараются прибрать рѣму. Тогда и этимъ прекраснымъ воспитательнымъ сред-

ствомъ можно притупить ребенка. Не слѣдуетъ допускать и такихъ народныхъ припѣвовъ, въ которыхъ одна только пустая игра словъ, напр.

Гуси-лебеди летѣли,
Въ полѣ банюшку досѣли,
Коростель полки мостилъ,
Тараканъ дрова рубилъ,
Комаръ по воду ходилъ,
Въ грязи ноги увязилъ,

Онъ не вытащилъ,
Глаза вытаращилъ,
Влоха поднимала,
Животъ надорвала.
Муха банюшку топила... и т. п.

Нужно замѣтить, что дѣтямъ стоитъ только проговорить или пропѣть что-нибудь подобное, они тотчасъ все переживаютъ, имъ чрезвычайно нравятся такіе смѣшныя представленія о животныхъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что имъ хорошо давать подобныя пѣсни. Ребенокъ начинаетъ подражать этому набору словъ, соединять ихъ съ представленіями, не свойственными предмету, называемому въ пѣснѣ, и причаается болтать слова, придавая имъ самый нелѣпый смыслъ. Воспитатели не должны, конечно, придирааться ко всякому, сказанному ребенкомъ, безсодержательному слову, но не должны и поощрять его говорить безтолочь.

Но вотъ ребенку уже наскучило смирно сидѣть передъ куклой, убаюкивать ее, да напѣвать ей пѣсни... Легко подыскать и много другихъ подобныхъ игръ. Въ жизни не одно вѣдь укладыванье въ постель да спанье; притомъ въ два, три года ребенокъ самъ замѣтилъ многое и у себя въ комнатѣ, и на дворѣ; можетъ быть бывалъ и въ деревнѣ или на дачѣ. Пользуйтесь этимъ и въ веселой, живой бесѣдѣ съ пѣснями и прибаутками, въ стихахъ и прозѣ болтайте съ нимъ только о томъ, что онъ видитъ передъ собой въ данную минуту, но никакъ не больше, и изъ его обыденной обстановки, изъ его несложной жизни старайтесь выбирать ему игрушки, которыя для дѣтей этого возраста имѣютъ воспитательное значеніе. Бумажныя и деревянные собачки, кошечки, пѣтушки должны напоминать ребенку знакомыхъ ему живыхъ звѣрей и птицъ изъ того маленькаго міра, надъ которымъ онъ уже успѣлъ сдѣлать нѣсколько наблюденій (ясно, что не слѣдуетъ давать ему такихъ животныхъ и предметовъ, которыхъ онъ еще не видалъ или значенія которыхъ онъ не можетъ понять); ему нравятся подобныя игрушки и потому, что онъ можетъ играть съ ними такъ, какъ не всегда удобно съ живыми предметами.

Итакъ, буду продолжать мой рассказъ о его занятіяхъ. Онъ уложилъ куклу; черезъ минуту онъ ее выхватилъ изъ кровати. Ну, будемъ поить ее молокомъ. — „Кукла попила, а все столько же молока осталось“, говорите вы между прочимъ, „а дай Машѣ или Колѣ, даже коту Васкѣ, пожалуй и этого бы не хватило!“ — „И Мимиска бы все поѣла!“ — подхватываетъ ребенокъ послѣ легкаго раздумья, указывая на собаку. „Да, кукла умница“, продолжаетъ онъ, „она свою Машу любить (пусть это играетъ съ куклой дѣвочка Маша), все ей оставляетъ“. — Игра для ребенка не теряетъ своей прелести, хотя онъ скоро начинаетъ ясно понимать разницу между одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметами. Разница эта покажетъ только въ томъ, что человекъ вѣтъ, а кукла не можетъ вѣтъ, но на первый разъ совершенно достаточно дать усвоить и это несложное понятіе.

— Ну, Маша, — говорите вы дѣвочкѣ, — бери куклу за одну ручку, а я за другую, пойдемъ бѣгать. Пройдемся съ ней тихонько, теперь скорѣй, еще и еще скорѣй! О, да мы и рысью бѣжимъ, какъ лошадки: гоппъ, гоппъ, гоппъ... Ну, а теперь въ галопъ... Опять тихо, опять скоро: бѣги-ка, одна, а мы съ куклой будемъ тебя догонять... а, догнали, ну, ты теперь куклу догоняй... Устала? Отдохнемъ... Какая ты красная, лобъ въ поту, а куклѣ все ни почемъ!

— Нѣтъ, и у куклки тоже потъ, она красная. — Ребенокъ очень хорошо

понимаетъ, что съ куклой не произошло никакой перемѣны, даже дѣлаетъ вамъ лукавыя глазенки, чтобъ вы ему не противорѣчили, вытираетъ лицо куклы тоже платкомъ.

— Посмотри, говорите вы, — а вотъ пѣтушокъ-то на насъ смотритъ! — Вы ставите игрушку на столъ.

Пѣтушокъ, пѣтушокъ!
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!

Что ты рано встаешь,
Что ты громко поешь,
Машъ спать не даешь?

Ребенокъ повторяетъ за вами, и самъ распѣваетъ пѣсенку на разные лады. Тутъ онъ больше оживляется, его собственная фантазія все больше разыгрывается.

— Мы еще, — говоритъ вамъ дѣвочка, — не все съ куклой переиграли. — Ну, придумай сама. — Пойдемъ къ ней въ гости и пѣтушка возьмемъ... — Пѣтушокъ въ гости не ходитъ, развѣ къ пѣтушкамъ и къ курамъ, а мы куклолку пригласимъ къ себѣ и вмѣстѣ съ нею будемъ пѣтушка кормить.

Ты куколка, я куколка,
Ты маленька, я маленька,
Приди ко мнѣ въ гости.
Я бѣ радешенька пришла,
Да твоя собачка зла...
Загрызетъ, того и жди.

Ты не бойся, приходи:
Какъ залаетъ гамъ, гамъ, гамъ,
Я собачкѣ хлѣбца дамъ...

Эта пѣсня тоже народная, только тутъ она совершенно измѣнена. Въ народной пѣснѣ сказано:

Да боюся тивуна.
Ты не бойся тивуна:

Тивунъ тебѣ не судья.
Судья намъ Владыко...

Для маленькаго ребенка подобныя слова совершенно непонятны.

— Теперь пойдемъ во дворъ. Цыпъ, цыпъ, цыпъ... ну, Петя, пѣтушокъ, иди къ намъ... Позовемъ и коровушку! „Коровушка, буренушка, иди и ты къ намъ“. Ребенокъ вдругъ бѣжитъ въ комнаты и черезъ минуту выносить оттуда чашку съ молокомъ. — Вотъ, мы ихъ всѣхъ и накормимъ!

— Ахъ, Машута, Машута! Вѣдь пѣтушокъ зернышки клюетъ, червячковъ въ землѣ выкапываетъ. Вотъ развѣ хлѣбца ему можно крошить...

— Хорошо, будемъ крошить, и корова хлѣба поклюетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! смотри: коровушка-то ходитъ, да травку рветъ; вонъ какъ она ее долго жуетъ. Уши у ней въ сторону смотрятъ, а рога-то какіе большіе! Не нужно дразнить корову, она этими рогами такъ толкнетъ!.. Ишь, какъ она хвостомъ отмахивается, мухъ отгоняетъ! Му... замычала, заревѣла, — хозяйку зоветъ, нить проситъ, доить себя велитъ. Вотъ хозяйшка въ корытѣ и поило несетъ.

— Кошечка лучше коровы, — чистенькая... — говоритъ дѣвочка, всматриваясь въ корову, — у нея хвостъ грязный и на бокахъ комки грязи...

— Не красива, правда, да зато она молоко намъ даетъ, а ты вѣдь то и дѣло попиваешь молоко.

— Мнѣ хочется и ее покормить.

— А вотъ мы пообѣдаемъ, посуду вымоютъ, и принесемъ ей помои...

— А чего бы ей дать теперь?

— Ну, принеси ломоть хлѣба и посоли его солью. Видишь, какъ корова рада хлѣбу? Будешь часто ее кормить, — она скоро привыкнетъ къ тебѣ, станетъ каждый разъ къ крыльцу подходить, мычать, хлѣба просить.

Ребенокъ бьетъ въ ладоши, — онъ радуется всему, что видитъ. „У меня остался маленькій кусочекъ, я отдамъ его коровѣ“.

— Будетъ ей! Скормимъ этотъ хлѣбъ на куръ. Ишь какъ онъ по двору расхаживаютъ, каждая съ своими дѣтками, маленькими цыплятами... Смотри, какъ курица ножками землю разгребаешь, закудахтала, — это она червячка нашла и цыплятъ скликаетъ. Цыпъ, цыпъ... подбирайте крошечки... Вотъ какъ славно поклевываютъ... Кышь! Прочь отсюда, пѣтухъ! Ты большой, самъ можешь найти, пусть цыплятки досыта поѣдятъ. А! галка! Это она подсмотрѣла, что тутъ есть чѣмъ поживиться!.. Нѣтъ! кышь! кышь! пусть одни цыплятки!.. И уточки идутъ съ утятками, поѣсть захотѣли, съ озера возвращаются, съ ноги на ногу переваливаются... Ну, и тутъ лужу нашли, плаваютъ, широкіе носики въ воду опускаютъ.

— А въ другой лужѣ свинья плаваетъ, — замѣчаетъ уже само дитя, когда мало-по-малу вы на все обращаете его вниманіе. — Она повалиться въ лужѣ очень любить; вотъ встала, ухъ, какая грязная! Объ углы чешется! — Ребенокъ звонко хохочетъ. Поводъ къ подобнымъ играмъ и бесѣдамъ могутъ подать и другіе предметы, животныя, маленькіе братья и сестры.

Вотъ примѣръ присказки на тотъ случай, когда ребенокъ будетъ играть со своею собачкой:

Собачка, собачка,
Гдѣ ты была?
Коней стерегла.
А гдѣ кони?
Они въ лѣсъ ушли.
А гдѣ тотъ лѣсъ?
Огнемъ сгорѣлъ.
А гдѣ огонь?

Водой залили,
А гдѣ вода?
Гуси выжили.
А гуси гдѣ?
Въ тростникѣ ушли.
А гдѣ тростникъ?
Люди выломали.

Тутъ мы перемѣняемъ въ народной пѣснѣ только нѣкоторыя слова и вмѣсто козы обращаемся къ собакѣ, такъ какъ ребенку чаще приходится видѣть, что лошадей стережетъ собака, а не коза.

Чѣмъ чаще вы будете наталкивать ребенка на наблюденія, тѣмъ чаще будетъ онъ спрашивать васъ о различныхъ предметахъ, которые вы должны освѣщать, какъ должно, искусно закрывая передъ нимъ то, что понять ему не подлѣ силу. Было бы огромной ошибкой со стороны воспитателя указывать 2—3-лѣтнему ребенку на болѣе тонкія особенности, рассказывать ему хотя что-нибудь изъ жизни животныхъ и птицъ, чего нѣтъ у него передъ глазами въ данную минуту. Курица бѣгаетъ передъ ребенкомъ и разрываетъ кучи, отыскивая въ нихъ себѣ пищу, а вы пропускаете это и сообщаете ему о томъ, что она несетъ яйца, изъ которыхъ высиживаетъ цыплятъ; въ такомъ случаѣ вы даете ему знаніе факта, котораго онъ еще не могъ провѣрить своими глазами. Что изъ того, что онъ увидитъ это потомъ, хотя завтра же? До тѣхъ поръ, пока не увидитъ, вы не сумѣли воспользоваться характерной чертой въ предметъ, который передъ нимъ въ настоящую минуту; онъ будетъ повторять ваши фразы, не оставляющія въ его головкѣ никакого живого образа. Легко такимъ образомъ дать много неопредѣленныхъ представлений, а, привыкнувъ вѣрить вамъ на слово, ребенокъ скоро станетъ этимъ удовлетворяться, вѣчно будетъ приставать, чтобы вы ему что-нибудь рассказали, и ему останется чуждою та жизнь природы, при наблюденіи которой мало-по-малу развивались бы въ немъ умъ, находчивость, сочувствіе къ окружающему его міру. Вамъ слѣдуетъ, напротивъ, сначала все показать ему въ той живой, занимательной картинѣ, какую представляетъ дѣйствительность, чтобы потомъ онъ на самомъ дѣлѣ приобрѣлъ основательныя знанія.

Страшный сумбуръ также можно произвести въ головѣ ребенка употребленіемъ словъ, мало-мальски чуждыхъ дѣтскому говору и пониманію, напр.: у коровы и барана рога полые; одни животныя отгрыгаютъ жвачку, а другія просто ее пережевываютъ. Все это онъ пойметъ черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно ясно, — теперь же это только можетъ сбить его съ толку.

Мы оставили нашу дѣвочку, когда она уже довольно утомлена тѣми незамысловатыми, но для такого ребенка совершенно серьезными наблюденіями, на которыя мы ее навели.

— Сядемъ на крылечко и пѣсню споемъ, — проситъ васъ ребенокъ. Вы начинаете, Мама вамъ подтягиваетъ.

Куплю моей Машенькѣ
Всякой скотинушки;
Будутъ у Машеньки
Телушка, свинушка,
Да барашекъ маленький
Съ козынькой удаленькой.
На дворѣ индюшка,
Кура-погребушка,
Гусынька гуляетъ,
Уточка ныряетъ,
Ей охота въ прудъ...
Машу увидали,

Всѣ къ ней побѣжали,
Голосятъ, зовуть:
Телушка му-му, му-му,
Козынька ме-ке, ке-ке,
Барашекъ бя-бя, бя-бя,
Свинушка рю-хи, рю-хи,
Индюшка шулды-булды,
Гусынька га-га, га-га,
Уточка уть-уть-уть,
Курочка по сѣношкамъ
Тю-у-укъ, тю-рю-рюкъ...

Это взято изъ длинной народной пѣсни, но ее пришлось сильно измѣнить, кромѣ нѣкоторыхъ строфъ, гдѣ я нашла подражанія звукамъ животныхъ. Звуки эти напоминаютъ ребенку животныхъ, которыя у него передъ глазами. Въ началѣ же этой пѣсни: „Станемъ мы, мужинушка, домокъ наживать“, выставлены сложныя для ребенка отношенія, и я ихъ выпустила, замѣнивъ болѣе подходящимъ содержаніемъ. Дѣти, какъ извѣстно, очень любятъ подражать звукамъ животныхъ; они съ восторгомъ повторяютъ подобную пѣсенку.

„Еще споемъ... еще про коровку или про кого-нибудь“, не отстаютъ отъ васъ ребенокъ.

Ужъ, какъ я-ль мою коровушку люблю!
Сытна пошла я коровушкѣ налью;
Чтобъ сыта была коровушка моя,
Чтобы сливочекъ буренушка дала.
Тру-ту-ту-ту затрубилъ нашъ пастушекъ,
Собирались всѣ коровки на лужокъ.
Стала тутъ моя коровушка мычать,
Ужъ и ласкъ моихъ не хочетъ больше знать!
Проситъ жалобно на волюшку пустить:
Ей милѣе во чистомъ полѣ бродить,
Вѣсть на солнышкѣ медвяную траву,
Чѣмъ стоять-то въ душномъ, въ темномъ во хлѣву.

— Да, — скажутъ мнѣ наши петербургскіе дачники, — все это рассказывать и распѣвать можно только въ деревнѣ, а не гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ, или на Черной рѣчкѣ, гдѣ ребенокъ лишь изрѣдка увидитъ корову да курицу. Правда, петербургская обстановка очень искусственна, и для пользы дѣтей хорошо бы пожить гдѣ-нибудь подальше, но дѣлать нечего. Если этому нельзя помочь, то будемъ находчивы при всякихъ житейскихъ условіяхъ. И въ Лѣсномъ, и на Черной рѣчкѣ живутъ кой-какія птички, копошатся мошки, червяки, перхаютъ бабочки и мотыльки, иногда кой-гдѣ выглянетъ и зелень, и красивая березка. Слѣдовательно и тутъ найдется свой міръ для наблюденій.

— Гляди, Машута, какую большую бочку везетъ водовозъ. Будды, будды,

это вода у него. Вонъ остановился у одного крыльца, подставилъ желѣзное ведро, воду наливаетъ...

— Къ чему же онъ не взялъ бочку въ руки, да сразу не налилъ; ему бы такъ скорѣе было.—Ты же посмотри, какая бочка большая,—съ водой ее нельзя поднять одному человѣку. Вотъ, онъ и ведры то носить, такъ и то ему такъ трудно нести, что онъ перегибается на другую сторону.

— Смотри, что это подъ нашею крышею?—спрашиваетъ ребенокъ. — Чу! стой тихонько, смотри не шевелясь. Все одна и та же птичка прилетитъ, пощечетъ, повернется на одномъ мѣстѣ и опять улетитъ. Что это? Птичка гнѣздо вьетъ, вонъ тоненькій прутикъ въ ножкахъ потащила, теперь двѣ маленькихъ саломинки... улетѣла! А теперь опять съла въ ту ямку подъ окномъ твоей спальни, что ты вчера сама вырыла; вылетѣла и оттуда, и что-то во рту понесла.—„Да что же это у нея въ носикѣ было?“ говоритъ Маша, „я разглядѣть не могла“.

— Пойдемъ къ ямѣ, посмотримъ. А вотъ что! перья и пухъ. Это Варя курицу ципала и все выбросила сюда, а птичекъ и пригодилось... Какъ близко она теперь около насъ! Съла на дерево, прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, щебечетъ! Побѣжимъ немного дальше отъ дачи, посидимъ въ лѣсу.

Я пройдуся по лѣсамъ,
Много птичекъ есть тамъ,
Всѣ порхаютъ поютъ,
Гнѣзда теплыя вьютъ.

Я пройдуся по лугамъ,
Мотыльчки есть тамъ;
Какъ красивы они
Въ эти свѣтлыя дни!

— Пойдемъ-ка дальше, теперь крикни: ау, ау... Эхо повторяетъ крикъ ребенка.—Что же это, мама, кто кричитъ?—Ты сама. Попробуй, крикни что-нибудь.—Мама! Мама!—опять кричитъ дѣвочка.—Вотъ всегда такъ: ты кричишь, и въ лѣсу раздается, какъ будто кто-нибудь тебѣ откликается.

Лѣтомъ все еще есть кой-что для наблюдений, а наступають дожди, слякоть, придется запереть ребенка въ комнатѣ; выпускать на воздухъ, когда онъ еще не окрѣпъ, положительно невозможно. Какія же тогда вести съ нимъ бесѣды? Но въдъ комната не пустая, и въ ней есть многое, о чемъ можно поболтать. Холодно, мрачно, солнца не видно за тучами, и вы поете съ ребенкомъ:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко,
Посвѣти немножко;
Плачуть твои дѣтки,
Плачуть малы крошки,
Словно птички въ клѣткѣ.

Солнце заграло,
Дѣтушкамъ сказало:
Эй! гуляйте въ полѣ;
Въ полѣ вы гуляйте,
Бѣгайте, играйте,
Прыгайте на волѣ *).

Дома осенью и зимою можно занимать ребенка бесѣдами о нѣкоторыхъ предметахъ, встрѣчающихся въ хозяйствѣ: о посудѣ, объ одеждѣ, о кушаньяхъ, о мебели. Кромѣ того и въ комнатѣ полезно бы держать для ребенка двухъ, трехъ животныхъ: кошку, собаку, морскихъ свинокъ, попеременно то ту, то другую рыбу, ежа, черепаху. При этомъ вамъ представится случай подмѣтить въ ребенкѣ нѣкоторыя дикія, эгоистическія черты его характера. Ребенокъ начинаетъ теревить, мучить кошку, показывать ей мясо и потомъ прятать.—И не жалко тебѣ бить кошку?—говорите вы ему. Посмотри, какая она славная: уже все забыла, ласкается, выгибается, хвостикомъ виляетъ, глазки закрываетъ, пѣсенку поетъ. А шубка на ней мягкая, теплая, зимой не прозябнетъ, хотя и на дворъ выбѣжить. Лапки тоже

*) Эти и многія другія пѣсни съ народными мелодіями см. въ книгѣ подъ названіемъ «Одноголосныя пѣсни и подвижныя игры» Е. Водовозовой.

мягкія. Только смотри, когти у ней преострыя. — Такимъ образомъ, незамѣтно, полезною бесѣдой, вы можете отвлечь ребенка отъ вредной шалости.

А если ребенку можно зимою выходить на улицу, какое множество новыхъ предметовъ ему представится! И снѣгъ, запорошившій деревья, и мальчики, катающіеся на конькахъ! Нѣтъ такого уголка въ мірѣ, гдѣ бы ничего не было. Кругомъ жизнь, и для жизни пользуйтесь ею.

— Удивительная жизнь! — говорилъ мнѣ одинъ отецъ, — вотъ я жилъ съ сыномъ въ такой трущобѣ, гдѣ видѣлъ только: клоновъ, пруссаковъ и мышей. вмѣсто пѣнія птицы, наслаждался кваканьемъ лягушекъ, вмѣсто растительности, ничего не видѣлъ, кромѣ песку и кой-гдѣ убогую ель. — А развѣ это не такой же богатый воспитательный матеріалъ? Развѣ это не заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и все въ природѣ?

При развитіи ребенка въ первомъ возрастѣ мы больше всего останавливаемся на животныхъ, — въ это время его особенно занимаетъ все живое и движущееся. Разсказы о тѣхъ же животныхъ и предметахъ займутъ мѣсто и при упражненіяхъ въ послѣдующемъ возрастѣ, только тогда кругозоръ ребенка будетъ шире, наблюденія болѣе точны. Въ 5—6 лѣтъ онъ разсмотритъ мохнатяя ножки мухи, пойметъ, отчего она держится на стеклѣ, откуда паукъ беретъ свою паутину. Тогда вы кое-что можете сообщить о жизни и правахъ этихъ животныхъ. Ребенка же до 3 лѣтъ, какъ мы уже говорили, можно знакомить только съ немногими характерными чертами каждаго явленія. Воспитатель долженъ стараться наводить его на наблюденіе окружающаго міра, что сдѣлаетъ его живымъ и чуткимъ; вмѣсто этого Фребель даетъ упражненія съ мячиками, гдѣ ребенокъ только можетъ заучивать на память слова, имѣющія чисто отвлеченное значеніе. При живыхъ разсказахъ изъ природы и жизни ребенокъ незамѣтно знакомится не только съ какими-нибудь нарѣчіями, о чемъ такъ заботится Фребель, но усвоитъ богатый запасъ словъ и выраженій, узнаетъ своеобразную народную рѣчь и съ самаго дѣтства научится мыслить по-русски.

Когда ребенку исполнится 3—4 года, тогда и игры въ мячикъ могутъ имѣть значеніе. До того времени его можно давать развѣ изрѣдка, заставляя, напримѣръ, ребенка ловить мячикъ, когда онъ ползаетъ, доставать его ручкой, когда онъ поднимается на ноги. Но въ трехъ-четырехлѣтній возрастъ мячикъ не только доставляетъ много разнообразныхъ игръ, но можетъ служить и къ тому, чтобы привести въ связь уже отчасти усвоенныя ребенкомъ понятія объ относительномъ положеніи предметовъ и о различномъ направленіи движенія. Кромѣ того онъ даетъ случай къ знакомству съ цвѣтами. Дитя сидитъ за небольшимъ четырехугольнымъ столомъ. Мать бросаетъ мячикъ на снурокъ за столъ. „Куда онъ пропалъ? Мячикъ упалъ за столъ, онъ позади стола. А вотъ пускай онъ къ намъ придетъ отсюда“. Мать двигаетъ снурокъ вправо. „Скажи, какой рукой ты теперь его достанешь? Мячикъ сбоку стола, вправо отъ стола. А что еще отъ тебя вправо? Комодъ, стулъ и проч. Мячикъ опять здѣсь. Гдѣ онъ? позади стола? Нѣтъ, передъ столомъ и т. д. А теперь пусть онъ сдѣлаетъ прогулку кругомъ стола. — Теперь куда? Влѣво. Вотъ мячикъ пронутешествовалъ кругомъ стола, а гдѣ онъ еще не былъ? Надо, чтобы онъ вездѣ побывалъ. Онъ не былъ еще подъ столомъ. Ну, подъ столомъ темно, — упадетъ, пожалуй трудно будетъ найти. Повѣсимъ его надъ столомъ... Видишь, какой онъ яркій, красный; гдѣ онъ виситъ? Надъ столомъ, сверху стола. Ну, теперь пусть онъ попрыгаетъ по столу“.

Мячикъ маленький,
Да удаленный,
Скокъ да скокъ вверхъ да внизъ.

Попляши-ка, порѣзвись,
Попляши-ка, поскачи,
Машу прыгать научи.

Мать беретъ ребенка, который ужъ довольно сидѣлъ, и начинаетъ съ нимъ прыгать и бить ту же пѣсенку. Она бросаетъ мячикъ и ловить, бросаетъ снова и заставляетъ ловить ребенка. Вотъ, я бросила мячикъ вверхъ, онъ полетѣлъ вверхъ, а потомъ куда? тамъ и остался вверху? Нѣтъ, онъ полетѣлъ внизъ. Ну, будемъ теперь качать мячикъ—вотъ такъ: назадъ, впередъ,—будто раскачиваютъ языкъ у колокола. Давай звонить, какъ звонять въ церкви.

Тили-бомъ, тили-бомъ
Взадъ, впередъ

Звонъ идетъ
На весь домъ.

А видала, Маша, какъ летаютъ птицы? Ну-ка, полетаемъ съ тобой, какъ птицы. Вѣдь птицы машутъ крыльями, и мы будемъ махать руками. Теперь пусть нашъ мячикъ на шнуркѣ летаетъ, кружится, какъ птица.

Попшелъ кружиться
Нашъ мячъ кольцомъ,

Летить, какъ птица,
Кругомъ, кругомъ.

Подобныя упражненія слѣдуетъ вести съ ребенкомъ трехъ-четырехъ лѣтъ не болѣе 2—3 минутъ сряду въ продолженіе дня, при томъ живо, весело, безъ всякаго принужденія: соединенныя съ игрою и бѣготнею, прерываемыя живыми пѣсенками, поговорками и присказками, онѣ даютъ ребенку возможность привести въ порядокъ и усвоить общія понятія о мѣстѣ и движенія. А хорошо усвоить эти понятія необходимо: безъ нихъ невозможно дѣлать и правильныхъ наблюденій.

Игры въ мячъ могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Въ этомъ возрастѣ можно также начинать и упражненія глазъ и рукъ, ловить, бить въ цѣль, напр.: сшибая со стола другіе мячики, или на полу кегли. Что касается того, чтобы по разноцвѣтнымъ мячикамъ знакомить съ цвѣтами, то для этой цѣли можно прибавить много разнообразныхъ упражненій. Сначала вы знакомите съ основными цвѣтами: съ *краснымъ*, *желтымъ* и *синимъ*, потомъ съ другими цвѣтами радуги. Послѣ можно дать мячикъ, уже вышитый сразу нѣсколькими цвѣтами. „Гдѣ тутъ *красный* цвѣтъ? Покажи, на комъ изъ насъ красное платье? А что тутъ въ комнатѣ еще краснаго цвѣта? Если уколоть палецъ, что тогда будетъ?“—Кровь идетъ.—„Какого она цвѣта? А губы какого цвѣта? Покажи на тѣхъ изъ насъ, у кого одѣто что-нибудь красное. Принеси мнѣ красный цвѣтокъ. Не знаетъ ли кто названіе какого-нибудь краснаго цвѣтка?“—Махровый красный макъ, красный розанъ. — „Не знаетъ ли кто краснаго насѣкомаго?“—Божья коровка.—„Пойдемъ ее поищемъ. На божьей коровкѣ развѣ такое же ярко-красное платьице, какъ красная кумачовая рубашка твоего брата?“—Нѣтъ, она темно-красная, и по ней черныя точки. — „А головка и ножки ея тоже темно-красныя?“—Нѣтъ, онѣ совсѣмъ черныя, блестящія, точно мои лакированные сапожки.—„Какого цвѣта ея крылышки? Смотри, какъ она медленно ползетъ... Ну, порхъ, полетѣла!“

„Что у насъ въ комнатѣ *зеленаго*? Отыщи зеленое на нашихъ платьяхъ, шарфахъ, шляхахъ. Что ты видишь зеленаго на улицѣ, на дворѣ, въ полѣ? Какой цвѣтъ ты чаще встрѣчаешь, когда гуляешь?“

Тѣ же вопросы можно задать и по поводу *голубого* цвѣта. Отыщи голубой цвѣтъ въ домѣ, на насъ, въ саду, въ полѣ, въ цвѣтахъ. При этомъ наводите ребенка на мысль, что во время хорошей погоды небо бываетъ голубое.

Желтый цвѣтъ. Послѣ того, когда ребенокъ называлъ все, что на другихъ

одѣто желтаго, что онъ видитъ и знаетъ желтаго кругомъ себя, въ цвѣтахъ, птицахъ, насѣкомыхъ, можно всегда придумать еще что-нибудь, даже какой-нибудь маленький рассказикъ, который могъ бы еще рельефнѣе запечатлѣть въ его умѣ понятіе о желтомъ цвѣтѣ, но, разумѣется, все сказанное должно быть кстати.— „Что мы ѣли сегодня?“—Утромъ съ чаемъ мы ѣли булку съ масломъ, а масло желтаго цвѣта.— „Кто изъ васъ знаетъ хорошенькую, желтую птичку?“—Я... я знаю... у меня была канарейка. Это совсѣмъ желтенькая птичка. Какъ она славно пѣла! Начнетъ тикъ... тикъ... такъ и заляется. Особенно, когда заговарятъ, она точно хочетъ всѣхъ перебить и такъ часто зачирикаетъ, такъ звонко, звонко запоетъ. Я все сыпала ей гладенькія, блестящія сѣмячки, каждый день мѣняла свѣжую воду въ ея крошечной чашечкѣ и всегда клала кусочекъ сахару,—она такъ любила сахаръ!— „А кто мнѣ назоветъ какой-нибудь желтый цвѣтокъ?“—Лютикъ, курслѣпъ, одуванчикъ, желтая лилія... А я знаю, когда больше всего бываетъ желтыхъ листьевъ... Осенью, когда становится холоднѣе, тогда вѣтеръ по временамъ такой рѣзкій, что пронизываетъ точно насквозь, то и дѣло идетъ дождь, на дворѣ стоитъ слякоть и грязь, тогда листья на деревьяхъ желтѣютъ, падаютъ и покрываютъ землю. Трава тоже вянетъ и желтѣетъ... Тогда много желтаго цвѣта!— „А какія деревья сохраняютъ и осенью, и зимою зеленый цвѣтъ?“

Объяснивъ такимъ образомъ одинъ цвѣтъ за другимъ, вы заставляете ребенка называть сходные цвѣта въ различныхъ предметахъ. Ребенокъ нарѣзываетъ кусочки разной бумаги и раскладываетъ ее по цвѣтамъ въ отдѣльныя кучки: кучку бумаги краснаго цвѣта онъ кладетъ къ мячику краснаго цвѣта. То же дѣлаетъ онъ съ крупнымъ бисеромъ, моточками шерсти, тряпочками. Приносите ему съ поля цвѣты и зелень. „Вотъ это незабудка: къ какому мячику, къ какой кучкѣ ты ее положишь? А василекъ куда? Розу, махровый макъ? Фіалку, лютикъ куда? Пойдетъ ли куда-нибудь эта травка, листикъ, крапива? Георгинъ? Лилія? Какого цвѣта на мнѣ платье? Какого на тебѣ? Какого цвѣта стѣны, потолокъ? Какой цвѣтъ ты всего чаще встрѣчаешь въ саду? Какого цвѣта крыша, домъ? Теперь побѣжимъ въ садъ, сама отыщи и нарви мнѣ цвѣтовъ, о которыхъ мы съ тобою говорили.

— Что это, ты никакъ не можешь найти незабудку?.. Забыла, какая она?“

«Я видѣла въ полѣ цвѣточекъ весной:
Зеленая ножка, глазокъ голубой...»

— А... помню, помню... вотъ этотъ цвѣточекъ незабудкой называютъ... При случаѣ увидите и радугу. Тутъ опять ребенокъ подмѣтитъ знакомые цвѣта. Пойдемъ домой: я тебѣ склею такую радугу изъ разноцвѣтной бумаги. Спросятъ: если для этихъ упражненій нужны цвѣты и радуга, то какъ сдѣлать, чтобы они во всякое время явились къ услугамъ? Но читатели поймутъ, что я только указываю на матеріалъ и приемы объясненій; одной и той же цѣли можно достигнуть разными средствами. Радугу, напримѣръ, можно произвести и искусственно въ солнечный день съ помощью призмы; наконецъ всякая обстановка даетъ свой особый матеріалъ.

Механическими занятіями дѣтей въ этомъ періодѣ должны быть такія, гдѣ больше всего можно сдѣлать перемѣщенія въ предметахъ и при которыхъ ребенокъ оставался бы на одномъ и томъ же мѣстѣ не болѣе 15—20 минутъ. Такой совѣтъ не вымыселъ личной фантазіи, а вытекаетъ изъ моего долгаго наблюденія надъ очень многими дѣтьми. Приблизительно съ 2 и до 4-лѣтняго возраста дѣти стараются все сдвинуть съ мѣста. Если стулья разставлены у стѣны, они сдвинутъ ихъ на средину и наоборотъ. Свои игрушки они безпрестанно перекладываютъ изъ одного

угла въ другой, прячуть все въ мѣшки, таскають по полу и т. п. Мѣшки и игрушки каждую секунду перевязываютъ, такъ какъ при ихъ неумѣннн дѣлать узлы, хорошо затянуть концы веревки или тесемки, все безпрестанно развязывается и падаетъ. Ребенокъ ежеминутно сердится, что ему ничего не удается и бросаетъ вовсе играть. Между тѣмъ эта первая попытка примѣнить свои жизненные силы и стремленія очень важна. Нужно покупать маленькія, простенькія телѣжки, въ которыхъ бы дѣти перевозили игрушки, тачки и совочки для песку и т. п. На тесемкахъ, веревкахъ и тряпочкахъ учите ихъ завязывать и развязывать вещи, сшивать крупными стежками мѣшки, чтобы таскать въ нихъ камешки и палочки. Объясните, зачѣмъ въ началѣ такой работы нужно дѣлать узелокъ и какъ его дѣлать. Когда ребенокъ начинаетъ сдвигать съ мѣста стулья, укажите, какъ удобнѣе ему устроить изъ нихъ кибитку, съ какой стороны слѣдуетъ впрячь лошадь, гдѣ лучше вообразить себѣ козлы. Надоѣло играть въ „дорогу“, покажите, какъ еще ему можно было бы разнообразить игру съ тѣми же предметами. Изъ табуретокъ можно устроить желѣзную дорогу; накройте нѣсколько сдвинутыхъ стульевъ чѣмъ-нибудь сверху, — выйдетъ лавка: ребенокъ воображаетъ себя продавцомъ. Стоитъ разъ, два, три указать это, и фантазія ребенка быстро разовьется: онъ самъ начнетъ многое придумывать. Онъ безъ умолку болтаетъ: куда ѣдетъ, къ кому, какъ будетъ тамъ проводить время. А я уже прежде указывала на то, какъ благотѣльно дѣйствуетъ на ребенка его веселое расположеніе. Но еще разъ повторяю: всѣ удовольствія только тогда приносятъ пользу для его физическаго и умственнаго воспитанія, когда они непосредственно вытекають изъ простыхъ игръ и занятій, къ которымъ самъ ребенокъ выказываетъ стремленіе въ извѣстный возрастъ.

Тутъ еще не слѣдуетъ учить ни вырѣзанію, ни рисованію, ни другимъ фрелевскимъ работамъ, но подготовка къ нимъ можетъ начаться уже въ этомъ возрастѣ. Когда ребенку около трехъ лѣтъ, вы можете показать ему, какъ обводить карандашомъ или грифелемъ на аспидной доскѣ различные предметы. Дайте ему коробочку, стаканъ, листикъ, круглое кольцо, кубъ, цилиндръ, линейку и т. п. предметы, положите ихъ на листъ бѣлой бумаги и, придерживая рукой, заставьте ребенка обвести ихъ, то-есть сдѣлать контуръ то одного, то другого предмета. Это необыкновенно занимаетъ ребенка, и онъ послѣ этого начинаетъ обводить свои и ваши руки. Помните, что если вы сами принимаете участіе въ какомъ-нибудь дѣтскомъ занятіи, оно и въ этомъ возрастѣ должно быть исполнено по возможности чисто и аккуратно. Мы не стоимъ за педантическую, нѣмецкую систему, при которой одними и тѣми же занятіями и мелочною придирчивостію можно опротивѣть дѣтямъ, но извѣстная аккуратность въ работахъ имѣетъ важное значеніе. Извѣстно, что *перечислать* чему бы то ни было гораздо труднѣе, чѣмъ выучивать, и пріучиться несравненно легче, чѣмъ *отучиться* и отставать отъ разъ сдѣланной дурной привычки. Поэтому совѣтую матерямъ, когда дѣти начнутъ вышеназванныя занятія, сдѣлать имъ тетради и смотрѣть за чистотою и порядкомъ ихъ работъ. Ребенокъ легко привыкаетъ въ аккуратности и впоследствии будетъ самъ помнить о ней безъ вашихъ напоминаній. Когда черезъ нѣсколько времени вы даеете дѣтямъ посмотреть ихъ тетради, они обыкновенно приходятъ въ восторгъ и потому, что у нихъ уже такъ много срисовано предметовъ, и потому, что они могутъ припоминать ихъ до мельчайшихъ подробностей, при какихъ обстоятельствахъ происходила работа, могутъ вести по этому случаю разговоръ, вспоминая самый предметъ, надъ которымъ они трудились. При этомъ, не оскорбляя дѣтскаго самолюбія, безъ всякой придирчивости, вы указываете на дурныя стороны работы. — Маша, ты это свою разбитую куколку

срисовала?—Нѣтъ, это моя рука...—Ну, это мало похоже на твою руку.—А здѣсь-то какъ хорошо, какъ аккуратно!... Ребенокъ совершенно доволенъ, улыбается и мало-по-малу начинаетъ понимать, что въ его работѣ вы считаете хорошимъ, что дурнымъ. Такъ какъ тетрадка его работъ даетъ ему много пріятныхъ ощущеній, въ слѣдующій разъ онъ уже самъ будетъ сохранять свои работы, будетъ стараться дѣлать все лучше и красивѣе.

Кромѣ срисовыванія, можно складывать изъ бумаги самыя простыя формы. „Сдѣлаемъ изъ бумаги косынку, только не такую большую, какъ у бабушки, а маленькую, какую, будь она вырѣзана изъ тряпочки, можно было бы повязать твоей куколѣ“. Ребенокъ начинаетъ прямо выкраивать косынку; у него, конечно, выходитъ и криво, и неправильно, да онъ и ножницы еще плохо держитъ. Вы объясните ему, что, прежде чѣмъ сдѣлать косынку, нужно сложить ровный платокъ (квадратъ) и потомъ перегнуть такъ, чтобы уголокъ приходился въ уголокъ. Заставьте его нарвать изъ цѣлага листа ровныхъ, длинныхъ бумажекъ. Согнувши нѣсколько разъ такую бумажную тесемку, онъ можетъ обмотать края цвѣтной шерстью, бумагой или шелкомъ,—у него выйдетъ закладка въ книгу съ краснымъ или синимъ ободкомъ.—Нельзя ли еще чѣмъ-нибудь украсить эту закладку,—такъ, чтобы она годилась въ книгу и для тебя?—спрашиваетъ ребенокъ.— „Карандашемъ сдѣлай въ серединѣ вдоль и поперекъ столько точекъ ряды, сколько ты умѣешь считать, и вышивай ихъ стежками черною или красною шерстью. Вотъ и крестикъ!“ (Фребелевское вышиваніе слѣдуетъ начинать позже).

Дайте ребенку низать на нитку рябину, крупный бисеръ, горохъ, приблизительно одной величины нарѣзанныя соломинки. Пусть изъ этого онъ дѣлаетъ цѣпочки, колечки, бусы на шею. Наберите остатковъ лоскутиковъ, тесемки (при этомъ старайтесь, чтобы они были опредѣленныхъ и знакомыхъ ему цвѣтовъ) и научите плести ихъ въ три, четыре конца.

Фребель начинаетъ учить дѣтей счету съ упражненіями надъ большимъ кубомъ, который онъ дѣлитъ на 8 частей (въ 3-мъ дарѣ); но сразу научиться столькимъ числамъ черезчуръ обременительно для ребенка; къ тому же нужно много времени, чтобы онъ хорошо усвоилъ первыя три, четыре единицы. Конечно, очень хорошо упражнять ребенка надъ осязаемыми предметами, въ томъ числѣ надъ кубомъ, но на этомъ никакъ нельзя исключительно останавливаться, и всѣ окружающіе предметы, попеременно, должны входить въ его ариѳметическія упражненія. Такія занятія не только должны вести къ тому, чтобы научить его считать ряды, но и къ тому, чтобы пробудить его мысль, соображеніе, развитъ даръ слова, — однимъ словомъ, чтобы дать ему возможность еще нагляднѣе представить себѣ каждый предметъ. Для этого необходимо соблюдать слѣдующія условія: предлагая дитяти какую-нибудь задачу, необходимо заставить его рассказать ея содержаніе. Сначала вамъ придется, конечно, дѣлать ему вопросы; но такъ какъ эти занятія мы предлагаемъ для дѣтей отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ, то въ нихъ не должно быть ничего класснаго и казеннаго.

Учебныя маневры, при которыхъ учащійся точь въ точь и по стрункѣ долженъ отвѣчать только то, что хочетъ учитель, вредны для ребенка даже при занятіяхъ въ классѣ, а для того возраста, о которомъ я теперь говорю, это уже вовсе непригодно. Тутъ ариѳметическія занятія, какъ и другія, можно допустить только при случаѣ, въ живой, естественной формѣ. При этомъ воспитателю часто придется останавливаться на мелочахъ, неимѣющихъ близкаго отношенія къ предлагаемому вопросу; но онъ долженъ помнить, какихъ разнообразныхъ цѣлей можно

достичь при первоначальномъ воспитаніи, если только разумно вести занятія по ариѳметикѣ. Одно изъ главныхъ условій, чтобы вести дѣло хорошо, — останавливаться на всемъ, что затрудняетъ и удивляетъ ребенка.

Пересказывая содержаніе задачи сначала по вопросамъ, ребенокъ незамѣтно для васъ привыкаетъ передавать все въ видѣ связнаго разсказа.

При ариѳметическихъ упражненіяхъ, какъ и при другихъ занятіяхъ съ маленькими дѣтьми, хорошо было бы подражать методѣ Гертруды („Лингардъ и Гертруда“ Песталоцци). Она никогда не говорила съ своими дѣтьми тономъ педантовъ: „Это что?“ — Голова. — „Нѣтъ, говори: моя голова“. Или: „Гдѣ у тебя носъ, уши, волосы? Покажи окно, дверь, глазъ“. Она не спрашивала: „гдѣ твои руки?“ а говорила, когда была въ этомъ надобность: „твои ручки грязны, приди — и ихъ вымою“. Не спрашивала: „гдѣ находятся волосы?“ а звала дѣтей причесаться, когда они были расстrepаны. На свои вопросы она не требовала также полныхъ отвѣтовъ, которыми переполнены первые страницы каждаго учебника, — въ родѣ слѣдующаго: „моя голова находится на плечахъ; дверь находится въ стѣнѣ влѣво отъ дивана, напротивъ окна“. Пустой болтовней, да еще въ сухой формѣ, не научишь ни языку, ни счету. Каждое слово, сказанное Гертрудою ея дѣтямъ, было въ тѣсной связи съ дѣйствительными, житейскими нуждами.

Маленькимъ дѣтямъ не слѣдуетъ давать ни отвлеченныхъ знаковъ, ни чиселъ, а тѣмъ болѣе зубрить таблицу умноженія, знаніе которой явится гораздо позже и само собой, не насилуя и не засоряя памяти, а только лишь какъ результатъ яснаго пониманія отношенія между собой всѣхъ чиселъ. Сперва удобнѣе познакомить дѣтей со счетомъ до 4-хъ, потомъ постепенно до 7-ми, до 8-ми, по возможности на всѣ четыре дѣйствія, но не соединяя еще съ этимъ понятія о цѣломъ и о части.

Упражненія, которыя мы даемъ для 3-хъ, 4-хъ-лѣтнихъ дѣтей, могутъ для нѣкоторыхъ дѣтей быть несвоевременными. Въ такихъ случаяхъ нужно всегда обождать мѣсяца 4—5 и потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, опять позаняться съ ребенкомъ въ продолженіи 5—6-ти минутъ; сразу можно задать ребенку одну и много двѣ задачи.

По даннымъ образцамъ всякій воспитатель сумѣетъ подобрать другіе примѣры: „Наложимъ-ка на нашъ столикъ разныхъ вещей, только непременно всего по одному, и поставимъ въ порядкѣ одинъ рядъ за другимъ“. Ребенокъ приноситъ нѣсколько перьевъ, бумажекъ, коробокъ, книгъ. „Нѣтъ, намъ нужно только по одной вещи. Видишь, чего, чего только у насъ нѣтъ; собрали цѣлое хозяйство. Кресла нѣтъ, дивана, мы ихъ не принесли сюда потому, что вещи-то эти очень тяжелыя! Намъ съ тобою пришлось бы звать кого-нибудь на помощь. (Если ребенокъ самъ не высказываетъ этого, вы можете навести его на подобный разговоръ). Много у насъ вещей, но мы еще кой-чего не принесли изъ кухни. А со двора у насъ еще и ничего нѣтъ“. Маша приноситъ нѣсколько камешковъ, цвѣточковъ, листиковъ. „Помнишь, по скольку всего я просила тебя подать мнѣ? Теперь посмотри, какихъ вещей въ этой комнатѣ по одной?“ — Одно окно, потолокъ, полъ, столъ, лампа. — „А у тебя чего по одному?“ — Голова, лобъ, ротъ, носъ, языкъ, шея. На небѣ одно солнышко, одна луна. — Каждая подобная задачка должна представлять богатый матеріалъ для любимыхъ ребенкомъ бесѣдъ. При этомъ нѣтъ нужды строго слѣдовать методѣ, которая предлагаетъ дѣтямъ числа въ строгомъ порядкѣ. Иначе ребенокъ очень рано подмѣчаетъ, что сегодня у него въ результатъ было три, вчера два, и мало-по-малу догадывается, что будетъ завтра. Но нѣкоторая послѣдовательность въ знакомствѣ съ числами всетаки необходима. „Сосчитаемъ, сколько въ этой комнатѣ оконъ,

стѣнь? Сколько у тебя глазъ? А у кошки сколько? Назови всѣхъ тебѣ знакомыхъ животныхъ, у которыхъ было бы два глаза? Какихъ частей еще у тебя по двѣ? Двѣ ноги, двѣ руки, двѣ щеки, двѣ брови, двѣ ноздри, два уха. Сколько же всего этого у кошки, собаки и коровы? Посмотри, какихъ частей еще у коровы двѣ? Гляди-ка: двѣ коровы бодаются,—ну, одна другой переломила рогъ. Считай, сколько теперь у нея роговъ. А у другой сколько роговъ? У другой два: она роговъ себѣ не ломала, значить оба цѣлы. Принеси мнѣ два листика, два подсвѣчника, два стакана. Ну-ка вымѣряемъ шагами полъ—вотъ отъ этого дивана до двери. У тебя много шаговъ, а у меня меньше! Почему? Возьми аршинъ и вымѣряемъ столъ со всѣхъ сторонъ. Что можно еще смѣрить аршиномъ? Возьми аршинъ и смѣрь эту тесемку, скатерть. Бери одинъ мячикъ, а я другой къ тебѣ покачу, лови... сколько у тебя теперь мячиковъ? Ну, теперь ты кати его ко мнѣ. Сколько же у тебя осталось? Кати и этотъ ко мнѣ. Теперь сколько у тебя сейчасъ было шаровъ? Принеси одинъ стручекъ, два клубка шерсти, три орѣха, четыре зерна, пять горошинъ. А вотъ это—сажень. Саженью мѣряютъ дрова, землю, зданія. Вымѣри саженью нашу бесѣдку. Сколько сажень будетъ отъ нашего крыльца до самой улицы!“ Мѣрить саженью и аршиномъ всѣ предметы, находящіяся въ комнатѣ, необыкновенно полезно. Это рано пріучаетъ опредѣлять по глазомеру ширину, длину, высоту и разстояніе предметовъ. Но, конечно, на аршинѣ не должно быть никакихъ дѣленій, означающихъ его части.

Въ возрастѣ отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ нельзя задавать даже самой легкой отвлеченной задачи. Напримѣръ, не катая передъ глазами ребенка шариками, вы не должны давать ему рѣшать задачу въ родѣ слѣдующей: „Если бы я сначала покатила къ тебѣ *два* шара, а потомъ еще *одинъ*, сколько бы было у тебя тогда шаровъ?“ Сложеніе и вычитаніе онъ можетъ очень часто дѣлать уже и въ три года; умноженіе и дѣленіе позднѣе, но все не иначе, какъ на вещахъ, къ которымъ онъ самъ что-нибудь прибавляетъ, которыя онъ раскладываетъ, отъ которыхъ беретъ, т.-е. убавляетъ, которыя дѣлитъ и т. п.

„Сосчитай, сколько тутъ стульевъ? Вынеси одинъ въ сосѣдную комнату, теперь опять считай. Почему стало меньше? Сколько стульевъ недостаетъ? Еще одинъ вынеси!.. теперь ни одного стула не осталось. Возьми *три* орѣха,—одинъ дай нянѣ, другой мнѣ. Сколько у тебя осталось? А сколько у тебя было, прежде чѣмъ ты раздала орѣхи? А сколько орѣховъ раздала? Нарисуй три крестика. Сосчитай, ну еще прибавь, нарисуй еще одинъ крестикъ. Считай, сколько у тебя теперь всѣхъ крестиковъ, сколько было прежде? Нарисуй двѣ черточки. Теперь возьми резинку и вытри одну,—сколько осталось и сколько было прежде?

У тебя двѣ ноги; у курицы, гуся, утки и у всѣхъ птицъ по двѣ ноги, а не знаешь ли ты животнаго съ тремя ногами? Если нѣтъ съ тремя ногами, то назови знакомыхъ тебѣ животныхъ съ четырьмя ногами. У животныхъ четыре ноги, у человѣка и птицъ по двѣ: у кого *больше*, у кого *меньше*? У всѣхъ ли одна голова, носъ, лобъ? Поровну ли у всѣхъ ушей, глазъ?“

Но *чѣмъ больше* или *во сколько разъ больше*—такіе вопросы еще преждевременны. „Сколько у насъ съ тобою вмѣстѣ глазъ? Чего у насъ больше,—рукъ или глазъ?

У меня и въ правой, и въ лѣвой рукѣ по карандашу; подыми съ полу карандашъ и положи ко мнѣ на колѣни. Считай, сколько теперь у меня всего карандашей? Сколько было прежде? Сколько ты прибавила? Откуда взяла ты тотъ карандашъ, который положила ко мнѣ на колѣни? У твоего дяди три сына: Ваня,

Вася и Митя, да еще маленькая дочка, Надя; сколько же у дяди всѣхъ дѣтей? Сосчитай, сколько цыплятъ у этой курицы? Но замѣтила ли ты, что двое изъ нихъ хромаютъ? Сколько же изъ нихъ здоровыхъ?

Предъ окнами нашей дачи съ одной стороны три березы, а съ другой двѣ липы, — сколько всѣхъ деревьевъ? Считай пальцы правой и лѣвой руки, правой и лѣвой ноги?

На столѣ сколько книгъ? Прибавь столько же, сколько теперь лежитъ. Когда я купила тебѣ эту книжку, въ ней было семь картинокъ. Считай, сколько теперь? Если въ ней 6, а было 7, — сколько картинокъ вырвано? Ты не понимаешь, что значить столько же? На столѣ сколько книгъ лежитъ? — Одна. — „Принеси столько же, сколько лежитъ на столѣ, значить, принеси сюда еще одну книгу. На столѣ двѣ чашки, — принеси еще столько же. Я тебѣ купила на платьице два аршина ситцу; оказалось, что нужно еще столько, сколько я уже купила. Сколько же мнѣ пришлось прикупить? Сколько у меня не доставало аршинъ ситцу на твое платье?“ (Намъ приходилось заниматься съ разными дѣтьми и обыкновенно оказывалось, что даже и большія дѣти, чрезвычайно рѣдко сознательно понимали практическое значеніе самыхъ простыхъ нарѣчій, предлоговъ, союзовъ).

„Считай, сколько горстей гороху я буду класть тебѣ въ передникъ. Четыре горсти... А сколько тутъ гороху? Здѣсь такъ много гороху, что ты и не сосчитаешь. А ты разложи весь этотъ горохъ по кучкамъ и кучки ставь въ рядъ одну за другой. Пусть будетъ 8 рядовъ, въ каждомъ ряду по 8-ми кучекъ, но въ кучкахъ перваго ряда положи по одной горошинѣ, во второй рядъ въ каждую кучку по двѣ горошинки и т. д. Сколько же будетъ горошинъ въ кучкахъ послѣдняго ряда? Какая же кучка больше, какая меньше, которая самая большая, которая самая маленькая? Теперь тоже по кучкамъ разложи бусы, бисеръ, камешки. Въ этой кучкѣ сколько листиковъ? Покажи, въ которой кучкѣ будетъ 8-мь камешковъ, 8-мь листиковъ. Эти двѣ кучки одинаковы: какъ въ одной четыре бумажки, такъ и въ другой. Гдѣ еще одинаковыя кучки? Въ какомъ ряду больше, въ какомъ меньше кучекъ?

Положи въ рядъ 5 маковыхъ головокъ, выбрось двѣ изъ нихъ? Къ шести горошинамъ прибавь еще одну, — теперь сколько гороху на столѣ? Чего въ комнатѣ по 8-ми вещей. Выгляни въ окошко, чего тамъ по 8-ми?

У тебя четыре горошины, убавь изъ нихъ двѣ. Сколько осталось? Еще двѣ убавь. Теперь сколько? Вотъ тебѣ четыре орѣха, раздѣли ихъ поровну между двумя братьями. Поровну — значить: сколько дашь одному, столько дай и другому. Одному дала два, такъ и другому два приготовь. Вотъ какъ ты справедливо раздѣляла орѣхи: никому ни больше, ни меньше, никто не обиженъ. У тебя поровну пальцевъ: 5-ть на правой и 5-ть на лѣвой рукѣ, тоже на правой и лѣвой ногѣ. Въ этой комнатѣ у одной стѣны 4 стула, а у другой? Съ обѣихъ сторонъ по равному ли количеству стульевъ? У звѣрей одинаковое ли количество ногъ? У кошки четыре ноги, а у собаки сколько? А пальцевъ у всѣхъ ли поровну? Размотри ноги у кошки. Сколько у нея пальцевъ? А сколько ногъ? На каждой ли ногѣ одинаковое число пальцевъ? Что у насъ на пальцахъ, что у кошки?

У бабушки на правой рукѣ одинъ палецъ завязанъ. Сколько же у нея здоровыхъ пальцевъ? У разношика съ одной стороны лотка четыре корзины съ ягодами, а съ другой сколько? Сколько у него всѣхъ корзинокъ? Ты, вѣроятно, помнишь, что я вчера тебѣ дала два апельсина и сегодня бери столько же. Сколько же ты получила отъ меня апельсиновъ? Сколько дней я уже даю тебѣ апельсины и по сколько? Утромъ ты съѣла три маленькихъ кренделя, а за вечернимъ чаемъ че-

тыре; сколько всего кренделей ты съѣла за сегодняшній день и сколько ихъ было прежде въ сахарницѣ, если еще и теперь тамъ лежитъ одинъ крендель? Вотъ три стула; посади на нихъ твои двѣ куклы. Сколько осталось стульевъ пустыхъ? Вотъ тебѣ 8-мь пряниковъ, отдай изъ нихъ семь нянѣ, сколько у тебя останется? Насъ за завтракомъ сидитъ четыре человекъ, а яицъ подано 8-мь штукъ; какъ ты раздѣлишь ихъ между всѣми, чтобы никого не обидѣть? Что значитъ раздать, чтобы никого не обидѣть?“

Для 3-хъ, 4-хъ-лѣтнихъ дѣтей Фребель даетъ *второй даръ*. Онъ состоитъ изъ шара, куба и цилиндра. Фребель беретъ именно эти три тѣла, такъ какъ они представляютъ самыя простѣйшія формы, т.-е. такія, которыя лежатъ въ основѣ всего окружающаго. На 3-мь—4-мь году ребенокъ уже больше останавливается на разныхъ явленіяхъ, можетъ кое-что и сравнить. Фребель и показываетъ ему два совершенно противоположныхъ тѣла: шаръ и кубъ, а для сравненія цилиндръ, какъ тѣло, занимающее средину между кубомъ и шаромъ. На эти формы въ руководствахъ по системѣ Фребеля приведены различныя упражненія. Во-первыхъ, нѣкоторыя игры съ шерстяными мячиками переносятъ и на деревянный шаръ; заставляютъ ребенка найти разницу и сходство между мячикомъ и деревяннымъ шаромъ, а далѣе сравниваютъ шаръ съ кубомъ и цилиндромъ, указывая въ нихъ стороны, углы, ребра. Послѣ того поочередно крутятъ на снуркѣ всѣ три тѣла: тутъ ребенокъ еще болѣе утверждается въ мысли, что шаръ тѣло неизмѣняемое, между тѣмъ какъ кубъ и цилиндръ при различныхъ движеніяхъ принимаютъ совсѣмъ другую форму. Если, напримѣръ, вертѣтъ кубъ, прикрѣпивъ снурокъ къ самой срединѣ одной изъ плоскостей, то при быстрыхъ оборотахъ ребра сглаживаются и является цилиндръ. По системѣ Фребеля ребенку слѣдуетъ указывать и на нѣкоторые физическіе законы въ названныхъ тѣлахъ: на ихъ устойчивость, непроницаемость, и по этому случаю поютъ, заставляя ребенка брать шаръ и кубъ въ руки:

Если въ ручки шаръ возьмешь,
Кубу мѣста не найдешь,

Если-жъ кубикъ въ руки взять,
Вмѣстѣ шаръ нельзя держать.

Чтобы ребенокъ лучше запомнилъ, сколько плоскостей въ каждомъ изъ этихъ тѣлъ, назначаютъ такія пѣсенки:

Только видно одну часть,
Куда-жъ кубикъ могъ пронасть?
Отъ кубика моего
Видно только часть всего!

Одну часть ты могъ видать,
Спрятала рукой я пять!
Пока буду я держать,
Ты тихонько ихъ поглади!

(«Руководство къ дѣтскимъ садамъ» Анны Дараганъ).

Теперь двѣ уже видать
Гдѣ-жъ четыре прискаты?

На уголокѣ я верчусь,
Когда въ пальчикъ упрюсь.

Поставивши кубъ на одну изъ плоскостей:

Я какъ стану,—упрюсь,
Стою твердо, не качнусь.

(«Практическій руководитель къ употребленію игръ Фребеля дома и въ школь» Я. Фоссъ).

Не говоря уже о неправильности и безграмотности всѣхъ этихъ стиховъ, вообще въ высшей степени нельзя воспѣвать математическія истины и геометрическія фигуры; объяснять же ребенку непроницаемость и тому подобные физическіе законы—черезчуръ преждевременно. Однако мысль дать ему понятіе о трехъ простѣйшихъ тѣлахъ очень хорошая и совершенно исполнимая съ 3, 4-лѣтними дѣтьми. Только упражненія, приводимыя во Фребелевскихъ руководствахъ, вялы, отвлечены и безграмотны; тутъ нужно болѣе всего обратить вниманіе на сравненіе этихъ формъ съ

формами окружающих предметов. Представлю нѣсколько образцовъ такихъ упражненій; только напередъ замѣчу, во-1-хъ, что подобными упражненіями сразу можно занимать 4-лѣтняго ребенка 5 и ужъ никакъ не болѣе 6—7 минутъ, потому что они довольно сильно напрягаютъ его мозгъ, во-2-хъ, стараясь какъ можно болѣе оживить эти бесѣды, я все-таки не даю ни пѣсней, ни стиховъ; цифра и форма какъ-то не укладываются въ риѣму. Кромѣ того скажу, во избѣжаніе недоразумѣній: если я ввожу эти новыя занятія, это не значитъ, что на 4-мъ году жизни ребенка все живое, движущееся и прекрасное въ природѣ должно сдѣлаться ему чуждымъ, — напротивъ: прежнія наблюденія надъ природой и окружающей жизнью слѣдуетъ продолжать въ томъ видѣ, какъ я ихъ указывала выше. Послѣ того ребенокъ сталъ старше лишь нѣсколькими мѣсяцами; кругозоръ его наблюденій такъ незначительно расширился, что измѣнять приведенныя мною бесѣды придется развѣ очень немного: это сдѣлать и неособенно опытная наставница.

Приступаю къ своимъ упражненіямъ. Раскладываю на столѣ передъ ребенкомъ шаръ, кубъ и цилиндръ. — Считай, сколько у насъ игрушекъ выпало изъ ящика? Напоминаютъ ли онѣ мячики? — Нѣтъ.

— А мячики совсѣмъ одинаковые? — Они разныхъ цвѣтовъ: вонъ синій, красный. — Цвѣта ихъ разные; а сходны они чѣмъ-нибудь или нѣтъ? — Они мягки, круглы, легки, сдѣланы изъ шерсти; когда бросишь ихъ на полъ, падаютъ неслышно, тихо. Всѣ они одной величины: и этотъ, и тотъ, и другой, и третій можешь обхватить своей ручкой; всѣ можно катать, всѣ можно бросать. Теперь взгляни-ка на эти вещи; хотя одна изъ нихъ похожа ли на мячикъ? — Шаръ похожъ.

— Чѣмъ же? — Оба круглые; тотъ можно покатить, и этотъ, тотъ бросить на полъ и не разобьется, и этотъ. — Ну не всегда; будешь шаръ много бросать на землю, онъ, пожалуй, треснетъ и испортится. Подумай теперь, какая разница между ними! Брось свала мячикъ на полъ, а потомъ шарикъ. Ну что? Этотъ громко стукнулъ и покатился по полу, а тотъ упалъ, чуть слышно, и отпрыгнулъ. А отчего бы это могло быть? — Не знаю. — Возьми въ руки, пошупай. Шарикъ твердый, мячикъ мягкій. Отчего это? Мячикъ изъ шерсти, и ты видѣла, какъ его дѣлаютъ: въ средину набиваютъ тряпки, обматываютъ шерстью, — вотъ онъ и мягкій, легкій, а шарикъ изъ дерева. — А у него въ срединѣ что? — перебиваетъ вдругъ ребенокъ. — То же самое дерево; я вѣдь сказала тебѣ, онъ весь изъ дерева сдѣланъ: взяли кусокъ дерева и стали его обстругивать и обтачивать. А кубикъ изъ чего? — Сколько лѣтомъ показывала я тебѣ деревьевъ, вспомни? — показывала березу и еще такое дерево, что вмѣсто листиковъ — колючки, зеленыя иголочки... Ахъ... да, ель. — Ну, а чѣмъ дерево покрыто сверху? — Кору. — Вотъ срубятъ ель, сосну, орѣшникъ, обдерутъ кору, а тамъ и будетъ дерево бѣлое или желтоватое. Вдоль ты его разрубишь, или поперекъ, все одно и тоже. Такъ и въ шарикѣ въ срединѣ тоже, что и снаружи.

То, что я здѣсь говорила о различіи и сходствѣ шара съ мячикомъ, можно передать ребенку какимъ образомъ не въ одну, а лишь въ нѣсколько бесѣдъ. — Теперь припрядемъ мячики и займемся вотъ этими вещами. Что въ этой комнатѣ напоминаетъ шаръ? Ребенокъ обводитъ глазами кругомъ и безпрестанно озирается на шаръ. Сначала по вопросамъ, а потомъ и самостоятельно онъ начинаетъ дѣлать сравненія. Шаръ похожъ на самоваръ, если только обломать его сверху и снизу; но самоваръ мѣдный, въ немъ горячіе уголья, а онъ не загорается, шарикъ же изъ дерева, дерево горитъ. — А вотъ еще нашъ шарикъ, похожъ на ко-

тель, въ которомъ грѣютъ воду, на чайникъ, даже на графинъ, если отбить въ немъ горлышко. Яблоки, картофель, орѣхи тоже шарики. — Вы не должны сначала давать ни геометрическихъ названій, ни слишкомъ хлопотать, чтобы отвѣты ребенка были совершенно точными. Тутъ главная цѣль должна состоять въ томъ, чтобы его самого заставить найти всѣ особенности и характерные признаки тѣлъ и чтобы онъ сумѣлъ понять различіе ихъ между собою.

— Изъ этихъ вещей которая больше похожа на шаръ? — Дитя затрудняется. — Брось всѣ три вещи на полъ (шаръ, кубъ и цилиндръ) и будь внимательна. — А, вотъ эта вещь, — она указываетъ на цилиндръ. — Онъ покатился и шаръ катится. — Теперь которая менѣе похожа на шаръ? — Указываетъ на кубъ. — Чѣмъ? — Онъ стоитъ. — Да вѣдь вотъ и эта вещь стоитъ (цилиндръ). Но та зато стоитъ и катится, а та (кубъ) только стоитъ. Такъ вотъ эти двѣ вещицы (шаръ и цилиндръ) похожи между собою. Осмотри же хорошенько, чѣмъ онѣ еще сходны и различны. — Понемногу ребенокъ отвѣчаетъ: обѣ деревянныя; обѣ стучать, когда уронишь, обѣ гладкія. — А чѣмъ различны? Ощупай-ка. — Вотъ у этой (у цилиндра) есть острый край. — Сколько ихъ? — Два: одинъ сверху, другой снизу. — Этотъ край называютъ ребромъ; обведи его кругомъ пальчикомъ! какое оно? — Оно круглое. — Значитъ, два круглыхъ ребра; а попробуй рукой, сколько сторонъ? — Двѣ плоскихъ и между ними одна круглая. — Ребенка наводятъ на этотъ отвѣтъ, заставляя прикладывать руки къ цилиндру. — А въ шарѣ реберъ нѣтъ, и одна лишь круглая поверхность. И такъ вотъ эту вещь называютъ цилиндромъ. Что похоже на цилиндръ? Все въ домѣ осмотри... Шляпа, свѣчка, стаканъ, баночка... — А на улицѣ? — Тумба... и т. д. Подобно этому объясняютъ сходство и разницу между цилиндромъ и кубомъ. — У куба нѣтъ круглыхъ сторонъ, а всѣ плоскія, одна противъ другой, все одинакія стороны; у цилиндра ихъ только двѣ съ круглыми ребрами, а у куба и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и съ боковъ стороны съ прямыми, одинаковыми ребрами; у куба четыре острыхъ угла сверху и четыре снизу, и проч.

— Возьми эту бумажку и сверни ее такъ, чтобы похоже было на цилиндръ. Ты свернула, а что же сверху и снизу? Надо прикрыть круглыми бумажками; дай я тебѣ ихъ сдѣлаю. А попробуемъ сдѣлать кубъ. Сколько намъ нужно четырехъ угольныхъ бумажекъ? Шесть. Вотъ мы ихъ и поставимъ другъ противъ друга. Ну а въ комнатѣ есть ли что-нибудь похожее на кубъ? А этотъ ящикъ? Ящикъ гораздо больше. Ничего не значитъ, только бы всѣ стороны и всѣ ребра были такія же, какъ и здѣсь. Вотъ этотъ другой ящикъ такъ подлиннѣе. — Вотъ эти стороны и ребра у него гораздо короче, эти длиннѣе; въ длину онъ больше, чѣмъ въ ширину и въ высоту, а все же похожъ скорѣе на кубъ, чѣмъ на шаръ или на цилиндръ. Что еще въ комнатѣ похоже на кубъ? Сама комната, сахарница, комодъ, коробка съ табакомъ. Шея безъ головы, — вѣдь тоже цилиндръ. Ну, а этотъ шкафъ? Нѣтъ, онъ больше похожъ на кубъ. — А чѣмъ онъ отличается отъ куба? Въ ширину онъ больше, чѣмъ въ толщину, а въ высоту еще больше. Покажи въ комнатѣ вездѣ, гдѣ есть углы, ребра, плоскости.

Въ три-четыре года дѣтей посылаютъ уже въ дѣтскій садъ. Въ педагогическихъ журналахъ много было говорено о пользѣ товарищества для ребенка, о необходимости воспитать его въ обществѣ. И это совершенно справедливо. Скажу болѣе: когда сближаешься съ другими людьми, невольно ближе знакомишься съ ихъ наблюдениями, мыслями, опытомъ. Все это, разумѣется, шире и глубже заставляетъ понимать окружающій міръ, и въ то же время, возбуждаемый примѣромъ своихъ товарищей, ребенокъ гораздо дѣятельнѣе къ нему относится. Если домашнее воспи-

таніе развивасть преимущественно индивидуальный характер питомца, — воспитаніе общественное болѣе подготавливаетъ его къ будущей общественной дѣятельности. Эгоизмъ, который такъ свойственъ каждому ребенку, излишняя привязанность къ своей собственности, ограниченное пониманіе чужихъ интересовъ и множество другихъ недостатковъ незамѣтно сглаживаются въ товариществѣ. Только въ обществѣ себѣ подобныхъ ребенокъ научается дѣлательно сочувствовать горю другого, приучается помогать и искренно заботиться объ интересахъ ближняго. Кромѣ того въ большомъ дѣтскомъ обществѣ можетъ быть съ пользою употреблено въ дѣло соревнованіе, которое содѣйствуетъ искорененію лѣни, небрежности, неряшества и множества другихъ недостатковъ. Тѣмъ не менѣе соревнованіемъ слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно, съ большимъ тактомъ, чувствомъ мѣры и чутъемъ. Соревнованіе не въ мѣру можетъ развить въ дѣтяхъ лишь суетное стремленіе затмить своимъ первенствомъ всѣхъ и каждого, желаніе всегда отличиться, щеголять, получать похвалы, поощренія, лучшія отмѣтки. Подобныя склонности могутъ въ конецъ убить съ одной стороны истинный интересъ къ знанію, который долженъ быть рычагомъ умственного преуспѣянія, съ другой — любовь къ окружающему, что должно быть первою и главною задачею воспитанія. Черезчуръ ревнивая забота о томъ, какъ бы перегнать товарища, постепенно вырождается въ индифферентизмъ къ нему, затѣмъ переходитъ въ боязнь, что онъ опередитъ, въ мучительную зависть, злорадство, когда онъ въ чѣмъ-нибудь оплошаетъ, въ честолюбіе и другія зловредныя свойства. Между тѣмъ честолюбіе такъ же заразительно, такъ же сильно и быстро овладѣваетъ душою и всѣми помыслами человѣка, какъ и всякая другая порочная страсть: не мало при мѣровъ того, какъ дѣти, исключительно руководимые честолюбіемъ, губили ради него здоровье и силы непосильнымъ трудомъ. Конечно, маленькому ребенку недоступны высшія цѣли, его нельзя воспитать безъ всякаго поощренія, безъ похвалы за хорошо выполненную обязанность, за хорошій поступокъ, и я хочу только поставить на видъ воспитателю, чтобы онъ въ своихъ поощреніяхъ и при возбужденіи соревнованія руководился твердо-опредѣленнымъ принципомъ никогда не захваливать, не ставить на пьедесталь, не возвеличивать одного на счетъ другого. Ребенокъ быстрѣе и талантливѣе всѣхъ выполняетъ работу, — отчего не похвалить его, но не давайте ему понять, что его работа самая лучшая, и при этомъ укажите ему, если только къ этому представится случай, какъ такому-то товарищу его было трудно исполнить ее, и какъ онъ усидчиво поработалъ надъ нею.

Воспитаніе съ ранняго дѣтства въ обществѣ товарищей имѣетъ такое преимущество передъ одиночнымъ, изолированнымъ воспитаніемъ, что всѣ его недостатки рельефно выступаютъ съ первыхъ же лѣтъ поступленія ребенка въ школу. Нечего и говорить о томъ, что общественное воспитаніе можетъ быть цѣнно лишь въ томъ случаѣ, если оно пробуждаетъ въ ребенкѣ симпатію, участіе и интересъ къ товарищу, сближаетъ дѣтей между собою, однимъ словомъ расширяетъ кругъ человѣческихъ привязанностей.

Въ хорошо мнѣ знакомой и въ высшей степени порядочной семьѣ былъ только одинъ сынъ. Его воспитывали съ большою любовью и здравымъ смысломъ. Но болѣзненность ребенка заставляла родителей развѣзжать съ нимъ изъ одного южнаго города въ другой и вынудила наконецъ поселиться за границей. Мальчикъ могъ воспитываться только въ семьѣ и рѣдко имѣлъ возможность имѣть товарища, да и то періодически, случайно и ненадолго. Когда онъ окрѣпъ, его привезли въ Россію и въ 14 л. отдали въ гимназію, въ одинъ изъ среднихъ классовъ, гдѣ мальчики, по замѣчанію педагоговъ, обыкновенно бываютъ особенно шумливы и шаловливы.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи, мальчикъ видимо загрустилъ и сталъ быстро худѣть и хилѣть. Родители уже думали, что къ нему возвращается прежняя болѣзнь, но, когда однажды отецъ сталъ разспрашивать его о товарищахъ, онъ, рыдая, сознался, что не любитъ ихъ, и съ мукою въ сердцѣ сталъ передавать свое, какъ онъ самъ выразился, „позорное положеніе въ гимназіи“. Онъ говорилъ, что товарищи, безъ всякаго повода съ его стороны, издѣваются надъ нимъ, передразниваютъ его, исподтишка пишутъ мѣломъ разныя глупости на его спинѣ, прищипываютъ въ классѣ къ его платью различныя бумажки на потѣху другимъ, подставляютъ ногу, чтобы онъ споткнулся... и т. п. Все это они дѣлаютъ потому, что онъ мѣшковатъ, неловокъ и до сихъ поръ считается новичкомъ. „Но вѣдь это такъ гадко и несправедливо“, говорилъ онъ рыдая, „развѣ я виноватъ, что неловокъ? За что меня ненавидятъ? Я совсѣмъ отодвинулся ото всѣхъ, я ни съ кѣмъ не разговариваю, ни къ кому не подхожу, ни одной минуты не остаюсь долѣе, чѣмъ нужно, въ классѣ... Я измучился... Я не могу, не могу болѣе оставаться въ гимназіи“...

„Но вѣдь чѣмъ болѣе ты будешь удаляться отъ товарищей“, отвѣчалъ отецъ, „тѣмъ болѣе они будутъ надъ тобой изощряться въ шалостяхъ... Ты обвиняешь товарищей въ несправедливости, но ты гораздо болѣе несправедливъ относительно нихъ. Постарайся заслужить ихъ уваженіе, и они перестанутъ надъ тобой издѣваться“. — Какъ же я могу это сдѣлать? Да они никого не уважаютъ! Они умѣютъ только откалывать злыя, глупыя шутки! — „Значитъ никто не умѣетъ заслужить ихъ уваженія“. — Да, это легко говорить, а какъ это сдѣлать? — „Кто твои сосѣди по скамейкѣ? Веселые, грустные, читающіе или только зубрящіе?“ — Почему я знаю! — „Какъ, ты даже не побеспокоилъ себя узнать, съ кѣмъ имѣешь дѣло! Они смѣются надъ твоею мѣшковатою виѣшностью потому, что ты имъ ничего другого не выказалъ: ни сочувствія, ни участія. Они ничего другого не видятъ въ тебѣ, какъ только обидчиваго и надутаго мальчика и смѣются надъ виѣшностью тѣмъ болѣе, что примѣтили въ тебѣ чувствительность къ насмѣшкамъ... Какъ по крайней мѣрѣ учатся твои сосѣди?“ — Тотъ, что справа, никогда не знаетъ у француза, а товарищъ слѣва не умѣетъ рѣшить ни одной математической задачи. — „Вотъ ты и помогай тому и другому... Для перваго раза постарайся уловить удобную минуту, а затѣмъ постепенно все больше и больше... Сначала объясни что-нибудь кетати, а затѣмъ предложи для объясненій приходите раньше урока въ классъ или пригласи къ себѣ на домъ... Поступай такъ и относительно всѣхъ остальныхъ... Думай по крайней мѣрѣ больше надъ тѣмъ, чѣмъ и какъ ты можешь помочь каждому изъ своихъ товарищей“. Мальчикъ воспользовался совѣтомъ, и издѣательства скоро прекратились.

— Правда, они теперь не смѣются надо мной, — сказалъ онъ отцу, — но вѣдь я это купилъ своею услужливостью... Большинство товарищей очень плохо подготовлены, они понимаютъ теперь, что я всегда могу быть имъ полезенъ, и считаютъ невыгоднымъ...

— Что же ты стѣсняешься? Хочешь сказать, что боишься тебя обозлить, заискиваютъ... Если ты такъ страдаешь за ихъ корысть, — помогай и тѣмъ, кто будетъ дурно къ тебѣ относиться. А если ты хочешь большаго, — и самъ давай имъ больше: защищай того, на кого невинно нападутъ, рассказывай имъ, что ты читаешь, что видѣлъ во время своихъ путешествій, сдумай заинтересовать тѣмъ, что тебя самого интересуетъ, постарайся заставить прочесть то, что ты прочелъ, и высказать свое мнѣніе... Поставивъ себя въ такія отношенія къ товарищамъ, ты и самъ многое что отъ нихъ позаимствуешь.

Благодаря руководству отца и большому развитію сына, у него быстро развились общественные инстинкты: онъ въ послѣдствіи приобрѣлъ не только уваженіе своихъ товарищей, но пользовался ихъ страстною привязанностію. Но его пришлось руководить въ такія лѣта, когда уже болѣе или менѣе складываются общественные инстинкты; это произошло потому, что онъ долго былъ лишень общества товарищей, а еслибы онъ еще долѣе былъ лишень ихъ общества, въ немъ бы совсѣмъ могли заглухнуть общественные инстинкты.

Изъ сказаннаго ясно, что будить общественные инстинкты нужно еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ періодъ дошкольнаго воспитанія, что лишать ребенка общества товарищей, соотвѣтственныхъ его лѣтамъ, такое зло, которое болѣе или менѣе дурно отразится въ будущемъ въ нравственномъ отношеніи. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ чрезвычайно мало „дѣтскихъ садовъ“, да и въ нихъ далеко не всегда игра и занятія организованы съ пониманіемъ дѣла, а потому волею-неволею дѣтямъ дошкольнаго возраста приходится давать исключительно изолированное воспитаніе.

Что касается системы Фребеля, то, несмотря на ея здоровую, въ высшей степени полезную основу, какъ мы это видѣли выше, воспитателямъ, при практическомъ ея примѣненіи къ нашимъ дѣтямъ, приходится самостоятельно разрабатывать ее, какъ потому, что она была изобрѣтена нѣмцемъ для нѣмецкихъ дѣтей и болѣе полустолѣтія тому назадъ, такъ и потому, что большую часть года, по климатическимъ условіямъ, мы вынуждены держать своихъ дѣтей дома, воспитывать ихъ одиноко, безъ общества товарищей-однолѣтокъ; но и при домашнемъ воспитаніи, если только фребелевскія занятія и игры направить разумно, согласно съ характерными свойствами русскаго человѣка, онъ способствуетъ развитію въ дѣтяхъ творчества, самодѣятельности, наблюдательности, вниманія и трудолюбія.

ГЛАВА XIV.

Воспитаніе ребенка съ четырехъ до шести лѣтъ.

Третій даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 8 кубиковъ и четвертый даръ—кубъ, раздѣленный на 8 плитокъ.—Бесѣды, которыми можно сопровождать занятія по этимъ дарамъ.—Необходимое условіе при всѣхъ постройкахъ.—Загадки, пригодныя для дѣтей этого возраста.—На что слѣдуетъ обращать вниманіе дѣтей во время прогулокъ.—Вырѣзаніе отъ руки.—На сколько воспитатель можетъ принимать участіе въ самостоятельныхъ играхъ ребенка во время отдыха.—Примѣры ариѳметическихъ упражненій въ этомъ возрастѣ.—Значеніе сказокъ для дѣтей.—Примѣры того, въ какомъ видѣ слѣдуетъ давать сказки и какъ можно объяснять ихъ дѣтямъ.—Наблюденія надъ растеніями, разведенными въ комнатѣ самимъ ребенкомъ.—Бесѣды съ дѣтьми при раскладываніи лучинъ, при постройкахъ изъ кубиковъ и плитокъ.—Рисованіе по сѣти.—Бесѣды, сказки, рассказы и загадки для дѣтей отъ пяти до восьми-деяти лѣтъ.

Въ послѣдней главѣ мы довели воспитаніе ребенка до 4—5 лѣтъ его жизни; мы видѣли, что матеріалъ, данный Фребелемъ, для умственнаго и нравственнаго развитія въ эти лѣта весьма скуденъ и къ тому же мало соответствуетъ возрасту, для котораго назначенъ. Воспитателю приходится вводить не только упражненія и рассказы другого характера, но и игры, самому придумать множество механическихъ работъ. Совсѣмъ другое представляютъ фребелевскія занятія, назначенныя для послѣдующихъ годовъ. Тутъ мы находимъ такое богатство и разнообразіе матеріала, что является опасность, какъ бы не обременить ребенка. И здѣсь мы ставимъ себѣ первымъ правиломъ: не насиловать дѣтскаго ума, не забывать ни на минуту о самостоятельномъ развитіи ребенка. Въ большинствѣ случаевъ воспитатели стремятся только къ тому, чтобы ребенокъ, во что бы то ни стало, до 7 лѣтъ ознакомился со всѣми дарами Фребеля и переработалъ въ послѣдовательности всѣ его механическія работы, точно въ этомъ лежитъ залогъ его развитія и счастья. Начну дальнѣйшій очеркъ системы Фребеля, но совершенно такъ, какъ она изложена въ руководствахъ, и при этомъ буду указывать, какъ слѣдуетъ пользоваться матеріаломъ, который намъ представляется. Въ послѣднемъ очеркѣ я познакомила съ первымъ и вторымъ даромъ Фребеля, теперь представляю его слѣдующіе дары.

Третій даръ Фребеля состоитъ изъ куба, раздѣленнаго на 8 кубиковъ, четвертый даръ—изъ куба, раздѣленнаго на 8 плитокъ или кирпичиковъ. Тотъ и другой даръ служатъ ребенку строительнымъ матеріаломъ для воспроизведенія: 1) жизненныхъ формъ, взятыхъ изъ предметовъ окружающей жизни, 2) для воспроизведенія изящныхъ формъ и 3) для усвоенія математическихъ формъ. Съ этою цѣлью дѣтей заставляютъ изъ этихъ кубиковъ строить различные предметы: диванъ, скамейку, колонну, памятникъ, замокъ, ворота съ башнею, монументъ и т. д. При этомъ строго наблюдаютъ два правила: 1) чтобы въ постройку каждаго предмета непременно входилъ весь матеріалъ, т. е. всѣ 8 кубиковъ, 2) чтобы ни одинъ изъ построенныхъ предметовъ не былъ совершенно уничтоженъ, а превращенъ въ другой предметъ чрезъ незначительное перемѣщеніе нѣкоторыхъ частей матеріала. По этому правилу складываютъ, на примѣръ, 8 кубиковъ такъ, что они составляютъ

одинъ большой кубъ. Вы снимаете съ краю одинъ кубикъ, ставите его на противоположный край — у васъ кресло; еще съ боку сняли кубикъ и положили подлѣ перваго снятаго — диванъ, который, если вы только раздвинете кубики на срединѣ, превратится въ два стула. И такъ одну изъ другой, не уничтожая прежней, вы складываете множество разнообразныхъ фигуръ. Личь только кончаетъ ребенокъ свою постройку, его спрашиваютъ, къ чему служить сдѣланный имъ предметъ, и рассказываютъ что-нибудь подходящее къ этому.

При занятіяхъ *изящными формами* слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ, т.-е. не разрушаютъ прежней фигуры для того, чтобы построить новую, а только ее преобразовываютъ, развивая одну форму изъ другой. Отличаются эти изящныя формы тѣмъ, что фигуры, которыя при этомъ дѣлаетъ ребенокъ, не напоминаютъ ничего изъ жизни, — тутъ главная цѣль дать понятіе ребенку о законѣ симметріи; такъ, напримѣръ, не разстраивая, что уже сдѣлано, передвигаютъ только крайніе кубики, и у васъ выходятъ все новыя и новыя формы; при этомъ цѣльность фигуры нисколько не страдаетъ, а остается все та же изящная форма. Тутъ дѣтей между прочимъ наводятъ на мысль, что у каждаго изъ нихъ однѣ и тѣ же части тѣла: одна голова, одинъ носъ, одинъ ротъ, руки, ноги, и все-таки каждая изъ этихъ частей представляетъ нѣчто цѣлое, особое.

При упражненіи въ *математическихъ формахъ* наставница учитъ счету по кубикамъ, припѣвая такія математическія пѣсенки:

«Вотъ на ручкѣ пальцы есть,
Намъ ихъ надо перечесть:
Разъ, два, три, четыре, пять
Всего можно сосчитать.
Два ушли, осталось? три,
А теперь сколько? смотри—

(три пальца спрятать, два поднять).

Чтобъ получить намъ снова пять,
Сколько нужно къ нимъ прибавить? „Три“
Ручка съ пальцами на ней—
Вотъ забава для дѣтей!» («Руководство къ дѣтскимъ садамъ» Дараганъ, стр. 33.)

Четвертый даръ — занятія плитками; этотъ даръ даютъ дитяти позже кубиковъ. Прежде всего ребенокъ начинаетъ сравнивать ихъ съ кубиками, находить сходство и разницу. Постройки изъ этихъ кирпичиковъ или плитокъ можно еще болѣе разнообразить, такъ какъ ихъ форма ближе напоминаетъ ребенку дѣйствительные предметы. Условія построекъ и при этомъ разговоры съ дѣтьми тѣ же самыя. Тутъ также заставляютъ ребенка выдѣлывать трехъ родовъ формы: жизненныя, изящныя и математическія. Въ послѣднихъ гораздо дальше идутъ со счетомъ. Такъ въ порядкѣ одинъ за другимъ въ учебникахъ изложены всѣ дары Фребеля и его ручныя работы; къ нимъ приложено множество рисунковъ для выполнения этихъ работъ. Вы можете занимать ребенка два мѣсяца кубиками, потомъ столько же кирпичиками или плитками 4-го дара, потомъ изучать съ нимъ слѣдующіе дары, или приняться за плетеніе, или совершенствовать дитя въ одномъ и томъ же направленіи одною работою. Вамъ сданъ на руки богатый матеріалъ для занятій; распорядитесь имъ по вашему усмотрѣнію. Вотъ тутъ-то и представляется опасность или притупить ребенка избыткомъ механизма, или набить голову дѣтей отрывочными, безсвязными свѣдѣніями. Ребенка заставляютъ выстроить сперва ящикъ, потомъ какую-нибудь римскую триумфальную арку. Зачѣмъ выбираютъ тѣ или другіе предметы? Другой цѣли, кромѣ ознакомленія съ частями куба, тутъ невидно. Ребенокъ строитъ водопроводы, тунели, арки, которые рѣдко кто изъ нихъ видѣлъ, слѣдовательно, онъ не знакомится даже съ простѣйшими формами окружающихъ

тѣль. Между тѣмъ сравнивать и различать простѣйшія формы тѣль очень полезно; тутъ изошрается наблюдательность ребенка, развивается его творческая способность. Но вѣдь съ формою нераздѣльно связано и извѣстное содержаніе. Является вопросъ, чѣмъ вы наполните вашу бесѣду при указаніи той или другой формы.

Отъ учебниковъ, пожалуй, нельзя требовать, чтобы они указывали приемы, какъ вести дѣло. Чувствуя, что недостаточно ознакомиться съ системою Фребеля по учебнику, наши воспитательницы ѣдутъ учиться за границу. Въ швейцарскихъ дѣтскихъ садахъ онѣ, напримѣръ, видятъ, какъ дѣти маршируютъ, напѣвая воинственную пѣсенку. Не разбирая того, что пѣсня эта или игра является выраженіемъ національнаго чувства, онѣ цѣликомъ переносятъ ее въ свой дѣтскій садъ, устроенный въ Россіи, и внушаютъ дѣтямъ одинъ дикій, воинственный азартъ. Въ Германіи воспитательницы требуютъ отъ дѣтей особенной признательности, полного подчиненія и поклоненія своему патриархальному, семейному авторитету, и это направленіе, какъ и первое, отражается въ бесѣдахъ съ нашими русскими дѣтьми. Перенимая все безъ разбора, наши воспитательницы угощаютъ и русскихъ дѣтей приторными описаніями семейныхъ чувствъ, только и толкуютъ, что о благодати доброй мамашы и о заботливости милаго папашы. Любопытно знать, какъ подѣйствуетъ это на тѣхъ изъ нашихъ дѣтей, которыя совершенно сданы на руки гувернантокъ или нянѣ, видятъ, что мать занята только гостями, портнихами и выѣздами? Но будь мать и внимательна къ дѣтямъ, развѣ можно кстати и не кстати болтать о любви къ родителямъ, которая чѣмъ искреннѣе, тѣмъ стыдливѣе. По крайней мѣрѣ эта болтливость о нѣжныхъ чувствахъ совсѣмъ не въ русскомъ духѣ. Въмѣсто сентиментальныхъ изліяній, которыми сопровождаются механическія занятія по системѣ Фребеля, слѣдовало бы указывать на предметы, которые сами собой возбуждаютъ извѣстное чувство. Бесѣды, которыя ведутъ при этомъ, должны быть связны, т.-е. въ нихъ строго слѣдуетъ держаться правила—избѣгать скачковъ отъ кресла къ аркѣ, отъ бабушки къ будочнику.

Въ настоящей главѣ я укажу, какъ съ ребенкомъ послѣ 4-хъ лѣтъ слѣдуетъ вести эти занятія. Машѣ идетъ уже 5-й годъ. Зима. 10-ть часовъ утра.—Вотъ тебѣ коробка съ новыми игрушками, — сколько игръ можно съ ними переиграть! Сколько вещей изъ нихъ сдѣлать! Каждый день можно придумывать все новыя!—А, да это кубики! кричитъ она, когда мать выложила передъ ней все, что было въ ящикѣ.—Гдѣ же ты ихъ прежде видала?—Такой же кубикъ, только больше, лежитъ въ длинномъ ящикѣ вмѣстѣ съ шаромъ и цилиндромъ. Такъ какъ вы до сихъ поръ своими бесѣдами наводили вашего ребенка на разныя наблюденія, заставляли его находить сходство и различіе въ разныхъ предметахъ, то и теперь онъ каждый разъ, при встрѣчѣ съ новымъ предметомъ, самъ это дѣлаетъ безъ вашихъ вопросовъ. Если ребенокъ прежде былъ въ другихъ рукахъ, и вы только послѣ 4-хъ лѣтъ начинаете съ нимъ заниматься, вы должны навести его на тѣ разсужденія, которыя теперь сами собой приходятъ въ голову нашей дѣвочки.

Маша открываетъ и закрываетъ ящикъ.—Вотъ этотъ ящикъ такъ настоящій кубъ: и въ длину, и въ ширину, и въ высоту — ровень, и ребра, и углы есть... и всѣ одной величины. Да, только тотъ кубъ, который въ ящикѣ, уже совсѣмъ ровный, а здѣсь вонъ какая впадина. Вѣдь это для того, чтобы крышкой его закрывать? Если вынуть всѣ кубики изъ ящика, въ него можно спрятать и наперстокъ, и леденецъ, и маленькую куклодку, — а въ кубикъ ничего не положишь... Ящикъ гораздо занимательнѣе кубиковъ!—Тебѣ такъ кажется потому, что ты не умѣешь еще съ нимъ играть... А вотъ я тебѣ покажу, какъ изъ кубиковъ строятъ

все, что есть въ комнатѣ, на дворѣ, на улицѣ, — тогда ты скажешь, что нѣтъ лучше игрушки.

— Я тоже знаю такую игрушку, съ которой можно придумать много, много, много игр!.. Перемѣнная игру, сколько хочешь, а игрушка одна. Угадай, что это? — спрашиваетъ ребенокъ... — Мячикъ? — Отгадала; видишь — мячикъ, значитъ, лучше. — Да, славная игрушка, только съ мячикомъ не всегда можно играть. Когда устанешь сидѣть, и тебѣ захочется попрыгать, побѣгать, — тогда играй въ мячикъ; бываетъ же, что напрыгаешься, устанешь, и сама просишь работы. А въ теперешнее зимнее время, — вечеръ начнется рано, ты ставишь свѣчку на столъ, начнешь играть въ мячикъ, — закатился, а поднять его и не видно, нужно нести свѣчку, всѣмъ вставать съ мѣстъ. То-ли дѣло кубики: преспокойно раскладывай ихъ себѣ въ это время на столѣ.

— Ну, хорошо, покажи, какъ сдѣлать стулъ. — Посмотри сама на стулъ и строй, какъ знаешь. Зачѣмъ стулъ? Чтобы сидѣть. Вотъ, значитъ, нужно мѣсто для сидѣнья, а спина устанетъ, захочешь прислониться, — нужна спинка.

Ребенокъ долго смотритъ на стоящій стулъ и наконецъ начинаетъ ставить кубикъ на кубикъ, конечно, сначала очень неловко, но вы помогаете, и онъ оканчиваетъ начатую работу.

— Ахъ, мама! какой хорошій стулъ! какъ похожъ на нашъ!

— Будто ужъ и точно такой? Ну посмотри, какая между ними разница. Мало-по-малу ребенокъ находитъ, что въ немъ нѣтъ ни переплета, ни ножекъ; скоро онъ пойметъ и то, что вы заимствуете изъ дѣйствительнаго предмета лишь самое главное въ стулѣ, на примѣръ, только сидѣнье и спинку. Сначала ребенокъ удивленъ, какъ онъ самъ этого не замѣтилъ; но потомъ успокоивается, особенно если вы расскажете, что въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ хорошихъ столяровъ, приходится довольствоваться стуломъ и такой работы.

Ребенокъ скоро начинаетъ понимать, что воспроизводитъ на кубикахъ *жизненные* формы онъ можетъ не иначе, какъ заимствуя изъ нихъ самое главное. Такимъ образомъ вы даете упражненія двойкаго рода: во 1-хъ, прежде, чѣмъ сдѣлать вещь, которая передъ глазами, ребенокъ долженъ подумать о ея назначеніи, во 2-хъ, уже построивъ какой-нибудь предметъ, онъ сравниваетъ его съ дѣйствительнымъ, находитъ сходство и разницу.

— Что же мы теперь сдѣлаемъ изъ кубиковъ? — спрашиваетъ у васъ дѣвочка. — Сначала все необходимое въ комнатѣ. Подумай, что мы дѣлаемъ съ утра до вечера? Прежде всего нужно поработать, потомъ поѣсть, — для этого служить столъ. Стоя нельзя ни работать, ни ѣсть: нуженъ, значитъ, и стулъ, а когда поѣдимъ, поработаемъ, поиграемъ, и такъ пройдетъ день, что мы дѣлаемъ? Ложимся спать. Безъ сна человекъ жить не можетъ; ему нужно отдохнуть послѣ цѣлаго дня хлопотъ и трудовъ. Значитъ намъ нужна и постель. — Ребенокъ дѣлаетъ столъ, потомъ постель. — Да можешь ли ты, Маша, лечь въ такую постель? Подумай, какал у тебя? Въ твоей кроваткѣ есть съ обѣихъ сторонъ перегородки, иначе ты, пожалуй, выпадешь.

— Это правда. Такъ я буду дѣлать для себя настоящую кроватку. Но какъ же быть? Кубиковъ больше не хватаетъ. Да и что изъ того, что у меня было бы еще нѣсколько кубиковъ, вѣдь и тогда кроватка была бы не совсѣмъ такая, какъ у меня! Не было бы ножекъ, какъ у моей кроватки, не было бы переплета, на который кладутъ мой тюфячекъ; да и стѣнки тутъ гораздо толще, чѣмъ въ моей кроваткѣ, — такъ пусть это будетъ кроватка для деревни, и я, когда вырасту, буду въ ней спать.

Въ другой разъ вы наводите ребенка на мысль, что человекъ, который постоянно живетъ въ одной и той-же комнатѣ, имѣетъ для жизни и разныя вещи, и что эти вещи нужно же куда-нибудь убирать, слѣдовательно, нуженъ шкафъ. Ребенокъ скоро начинаетъ понимать, какъ отличать предметы, необходимые въ жизни, отъ тѣхъ, которые служатъ человеку украшеніемъ или прихотью. Такимъ образомъ онъ строитъ изъ кубиковъ: шкафъ, комоды различной величины, сундуки, этажерки, диванъ, кресла, софу, плиту, стѣны комнаты и т. д.

Необходимымъ условіемъ этихъ работъ должна быть аккуратность въ постройкахъ. Если вы позволите ребенку вначалѣ мало-мальски небрежно исполнить работу, онъ все привыкнетъ дѣлать кое-какъ, а о постройкахъ, слѣдовательно и о формахъ, получить неправильное понятіе. Ребенокъ неаккуратно начинаетъ строить, и вы, безъ всякихъ выговоровъ, просто замѣчаете ему: погоди, поправь этотъ кубикъ, онъ долженъ прямо стоять сверху этого, а то криво выйдетъ и совсѣмъ не будетъ походять на стулъ, и т. д.

При постройкахъ изъ кубиковъ, Фребель ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы одна вещь непосредственно вытекала изъ другой. Это правило не бесполезно для дѣтей разсѣянныхъ и нетерпѣливыхъ. Съ этою цѣлью я и даю нѣсколько рисунковъ, которые отчасти составила сама, отчасти заимствовала у Лины Моргенштернъ изъ ея книги „Paradis der Kindheit“. Но если вы ведете воспитаніе ребенка съ первыхъ его лѣтъ, лучше привести прежде въ сознаніе всѣ близкіе ему предметы, только отъ времени до времени указывая ему фигурки, которыя могутъ непосредственно вытекать одна изъ другой.

Прежними бесѣдами и наблюденіями мы заставляли ребенка вникать во все живое, во все, что передъ нимъ двигалось. Мы продолжаемъ эти наблюденія и бесѣды и кромѣ того знакомимъ его и съ другими близкими ему предметами; но теперь онъ наблюдаетъ уже въ нихъ то, *что прежде менѣе* бросалось ему въ глаза съ перваго раза, — форму предметовъ, отношеніе въ нихъ частей между собой. Такимъ образомъ мы мало-по-малу разовьемъ всесторонне его наблюдательность, дадимъ ему полное понятіе о томъ маленькомъ мірѣ, въ которомъ онъ ежедневно вращается. Но и при постройкахъ, помимо сравненій съ дѣйствительными формами, необходимы также живыя бесѣды. Впрочемъ ребенокъ, хорошо веденный, самъ наведетъ васъ на подобную бесѣду.

— Ты сказала, что за столомъ работаютъ и ѣдятъ, а я вспомнила и еще кое-что, что сидя за нимъ дѣлаютъ... Когда большіе сидятъ одни за столомъ, они разныя книги велухъ читаютъ, а когда съ ними и дѣти, они съ ними загадки загадываютъ или сказку имъ рассказываютъ. Позови еще папу, и Коля пусть придетъ, и будемъ загадывать.

Если до 4-хъ лѣтъ поговорки и загадки были преждевременны, то теперь онѣ обыкновенно помогаютъ развитію ребенка, нисколько не насилуя его ума. Для каждаго возраста своя игра, и дѣти бываютъ вялы и скучны, когда игрой, соответственной ихъ возрасту, не занята ихъ фантазія. Стоитъ только посмотреть, какая свѣтится радость на личикахъ дѣтей, когда они, сидя у стола, задаютъ другъ другу загадки; какою гордостью блещутъ глазки того, кто отгадалъ или хотя вспомнилъ прежнюю загадку. Тутъ ребенокъ знакомится съ характерными народными выраженіями, привыкаетъ сводить вмѣстѣ повидимому самыя несходныя предметы и отыскивать въ нихъ сходство.

— Ну-ка, отгадайте, — говорить мать усѣвшимся вокругъ стола дѣтямъ, — что значить: „подъ одной шляпой четыре брата стоятъ?“

— Что же это такое?.. Вотъ, понимаю, а сказать какъ-то не умѣю, — говорить дѣвочка.

— Ну, если догадалась, такъ сказать это очень просто... Ты посмотри, — совсѣмъ близко, и такихъ вещей въ этой комнатѣ еще двѣ.

— А я знаю! — мальчикъ бьетъ въ ладоши, — *столь!*

— „Никто не таковъ, какъ Иванъ Пятаковъ: сѣлъ на конь и поѣхалъ въ огонь“. Дѣти смѣются. — Какая смѣшная... повтори-ка ее намъ. Ну ужъ эту не разгадать.

— А между тѣмъ вы это часто видите, — поменьшеу наводитъ ихъ мать. — Когда Варя разводитъ русскую печку, эта самая вещь тутъ-какъ-тутъ. Ну, и теперь не можете отгадать? Горшокъ, — когда его на ухватъ въ печку сажаютъ, сѣлъ на конь, — это ухватъ, и поѣхалъ въ огонь — въ печку. — Ну а это что? „У двухъ матерей по пяти сыновей?“ — Пальцы на рукахъ. — А отчего, Маша, говорится: „у двухъ матерей?“ — Потому, что двѣ руки. — „Два братца только черезъ дорогу живутъ, а никогда другъ друга не видятъ“. — Глаза. — „Собой не птица, пѣть не поетъ, а кто къ хозяину идетъ, она знать даетъ“. — Собака. — „Семьдесятъ одежекъ — всѣ безъ стежекъ“. — Кочанъ капусты. — „Мать — толста, дочь красна, а сынъ подъ небеса ходитъ“. — Печка, огонь и дымъ.

Ребенка слѣдуетъ понемногу наводить на разгадку и стараться, чтобы онъ самъ угадалъ, а когда вы ему говорите, что загадка означаетъ, то объясните предметъ, какъ слѣдуетъ. — Дѣти, что значить: „Вотъ такъ грабли, — гору свернули!“ — Кѣмъ все дѣлается на свѣтѣ? — Людьми. — А люди-то чѣмъ работаютъ? — Руками. — На рукахъ пальцы, словно грабли, да этими граблями что угодно возьмешь и зацѣпишь. Нужно строить дорогу, а на пути крутая горка; вотъ соберется народъ, примутся работать лопатами, — глядь поль-горы и снимуть. И самый большой домъ человѣкъ дѣлаетъ руками. — Что значить: „Жили вчетверомъ на побѣгушкахъ: двое отошли, всѣмъ на свѣтѣ стали владѣть“. — Когда ты была маленькая, ты ползала на четверенькахъ: на рукахъ и ногахъ, и въ то время такъ же мало смыслила, какъ всякій звѣрекъ, ну вотъ хотя какъ собачка. Своими передними лапками она только роетъ землю, да развѣ держитъ кость. Такъ и ты въ то время только умѣла держать колечко, да еще стукнуть имъ о столъ. А стала ходить, твердо держаться на ногахъ, руки-то у тебя и свободны; ими тебѣ ужъ не нужно опираться объ полъ, какъ собачкѣ, когда она бѣгаетъ на четырехъ лапахъ. Ты можешь многое руками дѣлать, — брать, что хочешь. Еще поживешь, больше будетъ силы въ рукахъ.

Такихъ загадокъ можно прибрать множество... Выбирать слѣдуетъ такія, въ которыхъ говорится о знакомыхъ для ребенка предметахъ, въ которыхъ заключаются сравненія, характерныя и доступныя дѣтскому уму. Въ концѣ главы мы даемъ еще нѣсколько примѣровъ загадокъ съ объясненіями. Когда и это окажется недостаточнымъ, то по даннымъ образцамъ искусная воспитательница сама сдумаетъ воспользоваться сборникомъ пословицъ Даля, гдѣ есть много загадокъ.

Постройка изъ кубиковъ, бесѣды, ее сопровождающія, загадки должны занять не больше часу, и то, конечно, съ отдыхомъ въ нѣсколько минутъ послѣ каждаго занятія. Ну, теперь бѣгай кругомъ комнаты; смотри только, чтобы головка не закружилась: бѣгай то въ одну, то въ другую сторону. Попробуй-ка скакать на правой ножкѣ... Зачѣмъ обѣими? Нѣтъ, только на одной... Ну, теперь на лѣвой... Теперь поди тихо, шагомъ, а правой ручкой показывай, какъ кофе мелютъ. (Наблюдайте, при этомъ, чтобы ребенокъ не просто болталъ руками, а дѣлалъ полные

круги, которые помогают развитію плечевыхъ мышцъ). Теперь ручки въ боки, вотъ такъ хорошенько округли локоть, присядь на корточки и представь, какъ лягушка прыгаетъ въ полѣ. Встань, а руки-то зачѣмъ опустила? А вотъ такъ воробушекъ съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ. Теперь дѣлай побольше прыжки,—такъ скачетъ настоящая сорока. Опустя руки и тихонько пройди по комнатѣ. Ну теперь побѣгай на цыпочкахъ, на самыхъ кончикахъ пальцевъ, на самыхъ носочкахъ... Ну, опять на всей ступнѣ. (Дѣвочка старается пройти на пяткѣ). Ты на пяткѣ ходишь, а ты ходи, какъ обыкновенно, всей ступнею (вы ей показываете). Теперь летай, какъ птичка.—Пусть ребенокъ вытянетъ руки впередъ и немного ими покачиваетъ, какъ крыльями.—А поднимешь руки вверхъ, будешь коршуномъ, когда онъ хочетъ налетѣть на птицу и схватить ее. Тихо ходи, какъ лошадка, потомъ рысью, галопомъ, опять совсѣмъ тихо и показывай, какъ шьютъ. Развѣ лѣвой шьютъ? Какъ чулки вяжутъ? Какъ шьютъ? Какъ книгу въ рукахъ держать и читаютъ? Какъ нитки мотають? Какъ мотки держать? Ручки въ это время не могутъ оставаться совсѣмъ спокойно, онѣ немного опускаются и поднимаются потому, что нитку къ себѣ притягивають. Вотъ такъ. Поживѣй ходи и обѣими ручками показывай, какъ у мельницы колесо вертится. Опять обѣими ручками: какъ ножицами полотно рѣжутъ? Да что же ты стоишь? Нужно ходить и показывать. — Я устала.—Ну, это другое дѣло: тогда отдыхай, и играй теперь, какъ хочешь.

Несмотря на то, что такія упражненія (каждый можетъ подобрать ихъ сообразно своему образу жизни) въ высшей степени полезны во всѣхъ отношеніяхъ, воспитатель не долженъ забывать, что это все-таки не настоящая игра, — что при этихъ упражненіяхъ у ребенка въ 15 минутъ болѣе напрягаются и мускулы, и умъ, чѣмъ при совершенно свободной игрѣ въ продолженіе 2—3 часовъ. Итакъ, для подобныхъ занятій совершенно достаточно удѣлять $\frac{1}{4}$ часа, а если ребенокъ устаетъ, такъ и раньше отпустите его. Онъ началъ занятія въ 10 часовъ, вмѣстѣ съ физическими упражненіями или подвижною игрою (о подвижныхъ играхъ, которыя можно устраивать въ дѣтскихъ садахъ или дома при большомъ числѣ дѣтей, рѣчь будетъ послѣ), — все должно кончиться непременно раньше 12 часовъ, и при этомъ всѣ указанныя выше занятія всегда должны чередоваться съ отдыхомъ. Несмотря на это, послѣ завтрака онъ долженъ оставаться на свободѣ, т.-е. безъ вашего вмѣшательства въ его игру, по крайней мѣрѣ до 2 часовъ пополудни. Если день ясный, пусть онъ отправляется гулять: въ это время такъ свѣтло и холодъ менѣе чувствителенъ. „Посмотри-ка, Манюта“, поете или говорите вы между прочимъ, — „какъ снѣгомъ занесло окошки!..“

Въ ночь востъ и гудитъ
На дворѣ мятелца,
Утромъ солнышко блеститъ,
Снѣгъ подъ ножками хруститъ,
Бѣлымъ пухомъ стелется.

Какъ солнышко въ окнѣ играетъ!.. Значитъ, намъ съ тобой, сегодня и погулять на улицѣ можно. Хорошо, пойдемъ. Помнишь лѣтомъ, — говорите вы уже на улицѣ: — солнышко ярко, ярко свѣтило: тогда было такъ тепло, мы гуляли въ однихъ платьяхъ...—Помню, — болтаетъ ребенокъ, — тогда птички сидѣли въ гнѣздышкахъ на яичкахъ. Тогда въ кустахъ я нашла одно гнѣздышко, и мы съ Колею часто ходили туда, никогда не дотрогивались до него, чтобы птичка не бросила своихъ дѣтокъ.

— Такъ-ли было тогда, какъ теперь, или нѣтъ?—Тогда тепло было, а теперь холодно.—Припомни, что еще было тогда? Что ты видѣла на землѣ?—Зеле-

ную травку, между травкой, кой-гдѣ цвѣточки,—помогаете вы ей.—Ну, а на деревьяхъ листики и цвѣточки, птички прыгали и пѣли.—А помнишь, какъ мы часто катались на лодкѣ, удили рыбу, а теперь нельзя этого дѣлать: теперь ледъ и снѣгъ на рѣкахъ, и катаются на саняхъ, на конькахъ. Куда же все дѣлось? — Птички улетѣли въ тѣ страны, гдѣ и теперь тепло, рыба вся въ глубь ушла, — ей и въ водѣ тепло подъ этой ледяной корой, что ты сверху видишь. А какой крѣпкій, толстый и твердый долженъ быть этотъ ледъ, когда по немъ можно въ саняхъ кататься. А гдѣ теперь коровы, овцы? Они, бывало, похаживали, да травку рвали. Гдѣ они теперь, что ѣдятъ? Что пьютъ?—Въ теплыхъ стойлахъ, въ хлѣвахъ ѣдятъ сѣно. — Посмотри, вонъ санки покатали... Ухъ, какъ скоро летятъ! Только снѣгъ подъ ногами хруститъ! А видишь, паръ отъ лошади какой валитъ? Вонъ и у тебя изо рта паръ! Отчего это? Замѣчала ты когда-нибудь это лѣтомъ? Бываетъ-ли это въ комнатѣ? И когда бываетъ? — Обратите вниманіе ребенка на трескъ въ деревьяхъ. Наведите его и на другіе характерные признаки зимы, но бесѣдуйте только о томъ, что онъ тутъ же можетъ самъ наблюдать. — Такъ вотъ что надѣлала зима!.. А вѣдь, знаешь, не все ей удалось заморозить. Посмотри на эти деревья. Съ перваго разу кажется, что и съ ними тоже, что съ другими. Вѣтви ихъ тоже завалены снѣгомъ и покрыты ледяными сосульками, такъ что они отъ этой тяжести совсѣмъ наклонились къ землѣ. Чтоже? И съ нихъ, какъ съ другихъ деревьевъ, вѣтеръ сорвалъ листья, разметалъ по полямъ, а снѣгъ занесъ ихъ своимъ пушистымъ, бѣлымъ одѣяльцемъ? Оторвемъ вѣтку, отряхни ее... Э! да это ель! Посмотри, какая чудесная на ней зеленъ, даже и въ такой холодъ иголки совсѣмъ свѣжія! Вотъ, значить, съ этимъ деревцомъ ничего не могла подѣлать зима! Снесемъ эту вѣточку домой. Понюхай ее, какъ она хорошо пахнетъ съ тѣхъ поръ, какъ полежала въ комнатѣ! Оттого-то торговки, когда продаютъ на дачахъ дичь, всегда втыкаютъ зеленныя иголки ели въ клювъ тетеркамъ и рябѣнкамъ. Если дичь и начнетъ портиться, ель можетъ немного заглушить дурной запахъ. Не знаешь-ли ты, Маша, сама что-нибудь про ель? „У насъ въ Рождество бываетъ елка“. — Расскажи.

Очень важно въ этомъ возрастѣ заставлять дѣтей рассказывать небольшіе связанные рассказы. Послѣ этихъ бесѣдъ и прогулокъ ребенка опять слѣдуетъ предоставить себѣ по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ. Уже три часа. Будемъ вырѣзать. Вы берете разноцвѣтную бумагу и заставляете дѣтей вырѣзать отъ руки. Берутъ листъ и сгибаютъ косынкой, оставшуюся полоску обрѣзаютъ. Въ этой косынкѣ потомъ опять складываютъ вмѣстѣ оба противоположные угла; это самое повторяютъ одинъ, а иногда и два раза. Такъ бумага выходитъ въ 4, въ 8, или въ 16 разъ сложенною, но въ послѣднемъ случаѣ она выйдетъ слишкомъ толстою, и для начинающаго трудно будетъ рѣзать; лучше складывать только въ 4 или 8 разъ. Когда бумага сложена, ребенокъ держитъ ее рукой за уголокъ, который соответствуетъ срединѣ бумаги, и обрѣзаетъ ее по краямъ разнообразными фестонами, а внутри дѣлаетъ круглыя и продолговатыя дырочки. Дѣти легко научатся вырѣзать красивые узоры. Всѣ вырѣзанныя фигурки они могутъ наклеить въ особую тетрадь изъ синей или другой цвѣтной бумаги. Такимъ образомъ заниматься можно съ полчаса. Это не утомительная работа, но послѣ нея все-таки долженъ быть отдыхъ на $\frac{1}{4}$ часа. Нѣкоторыя фигуры изъ разноцвѣтной бумаги ребенокъ не наклеиваетъ, а нанизываетъ на нитку; только при этомъ между фигурами должно нанизывать маленькія соломинки, и у него выходитъ красивая гирлянда: ею онъ убираетъ свою кровать, столикъ, елку въ праздникъ Рождества. Послѣ завтрака ребенокъ занялся у васъ

только $\frac{1}{2}$ часа, но теперь онъ скорѣе устаетъ, чѣмъ утромъ, и вы должны дать ему отдохнуть не менѣе $1\frac{1}{2}$ часа. Сколько мнѣ извѣстно, когда такимъ образомъ занимаютъ дѣтей, они съ величайшей неохотой прекращаютъ занятія. Еще въ подвижныхъ играхъ они иногда чувствуютъ усталость, тутъ же при механическихъ работахъ, сопровождаемыхъ живыми бесѣдами, они неугомымы. Понятно, что при этомъ ребенокъ очень рано почувствуетъ къ вамъ сильную привязанность; ему, кажется, тяжело разлучаться съ вами и на одинъ часъ, его няня не можетъ его занимать такими разнообразными занятіями, не умѣетъ ему передавать такіе занимательные рассказы, не въ состояніи объяснять ему все такъ толково. Онъ согласенъ переимѣнить игру, приняться за свои куклы, но съ условіемъ, чтобы вы въ этомъ принимали участіе. Если гдѣ и можно сдѣлать ему уступку, то никакъ не въ этомъ. Занятія его съ воспитательницей тоже должны имѣть свои границы. Несмотря на то, что послѣ каждой маленькой работы, онъ имѣлъ отдыхъ въ нѣсколько минутъ, послѣ двухъ работъ, какъ бы онѣ ни интересовали его, онъ каждый разъ, по крайней мѣрѣ по часу, долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Иначе онъ никогда не будетъ самостоятельнымъ, вѣчно будетъ ходить на помочахъ.

Послѣ самостоятельной игры вы говорите: „Смотри, обрѣзковъ-то все еще много осталось: собери-ка ихъ съ полу и разложи каждый цвѣтъ въ отдѣльную кучку, а для каждаго изъ нихъ мы склеимъ мѣшокъ“. Вы показываете ребенку, какъ клеить разные мѣшечки: продолговатые, четырехугольные, и проч. Лишь только онъ надѣлаетъ нѣсколько мѣшковъ, пусть онъ вамъ скажетъ, который изъ нихъ длиннѣе, шире, уже и т. под. Кромѣ того, пусть воспитательница помнитъ, что ребенокъ уже очень утомленъ, поэтому теперь долженъ идти совсѣмъ легкій разговоръ, не требующій съ его стороны большой сообразительности или находчивости. Лишь только онъ выразилъ желаніе заняться по своему усмотрѣнію, пустите его съ готовностію. Но если вы на цѣлый вечеръ предоставите ребенка себѣ, онъ обыкновенно соскучится и все равно будетъ приставать къ вамъ съ просьбой выдумать ему ту или другую игру. Что же съ нимъ дѣлать теперь, когда уже не слѣдуетъ упражнять ни умственныхъ, ни физическихъ его силъ? А вотъ что: отъ времени до времени принимайте участіе въ его игрѣ, покажите, какъ разнообразить имъ же затѣянную игру, но старайтесь какъ можно менѣе подчинять его своей фантазіи. Для этого необходимо замѣчать направленіе и характеръ игръ. У большинства дѣтей этого возраста, которыхъ не забивали приличіями и муштровкою, является стремленіе испытывать свои силы: переносить на плечахъ и на головѣ игрушки, закидывать за плечи корзинки; всѣмъ этимъ можно пользоваться, не утомляя ребенка. Вы въ сторонѣ наблюдаете, что онъ дѣлаетъ, и приходите къ нему на помощь, когда онъ находится въ затруднительномъ положеніи. Вотъ, онъ связалъ охапку лучинокъ и палочекъ, которыя у него должны представлять дрова; все разлетается у него въ разныя стороны, онъ готовъ плакать...

— Ты хотѣла въ дворника играть, ну попробуемъ-ка вмѣстѣ; бери одну вязанку, а я другую. Ухъ, тяжело!..—Вы подражаете тѣмъ движеніямъ и тому положенію тѣла, какія бываютъ у человѣка при большой тяжести на спинѣ, вы указываете ребенку, какъ съ этой тяжестью онъ можетъ идти по ровному мѣсту, какъ приходится ему подыматься на лѣстницу. Вы ставите самую легкую корзину себѣ и ему на голову, продаете апельсины, ягоды, разные фрукты.

Такъ какъ въ одинъ день нельзя занять ребенка многими работами и бесѣдами, которыя ему доступны въ этомъ возрастѣ, мы дадимъ обращикъ занятій для другого дня.— „Мы будемъ строить, да?“ спрашиваетъ у васъ ребенокъ,

когда увидаль, что вы вынимаете знакомый ему ящикъ съ кубиками. „Посчитаемъ прежде, а потомъ ты будешь дѣлать, что хочешь“. Ребенокъ считаетъ сразу и назадъ, то отнимая по одному, по два, по три кубика, то столько же прибавляя, однимъ словомъ повторяетъ уже прежде пройденное. Ариѳметическія упражненія по системѣ Фребеля, которыя мы находимъ въ учебникахъ и которыя производять только надъ кубиками, какъ мы уже замѣтили, черзчуръ однообразны и совсѣмъ не приноровлены къ занятію съ маленькими дѣтьми. Между четырьмя и пятью годами, по системѣ Фребеля, обыкновенно даютъ четвертый даръ. Тутъ опять идетъ съ дѣтьми совсѣмъ неподходящая и обременительная для нихъ работа. Дѣлая *математическія* формы съ помощью куба, раздѣленнаго въ длину на 8 кирпичиковъ, ребенка уже знакомятъ съ геометрическими терминами и сложными задачами надъ дробями. Безъ всякаго предварительнаго объясненія заставляютъ его раздѣлить кубъ „горизонтальнымъ и вертикальнымъ разрѣзомъ на двѣ равныя части, дать прямоугольникамъ различныя положенія“ и т. под.

Въ предыдущей главѣ я высказала, какихъ правилъ вообще слѣдуетъ держаться при первыхъ ариѳметическихъ упражненіяхъ; теперь я представлю примѣръ того, какъ слѣдуетъ заниматься этимъ съ пятилѣтними дѣтьми. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы представляли имъ только задачи надъ осязательными предметами. Ребенокъ вычиталъ только тогда, когда отъ видимыхъ имъ предметовъ могъ взять вещь и вынести ее вонъ; такимъ же образомъ онъ дѣлилъ и слогалъ. Мы не спрашивали его: тутъ два стула; сколько будетъ, если одинъ изъ нихъ вынести? но просили его сначала сосчитать, сколько стояло стульевъ, потомъ вынести одинъ въ другую комнату; послѣ этого онъ опять считалъ, сколько было предъ нимъ стульевъ, и тогда уже онъ отвѣчалъ намъ: „тутъ стояло 2 стула; одинъ я вынесъ въ другую комнату, а потому здѣсь теперь стоитъ одинъ стулъ“. Послѣ 4 лѣтъ ребенокъ по прежнему упражняется въ тѣхъ же восьми числахъ, и ему не слѣдуетъ еще давать ничего отвлеченнаго, но теперь онъ можетъ рѣшать задачи надъ всѣми дѣйствіями, и всѣ его упражненія могутъ быть уже нѣсколько болѣе сложными. При этомъ время занятій можно увеличить тоже на нѣсколько минутъ.

1) Разложи всѣ 8 кубиковъ на двѣ равныя кучки. По сколько же кубиковъ въ той и другой? Теперь разложи на четыре, на восемь равныхъ частей или кучекъ. Почему эти части равны между собою? Разложи на нѣсколько неравныхъ кучекъ. Ты мнѣ кубики раскладывала, теперь поставь въ столбики; ну сначала хоть 8 кубиковъ въ два столбика, потомъ въ четыре. Эти столбики равны ли между собой? Возьми кубикъ съ этого столбика и поставь на другой, — сколько же у насъ столбиковъ *выше*? сколько *ниже*? Придвинь высокій столбикъ къ низкому. Сними кубики, которые дѣлаютъ одинъ столбикъ выше другого? А ниже? Сравняй всѣ столбики. Теперь поставь такъ, чтобы столбики были лѣстницей, каждый на одинъ кубикъ ниже другого? Считай, сколько кубиковъ въ первомъ столбикѣ, во второмъ, въ третьемъ? Такъ въ цѣломъ восемь кубиковъ; въ половинѣ четыре; въ четверти два; въ осмьюшкѣ одинъ кубикъ. Возьми бумажку; согни ее на двѣ половины; другую такой же величины согни на четыре четверти, еще бумажку на 8-мь. Вотъ двѣ бумажки одинаковой величины: одну ты согнула на двѣ половины, другую на 4: какъ тебѣ кажется, — четверти больше или меньше половины? А осьмая еще меньше? Посмотри, какое въ кровати самое высокое мѣсто? Спинка, у которой кладутся подушки. Сколько на матрасѣ подушекъ? А если-бы изъ трехъ подушекъ одну отдать мамѣ, другую нянѣ, сколько бы осталось подушекъ?

Къ одному мальчику пришло въ гости четыре человекъ. Онъ каждому далъ

по два яблока. Сколько же роздалъ онъ гостямъ яблоковъ? Вотъ тебѣ складной аршинъ. Согни его на двѣ половины; на четыре четверти. Покажи, гдѣ будетъ полъ аршина, гдѣ четверть? Отмѣрь мнѣ $\frac{1}{4}$ ар.: $\frac{1}{2}$ ар. тесемки, веревки.

2) Кромѣ Фребелевскихъ даровъ, давая которые ребенку вы придерживаетесь известнаго порядка, у дѣтей долженъ быть ящикъ съ кубиками, купленный въ игрушечной лавкѣ за 40, 50 коп. Ребенокъ перетаскиваетъ эти кубики съ мѣста на мѣсто, играетъ ими по своему усмотрѣнiю во время отдыха, а теперь ихъ можно употреблять и для ариметическихъ упражненiй. Разложи всѣ кубики на 8 рядовъ, но такъ, чтобъ каждый рядъ былъ ровный; только кубики пусть будутъ въ нѣкоторомъ разстоянiи другъ отъ друга. Считай первый рядъ, второй, третiй и т. д. Теперь назадъ: восьмой, седьмой, шестой и т. д. Въ первомъ ряду сколько кубиковъ? Поставь теперь эти кубики такъ, чтобы въ первомъ ряду былъ одинъ кубикъ, и каждый слѣдующiй рядъ былъ бы однимъ кубикомъ больше. Какъ ты думаешь, сколько кубиковъ будетъ въ восьмомъ ряду? Какой же изъ этихъ рядовъ больше? Первый рядъ *длиннѣе* всѣхъ. А почему онъ *длиннѣе*? Сколькими кубиками второй рядъ *короче* перваго, третiй — втораго и проч. Какой рядъ *самый большой*? Какой *второй*? Гдѣ кубиковъ *меньше всего*?

Одинъ человѣкъ поймалъ на удочку 2 щуки и 6 окуней. Но когда онъ снималъ послѣдняго окуня, тотъ оборвался съ крючка и уплылъ въ рѣку. Сколько этотъ человѣкъ наудилъ рыбы и сколько онъ могъ принести домой? Чтобы вѣтъ ягоды, поданы 7 тарелокъ, а всѣхъ насъ сидитъ только пять человѣкъ... Если каждый возьметъ по тарелкѣ, то сколько останется еще тарелокъ?

3) На дворѣ двѣ лошадки, сосчитай сколько ногъ у обѣихъ? А сколько ногъ у одной? Нашъ пудель однажды занозилъ ногу, сколько осталось у него здоровыхъ ногъ? Возьми изъ этой кучки шесть кубиковъ; одинъ изъ нихъ положи на столъ, другой на стулъ, три на комодъ; ну сколько же у тебя кубиковъ въ рукахъ? Теперь возьми всѣ восемь кубиковъ, раскладывай ихъ по стульямъ, точно гостей усаживаешь, на каждый стулъ по одному. На сколькихъ стульяхъ помѣстились восемь кубиковъ? Къ намъ вчера пришло въ гости 6 человѣкъ. Сколько же 6 человѣкъ гостей должны занять стульевъ? Сосчитай, сколько стеколъ на одномъ окнѣ? На той недѣли въ этомъ окнѣ было 2 разбитыхъ стекла, сколько оставалось цѣлыхъ? Сколько оконъ въ нашей квартирѣ? Сколько ножекъ у двухъ стульевъ? А если бы у одного стула были сломаны переднiя ножки, сколько бы всего ножекъ осталось тогда у обоихъ стульевъ? На кругломъ столѣ въ кабинетѣ лежитъ 1 книга, а на рабочемъ 6; сколько же всего книгъ? Считай, сколько гладкихъ сторонъ у кубика, сколько реберъ, угловъ вверху, внизу, — сколько угловъ въ нашей комнатѣ? Сколько у тебя пуговокъ на твоей кофточкѣ? А если одна оторвется, сколько останется? Два голубка воркуютъ у нашего окна, а если къ нимъ прилетитъ еще одинъ, сколько тогда будетъ ихъ всѣхъ?

4) Пять одинаковыхъ вещей называются *пяточкомъ*. Мать купила старшей дочкѣ пяточекъ яблоковъ: дѣвочка съѣла 4 яблока, а одинъ отдала сестрѣ; сколько же яблоковъ у нея оставалось? Сосчитай сколько насъ съѣло за столъ! А если отсюда уйдетъ 5, 4, 3, 2 человѣка, сколько тогда будетъ за столомъ? Смотри: насъ 7 человѣкъ, а огурцовъ подали 5; сколькимъ не хватитъ огурцовъ, если каждый возьметъ по одному? Мать взяла своего сына въ рынокъ, купила ему пяточекъ яблоковъ и послала его одного домой. Увидалъ онъ на дорогѣ собаку, побѣжалъ за ней и потерялъ *одинъ* яблокъ; потомъ встрѣтилъ товарища, заговорился и потерялъ еще *два* яблока, а когда онъ подымался по лѣстницѣ домой, выронилъ и

еще одинъ... Сколько же онъ растерялъ и сколько домой принесъ? Въ нашемъ саду росли 2 липы и 3 дуба. Сколько было у насъ деревьевъ? Однажды, во время сильной бури, съ корнемъ вырвало 2 орѣшника и переломило сучья одной липы. Сколько же деревьевъ было повреждено, сколько изъ нихъ уцѣлѣло и какія устояли противъ бури? А отчего буря не тронула ни одного дуба?

5) Сколько дней въ недѣлѣ? Первый день *понедѣльникъ*, считай всѣ дни сряду. Теперь скажи: *пятница* будетъ который день въ недѣлѣ, а вторникъ, суббота? *Два* одинаковыя вещи составляютъ *пару*. Вчера я купила *пару* иглокъ и одну уже успѣла сломать, сколько я купила иглокъ и сколько сломала? Нѣкоторыя вещи считаются только парами. Не говорятъ два сапога, два чулка, а пара сапогъ, пара чулокъ. Сапоги, чулки, носки, перчатки можно купить только *парами*, а въ одиночку ты ихъ не добудешь. Какъ ты думаешь, почему эти вещи покупаются парами? Не можешь-ли ты разомъ купить 2, 3 пары сапогъ, чулокъ?—Но вдругъ бы я нечаянно одинъ сапогъ пробилъ гвоздемъ, а другой былъ бы крѣпкій, — отчего же не прикупить къ нему?—Одинъ не продадутъ: ты долженъ заплатить одно и то же, что за пару, что за одинъ. Я купила три пары чулокъ, сколько же я чулокъ купила? По большой дорогѣ ѣхало четыре экипажа; въ каждый была впряжена пара лошадей, сколько же было всѣхъ лошадей? А сколько паръ? Мы съ тобой одѣнемъ завтра по парѣ перчатокъ, сколько же перчатокъ будетъ на насъ обѣихъ одѣто, а сколько башмаковъ, чулокъ на обѣихъ? Изъ 4-хъ паръ носковъ я затеряла одинъ носокъ; сколько носковъ и сколько паръ уцѣлѣли? Сколько паръ роговъ у двухъ коровъ? Четыре быка бодались между собою и одинъ другому переломилъ одинъ рогъ, сколько роговъ уцѣлѣло? Слѣдовательно, сколько паръ уцѣлѣло? Однажды мимо насъ летѣло 4 птицы; сколько паръ крыльевъ промелькнуло передъ нами? Сколько паръ ногъ? А сколько у 4-хъ птицъ ногъ, крыльевъ? Поймаемъ муху. Смотри, я взяла ее за оба крыла; сколько же паръ крыльевъ у меня въ рукахъ? Сосчитаемъ ноги мухи. Если у нея три пары ногъ, сколько же всего ногъ? Вотъ по стеклу бѣгаютъ двѣ мухи, сколько паръ ногъ у обѣихъ? Ужъ заодно ты стоишь у окна, нагнись къ правому углу. Замѣчаешь-ли, что паукъ раскинулъ тамъ свои тенета? Слови его; сколько же у него ногъ? Если у него 4 пары ногъ, а въ его тенетахъ сидитъ муха, сколько паръ ногъ будетъ у нихъ обѣихъ? Сапожникъ шьетъ первый сапогъ четвертой пары. Сколько паръ онъ уже спилъ и который сапогъ шьетъ?

6) Передъ тобою три кренделя; а если бы я тебѣ дала еще столько, да няня одинъ, — сколько бы было у тебя тогда кренделей? Вчера въ меду увязла одна муха; когда ее вытягивали, то нечаянно оторвали одну ногу. Сколько ногъ осталось у нея, слѣдовательно, сколько паръ? Бабушка вяжетъ 8-й чулокъ; которую пару она вяжетъ и сколько чулокъ уже связала? Сколько въ дрожжахъ паръ колесъ, а въ каретѣ, коляскѣ? Ну, а сколько паръ колесъ въ саняхъ? Если въ саняхъ нѣтъ колесъ, то какъ же на нихъ можно ѣздить? Почему и когда можно употреблять экипажи на полозьяхъ? Ыхали мы на дрожжахъ, вдругъ отскочило одно колесо; сколько же колесъ осталось и сколько паръ? У ласточки было въ гнѣздѣ четыре птенчика. Разъ вылетѣла она изъ гнѣзда и принесла два червячка, во второй же разъ принесла только одного. Сколько всего червячковъ принесла она дѣтямъ, во сколько разъ принесла она ихъ въ гнѣздо, и всѣмъ-ли малюткамъ достанетъ, если каждому она дастъ по червячку. На обѣихъ рукахъ сколько паръ пальцевъ? Вотъ сидятъ братъ и сестра: сколько у нихъ паръ ушей, ногъ, глазъ, рукъ? Маша принесла изъ гостей три пряника, — сколько у нея не достаетъ до 8-ми? Вася купилъ 6 леденцовъ, 2 роздалъ братьямъ, а одинъ самъ съѣлъ; сколько же у него осталось?

Передъ нашимъ домомъ росли два дерева: на одномъ изъ нихъ птички свили 3 гнѣзда, а на другомъ 2; одинъ мальчикъ взлѣзъ на дерево и снялъ гнѣздо; сколько всего было гнѣздъ на деревьяхъ и сколько ихъ осталось? Пять мальчиковъ играли въ мячикъ; къ нимъ прибѣжали еще три дѣвочки; но тогда одинъ изъ мальчиковъ не захотѣлъ играть и ушелъ изъ комнаты. Сколько дѣтей играло послѣ того, какъ къ нимъ пришли дѣвочки и одинъ изъ мальчиковъ вышелъ? А если бы онъ не выходилъ, сколько бы тогда играло дѣтей въ мячикъ? Однажды зимою мы собрались большою компаніей ѣхать въ 2-хъ экипажахъ кататься; для этого мы наняли двѣ тройки, но впрягли только по парѣ; сколько всего лошадей мы наняли и сколько изъ нихъ осталось ненятыми?

7) Семейство состоитъ изъ отца, матери, старой бабушки, 2-хъ сыновей, 2-хъ дочерей и маленькаго внука; сколько же всего человекъ? Чтобы сшить 2-мъ мальчикамъ по рубашкѣ одинаковой длины, покупали 8 аршинъ матеріи. Сколько каждому шло на рубашку? Вотъ семь яблоковъ, подѣлись съ сестрой поровну. Сначала и себѣ, и сестрѣ положи по три яблока, и у тебя все таки остается еще одинъ. Какъ его раздѣлить? Его можно разрѣзать пополамъ. Одну половину яблока дай сестрѣ, а другую возьми себѣ. Каждый изъ васъ сколько получитъ? Въ одномъ карманѣ у ребенка 1 конфетка, въ другомъ—столько же, да еще столько же, да въ его маленькомъ столикѣ нашлось 4 конфетки. Сколько было всего конфетъ? Мальчикъ въ школѣ рисуетъ каждый день по страницѣ; сколько страницъ онъ нарисуетъ въ недѣлю, если только по воскресеньямъ не будетъ ходить въ школу? Въ передней 6 калошъ; сколько людей пришло? Кухарка щипала птицъ и бросала крылья; мы потомъ насчитали 8 крыльевъ; сколько было птицъ? Мы купили въ мясной 8 телячьихъ ножекъ; отъ сколькихъ телятъ были эти ножки?

Я трачу въ день по одному рублю: у меня въ карманѣ 8 рублей; сколько же изъ этихъ денегъ я потрачу въ недѣлю и насколько дней ихъ еще хватитъ для другой недѣли? Одинъ фунтъ гречневой крупы стоитъ 4 коп., сколько фунтовъ я могу купить на 8 копѣекъ? а на 6? Одинъ фунтъ хлѣба стоитъ двѣ копѣйки, сколько фунтовъ хлѣба можно купить на 8 к.? Вотъ тебѣ вѣсы, отвѣсь поль-фунта песку, поль-фунта орѣховъ, праниковъ, гороху, зеренъ. Мальчику два раза покупали по три мячика, — сколько мячиковъ будетъ у него, если одинъ изъ нихъ онъ подаритъ товарищу?

8) Не знаю, сколько дали мальчику денегъ на гостинцы; только онъ тотчасъ купилъ подсолнечниковъ на двѣ копѣйки, орѣшковъ на три копѣйки и на одну копѣйку леденецъ. Сколько долженъ былъ онъ имѣть денегъ на эти покупки? Французская булка стоитъ три копѣйки. Мальчику дали восемь копѣекъ и просили купить двѣ булки. Сколько онъ получилъ сдачи? Что значить давать сдачи? Одна булка стоитъ три коп., а нужно было купить двѣ булки; сколько же нужно было заплатить? Если нужно было 6 коп., а у него 8, значить двѣ коп. онъ принесъ лишнихъ, которыя торговецъ отдаетъ, потому что товару даетъ на 6, — вотъ эти-то лишнія, не принадлежащія торговцу деньги, и называются сдачею.

Когда ребенокъ составилъ себѣ хорошее понятіе о томъ, что такое пара, тройка, пятокъ, вполне усвоилъ восемь цѣлыхъ чиселъ, можно нѣсколько серьезнѣе остановиться на первыхъ элементарныхъ понятіяхъ о частяхъ единицы.

9) Вотъ тебѣ листъ писчей бумаги, сложи его пополамъ и разорви. На сколько частей разорванъ листъ бумаги? Эти обѣ части листа какъ называются? А вотъ еще тебѣ цѣлый листъ бумаги, разорви его тоже на двѣ равныя половины. Если ты сложишь обѣ половины листа вмѣстѣ, сколько цѣлыхъ листовъ у тебя будетъ?

Вотъ тебѣ одинъ фунтъ пастилы; подѣлись пополамъ съ братомъ. Разрѣжь на двѣ части и съѣшь,—будетъ ли каждому аккуратно по полфунту? Сколько же пришлось тебѣ, сколько брату? А вотъ арбузъ: онъ такой большой, что на нашу семью можетъ хватить его на два дня. Какъ же ты его раздѣлишь, чтобы сегодня мы съѣли совершенно столько, сколько и завтра? За одинъ фунтъ пшеничной муки я заплатила 6 коп. Сколько стоитъ полъ-фунта? За полъ-аршина тесемки я заплатила 4 коп., сколько же стоитъ цѣлый аршинъ? Пять копѣекъ называется также пятакомъ. Рабочій попросилъ „на чаекъ“,—ему дали пятакъ; сколько же копѣекъ онъ получилъ? Вотъ пятокъ яблоковъ,—дѣлись со мной поровну. Я получила цѣлыхъ два, и ты столько же. А что же мы сдѣлаемъ съ этимъ яблокомъ, какъ его раздѣлимъ? Пополамъ раздѣлимъ. Сколько же каждый изъ насъ получилъ? По два и по одной половинѣ или, короче сказать, по два съ половиною. Неси 5 листовъ бумаги, дѣлись опять со мной. Какъ же ты поступишь съ пятымъ листомъ? Его можно разорвать пополамъ. Сколько получилъ каждый изъ насъ бумаги? Отвѣсь пять фунтовъ песку и раздѣли ихъ на двѣ равныя части. Сколько въ каждой части? Ну, а какъ ты раздѣлишь пополамъ между мною и тобою пять копѣекъ? Что ты сдѣлаешь съ пятой копѣйкой? Какъ ею намъ съ тобой подѣлиться? Если ее разрубить на двѣ части, то она будетъ испорчена,—никакой купецъ не приметъ ея, слѣдовательно ничего нельзя будетъ на нее купить. Деньги мѣняютъ; вмѣсто одной коп. намъ дадутъ двѣ полукопѣйки, и каждый изъ насъ получитъ тогда по двѣ съ половиною копѣйки. У насъ 6 комнатъ; сколько же комнатъ составляютъ половину нашей квартиры? Какъ намъ подѣлиться пополамъ, когда мнѣ дано 8, 6, 4, 2, 1 пряникъ. Мама купила себѣ на кофту 4 аршина матеріи, но оказалось, что нужно было прикупить еще половину уже купленнаго. Сколько же ей не хватало матеріи и сколько нужно было на кофту? А гдѣ будетъ половина или середина этой комнаты? Какъ это ты узналъ? На глазомѣръ ты опредѣляешь довольно верно, но что нужно сдѣлать, чтобы узнать точно? Вѣдь комнату не согнешь какъ листъ, не разрѣжешь какъ яблоко. Комнату можно вымѣрить аршиномъ. Первые четыре дня въ недѣлѣ мать давала дочкѣ по два леденца; сколько дочка получила всѣхъ леденцовъ? Собака съѣдала въ день по 2 фунта хлѣба; сколько съѣсть она въ 2, 3, 4 дня? Мать покупала каждую недѣлю своимъ дѣтямъ по полъ-фунта конфетъ; сколько фунтовъ конфетъ купить она имъ въ четыре недѣли? 4 половины яблоковъ сколько цѣлыхъ? Я купила 4 арш. ситцу на платье, сколько полуаршинъ было у меня?

10) Если одинъ человѣкъ помѣщается въ одной комнатѣ, во сколько комнатъ нужно имѣть квартиру, чтобы помѣстить въ ней 7, 8, 6 человѣкъ? Во сколько дней сгорятъ 4, 6, 8 свѣчей, если въ день сгораетъ пара свѣчей? У меня было четыре игрушки, а у брата 8, сколькими игрушками у брата больше? Одинъ съ половиною называютъ также *полтора*. Сегодня я купила полтора фунта ситнаго хлѣба, а вчера только полъ-фунта, сколько фунтовъ хлѣба всего я купила и во сколько дней? Мальчикъ долженъ былъ ходить въ школу каждый день; но по воскресеньямъ школа закрыта, да кромѣ этого онъ самъ всегда прогуливалъ два дня. Сколько же дней мальчику приходилось бывать въ школѣ? Сколько нужно паръ подковъ, чтобы подковать пару лошадей въ гололедицу, когда лошадей подковываютъ на всѣ ноги? Аршинъ тесемки стоитъ двѣ съ половиною коп., сколько будетъ стоитъ три аршина? Купила я ситцу три аршина, но съ одного конца полъ-аршина оказалось гнилымъ, а съ другой стороны столько же пришлось оторвать по негодности; на сколько же обманулъ меня купецъ и сколько изъ купленной матеріи я могла

употребить въ дѣло? Мнѣ нужно было купить три селедки; за селедку запросили двѣ съ половиною копѣйки, между тѣмъ со мной было всего 6 коп., сколько же не хватало у меня денегъ? Куриное яйцо стоитъ полторы коп., сколько мнѣ нужно имѣть денегъ на покупку 4 яицъ? Утка сидѣла на 8 яйцахъ, но была очень безпокойна, то и дѣло вскакивала съ мѣста, то пить, то ѣсть. Наконецъ вышло то, что половина изъ яицъ, да еще одна четверть оказались болтунами. Сколько же яицъ пришлось выкинуть, и сколько она могла вывести птенчиковъ? Гдѣ четверть аршина? Отмѣрь мнѣ четверть аршина каленкору, тесемки; оторви четверть листа? Дай мнѣ двѣ четвертушки листа, положи ихъ на поль-листа, ну что больше? Я купила маленькому на блузу одинъ аршинъ фланели, но мнѣ недоставало четверти аршина. Сколько же нужно было мнѣ всего купить четвертей? Одна дѣвушка купила три фунта винныхъ ягодъ; но лишь только она возвратилась домой, какъ замѣтила много гнилыхъ, тотчасъ выбросила дурныя, и когда потомъ взвѣсила, потянуло два фунта и три четверти. Сколько же она выкинула ягодъ? Одна женщина купила 4 фунта малины, но ягоды были сорныя, съ прутиками, съ листиками и другою зеленью. Когда она очистила самый крупный соръ и взвѣсила ягоды въ первый разъ, то онѣ потянули три фунта съ четвертью, а во второй три фунта. Сколько первый разъ было сору, сколько второй, сколько вѣсилъ весь соръ?

Одинъ фунтъ манной крупы стоитъ 8 коп.; прихожу въ лавку купить четверть фунта, а у самой въ карманѣ три копѣйки. Сколько должна получить я сдачи? А сколько копѣекъ стоитъ три четверти манной крупы, сколько поль-фунта? Васъ шесть человекъ, а у меня для васъ только три апельсина; сколько каждому изъ васъ придется, если апельсины раздѣлить поровну. Въ одной изъ комнатъ больницы, посрединѣ въ рядѣ, стояло пять кроватей, а у стѣны только три; но одна кровать не была занята. Сколько же человекъ спало въ комнатѣ? Одинъ фунтъ крупной соли стоитъ двѣ съ половиною копѣйки; мнѣ нужно взять три фунта, а денегъ 8 коп. Сколько продавецъ дастъ мнѣ сдачи? Докторъ прописалъ больному по полторы ложки микстуры утромъ и вечеромъ, а въ полдень двѣ ложки. Сколько ложекъ микстуры придется выпить больному въ день? Прачка получаетъ жалованья въ мѣсяцъ восемь рублей. За четверть этого мѣсяца она уже получила, — сколько же придется ей заплатить въ концѣ мѣсяца, и сколько она уже взяла? Одна женщина въ день съѣдала три фунта хлѣба, сколько ей нужно хлѣба въ полтора дня? Вотъ сажень. Вымѣряемъ ее аршиномъ. Сколько же въ сажени аршинъ? Если въ сажени три аршина, то въ полсажени сколько аршинъ? Саженью мѣряютъ дрова, землю, зданія. Вымѣряемъ, сколько сажень въ длину и ширину имѣетъ земля, на которой стоитъ наша дача. Мѣрь величину и высоту комнатъ. У дяди комнаты въ полторы сажени высоты; во сколько, значить, аршинъ? Машѣ дали 8 леденцовъ, а ея маленькому брату—2: у котораго больше, у котораго меньше? Многими ли леденцами у Маши больше, чѣмъ у ея брата? Многими ли леденцами у брата меньше, чѣмъ у сестры? У меня муки два фунта съ четвертью, а чтобы спечь пирогъ на нашу семью, нужно три фунта. Сколько у меня не хватаетъ муки на пирогъ? Дѣвочкѣ во время болѣзни первые два дня недѣли давали два раза въ день по двѣ капли одного лѣкарства; послѣ дѣвочка выздоровѣла; сколько разъ пришлось ей принимать лѣкарство; назови дни, въ которые она его принимала, сколько всего капель приняла она? У меня пять дынь, во сколько разъ я ихъ раздамъ, если каждый разъ буду давать по одной дынь? А если бы одну изъ нихъ я себѣ оставила, а остальные стала раздавать по двѣ; во сколько бы тогда разъ я раздавала всѣ дыни? Въ лѣвой рукѣ у меня 8 зеренъ, въ правой два; гдѣ

больше? сколькими зернами больше въ лѣвой, сколькими меньше въ правой? Надѣ семь лѣтъ, а Мишѣ три; сколькими годами сестра старше брата, а братъ моложе сестры? Когда я разъ купила дрова, сажень куда-то затерялась и мнѣ пришлось мѣрить аршиномъ; дрова имѣли четыре съ половиною аршина. Сколько значить въ нихъ было сажень? Года два тому назадъ я была въ дорогѣ цѣлыхъ восемь дней. Сколько недѣль и дней я была въ дорогѣ? Рыбакъ поймалъ 8 рыбъ; четвертая часть пойманной рыбы выскользнула изъ рукъ, изъ другой четверти пойманной рыбы онъ наварилъ ухи, а остальное продалъ. Сколько рыбы пришлось ему продать, сколько опустить въ воду и изъ сколькихъ рыбъ могъ онъ сварить себѣ уху?

Мы съ товарищемъ жили въ одной мѣстности, но въ двухъ различныхъ деревняхъ, на разстояніи другъ отъ друга въ 8 верстахъ. Отправился я къ нему и, когда прошелъ восьмую часть дороги, встрѣтилъ его самого. Сколько же я верстъ прошелъ, и сколько мнѣ оставалось идти до деревни товарища? Надя три раза въ день пьетъ молоко, каждый разъ по четверти бутылки. Сколько бутылокъ молока выпьетъ она въ два дня? Одна дѣвочка мнѣ говорила: еслибъ мнѣ сшили еще три платья, тогда у меня было бы восемь. Сколько значить у нея было платьевъ?

Здѣсь мы даемъ въ руки ребенку вѣсы, чтобы онъ вѣшалъ всѣ предметы, но, на первый разъ, знакомимъ только съ гирьками, означающими фунтъ, полфунта, четверть и осьмую часть.

Картофель, горохъ, зерновые хлѣба: овесъ, рожь, ячмень, пшеница—все это мѣряется четвертями, четвериками, гарнцами. Разумѣется, объ этихъ мѣрахъ только тогда можно говорить съ ребенкомъ, когда вы тотчасъ же и наглядно можете его съ ними познакомить. Вотъ въ этомъ четверикѣ 8 гарнцевъ. Провѣрь, точно ли это такъ. Баба несла за плечами два мѣшка; въ каждомъ было по четыре гарнца ржи. Сколько четвериковъ ржи было у нея въ двухъ мѣшкахъ? И какая часть четверика была въ каждомъ мѣшкѣ? Когда осенью крестьянинъ выкопалъ изъ огорода картофель и смѣрилъ его, у него оказался цѣлый четверикъ. Между тѣмъ онъ сажалъ только одинъ гарнецъ. Какъ великъ у него урожай и какую часть четверика онъ сажалъ? У крестьянина Петра весною оставался еще четверикъ ржи, въ то время, когда кругомъ его уже бѣдствовали сосѣди. Одинъ изъ нихъ сталъ просить помочь, и Петръ далъ четвертую часть того, что самъ имѣлъ; потомъ пришло къ нему еще двое сосѣдей, и онъ каждому изъ нихъ далъ по одному гарнцу. Сколькими людямъ помогъ Петръ, сколько роздалъ ржи и сколько осталось у него самого? Отвѣсь мнѣ на вѣсахъ осьмушку, четвертку и поль-фунта: песку, гороху, стружекъ, зеренъ, крупы *).

Когда такимъ образомъ дѣти сознательно усвоятъ 8 чиселъ и части ихъ, тогда уже можно перейти къ сборникамъ ариѳметическихъ задачъ Томаса, а также Воленса, взявъ изъ этихъ книгъ: задачи для умственного исчисления надъ числами отъ 1 до 10, а затѣмъ къ этимъ же числамъ изъ сборника ариѳметическихъ задачъ для приготовительнаго систематическаго курса В. Евтушевскаго. Рѣшивъ съ ребенкомъ двѣ, три задачи по указанному нами примѣру, вы предпринимаете съ нимъ какое-нибудь подвижное занятіе.

Вы одинъ мячикъ берете себѣ, другой даете ребенку. Правой рукой будемъ бросать: разъ, два, — разъ, два; теперь разъ, два, три (каждое движеніе вы повторяете по нѣскольку разъ). Теперь лѣвой; теперь будемъ обѣими руками бросать вверхъ: лови на лету; правой рукой брось, а лѣвой поймай; теперь лѣвой брось, а

*) Примѣры подобныхъ задачекъ можно найти также въ прекрасной книжкѣ А. Н. Каниева «Нянина ариѳметика для дѣтей отъ 4 до 7 лѣтъ». Спб. 1890.

правой лави. Въ стѣну бросай, лови обѣими руками; теперь то одной, то другой рукой. Брось мячикъ обѣ поль и не лови его, а только отбивай ладонью. Положимъ на столѣ нѣсколько мячиковъ, а въ рукахъ у себя оставимъ одинъ и будемъ сбивать со стола мячики. Поиграемъ въ кегли или будемъ сбивать деревянные.

А теперь вотъ тебѣ *коловертъ*, провертывай дырки. Это, вѣроятно, вѣсѣмъ извѣстный, очень несложный инструментъ. На скамеечку кладутъ доску, выдвинувъ ее нѣсколько впередъ, чтобы не просверлить скамейку; къ доскѣ приставляютъ особаго рода широкій буравъ, или вилочку, которую вертятъ рукояткой, прикрѣпленной къ ней винтомъ. Укажите только ребенку, какъ держать этотъ инструментъ въ рукахъ, и онъ будетъ сверлить ровныя дырки, что доставитъ ему большую радость и полезно для развитія его ручныхъ мускуловъ. Эту работу, однако, возможно давать лишь крѣпкимъ дѣтямъ.

— Ну, теперь бѣгай, пляши, скачи или сиди, сложа руки.

Послѣ отдыха вы принимаетесь на этотъ разъ опять за кубики. Вы сегодня только считали съ ребенкомъ, а еще ничего не строили. Такъ какъ вчера была постройка для изображенія жизненныхъ формъ, то сегодня пусть онъ знакомится съ изящными формами. Дѣленіе формъ Фребеля на жизненныя, изящныя и математическія я признаю вполне и вношу ихъ при своихъ упражненіяхъ. Полезно упражнять ребенка въ подражаніи жизненнымъ формамъ, но также необходимо наглядно показать ребенку законъ симметріи,—это удобнѣе и проще всего сдѣлать на тѣхъ же кубикахъ и плиткахъ. Занимаясь воспроизведеніемъ однѣхъ жизненныхъ формъ, вы научите его дѣлать предметы, напоминающіе дѣйствительность, но не дадите, какъ слѣдуетъ, усвоить, въ чемъ состоитъ правильность и соотвѣтствіе частей. Для этого лучше всего служатъ изящныя формы. При этомъ раскладываютъ кубики четырехугольникомъ и передвигаютъ ихъ, но только крайніе: такимъ образомъ выходитъ все новая, хорошенькая фигурка. Разумѣется, нѣтъ надобности, чтобы ребенокъ непрерывно продѣлалъ всѣ многочисленныя формы, указанныя у Фребеля. Однообразіе работы можетъ утомить его: онъ останавливается на болѣе красивыхъ, напоминающихъ что-нибудь дѣйствительное, напимѣръ, на разнаго рода крестикахъ, звѣздочкахъ и пр. Объ этомъ можно вести и бесѣду.

Математически-правильное *строеніе*—одна изъ самыхъ полезныхъ, всесторонне развивающихъ игръ во всей фребелевской системѣ; почему мы и назначаемъ занятіе строеніемъ каждый день, примѣняя его къ ознакомленію съ формами всѣхъ трехъ родовъ, указанныхъ Фребелемъ. Постепенно ребенокъ пріучается самостоятельно творить предметы изъ жизни, которые онъ видѣлъ, строя разные домики, сараи и т. п.; безъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ объясненій, что въ такомъ изобиліи даетъ Фребель, ребенокъ практически узнаетъ примѣненіе нѣкоторыхъ физическихъ законовъ: тяжести, равновѣсія тѣлъ и передачи движенія (если поставитъ, напимѣръ, хотя пластинки вертикально, не очень далеко другъ отъ друга, и толкнуть одну изъ нихъ, то всѣ другъ за другомъ упадутъ). Кубики служатъ также для ознакомленія дѣтей съ поверхностями, линіями, углами и различными ихъ положеніями.

Итакъ одинъ день мы строимъ, другой—дѣлаемъ по кубикамъ математическія упражненія, на третій—складываемъ изящныя формы, на четвертый объясняемъ положеніе тѣлъ (вверху, внизу, сбоку, сзади, спереди) и проч., какъ это прежде дѣлали съ мячиками. Мы, напимѣръ, обставимъ столикъ стульями и говоримъ: этотъ стулъ спереди стола, эти два сбоку, этотъ позади и т. далѣе.

— Однако сегодня такой морозъ, что на дворъ и носу нельзя показать, — говорите вы ребенку послѣ часового отдыха.

— Носъ нельзя показать, — подсмѣивается надъ вами ребенокъ, — а глаза можно? — Да, носу-то больше всего достается, такая и поговорка есть: „береги носъ въ большой морозъ“. — Ты сказала, что мы не пойдемъ гулять, такъ ты или играй теперь со мной, или расскажи хотя сказку.

Когда ребенку минуло 5 лѣтъ, не только возможно, но, намъ кажется, даже необходимо отъ времени до времени рассказывать ему сказки. Напрасно доказываютъ многіе педагоги, что сказки даютъ дѣтямъ превратныя понятія о природѣ. Этого не можетъ случиться уже потому съ вашимъ ребенкомъ, что природу и ея жизнь онъ наблюдалъ подъ вашимъ руководствомъ во всѣхъ ея дѣйствительныхъ свойствахъ. Мы не отрицаемъ того, что сказка принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, если воспитатели не умѣютъ объяснить ее. Конечно, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ давать сказокъ, которыя устрашаютъ или забавляютъ лишь своимъ чудовищнымъ, фантастическимъ вымысломъ. Но вѣдь есть и въ высшей степени дѣльные народныя сказки, гдѣ фантазія служитъ покровомъ, подъ которымъ скрывается житейская истина, разумная мысль или живое, поэтическое изображеніе природы.

Прежде сказки служили у насъ единственнымъ воспитательнымъ элементомъ, и ихъ давали безъ всякаго разбора. Теперь, изъ боязни пугать дѣтей чертовщиной и чтобы уничтожить въ нихъ суевѣрный страхъ передъ силами природы, сказки изгоняютъ изъ употребленія безъ всякаго милосердія. Между тѣмъ многіе, весьма крупныя наши писатели, придаютъ сказкамъ большое значеніе. Пушкинъ признавалъ сказки важнымъ элементомъ своего развитія, и самъ ихъ писалъ; Лермонтовъ сожалѣлъ, что былъ лишенъ ихъ вліянія въ дѣтствѣ; Аксаковъ въ „Дѣтскихъ годахъ Вагрова-внука“ говоритъ о сильномъ впечатлѣніи, которое производили на него народныя русскія сказки. Да возможно-ли отрицать ихъ значеніе, когда ребенку постоянно приходится встрѣчаться въ нихъ съ мѣткими, образными народными оборотами, характерными, остроумными эпитетами, невольно запоминать сжатія и сильныя опредѣленія. Онѣ несомнѣнно развиваютъ даръ слова, находчивость, фантазію, воображеніе, знакомятъ съ жизнью людей и животныхъ въ самыхъ характерныхъ ихъ свойствахъ и положеніяхъ; не менѣе помогаютъ онѣ развитію гуманныхъ чувствъ, любви къ правдѣ, возбуждаютъ состраданіе къ несчастному, слабому, обиженному, загнанному, доброму, кроткому, вызываютъ отвращеніе къ лицемерію, насилію, коварству, лжи, обману, неправдѣ, чванству и злости. Но такіе благотворные результаты получаются отъ сказокъ только тогда, когда дѣти пользуются ими при разумномъ выборѣ старшихъ и отчасти подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Несомнѣнно необходимо избѣгать сказокъ, въ которыхъ дѣти найдутъ лишь праздный вымыселъ о вѣдьмахъ, чертахъ и мертвецахъ. Весьма многія сказки, даже прекрасныя по идеѣ, совсѣмъ недоступны дѣтскому пониманію: къ нимъ слѣдуетъ отнести такія, въ которыхъ главнымъ элементомъ является сатира надъ общественными недостатками, или тѣ, которыя изображаютъ слишкомъ сложныя людскія отношенія. Совсе не слѣдуетъ давать и тѣхъ изъ нихъ, гдѣ въ привлекательномъ видѣ представляется воровская удалъ, пронырство, обманъ. Слѣдуетъ начинать съ совершенно понятныхъ сказокъ, гдѣ главную роль играютъ знакомыя дѣтямъ животныя, въ которыхъ можно найти вѣрное и поэтическое изображеніе природы, или гдѣ описываются простыя, понятныя дѣтямъ, семейныя отношенія. Сколько удовольствія и пользы приносятъ дѣтямъ сказки, гдѣ въ характерныхъ чертахъ фигурируютъ: хитрая лиса, неуклюжій, тяжелый на подъемъ медвѣдь, съ своей страшной силой, жадный волкъ, глупый баранъ съ крѣпкимъ лбомъ, козелъ, страшный только по наружности своей бородой и рогами, лукавый котокъ, сѣрый лобокъ, прославленный

задира-драчунъ пѣтушекъ — золотой гребешокъ. Не дурны также сказки съ нравственнымъ элементомъ, напр., „Морозко“, въ которой, въ симпатичныхъ чертахъ, поэтично нарисованъ образъ доброй, кроткой, ласковой и глубоко-несчастной дѣвочки, а также сказка о „Правдѣ и кривдѣ“, гдѣ два крестьянина спорятъ о томъ, какъ лучше жить — правдой или кривдой, и сказка „Горе“, въ которой богачъ заставляетъ работать у себя своего бѣднаго брата и за тяжелый недѣльный трудъ даетъ ему только ковригу хлѣба и множество другихъ. Не менѣе полезны дѣтямъ и такія сказки, въ которыхъ изображены явленія природы, олицетворенныя иногда въ образѣ людей, — вспомнимъ для примѣра хотя одну изъ нихъ: „Вѣтеръ, градъ и громъ“.

Намъ могутъ замѣтить, что награда, которую въ сказкѣ получаетъ добродѣтель, и кара злу несомнѣнны со строгою правдою, которую прежде всего необходимо руководиться при воспитаніи, что если, наконецъ, сказка съ подобною моралью произведетъ впечатлѣніе на ребенка, онъ будетъ стараться быть добрымъ изъ корысти. Конечно, лучше, если бы этого не было, но достоинство и значеніе хорошихъ, вполне приуроченныхъ сказокъ такъ могущественно, что съ лихою выкупаетъ означенный недостатокъ; къ тому же едва-ли сказочная награда долго будетъ плѣнять даже маленькаго ребенка: она, въ большинствѣ случаевъ, такъ призрачна и фантастична, что и онъ скоро начинаетъ понимать, что она возможна лишь въ сказкѣ. Въ награду за добродѣтель получаютъ ковры-самолеты, чудесныхъ коней, летающихъ въ облакахъ, могущественныхъ жаръ-птицъ, становятся королями и королевами. Между тѣмъ кротость, доброта, правдивость, терпѣніе, незлобивость, трудолюбіе и другія прекрасныя черты характера обрисованы съ такою симпатіею и такъ поэтично, что навсегда запечатлѣваются въ сердцѣ ребенка.

Знакомство съ вышеназванными сказками не будетъ отчуждать ребенка отъ дальнѣйшаго наблюденія надъ природою, а напротивъ поддержитъ любовь къ ней; послѣ естественно-исторической бесѣды сказочный вымыселъ только оживитъ предметъ. Фантастической аллегоріи также нечего много бояться: это самая простая и самая доступная для ребенка форма, въ которой можно провести идею о правдѣ, милосердіи, состраданіи и любви къ ближнему. Наконецъ фантазію слѣдуетъ развивать уже потому, что она служитъ основаніемъ творчества: безъ нея человекъ былъ бы лишь мелкимъ изслѣдователемъ явленій, неспособнымъ возвыситься до идеи, понимать жизнь въ ея общности и цѣлости. Тутъ фантазія дѣйствуетъ заодно съ рассудкомъ, и ихъ правильное, гармоническое развитіе составляетъ идеальное воспитаніе.

Приведу въ примѣръ сказку и покажу, какъ ее должно объяснять дѣтямъ. (Мы остановимся на сказкѣ „Морозко“, которую можно рассказать ребенку лишь лѣтъ въ семь; для болѣе малыхъ дѣтей мы даемъ образцы сказокъ въ концѣ этой главы; нѣсколько сказокъ прекрасно обработаны Ушинскимъ въ его „Родномъ Словѣ“).

Въ скобкахъ отмѣчены объясненія, которыя мы находимъ нужнымъ дѣлать, когда рассказываютъ сказку.

М о р о з к о .

„Жили-были старикъ да старуха, а у нихъ двѣ дочери. Старшую, свою падчерицу (значитъ не родная была, не ея дочь, а старика), старуха не любила, все ее журила (бранила): „экая лѣнивица! экая неряха!“ (будто та ничего хорошенько не умѣла дѣлать, все пачкала, бросала). А Надя была золото дѣвушка: и ско-

тинку поила, кормила, дрова и воду въ избу таскала, и все вымететь, прибереть еще до свѣту. (Значить, всё еще спать въ домѣ, а она уже работаетъ). Вотъ злая мачиха и говоритъ: „пора, старикъ, выдавать дочерей замужъ?“ (Это она нарочно такъ придумала, чтобы обмануть старика). „Снаряжай-ка Надю, да вези ее въ боръ (въ лѣсъ), къ большой соснѣ: я посватала ее за Морозко“. „Что ты? Въ умѣ ли?“ крикнулъ старикъ. „А что? Чѣмъ не женихъ? Вишь сколько у него богатства! Сосны въ пуху да въ серебрѣ; на водѣ дворцы стеклянные, гляди, какъ сияютъ на солнцѣ“. (Что же это за дворцы, за богатство у Морозка? Это снѣгъ на соснахъ, что такъ блеститъ, серебрится на солнцѣ; это ледъ на рѣкѣ, будто стекло. Вѣдь когда сосны въ снѣгу, на солнцѣ лѣсъ кажется бѣлымъ, будто серебрянымъ, а ледяныя сосульки, что висятъ съ вѣтвей, похожи на стекло, на хрусталь. Такъ бываетъ зимою. И женихъ съ этимъ богатствомъ, со снѣгомъ да льдомъ будетъ просто морозъ. Оттого и удивился старикъ, какъ это выдать дочку за морозъ; кажется ему, что хочетъ злая баба загубить его дочку. Да хитро она задумала: дескать не губить хочу, а выдать за богатаго человѣка!). Поплакалъ старикъ, плохо перечить (спорить) злой бабѣ: нечего дѣлать, повезъ Надю въ лѣсъ и оставилъ одну у сосны. Дрожить бѣдняжка Надя, даже зубы стучать отъ холоду. Вдругъ она слышитъ: морозъ красный носъ близехонько на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ (баба нагала, а морозъ и по правдѣ, какъ живой, вышелъ — съ краснымъ носомъ: отъ холоду носъ и щеки краснѣютъ; потрескиваетъ, поскакиваетъ, — точно хозяинъ въ лѣсу похаживаетъ, — вѣдь отъ холода деревья трескаются). Глядь, онъ уже на соснѣ, у которой сидѣла дѣвица, и спрашиваетъ ее сверху: „Тепло-ли тѣ дѣвица? тепло-ли тѣ, красная? Надя отвѣчаетъ: „Тепло, тепло, батюшко Морозушко“. Морозъ сталъ спускаться ниже (значить морозъ и холодъ все ближе подходятъ къ дѣвицѣ, и она все больше мерзнетъ), трещитъ да все говоритъ: „Тепло-ли тѣ лапушка?“ — „Ой, тепло, голубчикъ, Морозушко!“ повторяетъ Надя, а у самой духъ захватываетъ. Тутъ Морозко взглянулъ на нее съ лаской, одѣлъ ее богатой шубой, дорогой фатой (покрываломъ), принесъ ей коробъ съ подарками. (Зачѣмъ же это Надя все говорила: „тепло мнѣ, тепло голубчикъ?“ А это она была такая добрая, терпѣливая да ласковая. Ласковое слово, говорятъ, лучше мягкаго пирога; иной разъ не корми да обласкай. Ты можешь быть удивляешься, отчего Морозко не заморозилъ Надю? Неужели онъ не поступилъ съ нею такъ, какъ съ другими, изъ-за ласковаго слова? А вотъ подумай: Морозко жилъ всегда одинъ въ лѣсу; конечно, ему не приходилось ни отъ кого слышать ласковаго слова, потому что онъ вѣдь Морозъ — знобить, холодить, никому не даетъ спуску. Ну, а Надя приласкала его даже въ то время, когда самой жутко приходилось. Когда онъ ее спрашивалъ, тепло-ли ей, она не стала его бранить, не сказала ему: „злой, скверный!“ — и онъ вправду сталъ добрымъ. Понимаешь-ли? Часто человѣкъ бываетъ дурнымъ только потому, что ни отъ кого не слышитъ добраго слова, не знаетъ ласки).

Узнала старуха, какая честь ея падчерицѣ, поскорѣе снарядила въ лѣсъ свою любимую дочку: дескать, одарить ее еще лучше. Да дочка ея Маша была злая, балованная. Какъ пришелъ Морозко, да сталъ спрашивать: „тепло-ли тѣ дѣвица?“ она не утерпѣла и крикнула съ досады: „Сгинь ты (пропади), „окаянный!“ (такой, котораго, всё ненавидятъ, проклинаятъ). „Вся насквозь иззябла, а онъ дурень еще спрашиваетъ: „тепло-ли?“ На другой день сама старуха поѣхала за дочкой: гляди, ея Маша лежитъ мертвая, совсѣмъ окостенѣла“.

Предлагаемая сказка, какъ видятъ читатели, сокращена. Намъ кажется не-

обходимо это сокращеніе, чтобы не утомить дѣтей и придать разсказу болѣе цѣлостности. Конечно, дѣти могутъ требовать и такихъ объясненій, которыхъ у насъ не найдутъ читатели, но мы даемъ здѣсь только то, на чемъ намъ самимъ приходилось остановиться по дѣтскому настоянію. Дѣти весьма часто спрашиваютъ старшихъ: было ли то въ дѣйствительности, что вы разсказали ему въ сказкѣ. Конечно, вы скажете, что въ жизни не бываетъ того, что случается въ сказкѣ, т.-е. добро не всегда торжествуетъ. Кромѣ того весьма многого и совсѣмъ быть не можетъ: животные не могутъ разговаривать по человѣчески, люди не бываютъ оборотнями. Мы знаемъ дѣтей, которымъ разсказывали сказки (конечно, это бываетъ тогда, когда сказки даются съ выборомъ, умѣняемъ и съ объясненіями), и дѣти не становились отъ нихъ суевѣрными; хотя они знали, что сказка вымыселъ, тѣмъ не менѣе они ею интересовались.

Кромѣ „Родного Слова“ Ушинскаго, кое какія сказки можно выбирать изъ сборника Аванасьева, напримѣръ: „Котъ и Пѣтухъ“, „Коза и Волкъ“, „Теремокъ Мышки“, „Колобокъ“, „Котъ и Лиса“, „Котъ, Козель и Баранъ“, „Курица и Пѣтухъ“, „Журавль и Цапля“, „Грибы“, „Бѣлая Уточка“, „Мѣна“, „Дуракъ и Береза“ и пр. Большую часть этихъ сказокъ приходится сокращать и примѣнять къ дѣтскому характеру. Для болѣе старшаго возраста можно пользоваться сказками Аванасьева, изданными для дѣтей.

Занятіа. Возьми песку, стеклянную баночку, вѣтку елки и устрой садъ или что-нибудь другое. — Черезъ полчаса ребенокъ тянетъ васъ посмотрѣть на его работу. По всему столу онъ густо разсыпалъ песокъ. Съ краю у него выстроены изъ кубиковъ стулъ и столъ; мебель окружена вѣточками, воткнутыми въ песокъ елки. Это означаетъ у него садъ. Въ сторонѣ гладкая дорожка, сзади которой тянется густая роща изъ тѣхъ же елокъ; тамъ возвышается горка, а внизу озеро, которое онъ устроилъ изъ баночки, наливъ въ нее воды; онъ такъ окопалъ ее пескомъ, что вода будто дѣйствительно стояла въ песокѣ. Вотъ какую картину природы и жизни могутъ изобразить тѣ дѣти въ 4, 5 лѣтъ, съ которыми занимаютъ надлежащимъ образомъ.

У хорошихъ воспитателей ребенокъ, конечно, уже имѣетъ въ эти годы нѣсколько горшковъ съ землею, въ которыхъ онъ самъ сѣетъ разныя сѣмена, самъ ихъ поливаетъ и ухаживаетъ за ними. Загляните въ комнату Маши. Хотя теперь зима, но она продолжаетъ свои небольшія наблюденія. На окошкѣ у нея горшки и стекляныя банки, на гвоздикѣ у окна маленькая лейка. Лишь только она оканчиваетъ занятія, она подбѣгаетъ къ своему окну. Въ одной банкѣ у нея посѣянъ горохъ, въ другой — бобъ, пшеница, посажено нѣсколько луковичныхъ растений: лилія, гиацинты. — Нужно полить бобъ, — говоритъ она, щупая землю. — Ахъ, ужъ нѣсколько бобовъ взошло! — Она осторожно выдергиваетъ одинъ изъ нихъ и внимательно осматриваетъ, потомъ живо кладетъ на окно и запускаетъ рученку въ стеклянную банку. Тамъ у нея тоже бобъ, только не въ землѣ, а въ тепловатой водѣ. — Посмотри мама, что же это съ верхнею кожицею сдѣлалось? Какъ она сморщилась! — Бобъ сильно намокъ, кожаца растянулась, а горохъ остался такой-же величины, какъ и прежде; кожаца, значитъ, не можетъ плотно его обхватить — стала больше горошины и сморщилась. — Теперь понимаю, — говоритъ ребенокъ, то посматривая на бобъ, вынутый изъ земли, то на тотъ, который онъ взялъ изъ воды. — Оказывается, что этотъ язычекъ въ горошинѣ превращается въ землѣ въ корешокъ. — А откуда же взялась эта зелень, которая вверхъ идетъ у боба?

Вы ножичкомъ перерѣзываете бобъ пополамъ и указываете, что язычекъ про-

должается внутри ядра въ видѣ изогнутаго стебелька и двухъ листиковъ. Ребенокъ беретъ бобъ, вынутый изъ земли, и для него теперь ясно, отчего корешокъ и надземный стволъ такъ близко другъ отъ друга и стоятъ на одной линіи. Вы ему этого не говорите, но онъ самъ соображаетъ, что видно изъ его восклицанія: такъ, значитъ, и въ зернышкѣ они были близко одинъ около другого!—При случаѣ, онъ сообщаетъ матери и другія свои наблюденія, задавая при этомъ множество вопросовъ.—Вотъ тотъ бобъ, мама, который выросъ изъ земли,—гораздо дольше росъ, чѣмъ тотъ, который въ водѣ лежалъ. Отчего это? — А вотъ отчего: вѣдь у того боба, который лежалъ въ водѣ, было гораздо больше свѣта, а этому въ землѣ темнѣе было; ну, къ тому же и вода помогла: въ водѣ всякій ростокъ скорѣе вытянется; зато въ землѣ бобъ и горохъ продолжаютъ расти, а тотъ, что остается въ водѣ, если долго лежитъ, совсѣмъ сгниетъ. Это же отчего? Вы сообщаете ребенку, что послѣ того, какъ бобъ пустилъ корешокъ, ему нужна пища, которую онъ беретъ изъ земли.

Не менѣе удовольствія и пользы доставляютъ ребенку и луковичныя растенія. Онъ наблюдаетъ каждый день, какъ увеличивается въ ростѣ зелень, какъ образывалась почка, какъ пробился изъ нея прекрасный цвѣтокъ, въ которомъ онъ ясно видитъ всѣ части.

Спрашивается: какіе родители не въ состояніи доставить ребенку возможность оживить такимъ образомъ зимнее затворничество? Расходъ на сѣмена и горшки небольшой, а занятій для рукъ, ума и сердца—на цѣлую зиму.

Когда послѣ этого ребенокъ запроситъ работы, ему можно дать раскладывать *лучины*. Лучины эти должны быть въ полъ-аршина, гладко выстроганы и на обоихъ концахъ имѣть по дырочкѣ; эти дырочки скрѣпляютъ ниткою и употребляютъ ихъ какъ складной аршинъ. Такими лучинками можно измѣрять комнату и различные предметы. Но когда дѣти раскладываютъ на полу лучинки, онѣ не должны быть связаны.

Какъ спички, такъ и лучинки могутъ складываться, за небольшими исключениями, по однимъ и тѣмъ же рисункамъ. Но работы изъ спичекъ требуютъ уже довольно большого навыка, и потому лучше всего занимать ими ребенка послѣ 5-ти лѣтъ, когда онъ уже привыкъ выкладывать изъ кубиковъ и лучинокъ предметы, которые его окружаютъ. При этомъ замѣтимъ, что ребенку сначала никогда не слѣдуетъ давать рисунка въ руки: пусть онъ прежде всего внимательно смотритъ на дѣйствительный предметъ, хорошо замѣтитъ его очертанія, подумаетъ, что въ немъ можно изобразить линіями, что главное и второстепенное въ каждомъ предметѣ, и потомъ уже попробуетъ строить, или складывать изъ лучинъ или изъ спичекъ. Воспитатель, конечно, присутствуетъ при этихъ работахъ, помогаетъ ребенку, объясняетъ, совѣтуетъ. Но первымъ условіемъ должна быть самодѣтельность ребенка: вотъ почему, несмотря на все содѣйствіе со стороны воспитателя, ребенку не показываютъ рисунка. Нужно твердо помнить, что названныя работы дадутъ дѣтямъ для того, чтобы приучить ихъ во все вникать, все внимательно осматривать, т.-е., чтобы развить ихъ наблюдательность, мышленіе и творчество. Но когда ребенка не затрудняетъ уже изображать въ кубикахъ, лучинкахъ, спичкахъ и т. д. знакомыя ему тѣла, ограниченныя плоскостями, а круглые предметы — кольцами и полукольцами,—тогда нечего бояться давать ему рисунки. Такому ребенку рисунки даютъ еще большую пищу для фантазіи и ума. Ребенокъ ловкій и привыкшій обращаться съ разумнымъ, развивающимъ матеріаломъ изъ одного рисунка устроитъ и придумаетъ множество новыхъ фигурокъ и красивыхъ формъ. — Итакъ на 20, на

25 минутъ вы даете заняться лучинами. Ребенокъ начинаетъ раскладывать ихъ на большомъ столѣ или на полу. — Вотъ ты только что осматривалъ свои растенія, сдѣлай изъ лучинокъ горшочекъ съ деревомъ.

— Попробую... Только у донышка будутъ углы! А лучинки совсѣмъ не напоминаютъ листики! Да что за бѣда! Смотри—вышелъ горшочекъ съ растеніемъ. А не знаешь-ли, какъ бы изъ этой самой фигурки сдѣлать что-нибудь, тоже тебѣ знакомое? — Сниму донышко и боковыя лучинки банки, оборочу вѣточки внизъ, и у меня выйдетъ елка на подставкѣ. На такія вѣточки мы въ Рождество вѣшали пряники, золотые и серебряные орѣхи, зажженные фонарики... Взяла прочь подставку, и у меня вышла елка такъ, какъ она стоитъ въ землѣ; корней не видать,—они въ землѣ, а только сучки да вѣточки.

Когда ребенокъ сложитъ изъ лучинокъ все, что онъ видитъ въ комнатѣ, слѣдовательно, что онъ уже дѣлалъ изъ кубиковъ, дѣло пойдетъ очень живо, его занимаетъ легкость, съ которою онъ воспроизводитъ все, на что взглянетъ.

— Отчего это стулья, столы и все другое, что ты дѣлалъ изъ кубиковъ, у тебя выглядѣли иначе, чѣмъ теперь, когда ты ихъ дѣлаешь изъ лучинокъ? Возьми кубикъ и лучинку и посмотри: какая между ними разница?—У куба всѣ стороны равны: что внизу, что сверху, что по бокамъ; даже всѣ ребра одной величины. Совсѣмъ другое лучинка. Она длинная, большая, гораздо больше и длиннѣе даже того ящика, въ которой уложены 8 кубиковъ. Кромѣ того у лучинки только противоположныя стороны равны между собой. Спереди и сзади одинаково гладкія, широкія плоскости, на которыя и можно положить ее, куда угодно. Но лишь только вы кладете ее на одну изъ узкихъ, боковыхъ сторонъ, лучинка тотчасъ падаетъ и ложится на широкую сторону. Между тѣмъ кубикъ на всѣхъ сторонахъ стоитъ одинаково хорошо, а это оттого, что всѣ стороны его одинаковой величины. У лучинки ребра тоже не равныя. Оба ребра съ одной стороны и два другія съ другой — одной величины, точно также и ребра сверху и снизу равны между собой. Но ребра, что на концахъ, гораздо короче тѣхъ, что идутъ въ длину лучинки. Сосчитай ребра, углы и плоскости у лучинки и кубика. Одинаковое ли у нея съ кубикомъ число гладкихъ сторонъ, или плоскостей, ребръ, угловъ? Скажи, какіе предметы изъ тѣхъ, что ты видишь здѣсь, никакъ нельзя сдѣлать ни изъ кубиковъ, ни изъ лучинокъ? — Нельзя представить мячика, шарика; дурно выходятъ всѣ круглые предметы. Посмотри теперь на столъ съ посудой, — что изъ того, что ты видишь, нельзя построить изъ кубиковъ и что можно сдѣлать изъ лучинокъ?—Стаканъ, рюмку, суповую чашку, хотя какъ нибудь, а все-таки можно изобразить лучинками, а изъ кубиковъ никакъ нельзя. Такъ сдѣлай же эти предметы... Ты сдѣлала рюмку; покажи, гдѣ у тебя подставка, гдѣ ножка, куда будешь вливать вино? — А вотъ это, мама, — болтаетъ ребенокъ, прибавляя сверху еще лучинку,—это я крышку устроила... Теперь лѣто, и какъ только мы въ нее нальемъ вина, такъ сейчасъ же въ него падетъ муха. Ребенокъ очень хорошо знаетъ, что въ рюмку, сдѣланную изъ лучинокъ, не нальешь вина, но онъ во всемъ привыкъ представлять себѣ полную картину, а разумное веденіе механическихъ занятій необыкновенно развиваетъ въ немъ анализъ, живость и воспріимчивость къ окружающему. Наконецъ вы объясняете, что лучинками мы означаемъ лишь краешки предметовъ, очертанія, а кубикъ весь сплошной, и при этомъ показываете, какъ четырьмя лучинами можно образовать одну сторону кубика.

— Теперь все, что ты мнѣ сдѣлала изъ лучинокъ, нарисуй въ тетради.

Рисованіе по сѣти линій въ различныхъ положеніяхъ необыкновенно полезно.

Оно подготавливаетъ руку и пальцы ребенка къ четкому письму, служить хорошимъ пособіемъ и подготовленіемъ къ рисованію съ натуры. Если вы прямо начнете учить рисовать съ натуры, то ничего не добьетесь: пока рука не довольно упражнялась въ черченіи прямыхъ, кривыхъ, горизонтальныхъ и отвѣсныхъ линий, рисунокъ ребенка всегда будетъ неправиленъ. Кромѣ того, рисованіе знакомыхъ предметовъ, прежде построенныхъ изъ кубиковъ и сложенныхъ изъ лучинокъ, поможетъ ребенку еще глубже вникнуть въ окружающее, еще ближе познакомиться со всѣмъ, что онъ видитъ передъ собою. Да и зачѣмъ лишать его занятія, которое доставляетъ ему такъ много наслажденія? Своихъ построекъ онъ не можетъ сохранить, а тетрадка съ рисунками, и много времени спустя, доставитъ ему пріятныя воспоминанія.—Въ это время можетъ также начаться и плетеніе бумажекъ, только самое первоначальное, черезъ одну, черезъ двѣ, черезъ три полоски. Узоровъ еще никакихъ не придется дѣлать.

Въ такихъ занятіяхъ и работахъ проходитъ у насъ полгода. Ребенокъ замѣтно выросъ за это время умственно и физически. Наступило лѣто; работы можно давать посложнѣе, наблюденія становятся болѣе опредѣленными. Онъ уже умѣетъ строить изъ кубиковъ все, что есть въ комнатѣ, придумалъ много такого, чего вамъ самимъ и на умъ не приходило. Когда ребенку исполнится пять лѣтъ, ему можно дать *четвертый даръ* Фребеля. Мы видѣли выше, что онъ содержитъ и для чего назначается; теперь мы постараемся прибрать бесѣды, подходящія къ этому занятію. Повторяемъ, что представляемыми нами примѣрами должно воспользоваться не для одного раза, а для весьма многихъ бесѣдъ, пока тотъ или другой вопросъ не будетъ усвоенъ совершенно сознательно.

Вы берете оба ящика (3-й даръ, или кубъ, раздѣленный на 8 кубиковъ, и 4-й даръ—кубъ, раздѣленный на 8 плитокъ), опрокидываете ихъ книзу крышкой, которую и вытягиваете такъ, чтобы деревянные вполнѣ сохранили порядокъ, въ которомъ онѣ въ немъ лежали. Какую форму имѣютъ эти деревянные, вотъ такъ сложенные?—Форму куба.

— Теперь возьми одну деревяшку изъ одного ящика, а другую изъ другого... Есть между ними какая-нибудь разница, или нѣтъ?

— Есть... только я не могу понять, какъ это такъ? Я пересчитала, и ихъ столько же, сколько и кубиковъ: какъ тѣхъ 8, такъ и этихъ 8; когда ихъ сложишь вмѣстѣ, и тѣ, и другія имѣютъ форму куба одной и той же величины!

— А вотъ положи деревянные, которыя ты взяла, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ я тебѣ ихъ показала въ первый разъ... Скажи, какъ разрѣзанъ этотъ кубъ (указывая на кубъ 3-го дара)?

— Этотъ кубъ разрѣзанъ пополамъ въ длину, ширину и высоту. — Теперь возьмемъ кубъ изъ плитокъ (4-й даръ). Въ немъ проведенъ одинъ разрѣзъ по длинѣ и три разрѣза по высотѣ.—Возьми одинъ кубикъ и плитку и найди между ними сходство и разницу.

— Обѣ вещи деревянные; каждая изъ нихъ составляетъ 8-ую часть куба, — помѣщаются въ одинаковыхъ деревянныхъ ящикахъ; у кубика 6 гладкихъ сторонъ, столько же и у этой плитки; какъ у кубика 12 реберъ, такъ и у плитки; у обоихъ у нихъ одинаковое число угловъ; какъ кубикъ стоитъ на столѣ на всѣхъ своихъ гладкихъ сторонахъ, такъ и плитка; какъ изъ кубиковъ можно строить стулья, столы и диваны, такъ и изъ плитокъ.

— Какая же между ними разница?

— Плитка длиннѣе кубика. Посмотримъ, во сколько разъ она длиннѣе ку-

бика? — Ребенокъ кладетъ плитку и сверху ставитъ на нее одинъ за однимъ два кубика. — Видишь на плиткѣ можно умѣстить два кубика, — значитъ, плитка вдвое длиннѣе кубика. А вотъ еще какая разница; кубъ, какъ ни поставь, все имѣетъ одинъ и тотъ же видъ; плитка напротивъ: положишь ее на одинъ изъ ея длинныхъ, узкихъ боковъ, и передѣ тобою — стѣнка, поставишь на короткую узкую сторону, — она такъ высока, какъ два кубика, другъ на друга положенные; положишь ее плашмя, и она ниже куба. Но насколько плитка, положенная плашмя, ниже куба, на этотъ вопросъ ребенокъ не можетъ тотчасъ отвѣтить; онъ прежде подвигаетъ кубикъ къ плиткѣ, чтобы вымѣрить. Когда онъ убѣждается, что плитка ниже, кладетъ на нее другую плитку, опять подвигаетъ къ нимъ кубикъ и съ радостью говоритъ: двѣ плитки, положенныя плашмя, равны по высотѣ одному кубу.

Когда ребенокъ ясно понимаетъ сходство и разницу между этими двумя тѣлами, можно мало-по-малу (но съ большою осторожностію) знакомить его съ первыми, но весьма немногими геометрическими терминами. Читатель помнитъ, вѣроятно, что онъ уже знакомъ съ *шаромъ*, *цилиндромъ* и *кубомъ*; теперь на кубѣ мы объясняемъ ребенку, что такое *вертикальная* и *горизонтальная* линіи. Ты стоишь; въ какомъ ты теперь положеніи: въ вертикальномъ или горизонтальномъ? Если ты въ вертикальномъ положеніи, то можешь ли очутиться въ горизонтальномъ положеніи? Такъ когда же обыкновенно ты принимаешь горизонтальное положеніе: днемъ или ночью? Покажи въ комнатѣ, гдѣ вертикальная линія и гдѣ горизонтальная? Такихъ геометрическихъ понятій и знаніе названныхъ геометрическихъ терминовъ вполне достаточно для ребенка до 6—7-ми л. возраста.

— Посмотри въ нашей комнатѣ, какіе предметы хотя нѣсколько напоминаютъ тебѣ плитку?

Въ пять лѣтъ ребенокъ на такой вопросъ не только долженъ назвать предметы, имѣющіе сходство съ плиткою, но, осмотрѣвъ внимательно всю комнату, вести болѣе или менѣе связный разговоръ и, называя подходящіе предметы, рассказать, чѣмъ и какъ они измѣнены для той или другой цѣли.

— Шкафы одной формы съ плиткою; только они, конечно, несравненно больше и шире; въ нихъ сдѣланы полки для книгъ, вставлено стекло, чтобы видѣть, какія лежатъ книги. Ничего этого нѣтъ въ плиткѣ: она маленькая, внутри ничего не лежитъ, и назначена она для дѣтской игры. Больше еще похожа плитка на книгу, а разница между ними та, что у книги съ трехъ сторонъ выемка, а съ четвертой — корешокъ имѣетъ видъ нѣсколько округлый. Но самое большое сходство съ плиткой имѣетъ вещь, которая впрочемъ не въ комнатѣ, а на дворѣ: я говорю о кирпичачѣ. Посмотри, мама, какъ похожи всѣ эти кирпичики на наши плитки.

Такимъ образомъ ребенокъ не только сознательно усвоилъ формы тѣлъ, которыя имѣлъ въ своихъ рукахъ, но и точно умѣетъ ихъ опредѣлять; послѣ этого онъ приступаетъ къ постройкамъ изъ плитокъ формъ жизненныхъ, изящныхъ и математическихъ, соединяя съ послѣдними ариѳметическія упражненія изъ обыденной жизни и прерывая это занятіе пѣснями и занимательными бесѣдами изъ природы и жизни людей.

Бесѣды, сказки, рассказы и загадки для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми — 9-ти лѣтняго возраста.

Прежде чѣмъ давать примѣры такимъ рассказовъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о ихъ значеніи. Воспитательницы могутъ рассказывать дѣтямъ и не въ такой формѣ,

какъ мы предлагаемъ; иногда рассказы должны быть длиннѣе и болѣе сложны, другой разъ, смотря по дѣтямъ, короче и проще. Мы стоимъ только за то, чтобы 5-лѣтнимъ дѣтямъ воспитатели уже начинали мало-по-малу давать коротенькіе рассказы. Когда ихъ передаютъ живо, занимательно, бодрымъ и веселымъ голосомъ, когда при этомъ даютъ ребенку возможность высказывать свои соображенія, въ нихъ развиваются наблюдательность, даръ слова, воображеніе, вкусъ и наконецъ память.

Бабушка Аксинья.

Бабушка Аксинья — старая, престарая, советѣмъ сѣдая старушка. Никто никогда не видалъ ее безъ дѣла. Она подымается вмѣстѣ съ солнышкомъ и тотчасъ же начинаетъ хлопотать около своихъ птицъ. Однѣхъ птицъ она накормитъ и прогонитъ къ озеру, другимъ заготовляетъ кормъ и такъ проходитъ у нея цѣлый день до поздняго вечера.

Чуть принимается она сѣчкой рубить яйца, изъ подъ лавки тотчасъ показываются птичьи головы и начинается *шипѣнье* гусыни, *клохтанье* курицы, *цыканье* цыплятъ, *кряканье* утятъ.

Старушка мелко нарубила яйца, разсыпала ихъ на нѣсколько досокъ, поставила корыто съ водой и поманила утятъ и гусятъ. Гусыни и утки сами высочили изъ корзинокъ; Аксинья выманила птенчиковъ и опускала ихъ на землю. Нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ принялись клевать яйца, — другіе какъ-то вяло посматривали. Слабаго цыпленочка бабушка брала въ руки, поправляла ему крылышки, осматривала ножки и съ лаской, приговаривая разныя добрыя слова, поила его изъ своего рта. — „Ну, теперь учи самъ клевать, вотъ такъ... вотъ такъ...“, и бабушка долбила палочкой по доскѣ... Послѣ этого всѣ птенчики начинали клевать.

Гуси и утки.

Гуси-гусятки идутъ, бѣгутъ, крыльями машутъ, „га... га... га...“ кричатъ они, длинныя шеи вытягиваютъ, въ стороны посматриваютъ, нѣтъ ли врага. А уточки не любятъ торопиться, по сторонамъ не осматриваются, прежде всего думаютъ, какъ бы побольше брюшко набить; такъ плотно покушали, что зобки у нихъ стали советѣмъ тугіе. — „Кря... кря...“, покрякиваетъ уточка и съ ноги на ногу переваливается; вотъ она заковыляла и упала на грудь.

И утки, и гуси, какъ пришли къ озеру, такъ и стали плавать, плескаться. Какъ странно они ныряютъ! опустятъ головы въ воду, — это они себѣ кормъ отыскиваютъ на днѣ, а поверхъ озера здѣсь и тамъ только торчатъ утинныя да гусиныя хвостики.

Какъ съ моей собакой я въ рынокъ ходила.

Съ ранняго утра, лишь только я просыпалась, мой пудель былъ уже у моихъ ногъ, радостно визжалъ, билъ хвостомъ объ полъ, подавалъ мнѣ башмаки, чулки, то или другое изъ одежды. Но вотъ я уже напилась чаю и готова идти со двора. Пудель бѣгаетъ вокругъ, засматриваетъ мнѣ въ глаза. „Въ рынокъ!“ говорила я, указывая ему на гвоздь. Онъ тотчасъ вскакиваетъ на табуретку, что стояла у насъ у той стѣны, гдѣ былъ вбитъ гвоздь, передними лапами и мордой снимаетъ корзинку и подаетъ мнѣ.

Онъ помнилъ каждую лавку, гдѣ я забирала, и когда мы съ нимъ шли, обыкновенно обнюхивалъ каждую, останавливался и ждалъ меня, пока я закупала, что мнѣ было нужно. Но вотъ наконецъ моя корзинка наполнена говядиной и дру-

гими припасами, между тѣмъ мнѣ нужно еще кой-куда зайти; я прикрываю провизію листомъ бумаги и подаю корзинку пуделю. „Домой!“ говорила я ему, и онъ послушно и бережно бралъ ручку корзины въ зубы и съ необыкновенною важностью отправлялся назадъ. Дверь нашей квартиры затворена, — онъ визжитъ; если это не помогаетъ, онъ ставитъ на полъ корзинку и барабанить лапами въ двери, пока ему не отворять. Когда я возвращалась домой, онъ тащилъ меня за платье къ тому стулу, на которомъ поставилъ корзину.

Л о ш а д ь .

Замѣтили ли, вы, дѣтунки, какія худыя лошади у рабочихъ? Бока у нихъ какъ-то ввалились, мѣстами шерсть вылѣзла клочьями; видъ такой унылый, да и ходятъ онѣ большею частью понуривъ голову.

— А верховая лошадь, какое красивое, стройное животное! Чудная, черная, густая грива и длинный, пушистый хвостъ такъ и развѣваются по воздуху, когда она, гордо поднявъ голову, во весь опоръ несетъ сѣдока.

Рабочая лошадь такое же животное, какъ и верховая, а отчего это между ними такая разница? Рабочая лошадь много работаетъ. Когда солнышко ярко свѣтитъ, деревья, поля и луга въ зелени и разнообразныхъ цвѣтахъ, т.-е. лѣтомъ, рабочая лошадка занята съ утра до поздняго вечера; вывозитъ навозъ въ поле, свозитъ хлѣбъ въ скирды и изъ скирдъ на гумно; сѣно высухло, — и его отвезетъ въ сарай.

Зимю (назовите примѣты зимы) она тоже не безъ дѣла: возитъ дрова изъ лѣсу, хлѣбъ на мельницу; покончены эти домашнія работы, и крестьянинъ вмѣстѣ съ нею занимается въ городѣ воду возить или перетаскивать тяжести. Такъ вотъ, рабочая лошадь круглый годъ въ постоянной работѣ. А верховая лошадь цѣлый день стоитъ въ чистомъ стойлѣ: ее чистятъ, моютъ, кормятъ вволю овсомъ и еще прогуливаютъ передъ вѣдой, чтобы аппетитъ былъ лучше. Работы ей нѣтъ никакой: развѣ промчится съ хозяиномъ, да ей самой любо на свѣтъ посмотрѣть и свою прыть показать.

Н а с т я .

Однажды въ полдень лѣтняго дня я пробиралась къ избамъ. Вездѣ было тихо: люди, послѣ работы, отдыхали по избамъ. Лишь только я дошла до небольшого пролѣска, что былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избъ, я услышала легкой шумъ. Я повернула голову, и вотъ что увидѣла. Подъ вѣтвями большого дерева сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти, которая была окружена разными птицами. На ея плечѣ ворковалъ и кружился голубь; цыпленокъ просовывалъ голову изъ подъ одной руки; подъ фартукомъ копошилась еще какая-то птица; у ногъ, свернувшись клубкомъ, лежала большая, черная собака, а на сосѣдней березѣ чирикалъ воробей. Ему, какъ видно, тоже хотѣлось взлетѣть на любимую хозяйку, да на ней нѣтъ мѣста. Въ эту минуту она подняла руку на голубя: „у тебя есть съ кѣмъ голубиться и ворковать“; тотъ вспорхнулъ и улетѣлъ. „Воробушекъ, миленькій, роденькій!..“ она протянула къ нему руки. Но онъ все перелеталъ съ вѣтки на вѣтку и чирикалъ. Наконецъ сѣлъ дѣвочкѣ на голову, теребилъ ея волосы, перескакивалъ съ плеча на плечо, долбилъ носикомъ ея сережки.

Уже съ пяти лѣтъ самымъ любимымъ занятіемъ Насти было кормить воробьевъ, голубей, куръ, собакъ и другихъ домашнихъ птицъ и животныхъ и приручать ихъ къ себѣ. Вотъ почему они такъ крѣпко были привязаны къ ней, но

сама она болѣе всѣхъ любила воробья: она нашла его еще очень маленькимъ, почти голенькимъ, вѣроятно, въ то время, когда онъ только что успѣлъ вынестъ изъ своего гнѣзда. Настя воспитала его въ старой избѣ, гдѣ она держала и другихъ птицъ. Воробей такъ привыкъ къ маленькой Настѣ и такъ ее любилъ, что она выпускала его вонъ изъ избы, и онъ каждый разъ возвращался на ночь домой.

(Для разсказовъ и бесѣдъ съ дѣтьми этого возраста очень многое можно выбрать изъ двухъ книгъ: 1) „Изъ русской жизни и природы“, 2) „На отдыхъ“ Е. Н. Водовозовой).

Котъ, козель и баранъ.

(Народная сказка).

„Котишко-мурлышко, сѣрый лобишко, былъ большой лакомка: гдѣ что плохо лежитъ, у него брюхо болитъ“. (Котишко-мурлышко — это про кота сказываютъ; мурлышко, потому что онъ мурлычить, поетъ, когда ему вздумается къ кому приласкаться; сѣрый лобишко—лобъ его сѣрой шубкой покрытъ, значитъ котъ сѣрый; ну, а величаютъ его: „котишко-мурлышко, сѣрый лобишко“ — видно, затѣмъ, что сказывать будутъ про плутоватаго кота, не даромъ же онъ такой лакомка: чуть что увидитъ вкусное, — ему просто становится не втерпѣжъ: брюхо болитъ). „Слизалъ онъ у старой бабы сметанку; била его баба, била (значитъ злая была, много била), уши выдирала, ноги поломала. Вотъ, онъ задумалъ уйти со двора и на то же подговорилъ козла да барана. Пыль столбомъ подымается (это вишь они такъ скоро бѣгутъ), трава къ землѣ преклоняется; бѣгутъ козель да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ—сѣрый лобъ. Усталъ онъ и взмолился названнымъ братьямъ („названные братья“ потому—они были ему не родные, а только теперь они, какъ настоящие братья, сговорились все дружно дѣлать: что задумаетъ одинъ, то и другой, — а взмолился онъ имъ—значитъ, умолять ихъ сталъ, упрашивать). Такъ взмолился онъ имъ, дескать, не оставьте меньшого братишку на съѣденье звѣрямъ. Козель посадилъ его на себя, и понеслись они по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. (Это они такъ скоро бѣгутъ, что горы, долины какъ будто только мелькаютъ передъ ними). Остановились они на ночь отдыхать на скошенномъ полѣ, у стога. (Сѣно, когда оно сгребено въ большую кучу, называется стогомъ). Какъ огня добыть? Мурлышко обернулъ козлу рога берестою (береста—бѣлая кора березы), да велѣлъ ему стукнуться лбомъ съ бараномъ. Стукнулись они такъ крѣпко, что береста загорѣлась. Развели костеръ... (Можно ли на самомъ дѣлѣ добыть огня, какъ добылъ котъ? Правда, что огонь добываютъ ударомъ кремня объ огниво; когда крѣпко тереть одно дерево о другое, то они загорятся, но береста, конечно, не загорится, если стукнуться лбами. Ну, да, видно, тутъ и хотѣтъ разсказать о такомъ чудномъ, замысловатомъ котѣ, что только и найдешь въ сказкѣ). Такъ грѣются это они у костра, глядь—идетъ мужичекъ-сѣрачекъ, Михайло Ивановичъ (медвѣди такъ называютъ).

— Откуда, братъ?

— Ходилъ на пасѣку (пасѣкой называется мѣсто, гдѣ улья, значитъ медвѣдь ходилъ медъ красть), да подрался съ мужиками (видно они его прибили), оттого и хворь прикинулась (заболѣлъ); иду къ лисѣ лѣчиться.

— Ну, добро пожаловать.

Легъ медвѣдь подъ стогомъ, мурлышко на стогу, а козель съ бараномъ у костра. Идутъ семь волковъ сѣрыхъ.

— Что за народъ?—говорять они.—Давай пытать силу!

Заблеяли козель да баранъ со страстей (со страху), а мурлыко такую рѣчь повелъ:—Ой не сердите нашего старшого (главнаго, старшаго надъ нами), а то не одобровать. Аль не видите у него бороды? Бородою онъ звѣрей побиваетъ, а рогами кожу снимаетъ! (Вишь, котъ какой хитрый: онъ хочетъ волковъ напугать козлиными рогами да бородой, точно тѣ и взаправду могутъ быть для нихъ страшными. Это котъ потому такъ смѣло пугаетъ ихъ, что козель домашнее животное, значить, волки не видали его у себя въ лѣсу и потому, не зная, что за звѣрь козель, что онъ уже теперь со страху блеетъ, могутъ струсить его бороды и рога). Лучше съ честью (это котъ имъ говорить) подойдите да попросите: хотимъ, дескать, поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкой, что подъ стогомъ лежитъ (вишь, знаетъ, куда ихъ отвести, а посовѣтуй онъ имъ поиграть съ козломъ, они бы, конечно, тотчасъ поняли, что звѣрь-то не больно страшный, и, пожалуй, самому коту тогда плохо пришлось бы). Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Онъ крѣпился, крѣпился, да какъ хватить на каждую лапу по волку (вѣдь медвѣдь силенъ; у него вся сила въ лапахъ: хватить передними лапами разомъ двухъ, трехъ, а иного и задними придавить); заплѣли волки Лазаря (жалобно затянули, завыли), да поджавши хвосты (когда звѣри перетрусаятъ, такъ хвосты поджимаютъ), подавай Богъ ноги, побѣжали прочь, что есть духу.

Козель да баранъ тѣмъ временемъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, да опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козель съ бараномъ схватились передними ногами за еловый сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана. (Волкамъ хочется закусить). Видитъ котъ — сѣрый лобъ, что дѣло плохо: сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговаривать: разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. (Это котъ съ хитростью высчитываетъ, по скольку на каждого изъ нихъ достанется, а не знаютъ того волки, что котъ, баранъ и козель—всѣ трое до смерти ихъ боятся). Я, мурлышка, давеча двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ, а ты, большой братикъ, (козель старшій братъ: имъ-то волка котъ и хочетъ больше всего напугать, потому и говорить о немъ съ такимъ почетомъ) давеча за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю.

Только сказали онъ эти рѣчи, какъ козель оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыко, знай, свое кричить: держи его, лови его! Тутъ на волковъ такой страхъ нашалъ, что они со всѣхъ ногъ пустились бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

Лиса, волкъ и медвѣдь.

Повадилась лиса таскать рыбу изъ садковъ (садки—такой домикъ на плоту, гдѣ въ водѣ берегаютъ наловленную рыбу). Мужики догадались и думаютъ, какъ бы изловить вора; лиса смекнула это (поняла), накрала послѣдній разъ рыбки и пошла гулять по лѣсу (вѣдь звѣря не учили, какъ заработать себѣ хлѣбъ; вотъ, онъ хочетъ ѣсть и таскаетъ, что попадется). Попадаетъ лисѣ на встрѣчу сѣрый волкъ (тоже, должно быть, голодный).—Что ты ѣшь, лисанька? спрашиваетъ волкъ (ласково говорить,—не лиса, а лисанька, думаетъ: авось, что-нибудь выманю).—Рыбку, куманекъ (отвѣчаетъ лиса).

— Да гдѣ же ты ее берешь? — Сама ловлю. — Какъ же ты ее ловишь? научи-ка меня.—Изволь, куманекъ: возьми ведро, привяжи къ хвосту, да и опусти въ прорубь (видѣла на рѣкѣ такое мѣсто, гдѣ вырубленъ ледъ, чтобы доставать воду; рыба-то и зимою плаваетъ въ рѣкѣ подо льдомъ). Такъ опусти хвостъ съ

ведромъ въ прорубь, рыба и найдетъ къ тебѣ сама въ ведро: только ты смотри, часа два посиди у проруби. Волкъ такъ и сдѣлалъ; но однако часа черезъ два хвостъ-то у него примерзъ къ проруби, такъ что онъ, какъ ни бился, не могъ его оторвать. Поутру пришли мужики и убили волка. (Вотъ, какая скверная лиса, подвела-таки своего товарища волка. Ну, да вѣдь и волкъ тоже лихой звѣрь, грабитель. Между дурными людьми, похожими на волка и лису, также бываетъ: вмѣсто того, чтобъ подѣлиться, помочь въ нуждѣ, одинъ другому только ногу подставляетъ. Да тутъ рѣчь не о людяхъ, а о звѣряхъ. Тутъ сказка толкуетъ, что у звѣря тоже есть свой умъ; онъ тоже смыслить, какъ себя сберечь. Волкъ и медвѣдь сильнѣе, зато лиса хитрѣ ихъ, смысленнѣе; смысленный-то, хоть и слабый, возьметъ верхъ надъ сильнымъ и глупымъ).

Загадки.

1) Одинъ махай, четыре гуляй, два дѣтямъ страсть, четыре — такъ власть.

Отв. Корова: „махай“ — хвостъ, которымъ она отмахивается; „четыре гуляй“ — четыре ноги, которыя вездѣ ходятъ и гуляютъ; „два дѣтямъ въ страсть“ — рога, которыхъ дѣти очень боятся и которыми корова иногда и на самомъ дѣлѣ ткнетъ того, кто въ красной рубашкѣ; „четыре такъ въ сласть“ — четыре соска у вымени, которые даютъ молоко.

2) Изъ окна въ окно золото бревно.

Отв. Когда солнце свѣтитъ въ окно, въ комнатѣ какъ будто стоитъ золотой столбъ отъ солнечнаго свѣта, что особенно замѣтно потому, что солнце освѣщаетъ мелкую пыль, которая всегда есть въ комнатѣ.

3) У двухъ матерей по пяти сыновей.

Отв. У обѣихъ рукъ по пяти пальцевъ.

4) Бѣлое поле, черное сѣмя: кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ.

Отв. Бумага, по которой пишутъ чернилами. Кто на ней напишетъ, тотъ ее и понимаетъ.

5) Скокъ да скокъ за рѣшеткой звѣрекъ: что ты ни зналъ, обо всемъ рассказалъ.

Отв. Языкъ за зубами болтается: когда говоришь, — будто звѣрекъ на привязи сидитъ въ потьмахъ, а все рассказываетъ.

6) Кругленькимъ, маленькимъ до неба докинешь.

Отв. Глазъ. Глазами не только можно смотрѣть на все, что вокругъ, но и рассмотреть далекое небо.

7. Красенькій пѣтушекъ по жердочкѣ бѣжить.

Отв. Спичка: когда ее зажигаютъ, — огонь бѣжитъ по прутуку.

8) Ничего не болитъ, а все стонетъ.

Отв. Свинья: она вѣчно хрюкаетъ да охаетъ, точно больная.

9) Всѣхъ наградила, все загубила.

Отв. Что можетъ всѣхъ наградить? Какое время счастливѣе всего для народа. Осень. А почему? Если осенью созрѣваютъ хлѣба и плоды, то и выходитъ, что она всѣхъ награждаетъ. Но чѣмъ же она все губитъ? Деревья, трава увядаютъ отъ холоду, а холода начинаются осенью: въ началѣ осени все созрѣваетъ, а въ концѣ все гибнетъ.

10) Въ небо дыра, въ землю дыра, а по срединѣ огонь да вода.

Отв. Нѣтъ-ли у насъ въ комнатѣ этой вещи? Посрединѣ чего бываетъ огонь и вода? Посрединѣ самовара огонь и вода; разсмотри его устройство и скажи, гдѣ это въ небо и въ землю дыра.

11) Теперь отгадай мнѣ, что

Красне съта? (значить что красивѣе, лучше всего на свѣтѣ). — Красное солнце.

Чаще роуи? — Частыя звѣзды.

Выше тса? — Свѣтель мѣсяць.

12) Не море, не земля, корабли не плаваютъ, а ходить нельзя.

Отв. Болото: въ немъ земля такъ вязка, что можно завязнуть, а гдѣ и провалиться.

13) Ёду, ёду, слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу, крови нѣту.

Отв. Вода. Сколько мы ни ѣдемъ въ лодкѣ, а никакихъ слѣдовъ не оставляемъ: сколько веслами ни разрѣзаемъ воду, а крови все-таки нѣту.

14) Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ.

Отв. Голова у человѣка: у человѣка на головѣ ноздри, уши, глаза, ротъ — вотъ и семь дыръ.

15) Весной веселить, лѣтомъ холодить, осенью питаетъ, зимой согрѣваетъ.

Отв. Дерево. Чѣмъ веселить весной, холодить лѣтомъ? Какъ можно деревомъ питаться? Какимъ образомъ дерево можетъ насъ грѣть зимой.

Загадки имѣютъ хорошее вліяніе на маленькихъ дѣтей: онѣ развлекаютъ ихъ послѣ однообразной, механической работы, веселятъ и доставляютъ имъ безконечное удовольствіе. Онѣ полезны также и тѣмъ, что, при самомъ незначительномъ напряженіи мозга и въ то же время нисколько не волнуя ребенка, развиваютъ соображеніе, остроуміе, быстроту мысли. Однако нужно помнить, что если воспитатели будутъ предлагать ихъ дѣтямъ черезъ мѣру, или если они дадутъ почувствовать, что они придаютъ серьезное значеніе быстрому соображенію дѣтей, тогда это хорошее воспитательное средство послужитъ во вредъ. Ничтожное свое остроуміе ребенокъ будетъ принимать за особенное глубокомысліе, за нѣчто такое, что ему даетъ право смотрѣть на своихъ товарищей, какъ на существа, менѣе его одаренныя. Намъ самимъ пришлось слышать, какъ одно дитя, мать котораго всѣмъ хвастала его остроуміемъ, тутъ же напоминало ей свои остроты, о которыхъ она забыла похвастать и тутъ же пополняло ея рассказъ старыми и вновь импровизированными остротами.

ГЛАВА XV.

Воспитаніе ребенка съ 6-ти до 8-ми, 9-ти лѣтъ.

Пятый даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 27 кубиковъ, и 6-й даръ,—раздѣленный на 27 плитокъ.—Какъ слѣдуетъ руководить постройками этого рода.—Соотвѣтственныя бесѣды.—Значеніе басенъ для дѣтей. — Книги, которыми воспитатели могутъ пользоваться для чтенія и пересказа дѣтямъ дошкольнаго возраста.

Пятый даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 27 равныхъ кубиковъ, по два раза вдоль и поперекъ; выходитъ три ряда, а въ каждомъ ряду трижды три кубика (9), всего трижды девять, то есть 27. Но въ ящикѣ пятаго дара не 27, а 39 частей одного большого куба, потому что изъ 27 кубиковъ 6 еще раздѣлены вкось на треугольныя призмы, и при томъ такимъ образомъ: 2 кубика раздѣлены вкось въ одну сторону, значить, на 2 части, а 3 раздѣлены вкось въ обѣ стороны, значить на 4 части. И такъ всего выходитъ:

цѣльныхъ кубиковъ	21
изъ остальныхъ шести: три, каждый на 2 призмы	6
три, каждый на 4 призмы	12

39

Здѣсь къ болѣе сложному дѣленію по прямымъ линіямъ присоединяется дѣленіе по косымъ, слѣдовательно, кромѣ того, что ребенку дается матеріала для постройки больше прежняго, онъ еще знакомится съ новыми тѣлами, т.-е. съ треугольными призмами. Слѣдовательно теперь въ своихъ постройкахъ ребенокъ можетъ уже точнѣе подражать окружающимъ предметамъ: устроить кресло съ ручками; на диванѣ или на кровати сдѣлать подобіе подушекъ, выстроить домъ съ окнами и съ крышею. Изыщныя формы здѣсь представляютъ уже сложныя фигуры и притомъ сочетаніе квадратной формы (поверхность куба) съ треугольною призмою даетъ имъ совершенно особый видъ и несравненно болѣе разнообразія. Для знакомства съ математическими тѣлами этотъ даръ представляетъ матеріалъ, съ помощью котораго можно усвоить начала геометріи, но это, конечно, слишкомъ преждевременно для дѣтей, о которыхъ я говорю. Сравненіе треугольной призмы съ кубомъ, треугольника съ квадратомъ, построеніе разныхъ кубовъ, призмъ и другихъ тѣлъ, сравненіе ихъ по формѣ и по объему, — всеэто могло бы занять дѣтей не дошкольнаго возраста, а едва ли можетъ быть доступно имъ и въ 12, 13 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ счисленіе отъ 8 кубиковъ разомъ переходитъ на очень сложныя числа.

Шестой даръ Фребеля имѣетъ отношеніе къ четвертому дару. Тамъ мы видѣли кубъ, раздѣленный на 8 кирпичиковъ, здѣсь же кубъ распадается на 27 кирпичиковъ, но такимъ образомъ, что выходитъ:

21 цѣлый кирпичъ	21
3 кирпичика, раздѣленныхъ на 2 квадрата	6
3 кирпичика, раздѣленныхъ на 2 вдоль	6

и такъ вмѣсто 27 мы находимъ въ ящикѣ 6 дара 33 тѣла.

Но если для ариометическихъ и геометрическихъ упражненій *шестой даръ* слишкомъ сложенъ, онъ даетъ прекрасный матеріалъ для построекъ, представляетъ новыя средства къ болѣе точному воспроизведенію дѣйствительности: мы дѣлаемъ въ зданіяхъ болѣе тонкія стѣнки, строимъ балконы, колоннады; дѣленіе кирпичиковъ вдоль даетъ возможность ставить совершенно правильные столбы, которымъ пьедесталами служатъ сдѣланные изъ кирпичиковъ квадратики и проч. Принимая 5 и 6 даръ Фребеля для занятій съ дѣтьми отъ 6 до 9-лѣтняго возраста, мы должны сдѣлать въ нихъ еще болѣе измѣненій, чѣмъ въ 3 и 4 дарѣ, согласно предположенной нами системѣ упражненій.

Съ построекъ изъ этихъ даровъ можно начать утреннія упражненія ребенка, притомъ такъ, что въ одинъ день слѣдуетъ избрать жизненныя формы, на другой— изящныя, на третій—математическія. Давая въ первый разъ 5 даръ, въ руководствахъ Фребеля прежде всего совѣтуютъ знакомить съ этимъ даромъ: считать ряды кубиковъ, замѣчать ихъ расположеніе въ цѣломъ кубѣ, указываютъ на отличіе формы треугольной призмы отъ куба. Замѣтимъ, что переходъ отъ куба съ 8 частями къ кубу, въ которомъ 39 частей, слишкомъ рѣзкій, и знакомить со всеми численными отношеніями въ этомъ многосложномъ кубѣ можно никакъ не сразу, а лишь очень постепенно, и при томъ на такія большія числа, какія представляютъ многочисленныя кубики этого дара, дѣти могутъ упражняться лишь тогда, когда они будутъ гораздо старше. На первый разъ довольно, если, знакомя съ новою игрушкой, мы укажемъ дѣтямъ, что тутъ больше 8 кубовъ и что, кромѣ кубовъ, есть треугольныя тѣла, происшедшія отъ дѣленія кубиковъ вкось на двѣ и на четыре части. Изъ этого матеріала ребенокъ можетъ строить все, что онъ видитъ кругомъ, но отъ времени до времени пусть его постройки вытекаютъ одна изъ другой, т.-е., чтобы изъ одной формы выходила другая безъ разрушенія прежде построеннаго. Такъ изъ куба послѣдовательно дѣлаютъ лѣстницу, кресло, кровать, колодезь, домъ, и проч. Если и полезно иногда упражнять дѣтей такимъ образомъ, то столь же необходимо обращать вниманіе и на содержаніе, представляемое тою или другою формою, и здѣсь, какъ и въ занятіяхъ съ 3—4-лѣтними дѣтьми, мы точно также сопровождаемъ это занятіе бесѣдою. Изъ 8 кубиковъ мы строили столъ, стулъ, шкафъ, постель, такъ что намъ рѣдко приходилось дѣлать два предмета вмѣстѣ. Теперь, при большемъ количествѣ матеріала, мы строимъ тѣ же предметы совершеннѣе и кромѣ того заставляемъ дѣтей устраивать цѣлую комнату со всеми принадлежностями. Ребенокъ обдумываетъ: „кроватьку, одну для меня, другую для няни, шкафъ,—туда нужно убирать бѣлье, столикъ для умыванья; много стульевъ мы не будемъ ставить... А столикъ нужно, на немъ будемъ ставить игрушки, кушанье“. „А какія еще бываютъ комнаты?“...—Столовая: для столовой необходимъ длинный, большой столъ и кругомъ побольше стульевъ. Еще нуженъ шкафъ для посуды. Вотъ, я сдѣлаю стулья для всѣхъ, кто у насъ бываетъ: тутъ, мама, сядешь ты за самоваромъ“... Вы спрашиваете, какая посуда бываетъ за столомъ во время обѣда, какая во время чая, рассказываете кое-что о приготовленіи этой посуды. Но одного вашего разсказа здѣсь недостаточно: потому, во время прогулки, соблюдая все ту же связь въ

объясненіяхъ, вы можете сводить шестилѣтняго или семилѣтняго ребенка къ столарю, къ мѣднику, съѣздить съ нимъ на фабрику стеклянной и фаянсовой посуды, чтобы онъ въ общихъ чертахъ ознакомился съ приготовленіемъ разныхъ предметовъ. Въ крайнемъ случаѣ вы объясняете по картинкамъ, какъ что дѣлается. Однако картинка не можетъ никакъ замѣнить дѣйствительности: она болѣе полезна для напоминанія о томъ, что ребенокъ уже видѣлъ прежде. — А вотъ къ чаю нужны сухари, булки; Варя купить ихъ у булочника, а булочникъ сдѣлаетъ изъ муки, а гдѣ онъ . муки достанетъ? Какъ готовится мука? Опять, на случай прогулки, запомните, что надо осмотрѣть вѣтряную мельницу, побывать и въ полѣ, чтобы осмотрѣть сельскія работы. Платаной шкафъ дастъ вамъ случай побесѣдовать о разной одеждѣ, о приготовленіи холста изъ льна, сукна изъ шерсти, разныхъ матерій изъ хлопчатой бумаги, обуви изъ кожи. Тутъ есть опасность растеряться въ подробностяхъ, но пусть воспитатель сдѣлаетъ строгій выборъ наиболѣе необходимаго и доступнаго ребенку, пусть онъ приметъ за правило не бесѣдовать о томъ, чего нельзя показать ребенку наглядно, и пусть каждый разъ онъ назначаетъ не болѣе, какъ одинъ, много два разсказа. — Какія еще комнаты мы не дѣлали? Устроимъ кабинетъ; на сцену являются диванъ, кресла, письменный столъ: онъ не такой, какъ въ столовой или въ спальнѣ; на немъ стоитъ чернильница, лежатъ бумаги, карандаши, перья. Изъ чего дѣлаютъ карандашъ, грифель, бумагу? Мы перестроили всѣ комнаты; сдѣлаемъ теперь стѣну съ окнами, такую, какъ въ нашей залѣ: зачѣмъ нужны окна? Теперь тепло, мы и безъ рамъ обойдемся, а зимой такъ нужны не одна, а двѣ рамы. — Зачѣмъ? какія стекла должны быть въ рамахъ? какъ ихъ готовятъ? Какъ вставляютъ ихъ стекольщикъ? Теперь мы будемъ строить, а ты сама уже вырѣжешь и склеишь изъ папки оконную раму и вставишь вмѣсто стекла кусочки слюды, которую я дамъ тебѣ. Ну, выйдемъ на дворъ. А какъ выйти? нужно сдѣлать лѣстницу.

Уже въ томъ, что мы здѣсь представили, хватить занятій на много дней. Ребенокъ строитъ дворъ: стѣну съ воротами, сарай. Что ставятъ или кладутъ въ сарай? Зачѣмъ нужны сѣно, дрова? гдѣ ихъ достаютъ? а вотъ и собачья будка. Зачѣмъ? На дачѣ у насъ колодезь, а въ городѣ гдѣ достаютъ воду? Выйдемъ теперь изъ воротъ на улицу. Мы можемъ построить и фасадъ нашего дома. А помнишь, Маша, ты видѣла, какъ строятъ. Каменьщики кладутъ домъ изъ кирпичей и тесанаго камня. Отчего дома строятъ лѣтомъ? Что сначала кладутъ? Какъ выводятъ на фундаментъ стѣны? Для чего оставляютъ пустыя мѣста? Эти — для дверей, эти — для оконъ. Вспомни, какъ вставляютъ балки для половъ; а крышу какъ дѣлаютъ? какъ укрѣпляютъ въ балки стропила? какъ стелютъ доски?

Съ помощью шестого дара вы устраиваете колоннады, какія ребенокъ видѣлъ у театра, у храма, строите дачу съ балкономъ, съ заборомъ для сада и огорода. Постараемся построить деревню съ домиками, съ церковью. Ты видѣла крестьянскую хату? Мы сдѣлаемъ сначала избу, потомъ крестьянскій дворъ. Что стоитъ въ избѣ (конечно, если ребенокъ видѣлъ ее), что въ городскихъ комнатахъ? Здѣсь мы поставимъ у стѣнъ скамейки, большой столъ, сундукъ, шкафчикъ для посуды, русскую печь. Теперь сдѣлаемъ цѣлый крестьянскій домъ. При этомъ могутъ помочь и складныя крестьянскія хаты, какія продаются въ игрушечныхъ лавкахъ. — А чѣмъ жизнь крестьянина отличается отъ жизни горожанина? Въ городѣ преимущественно живутъ столары, мѣдники, ткачи и другіе ремесленники, кромѣ того купцы, военные, ученые, и проч. Въ селѣ болѣе занимаются хлѣбопашествомъ. Не даромъ русскій человекъ толкуетъ про свое житье-бытье: „Не печь кормитъ, а нивка“. Что это значитъ?

„На полатяхъ лежать, такъ и ломтя не видать“. Если не работать, а только лежать на полатяхъ (замѣняющихъ крестьянину кровать),—хлѣба не будетъ. Крестьянинъ усердно работаетъ день деньской: пашетъ, сѣетъ, жнетъ, косить, дрова рубить и не любить тѣхъ, кто лежитъ на печи. Надъ нерадивыми, что всякое дѣло кое-какъ дѣлають, онъ такъ смѣется: „Сбилъ, сколотилъ—вогъ колесо! Сѣлъ да поѣхалъ—ахъ, хорошо! оглянулся назадъ—однѣ спицы лежать“. Работа трудна, да у крестьянина есть свой дворъ и домъ, гдѣ хотя и „не уѣдно, да улежно“, т.-е. хотя не всегда поѣшь до сыта, да отдохнуть можно. „Не красна изба углами, а красна пирогами“. Пирогъ простой народъ ѣстъ въ праздникъ, а въ будни хлѣбъ, щи, да кашу. У кого заведется баранина, да сало свиное, про того уже говорятъ: „Домъ, какъ полная чаша“. Какъ ни бѣденъ русскій человекъ, а готовъ послѣднимъ кускомъ подѣлиться съ гостемъ: „Что въ печи, все на столъ мечи“. Ну и гостю не нужно быть жаднымъ. Дурно, кто ходитъ къ другимъ, чтобы только поѣсть: „На чужой каравай, ротъ не разѣвай“—говоритъ пословица.

А вотъ разгадай, Мажна, загадки: „Два брата глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся“ (Поль и потолокъ). „Не шагаетъ, а ходитъ“ (Дверь). „Молчанъ-собака весь домъ стережетъ“ (Замокъ).

Въ другой разъ вы начнете утро постройкою изящныхъ формъ. Здѣсь опять у Фребеля требуется, чтобы въ каждую фигурку входили все кубики. Такимъ образомъ, послѣ занятій съ 8 кубиками,—эти фигуры являются уже слишкомъ сложными, и самое упражненіе можетъ крайне утомить ребенка. Необходимо при этихъ занятіяхъ сначала упростить фигуры, выбравъ меньшее число кубиковъ и постепенно прибавляя новые, или строить изъ всѣхъ 27 кубиковъ только болѣе простыя фигуры. (Смотри рисунки въ концѣ). Вы сначала составляете правильный треугольникъ, по 9 кубиковъ на каждой сторонѣ, наконецъ кладете кубы, сложенные изъ призмъ. Потомъ отнимаете по одной изъ этихъ сложенныхъ призмъ и располагаете ихъ по сторонамъ вашей треугольной фигуры.

Фребелевскія упражненія въ геометрическихъ формахъ, какъ было замѣчено, съ 5 и 6 даромъ, могутъ обнять чуть-ли не всю геометрію, но это, опять повторяю, вредно и слишкомъ обременительно для дѣтей отъ 6 до 9-лѣтняго возраста. Будемъ продолжать учить счету съ величайшею постепенностію, по той системѣ, какую мы уже указали, принимая во вниманіе только то, что дѣти теперь болѣе взрослые, слѣдовательно тутъ уже можно давать имъ задачи чуть-чуть посложнѣе.

При математическихъ упражненіяхъ вы можете также давать складывать и тѣла, представляющія на поверхности форму прямоугольника, трапецій и другихъ многоугольниковъ, не обучая дѣтей этимъ терминамъ. Здѣсь также представляется случай постепенно упражнять въ сравненіи тѣлъ, одинаковыхъ по формѣ и различныхъ по объему, и тѣлъ, различныхъ по формѣ и одинаковыхъ по объему. Эти упражненія полезны, но ихъ давать надо очень умѣренно.

Послѣ построекъ изъ кубиковъ или математическихъ упражненій, должны слѣдовать чисто физическія упражненія. Подражая работамъ старшихъ, дѣти укрѣпляютъ мускулы: рукъ, плечъ, ногъ и спины. Вспомнимъ нѣкоторые изъ этихъ игръ: разнообразныя игры въ мячъ, то одной, то другой рукой, движенія тѣла, въ которыхъ ребенокъ подражаетъ тому, какъ мотають нитки, мелють кофе, какъ летаютъ птицы, какъ бѣгаетъ лошадь и т. д. Эти самыя упражненія продолжаются и теперь, но, сообразно съ лѣтнимъ временемъ, ихъ можно болѣе разнообразить и болѣе осмыслить при болѣемъ развитіи ребенка въ 6, 7 лѣтъ.

— Походи-ка, Маша, по лужку,—покажи, какъ крестьянинъ рожь сѣть. Ну, а какъ женщины жнутъ? Теперь посѣяли и сжали, надо молотить. Отправляйся въ городъ рожь продавать. Нужно скоро, скоро бѣгать. Вѣдь крестьянинъ навѣрно скоро ѣдетъ въ такое время: онъ радъ-радешенекъ, когда у него хлѣбъ хорошо уродился, что можно кое-что въ городѣ продать, а на вырученныя деньги купить соли, валенки себѣ на зиму. Ну, полно бѣгать, отдохни, да спой пѣсенку. Вы поете, дѣвочка вамъ вторить.

Сѣи скорѣй, мужичекъ!
Вышалъ свѣтленькій денекъ;
Рожь какъ разъ взойдетъ.
Глядь, и колосомъ нальется,
Какъ нальется,—соберется
Жать ее народъ.

Сжали,—нутко на гумно;
Молоти, собирай зерно:
Въ городъ повеземъ.
Кончимъ мы нашъ трудъ тяжелый,
Будетъ, братцы, пиръ веселый,
Пѣсни запоемъ.

— А вѣдь ту рожь, что у крестьянина осталась для себя, ему и смолотъ надо? ну-ка, покажи, какъ мелютъ. А какъ потомъ тѣсто мѣсить для хлѣба? Разумѣется, такія игры имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда ребенокъ видѣлъ на дѣлѣ самыя работы.—Теперь тебѣ опять пора попрыгать.

— Какъ заяцъ скачетъ въ полѣ?—Ребенокъ прыгаетъ на корточкахъ, при этомъ показываетъ руками уши зайчика, которыя то мельбаютъ, то скрываются въ травѣ.—Чу! Раздается охотничій рогъ, говорите вы, ну, зайника, давай Богъ ноги, скорѣй, скорѣй... Гамъ... гамъ... гамъ... вотъ уже и собаки близко... Скачи, вертись похитрѣ... Попался зайка, загнали-таки... „Ой, устала, мама“,—кричитъ дѣвочка и бросается на траву. Послѣ отдыха, она поетъ съ матерью:

Зайника по сѣнничкамъ
Ходилъ да гулялъ,
Сѣрый по новымъ
Разгуливалъ, гулялъ.
Некуда зайникъ
Выскочити,

Некуда сѣрому
Выпрыгнути.
Семеро воротъ
Крѣпко залерты;
Ключники всѣ въ торгъ пошли,
Ключики по карманкамъ разнесли.

— Споемъ: „Ленъ, мой ленокъ...“—Дѣвочка вскакиваетъ, поетъ, притопываетъ ногами и показываетъ, какъ сѣютъ, полиютъ, треплютъ ленъ.—Покажи, какъ дровосѣкъ древа рубить, какъ столяръ доски пилить.

Для дѣта слѣдуетъ выбрать подходящія игрушки, — о нихъ будетъ сказано въ особомъ очеркѣ (глава XVIII): „Лѣтнія и зимнія игрушки“.

Многіе родители имѣютъ прекрасное обыкновеніе давать дѣтямъ заучивать басни. Вотъ потому-то я и останавлиюсь на басняхъ Крылова и укажу, что изъ нихъ можно выбирать и какихъ онѣ требуютъ объясненій со стороны воспитателя.

Большая часть басенъ Крылова дѣйствительно вполне доступна дѣтямъ. Простота слога, живость и игривое остроуміе разсказа, художественная его отдѣлка, въ которой мы въ одно и то же время находимъ и краткость, и законченность, наконецъ здравый смыслъ, которымъ онѣ проникнуты,—качества безспорно драгоцѣнныя въ педагогическомъ отношеніи. Нельзя однако сказать, чтобы каждая басня Крылова, взятая въ отдѣльности, въ одинаковой мѣрѣ удовлетворяла требованіямъ дѣтскаго возраста: многія изъ нихъ проникнуты тонкой сатирой, совѣмъ недоступной дѣтямъ; другія, по узкости взгляда, могутъ дать ложное или одностороннее понятіе о предметѣ.

Басня „Ворона и Лиса“ вполне доступна пониманію ребенка: она изображаетъ ловкость и изворотливость лисы, которая выманиваетъ сыръ у глупой вороны. Ея главная цѣль—показать, какъ бываетъ наказанъ тотъ, кто поддается на льстивыя слова,—урокъ практической и полезный.

Басня „Котъ и Поварь“, очень живая по содержанию, тоже совершенно доступна ребенку въ 5 — 6 лѣтъ, но ея мораль довольно сомнительная. Тутъ въ смѣшномъ видѣ представленъ поварь, который хочетъ подѣйствовать убѣжденіями на блудливаго кота стянувшаго курченка:

«А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить».

Какъ вы объясните ребенку, что долженъ былъ дѣлать поварь съ котомъ вмѣсто правоученій? Оттаскать его за уши и хорошенько выдрать розгами? Но грубое обращеніе и безъ того свойственно многимъ дѣтямъ: ихъ напротивъ надо учить и словомъ, и примѣромъ, какъ дѣйствовать терпѣливо, и даже по отношенію къ конкѣ не давать воли рукамъ, а потому мораль этой басни, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, не слѣдуетъ давать дѣтямъ заучивать.

Басня „Тришкинъ кафтанъ“ заключается на видѣ очень простой и забавный рассказъ. Тришка обрѣзываетъ рукава, чтобы заплататъ локти, обрѣзываетъ фалды и полы, чтобы наставить рукава. Но если вы захотите объяснить, какъ слѣдуетъ, смыслъ этой басни, то вамъ придется обратиться къ предметамъ, выходящимъ изъ круга дѣтскихъ понятій: безъ того пропадетъ вся соль сатиры. Въ піесѣ „Музыканты“ сатира направлена противъ людей лицемѣрныхъ, которые любятъ щеголять добродѣтелью, какъ моднымъ платьемъ. Подобное лицемѣріе также мало понятно дѣтямъ. Изъ сказаннаго видно, что нельзя увлекаться простотою рассказа въ басняхъ Крылова; ихъ смыслъ не всегда такъ простъ, какъ это кажется съ перваго раза. Но у Крылова есть и такія басни, которыя, при совершенно доступномъ содержаніи, при весьма несложной и заманчивой завязкѣ, заключаютъ въ себѣ полезный для дѣтей нравственный урокъ и кромѣ того обогащаютъ ихъ рѣчь чисто русскими, народными оборотами. Прежде чѣмъ выбрать для дѣтей одну изъ басенъ Крылова, необходимо держаться слѣдующихъ правилъ: а) отбрасывать мораль, которая обыкновенно находится въ началѣ или въ концѣ каждой басни, б) выбирать басни, гдѣ являются животныя, уже хорошо знакомыя дѣтямъ, или такія, гдѣ описанъ предметъ самый обыденный. Въ возрастѣ, о которомъ я говорю, могутъ быть доступны басни въ родѣ слѣдующихъ: Двѣ бочки, Двѣ Собаки, Собака и Лошадь, Трудолюбивый Медвѣдь, Слонъ и Моська, Осель и Соловей, Лисица и Виноградъ, Хорошая Лиса, Волкъ и Лисица, Волкъ и Мышенокъ, Кошка и Соловей, Мышь и Крыса, Щука и Котъ, Обезьяна, Ворона и Лиса, Змѣя и Овца, Пчела и Мухи, Муха и Пчела, и проч. Въ послѣдней баснѣ нѣкоторыя, пожалуй, могутъ стѣсняться словами мухи:

Притомъ же, жалую полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой или шейкѣ бѣлоснѣжной.

Эти стихи, конечно, не много прибавляютъ къ характеру мухи; но выпускать ихъ нѣтъ надобности. Въдѣ и въ шесть-семь лѣтъ, рассказывая ребенку о какомъ-нибудь мальчикѣ, вы часто рисуете передъ нимъ его наружность: его курчавую головку, раскраснѣвшіяся щечки. И въ эти лѣта дѣти очень хорошо знаютъ, что шейка и щечки могутъ нравиться. Да и какъ можетъ дитя не знать этого, когда мама такъ часто говоритъ ему: „дай мнѣ поцѣловать твою милую щечку“, слѣдовательно оно не можетъ соединять съ этимъ никакой дурной мысли. Наконецъ, когда дитя мало обращаетъ вниманія, напримѣръ, хотя на комнатную собаку, ни одинъ воспитатель не затруднится сказать: ты не хочешь приласкать пуделя, а посмотри, какава у него красивая, густая, черная шерсть, какіе у него умные глаза!

Почему же передь ребенкомъ въ разсказѣ о человѣкѣ нельзя также просто описать его милостивую наружность. Говорите съ ребенкомъ, о чемъ угодно, и вѣрьте, онъ останется чистъ и невиненъ, если только при этомъ вы сами серьезно смотрите на предметъ, объясняете то, что идетъ къ дѣлу, а не говорите изъ пустой болтовни, или, что еще хуже, для собственной пошлой потѣхи: „ишь пострѣль! уже и это понимаетъ“ или: „губа-то не дура“ и т. п. Родители, которые такъ забавляются съ своими дѣтьми, конечно, воспитають пошляковъ.

Трудно съ точностью опредѣлить, что въ той или другой баснѣ слѣдуетъ объяснять ребенку, на чемъ больше останавливаться. Вѣрнѣе всего онъ самъ на это укажетъ, передавая вамъ свои впечатлѣнія. Если же разсказъ показался ему совсѣмъ не занимательнымъ, то это значить, что содержаніе басни ему чуждо и надо избрать другую. Для примѣра разскажемъ, какъ намъ случилось толковать хотя басню: „Слонъ и Моська“. Не заставляя никогда долбить басни, мы читаемъ первый разъ съ начала до конца безъ всякихъ объясненій. Безпрестанныя остановки и поправки помѣшали бы тому цѣльному, живому впечатлѣнію, какое долженъ произвести разсказъ; кромѣ того тутъ еще нужно напередъ узнать, какихъ объясненій требуетъ самъ ребенокъ. Послѣ прочтенія у него, напримѣръ, могутъ явиться вопросы: что такое толпы зѣвакъ, моська, шапка?

Во всей баснѣ ребенокъ не понялъ два, три слова; предметъ, ими означаемый, долженъ быть уже прежде ему хорошо знакомъ, но онъ не совсѣмъ помнитъ особья, видовыя названія собаки: моська и шапка. Послѣ вопроса „что такое?“ обыкновенно слѣдуетъ вопросъ „почему?“ — Почему моська такъ и лѣзетъ въ драку съ слономъ, когда тотъ ей ничего дурного не сдѣлалъ? И отчего это шапка ее начинаетъ усобѣщивать? Здѣсь намъ кажется весьма не трудно указать дѣтямъ хвастовство и смѣшное самохвальство моськи, которая тщеславится своимъ забіячествомъ. Анализируя это явленіе, вы нападаете на вопросы: видѣлъ ли ты забіякъ? Кого бы ты назвалъ забіякой? Большая ли честь прослыть забіякой? Можетъ ли Моська по своей силѣ и на самомъ дѣлѣ быть забіякой? Отчего же ей этого такъ захотѣлось? Какіе люди хвастаютъ лишь тѣмъ, что могутъ съ кѣмъ-нибудь подраться и кого-нибудь побить? Чѣмъ моська думала снискать себѣ уваженіе среди собакъ? За чѣмъ въ баснѣ нужно было вывести слона? Удачно ли моська выбрала случай показать свою удалъ? Чѣмъ смѣшна она? А если бы по улицѣ шелъ не слонъ, а бѣжала маленькая собачка, стала ли бы моська хвастать своимъ забіячествомъ? А какова шапка? Что бы ты сказалъ, если бы увидѣлъ забіяку? Потому ли только моська была глупа, что напала на огромное животное? и проч.

Послѣ подобныхъ бесѣдъ ребенокъ самъ будетъ просить васъ прочесть еще басню и станетъ пересказывать все въ домашнимъ, что онъ узналъ; при этомъ онъ охотно дозволитъ вамъ поправлять ошибки въ его разсказѣ. Пусть на другой день онъ передастъ это своими словами, какъ ему вздумается: останавливайте его только тамъ, гдѣ будутъ у него неправильные обороты, или вмѣсто характернаго выраженія, въ родѣ слѣдующаго: ну на него метаться, — скучныя растянутыя фразы. Такъ понемногу, напоминая слова басни, вы незамѣтно заставите его выучить ее на память. Тогда можно будетъ перейти къ другой, напр. къ баснѣ „Двѣ бочки“. Прочитавъ ее, вы легко наведете ребенка на слѣдующія соображенія.

— Одна бочка ѣдетъ тихо, скромно, не думая передь другими гремѣть, шумѣть и хвастать: при этомъ она полна виномъ и не можетъ скоро ѣхать. Другая на легкѣ, — вотъ она и несется въ скачъ. Къ тому же она, какъ пустая, не освѣжить, не напоить, никого не порадуешь, а только лошадь занимаетъ, — вотъ

и хочется ей обратить на себя вниманіе хотя грохотомъ да стукотней.—А отчего идетъ такая стукотня, громъ и пыль столбомъ?—Стукотня—отъ ударовъ колесъ о мостовую при скорой ѣздѣ, громъ—оттого, что внутри бочки пусто: какъ тряхнетъ, она и застучитъ, каждый стукъ въ ней отдается,—вотъ крикни въ пустую бочку, услышишь громкій шумъ. Пыль столбомъ,—какъ и всегда бываетъ во время скорой ѣзды: не улеглась еще пыль въ одномъ мѣстѣ, какъ уже подымается другая—вотъ и кажется, будто пыль стоитъ столбомъ. Ну, а много ли пользы отъ пыли да отъ стукотни?

Въ 7, 8 лѣтъ (но отнюдь не ранѣе 7-милѣтняго возраста), приходится начинать учить ребенка грамотѣ. Это обученіе въ первый годъ не можетъ продолжаться болѣе 20—25 минутъ кряду, а въ суммѣ оно должно отнимать времени не болѣе часа въ день. Слѣдовательно и при обученіи грамотѣ у ребенка будетъ оставаться достаточно времени и на бѣготню, и на продолженіе наблюденій надъ окружающимъ міромъ, и на басни, а также и на механическія занятія, сопровождаемыя живыми бесѣдами, сказками, пѣснями, рассказами, загадками, которыя и теперь должны идти своимъ чередомъ, какъ и прежде.

Книги, которыми воспитатели могутъ пользоваться для чтенія и пересказа дѣтямъ дошкольнаго возраста:

- 1) *Л. Н. Толстой*, „Русскія книги для чтенія“: 1-ая книга—10 к., 2-я книга—12 к., 3-я книга—12 к., 4-я книга—16 к.
- 2) *А. С. Пушкинъ* „Сказки.“ Изд. Ступина. ц. 50 к.
- 3) *Андерсенъ*, Сказки. Пригодны для маленькихъ дѣтей далеко не всѣ, но и для нихъ можно выбрать у Андерсена не мало совершенно доступныхъ по содержанію и которыя въ поэтической формѣ внушаютъ дѣтямъ любовь къ ближнему. Въ переводѣ Ганзена, ц. 80 к.;
- 4) *Перро* „Волшебныя сказки“ (въ отдѣльныхъ изданіяхъ): 1. Красная Шапочка, ц. 5 к., 2. Котъ въ сапогахъ, ц. 10 к., 3. Золушка—ц. 10 к., 4. Мальчикъ съ пальчикъ—10 к.;
- 5) *Степановъ* Блячекъ. Рассказъ. Изд. Фребелев. общества, ц. 50 к.;
- 6) *О. И. Шмидтъ* „Лидочкинъ подарокъ“ ц. 15 к.;
- 7) *О. И. Шмидтъ* „Какъ Надя спасла ребенка“, ц. 30 к.;
- 8) *О. И. Шмидтъ* „Ласточкино гнѣздо“. ц. 50 к.;
- 9) *Вучетичъ* „Красный фонарь“, ц. 30 к.;
- 10) *Дмитріева* „Малышъ и Жучка. Изд. Фребелев. общества, ц. 50 к.;
- 11) *Лукашевичъ* „Няня“, ц. 50 к.;
- 12) *Элизы Оржешко*. Рассказъ для дѣтей. „Приключенія Яся“. Изд. Клюкина, ц. 10 к.;
- 13) *Деркачевъ* „Бабушкины сказки“ (13 простыхъ по формѣ сказочекъ), ц. 10 к.;
- 14) *Деркачевъ* „Чудесныя животныя“. Изд. Ступина, ц. 10 к.;
- 15) *Деркачевъ* „Дѣтскія пѣсенки“. Библиотека Ступина, съ рис. Панова, ц. 10 к.;
- 16) *Деркачевъ* „Книжка Малютка“. Библ. Ступина, ц. 10 к. (Тутъ есть загадки, разгадки, прибаутки и сказки);
- 17) *Клавдія Лукашевичъ*: „Свѣтлячекъ“. Сборникъ рассказовъ, сказокъ, сценъ изъ дѣтской жизни, ц. 80 к.;
- 18) *Рубакинъ* „Рассказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ“, 35 к.;
- 19) *М. Бькова* „Первые рассказы изъ естественной исторіи“ 1-я ч. 30 к., часть 2-я—25 к.;
- 20) *М. Н. Богдановъ* „Мірскіе захребетники“. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка, ц. 1 р.;
- 21) *Д. Кайгородовъ* „О нашихъ перелетныхъ птицахъ“, ц. 20 к.;
- 22) *Д. Кайгородовъ* „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ“, ц. 2 р.;
- 23) *Е. Н. Водовозова* „На Отдыхъ“. Иллюстрированныя рассказы для маленькихъ дѣтей, ц. 85 к.;
- 24) *Е. Н. Водовозова*. „Изъ русской жизни и природы“. Рассказы для дѣтей съ 24 картинами, ц. 1 р. 50 к.;
- 25) *Е. Н. Водовозова*. „Одногласныя дѣтскія пѣсни съ русскими народными мелодіями“, ц. 1 р.;
- 26) *А. Н. Анненская*. „Робинзонъ Крузе“, переработка темы де-Фое, ц. 2 р.;
- 27) *Гранстремъ* „Елена

Робинзонъ“. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. По де-Фосе, ц. 2 р. 50 к.; 28) *Маминъ ребятамъ*. Изд. Посредника. Десять книжекъ разсказовъ и стихотвореній; цѣна каждой книжки по 1½ к.; 29) *И. Крыловъ*. Басни. Изд. Спб. Ком. Грамотности, цѣна 4-хъ книгъ 34 к.; 30) *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ*. „Сказки и разказы для дѣтей младшаго возраста“. Изд. Тихомирова, цѣна 60 к.; 31) *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ* „Емеля Охотникъ“, ц. 50 к.; 32) *В. И. Водовозовъ*. „Разказы и стихотворенія для дѣтей“. (Разказы, пѣсни, стихотворенія, пословицы, поговорки и пьеса для домашняго дѣтскаго спектакля). Съ 40 картинками, ц. 75 к.; 33) *В. И. Водовозовъ*. „Русскія сказки въ стихахъ“. Съ картинками ц. 1 р. 50 к.; 34) *А. Н. Аванасевъ* „Русскія дѣтскія сказки“, ц. 1 р. 75 к.; 35) *Баранцевичъ*: „Други“, ц. 20 к.; 36) *Висковатовъ*. „Бабушка Татьяна“, ц. 1 р. 50 к.; 37) *Засодимскій*. „Въ мятель и вьюгу“, ц. 3 к.; 38) *Коваленская*. „Дядя Власть“. ц. 10 к.; 39) *Крыловъ*. „Елка въ царствѣ звѣрей“, ц. 5 к.; 40) *Плещевъ*. „Дѣдушкины пѣсни“, ц. 3 к.; 41) *Шмидтъ*. „Мурка“. Изд. фреб. Общ., ц. 50 к.; 42) *Горбуновъ-Посадовъ* „Земля-Кормилица“. (Составитель бралъ для этого сборника преимущественно стихотворенія образцовыхъ поэтовъ). Изд. Посредника, ц. 15 к.; 43) *Винеръ*. „Первые разказы изъ естественной исторіи“, ц. 1 р.; 44) *Ивановъ*. „О землѣ и небѣ“, ц. 15 к.; 45) *Лушкевичъ*. „Земля“, 8 к.; 46) *Лушкевичъ*. „Небо и звѣзды“, ц. 8 к.; 47) *Лушкевичъ*. „Громъ и молнія“ ц. 12 к.; 48) *Лушкевичъ*. „Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ“ ц. 20 к.; 49) *Лушкевичъ*. „Жилища и постройки животныхъ“.

Эти книги я рекомендую воспитателямъ не для того, чтобы они читали ихъ цѣликомъ своимъ питомцамъ, но указываю, какъ на матеріалъ, которымъ они могутъ пользоваться для бесѣдъ съ дѣтьми. Въ одной изъ названныхъ книгъ найдется два, три и болѣе разсказовъ, которые можно сплошь прочесть дѣтямъ 5—6 л.; иной разсказъ на половину придется передать устно, сильно сокративъ его содержаніе; найдутся и такіе разказы, которые послужатъ только матеріаломъ для бесѣдъ; съ нѣкоторыми изъ выше названныхъ сказокъ и разсказовъ можно познакомить ребенка не ранѣе 8—9 лѣтъ,—это уже должна рѣшить сама воспитательница, сообразуясь съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ своего ребенка.

ГЛАВА XVI.

Подвижныя игры.

Значеніе игры въ жизни ребенка. — Какое направленіе слѣдуетъ давать играмъ. — 14-ть подвижныхъ народныхъ игръ.

Фребель даетъ рядъ гимнастическихъ игръ, приспособленныхъ къ дѣтскому возрасту. Эти игры однако рѣзко отличаются отъ обыкновенной гимнастики: во 1-хъ онѣ сопровождаются пѣніемъ, во 2-хъ самыя движенія заимствованы изъ дѣйствительной жизни. (Воспитательное значеніе пѣнія для первоначальнаго развитія я старалась выяснитъ въ предисловіи къ пѣснямъ: „Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями“, музыка Рубца, составила Е. Водозова). Первое условіе для того, чтобы подвижныя игры приносили дѣтямъ удовольствіе и пользу, состоитъ въ томъ, чтобы онѣ устраивались безъ всякаго принужденія; тогда онѣ могутъ развивать ловкость, остроуміе, соображеніе, привязанность къ товарищамъ, терпѣніе и другія хорошія качества, но прежде всего онѣ должны быть направлены къ тому, чтобы дать полнѣйшій отдыхъ головѣ и, пріятно возбуждая физическія силы ребенка, укрѣплять его мускулы. По играмъ дѣтей вы наглядно можете составить себѣ понятіе о томъ образѣ жизни, который они ведутъ въ своемъ семействѣ, и о воспитаніи, которое они получаютъ. Тамъ, гдѣ первую роль играютъ узкіе семейные интересы и меркантильные расчеты, дразни съ прислугою и тому подобное, — любимую дѣтскою игрою служитъ игра въ кухарку, при чемъ ее распекаютъ, изгоняютъ изъ дому, и т. п.; тамъ, гдѣ въ жизни первую роль играютъ наряды и выѣзды, дѣти любятъ наряжаться въ туалеты старшихъ, представлять визиты, выѣзды старшихъ.

Мысль Фребеля дать дѣтямъ разнообразныя игры, въ которыхъ они воспроизвели бы жизнь не одного какого-либо кружка или сословія, а жизнь общечеловѣческую, какою живетъ трудящійся людъ, — въ высшей степени воспитательная. Заимствуя у Фребеля эту идею, мы тутъ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, можемъ быть его подражателями. Фребель давалъ своимъ дѣтямъ народныя игры и пѣсни, въ которыхъ дѣти подражали трудящейся массѣ своей страны; мы должны заимствовать эти игры у своего народа и разнообразить ихъ сообразно съ русскою жизнію. Въ прежнихъ главахъ мы дали уже примѣры игръ, которыя можно ввести для семействъ, гдѣ одно дитя или двое; теперь укажемъ на такія игры, которыми можно было бы занять дѣтей въ дѣтскомъ саду, въ пріютѣ или хотя и въ семействѣ, но въ обществѣ нѣсколькихъ дѣтей. Чего однако слѣдуетъ придерживаться въ этихъ играхъ?

1) Прежде всего въ такой игрѣ не должно быть ни сословнаго, ни узко-семейнаго элемента.

2) Въ ней не должно быть ничего, что и взрослыми считается предосудительнымъ, т.-е. не должно быть повода къ возбужденію, какое мы видимъ при игрѣ

въ карты, а также не слѣдуетъ вводить игры, гдѣ существуютъ проигрыши, т.-е. гдѣ промахъ и неудача одного выгодны для другого.

3) Подвижныя игры должны сопровождаться какими-нибудь тѣлодвиженіями. Такъ какъ онѣ обыкновенно слѣдуютъ за занятіями, требующими усидчивости, то цѣлью игры должно быть развитіе мускуловъ дитяти, а средство къ достиженію этого — движеніе.

Игры въ обществѣ товарищей научаютъ ребенка терпѣнію. Когда, напримѣръ, играютъ въ кошку-мышку, дѣйствующими лицами могутъ быть только двое дѣтей. Вниманіе остальныхъ обращено на то и другое дѣйствующее лицо; ихъ удача и неудача такъ возбуждаетъ дѣтей, что всѣ они тотчасъ хотятъ принять участіе въ ихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ правило игры таково, что каждый долженъ ждать своей очереди. Дѣти скоро начинаютъ сознавать, что это ожиданіе очереди — необходимое условіе товарищества.

Подвижная игра должна научить сообразительности и находчивости. Мы видѣли, что дѣти, которыхъ не учатъ играмъ, подражаютъ только дѣйствіямъ своихъ близкихъ; но главное условіе игръ — дать какъ можно болѣе разнообразія, развитіе фантазію ребенка настолько, чтобы потомъ онъ самъ, безъ помощи воспитателя, могъ изобрѣтать игры. Изъ этого ясно, что подвижная игра должна имѣть цѣлью не только физическое упражненіе, но и умственное. Она должна быть совершенно свободна. Малѣйшее утомленіе со стороны ребенка или даже простое его заявленіе, что онъ не хочетъ играть, служить уже достаточнымъ поводомъ, чтобы онъ вышелъ изъ кружка играющихъ; онъ снова станетъ въ ряды ихъ при первомъ своемъ желаніи. Однако не нужно думать, что дѣтямъ слѣдуетъ указывать только игры, сопровождаемыя пѣснями. Чѣмъ больше вы покажете имъ различныхъ игръ, тѣмъ скорѣе и въ этомъ отношеніи станутъ они самостоятельными. Вотъ образцы ихъ, безъ пѣнія:

1) *Коршунъ*. Дѣти составляютъ кружокъ, одинъ садится въ середину и скребетъ рукою по полу.

„Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?“ (спрашиваютъ въ голосъ дѣти).

— Ямочку копаю.

— На что тебѣ ямочка?

— Денежку ищу.

— На что тебѣ денежка?

— Иголочку купить.

— На что тебѣ иголочка?

— Мѣшечекъ шить.

— На что тебѣ мѣшечекъ?

— Камушки класть.

— На что тебѣ камушки?

— Въ васъ побросать, васъ погубить.

— За что?

— Вы мое гнѣздо срыли,

Моихъ дѣтокъ словили,

Моихъ дѣтокъ убили.

Коршунъ вскакиваетъ и бросается ловить дѣтей. Кого поймаетъ, тотъ садится въ кругъ вмѣсто него коршуномъ. Другая игра въ коршуна исполняется нѣсколько иначе.

2) *Коршунъ*. Играющіе становятся въ рядъ, кладутъ другъ другу руки на плечи и такимъ образомъ составляютъ плотную цѣпь; это птенчики, которыхъ охра-

няетъ насѣдка, стоящая впереди ихъ. Коршунъ ходитъ подлѣ и старается утянуть одного цыпленка изъ длинной цѣпи. Насѣдка отбивается отъ коршуна, защищая распростертыми руками своихъ цыплятъ. Пойманный цыпленокъ становится коршунъ, а коршунъ идетъ на его мѣсто.

3) *Горѣлки*. Играющіе становятся парами одна за другою; впереди всѣхъ стоитъ тотъ, кто „горитъ“; когда онъ скажетъ: „гори, гори ясно, чтобы не погасло, взглянь на небо — птички летятъ!“ и при этомъ ударитъ три раза въ ладоши, то первая пара пускается въ бѣгство, но при томъ такъ, что одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону горячаго, который старается поймать одного изъ нихъ, прежде чѣмъ они успеютъ опять схватить другъ друга за руки. Если это ему удастся, то онъ становится съ тѣмъ, кого поймалъ, въ заднюю пару, а непойманный отдѣльно на его мѣсто, — его очередь „горѣть“.

4) *Макъ*. Играющіе, взявшись за руки, становятся въ кружокъ; въ серединѣ садится хороводникъ. Играющіе ходятъ кругомъ и поютъ:

Ай, на горѣ макъ, макъ!
Подъ горою бѣль, бѣль!
Ахъ вы, маки-маковочки,
Золотыя головочки,
Станьте вы въ рядъ,
Спросимте про макъ.

Играющіе останавливаются и спрашиваютъ у хороводника. „Сѣяли-ли макъ?“ Хороводникъ отвѣчаетъ: „Только землю вспахали“. Дѣти поютъ ту же пѣсню, потомъ спрашиваютъ: „Сѣяли-ли макъ? — Сѣяли“. — Послѣ каждаго отвѣта поютъ пѣсню и спрашиваютъ послѣдовательно: Взоселъ-ли макъ? — Выходитъ! — Зацвѣлъ-ли макъ? — Зацвѣлъ. — Поспѣваетъ-ли макъ? — Поспѣваетъ. — Поспѣлъ-ли макъ? — Поспѣлъ; собирайтесь отряхать. — Хороводникъ вскакиваетъ и старается выбѣжать изъ круга; если не успеетъ, всѣ бросаются на него и трясутъ его. Хороводникъ долженъ ударить три раза кого-нибудь по счету; тогда всѣ отступаются отъ него, и ударенный дѣлается хороводникомъ.

5) *Волкъ*. Одинъ изъ играющихъ, волкъ, прячется; прочіе, овцы, ищутъ волка и, какъ только увидятъ его, сейчасъ же разбѣгаются, куда кто можетъ. Волкъ старается ловить овецъ, которыя, будучи пойманы, сами дѣлаются волками.

6) *Цыпленки*. По жребію рѣшаютъ, кому изъ играющихъ ловить, пятнать другихъ. Всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, а ловящій гонится за ними и старается дать наступившему легкой ударъ ладонью и отбѣжать, потому что запятнанный можетъ тотчасъ же въ свою очередь запятнать его.

7) *Квартиры мѣняютъ*. Всѣ садятся на стулья въ кружокъ, а одинъ изъ играющихъ стоитъ посреди, слѣдовательно однимъ стуломъ меньше числа играющихъ. „Квартиры мѣняютъ!“ кричитъ средній, какъ только всѣ усядутся. Играющіе вскакиваютъ въ ту же минуту, и каждый долженъ занять новое мѣсто. Кто остался безъ стула, тотъ становится въ середину. Эту игру можно назвать также въ „*Свои сосѣди*“. Тотъ, кто стоитъ посреди, подходитъ то къ одному, то къ другому изъ сидящихъ. „Довольны ли вы своимъ сосѣдомъ?“ спрашиваетъ онъ. — „Недоволенъ и вмѣсто него хочу вотъ того-то...“ Тѣ, которыхъ пожелали имѣть сосѣдами, бѣгутъ занять мѣста изгоняемыхъ. Кто останется безъ мѣста долженъ стать на середину.

8) *Жмурки*. Эта общеизвѣстная игра: при ней обыкновенно устраняютъ изъ комнаты все опасное, на что дѣти могутъ наткнуться, и затѣмъ одному изъ дѣтей завязываютъ глаза; остальные расходятся, по разнымъ угламъ комнаты и зовутъ

товарища, у котораго завязаны глаза. Тотъ направляется въ ту сторону, откуда слышенъ голосъ, но товарищи уже перемѣнили мѣста; кого онъ поймасть, тому завязываютъ глаза.

9) *Кольцо*. Кольцо надѣваютъ на веревочку и связываютъ оба ея конца; дѣти становятся въ кружокъ, кладутъ руки на веревки и шевелятъ немного руками, чтобы незамѣтно было, кому именно передается кольцо. Тотъ, кто стоитъ въ кругу, слегка ударяетъ по рукѣ того, у кого онъ думаетъ найти кольцо, и у кого его найдутъ, тотъ становится въ кружокъ угадывать, а если не угадаетъ, игра продолжается по-прежнему.

10) *Мушки и ласточка*. Одно дитя представляетъ ласточку, которая садится отдѣльно отъ другихъ играющихъ. Остальныя дѣти представляютъ мухъ, и всѣ вмѣстѣ становятся противъ ласточки. Они, точно крыльями, размахивая руками, потихоньку приближаются къ ласточкѣ, приговаривая въ одинъ голосъ:

«Мушки летали,
Мушки жужжали.
Жужжу, жу,
Жужжу, жу».

При послѣднихъ словахъ вскакиваетъ „ласточка“ и быстро произноситъ:

«Ласточка порхъ
Мушку поймала...
Мушка процай,
Мушка пропала!»

При послѣднемъ словѣ ребенокъ, изображающій ласточку, хлопаетъ въ ладоши и изо всѣхъ силъ гонится за мухами, чтобы словить которуюнибудь изъ нихъ. Пойманное дитя становится ласточкой, и игра начинается снова.

11) *Птицы летятъ*. Дѣти садятся въ кружокъ. Ребенокъ, сидящій въ серединѣ, говоритъ, подымая руки: „Утки летятъ, гуси летятъ!“ при чемъ всѣ должны подымать руки; но если онъ называетъ такіе предметы, которые не летаютъ, напр. домъ летитъ, столы летятъ, и кто-нибудь подыметъ руки, тогда его мѣсто занимаетъ тотъ, кто ошибся.

12) *Какой цвѣтокъ?* Все маленькое общество, выславъ напередъ кого-нибудь изъ своей среды за двери, стоваривается, какимъ цвѣткомъ назовется каждый. Когда высланному скажутъ „пора“, онъ входитъ и наугадъ называетъ какой-либо цвѣтокъ; если кто-нибудь назвался такимъ цвѣткомъ, тотъ долженъ встать и идти за дверь. Послѣ этого дѣти называются опять другими цвѣтами и такимъ образомъ игра продолжается.

13) *Охота*. Въ эту игру можно только играть гдѣнибудь на зеленомъ лужку, отъ котораго недалеко лѣсъ или по крайней мѣрѣ кустарники. Прежде всего дѣти обозначаютъ мѣсто, на которомъ они будутъ играть и за предѣлы котораго никто изъ нихъ не долженъ забѣгать; одинъ изъ играющихъ назначается охотникомъ. Онъ ловитъ звѣрей, которые прячутся отъ него кто въ кусты, кто въ густую траву. Кого охотникъ словитъ и, стрѣляя изъ палки, какъ изъ ружья, прокричитъ: „пуфъ!“ тотъ долженъ, какъ убитый, растянуться на мѣстѣ. Убитаго охотникъ отводитъ въ свое жилище, которое обыкновенно назначается гдѣнибудь въ сторонѣ, въ кустахъ. Убитый уже не играетъ до конца игры и остается въ жилищѣ охотника. Кого такимъ образомъ поймаютъ послѣдняго, тотъ дѣлается охотникомъ.

Примѣры другихъ подвижныхъ игръ, въ которыхъ дѣти подражаютъ движеніямъ рабочаго люда, я даю въ моей книгѣ „Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры“.

ГЛАВА XVII.

Обзоръ развивающихъ занятій и работъ.

Объясненіе таблицъ I—IX. — Значеніе строительнаго матеріала Фребеля. — Примѣры бесѣдъ при постройкахъ, указанныхъ на таблицахъ. — Разсказъ по поводу памятника Фребелю. — О плоскостяхъ: квадратъ, треугольники и цвѣтная мозаика. — Рисованіе красками. — Сгибаніе бумаги. — Переплетаніе бумажныхъ тесемокъ. — Раскладываніе и переплетаніе лучинъ. — Тканье или плетенье. — Работы изъ гороха. — Выкальваніе. — Вышиваніе. — Вырѣзаніе и наклеиваніе. — Вырѣзаніе тѣней. — Работы изъ сѣмянъ. — Отпечатываніе листьевъ. — Работы изъ соломы. — Лѣпка изъ глины. — Какое занятіе можно придумать со стеариновымъ огаркомъ? — Гипсовыя работы. — Рисованіе. — Выкладываніе палочекъ или спичекъ. — Выкладываніе колець и полуколець. — Работы изъ бичевокъ. — Силуэты.

Всю эту главу я посвящаю описанію различныхъ работъ. Со многими изъ нихъ читатели уже знакомы, и изъ выше приведенныхъ примѣровъ бесѣдъ и разсказовъ, вѣроятно, достаточно уяснили методъ и приемы, которые можно считать наиболѣе раціональными при первоначальномъ воспитаніи. Въ этой главѣ я не только сдѣлаю очеркъ такъ-называемыхъ фребелевскихъ работъ, но постараюсь указать и множество другихъ, не менѣе полезныхъ.

Первые шесть даровъ Фребеля были выше описаны довольно подробно, а въ концѣ этой книги я прилагаю къ нимъ чертежи для построекъ предметовъ изъ окружающей обстановки, т.-е. формъ *жизненныхъ* и *изящныхъ*. Что касается формъ *математическихъ*, то я считаю лишнимъ прилагать ихъ таблицы.

Вотъ значеніе нашихъ таблицъ.

Т а б л и ц а 1.

№	1	— Столъ.
"	2	— Стулъ.
"	3	— Два стула.
"	4	— Кровать.
"	5	— Шкафъ.
"	6	— Диванъ.
"	7	— Кресло.
"	8	— Печь съ трубой.
"	9	— Два креста.
"	10	— Колодезь.
"	11	— Ворота.
"	12	— Бесѣдка.
"	13	— Ворота съ калиткой.
"	14	— Садовая стѣнка съ калиткой.

Т а б л и ц а II.

Таблицу II я даю съ цѣлью, научить дѣтей, какъ, не разрушая разъ сдѣланной фигурки, посредствомъ перемѣщенія только нѣкоторыхъ частей матеріала, можно строить все новыя формы.

№ 1 Двойныя ворота. Ребенокъ осторожно снимаетъ вверху лежащія кубики; одинъ изъ нихъ онъ кладетъ на первый столбикъ, другой на второй, затѣмъ третій столбикъ кладетъ сверху, и у него выходятъ высокія ворота (№ 2).

Верхніе кубики кладутъ другъ на друга ворота съ башней (№ 3).

- № 4 Домъ съ башней.
- „ 5 Дача съ настройками.
- „ 6 Паровая машина.
- „ 7 Развалившійся домъ.
- „ 8 Лавки съ кладовой наверху для склада товаровъ.
- „ 9 Крестъ на плитѣ.
- „ 10 Памятникъ.
- „ 11 Верстовой столбъ.
- „ 12 Большой крестъ.

Т а б л и ц а III.

На таблицѣ III у насъ представлены постройки изъ 8-ми плитокъ. Нѣкоторые воспитатели только тогда приступаютъ къ постройкамъ изъ плитокъ, когда дѣти уже совершенно хорошо умѣютъ справляться съ кубиками. Конечно, не слѣдуетъ сразу давать ребенку оба ящика, но мнѣ кажется весьма полезнымъ попеременно показывать ему, какъ строить окружающіе его предметы изъ кубиковъ и какъ дѣлать тѣ же предметы изъ плитокъ. Тогда различіе между кубомъ и плиткою въ постройкахъ представится ему еще рѣзче.

- № 1 Столъ.
- „ 2 Стулъ.
- „ 3 Кровать.
- „ 4 Диванъ.
- „ 5 Шкафъ.
- „ 6 Кресло.
- „ 7 Печка съ трубою.
- „ 8 Колодезь.
- „ 9 Лѣстница.
- „ 10 Ворота съ калиткой.
- „ 11 Крыльцо съ витою лѣстницей.

Т а б л и ц а IV.

Отъ № 1 до 16 — изящныя формы изъ кубиковъ.

Отъ № 1 до 12 — изящныя формы изъ плитокъ.

Изящныя формы, указанные въ этой таблицѣ, вытекаютъ одна изъ другой: ихъ слѣдуетъ строить такимъ образомъ: всѣ кубики (съ плитками слѣдуютъ тому же правилу) раскладываютъ на столѣ, и притомъ такъ, что 4 кубика, соединенные въ квадратъ, образуютъ средину; остальные четыре ставятъ къ четыремъ сторонамъ этого квадрата. У насъ это изображено отъ № 1 до 7-го. Но въ первыхъ четырехъ фигуркахъ четыре приставленные кубика двигаются вокругъ центра, каждый

разъ подвигаясь впередъ только на полъ-кубика. Точно также ихъ можно передвигать и далѣе, что, конечно, и безъ рисунковъ можетъ самъ сдѣлать каждый воспитатель.

Когда дѣти поняли, въ чемъ дѣло, и совершенно свободно умѣютъ передвигать крайними кубиками, можно указать имъ на новую форму фигуръ, см. №№ 7—16.

V и VI даръ даютъ дѣтямъ уже тогда, когда они умѣютъ распорядиться съ предыдущими дарами; поэтому на слѣдующихъ таблицахъ и представлены фигуры, уже болѣе замысловатыя и сложныя.

Т а б л и ц а V.

- № 1 Село съ церковью и часовней.
- ” 2 Заводъ.
- ” 3 Водоємъ.
- ” 4 и 5 Городскія постройки: два различныхъ дома.

Т а б л и ц а VI.

- № 6 Памятникъ Ломоносова.
- ” 7 Могильный крестъ.
- ” 8 Дѣтская кровать съ рѣшетками.
- ” 9 Диванъ.
- ” 10 Обѣденный столъ съ двумя стульями и съ двумя приборами.

Т а б л и ц а VII.

- № 1 Фасадъ большого каменнаго дома.
- ” 2 Памятникъ Фребелю,—сдѣлать изъ II-го, V-го и VI-го даровъ *).

Таблица VIII — изящныя формы.

Первыя четыре фигурки изъ кубиковъ V-го дара; остальные двѣ подъ цифрами 1 и 2 — изящныя формы изъ плитокъ.

Т а б л и ц а IX.

Фигуры, означенныя цифрами: 3, 4, 5, 6, 7, 8, изображаютъ изящныя формы изъ плитокъ.

Строительный матеріалъ Фребеля, который заключается у него въ 5 дарахъ (начиная со 2-го и кончая 6-тымъ даромъ), представляя массу матеріала для работъ, имѣетъ громадное значеніе для развитія маленькихъ дѣтей. Посредствомъ его ребенокъ не только знакомится съ формою различныхъ тѣлъ, но и приобретаетъ способность довольно вѣрно воспроизводить ихъ въ очертаніяхъ. При живой фантазіи дитяти, которая въ раннемъ дѣтствѣ обыкновенно преобладаетъ надъ другими способностями, его не можетъ, конечно, надолго занять наблюденіе надъ отвлеченными формами тѣлъ. Но всякій построенный имъ домикъ влечетъ за собою живую бесѣду; его наполняютъ людьми, раскрываютъ передъ ребенкомъ картину за картиной изъ простой обыденной жизни. Пусть его садикъ стоитъ на столѣ и изображенъ нѣсколькими плитками, которыя разставлены въ кружокъ; ребенокъ видитъ передъ собою грядки съ зеленью, съ цвѣтами махроваго мака. Но можетъ ли онъ

*) Ребенокъ 6—7-ми лѣтъ, который не можетъ устроить точъ въ точъ такой памятникъ, какой здѣсь указанъ, пусть построитъ, что можетъ, самостоятельно.

представить себѣ картины, полныя жизни, если онъ у васъ только строилъ, а вы ему при этомъ рассказывали занимательные рассказы? Конечно, нѣтъ... Какъ добиться этого, было подробно объяснено въ очеркѣ о воспитаніи ума.

Когда воспитатель съ ребенкомъ вернется домой послѣ прогулки и возьмутъ кубики и плитки, они начнутъ строить то, что имъ удалось разглядѣть, и, напоминая другъ другу объ упущенныхъ изъ виду мелочахъ во внѣшней постройкѣ, перейдутъ мало-по-малу къ бесѣдѣ о томъ, какъ и для чего дѣлается то или другое. Если ребенокъ занялся постройкой уже съ полчаса, лучше всего переимѣнить занятіе. Иначе ребенокъ сразу набросится на постройки, отдастъ имъ всю душу въ продолженіи четырехъ-пяти дней, а потомъ это занятіе надолго опустылитъ ему; тоже слѣдуетъ имѣть въ виду и при другихъ занятіяхъ съ маленькими дѣтьми. Между тѣмъ, давая ребенку каждый день на полчаса заняться постройками, вы приносите ему огромную пользу: знакомясь съ формою различныхъ тѣлъ, онъ въ то же время изощряетъ всесторонне наблюдательность въ отношеніи къ природѣ, жизни людей, къ разнообразному ихъ труду. Обогатившись впечатлѣніями, ребенокъ сообщаетъ ихъ своимъ близкимъ, которые съ своей стороны оживляютъ его знанія новыми рассказами. Все это ближе знакомитъ его съ окружающимъ, а передача впечатлѣній ведетъ къ развитію правильного говора. Добиваясь возможно вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности, ребенокъ пріучается къ усидчивости, а та особенность строительнаго матеріала, что при малѣйшей неосторожности вся постройка падаетъ и уничтожается весь плодъ трудовъ, — учитъ терпѣнію и даетъ прекрасный урокъ въ томъ, что желанія сбываются только послѣ настойчиваго труда. Принужденный иногда нѣсколько разъ возобновлять свою постройку, ребенокъ привыкаетъ и относительно другой работы не падать духомъ при первой неудачѣ.

Хотя я приводила много примѣровъ, какъ вести бесѣды при постройкахъ, но, рассматривая чертежи этой книги, читатели могутъ задаться вопросомъ, къ чему заставлять ребенка строить надгробныя плиты, памятники? Можно-ли воображеніе ребенка, вступающаго въ жизнь, омрачать мрачными картинами смерти? Не запугаетъ ли его это на первыхъ порахъ, не возбудитъ-ли въ немъ болѣзненной мнительности? Я вполне раздѣляю эти опасенія и убѣждена, что ребенка совершенно бесполезно хотя на минуту останавливать надъ непостижимыми для его ума вопросами о смерти. Между тѣмъ, если онъ живетъ на свѣтѣ уже лѣтъ 6, 7, то навѣрно много разъ видѣлъ кладбище и памятники. Пусть же онъ построитъ памятникъ, и бесѣда при этомъ пробудитъ въ его душѣ не мрачную картину смерти, а любовь къ жизни, желаніе приносить другимъ радость и счастье.

На таблицѣ VI-ой, № 6, дѣти строятъ памятникъ Ломоносову и узнаютъ кое-что изъ его жизни. (Я не привожу здѣсь рассказы о Ломоносовѣ, такъ какъ его біографію можно найти въ очень многихъ книгахъ, а по даннымъ мною образцамъ наставница сѣмъѣтъ выбрать изъ нихъ то, что можетъ быть доступно ея питомцу). Въ другой разъ, когда дѣти начнутъ ту же работу, вы можете рассказывать имъ слѣдующее: „Если тебѣ опять охота строить, мы сдѣлаемъ памятникъ Фребелю, человекъ, который выдумалъ все эти игрушки (таблица VII, № 2).

Если бы вы знали, дѣти, какъ мы скучали въ дѣтствѣ, особенно въ зимнее время! Приобрѣтать много игрушекъ—дорого, и не всегда возможно для тѣхъ, кто жилъ въ деревняхъ, далеко отъ города и игрушечныхъ магазиновъ. Въ то время еще не было придумано такихъ занятій съ дѣтьми и игрушекъ, какія теперь у васъ: изъ деревашекъ вы строите дома, мебель, можете заниматься ими хотя цѣлыми днями и каждый разъ дѣлать изъ нихъ новое и новое. А какія прелестныя

вещицы вы умѣете мастерить изъ плетенокъ, гороха, лучинокъ! Въ наше же время были лишь куклы, звѣрки, солдатики, однимъ словомъ такія игрушки, которыми очень не долго можно поиграть, но дѣлать изъ нихъ все новое и новое — невозможно, а чуть сломаешь, — и нѣтъ ничего.

Моя мама хорошо знала, какая скука ждетъ насъ, дѣтишекъ, зимою и, чтобы никому не было ни обидно, ни завидно, покупала каждому изъ насъ по большой куклѣ и по колодѣ картъ. Въ первые дни мы были очень рады подаркамъ: играли между собою въ куклы, ѣздили съ ними другъ къ другу въ гости, строили изъ картъ домики. Но все это скоро надоѣдало. А начнемъ что-нибудь строить изъ картъ, пройдетъ кто-нибудь по комнатѣ, легкой толчокъ, даже съвозной вѣтеръ, — и вся работа пропала. Къ тому же карты скоро портились и не годились для занятій. Съ куклою же у меня всегда выходили пренеприятныя исторіи! Послѣ двухъ, трехъ игръ съ нею, мнѣ ужасно хотѣлось узнать, что у нея было внутри головы. Разбить ее, — но какъ же я на всю зиму останусь безъ игрушки? Что я тогда буду дѣлать? Съ какой завистью придется мнѣ смотрѣть на братьевъ и сестеръ, у которыхъ уцѣлѣетъ хотя одна игрушка. „Однако, что-же у нея въ головѣ?“ все-таки мучилась я... „Отчего мастера не дѣлаютъ головки кукамъ такъ, чтобы можно было ихъ разобрать, посмотрѣть немножко и опять сложить, какъ ни въ чемъ не бывало? Какая досада. Хотя бы крошечное, крошечное отверстие было у нея въ головѣ! Ну, да я сама его продѣлаю“, — рѣшила я, и, не долго раздумывая, запустила нянину вязальную иголку въ голову куклы. Но представьте мою досаду: какъ я ни вглядывалась въ продѣланную мною дырочку, — ничего не было видно, между тѣмъ кусокъ матеріи, къ которой были приклеены волосы куклы, свалился, и она была обезображена. „Ничего“... утѣшала я себя, хотя у самой выступали слезы, при одной мысли, что братья могутъ застать ее въ такомъ видѣ и подымутъ меня на смѣхъ: „я повяжу ей косыночку, — она еще красивѣй будетъ!“ На другой день однако моя тайна была открыта, и въ моемъ отсутствіи братья развязали голову куколки и со всѣхъ сторонъ встрѣтили меня хохотомъ и криками. „Твоя кукла ранена, съ кѣмъ она воевала? Да и какая она безобразная безъ волосъ!“ Мнѣ, конечно, все равно было, меня-ли срамили, или куколку, и потому мнѣ стало очень грустно: я сѣла съ ней въ уголокъ и стала горько плакать. Черезъ минуту ко мнѣ подошла маленькая сестра. „Маша, милая, не плачь, лучше пойдемъ въ другую комнату и посмотримъ въ дырочку, которая у нея пробита, что у нея тамъ внутри... мнѣ тоже такъ хочется это знать“. „Да вѣдь я ужъ смотрѣла, ничего не видать“. — Такъ нужно немножко больше дырочку продѣлать... куколка отъ этого не сломается: какъ теперь, такъ и тогда, все равно будетъ съ повязанной головой. — Этотъ доводъ мнѣ показался убѣдительнымъ, и мы съ сестрою условились выйти потихоньку въ столовую, зорко посматривая на братьевъ, не слѣдятъ-ли они за нами. Сестра была такъ предупредительна, что даже захватила съ собою перочинный ножикъ. Въ столовой, когда мы вошли, никого не было, и мы при свѣтѣ лампы начали обдѣлывать задуманное. Остріе ножа быстро вошло въ дырочку, и хотя щелка была теперь длинна, но такъ узка, что по прежнему ничего не было видно. Тутъ уже я, забывъ всякія предосторожности, запустила свой палецъ; видя это, сестра не сдержала и, какъ коршунъ бросилась на добычу, съ остервененіемъ отрывая кусокъ за кускомъ. Вскорѣ у куклы совсѣмъ не было головы: сохранилась только шея и часть носа. Голова куклы была изъ толстой бумаги, слѣдовательно внутри было пусто, только стѣнки были оклеены сѣрой бумагой.

— Ну, если такъ ее увидятъ, сказала сестра, указывая на куклу, тогда насъ

совсѣмъ на смѣхъ подымутъ,—право лучше ее бросить за форточку. Я очень обрадовалась догадливости сестры, такъ какъ для меня въ ту минуту хуже всего казались насмѣшки братьевъ. Я была выше сестры и потому взлѣзла на стулъ открывать форточку; сестра должна была держать стулъ, чтобы онъ не пошатнулся. Хотя мнѣ и казалось тогда, что я была очень высокаго роста, но, чтобы достать форточку, пришлось все выше и выше подниматься на цыпочки; этимъ я расшатала стулъ, сестра не могла его удержать, и черезъ минуту мы грохнулись обѣ на полъ. На этотъ шумъ сбѣжалась вся семья; несмотря однако на синяки и шишки на нашихъ лбахъ, мы увѣряли, что намъ нисколько не больно, и только думали, какъ бы скрыть нашу куклу. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась нашимъ мученіемъ. Я всю замотала ее въ тряпки и положила съ собой въ кровать. Утромъ, когда я пошла умываться, сестра сѣла стеречь ее, чтобы въ моемъ отсутствіи кто-нибудь не вынулъ ее изъ кровати; мы уговорились зарыть ее въ снѣгъ, когда пойдемъ гулять. Но весь день была дурная погода, такъ что нельзя было выйти на дворъ, и намъ пришлось провести время въ страшной тревогѣ. Когда наконецъ на другой день мама отпустила насъ побѣгать по двору, мы бросили куклу черезъ заборъ. Вечеромъ, послѣ этого происшествія, когда мы съ сестрой играли въ ее куклу, она вдругъ сказала: „не правда-ли: вѣдь моя кукла гораздо тяжелѣе той, что у тебя была,—я увѣрена, что ее голова налита свинцомъ. Какъ ты думаешь?“

— Если свинцомъ, такъ вовсе не любопытно на него смотрѣть, вѣдь мы же много разъ видали свинецъ.

— Почему узнать, можетъ быть это и не свинецъ... можетъ быть это камешекъ... какой-нибудь разноцвѣтный, пожалуй такой, котораго мы никогда не видали, говорила сестра.

— Но во что же тогда, Оля, мы будемъ съ тобой играть?

— Ужъ мнѣ такъ надоѣло все въ куклы играть,—рѣшительно отвѣчала она.— Развѣ ты не хочешь видѣть хорошей, можетъ быть даже драгоценной камешекъ?—спрашивала она, уже совершенно увѣренная, что въ головѣ куклы находится такой камень. Я, конечно, не могла противиться такому соблазну, и кукла сестры черезъ нѣсколько минутъ лежала разбитая.

Начались длинные зимніе вечера, и мы съ сестрой, не имѣя никакихъ игрушекъ, никакихъ занятій, страшно скучали. Сидимъ бывало у стола, шьемъ мѣшки, считаемъ орѣхи, да играемъ на нихъ въ „четъ и нечетъ“. Но какъ то зимой, въ день моихъ именинъ, крестная мама подарила мнѣ маленькій органчикъ. Это была у меня первая дорогая игрушка. Заведу бывало машинку, и органчикъ наигрываетъ какую-нибудь пѣску, а въ это время вокругъ стола соберутся братья и сестры. Но не долго я гордилась своей игрушкой: она меня начала искушать, какъ и кукла. Съ этимъ искушеніемъ я боролась цѣлую недѣлю, пока въ одно прекрасное утро мнѣ вдругъ не показалось, что я, разсмотрѣвъ внутренность органчика, сумѣю на столько ловко все снова уладить, что онъ попрежнему будетъ играть.

Послѣ этого я тотчасъ сорвала верхнюю доску, вынула проволоку и круглый валъ, который вертѣлся при игрѣ и осталась... ни при чемъ. Не думайте, что я наказана была только тѣмъ, что лишилась игрушки: потеря ее надолго навлекла на меня множество огорченій. Мама заявила мнѣ, что такъ какъ я не сумѣла сберечь даже дорогой и занимательной игрушки, то она считаетъ бесполезнымъ что-нибудь мнѣ покупать. Братья и сестры при моемъ приближеніи всегда кричали: „уйди, уйди, а то ты сейчасъ пойдешь допытываться, что внутри нашихъ игрушекъ и все перепортишь“.

Подумайте, какъ счастливы вы дѣти, что можете сами сдѣлать для себя такое множество различныхъ игрушекъ! Вспомните, сколько удовольствія доставляли вамъ постройки изъ кубиковъ и плитокъ, переплетаніе изъ бумажныхъ полосокъ, раскладываніе лучинъ и спичекъ, выкалываніе, рисованіе и другія занятія, — всѣ эти игрушки и занятія придумалъ Фребель. Онъ видѣлъ, что безъ занятій дѣти скукаютъ, ссорятся, привыкаютъ мучить животныхъ и становятся злыми. Къ тому же съ лошадками и куколками, которыя были у насъ, сыграешь въ двѣ, три игры, и трудно что-нибудь придумать новое, а съ игрушками, которыя дѣтямъ далъ Фребель, чѣмъ больше играешь, тѣмъ болѣе выучиваешься придумывать, — поставимъ же ему памятникъ.

При постройкѣ таблицы V, № 1 — „село съ церковью и часовней“, — можно представить ребенку цѣлую картину сельской жизни простолюдина. Если такую работой онъ занять лѣтомъ, расскажите о полевыхъ деревенскихъ работахъ: о жнитвѣ, покосѣ, но прежде сводите его посмотрѣть на нихъ.

О ПЛОСКОСТЯХЪ.

Квадратъ.

Изъ шести даровъ ребенокъ довольно хорошо долженъ былъ ознакомиться съ различными тѣлами; теперь можно перейти къ знакомству съ плоскостями. Для этого существуетъ различный матеріалъ: вы можете купить квадратики и треугольники, деревянные или изъ картона, оклеенные разноцвѣтной бумагой. Послѣдніе намъ кажутся гораздо цѣлесообразнѣе: они, такъ же, какъ и деревянные, знакомятъ ребенка съ формою, да еще даютъ понятіе о цвѣтѣ. Если кому коробка съ разноцвѣтными треугольниками покажется дорога, то ихъ очень легко приготовить самимъ. Возьмите листъ папки, съ обѣихъ сторонъ оклейте его цвѣтной бумагой, но такъ, чтобы верхъ и низъ были одного цвѣта. При этомъ вы должны имѣть въ виду, что треугольники и квадратики, которые вы нарѣжете изъ этой папки, должны быть семи основныхъ цвѣтовъ; поэтому вамъ слѣдуетъ въ бумажномъ магазинѣ заготовить листами бумаги этихъ цвѣтовъ. Квадратики лучше дѣлать такой величины, какъ стороны большого деревяннаго куба, съ которымъ дѣти ознакомились при постройкахъ изъ предыдущихъ даровъ.

Ребенокъ знакомится съ плоскостями не ранѣе 7 лѣтъ. Чтобы нагляднѣе утвердить въ ребенкѣ понятіе о квадратѣ, вы можете взять штукъ 12 нарѣзанныхъ квадратиковъ, положить ихъ одинъ на другой такъ, чтобы вышелъ настоящий кубъ, и затѣмъ разобрать всѣ квадратики. Ребенокъ увидитъ, что изъ куба можно получить много тоненькихъ дощечекъ или квадратиковъ.

Ребенокъ долженъ обводить квадратики и треугольники карандашемъ, вырѣзывать ихъ изъ бумаги различной величины. При этомъ вы объясняете, что въ квадратѣ противоположныя стороны идутъ по одному направленію въ равномъ разстояніи другъ отъ друга и одинаковы по величинѣ. Когда ребенокъ разрѣжетъ бумажный квадратъ отъ одного угла до другого (по діагонали), вы заставите его сосчитать углы въ двухъ полученныхъ отъ квадрата половинкахъ и объясните, что, такъ какъ онъ насчиталъ въ каждой изъ нихъ по три угла, то такія фигуры называются *треугольниками*. Затѣмъ можно предоставить ему составлять изъ квадратиковъ и треугольниковъ различныя фигурки. Если онъ будетъ затрудняться выдумывать

вать свое, то воспитатель может складывать съ нимъ, взявъ въ образецъ приложенные чертежи на таблицѣ X. Цвѣта онъ будетъ самъ подбирать. При этомъ можемъ указать на одну игрушку, которая полезна для ознакомленія съ цвѣтами, это: *цветная мозаика*,—ее можно найти во всѣхъ большихъ игрушечныхъ магазинахъ. *Цветная мозаика* дастъ случай объяснить, какіе цвѣта гармонируютъ между собою; только нужно стараться выбирать такую, гдѣ бы не было неопредѣленныхъ цвѣтовъ или въ цвѣтахъ слишкомъ нѣжныхъ оттѣнковъ.

Все это, конечно, слѣдуетъ оживлять бесѣдами. Но такъ какъ я представила уже достаточно матеріала для бесѣды, то буду теперь излагать въ сжатомъ видѣ лишь самую сущность дѣла.

Рисованіе красками.

Дѣти познакомились съ цвѣтами уже въ 4, 5 лѣтъ, но пока знакомство это ограничивается тѣмъ, что они, не затрудняясь, отличаютъ одинъ отъ другого семь цвѣтовъ радуги и умѣютъ ихъ называть. Но вотъ имъ даютъ новыя работы: плетеніе, вышиваніе, наклеиваніе разноцвѣтныхъ фигуръ. Какъ въ рисунокѣ составить нѣсколько цвѣтовъ, какой цвѣтъ идетъ къ другому, — съ этимъ они еще не знакомы.

Въ дѣтскихъ садахъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ упражняютъ въ вышиваніи: ребенку даютъ толстую бумагу (ватманскую), на которой уже нарисованъ контуръ какой-нибудь фигурки. Ему указываютъ, гдѣ онъ долженъ выкалывать: „этою шерстью ты вышишь по этимъ проколамъ, когда кончишь, приходи, я дамъ тебѣ шерсть другого цвѣта“. Мнѣ приходилось видѣть, какъ дѣти вышивали чрезвычайно сложныя и красивыя фигурки, необыкновенно ловко и аккуратно выполняя эту работу, между тѣмъ совершенно самостоятельно они никогда не могли ее выполнить и черезъ пять, десять стежковъ спрашивали воспитательницу: какого цвѣта теперь взять шерсть.

• Между тѣмъ знаніе цвѣтовъ должно заключаться не только въ умѣнїи каждый цвѣтъ назвать своимъ именемъ, но и въ болѣе основательномъ знакомствѣ съ ними. Цѣлесообразнѣе устроить это такимъ образомъ: купите три куска краски: *желтой* (гумми-гута), *синей* (берлинской лазури) и *красной* (кармина). Ребенокъ растираетъ эти краски на тарелкѣ, каждую отдѣльно. Затѣмъ на чистомъ листѣ бумаги онъ дѣлаетъ три большихъ круга *) (см. таблицу XII, ф. а); между кругами и по серединѣ пусть онъ сдѣлаетъ по квадратику. Одинъ кругъ нужно закрасить желтою краскою, другой кругъ—синюю, а третій—красною. Потомъ ребенокъ смѣшиваетъ желтую краску съ синей, и у него выходитъ *зеленая*, которую онъ закрашиваетъ одинъ квадратъ. Далѣе онъ смѣшиваетъ *синюю* съ *красною*, — выходитъ *фіолетовый* цвѣтъ для другого квадрата: наконецъ *красный* и *желтый* даютъ *оранжевый* для третьяго. Когда же смѣшавъ всѣ краски, образуется *черная краска*, ее можно помѣстить въ серединѣ.

Послѣ этого ребенокъ будетъ отличать *основныя* цвѣта отъ *производныхъ*. Въ простой, наглядной формѣ, вы можете объяснить ему, что эти составныя или производныя цвѣта мы получаемъ не только посредствомъ смѣшенія двухъ основныхъ красокъ, но также и тогда, когда посредствомъ двухъ цвѣтовъ одновременно производятъ впечатлѣніе на органъ зрѣнія. Для этого вырѣзаютъ правильный кружокъ изъ тонкаго картона; одну половину его раскрашиваютъ *желтой* краскою, другую—*синей*; середину этого круга насквозь просверливаютъ круглой палочкою—осью, по-

*) Круги ребенокъ можетъ проводить посредствомъ циркуля, или, по всѣмъ извѣстному способу, бумажкой, въ которой сдѣлана дырочка для карандаша.

средствомъ которой его быстро вертять; тогда весь кружокъ покажется сплошь окрашеннымъ въ зеленый цвѣтъ. Такимъ же путемъ можно получить и остальные производные цвѣта. При этомъ вы можете указать ребенку, что производный цвѣтъ совсѣмъ не гармонируетъ ни съ однимъ изъ цвѣтовъ, изъ которыхъ онъ составленъ, слѣдовательно зеленый цвѣтъ никогда не долженъ быть ни подлѣ желтого, ни подлѣ синяго; этому правилу слѣдуютъ и другіе производные цвѣта. Но какой цвѣтъ идетъ къ другому, лучше всего показать на слѣдующемъ примѣрѣ. На вышеуказанномъ кружкѣ нарисуйте два цвѣта, красный и зеленый: при быстромъ верченіи кружковъ будетъ казаться сплошь *бѣлымъ*; цвѣта, которые вмѣстѣ образуютъ бѣлый цвѣтъ, гармонируютъ другъ съ другомъ. Но если вы, взявъ какія-нибудь двѣ краски, получите другой цвѣтъ—*не бѣлый*, такихъ цвѣтовъ не слѣдуетъ на рисункѣ класть другъ подлѣ друга. Гармонируютъ между собою, кромѣ краснаго и зеленаго, оранжевый и синий, желтый и фіолетовый. Такіе опыты дадутъ ребенку наглядное представленіе о цвѣтахъ, и во всѣхъ своихъ работахъ онъ уже болѣе сознательно будетъ подбирать цвѣта, гармонирующіе другъ съ другомъ.

Хорошо также заставлять дѣтей раскрашивать красками различные предметы. При этомъ обыкновенно покупаютъ тетради, въ которыхъ на одной страницѣ сдѣланъ контуръ картинки, а на другой раскрашенная модель; нужно выбирать только простыя, крупныя и отчетливыя картинки: раскрашивание мелкихъ и сложныхъ фигуръ скорѣе можетъ принести вредъ, чѣмъ пользу. Такой картинкой ребенокъ, конечно, не можетъ раскрасить отчетливо, привыкаетъ къ неаккуратности, и при этомъ глазъ получаетъ ложное свѣтовое впечатлѣніе.

Сгибаніе бумаги *).

Сгибаніе бумаги слѣдуетъ начинать съ дѣтьми не ранѣе 5-ти, 6-ти лѣтъ, такъ какъ оно требуетъ значительной сноровки. Работа эта очень занимаетъ дѣтей, такъ какъ сложенные фигурки можно не только сохранять, но и употреблять во многихъ случаяхъ, на примѣръ коробочки, цѣтушки, сумки, кораблики. Сгибаніе бумаги требуетъ большой точности въ исполненіи, что, разумѣется, очень полезно для дѣтей, не приученныхъ къ аккуратности, но такъ какъ при этомъ оно и довольно сильно напрягаетъ ихъ вниманіе, то этою работою слѣдуетъ занимать весьма не долго.

Сгибаніемъ бумаги пользуются обыкновенно, чтобы объяснить элементарный курсъ геометріи, что необходимо въ школѣ, но для маленькихъ дѣтей въ дошколь-

*) Воспитателямъ, специально изучающимъ дѣло первоначальнаго воспитанія, я рекомендую приобрести практическое руководство послѣдовательно изложенныхъ рисунковъ для разнообразныхъ упражненій съ дѣтьми. Руководство это называется: «Arbeitschule, herausg. von Seidel und Schmidt» (Школа занятій, изд. Зейделя и Шмидта). Школа эта состоитъ изъ 10 тетрадей: 1) *Das Netzzeichnen* (Рисованіе по сѣткѣ) для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ, начиная отъ простыхъ фигуръ до самыхъ сложныхъ; 2) *Das Flechten* (Плетеніе)—для дѣтей отъ 3 до 4 лѣтъ. Тутъ идутъ сначала самыя простенькіе узоры, а въ концѣ — фигуры животныхъ, зданій; 3) *Das Pappen* (Картонажъ) отъ 5 до 14 лѣтъ. Рисунки представляютъ фигуры выкроекъ для клейки моделей геометрическихъ тѣлъ, но также и предметовъ домашней обстановки. 4) *Das Ausstechen* (Выкалываніе). Рисунки представляютъ изображенія домашнихъ и дикихъ животныхъ, растенія, людей при различныхъ занятіяхъ, предметы домашней обстановки; 5) *Das Stäbchenlegen*. Рисунки для выкладыванія палочекъ, пластинокъ, дугъ и колецъ; 6) *Erbsenarbeiten*. (Работы изъ гороха и спичекъ). Рисунки изображ. геометрическія формы, предметы домашней обстановки. 7) *Das Netzzeichnen*. (Рисованіе по сѣткѣ). Рисунки представляютъ сочетаніе кривыхъ и изогнутыхъ и ломаныхъ линий, для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ; 8) *Das Thonmodellieren*. (Лѣпка изъ глины). Эта тетрадь представл. упражненія сначала въ лѣпкѣ простыхъ формъ, а потомъ предметы домашней обстановки; 9) *Das Verschränken*. (Работы изъ лучины); 10) *Das Ausschneiden*. (Вырѣзаніе изъ бумаги). Каждая тетрадь снабжена предисловіемъ, показывающимъ, какъ и въ какомъ порядкѣ вести эти занятія. Рисунки для названныхъ занятій можно приобретать и вмѣстѣ съ образцами: въ ящикѣ для плетенія, работъ изъ пробокъ и т. п. обыкновенно приложены рисунки и нѣсколько образцовъ уже исполненныхъ работъ.

ный періодъ это черезчуръ преждевременно. На таблицѣ XI, гдѣ указано, въ чемъ состоитъ сгибаніе, слѣдуетъ такимъ образомъ дѣлать фигуры: № 1 (сверху) представляетъ квадратную бумажку, точечныя линіи означаютъ сгибы; № 2 — тотъ же квадратъ, только всѣ четыре угла загнуты въ самый центръ; № 3 — выходитъ изъ № 2, только половина краевъ загнута въ немъ на нижнюю, гладкую сторону, — въ этомъ видѣ фигурка представляетъ осьмиугольникъ. № 1, таблица XI (3-й рядъ): если вы возьмете бумагу за одинъ конецъ, а другой расширите — у васъ вѣрь: раздвиньте ее съ обѣихъ сторонъ и поставьте на столъ — будутъ ширмы, № 2; № 3 — та же фигура, что и предыдущая, только еще перегнутая по срединѣ. Очень нравится дѣтямъ, когда имъ показываютъ какъ нужно сгибать простыя предметы: лодочки, куколки, шляпочки, солонки, коробочки и проч. Это занятіе необыкновенно полезно для развитія вѣрности глаза и ловкости въ рукахъ, помогаетъ развитію чувства симметріи и, добавимъ еще, по дешевизнѣ матеріала доступно самому бѣдному чело-вѣку. Ни изъ одного матеріала нельзя сдѣлать такого множества прелестныхъ и простыхъ вещей, доступныхъ дѣтямъ даже 4-хъ — 5-лѣтняго возраста, какъ изъ бумаги. Прекрасное понятіе о томъ, какую массу разнообразныхъ работъ могутъ дѣлать изъ бумаги самыя маленькія дѣти, даетъ книга „Le monde en papier“ par m-elle Marie Koenig, inspectrice des écoles maternelles. Въ этой книгѣ воспитательницы найдутъ не только образцы для сгибанія бумаги, но и для рисо-ванія по сѣти, а также не мало драгоценныхъ совѣтовъ и по другимъ занятіямъ для дѣтей дошкольнаго возраста.

При сгибаніи бумаги, для полученія возможно правильныхъ и красивыхъ формъ, нужно придерживаться слѣдующаго правила: слѣдуетъ какъ можно отчетливѣе дѣ-лать всѣ перегибы, чтобы дать возможность бумагѣ удерживать извѣстную форму при различныхъ ея вывертываніяхъ.

Переплетаніе бумажныхъ тесемокъ.

Для этой работы берутъ полоску писчей бумаги приблизительно въ четверть аршина длины; ширина полоски должна быть въ палець. Начать работу нужно съ того, что сложить полоску такъ, чтобы она была поуже и менѣе рвалась при ра-ботахъ. При этомъ нужно держаться правила, чтобы въ одной и той же фигурѣ, въ одномъ сгибѣ тесьма приходилась сверху, а въ другомъ снизу, — что читатели и найдутъ въ чертежахъ этой книги. Изъ этихъ бумажныхъ тесемокъ дѣти могутъ согнуть всѣ знакомыя геометрическія фигуры и кромѣ того могутъ разнообразить работу тѣмъ, что двѣ одинаковыя фигуры (напр. два треугольника) слетать въ одну, какъ видно изъ рисунковъ. Главная цѣль этого занятія упражнять руку ребенка; оно можетъ быть дано уже въ пять лѣтъ. На таблицѣ XII отъ 1 по 7 № пред-ставлены фигуры, сдѣланныя изъ узкихъ бумажныхъ тесемокъ.

Раскладываніе лучины.

Лучиною можно занимать дѣтей съ ранняго возраста, лѣтъ съ 3-хъ. Лучины обыкновенно заказываютъ въ полъ-аршина длины, подобныя тѣмъ, которыя упо-требляютъ при плетеніи корзины, только въ половину уже. Маленькія дѣти расклады-ваютъ ихъ на полу, въ длину, въ видѣ рельсовъ желѣзной дороги, крестиками, звѣздочками. Въ 4 — 5 лѣтъ дѣти могутъ выкладывать изъ нихъ уже болѣе за-мысловатыя фигуры: большіе двухъэтажные дома, даже при случаѣ сложить цѣлое село съ рядомъ избъ и церковью.

Мы даемъ рядъ рисунковъ для рисованія прямыхъ линій по сѣти и для

выкладыванія спичекъ. Воспитатели могутъ брать многіе изъ нихъ для занятій съ дѣтьми, какъ при раскладываніи лучины, такъ и при раскладываніи спичекъ. (См. табл. XXII).

Переплетаніе лучинъ.

Съ этою, болѣе трудною, работою дѣти могутъ справляться не ранѣе 5—6-ти-лѣтняго возраста; оно имъ болѣе нравится, такъ какъ сдѣланную фигуру ребенокъ можетъ поднять со стола, показать всѣмъ, кому желаетъ. Если хотите переплести лучины такъ, чтобы онѣ держались, нужно, во-1-хъ, имѣть не менѣе 4-хъ лучинъ, а во-2-хъ, каждая изъ этихъ лучинъ должна съ обоихъ концовъ имѣть дырочки, посредствомъ которыхъ и прикрѣпляютъ одну лучину къ другой. Вы можете указать ребенку, какъ такимъ образомъ, сдѣлавши изъ лучинокъ одну фигуру, онъ можетъ разнообразить ее, раздвигая болѣе или менѣе края лучины. (См. табл. XIII, съ 1 по 6). Послѣ этого можно попробовать дѣлать предметы изъ окружающей жизни: корзинки, подносики и т. п.

Тканье или плетенье.

Тканье или плетенье имѣетъ важное значеніе для нагляднаго знакомства съ числомъ, съ цвѣтомъ и для развитія въ дѣтяхъ вкуса и чувства симметріи. Ребенокъ приподнимаетъ на фонѣ по двѣ, по три прорѣзанныя полоски, затѣмъ слѣдующія накрываетъ бумажной тесемкой и считаетъ, сколько накрылъ, сколько оставилъ полосокъ. Онъ привыкаетъ дѣлать это безъ всякаго понужденія, такъ какъ самъ видитъ, что иначе непременно ошибется. Такое занятіе можно давать ребенку уже въ четыре года,—это одна изъ причинъ для того, чтобы дорожить такою работою. Занятій для 6-ти, 7-лѣтнихъ дѣтей гораздо больше, чѣмъ для самыхъ маленькихъ, между тѣмъ многія изъ нихъ обнаруживаютъ сильное стремленіе потрудиться надъ чѣмъ-нибудь.

Материаломъ для тканья служитъ маленькій листокъ одноцвѣтной бумаги—коричневой, голубой, черной, или какого-нибудь другого цвѣта. Листокъ этотъ долженъ быть только немного больше узоровъ для тканья, помѣщенныхъ нами въ таблицѣ XIV. Если вы даете ткать на большихъ листахъ, то ребенокъ не можетъ кончить эту работу въ одинъ разъ, что неудобно во многихъ отношеніяхъ. Ему и надоѣдаетъ другой разъ дѣлать тотъ же рисунокъ, да и каждому пріятнѣе видѣть результатъ труда *скорѣе*, чѣмъ *позже*. Листикъ, на которомъ плетутъ, долженъ быть прорѣзанъ въ длину тонкими полосками, только прорѣзы эти не должны доходить до концовъ, такъ что кругомъ остается со всѣхъ сторонъ замкнутая каемка (смотри таблицу XIV, фигуру подъ буквою А).

Кромѣ названнаго матеріала, необходима еще *игла*: это простая, полукруглая палочка, гладко выструганная, съ ушкомъ на концѣ; величина ея должна быть нѣсколько больше листика, на которомъ будутъ плести. Но вмѣсто того, чтобы покупать такія иглы, дѣти сами могутъ готовить ихъ. Возьмите тоненькую лучинку, расщепите кончикъ перочиннымъ ножомъ, а другой ея конецъ нѣсколько округлите, и вотъ вамъ игла. Кромѣ листка и иглы нужно еще приготовить *узкія полоски бумаги*. Такую полоску ущемляютъ въ расщепъ иглы и пропускаютъ иглу черезъ прорѣзы листа, то вверхъ, то внизъ. На первый разъ ребенокъ плететъ черезъ одну, т. е. одну полоску листка подымаетъ, а слѣдующую накрываетъ тою полоской, которая у него въ иглѣ; затѣмъ черезъ двѣ, черезъ три,—одну подымаетъ, а три пропускаетъ и наоборотъ; послѣ этого онъ уже дѣлаетъ различные узоры. Когда

все плетение кончено, его переворачивают, подклеивают кончики тесемок, а если они такъ длинны, что торчатъ и съ правой стороны, то ихъ подрѣзаютъ. Если наблюдать, чтобы ребенокъ бралъ листокъ одного цвѣта, а тесемки бумажныя другого и чтобы при этомъ цвѣта гармонировали между собой, то выходятъ прехорошенькія плетенки. Эти работы ребенокъ не только можетъ сохранять, но и украшать ими разные предметы, что, разумѣется, его необыкновенно радуетъ. Онъ можетъ самъ склеить изъ папки родъ небольшого цилиндра, открытаго съ двухъ сторонъ, сверху обклеить его своею плетенкой, края обрамить подходящею цвѣтною бумажною тесемкой другого цвѣта, — и вотъ у него хорошенькое кольцо на салфетку. Наклеилъ эту плетенку на квадратную папку, и у него подставка подъ свѣчи, стаканъ, чернильницу и т. д. (см. табл. XIV и XV). Забудьте бумагу фланелью, сукномъ (при этомъ, конечно и тесемки, которыми будете переплетать, должны быть такой же матеріи, но другого цвѣта), и это тканье получить новую прелесть въ глазахъ ребенка. Матеріаль для плетенья, т.-е. иголку, бумажную тесемку и листики, можно покупать въ игрушечныхъ магазинахъ.

Работы изъ гороха.

Матеріаль для этой работы требуетъ весьма ничтожной затраты: гороху на двѣ, на три копѣйки, да пучекъ спичекъ—пять копѣекъ, и этого достаточно, чтобы надѣлать множество разнообразныхъ фигуръ. Работы изъ гороха могутъ сохраниться и радуютъ ребенка именно тѣмъ, что онъ можетъ дѣлать ихъ легко и скоро (кромѣ такихъ фигуръ, гдѣ нужно гнуть спички, чѣмъ ребенокъ можетъ заниматься нѣсколько позже). Сдѣлавши какую-нибудь книжечку или стаканчикъ, можно поперекъ переплести спички цвѣтными бумажными тесемками. Всѣго гороха употребляютъ также пробки: работа выходитъ еще красивѣе, чѣмъ изъ гороха.

Горохъ для этихъ работъ нужно мочить въ холодной водѣ въ продолженіе 5-ти, 6-ти часовъ, затѣмъ его слѣдуетъ вынуть и положить на тряпочку или пропускную бумагу, чтобы онъ нѣсколько обсохъ, иначе кожица горошинъ будетъ лопаться, когда начнутъ въ нихъ втыкать палочки. Кромѣ того оба конца палочки дѣти должны нѣсколько обстругать, чтобы они легче входили въ горохъ. Работы изъ гороха представлены у насъ на таблицѣ XVI.

Выкалываніе.

Для этой работы необходимъ листокъ бумаги, на которомъ нарисована картинка (см. таблица XVII) и ватманская бумага, которую вкладываютъ въ рисунокъ. Листокъ ватманской бумаги долженъ быть чуть-чуть меньше листка, на которомъ изображенъ рисунокъ, такъ какъ края послѣдняго должно завернуть, чтобы обхватить со всѣхъ сторонъ бумагу: иначе она будетъ сдвигаться съ мѣста. Такимъ образомъ приготовленный листокъ кладутъ на что-нибудь мягкое, напр. на сукно или кусокъ войлока. Затѣмъ берутъ булавку съ стеклянною головкою или обыкновенную иголку, вставляютъ въ костяную ручку, въ которой прежде была тамбурная иголка. Вправивъ иголку въ ручку, прокалываютъ ею точки на картинахъ, оставляя между ними небольшіе промежутки. При этомъ прежде всего наблюдаютъ, чтобы проколы были глубоки, круглы, ровны, чтобы разстояніе между проколами было вездѣ одинаковое. Для этого прежде всего необходимо держать въ рукахъ иголку въ перпендикулярномъ положеніи относительно бумаги. Когда такимъ образомъ сдѣлаютъ контуръ, снимаютъ рисунокъ, а ватманскую бумагу, на которой вышло проколами все изображеніе, бывшее на рисункѣ, переворачиваютъ на изнанку и на

ней дѣлають между чертами контура мелкіе, частые проколы. Послѣднее дѣлають въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ сдѣлать рисунокъ болѣе выпуклымъ и тѣмъ придать ему болѣе сходства съ дѣйствительными предметами.

Выкалываніе можно давать дѣтямъ не ранѣе 6-ти лѣтъ, въ свѣтлый солнечный день и не болѣе, какъ на четверть часа. Ребенокъ не можетъ начать прямо выкалывать съ картинокъ, гдѣ представлены изображенія сложныхъ предметовъ. Для первоначальнаго выкалыванія можно просто отрѣзать кусокъ бумаги, разлинованный сѣткою, который вы употребляете для рисованія, и въ него уже вкладывать ватманскую бумагу. Сначала ребенокъ выкалываетъ только въ каждомъ уголкѣ квадрата, затѣмъ вы ставите карандашемъ точки между уголками и въ срединѣ, и онъ по нимъ выкалываетъ. Послѣ этого ребенокъ самъ можетъ нарисовать сначала фестончики по сѣти, домики, различныя полевыя орудія, инструменты мастеровыхъ, предметы общежитія, но только тѣ, которые обозначаются прямыми линиями, и выкалывать это по вышеуказанному способу. Затѣмъ идетъ выкалываніе кривыхъ, круглыхъ фигуръ, разрисованныхъ по сѣти. Только послѣ этого можно приступить къ выкалыванію картинокъ съ выпуклостями.

Выкалываніе служитъ хорошимъ упражненіемъ для ручныхъ мускуловъ. Напрягая вниманіе, зрѣніе и направляя руку, чтобы уколоть именно туда, куда слѣдуетъ, ребенокъ быстро развиваетъ ловкость рукъ и пальцевъ; глаза привыкають вглядываться въ мелкіе узоры и, болѣе чѣмъ надъ какою-нибудь другою работою, получаютъ способность быстро опредѣлять разстояніе между близкими точками. На нашихъ рисункахъ представлены уже болѣе сложныя картинки для выкалыванія (см. таблица XVII); такъ какъ первоначальное выкалываніе будетъ связано съ рисованіемъ по сѣти, то примѣры для него можно брать изъ таблицы для рисованія (см. табл. XXII). Но для дѣтей съ слабымъ зрѣніемъ, эта работа неумѣстна.

В ы ш и в а н і е.

Вышиваніе одно изъ самыхъ любимыхъ дѣтскихъ занятій. Можно указать такой способъ вышиванія, при которомъ дѣти будутъ очень хорошо вышивать уже въ года четыре съ половиной. Такъ какъ вышиваніе должно предшествовать выкалыванью, а послѣднее можетъ начинаться не ранѣе 5-ти лѣтъ, то, если хотите дать вышиваніе маленькимъ дѣтямъ, вы должны сами нарисовать рисунокъ на дамской папкѣ, которую обыкновенно употребляютъ для вышиванья, и выколоть его контуръ. (При вышиваніи уже ни въ какомъ рисункѣ не выкалываютъ выпукло; вышиваютъ только одни контуры предметовъ). Вышивать можно шерстями, шелкомъ и разноцвѣтной бумагой. Изъ этого ясно, что если вышиваютъ шерстями, то нужна канвовая игла, такъ какъ другая будетъ прорывать дырки на бумагѣ.

Самый легкій способъ вышиванія—заставлять ребенка шить стежками по проколамъ; при этомъ будутъ оставаться небольшіе промежутки между стежками. Когда ребенокъ кончитъ контуръ, онъ долженъ шить въ обратномъ направленіи и закрывать промежутки.

Кто не хочетъ самъ дѣлать рисунки, тотъ можетъ купить *выкалываніе и вышиваніе* въ любомъ игрушечномъ магазинѣ. Это вышиваніе предназначается для дѣтей 5 лѣтъ и старше. Въ коробкѣ находится различной величины и различныхъ цвѣтовъ листки толстой бумаги для выкалыванія, кромѣ того тутъ-же находятся рисунки, т. е. контуры цвѣтовъ, растений, животныхъ, утвари и т. под. и, наконецъ, гарусъ различныхъ цвѣтовъ. Возьмите напр. рисунокъ какого-нибудь животнаго, положите его на толстую бумагу такъ, чтобы оба листика не двигались (а

этого можно достигъ, сметавъ сверху оба листка), и прокалывайте по рисунку дырочки на столько глубоко, чтобы онѣ оставались не только на рисункѣ, но и на лежащей подъ нимъ толстой бумагѣ. На толстой бумагѣ выйдетъ изображеніе животнаго; но если вы въ другой разъ захотите выколоть тотъ же рисунокъ, онъ уже не будетъ годиться, такъ какъ рисунокъ проколоть насквозь. Вотъ поэтому мы советуемъ раньше, чѣмъ начинать выкалывать какой-нибудь рисунокъ, снять его. Это очень любятъ дѣлать сами дѣти.

Намъ кажется, что дѣтямъ только тогда слѣдуетъ давать вышиваніе раньше выкалыванія, когда, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, чувствуется недостатокъ въ работѣ. Въ томъ, чтобы давать вышиваніе послѣ выкалыванія, мы находимъ большой смыслъ: ребенокъ постепенно знакомится съ очертаніями предметовъ, сначала ограниченныхъ точками, а потомъ и линиями. Чтобы доставить дѣтямъ большую радость и показать, что его работа имѣетъ нѣкоторое значеніе въ дѣйствительной жизни, вы можете изъ его вышиванія дѣлать различные предметы: обклеивать ими ситарочки, вставлять въ портфели подъ стекло и т. д.

Вырѣзаніе и наклеиваніе.

Въ каждомъ ребенкѣ можно замѣтить стремленіе рѣзать ножомъ или ножницами. вмѣсто того, чтобы лишать его этихъ орудій, могущихъ нанести ему вредъ, научите лучше, какъ ими владѣть съ пользою для развитія ручныхъ мышцъ, вѣрности глаза и точности въ наблюденіяхъ надъ окружающими предметами.

Выше было уже сказано о первоначальномъ способѣ вырѣзанія отъ руки, которымъ можно занимать ребенка съ 3-хъ, 4-хъ-лѣтняго возраста. Но когда ребенокъ получилъ ссорку въ этой работѣ, можно перейти къ вырѣзанію. Для этого необходимо пріобрѣсти ножницы съ округленными концами, которыя безопаснѣе для дѣтей, чѣмъ остроконечныя, и простой синей бумаги, изъ которой слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько тетрадей. Воспитатель рисуетъ какой-нибудь предметъ изъ обыденной жизни на клочкѣ бѣлой бумаги (при этомъ, разумѣется, должно слѣдовать, какъ и вездѣ, правилу—давать сначала легкіе рисунки и переходить постепенно къ болѣе сложнымъ). Ребенокъ вырѣзаетъ данный ему предметъ и наклеиваетъ въ 1-й № своей синей тетрадки. Затѣмъ беретъ листокъ чистой бумаги, смотритъ на только что вырѣзанный имъ предметъ, наклеенный на тетрадку, и копируетъ, т.-е. вырѣзаетъ уже безъ рисунка, а затѣмъ наклеиваетъ во *вторую тетрадь*. Въ *третьей тетрадки* онъ будетъ вырѣзать уже съ дѣйствительныхъ предметовъ; возьметъ кофейникъ, пристально осмотритъ его со всѣхъ сторонъ, вырѣжетъ и наклеитъ. Одинъ день пусть ребенокъ вырѣзаетъ по рисункамъ, на другой — копируетъ, т.-е. вырѣзаетъ, глядя на эти рисунки, а въ третій день вырѣзаетъ съ дѣйствительныхъ предметовъ. Хорошо также давать вырѣзать: квадраты, различные треугольники и осмиугольники. Для этого уже нужна *четвертая тетрадка*, которую можно сдѣлать изъ простой бѣлой бумаги. Такимъ образомъ уже одно вырѣзаніе даетъ возможность достигать многихъ цѣлей: удерживать въ памяти представленіе о геометрическихъ фигурахъ, помогаетъ знакомству съ цвѣтомъ и развиваетъ чувство симметріи. При вырѣзаніи съ дѣйствительныхъ предметовъ пусть дѣти руководствуются тѣмъ же правиломъ, какъ и при постройкахъ изъ кубовъ, т.-е. вырѣжутъ сначала предметы, которые находятся у нихъ въ комнатѣ: затѣмъ то, что находится на дворѣ, и проч.

При наклеивкѣ картинокъ въ тетрадь, не слѣдуетъ замазывать клеемъ сплошь всю ту сторону картинки, которую вы хотите наклеить, — въ такомъ случаѣ

бумага будет коробиться; клеить слѣдуетъ обвести только по краямъ вырѣзаннаго предмета. На наклеенное слѣдуетъ тотчасъ положить листъ чистой бумаги, а сверху пресечь или тяжелую книгу.

Чуть не въ каждой бумажной и игрушечной лавочкѣ продаются картинки для вырѣзанія отъ 3 до 10 коп. Дѣти чрезвычайно любятъ это занятіе, и оно въ высшей степени полезно для нихъ, если только родители, при покупкѣ картинокъ, умѣютъ выбрать наиболѣе подходящія изъ нихъ, какъ напр. сценки изъ дѣтской жизни, деревенскія работы, домашнюю утварь, мебель, изображеніе городскихъ и деревенскихъ построекъ, знакомыхъ ребенку животныхъ. Вырѣзавъ такую картинку, ребенокъ наклеиваетъ ее въ *пятую тетрадку*, и такимъ образомъ у него собирается собственный альбомъ, который онъ очень любитъ пересматривать, вспоминая, при какихъ обстоятельствахъ работала то или другое.

Вырѣзаніе тѣней.

Вырѣзаніе ножомъ тѣней требуетъ уже болѣе ловкости руки и умѣнья распорядиться нѣкоторыми домашними инструментами, и эту работу можно дать ребенку не ранѣе 7 лѣтъ. Для нея нужно имѣть выструганную доску, перочинный ножъ и купить въ бумажной лавкѣ нѣсколько листовъ тѣней, которые обыкновенно стоятъ по 3, а большія по 5 коп. за листъ. Такую бумагу кладутъ на доску и вырѣзаютъ прочь все то, что черно (см. таблицы XVIII и XIX. На таблицѣ XVIII, въ фигурахъ *a* и *b*, точками обозначены сложенная вчетверо бумага, изъ чего выходятъ фигуры, находящіяся рядомъ съ ними. При вырѣзаніи фигуръ, помѣченныхъ буквами: *a*, *i*, *d*, *e*, *ж*, а также таблица XIX подъ буквами *з*, *и*, *к*, *л*,— бумагу слѣдуетъ складывать вдвое). Когда вырѣжутъ какую-нибудь фигурку и посмотрятъ на свѣтъ,—она живо изображаетъ то, что на ней нарисовано.

Если подъ вырѣзанную фигурку подложить съ изнанки цвѣтную бумагу, то рисунокъ выйдетъ очень эффектный. Такимъ способомъ можно готовить абажуры на лампы и свѣчи.

Работы изъ сѣмянъ.

Когда дѣти ѣдятъ различные плоды: арбузы, дыни, яблоки, груши, приучайте ихъ, чтобы они собирали сѣмена и, разсыпавъ на бумагу или тряпочку и просушивъ на окнѣ, сохраняли бы ихъ въ коробочкахъ до той поры, когда у нихъ будетъ свободное время. Если дѣти малы, они просто могутъ нанизывать эти сѣмена на нитку, отдѣляя одно отъ другого бисеромъ или соломенками. Но когда они уже нѣсколько подросли и руки ихъ навыкли къ нѣкоторымъ механическимъ занятіямъ, эту работу можно весьма разнообразить. Купите самой тоненькой проволоки и согните изъ нея небольшую вазочку, коробочку или какую-нибудь фигурку. Но прежде чѣмъ окончателно загибать концы проволоки, нанижите на нихъ поплотнѣе разноцвѣтныя бусы или крупный бисеръ. Затѣмъ на нитку нанижите въ различныхъ положеніяхъ сѣмена и между ними мелкій бисеръ и перпендикулярно прикрѣпите такія нитки къ проволокѣ отъ самаго верха коробки или вазы до дна.

Различныя сѣмена можно также наклеивать на крышечки коробочекъ, только нужно купить въ москательной лавкѣ аравійской камеди и смѣшать ее съ такимъ же количествомъ желтаго сахарнаго песку. Сѣмена, которыя вы хотите приклеить, вы должны сначала смочить въ эту смѣсь, и наклеивать ихъ въ различномъ положеніи, напр. наклейте кружокъ изъ яблочныхъ сѣмянъ такъ, чтобы слѣдующее сѣмя закрывало своимъ концомъ часть предыдущаго, а въ кружкѣ стоймя приклейте

арбузныхъ сѣмянъ. Въ самый центръ можно помѣстить цвѣтную папирозную бумагу, сложенную въ тоненькую трубочку, изрѣзанную въ концѣ тончайшими бумажными нитями.

Отпечатываніе листьевъ.

Возьмите немного сажи (такъ съ наперстокъ, — можно на грошъ купить въ каждой мелочной лавкѣ), прибавьте къ ней нѣсколько капель льняного масла и разотрите все это на блюдечкѣ гладкой пробкой. Потомъ, той же пробкой, перенесите часть этой смѣси на твердую и гладкую бумагу и разотрите краску до такой степени, чтобы она была почти суха и не тянулась нитками. Затѣмъ положите древесный листъ нижнею стороною (съ выпуклою сѣтью жилокъ) на зачерненное сажею мѣсто бумаги, накройте листъ протечной бумагой и прижмите ее къ краскѣ, чтобы нижняя сторона его зачернилась. Снимите протечную бумагу, а листъ осторожно положите на чистую бумагу зачерненною поверхностью, накройте другимъ кускомъ протечи и, придерживая ее, потрите листъ, либо рукой, либо довольно твердой подушечкой.

Отчетливый оттискъ долженъ представлять какъ черешокъ листа, такъ и его пластинку, жилку и край, и походить на хорошенкій рисунокъ, сдѣланный итальянскимъ карандашомъ. Въ этомъ дѣлѣ искусство пріобрѣтается навыкомъ. Если рисунокъ выходитъ неясно и грязно, то виною тому чаще всего бываетъ краска, которая недостаточно растерта или еще слишкомъ сыра.

Вмѣсто сажи, можно употреблять и что-нибудь другое, напримѣръ, зеленую краску. Тетрадь съ удавшимися рисунками представляетъ прехорошенкій альбомъ и, напечатлѣвая въ памяти видъ листьевъ, можетъ облегчить распознаваніе растений.

Работа изъ соломы.

Самая удобная для плетенія солома — пшеничная: не ломаясь, она болѣе другихъ гнется при плетеніи, и притомъ она такъ бѣла и нѣжна, что плетенки изъ пшеничной соломы выходятъ болѣе изящными, чѣмъ всѣ остальные.

Такую солому слѣдуетъ самимъ брать съ поля: если она попадаетъ подъ цѣпъ крестьянина, онъ, вымолачивая изъ нея зерно, помнетъ и самую солому, такъ что она не будетъ годна для работъ.

Когда вы принесете пучки соломы домой, обрѣжьте колосья, выбросьте очень тоненькія соломенки, вырѣжьте узелки и, связавъ ее опять въ пучки, поставьте такой пучекъ просушить въ сухое мѣсто. Черезъ два дня ихъ можно развязать и положить на нѣсколько часовъ въ холодную воду. Затѣмъ возьмите десятка два размоченныхъ соломинъ, положите ихъ на тряпочку, чтобы онѣ нѣсколько просохли, возьмите гладко выстроганный небольшой брусочекъ (или большой Фребелевскій кубъ изъ II-го дара), проведите имъ по уложеннымъ въ рядъ соломинкамъ, чтобы этимъ ихъ нѣсколько сплюснуть и разгладить. Послѣ этого возьмите три соломинки (а кто умѣетъ плести въ четыре, пять концовъ, — и болѣе; чѣмъ болѣе концовъ, тѣмъ плетенка выходитъ красивѣе). Съ одной стороны концы слѣдуетъ положить подъ что нибудь тяжелое и затѣмъ плести, какъ плетутъ обыкновенныя косы, только съ большою осторожностью. Если одинъ какой нибудь конецъ соломинки кончится, то ее слѣдуетъ надставить, втыкая другую въ ея конецъ. Въ этой работѣ нужно прежде всего стараться, чтобы не всѣ соломинки кончились заразъ, иначе плетеніе въ этомъ мѣстѣ не будетъ держаться.

Когда такимъ образомъ у ребенка изъ соломы выходятъ косички и подъ его пальцами онѣ уже меньше ломаются, ему легко указать, какъ шить соломенные, круглыя шляпы для куколъ, коврики подъ подсвѣчники, песочницы и т. п. Для этого нужно придерживаться только слѣд. правила: соломенные косички накладываются другъ на друга такъ, чтобы нижній рядъ на половину выходилъ изъ подъ верхняго; положивши такъ двѣ плетенки, ихъ сшиваютъ тоненькими нитками и уже послѣ этого все прибавляютъ по одной косичкѣ, подкладывая ее всегда внизъ такъ, чтобы одна ея половина была покрыта предъидущей плетенкой.

Лѣпка изъ глины.

Прежде всего я должна оговориться, почему не даю рисунковъ для работъ изъ глины. Мнѣ кажется, что названная работа можетъ только тогда имѣть воспитательное значеніе, когда она дѣлается съ моделей и дѣйствительныхъ предметов; лѣпка же изъ глины по рисункамъ не принесетъ никакой пользы.

Глину можно получить вездѣ, гдѣ есть кирпичный заводъ; петербургскимъ жителямъ можно доставать ее также и въ Академіи Художествъ. Для этой работы: 1) нужна лопаточка, которую можетъ самъ сдѣлать каждый ребенокъ; пусть онъ возьметъ щепочку, съ одной стороны выстругаетъ ее въ видѣ узкой лопаточки, а самую ручку сдѣлаетъ круглой палочкой, заостривъ нѣсколько ея конецъ; 2) нужна деревянная скалка въ родѣ той, которую мы видимъ въ кухняхъ для раскатыванія тѣста, только нѣсколько меньше; 3) деревянная доска въ родѣ той, на которой рубятъ котлеты. Если нельзя сдѣлать самимъ, все это и купить недорого.

Какъ только у васъ будетъ глина, нѣсколько смочите ее, хорошенько разомните руками, раскатайте на доскѣ скалкой и приступайте къ работѣ. Прежде всего дѣти начнутъ дѣлать изъ глины разные шарики, пирожки, крендельки, баранки, и, только послѣ упражненія надъ этими несложными предметами, они могутъ приступить къ слѣдующему: сдѣлать побольше шарикъ, положить его на доску, сверху нѣсколько сдавить лопаточкой, затѣмъ обровнять глину; заостреннымъ концомъ сверху наколоть дырочки, — и выйдетъ сайка. Послѣ этого дѣти берутъ деревянный кубъ, цилиндръ, квадратики, призмы, и, когда они въ нѣсколькихъ экземплярахъ сдѣлаютъ эти модели, они могутъ приступить къ лѣпкѣ различной посуды, кухонной утвари и т. п. При этомъ они всегда берутъ самый предметъ, на примѣръ ставятъ передъ собою сапогъ и лѣпятъ его изъ глины, а не дѣлаютъ его съ модели. Сдѣланныя вещи нужно поставить просушить на солнцѣ или на теплую плиту. Глина требуетъ, чтобы ее не только передъ работой смачивали и раскатывали, но дѣлали бы это какъ можно чаще. Лѣпку изъ глины можно начинать съ дѣтьми съ 5-ти-лѣтняго возраста.

Какое занятіе можно придумать со стеариновымъ огаркомъ?

Если въ домѣ заведенъ для дѣтей школьнаго возраста столярный станокъ съ инструментами (что не только въ высшей степени полезно для развитія мускуловъ, но весьма важно въ гигиеническомъ отношеніи), то дѣтямъ, вѣроятно, часто приходится кипятить столярный клей. Возьмите огарокъ стеариновой свѣчки и растопите ее въ вашей клеянкѣ (сосудъ для кипяченія клея). При этомъ вы должны его безпрестанно помѣшивать, чтобы въ немъ не оставалось пузырьковъ воздуха. Во время кипѣнія стеарина необходимо постоянно сыпать въ него мѣлъ, истертый въ мелкій порошокъ. Когда вы замѣтите, что изъ мѣла и стеарина образовалась довольно густая масса, однако, все-таки еще льющаяся, вы выливаете ее въ приго-

товленную заранее для этого форму. На первый раз налейте эту смесь хотя на одну из сторон мѣднаго пятака, окруживъ его бумажной полоской, которая такимъ образомъ замѣнитъ боковыя стѣнки. (Два конца бумажной полоски можно склеить скрученнымъ, — тогда они будутъ держаться).

Когда вы нальете слой стеариновой смеси толщиной приблизительно на полупалецъ, проведите слегка кисточкою по поверхности, чтобы выгнать пузырьки воздуха, которые при этомъ легко образуются. Когда смесь остыла, бумагу снимаютъ и затѣмъ осторожно отдѣляютъ совершенно остывшую стеариновую смесь съ мѣднаго пятака. Если вы хотите получать разнообразныя формы такой смеси, купите нѣсколько *готовыхъ формъ для отливки* (онѣ вамъ пригодятся и для гипсовыхъ работъ) у статуэтчиковъ, иногда ихъ можно найти и въ фарфоровыхъ магазинахъ, а также въ Мастерской Учебныхъ Пособій г. Канаева.

Гипсовые работы.

Жженный гипсовый порошокъ или алебастръ вы можете купить на многихъ дворахъ. Но, прежде чѣмъ употреблять его въ дѣло, его нужно просѣять сквозь сито. Ту часть порошка, изъ которой вы хотите выливать формы, бросаютъ по-немногу въ ковшъ, наполненный водою, чтобы порошокъ тонулъ въ ней и промачивался. Когда смѣшанный съ водою гипсъ имѣетъ густоту сметаны, изъ него вылавливаютъ ложкой пузырьки, которые портятъ отливку и въ такомъ видѣ вливаютъ его въ формы. Но прежде, чѣмъ вольютъ въ нихъ гипсъ, формы эти необходимо вымазать смѣсью, которую дѣлаютъ слѣдующимъ образомъ. Налиютъ на блюдечко немного воды и деревяннаго масла, бросятъ еще туда мыльныхъ стружекъ, все это хорошо взобьютъ и смѣшаютъ, и этою смѣсью, въ видѣ тоненькаго слоя, покрываютъ формы, которыя будутъ наполнены гипсомъ. Когда гипсовая масса станетъ совершенно плотною, ее осторожно вынимаютъ изъ формы.

Рисованіе.

На обученіе рисованію смотрѣли прежде, какъ на роскошь, которую если ребенокъ усвоитъ въ школѣ — хорошо, а нѣтъ — тоже не бѣда. Сами учителя рисованія не лучше относились къ нему: выставлять на весь классъ двѣ, три модели — уха, глаза, какойнибудь красавицы гречанки да подтушуютъ рисунокъ воспитанника, вотъ и вся метода. Три четверти класса, не умѣя вѣрно провести ни одной линіи, безобразно пачкаютъ тетради, въ которыхъ трудно различить глазъ отъ уха. Учитель оставляетъ обыкновенно такихъ учениковъ безъ вниманія и занимается съ небольшою частію класса, т.-е. пріучаетъ прилежныхъ дѣтей копировать легкія модели. Хотя обученіе рисованію въ нѣкоторыхъ школахъ продолжается по той же методѣ, но большинство педагоговъ смотритъ на него, какъ на предметъ, имѣющій громадное общеобразовательное значеніе. И это естественно: стоитъ только вспомнить, сколько разнообразныхъ способностей упражняется при занятіи рисованіемъ, если только оно ведется надлежащимъ образомъ.

При рисованіи ребенокъ долженъ наблюдать форму срисовываемыхъ предметовъ, пріучить глазъ къ разнообразію свѣтовыхъ оттѣнковъ, развитъ способность живо воспроизводить представленіе о видѣнномъ, т.-е. память и воображеніе, и развитъ навыкъ въ рукѣ отчетливо и вѣрно передавать всѣ очертанія линій. Мы видимъ, что разнообразныя цѣли, которыхъ теперь стремятся достигнуть при обученіи рисованію, заставляютъ ранѣе начать его съ дѣтьми и не полагаться только на школу. Фребель, основательно изучившій дѣтскую природу, считалъ рисованіе однимъ изъ

главныхъ занятій. Если только дѣти не забыты и видѣли въ домѣ карандашъ и бумагу, то можно навѣрно сказать, что это занятіе станетъ для нихъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ. Многіе утверждаютъ, что рисованіе по сѣти, черезъ матовое стекло, и другіе способы, давая возможность легко исполнить довольно сложный рисунокъ, можетъ заставить думать ребенка, что онъ уже настолько хорошо владѣетъ карандашемъ, что ему не зачѣмъ продолжать своихъ занятій. Но это невѣрно. Вся система Фребеля, какъ-то: вышиваніе, выкладываніе палочекъ, лучинъ и колець, уже подготавливаютъ къ рисованію; въ одномъ случаѣ ребенокъ обозначаетъ контуры предметовъ точками (выкалываніе), въ другомъ—уже готовой линіи (лучина) онъ даетъ извѣстное направленіе, а въ черченіи по сѣти руководствуется проведенными линіями. Приходится развивать способности постепенно и съ ранняго дѣтства. Къ тому же слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что общая страсть дѣтей къ рисованію, никѣмъ не направляемая, при которой дѣти пріучаются кое-какъ пачкать бумагу и, перегнувшись въ три погибели держать карандашъ всей пятерней, можетъ принести большой вредъ.

Когда ребенокъ начинаетъ рисовать, постепенно пріучайте его къ слѣдующему: 1) держать карандашъ, не зажимая его въ кулачекъ, а пальцами, 2) не слишкомъ наклоняться къ тетради, 3) не возить руку по тетради, а, медленно подвигая ее, легко набрасывать штрихи. Конечно, всего этого вы достигнете не тотчасъ. Когда ребенокъ придетъ показать вамъ свою работу, скажите ему, что она вамъ ничего не напоминаетъ, и посоветуйте проводить черточки изъ одного угла къ другой, а потомъ крестъ на крестъ, затѣмъ надѣлайте точекъ, и пусть онъ между ними проводитъ линіи сверху внизъ и снизу вверхъ, стоячія и лежація (горизонтальныя), отъ лѣвой руки къ правой и наоборотъ (помните, что въ это время ребенокъ еще малъ и геометрическіе термины тутъ совсѣмъ не пригодны). Затѣмъ укажите ему, какъ проводить отъ руки различныя фигурки, указанныя на таблицѣ XX и которыя будутъ служить какъ для живыхъ бесѣдъ, такъ и для знакомства съ линіями *). Дѣлая отъ руки различныя кружки, можно прибирать разнообразныя предметы. Послѣ этого купите ребенку матовое стекло съ рисунками, контуры которыхъ были бы обведены черными чернилами; подкладывайте ихъ подъ матовое стекло или листъ тетради, въ которой бумага должна быть не совсѣмъ плотною, чтобы рисунокъ нѣсколько просвѣчивалъ. Въ рисункахъ тоже очень важно наблюдать постепенность. Напримѣръ, цвѣтокъ, который вначалѣ вы даете срисовывать, долженъ быть безъ зазубринъ по краямъ, а нужно сдѣлать только его округлый или овальный контуръ. Мелкихъ штриховъ и сложныхъ предметовъ не должно быть изображено на такихъ рисункахъ. Такія упражненія пріучаютъ ребенка правильно держать карандашъ въ рукахъ и свободно проводить требуемыя черты. Этотъ навыкъ послужитъ ему подготовленіемъ и къ письму.

Въ лѣтъ 5-ты, 6-ты онъ можетъ перейти къ рисованію по сѣти. Самыя главныя правила въ рисованіи по сѣти слѣдующія:

1) Указать ребенку, какъ чертитъ возможно большее количество разнообразныхъ предметовъ.

2) Сначала онъ долженъ чертить прямыя линіи въ горизонтальномъ и отвѣсномъ направленіи, потомъ въ наклонномъ, а затѣмъ онъ можетъ перейти къ кривымъ и къ изображенію различныхъ фигурокъ (см. таблицы XXII и XXIII).

*) Двѣ книги: 1) «Jeux et Travaux enfantins» par M. Albert Durand et M-elle Marie Koenig и 2) «Уроки рисованія для малыхъ дѣтей» Волкова могутъ служить воспитателямъ прекрасными пособиями для руководства дѣтей дошкольнаго возраста при первоначальномъ рисованіи.

3) Все это оживлять бесѣдами.

4) Для рисованія ребенокъ долженъ имѣть двѣ тетради: сначала сдѣлать какую нибудь фигурку по сѣти, а затѣмъ ту же самую фигурку сдѣлать въ другой тетради безъ сѣти.

Выкладываніе палочекъ или спичекъ.

Въ лѣтъ пять, когда ребенокъ уже начинаетъ рисовать по сѣти, можно дать ему палочки, которыя онъ раньше употреблялъ въ работѣ изъ гороха. Пусть онъ выложить изъ палочекъ предметы, которые видитъ въ комнатѣ, и потомъ тоже самое онъ можетъ изобразить карандашемъ въ своей тетради по сѣткѣ. Если фигурка состоитъ изъ нѣсколькихъ линий, изъ которыхъ однѣ болѣе, а другія менѣе, то при выкладываніи спичекъ послѣднія должны быть различной величины. Примѣры для выкладыванія спичекъ можно взять съ таблицы для рисованія. (См. таблица XXII).

Выкладываніе колець и полуколець.

Для этой работы нужно имѣть штукъ 25 колець, столько же полуколець и, если можно, штукъ 12 четвертей колець. Имѣя кольца трехъ различныхъ величинъ, можно выкладывать разнообразныя формы. Но такъ какъ работу эту можно назначать и для четырехлѣтнихъ дѣтей, то, разумѣется, сразу всѣхъ колець давать не слѣдуетъ. Ребенокъ еще не видалъ круговъ,—это занятіе расширяетъ его кругозоръ. При этой работѣ воспитатель долженъ вмѣстѣ съ ребенкомъ отыскивать въ окружающихъ предметахъ ту же округлость, какъ и въ кольцахъ; въ концѣ концовъ ребенокъ долженъ указать, что обручи, которыми обита бочка, колеса, края тарелки и суповой чашки, кольцо на пальцѣ, — тѣ же круги, которые онъ видитъ въ кольцахъ. Лишь только ребенокъ сложитъ, хотя, напримѣръ, изъ двухъ полуколець, одно кольцо, — пусть онъ тотчасъ обрисовываетъ его въ свою тетрадку. Но когда онъ уже подростъ и умѣетъ рисовать по сѣти кривыя линіи, то, выложивши какую нибудь фигурку, онъ уже не будетъ ее обрисовывать, а нарисуетъ тоже самое въ своей разлинованной тетрадкѣ. (См. таблицу XXIV).

Работы изъ бичевокъ.

Эту работу можно давать уже четырехлѣтнимъ дѣтямъ. Для этого нужно взять бичевку, т. е. тоненькую, гладенькую веревочку, и наматывать ее, какъ наматываютъ бѣлыя тесемки, т. е. въ гладкій, плоскій кружокъ. При каждомъ новомъ рядѣ, вы должны черезъ край опивать эти бичевки между собой. Для разнообразія можно шить то красной, то синей бумагой, и изъ этихъ бичевокъ, сшитыхъ разноцвѣтными нитками, можно дѣлать поддонники подъ разные предметы, колечки для салфетокъ и друг. вещи.

С и л у з ы.

Вотъ еще работа, которая во многихъ отношеніяхъ весьма полезна дѣтямъ. Припильте къ стѣнѣ листъ бѣлой бумаги, посадите бокомъ или въ профиль того, съ кого хотите снять силуэтъ; если это будетъ днемъ, то надо бумагу наколоть на стѣну, ярко освѣщенную солнцемъ, а если вечеромъ, то бумагу надо освѣтить лампою или свѣчами и между свѣтомъ и бумагою посадить того, съ кого снимаютъ силуэтъ. Тѣнь отъ сидящаго лица вѣрно отразится на бумагѣ; тогда обведите очертаніе лица карандашомъ, и силуэтъ готовъ, хотя размѣры его и будутъ нѣсколько больше, чѣмъ подлинникъ.

ГЛАВА XVIII.

Обзоръ наиболѣе полезныхъ дѣтскихъ игрушекъ.

Въ предыдущей главѣ я указала множество развивающихъ механическихъ занятій, которыя могутъ быть введены въ семействахъ, пріютахъ и дѣтскихъ садахъ, не располагающихъ большими средствами. Только дары Фребеля стоятъ дороже, но за то они во время всего воспитанія ребенка останутся не поломанными, и изъ нихъ ребенокъ можетъ каждый день построить новый предметъ. Но и среди обыкновенныхъ игрушекъ можно найти не мало полезныхъ и доставляющихъ дѣтямъ истинную радость, если только воспитатели сѣмѣютъ сдѣлать надлежащій выборъ. Нужно сознаться, что между нашими игрушками существуетъ множество вредныхъ и безобразныхъ; продавцы же игрушекъ не только не облегчатъ вамъ найти то, что нужно, но еще собьютъ васъ съ толку. Ни въ одномъ игрушечномъ магазинѣ не существуетъ никакого каталога, и вамъ суютъ въ руки все, что понало и что выгодно сбыть съ рукъ. Вамъ предлагаютъ барабаны, трещетки, свистульки, такъ жестоко терзающіе уши бѣдныхъ матерей и въ концѣ притупляющіе слухъ дѣтей, военные доспѣхи, развивающіе дикій, воинственный азартъ.

Вотъ краткій перечень наиболѣе полезныхъ игрушекъ:

Лѣтнія игрушки.

1) *лопатки*; 2) *совочки*; 3) *тачки*; 4) *тележки*, — послѣднія должны быть у дѣтой и лѣтомъ, и зимою; лѣтомъ въ нихъ возятъ песокъ, зимою куклы и игрушки; 5) деревянные *чашечки*, *кружечки*, *рюмочки*, *стаканчики* различной величины и формы для выкидыванія песку; 6) деревянное *коромысло* съ такими же ведрами и небольшія *жестяныя кружечки*, въ которыхъ дѣти носятъ песокъ; иногда при себѣ имъ слѣдуетъ позволить носить и воду: это пріучетъ ихъ къ осторожности и ловкости; 7) *серсо*; 8) *воланы* — игра, которая необыкновенно занимаетъ дѣтей, особенно, когда въ ней принимаетъ участіе большое общество; 9) *веревочка*, съ деревянными ручками, черезъ которую можно было бы скакать; 10) *бильбоке*; 11) *карзиночки*, чтобы выносить соръ изъ сада, корзиночки поменьше, чтобы собирать ягоды, грибы и растенія; 12) *носилки*; 13) *грабли*; 14) *метла*, чтобы садъ мести; 15) *лейка*; 16) *мячики*. Мячикъ необходимъ и большому, и маленькому ребенку: ояъ приносить и тому, и другому одинаковую пользу, доставляетъ большое удовольствіе во всякое время года. Полезно чтобы у дѣтей отъ полутора года до 12-ти, 13-ти лѣтъ были бы, если можно, не меньше трехъ мячиковъ разной величины; *большой мячикъ*, чтобы катать по полу, сшибать въ игрѣ разные предметы, два *малые мячики* — для различныхъ упражненій; 17) *кегли*.

Зимнія игрушки.

1) *Простая кукла*, которую можно было бы одѣвать, раздѣвать и которая давала бы дѣвочкѣ возможность учиться шить. Хорошо, когда у куклы есть кроватка съ матрасикомъ и бѣльемъ, а также комодикъ или шкафчикъ, въ которомъ хранятся и въ порядкѣ складываются все принадлежности куклы, что приучает ребенка къ аккуратности и къ умѣнью разумно заботиться о себѣ и другихъ.

2) *Бумажныя куклы*. Дѣти вырѣзаютъ ихъ изъ папки (въ бумажныхъ лавкахъ такія куклы есть уже готовыя, раскрашенныя); весь костюмъ долженъ быть приготовленъ дѣтскими руками, отчасти изъ простой бумаги и разукрашенъ разноцвѣтной, легкой папирсной бумагой. Дѣти дорожатъ этими куклами не менѣе первыхъ, такъ какъ онѣ исключительно сдѣланы ихъ руками и развиваютъ въ нихъ вкусъ и чувство симметріи.

3) *Домашнія животныя*, сдѣланныя болѣе или менѣе натурально и при томъ на колесикахъ. Животныя, которыя заводятся ключемъ, послѣ чего они нѣсколько минутъ бѣгаютъ, конечно, приводятъ ребенка въ восторгъ, но счастье непродолжительно: ключъ затерянъ или отъ частаго употребленія сломался въ нѣсколько дней и дитя не получитъ отъ игрушки никакого удовольствія. Между тѣмъ животныхъ на колесикахъ ребенокъ можетъ постоянно катать.

4) *Для вырѣзанія и для разстанавливанія* картинки животныхъ, зданій, посуды, сдѣланныя красками и представленныя въ контурахъ. Подобныя картинки можно приобретать за 5—10 коп. листъ, и, при умѣнни сдѣлать выборъ, онѣ пригодны даже для дѣтей съ 3-хъ-лѣтняго возраста. Впрочемъ это занятіе настолько любимо дѣтми, что они охотно занимаются имъ вплоть до школьнаго возраста. Такую картинку ребенокъ сначала вырѣзаетъ, потомъ наклеиваетъ въ тетрадь и такимъ образомъ, у него составляются собственные, очень любимыя альбомы, которые представляютъ хорошенькія книжки съ картинками. Для разнообразія нѣкоторыя картинки, вмѣсто того, чтобы наклеивать въ альбомъ, онъ можетъ наклеить на толстый синій листъ, затѣмъ снова вырѣзавъ ихъ, устроить для нихъ подставку для разстановки на столѣ. Если подставка, сдѣланная ребенкомъ, оказывается недостаточно устойчивою, можно купить ему металлическія подставки для картинокъ. Изъ такихъ картинокъ для разстанавливанія можно придумывать разныя сцены: вотъ деревня, справа и слѣва окруженная деревьями, сбоку—колодезь, къ которому пастухъ гонитъ поить свое стадо. Чтобы сдѣлать сцены изъ разстанныхъ картинокъ болѣе сложными, можно купить и металлическія фигуры, теперь очень хорошо фабрикуемыя и изображающія деревенскую и городскую жизнь, животныхъ, деревья и т. п.

5) *Кукольная посуда* металлическая, деревянная, фарфоровая, для дѣтей, отъ 3 до 9 лѣтъ.

6) *Магнитныя игрушки*—лодочки, утки, гуси, кораблики, рыбки,—для дѣтей отъ 3 до 5 лѣтъ.

7) *Декалькомани*—переводныя картинки: онѣ тоже даютъ возможность самостоятельно устраивать прелестныя альбомы даже ребенку отъ 4 до 9 лѣтъ, да и самый процессъ этой работы въ высшей степени занимаетъ его и содѣйствуетъ приобрѣтенію многихъ полезныхъ навыковъ.

8) *Мозаика*. Въ коробкахъ различной величины находится множество пластинокъ, гладко выполированныхъ и окрашенныхъ въ различную краску. Задача игры

заключается въ томъ, чтобы изъ небольшихъ деревянныхъ пластинокъ выкладывать фигуры, нарисованныя на листкахъ, находящихся обыкновенно тутъ же въ коробкѣ. Изъ мозаики можно выкладывать изображеніе цвѣтовъ, животныхъ, людей,—для дѣтей отъ 5 до 9 лѣтъ.

9) *Мозаическій кубъ*. Въ коробкѣ находятся кубики, каждая сторона которыхъ окрашена красками разныхъ цвѣтовъ. Приложены рисунки мозаическихъ узоровъ,—для дѣтей отъ 4 до 8 лѣтъ.

10) *Мозаика*. Изящная мозаика, состоящая изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ, поверхность которыхъ украшена красивыми рисунками,—для дѣтей отъ 4 до 7 лѣтъ.

11) *Красный, синий и бѣлый*,—такъ называется коробка, въ которой находятся указанныхъ цвѣтовъ шарики со шпильками, въ видѣ пуговицъ; шпильки этихъ шариковъ раскладываются по папкѣ или доскѣ съ дырочками. Посредствомъ расположенія шариковъ выходятъ разноцвѣтные узоры,—для дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ.

12) *Нанизываніе стекляруса*. Въ коробкѣ нѣсколько нитей стекляруса разныхъ цвѣтовъ и спички для нанизыванія его. Приложены узоры, какъ пользоваться игрушкой, для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ.

13) *Работы изъ раковинъ*—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

14) *Работы изъ сѣмянъ*—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

15) *Шиваніе кукольной мебели*—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

16) *Работы изъ кожи*—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

17) *Искусственные кораллы*. Въ коробкѣ находятся нѣсколько зеренъ риса, гороха, бутылочка съ краской, кисточка, коробка, украшенная кораллами, какъ образецъ того, что можно сдѣлать изъ находящагося матеріала. Вещь, которую желаютъ украсить искусственными кораллами, смазываютъ вишневымъ клеемъ и накладываютъ на нее рядъ расколотаго пополамъ гороха или кофе, остальное же пространство посыпаютъ рисомъ. Когда первый рядъ риса просохъ, его смазываютъ клеемъ и насыпаютъ второй рядъ. Наконецъ, просохъ и послѣдній рядъ, кисточку смачиваютъ краской и смазываютъ горохъ и рисъ, пока не получится чистый коралловый цвѣтъ. Такими кораллами можно украшать колечки для салфетокъ, плато подъ подсвѣчники, рамки для фотографическихъ карточекъ. Когда краска сдѣлается слишкомъ густа, ее разбавляютъ спиртомъ или даже одеколономъ. Для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

18) *Ящики съ кубиками, брусками и арками* для самыхъ разнообразныхъ построекъ,—для дѣтей отъ 5 до 9 лѣтъ.

19) *Досчатые дома*, разбирающіеся на отдѣльные дощечки,—для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ.

20) *Складные домики изъ бревенъ*. Въ деревянномъ ящикѣ находится уже готовый матеріалъ для построекъ въ видѣ разрозненныхъ бревенъ,—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

21) *Постройка цѣлыхъ зданій*. Въ ящикѣ находятся какъ приготовленныя зданія, такъ и отдѣльные бруски, балки, плитки. Тутъ же и рисунки тѣхъ зданій, которыя можно построить изъ приложеннаго матеріала,—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

22) *Складной домикъ изъ полубревенъ*. Въ ящикѣ находятся уже приготовленныя различныя части зданія, которыя нужно только приставить другъ къ другу и скрѣпить,—для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ.

23) *Постройки изъ плитокъ*. На деревянныхъ плиткахъ различной ширины сдѣланы по краямъ выемки, на другихъ плиткахъ—выступы, что даетъ возможность

сдѣлать плитки между собой и такимъ образомъ возводить постройки. Тутъ же приложено объясненіе, какъ возводить такія постройки, — для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

24) *Возведеніе построекъ изъ кирпичиковъ.* Въ ящикѣ различной величины кирпичики и плитки — для возведенія стѣнъ, столбики и дуги для колоннъ, арки и сводовъ — для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

25) *Шаблоны.* Одинъ изъ приложенныхъ шаблоновъ кладутъ на бумагу и проводятъ по немъ окрашенною кистью. Такъ какъ на металлической сторонкѣ шаблона вырѣзанъ рисунокъ, то, послѣ того, какъ по немъ проведутъ краской, на бумагѣ остается сдѣланное изображеніе, — для дѣтей 3—5 лѣтъ.

26) *Раскрашиваніе картинокъ.* Тотъ рисунокъ, который вы хотите подарить ребенку для раскрашиванія, долженъ быть крупень и не сложенъ, иначе ребенокъ будетъ лишь марать картинку. Въ продажѣ существуетъ множество тетрадокъ для раскрашиванія; на одной страницѣ — модель, на другой — картинка, которую слѣдуетъ раскрасить. Но большинство подобныхъ картинокъ, заключающихся въ маленькихъ тетрадкахъ, мелки и мало приоровлены по сюжету; обыкновенно приходится пересмотрѣть цѣлые вороха подобныхъ тетрадокъ, прежде чѣмъ остановиться на той или другой. Названное занятіе пригодно для дѣтей отъ 5 до 8—9 лѣтъ.

27) *Зоологическое лото.* Почти въ каждомъ домѣ приобрѣтаютъ лото. Лучшимъ изъ нихъ можно считать зоологическое лото Тарасенкова: прекрасно сдѣланы изображенія животныхъ, рыбъ и птицъ. Недурны также и лото нѣкоторыхъ другихъ издателей, на которыхъ изображены картинки изъ сельской жизни, — для дѣтей отъ 6 до 10 лѣтъ.

28) *Театры.* Трудно представить, какое удовольствіе доставляютъ они дѣтямъ! Наболѣе приоровлены (для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ): 1) *Золотая рыбка*, 2) *Золушка*, 3) *Конекъ-Горбунокъ*, 4) *Вокругъ свѣта*.

Вышеназванныя игрушки можно купить въ каждомъ большомъ игрушечномъ магазинѣ. Теперь же мы назовемъ такія образовательныя игрушки и занятія, изобрѣтеніемъ которыхъ у насъ спеціально занимаются въ самое послѣднее время, да и то лишь нѣсколько мастерскихъ. Изъ нихъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе мастерская г. Канаева (Сиб. Троицкая ул., д. № 11, „Мастерская учебныхъ пособій и игръ“). Игрушки и механическія занятія его изданій всегда говорятъ о пониманіи издателемъ своей задачи и о его большомъ педагогическомъ тактѣ. Для дѣтей дошкольнаго возраста въ его мастерской можно найти слѣдующія прекрасныя механическія занятія и игрушки:

1) *Малютка рисовальщикъ на волшебной бумагѣ:* въ ящикѣ или папкѣ находятся разноцвѣтные карандаши и листики глянцовой бумаги, на которой острыми штрихами изображенъ тотъ или другой несложный, чуть-чуть замѣтный рисунокъ. Ребенокъ мажетъ по листику глянцовой бумаги цвѣтнымъ, мягкимъ карандашомъ, и у него, совершенно легко, выходитъ прелестный рисунокъ, который приводитъ въ восторгъ 3, 4 и 5-лѣтнихъ дѣтей.

2) *Трафареты:* подъ прорѣзанный рисунокъ на папкѣ подкладываютъ бумагу; остроочиненнымъ карандашомъ обводятъ вырѣзанныя мѣста, и выходитъ рисунокъ: для дѣтей отъ 4 до 5 лѣтъ.

3) *Рисованіе по стѣти:* стѣтка сдѣлана на коленкорѣ или промасленной бумагѣ, подъ которую подкладываютъ рисунокъ. Это напоминаетъ матовое стекло, но рисунки здѣсь болѣе приоровлены для дѣтей отъ 4 до 5 лѣтъ.

4) *Рисованіе на доскѣ цвѣтными мѣлками:* въ ящикѣ доска, цвѣтныя мѣлки и приложены несложные рисунки для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

5) *Плетельщикъ изъ бумажныхъ звѣздочекъ*. Въ коробкѣ находится разноцвѣтная бумага, папка, перочинный ножикъ, линейка, нѣсколько моделей для работъ изъ звѣздочекъ и толковое наставленіе, какъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ дѣлать звѣздочки, а затѣмъ и предестныя вещицы: корзиночки, коробочки, рамки, мебель для куколъ, украшеніе для елки и т. п. Для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

6) *Плетеніе картинъ* изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ, — для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

7) *Лѣпка изъ воску*. Дѣти, съ которыми хотя нѣсколько разъ позанились лѣпкою изъ глины, съ большою охотою, а иногда и со страстью предаются этому занятію и не прочь попробовать лѣпить изъ какого-нибудь другого матеріала. Послѣ глины, наиболѣе подходящій для этого матеріалъ представляетъ воскъ, но тотъ, который употребляютъ на свѣчи, обыкновенно бываетъ смѣшанъ съ неудобными для лѣпки веществами. Въ изданіи г. Канаева воскъ специально приготовленъ для лѣпки и при этомъ приложено нѣсколько моделей. Пусть ребенокъ вылѣпнеть по модели нѣсколько вещей, а затѣмъ перейдетъ къ лѣпкѣ съ натуры.

8) *Клейка фонарей съ сушеными цвѣтами и зеленью*. Въ коробкѣ — необходимый матеріалъ и модели для производства складныхъ фонарей, — дѣтямъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

9) *Коробочникъ*: необходимый матеріалъ, инструменты и модели для производства разнообразныхъ коробокъ, — дѣтямъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

10) *Постройка желѣзной дороги*. Въ ящикѣ находится уже подготовленный деревянный, металлическій и папочный матеріалъ для постройки вагоновъ, локомотива, казармъ для рабочихъ, для сторожевой будки и будки для стрѣлочниковъ; также приложены: хромофотографированныя картинки пассажировъ и служащихъ для вырѣзанія и притомъ вы найдете здѣсь колокольчикъ, свистокъ, трубу, флаги, печатные пассажирскіе и багажные билеты, — для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

11) *Работы изъ стружекъ*. Изъ стружекъ можно дѣлать самыя разнообразныя работы; для этого прежде всего ихъ слѣдуетъ опустить въ тарелку съ водою. Изъ этого матеріала можно дѣлать самыя разнообразныя корзинки и украшенія. Въ ящикѣ находится необходимый матеріалъ, образцы и толковое наставленіе, — для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

12) *Работы изъ пробки*. Изъ приложенныхъ пробковыхъ кусочковъ разной формы и величины можно по рисункамъ составлять различные предметы, — для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

13) *Карточные домики*. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ карты изгнаны изъ употребленія, дѣтей все-таки не слѣдуетъ лишать построекъ изъ картъ, доставляющихъ имъ немалое удовольствіе. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто игральныхъ картъ, лучше приобрести наиболѣе приносившіяся для построекъ. Въ „карточныхъ домикахъ“ есть карты, специально предназначенныя для постройки пола, крыши, стѣнъ и оконъ. Для дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ.

14) *Отливка бюстовъ*. Въ предыдущей главѣ мы уже говорили о работѣ изъ гипса, затрата на которую весьма ничтожна. Родители, желающіе сдѣлать подарокъ дѣтямъ, могутъ приобрести для ихъ работъ изъ гипса формы для отливки бюстовъ русскихъ писателей. Для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

15) *Дитя-печатникъ*: большая коробка съ 12 клише для печатанія картинокъ самими дѣтьми; въ ней находится печатная краска, бумага и объясненіе, — для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ.

16) *Чародѣй*—приноровленные фокусы; они могутъ служить для дѣтей развлеченіемъ, особенно въ то время, когда къ нимъ соберутся товарищи. Эта забава можетъ въ то же время научить дѣтей смотрѣть на фокусы не какъ на чудеса или какъ на что-то сверхъестественное и таинственное въ природѣ, а какъ на остроумныя затѣи для забавы. Для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

1347

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

1. Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 1-я. **Жители юга:** болгары, сербы, черногорцы, турки, албанцы, румыны, греки, итальянцы, испанцы, португальцы, французы и швейцарцы. Содержаніе: природа, нравы, умственное развитіе и экономическое положеніе народа, а также государственное устройство. Съ 26 картинками художника В. М. Васнецова. Цѣна **3 р. 75 к.**; въ изящномъ перепл. **4 р. 55 к.** Изд. 5-е, исправленное и дополненное.

2. Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 2-я. **Жители сѣвера:** англичане, шотландцы, ирландцы, голландцы, бельгийцы, норвежцы, шведы и датчане. Съ 24 рисунк. худ. В. М. Васнецова. Цѣна **3 р. 75 к.**; въ изящ. перепл. **4 р. 55 к.** Изд. 4-е, исправленное и дополненное.

3. Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 3-я. **Жители средней Европы:** нѣмцы Германіи и Австріи, сербы-мужичане, словинцы, чехи, словаки, русины, поляки и венгерцы. Съ 32 рисунками. Цѣна **3 р. 75 к.**; въ изящн. перепл. **4 р. 55 к.** Изд. 3-е. Всѣ три тома допущены Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученич. старш. возр. библ. средн. учебн. заведеній.

4. На отдыхѣ. Иллюстрированные рассказы для дѣтей. Съ 40 картинками. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Цѣна книги въ папкѣ **85 к.**

5. Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей. Съ 24 картинками. Содержаніе: рассказы о животныхъ, растенійхъ, явленійхъ природы, временахъ года, промыслахъ, повѣсти и очерки изъ народной жизни. Изд. 8-е. Цѣна книги **1 р. 50 к.**; въ изящномъ переплетѣ **2 р.** Допущена Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. въ ученическія бібліотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

6. Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Содержаніе: Исторія домашняго воспитанія въ Россіи, Наслѣдственность. Роль воспитанія, Значеніе привычекъ, Воспитаніе органовъ чувствъ, Нервность, Воспитаніе воли, Работы, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, рассказы, сказки, пословицы, ариметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 6-е. Цѣна **2 руб.**

7. Одногласныя дѣтскія пѣсни съ русскими народными мелодіями. Съ аккомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Изд. 6-е. Цѣна **1 р.** Допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ учител. бібліотеки низшихъ училищъ и одобрена Художественнымъ Совѣтомъ С.-Петербургской Консерваторіи.

КАКЪ ЛЮДИ НА ВЪЛОМЪ СВѢТѢ ЖИВУТЬ:

8. Турки. Съ 10 картинками. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

9. Англичане. Съ 10 картинками. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

10. Испанцы. Съ 10 картинками. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

11. Болгары, сербы, черногорцы. Съ 18 картинок. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

12. Чехи, поляки, русины. Съ 10 картинками. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

13. Нѣмцы. Съ 10 картинками. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

14. Итальянцы. Съ 10 картинками. Изд. 3-е. Ц. **40 к.**

15. Французы. Съ 10 картинками. Ц. **40 к.**

16. Швейцарцы. Съ 10 картинками. Изд. 2-е. Ц. **40 к.**

17. Шведы и норвежцы. Съ 10 картинками. Изд. 2-е. Ц. **40 к.**

ПОДЪ ОБЩИМЪ НАЗВАНІЕМЪ

„Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“

издано *десять* книжекъ

Е. Н. Водовозовой:

- 1) Турки, 2) Англичане, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы,
- 5) Чехи, Поляки, Русины, 6) Болгары, Сербы, Черногорцы, 7) Швейцарцы, 8) Шведы и Норвежцы,
- 9) Испанцы и 10) Французы.

Первыя восемь книгъ допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ названныхъ *десяти* выпускахъ это изданіе закончено, такъ какъ вышепоименованныя книги даютъ описаніе наиболѣе характерныхъ народовъ Западной Европы.

Въ каждой книжкѣ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ» отъ 10-ти до 18-ти картинокъ, изображающихъ типы названныхъ народовъ. Картинки нарисованы художниками М. М. Васнецовымъ, Горнакомъ, Бухгольцемъ и другими. Цѣна каждой книжки 40 коп.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга **В. И. ВОДОВОЗОВА** «Разказы и стихотворенія для дѣтей». Содержаніе: разказы, стихотворенія, пословицы, поговорки, загадки, сказки и пьеса для домашняго дѣтскаго спектакля. Изданіе 3-е, дополненное. Цѣна въ папкѣ съ 40 картинками въ текстѣ—75 коп.

Допущена Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ.

Во всѣхъ книжн. магаз. продается книга **Е. Н. Водовозовой** «На Отдыхѣ», изданіе 2-е, дополненное. Съ 40 картинками. Цѣна въ папкѣ—85 коп.

Допущена учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученич. библ. низш. училищъ.

Складъ изданій у автора: С-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я лин., д. Шрейдера, № 11, кв. 15, **Елизавета Николаевна Водовозова**. Тутъ-же можно приобретать книги **В. И. Водовозова**. Книги продаются всѣмъ покупателямъ съ уступкою 30% съ cadaго экземпляра.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. Книга для первоначальнаго чтенія. Часть 1-ая. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія означенная книга допущена въ нынѣшнемъ 20-мъ ея изданіи къ класному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства Мин. Нар. Просвѣщенія. Ц. 45 к

2. Служащая ей объясненіемъ Книга для учителей. Изд. 5-е, одобрено Ученымъ Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія. Ц. 60 коп.

Объ книги, г-е. «Книга для первоначальнаго чтенія» и «Книга для учителей», удостоились *трехъ наградъ*: 1) отъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества *преміи* въ память К. Д. Ушинскаго; 2) *большой золотой медали* отъ Вольнаго Экономическаго Общества и 3) *золотой медали* отъ Ученаго Комитета Министерства Госуд. Имуществъ.

3. Разказы и стихотворенія для дѣтей Изд. 3-е, дополненное. Содержаніе: разказы, сказки, лѣсни, стихотворенія, пословицы, загадки, поговорки и пьеса для домашняго дѣтскаго спектакля. Цѣна книги въ папкѣ, съ 40 картинками въ текстѣ—75 коп.

4. Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Изд. 2-е. Ц. 70 к

5. Словесность въ образцахъ и разборахъ. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 25 коп.

6. Новая русская литература (отъ Жуковского до Гоголя включительно). Изд. 6-е. Ц. 1 р. 25 к.

7. Русскія сказки въ стихахъ (для дѣтей), съ картинками и въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.

8. Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Переводы изъ Сафо, Анакреона, Пиндара, Софокла (драмы: Эдипъ въ Колонѣ и Антигона), Еврипида (драма Ифигенія въ Авлидѣ), Катулла, Горация, Гёте (драма Ифигенія въ Тавридѣ), Байрона, Гейне (Германія), Беранже и оригинальныя посмертныя стихотворенія. 512 стр. Ц. 1 р. 50 к.

9. Разказы изъ русской исторіи. Выпускъ 1-й. Изданіе 11-ое. Содержаніе: Разказы изъ лѣтописи Нестора.—Слово о полку Игоревѣ—Нашествіе Батя на Русскую землю.—Александръ Невскій и Дмитрій Донской.—Народныя былины—Великій Новгородъ.—Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III.—Іоаннъ III и сынъ его Василій—Смерть Василя III. Ц. книги 40 к.

10. Разказы изъ русской исторіи. Выпускъ 2-й. Изданіе 9-е. Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго.—Сильвестръ и Адашевъ.—Опричина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ.—Домострой.—Образованіе и бытъ народа.—Федоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Цѣна книги 60 к. *Оба выпуска «Разказовъ изъ Рус. Исторіи»* допущены Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднеучебныхъ заведеній, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ вѣдомства Министерства Нар. Просвѣщенія и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

11. Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. 3-е изданіе. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Допетровская Русь.—Переходное время.—(Патріархъ Никонъ и Крижаничъ, Западно-русскіе ученые и начало раскола).—Царствованіе Петра Великаго.—Царствованіе Екатерины 1-й, Петра II и Анны Іоанновны.—Царствованіе Елизаветы Петровны.—Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I-го.—Петръ III и Екатерина II.—Царствованіе Екатерины II.—Императоръ Павелъ I и его время. Книга эта Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библиотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. Семеvскаго:

1. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I. (53+517 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р. (Подготовка паденія крѣпостного права въ XVIII и первой четверти XIX в.).

2. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. II. (625 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р. (Подготовка паденія крѣпостного права въ царствованіе императора Николая I).

3. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Томъ I. (LXXXIV+574 стр.). Спб., 1898. Ц. 3 р.

4. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. II. (914 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р.

5. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Биографическій очеркъ, съ портретомъ. 1888 г. (169+VIII стр.). Ц. 50 к.

6. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. I, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1903. (XXXVII+643 стр.). (Введеніе. Помѣщики и крѣпостные крестьяне. Поссесіонные крестьяне).

7. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. II. (XL+865 стр.). Спб., 1901 г. Ц. 5 р. (Крестьяне дворцоваго вѣдомства. Крестьяне церковныхъ вотчинъ. Государственные крестьяне. Олнодворцы и старыхъ службъ служилые люди. Ямщики. Обѣльные вотчинники и крестьяне).

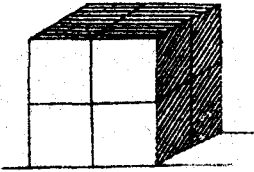
8. Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ. (Петрашевы). 1905 г. Ц. 15 к. (Изданіе Н. Парамонова «Донская Рѣчь»).

9. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. 1906. Ц. 20 к. Изд. Н. Парамонова «Донская Рѣчь».

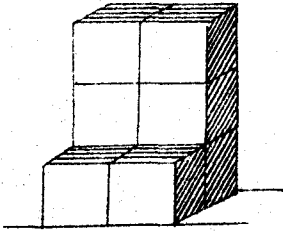
Складъ книгъ: №№ 1 и 2 находится въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, бывш. Мелье, Невскій просп., № 20; книгъ №№ 3, 4, 6 и 7 въ книжномъ складѣ Стасюлевича, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28; книгъ №№ 8 и 9 въ книжномъ складѣ книгоиздательства «Донская Рѣчь», въ С.-Петербургѣ, Лиговка, д. № 44, кв. 22 и въ Ростовѣ на Дону, Казанская ул., д. 42 и книги № 5 у автора, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 2 линія, д. 11, кв. 15.

T. I.

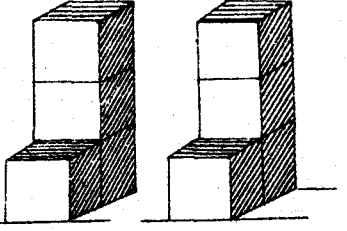
1.

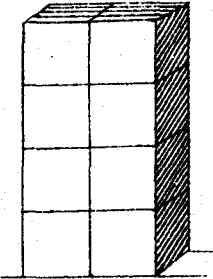
2.

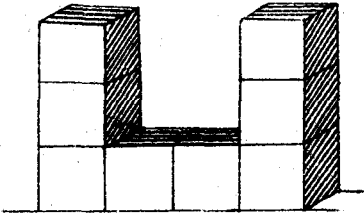
3.

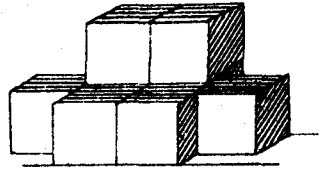
5.

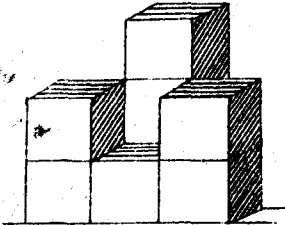
4.

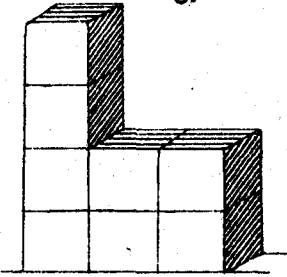
6.

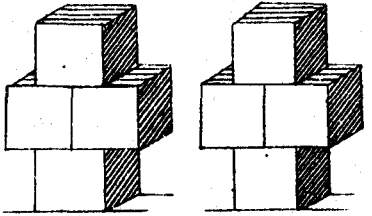
7.

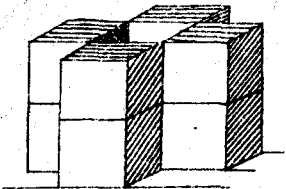
8.

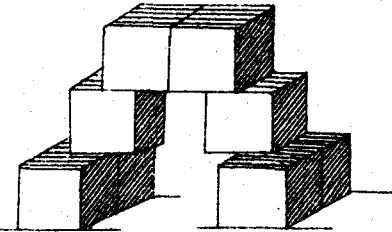
9.

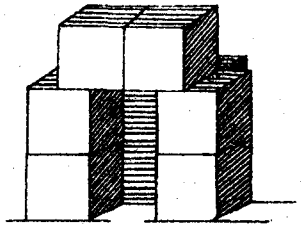
10.

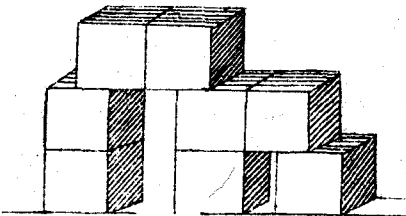
11.

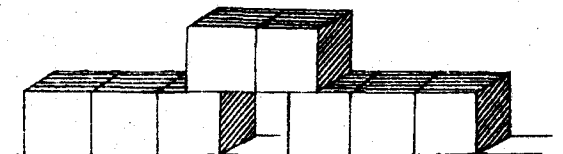
12.

13.

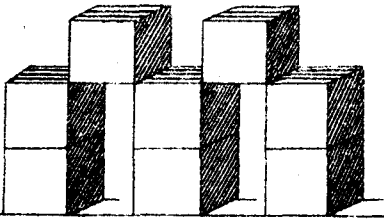

14.

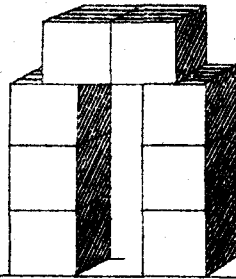

T. II.

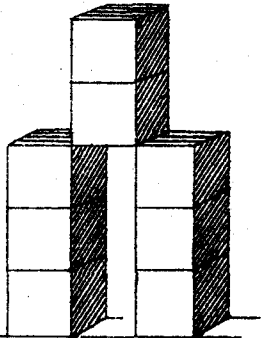
1.

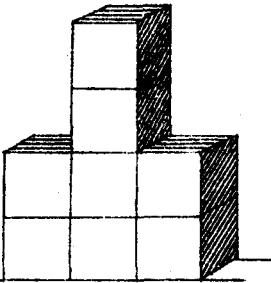
2.

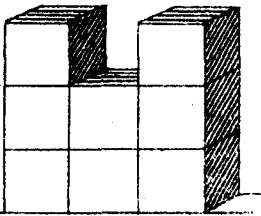
3.

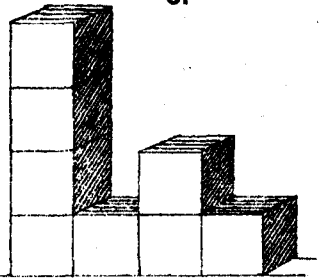
4.

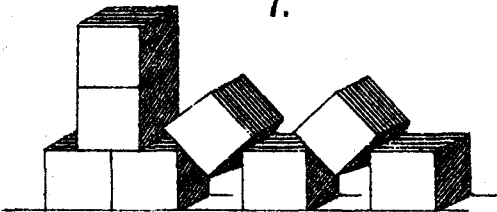
5.

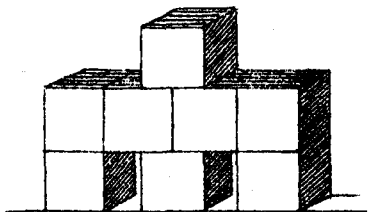
6.

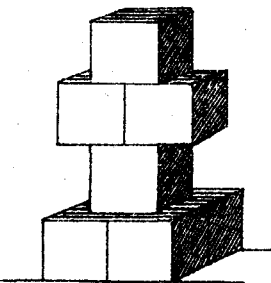
7.

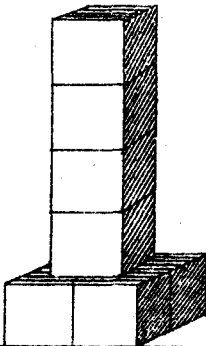
8.

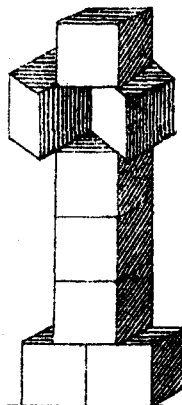
9.

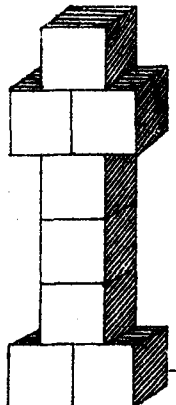
10.

11.

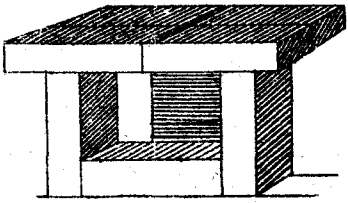

12.

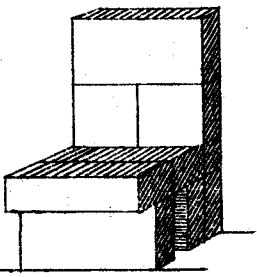

T. III.

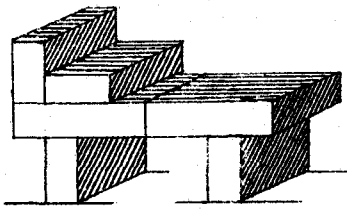
1.

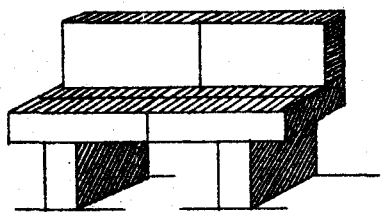
2.

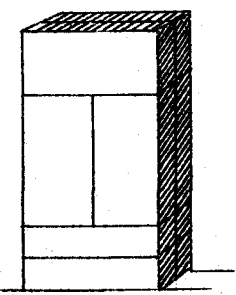
3.

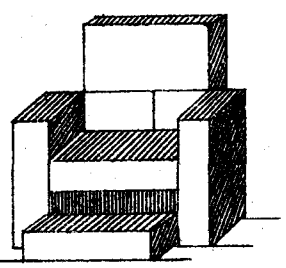
4.

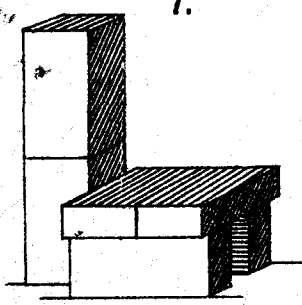
5.

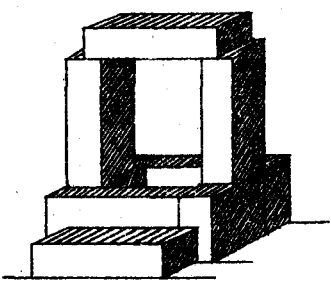
6.

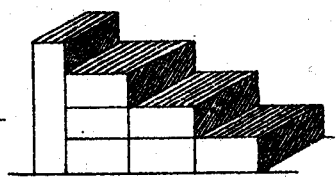
7.

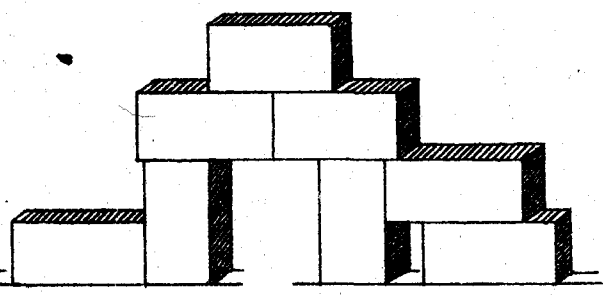
8.

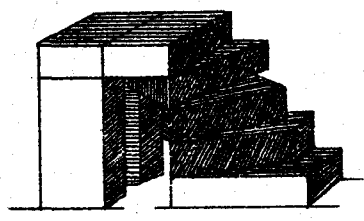
9.

10.

11.

T. IV.

1.

2.

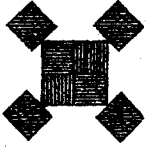
3.

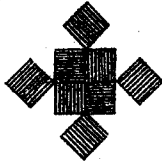
4.

5.

6.

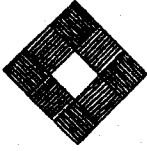
7.

8.

9.

10.

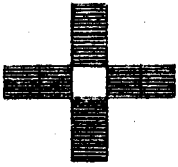
11.

12.

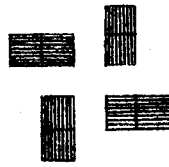
13.

14.

15.

16.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

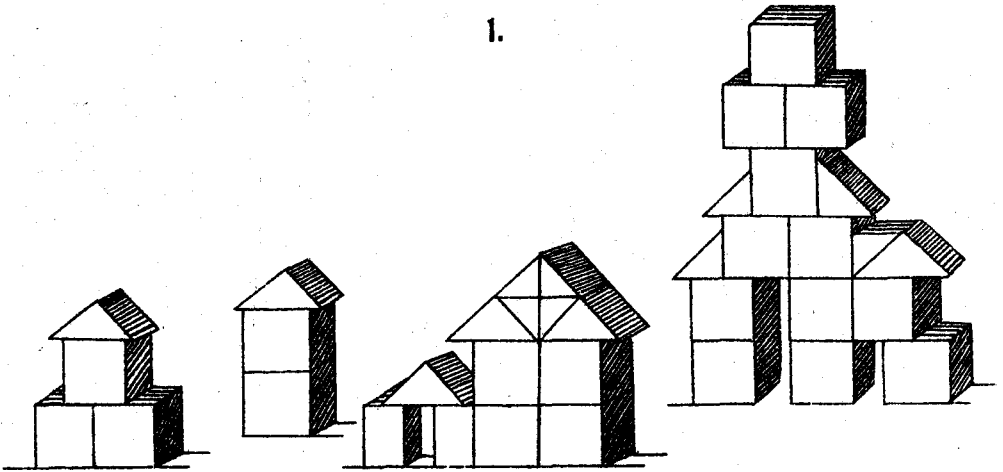

12.

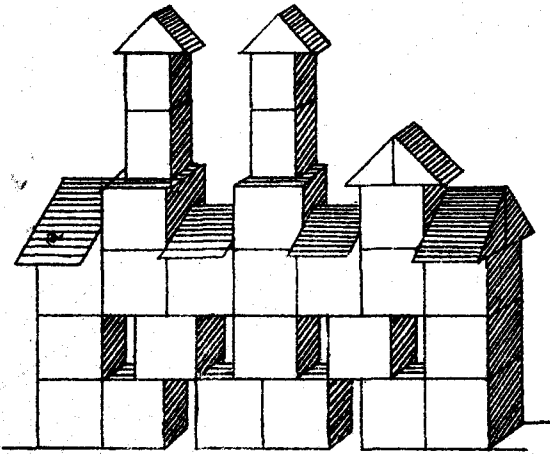

T. V.

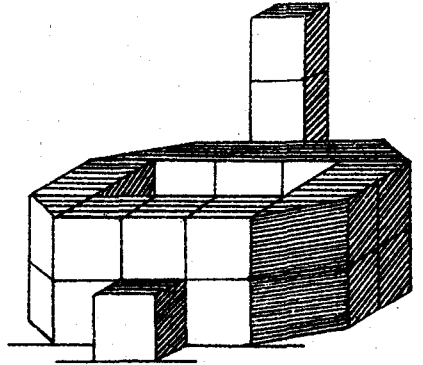
1.

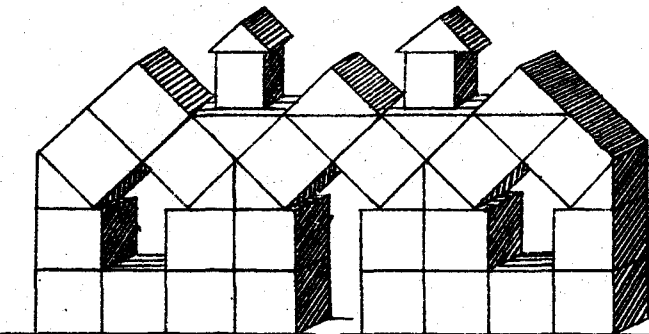
2.

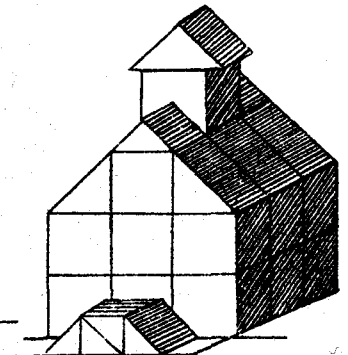
3.

4.

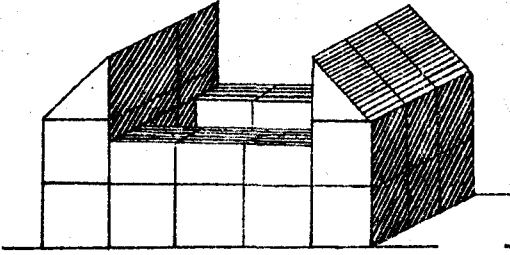

5.

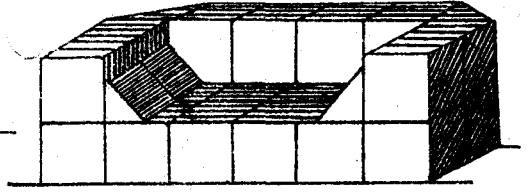

T. VI.

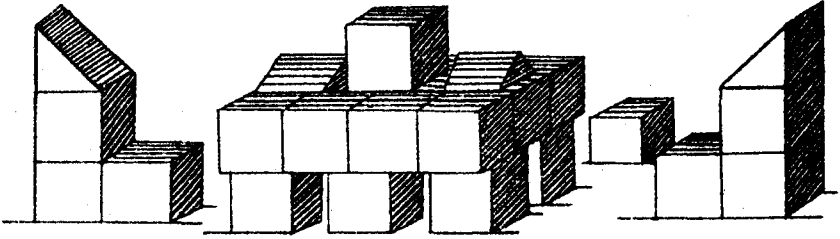
8.

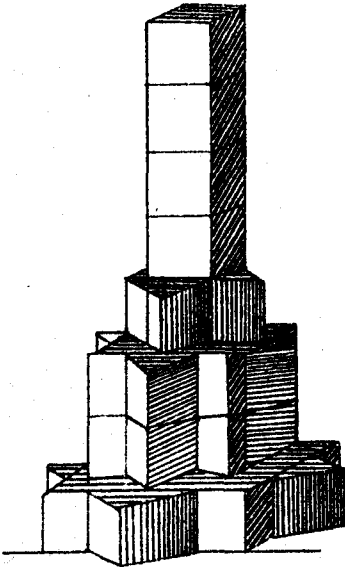
9.

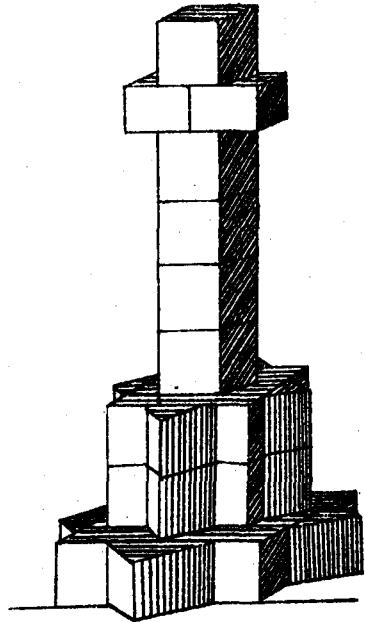
10.

6.

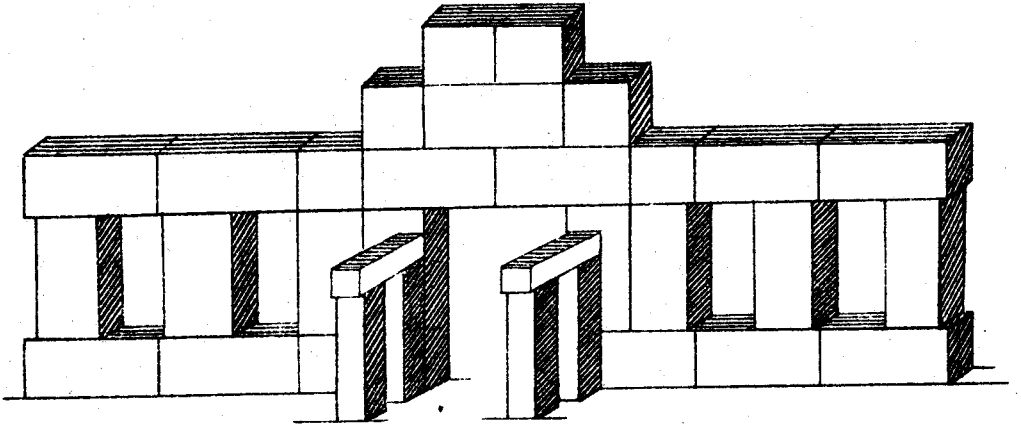

7.

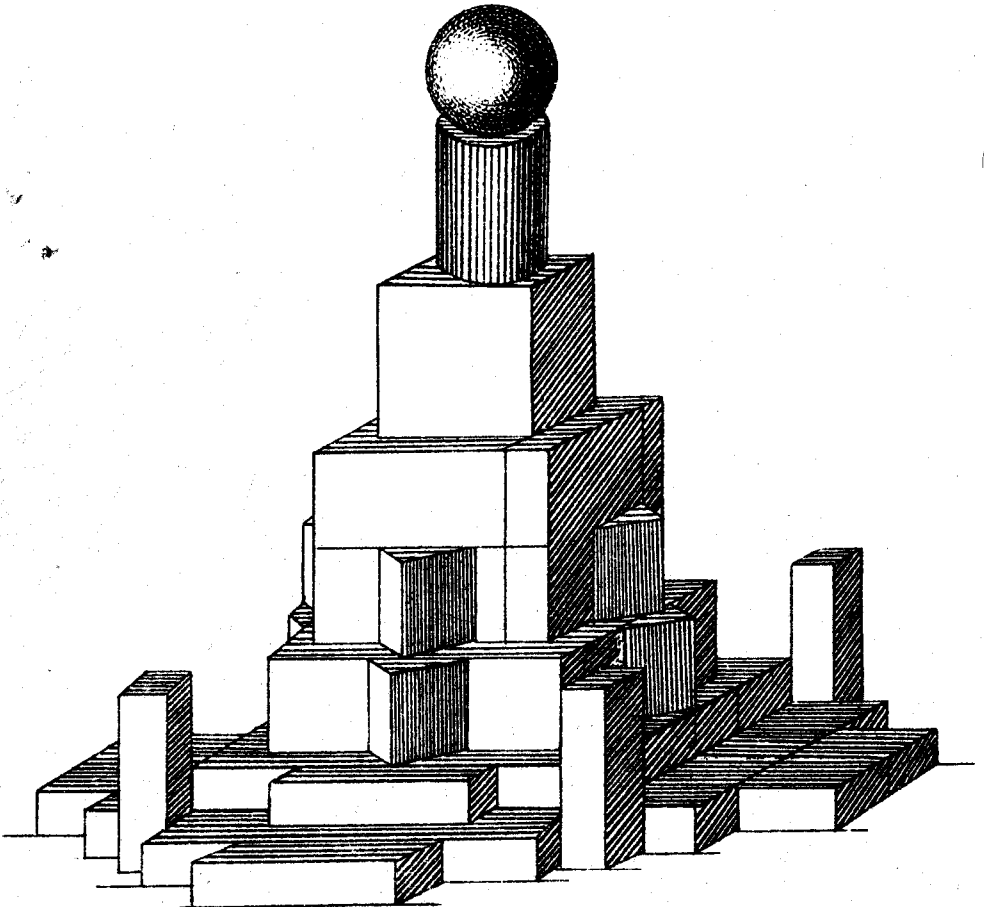

T. VII.

1.

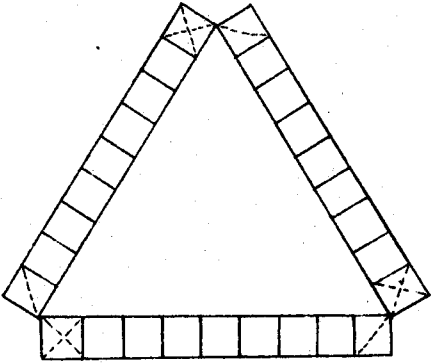

2.

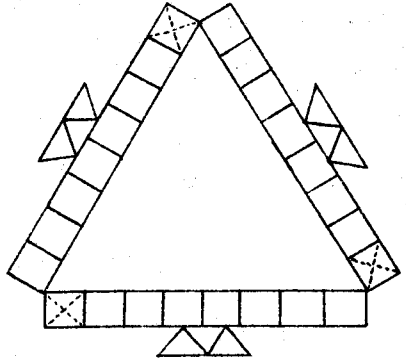

T. VIII.

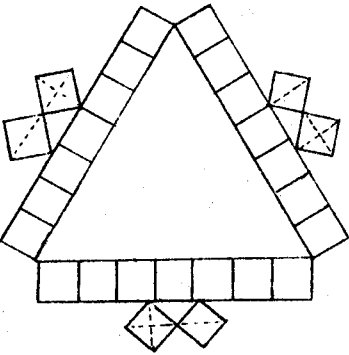
1.

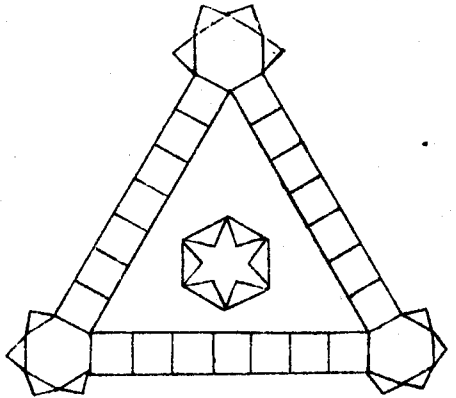
2.

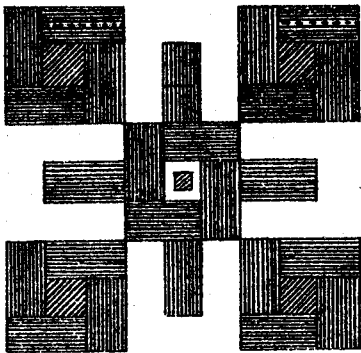
3.

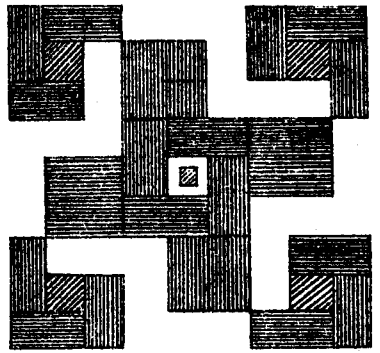
4.

1.

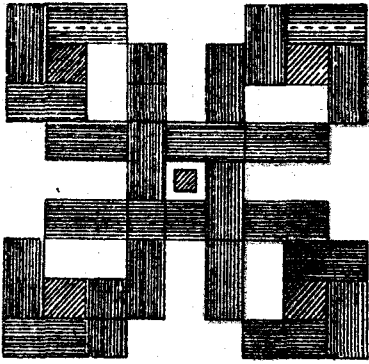

2.

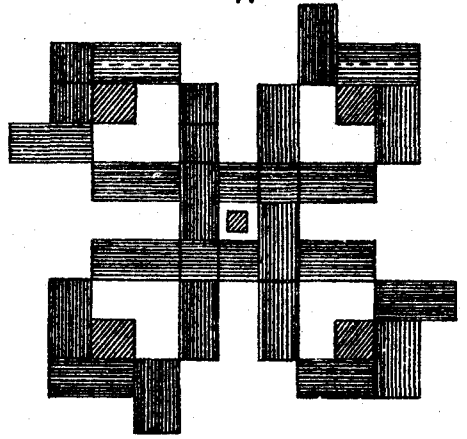

T. IX.

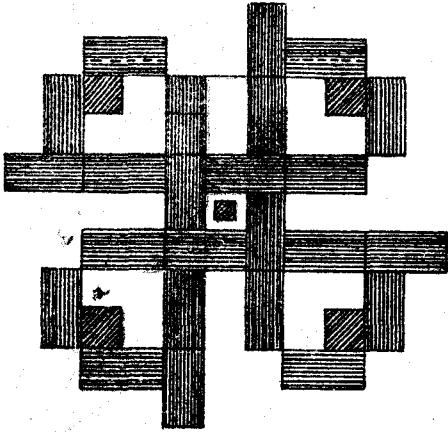
3.

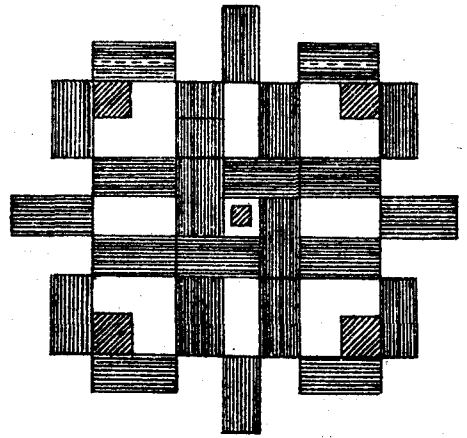
4.

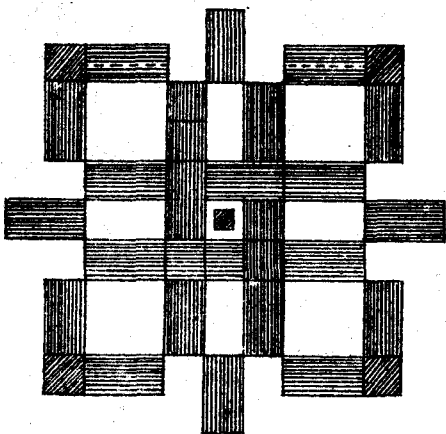
5.

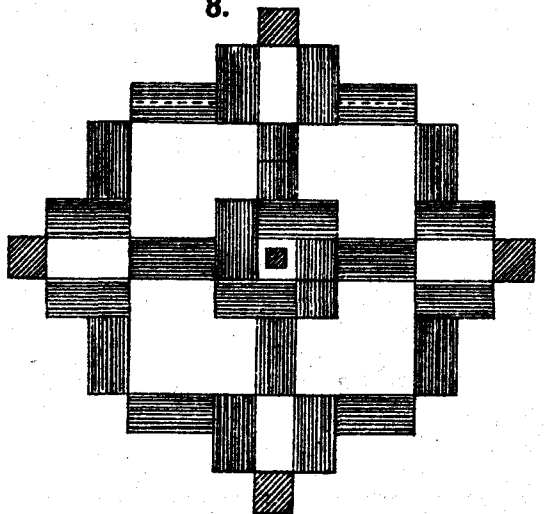
6.

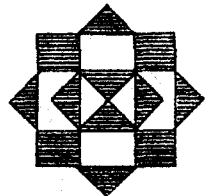
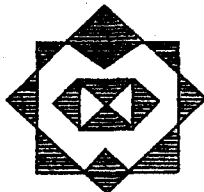
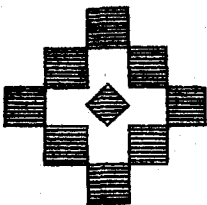
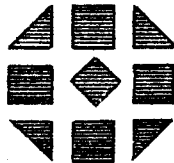
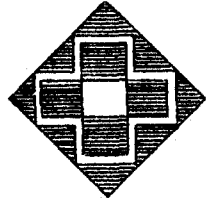
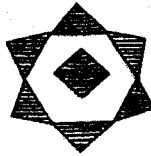
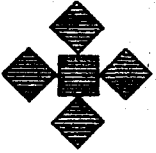
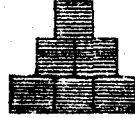

7.

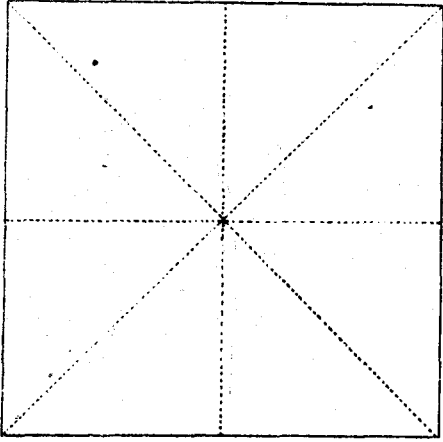
8.

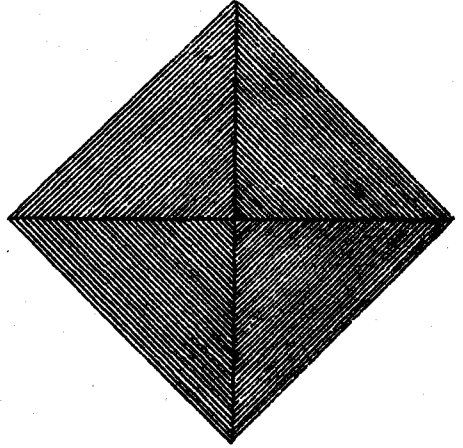

T. XI.

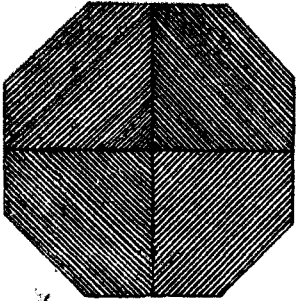
1.

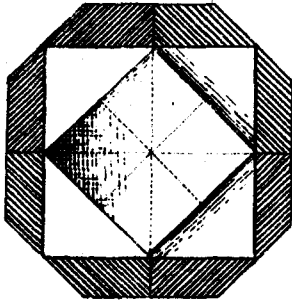
2.

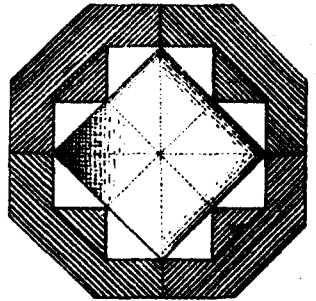
3.

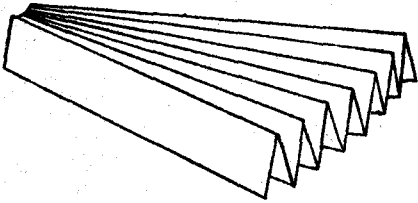
4.

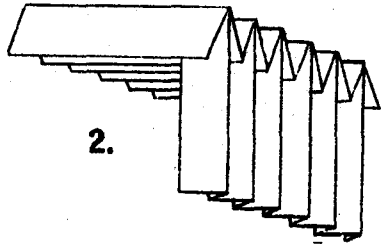
5.

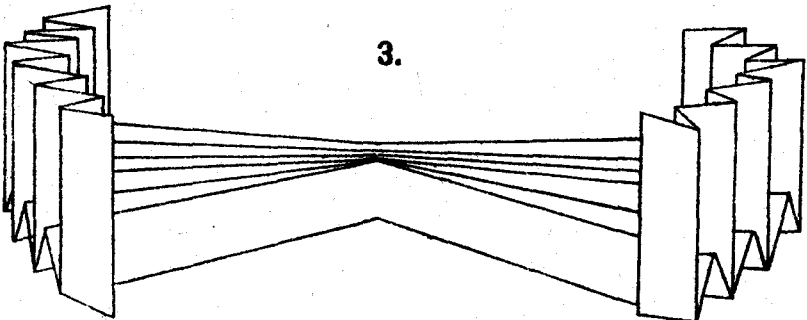
1.

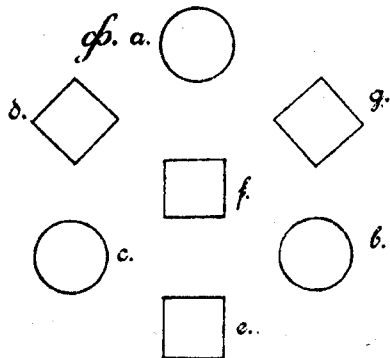
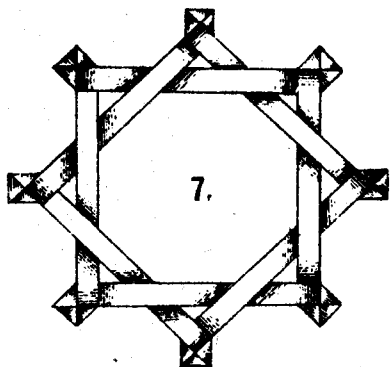
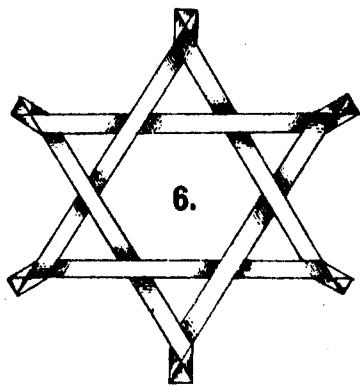
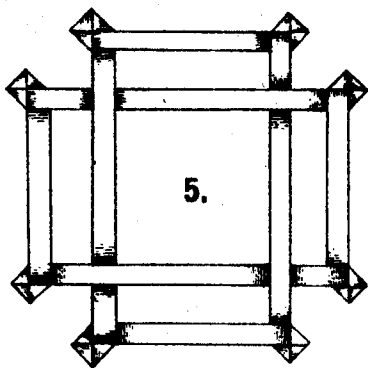
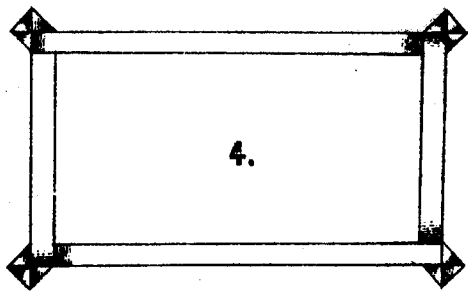
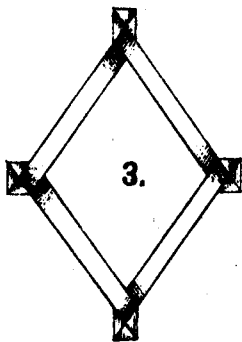
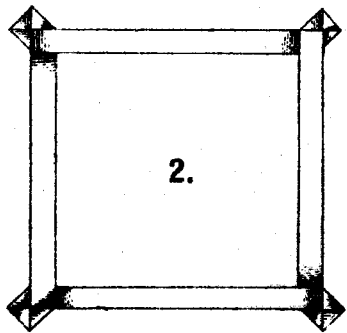
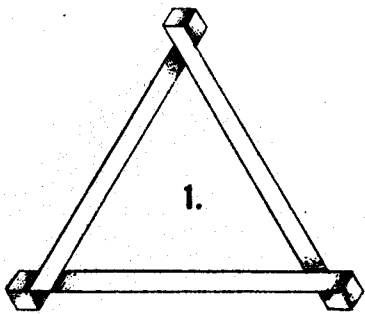
2.

3.

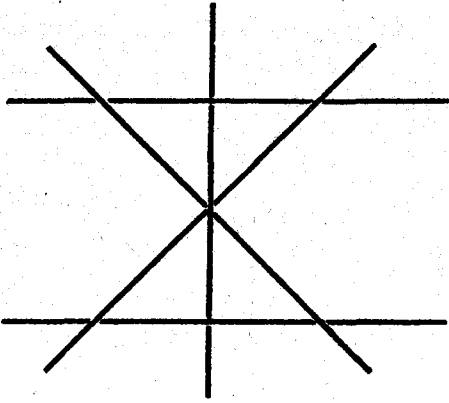

T. XII.

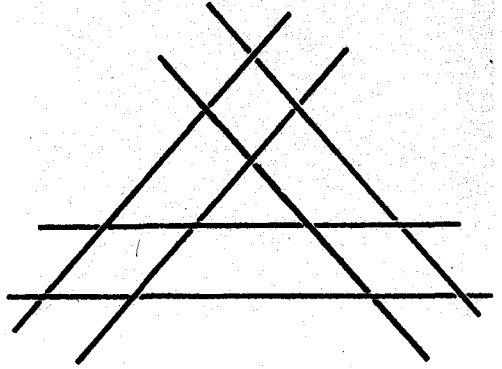

T. XIII.

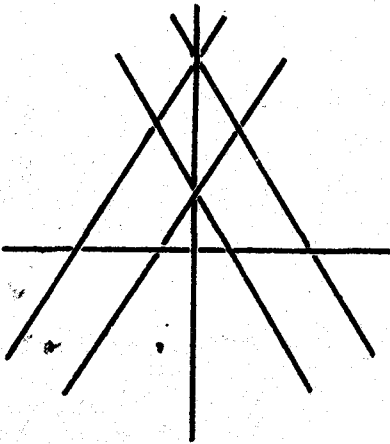
1.

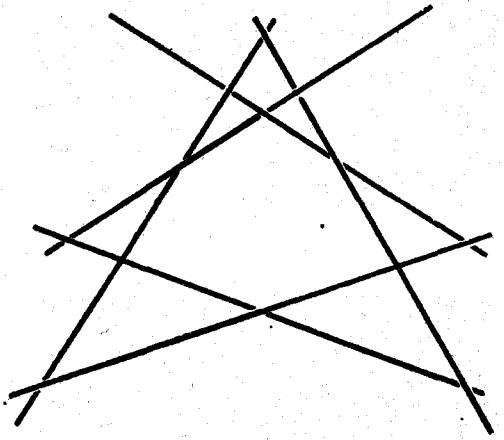
2.

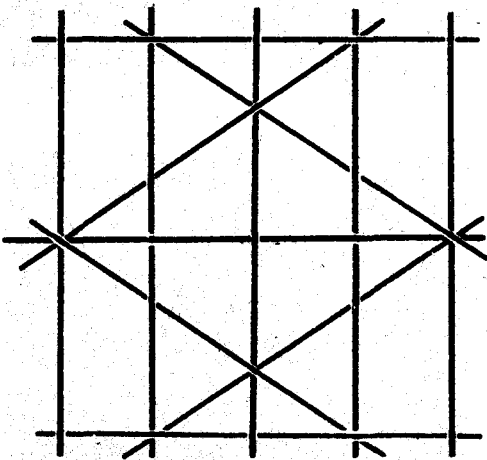
3.

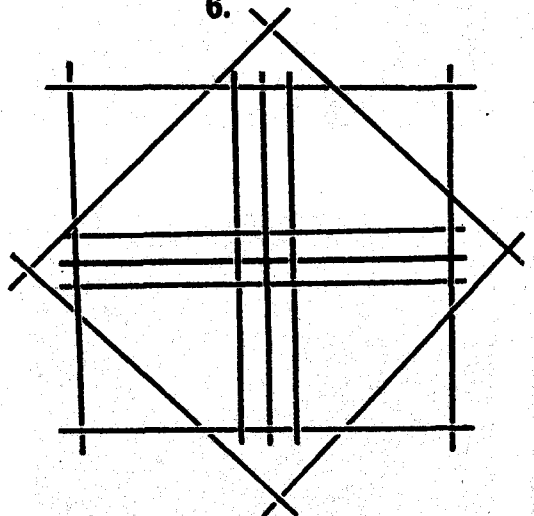
4.

5.

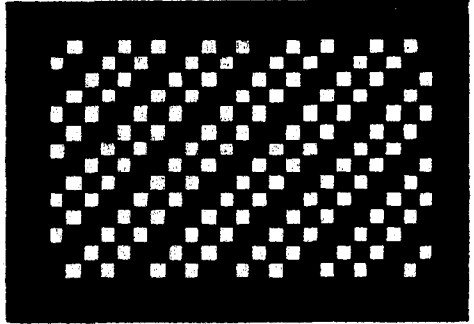
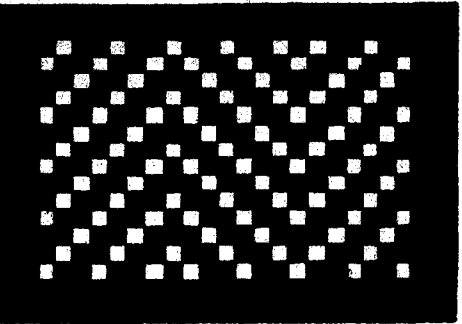
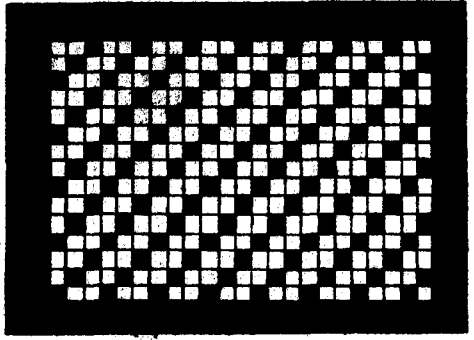
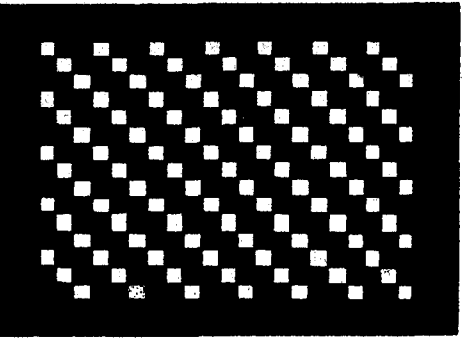
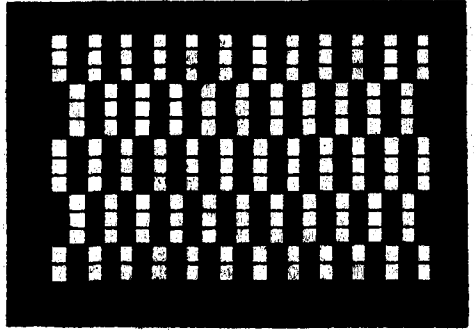
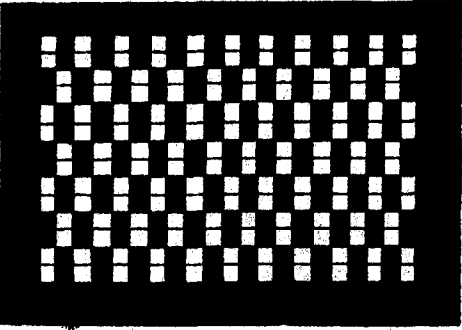
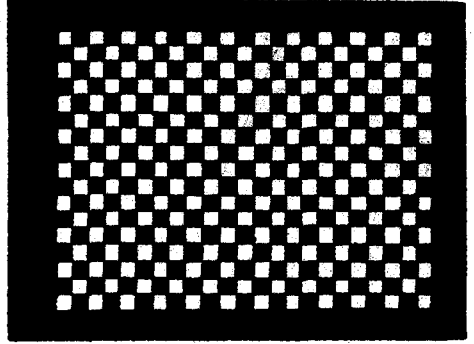
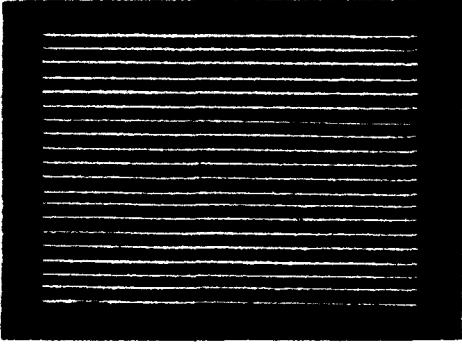

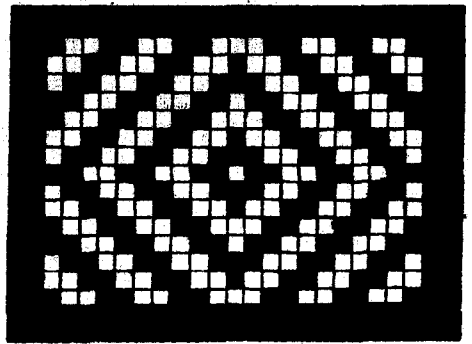
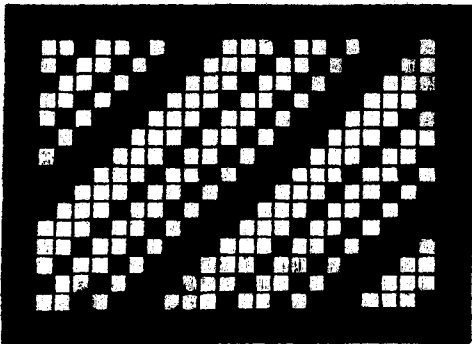
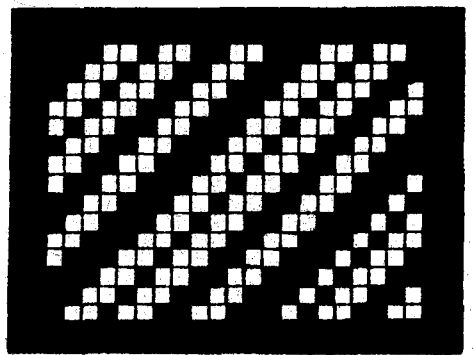
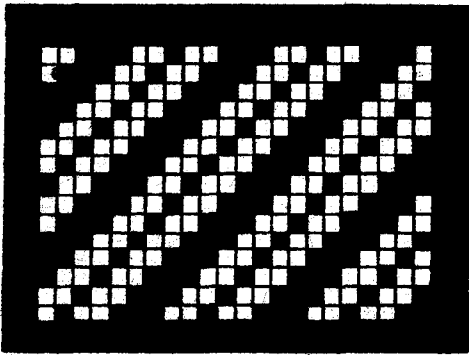
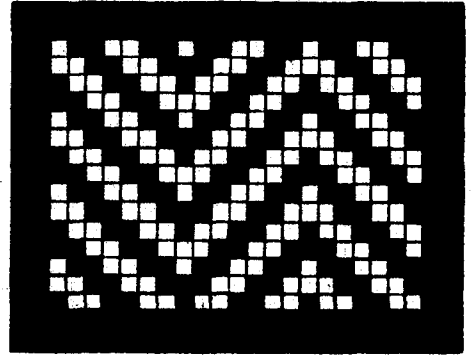
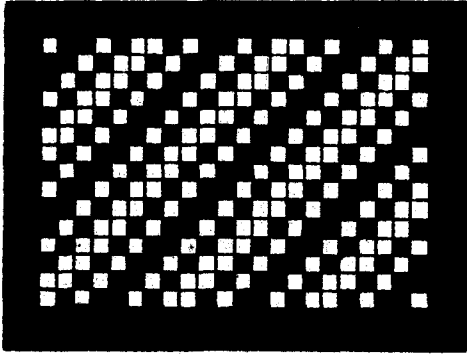
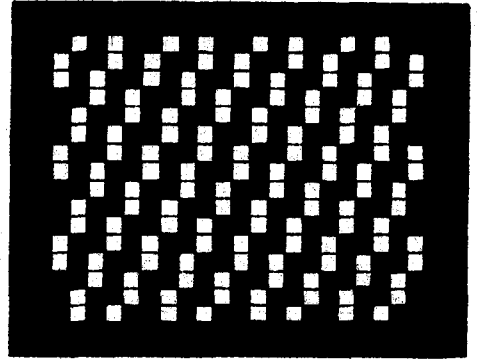
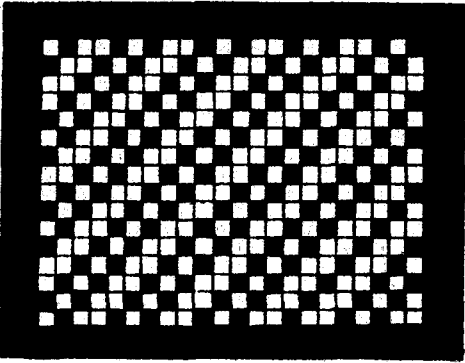
6.

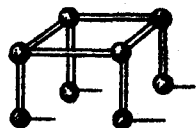
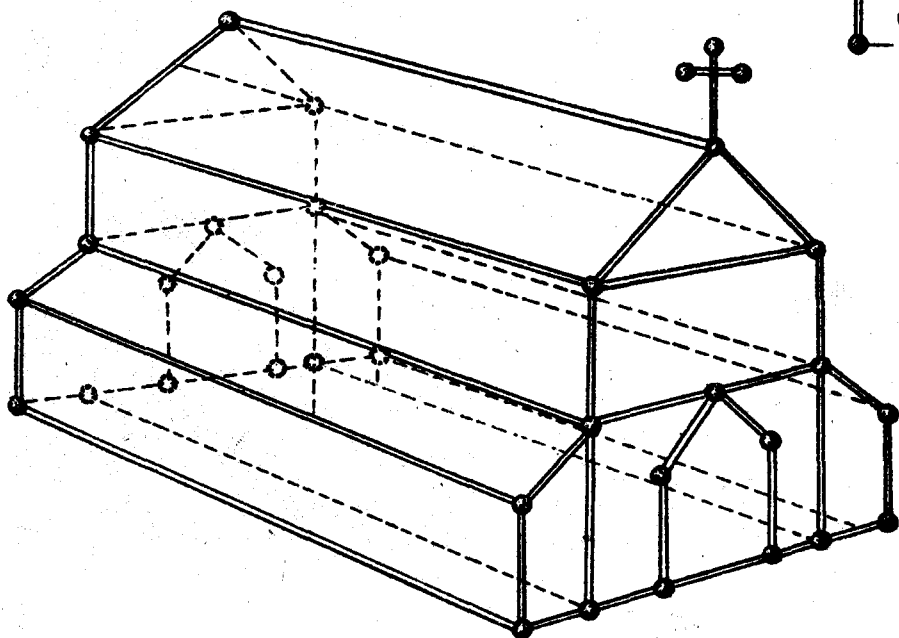
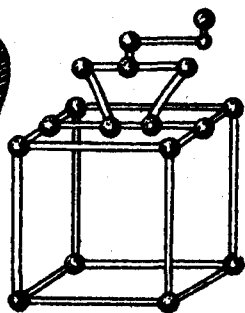
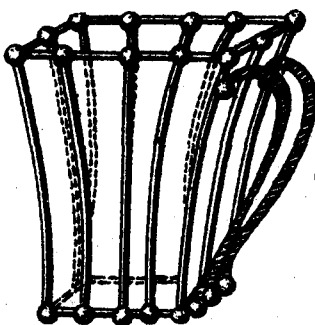
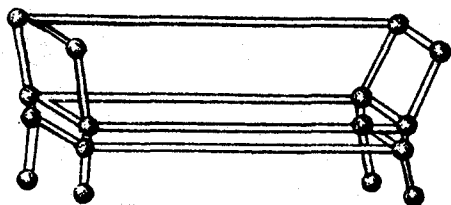
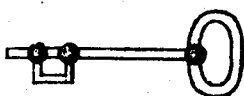
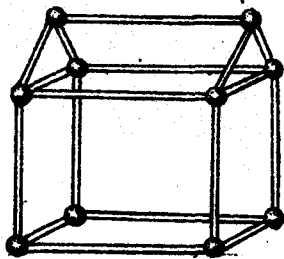
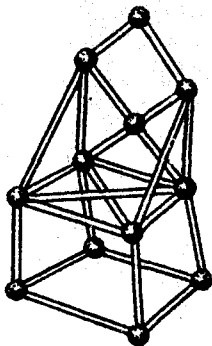
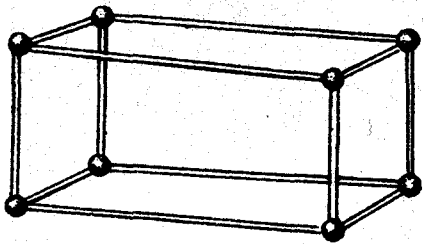
T. XIV.

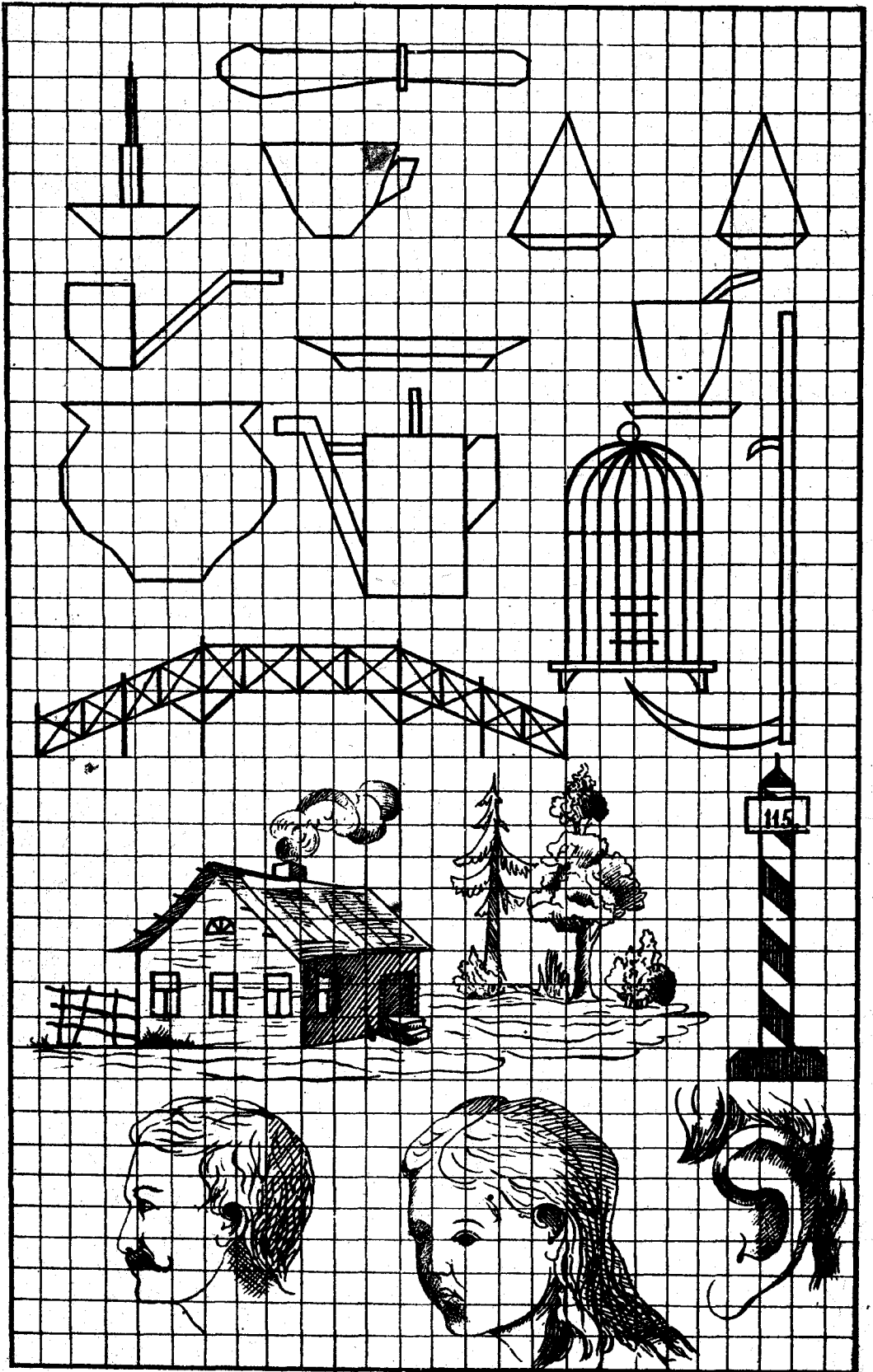
A.

T. XVI.

T. XXIV.

